

ISSN 2409-8698

www.aurora-group.eu
www.nbpublish.com

Litera

AURORA Group s.r.o.
nota bene

Выходные данные

Номер подписан в печать: 04-01-2025

Учредитель: Даниленко Василий Иванович, w.danilenko@nbpublish.com

Издатель: ООО <НБ-Медиа>

Главный редактор: Юхнова Ирина Сергеевна, доктор филологических наук,
yuhnova1@mail.ru

ISSN: 2409-8698

Контактная информация:

Выпускающий редактор - Зубкова Светлана Вадимовна

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Почтовый адрес редакции: 115114, г. Москва, Павелецкая набережная, дом 6А, офис 211.

Библиотека журнала по адресу: http://www.nbpublish.com/library_tariffs.php

Publisher's imprint

Number of signed prints: 04-01-2025

Founder: Danilenko Vasiliy Ivanovich, w.danilenko@nbpublish.com

Publisher: NB-Media ltd

Main editor: Yukhnova Irina Sergeevna, doktor filologicheskikh nauk, yuhnova1@mail.ru

ISSN: 2409-8698

Contact:

Managing Editor - Zubkova Svetlana Vadimovna

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Address of the editorial board : 115114, Moscow, Paveletskaya nab., 6A, office 211 .

Library Journal at : http://en.nbpublish.com/library_tariffs.php

Редакционный совет

Шукуров Дмитрий Леонидович - доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры истории и культурологии ФГБОУ ВО "Ивановский государственный химико-технологический университет". E-mail: shoudmitry@yandex.ru

Куделин Александр Борисович — академик Российской академии наук, заместитель академика-секретаря Отделения историко-филологических наук РАН, директор Института мировой литературы имени М. Горького РАН, член Европейской ассоциации арабистов и исламоведов. 121069, Россия, г. Москва, Поварская, 25а.

Лободанов Александр Павлович — доктор филологических наук, профессор, декан Факультета искусств Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. 125009, Россия, г. Москва, ул. Б. Никитская, 3 строение 1.

Герра Ренэ — доктор филологических наук, профессор Университета Ниццы, почетный академик Российской академии художеств, создатель и руководитель Ассоциации по сохранению русского культурного наследия во Франции (г. Ницца, Франция). 24, Avenue des Diabls Bleus, 06101 Nice, France.

Строев Александр Федорович — доктор филологических наук, заведующий кафедрой сравнительного литературоведения Университета Париж-III (Новая Сорбонна) (Париж, Франция) IRCAV/Sorbonne Nouvelle, 13 rue Santeuil, 75005 Paris, France.

Гусейнов Малик Алиевич – доктор филологических наук, заведующий отделом литературы, Институт языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы Дагестанского научного центра Российской академии наук, 367025, г. Махачкала, ул. М. Гаджиева, 45, malik60@list.ru

Тимошук Алексей Станиславович – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Владимирского юридического института ФСИН России, 600020, Владимир, ул. Большая Нижегородская, 67-е, human@vui.vladinfo.ru

Федоровская Наталья Александровна – доктор искусствоведения, доцент, директор департамента искусств и дизайна Дальневосточного федерального университета, 690091, г. Владивосток, о. Русский, пос. Аякс, кампус Дальневосточного федерального университета, корп. G, ауд. 357, fedorovskaya.na@dvfu.ru

Ирхен Ирина Игоревна – доктор культурологии, доцент, Академия русского балета им. А.Я. Вагановой, профессор кафедры философии, истории и теории искусства, заведующая аспирантурой, 191023, г. Санкт-Петербург, ул.Зодчего Росси, 2 irkhen67@gmail.com

Тищенко Наталья Викторовна – доктор культурологии, ФГБОУ ВО «Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А.», профессор кафедры истории Отечества и культуры, 410004 г. Саратов, ул. Политехническая, 17, mihailovan@inbox.ru

Смирнов Алексей Викторович – доктор философских наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, 199034, г. Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 5, darapti@mail.ru

Ковалева Светлана Викторовна – доктор философских наук, доцент, Костромской государственный университет, профессор кафедры философии, культурологии и

социальных коммуникаций, 156005, г. Кострома, ул. Дзержинского, 17, cultural@kstu.edu.ru

Жиртуева Наталья Сергеевна – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры «Политология и международные отношения», Институт общественных наук и международных отношений, Севастопольский государственный университет, г. Севастополь, ул. Университетская, 33, zhr_nata@bk.ru

Гиренок Федор Иванович — доктор философских наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой философской антропологии и комплексного изучения человека Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

Губман Борис Львович — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой Тверского государственного университета.

Кофман Андрей Фёдорович — доктор филологических наук, заведующий отделом литератур стран Европы и Америки Учреждения Российской академии наук Института мировой литературы РАН им. А.М. Горького.

Лекторский Владислав Александрович — доктор философских наук, профессор, академик Российской академии наук, заведующий сектором теории познания Учреждения Российской академии наук Института философии РАН.

Неретина Светлана Сергеевна — доктор философских наук, главный научный сотрудник Учреждения Российской академии наук Института философии РАН.

Разлогова Елена Эмильевна — доктор филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского вычислительного центра МГУ им. М. В. Ломоносова

Резник Юрий Михайлович — доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Учреждения Российской академии наук Института философии РАН, шеф-редактор журнала «Личность. Культура. Общество».

Россиус Андрей Александрович — доктор филологических наук, профессор кафедры классической филологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, и.о. главного научного сотрудника Учреждения Российской академии наук Института философии РАН.

Смирнов Андрей Вадимович — доктор философских наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, заведующий сектором философии исламского мира, заместитель директора Учреждения Российской академии наук Института философии РАН.

Чумаков Александр Николаевич — доктор философских наук, профессор, Первый вице-президент Российского философского общества

Вартанова Елена Леонидовна — доктор филологических наук, профессор, декан факультета журналистики Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, президент НАММИ.

Гирин Юрий Николаевич - доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, ИМЛИ РАН.

Безруков Андрей Николаевич - кандидат филологических наук, доцент, Башкирский государственный университет (Бирский филиал).

Бичарова Мария Михайловна - кандидат филологических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин и английского языка, Каспийский институт морского и речного

транспорта.

Воробей Инна Александровна - кандидат филологических наук, доцент, кафедра немецкого языка, БУ ВО ХМАО - Югры "Сургутский государственный университет".

Зыкин Алексей Владимирович - кандидат филологических наук, доцент, кафедра иностранных языков, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Санкт-Петербургский государственный аграрный университет.

Левит Светлана Яковлевна — ведущий научный сотрудник отдела культурологии ИНИОН РАН, кандидат философских наук, главный редактор, руководитель и автор проектов «Лики культуры», «Российские Пропилеи», «Книга света», «Summa culturologiae», «Humanitas», «Зерно вечности», «Культурология. XX век», «Письмена времени», а также энциклопедий по культурологии и истории культуры.

Козлов Михаил Николаевич - доктор исторических наук, профессор, кафедра "Исторические, философские и социальные науки", Севастопольский государственный университет.

Тищенко Наталья Викторовна – доктор культурологии, ФГБОУ ВО «Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А.», профессор кафедры истории Отечества и культуры, 410004 г. Саратов, ул. Политехническая, 17, mihailovan@inbox.ru

Кьоцци Паоло — профессор факультета этнологии и антропологии Флорентийского университета (г. Флоренция, Италия). Università degli Studi di Firenze - P.zza S.Marco, 4 - 50121 Firenze – Centralino, Italy.

Ершова Галина Гавриловна — доктор исторических наук, профессор, директор Научно-исследовательского мезоамериканского центра имени Ю. В. Кнорозова Российского государственного гуманитарного университета, директор по науке и культуре Российско-мексиканского культурного центра (г. Мерида, Мексика). 125993, Россия, ГСП-3, г. Москва, ул.Чаянова, 15.

Жидков Владимир Сергеевич — доктор искусствоведения, профессор, научный сотрудник Государственного института искусствознания. 125009, Россия, г. Москва, Козицкий переулок, 5.

Леняшин Владимир Алексеевич — академик и член Президиума Российской академии художеств, доктор искусствоведения, профессор, заведующий отделом живописи второй половины XIX – начала XXI вв. Государственного Русского музея, заслуженный деятель искусств РСФСР. 191011, Россия, г. Санкт-Петербург, Инженерная улица, 4/2.

Вздорнов Герольд Иванович — член-корреспондент Российской академии наук, доктор искусствоведения, главный научный сотрудник Государственного научно-исследовательского института реставрации. 107114, Россия, г. Москва, ул. Гастелло, 44.

Дмитренко Татьяна Алексеевна — доктор педагогических наук, профессор. профессор кафедры методики преподавания иностранных языков Московского педагогического государственного университета. Индекс Хирша по РИНЦ = 6 Академик Международной академии наук педагогического образования

Дергачёва Ирина Владимировна - доктор филологических наук, профессор кафедры

"Лингводидактика и МКК", декан факультета "Иностранные языки" Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования "Московский государственный психолого-педагогический университет" 121500, Москва, ул. Василия Боталёва, 31 dergachevaiv@mgppu.ru главный редактор электронного международного научного журнала «Язык и текст»

Бережная Наталья Викторовна - доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и методологии науки Южно-Российского института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при президенте Российской Федерации. E-mail : rassgd@yandex.ru

Прохоров Михаил Михайлович - доктор философских наук, профессор, профессор кафедры истории, философии, педагогики и психологии, Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет. 603950, Россия, г. Нижний Новгород, ул. Ильинская, дом 65. mmpro@mail.ru

Бурукина Ольга Алексеевна - кандидат филологических наук, доцент доцент Российского государственного гуманитарного университета, ст. исследователь Университета Вааса, Финляндия. 125993, ГСП-3, Москва, Миусская площадь, д. 6 obur@mail.ru

Шагбанова Хабиба Садыровна - доктор филологических наук, профессор кафедры философии, иностранных языков и гуманитарной подготовки сотрудников органов внутренних дел, Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России; 625049, Россия, г. Тюмень, ул. Амурская, д. 75, khabiba_shagbanova@list.ru

Editorial collegium

Dmitry Leonidovich Shukurov - Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of History and Cultural Studies of the Ivanovo State University of Chemical Technology. E-mail: shoudmitry@yandex.ru

Kudelin Alexander Borisovich — Academician of the Russian Academy of Sciences, Deputy Academician-Secretary of the Department of Historical and Philological Sciences of the Russian Academy of Sciences, Director of the Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, member of the European Association of Arabists and Islamic Scholars. 25a Povarskaya Street, Moscow, 121069, Russia.

Lobodanov Alexander Pavlovich — Doctor of Philology, Professor, Dean of the Faculty of Arts of Lomonosov Moscow State University. 125009, Russia, Moscow, B. Nikitskaya str., 3 building 1.

Guerra Rene is a Doctor of Philology, Professor at the University of Nice, Honorary Academician of the Russian Academy of Arts, founder and head of the Association for the Preservation of Russian Cultural Heritage in France (Nice, France). 24, Avenue des Diables Bleus, 06101 Nice, France.

Stroev Alexander Fedorovich — Doctor of Philology, Head of the Department of Comparative Literature of the University of Paris-III (New Sorbonne) (Paris, France) IRCAV/Sorbonne Nouvelle, 13 rue Santeuil, 75005 Paris, France.

Huseynov Malik Alievich – Doctor of Philology, Head of the Literature Department, Institute of Language, Literature and Art named after G. Tsadasa Dagestan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, 367025, Makhachkala, M. Gadzhieva str., 45, malik60@list.ru

Timoshchuk Alexey Stanislavovich – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines of the Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, 600020, Vladimir, Bolshaya Nizhegorodskaya str., 67th, human@vui.vladinfo.ru

Natalia Fedorovskaya – Doctor of Art History, Associate Professor, Director of the Department of Art and Design of the Far Eastern Federal University, 690091, Vladivostok, Russian Island, village Ajax, campus of the Far Eastern Federal University, bldg. G, room 357, fedorovskaya.na@dvfu.ru

Irhen Irina Igorevna – Doctor of Cultural Studies, Associate Professor, Vaganova Academy of Russian Ballet, Professor of the Department of Philosophy, History and Theory of Art, Head of Graduate School, St. Petersburg, 191023, Architect Rossi str., 2 irkhen67@gmail.com

Tishchenko Natalia Viktorovna – Doctor of Cultural Studies, Saratov State Technical University named after Gagarin Yu.A., Professor of the Department of History of Patronymic and Culture, Saratov, 410004, Politechnicheskaya str., 17, mihailovan@inbox.ru

Smirnov Alexey Viktorovich – Doctor of Philosophy, Associate Professor, St. Petersburg State University, 199034, St. Petersburg, Mendelevskaya line, 5, darapti@mail.ru

Svetlana V. Kovaleva – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Kostroma State University, Professor of the Department of Philosophy, Cultural Studies and Social Communications, 17 Dzerzhinskiy Str., Kostroma, 156005, cultural@kstu.edu.ru

Zhirtueva Natalia Sergeevna – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the

Department of Political Science and International Relations, Institute of Social Sciences and International Relations, Sevastopol State University, Sevastopol, Universitetskaya str., 33, zhr_nata@bk.ru

Fyodor Ivanovich Girenok — Doctor of Philosophy, Professor, Deputy Head of the Department of Philosophical Anthropology and Complex Human Studies of Lomonosov Moscow State University.

Gubman Boris Lvovich — Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Tver State University.

Andrey F. Kofman — Doctor of Philology, Head of the Department of European and American Literatures of the Russian Academy of Sciences Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences named after A.M. Gorky.

Lecturer Vladislav Alexandrovich — Doctor of Philosophy, Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences, Head of the Sector of the Theory of Cognition of the Institution of the Russian Academy of Sciences Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences.

Neretina Svetlana Sergeevna — Doctor of Philosophy, Chief Researcher of the Russian Academy of Sciences Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences.

Razlogova Elena Emilyevna — Doctor of Philology, Associate Professor, Leading Researcher at the Lomonosov Moscow State University Research Computing Center

Reznik Yuri Mikhailovich — Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher of the Institution of the Russian Academy of Sciences Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Chief Editor of the journal "Personality. Culture. Society".

Andrey Aleksandrovich Rossius — Doctor of Philology, Professor of the Department of Classical Philology of Lomonosov Moscow State University, Acting Chief Researcher Institutions of the Russian Academy of Sciences of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences.

Smirnov Andrey Vadimovich — Doctor of Philosophy, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Head of the Philosophy Sector of the Islamic World, Deputy Director of the Russian Academy of Sciences Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences.

Alexander N. Chumakov — Doctor of Philosophy, Professor, First Vice-President of the Russian Philosophical Society

Elena Leonidovna Vartanova — Doctor of Philology, Professor, Dean of the Faculty of Journalism of Lomonosov Moscow State University, President of NAMMI.

Yuri N. Girin - Doctor of Philology, Leading Researcher, IMLI RAS.

Bezrukov Andrey Nikolaevich - Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Bashkir State University (Birsky branch).

Bicharova Maria Mikhailovna - Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Humanities and English, Caspian Institute of Sea and River Transport.

Inna Vorobey - Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of German Language, Surgut State University.

Alexey Vladimirovich Zykin - Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Foreign Languages, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education St. Petersburg State Agrarian University.

Levit Svetlana Yakovlevna — Leading researcher of the Department of Cultural Studies of the INION RAS, Candidate of Philosophical Sciences, editor-in-chief, head and author of the projects "Faces of Culture", "Russian Propylaea", "Book of Light", "Summa culturologiae", "Humanitas", "Grain of Eternity", "Culturology. XX century", "Writings of Time", as well as encyclopedias on cultural studies and cultural history.

Kozlov Mikhail Nikolaevich - Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Historical, Philosophical and Social Sciences, Sevastopol State University.

Tishchenko Natalia Viktorovna – Doctor of Cultural Studies, Saratov State Technical University named after Gagarin Yu.A., Professor of the Department of History of Patronymic and Culture, Saratov, 410004, Politechnicheskaya str., 17, mihailovan@inbox.ru

Chiozzi Paolo is a professor at the Faculty of Ethnology and Anthropology at the University of Florence (Florence, Italy). Universit? degli Studi di Firenze - P.zza S.Marco, 4 - 50121 Firenze – Centralino, Italy.

Yershova Galina Gavrilovna — Doctor of Historical Sciences, Professor, Director of the Yu. V. Knorozov Mesoamerican Research Center of the Russian State University for the Humanities, Director of Science and Culture of the Russian-Mexican Cultural Center (Merida, Mexico). 125993, Russia, GSP-3, Moscow, ul.Chayanova, 15.

Vladimir Sergeevich Zhidkov — Doctor of Art History, Professor, researcher at the State Institute of Art Studies. 125009, Russia, Moscow, Kozitsky lane, 5.

Lenyashin Vladimir Alekseevich — academician and member of the Presidium of the Russian Academy of Arts, Doctor of Art History, Professor, Head of the painting Department of the second half of the XIX – early XXI centuries. State Russian Museum, Honored Artist of the RSFSR. 191011, Russia, St. Petersburg, Engineering Street, 4/2.

Gerold Ivanovich Vzdornov is a corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Art History, chief researcher at the State Research Institute of Restoration. 44 Gastello str., Moscow, 107114, Russia.

Dmitrenko Tatiana Alekseevna — Doctor of Pedagogical Sciences, Professor. Professor of the Department of Methods of Teaching Foreign Languages of the Moscow Pedagogical State University. RSCI Hirsch Index = 6 Academician of the International Academy of Sciences of Pedagogical Education

Dergacheva Irina Vladimirovna - Doctor of Philology, Professor of the Department of Linguodidactics and MCC, Dean of the Faculty of Foreign Languages of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Moscow State Psychological and Pedagogical University", 31 Vasily Botaleva Str., Moscow, 121500 dergachevaiv@mgppu.ru Editor-in-chief of the electronic international scientific journal "Language and Text"

Berezhnaya Natalia Viktorovna - Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy and Metology of Science of the South Russian Institute of Management of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation. E-mail : rassgd@yandex.ru

Mikhail Mikhailovich Prokhorov - Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of History, Philosophy, Pedagogy and Psychology, Nizhny Novgorod State University of Architecture and Civil Engineering. 65 Ilyinskaya str., Nizhny Novgorod, 603950, Russia. mmpro@mail.ru

Olga A. Burukina - Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Russian State University for the Humanities, Senior Researcher at the University of Vaasa, Finland. 125993, GSP-3, Moscow, Miusskaya Square, 6 obur@mail.ru

Shagbanova Habiba Sadyrovna - Doctor of Philology, Professor of the Department of Philosophy, Foreign Languages and Humanitarian Training of Law Enforcement Officers, Tyumen Institute of Advanced Training of Employees of the Ministry of Internal Affairs of Russia; 625049, Russia, Tyumen, ul. Amurskaya, 75, khabiba_shagbanova@list.ru

Требования к статьям

Журнал является научным. Направляемые в издательство статьи должны соответствовать тематике журнала (с его рубрикатором можно ознакомиться на сайте издательства), а также требованиям, предъявляемым к научным публикациям.

Рекомендуемый объем от 12000 знаков.

Структура статьи должна соответствовать жанру научно-исследовательской работы. В ее содержании должны обязательно присутствовать и иметь четкие смысловые разграничения такие разделы, как: предмет исследования, методы исследования, апелляция к оппонентам, выводы и научная новизна.

Не приветствуется, когда исследователь, трактуя в статье те или иные научные термины, вступает в заочную дискуссию с авторами учебников, учебных пособий или словарей, которые в узких рамках подобных изданий не могут широко излагать свое научное воззрение и заранее оказываются в проигрышном положении. Будет лучше, если для научной полемики Вы обратитесь к текстам монографий или диссертационных работ оппонентов.

Не превращайте научную статью в публицистическую: не наполняйте ее цитатами из газет и популярных журналов, ссылками на высказывания по телевидению.

Ссылки на научные источники из Интернета допустимы и должны быть соответствующим образом оформлены.

Редакция отвергает материалы, напоминающие реферат. Автору нужно не только продемонстрировать хорошее знание обсуждаемого вопроса, работ ученых, исследовавших его прежде, но и привнести своей публикацией определенную научную новизну.

Не принимаются к публикации избранные части из диссертаций, книг, монографий, поскольку стиль изложения подобных материалов не соответствует журнальному жанру, а также не принимаются материалы, публиковавшиеся ранее в других изданиях.

В случае отправки статьи одновременно в разные издания автор обязан известить об этом редакцию. Если он не сделал этого заблаговременно, рискует репутацией: в дальнейшем его материалы не будут приниматься к рассмотрению.

Уличенные в плагиате попадают в «черный список» издательства и не могут рассчитывать на публикацию. Информация о подобных фактах передается в другие издательства, в ВАК и по месту работы, учебы автора.

Статьи представляются в электронном виде только через сайт издательства <http://www.e-notabene.ru> кнопка "Авторская зона".

Статьи без полной информации об авторе (соавторах) не принимаются к рассмотрению, поэтому автор при регистрации в авторской зоне должен ввести полную и корректную информацию о себе, а при добавлении статьи - о всех своих соавторах.

Не набирайте название статьи прописными (заглавными) буквами, например: «ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ...» — неправильно, «История культуры...» — правильно.

При добавлении статьи необходимо прикрепить библиографию (минимум 10–15 источников, чем больше, тем лучше).

При добавлении списка использованной литературы, пожалуйста, придерживайтесь следующих стандартов:

- [ГОСТ 7.1-2003 Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления.](#)
- [ГОСТ 7.0.5-2008 Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления](#)

В каждой ссылке должен быть указан только один диапазон страниц. В теле статьи ссылка на источник из списка литературы должна быть указана в квадратных скобках, например, [1]. Может быть указана ссылка на источник со страницей, например, [1, с. 57], на группу источников, например, [1, 3], [5-7]. Если идет ссылка на один и тот же источник, то в теле статьи нумерация ссылок должна выглядеть так: [1, с. 35]; [2]; [3]; [1, с. 75-78]; [4].... А в библиографии они должны отображаться так:

[1]

[2]

[3]

[4]....

Постраничные ссылки и сноски запрещены. Если вы используете сноску, не содержащую ссылку на источник, например, разъяснение термина, включите сноску в текст статьи.

После процедуры регистрации необходимо прикрепить аннотацию на русском языке, которая должна состоять из трех разделов: Предмет исследования; Метод, методология исследования; Новизна исследования, выводы.

Прикрепить 10 ключевых слов.

Прикрепить саму статью.

Требования к оформлению текста:

- Кавычки даются уголками (« ») и только кавычки в кавычках — лапками (" ").
- Тире между датами дается короткое (Ctrl и минус) и без отбивок.
- Тире во всех остальных случаях дается длинное (Ctrl, Alt и минус).
- Даты в скобках даются без г.: (1932–1933).
- Даты в тексте даются так: 1920 г., 1920-е гг., 1540–1550-е гг.
- Недопустимо: 60-е гг., двадцатые годы двадцатого столетия, двадцатые годы XX столетия, 20-е годы XX столетия.
- Века, король такой-то и т.п. даются римскими цифрами: XIX в., Генрих IV.
- Инициалы и сокращения даются с пробелом: т. е., т. д., М. Н. Иванов. Неправильно: М.Н. Иванов, М.Н. Иванов.

ВСЕ СТАТЬИ ПУБЛИКУЮТСЯ В АВТОРСКОЙ РЕДАКЦИИ.

По вопросам публикации и финансовым вопросам обращайтесь к администратору Зубковой Светлане Вадимовне

E-mail: info@nbpublish.com

или по телефону +7 (966) 020-34-36

Подробные требования к написанию аннотаций:

Аннотация в периодическом издании является источником информации о содержании статьи и изложенных в ней результатах исследований.

Аннотация выполняет следующие функции: дает возможность установить основное

содержание документа, определить его релевантность и решить, следует ли обращаться к полному тексту документа; используется в информационных, в том числе автоматизированных, системах для поиска документов и информации.

Аннотация к статье должна быть:

- информативной (не содержать общих слов);
- оригинальной;
- содержательной (отражать основное содержание статьи и результаты исследований);
- структурированной (следовать логике описания результатов в статье);

Аннотация включает следующие аспекты содержания статьи:

- предмет, цель работы;
- метод или методологию проведения работы;
- результаты работы;
- область применения результатов; новизна;
- выводы.

Результаты работы описывают предельно точно и информативно. Приводятся основные теоретические и экспериментальные результаты, фактические данные, обнаруженные взаимосвязи и закономерности. При этом отдается предпочтение новым результатам и данным долгосрочного значения, важным открытиям, выводам, которые опровергают существующие теории, а также данным, которые, по мнению автора, имеют практическое значение.

Выводы могут сопровождаться рекомендациями, оценками, предложениями, гипотезами, описанными в статье.

Сведения, содержащиеся в заглавии статьи, не должны повторяться в тексте аннотации. Следует избегать лишних вводных фраз (например, «автор статьи рассматривает...», «в статье рассматривается...»).

Исторические справки, если они не составляют основное содержание документа, описание ранее опубликованных работ и общеизвестные положения в аннотации не приводятся.

В тексте аннотации следует употреблять синтаксические конструкции, свойственные языку научных и технических документов, избегать сложных грамматических конструкций.

Гонорары за статьи в научных журналах не начисляются.

Цитирование или воспроизведение текста, созданного ChatGPT, в вашей статье

Если вы использовали ChatGPT или другие инструменты искусственного интеллекта в своем исследовании, опишите, как вы использовали этот инструмент, в разделе «Метод» или в аналогичном разделе вашей статьи. Для обзоров литературы или других видов эссе, ответов или рефератов вы можете описать, как вы использовали этот инструмент, во введении. В своем тексте предоставьте prompt - командный вопрос, который вы использовали, а затем любую часть соответствующего текста, который был создан в ответ.

К сожалению, результаты «чата» ChatGPT не могут быть получены другими читателями, и хотя невозстановимые данные или цитаты в статьях APA Style обычно цитируются как личные сообщения, текст, сгенерированный ChatGPT, не является сообщением от человека.

Таким образом, цитирование текста ChatGPT из сеанса чата больше похоже на совместное использование результатов алгоритма; таким образом, сделайте ссылку на автора алгоритма записи в списке литературы и приведите соответствующую цитату в тексте.

Пример:

На вопрос «Является ли деление правого полушария левого полушария реальным или метафорой?» текст, сгенерированный ChatGPT, показал, что, хотя два полушария мозга в некоторой степени специализированы, «обозначение, что люди могут быть охарактеризованы как «левополушарные» или «правополушарные», считается чрезмерным упрощением и популярным мифом» (OpenAI, 2023).

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat>

Вы также можете поместить полный текст длинных ответов от ChatGPT в приложение к своей статье или в дополнительные онлайн-материалы, чтобы читатели имели доступ к точному тексту, который был сгенерирован. Особенно важно задокументировать точный созданный текст, потому что ChatGPT будет генерировать уникальный ответ в каждом сеансе чата, даже если будет предоставлен один и тот же командный вопрос. Если вы создаете приложения или дополнительные материалы, помните, что каждое из них должно быть упомянуто по крайней мере один раз в тексте вашей статьи в стиле APA.

Пример:

При получении дополнительной подсказки «Какое представление является более точным?» в тексте, сгенерированном ChatGPT, указано, что «разные области мозга работают вместе, чтобы поддерживать различные когнитивные процессы» и «функциональная специализация разных областей может меняться в зависимости от опыта и факторов окружающей среды» (OpenAI, 2023; см. Приложение А для полной расшифровки). .

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat> Создание ссылки на ChatGPT или другие модели и программное обеспечение ИИ

Приведенные выше цитаты и ссылки в тексте адаптированы из шаблона ссылок на программное обеспечение в разделе 10.10 Руководства по публикациям (Американская психологическая ассоциация, 2020 г., глава 10). Хотя здесь мы фокусируемся на ChatGPT, поскольку эти рекомендации основаны на шаблоне программного обеспечения, их можно адаптировать для учета использования других больших языковых моделей (например, Bard), алгоритмов и аналогичного программного обеспечения.

Ссылки и цитаты в тексте для ChatGPT форматируются следующим образом:

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat>

Цитата в скобках: (OpenAI, 2023)

Описательная цитата: OpenAI (2023)

Давайте разберем эту ссылку и посмотрим на четыре элемента (автор, дата, название и

источник):

Автор: Автор модели OpenAI.

Дата: Дата — это год версии, которую вы использовали. Следуя шаблону из Раздела 10.10, вам нужно указать только год, а не точную дату. Номер версии предоставляет конкретную информацию о дате, которая может понадобиться читателю.

Заголовок. Название модели — «ChatGPT», поэтому оно служит заголовком и выделено курсивом в ссылке, как показано в шаблоне. Хотя OpenAI маркирует уникальные итерации (например, ChatGPT-3, ChatGPT-4), они используют «ChatGPT» в качестве общего названия модели, а обновления обозначаются номерами версий.

Номер версии указан после названия в круглых скобках. Формат номера версии в справочниках ChatGPT включает дату, поскольку именно так OpenAI маркирует версии. Различные большие языковые модели или программное обеспечение могут использовать различную нумерацию версий; используйте номер версии в формате, предоставленном автором или издателем, который может представлять собой систему нумерации (например, Версия 2.0) или другие методы.

Текст в квадратных скобках используется в ссылках для дополнительных описаний, когда они необходимы, чтобы помочь читателю понять, что цитируется. Ссылки на ряд общих источников, таких как журнальные статьи и книги, не включают описания в квадратных скобках, но часто включают в себя вещи, не входящие в типичную рецензируемую систему. В случае ссылки на ChatGPT укажите дескриптор «Большая языковая модель» в квадратных скобках. OpenAI описывает ChatGPT-4 как «большую мультимодальную модель», поэтому вместо этого может быть предоставлено это описание, если вы используете ChatGPT-4. Для более поздних версий и программного обеспечения или моделей других компаний могут потребоваться другие описания в зависимости от того, как издатели описывают модель. Цель текста в квадратных скобках — кратко описать тип модели вашему читателю.

Источник: если имя издателя и имя автора совпадают, не повторяйте имя издателя в исходном элементе ссылки и переходите непосредственно к URL-адресу. Это относится к ChatGPT. URL-адрес ChatGPT: <https://chat.openai.com/chat>. Для других моделей или продуктов, для которых вы можете создать ссылку, используйте URL-адрес, который ведет как можно более напрямую к источнику (т. е. к странице, на которой вы можете получить доступ к модели, а не к домашней странице издателя).

Другие вопросы о цитировании ChatGPT

Вы могли заметить, с какой уверенностью ChatGPT описал идеи латерализации мозга и то, как работает мозг, не ссылаясь ни на какие источники. Я попросил список источников, подтверждающих эти утверждения, и ChatGPT предоставил пять ссылок, четыре из которых мне удалось найти в Интернете. Пятая, похоже, не настоящая статья; идентификатор цифрового объекта, указанный для этой ссылки, принадлежит другой статье, и мне не удалось найти ни одной статьи с указанием авторов, даты, названия и сведений об источнике, предоставленных ChatGPT. Авторам, использующим ChatGPT или аналогичные инструменты искусственного интеллекта для исследований, следует подумать о том, чтобы сделать эту проверку первоисточников стандартным процессом. Если источники являются реальными, точными и актуальными, может быть лучше прочитать эти первоисточники, чтобы извлечь уроки из этого исследования, и перефразировать или процитировать эти статьи, если применимо, чем использовать их интерпретацию модели.

Материалы журналов включены:

- в систему Российского индекса научного цитирования;
- отображаются в крупнейшей международной базе данных периодических изданий Ulrich's Periodicals Directory, что гарантирует значительное увеличение цитируемости;
- Всем статьям присваивается уникальный идентификационный номер Международного регистрационного агентства DOI Registration Agency. Мы формируем и присваиваем всем статьям и книгам, в печатном, либо электронном виде, оригинальный цифровой код. Префикс и суффикс, будучи прописанными вместе, образуют определяемый, цитируемый и индексируемый в поисковых системах, цифровой идентификатор объекта — digital object identifier (DOI).

[Отправить статью в редакцию](#)

Этапы рассмотрения научной статьи в издательстве NOTA BENE.

Содержание

Безруков А.Н. Циклический вектор реализации культурной памяти в романе Евгения Водолазкина «Чагин»	1
Мельник Г.С., Тянь Ц., Гурушкин П.Ю., Дегтярева О.В. Функции СМИ: эволюция и интерпретация понятий	12
Винья-Тальянти Я. Особенности перевода научно-фантастической прозы (на примере итальянского перевода рассказа «Забытый эксперимент» А. и Б. Стругацких)	24
Тянь Ц., Никонов С.Б., Гурушкин П.Ю., Мельник Г.С. Медиа ландшафт Уганды	39
Лиджиев М.А., Лиджиева Д.М. Народные методы исцеления в романе В. Нурова «Белобородый старец»	49
Лиджиева Л.А., Голубева Е.В., Мандеев Н.Ю., Лиджиева Д.М. Диалектные особенности торгутского говора калмыцкого языка (на материале прозы Н.М. Манджиева и полевых записей)	57
Чжан Ж. Тенденции развития СМИ в контексте современной китайской политической идеологии	69
Дедова О.В., Подольская В.В. Лексические способы обозначения интернета в современном русском языке: семантика, прагматика, орфография	80
Сучков И.А. Лексико-семантическое поле "Feeling" (на материале англоязычных рецензий и кинокритик)	89
Берзина М.Е. Обращения к документам эпохи как стилистическая особенность романа И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев»: классификация «чужого слова»	102
Ян Л. Различия в гуманистических мыслях Лу Синя и Льва Толстого	112
Новикова В.Г. Жанр «биографии сквозь призму быта» в современной английской литературе (на материале произведений Люси Уорсли)	124
Гао Л. Идеологизация русского языка после революции 1917 г. (по материалам «Красной газеты»)	135
Артаев С.Н., Шурунгова Б.А., Пюрбеев Г.Ц., Биткеев П.Ц. Визуальное коммуникативное поведение и взгляд в этикет (на примере коммуникативного поведения калмыков)	148
Мукабенова Ж.А., Артаев С.Н., Гаданов С.С., Манджиев А.Д. Символика красного и синего цветов как отражение национального менталитета корейцев (на материале корейских пословиц)	159
Муталов Р.О. Древнедаргинские миграции и образование даргинских языков и диалектов	172
Нанкевич А.А., Сухова Е.Е., Грибер Ю.А. Влияние тревожности на структуру цветовых ассоциаций	180
Чжоу Ш. Дискурсивное пространство новых медиа в чрезвычайных ситуациях	192
Еникеева Е.М., Кульназарова А.В. Влияние цифрового инструментария на конфликтные коммуникации в системе "власть-общество": опыт российских регионов	202

Носенко Н.В., Савина М.А. Национально-культурная специфика лексем с семантикой «любопытство/любопытность» в русском, английском и итальянском языках	215
Гареева Л.М. Средства экспрессивного синтаксиса в повести А. П. Чехова «Черный монах»	224
Похаленков О.Е., Глухова К.А. Мотивные комплексы "обмана" и "лжи" в романе Э. Елинек "Пианистка"	233
Похаленков О.Е., Симак Н.И. Особенности повествовательной структуры романа Г. д'Аннунцио "Невинный" в свете теории психоанализа З. Фрейда	242
Ильин А.А., Шатилова Л.М. Способы словообразования кинематографической лексики	256
Цуй В. Аксиологическая семантика лексем интересный / интересно	268
Галинская Е.А. Некоторые акцентологические особенности современных южнорусских говоров	279
Патерыкина В.В., Ищенко Н.С. Белоснежка на границе миров: лиминальный персонаж в сказке Вени Дркина	293
Абляметова С.М., Саттарова З.М. Конверсия как один из способов образования грамматической омонимии в крымскотатарском языке	306
Крипак А.В., Харанутова Д.Ш. К проблеме номинации и синонимии термина «глаукома»	315
Англоязычные метаданные	326

Contents

Bezrukov A.N. The cyclic vector of realization of cultural memory in the novel "Chagin" by Evgeny Vodolazkin	1
Melnik G.S., Tian J., Gurushkin P.Y., Degtyareva O.V. Media functions: evolution and interpretation of concepts	12
Vigna-Taglianti J. Specific features in the translation of science fiction (as exemplified by the Italian translation of A. and B. Strugatskii's short story "Forgotten Experiment")	24
Tian J., Nikonov S.B., Gurushkin P.Y., Melnik G.S. Uganda's Media Landscape	39
Lidzhiev M.A., Lidzhieva D.M. Folk healing methods in V. Nurov's novel "The White-Bearded Elder"	49
Lidzhieva L.A., Golubeva E.V., Mandehev N.Y., Lidzhieva D.M. Dialect features of the Torgut Kalmyk language (based on the material of N.M. Mandzhiev's prose and field recordings)	57
Zhang R. Trends in the Development of Mass Media in the Context of Modern Chinese Political Ideology	69
Dedova O.V., Podolskaya V.V. Lexical ways of designating the Internet in modern Russian: semantics, pragmatics, spelling	80
Suchkov I.A. The lexico-semantic field "Feeling" (based on the material of English reviews and film blogs)	89
Berzina M.E. References to Epoch Documents as a Stylistic Feature of the Novel by I. Ilf and E. Petrov "The Twelve Chairs": Classification of the Intertextual Elements	102
Yang L. Differences in the humanistic thoughts of Lu Xin and Leo Tolstoy	112
Novikova V.G. The genre of "biographies through the prism of everyday life" in modern English literature (based on the works of Lucy Worsley)	124
Gao L. The ideologization of the Russian language after the 1917 Revolution (based on the materials of the Krasnaya Gazeta)	135
Artaev S.N., Shurungova B.A., Pyurbeev G.T., Bitkeev P.T. Visual communicative behavior and gaze in the etiquette of the Kalmyks	148
Mukabenova Z.A., Artaev S.N., Gadanov S.S., Mandzhiev A.D. The symbolism of red and blue colors as a reflection of the national mentality of Koreans (based on the material of Korean proverbs)	159
Mutalov R.O. Ancient Dargin migrations and the formation of Dargin languages and dialects	172
Nankevich A.A., Suchova E.E., Griber Y.A. The influence of anxiety on the structure of color associations	180
Zhou S. The discursive space of new media in emergency situations	192
Enikeeva E., Kulnazarova A. The impact of digital tools on conflict communications in the "power-society" system: the experience of Russian regions	202
Nosenko N.V., Savina M.A. National and cultural specificity of lexemes with the semantics 'curiosity' in Russian, English and Italian languages	215

Gareeva L.M. Means of expressive syntax in A. P. Chekhov's short story "The Black Monk"	224
Pokhalenkov O.E., Gluhova K.A. The motivic complexes of "deception" and "lies" in E. Jelinek's novel "The Pianist"	233
Pokhalenkov O.E., Simak N.I. Features of the narrative structure of G. d'Annunzio's novel "The Innocent" in the light of the theory of psychoanalysis Z. Freud's	242
Ilin A.A., Shatilova L.M. Methods of word formation of cinematic vocabulary	256
Cui W. Axiological Semantics of the Lexemes Interesting/Interestingly	268
Galinskaya E.A. Some accentological features of modern southern Russian dialects	279
Paterikina V.V., Ischenko N.S. Snow White on the Border of Worlds: a Liminal Character in Venya Drkin's Fairy Tale	293
Abliametova S.M., Sattarova Z.M. Conversion as one of the ways to form grammatical homonymy in the Crimean Tatar language	306
Kripak A.V., Kharanutova D.S. On the problem of nomination and synonymy of the term "glaucoma"	315
Metadata in english	326

Litera

Правильная ссылка на статью:

Безруков А.Н. Циклический вектор реализации культурной памяти в романе Евгения Водолазкина «Чагин» //

Litera. 2024. № 12. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.12.71913 EDN: SNPJCB URL:

https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71913

Циклический вектор реализации культурной памяти в романе Евгения Водолазкина «Чагин»

Безруков Андрей Николаевич

ORCID: 0000-0001-7505-3711

кандидат филологических наук

доцент, Уфимский университет науки и технологий (Бирский филиал)

452455, Россия, Республика Башкортостан, г. Бирск, ул. Интернациональная, 120-В

✉ in_text@mail.ru

[Статья из рубрики "Герменевтика"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2024.12.71913

EDN:

SNPJCB

Дата направления статьи в редакцию:

07-10-2024

Дата публикации:

04-12-2024

Аннотация: Евгений Водолазкин прочно зарекомендовал себя в новейшей русской прозе как мастер реализации художественной интриги. Его романы яркое этому подтверждение. Писатель помимо формирования весьма плотного интригующего сюжета, сложения образного ряда, манифестации точки зрения, нарочито использует прием художественной коллизии, но в допустимо реалистическом ключе. Для Евгения Водолазкина ход романских событий не только буквальное соединение ситуативных эпизодов, это еще и тщательно продуманный диалог с читателем. Предметом исследования в статье является дешифровка темы памяти на примере романа Е.Г. Водолазкина «Чагин». Объект изучения соотносится с магистральным вопросом текста, который выстраивает нарратив, образный ряд, жанровую структуру. Цель работы –

параметрический анализ проявления культурной памяти в указанном тексте. Не исключается в исследовании оценка образного мышления главного героя – Исидора Чагина, так как память не может быть рассмотрена отдельно от ощущения и восприятия персонажем наличной действительности. Методологическая основа работы ориентирована на компаративные принципы оценки текста, концептуальную верификацию произведения с учетом систематизации рецептивных коннотаций. В романе «Чагин» главный герой переживает кризисное состояние – он не может забыть то, что прочитал, увидел, испытал. Память синкретически спаяна с бытием героя как таковым, она онтологически задает метафизику существования персонажа. Научная новизна исследования заключается в том, что роман еще практически не изучен в рамках указанной категории, нет должной оценки темы в режиме критически-аналитического типа. Материалы могут быть полезны практически при верификации стиля, манеры письма, художественного мышления Евгения Водолазкина. Выводы по работе ориентированы на то, что память в романе «Чагин» является формулой необратимости. Но действия, поступки героя во многом есть демонстрация множественности. Хотя манера письма, да и поэтика Водолазкина не тяготеют к постмодернизму, влияние современных тенденций явно проступает в этом произведении. Не случаен сюжет романа, особым образом сложена фигура главного героя, но и сам контекст, явно расширяющийся имеет множественность изводов. Культурная память циклически ориентирована, для Евгения Водолазкина она является импульсом к дестабилизации смыслов, ибо это онтологическая задача художественного творчества.

Ключевые слова:

Евгений Водолазкин, роман, культурная память, поэтика, реализм, герой, автор, сюжет, читатель, стиль

Евгений Водолазкин уже достаточно прочно зарекомендовал себя в новейшей русской прозе как мастер реализации художественной интриги. Его романы – «Соловьев и Ларионов», «Лавр», «Авиатор», «Брисбен», «Оправдание Острова» – яркое этому подтверждение. Писатель помимо формирования весьма плотного интригующего сюжета, сложения неоднозначного образного ряда, манифестации собственной точки зрения, нарочито использует прием художественной коллизии, но в допустимо реалистическом ключе. Здесь есть схожесть с манерой и стилем организации литературного полотна, например, с Алексеем Варламовым ^[1] («Мысленный волк»), Павлом Крусановым («Царь головы»), Захаром Прилепиным («Обитель»), Александром Пелевиным («Покров – 17»), Гузелью Яхиной («Эшелон на Самарканд»). Следует предположить, что Евгений Водолазкин ^[2] выступает как минимум в двух ипостасях – писатель, воплощающий в текстах как вымышленный, додуманный план событий, так и писатель-историк, который вводит в художественную канву своих произведений блоки культурологического формата, ибо влияние Д.С. Лихачева на формирование художественного мышления Е.Г. Водолазкина исключать нельзя. Поэтому и анализ прозы Е. Водолазкина должен быть сферичным, явно нелинейным, ступенчатым. Смысловые пределы текста, таким образом, будут раскрыты в спектральном ритме, это позволит точно определить сингулярность мотивов и идей его произведений, консолидировать художественное мышление писателя.

Для Евгения Водолазкина ход романских событий не только буквальное соединение ситуативных эпизодов, это еще и тщательно продуманный имманентный диалог с

читателем. Предметом исследования данной работы является дешифровка темы памяти в романе Е. Водолазкина «Чагин». Цель статьи – параметрический анализ принципов изображения этого психологического процесса. Не исключается в работе и оценка образного мышления главного героя романа – Исидора Чагина, так как память не может быть рассмотрена отдельно от ощущения и восприятия героем художественной реальности. Методологическая база работы ориентирована на компаративные принципы, а также концептуальную оценку художественного произведения с учетом систематизации рецептивных коннотаций текста. Научная новизна исследования заключается в том, что роман еще практически не изучен в рамках указанной категории, нет должной оценки темы в режиме критически-аналитического типа. Материалы, думается, могут быть полезны практически при верификации стиля, манеры письма, художественного мышления Евгения Водолазкина.

Вначале статьи стоит отметить, что память как таковая является одним из феноменов ступенчатого познания окружающей человека действительности. При этом она не только фиксирует ощущения от буквальной оценки происходящего, но и не исключает критическую верификацию накопленного опыта. Для человека роль памяти огромна, память регулирует связь с настоящим, так как необходимо сохранить ощущение действительности. Она также ориентирована и на прошлое, что позволяет объективно корректировать собственные действия для будущего, дать им логически верную оценку. Следовательно, память синкретически спаяна с бытием как таковым, именно она онтологически выстраивает метафизику существования человека.

В литературе тема памяти практически всегда представлена в сложных историко-культурных срезах. Память связывает время и пространство, дает возможность соотнести свое и чужое, отчасти приобщиться к коллективному сознанию, при этом обрести индивидуальное, но и сформировать отдельно / в частности некую проекцию будущего на базе прошлого.

Мифы, устное народное творчество, литература XIX-XX веков, да и тексты XXI столетия векторно расширяют художественное представление о памяти, ибо писатели, поэты, драматурги дополняют и корректируют эту достаточно сложную категорию. В рамках данной статьи на примере романа Евгения Водолазкина «Чагин» мы рассматриваем процесс когнитивной оценки реалий на уровне памяти, при этом мемористический художественный формат, представленный в тексте, соотносится с рядом произведений современной русской литературы. Это вполне оправдано, так как новейшая русская проза зачастую обращена к теме памяти в разных плоскостях ее претворения, причем не только формальных, но конструктивных: социальных, психологических, антропоцентричных, философских.

Мир, который оказывается основой для художественного произведения, не всегда типологически выверен. Не могли ни А.С. Пушкин, ни Ф.М. Достоевский, ни Л.Н. Толстой, ни А.П. Чехов базисом своих текстов брать только ту данность, в которой они находились. Не хватало для большей масштабности горизонта проекционных видений. Стоит заметить, что художественное сознание писателя всегда шире и объемнее. Не исключается в данном случае и момент предвидения, предугадывания, пророчества. При формировании текстового полотна происходит сложная когерентная работа, сложный компаративный процесс.

Реалии современной жизни для читателей, безусловно, интересны, но нарочитое превалирование в тексте «буквального» сжимает фактический анализ действительности, не дает объемно высветить сложные и противоречивые моменты жизни. Недостаточно,

порой, и симулятивной игры, например, в режиме постмодернизма (Виктор Пелевин, Татьяна Толстая), или постреализма (Сергей Довлатов, Людмила Петрушевская, Марк Харитонов). Отметим, что даже т.н. нарочитый «векторный реализм» Дины Рубиной, Виктории Токаревой, Игоря Губермана не дает читателю ощутить той необходимой свободы в режиме рецепции сложных процессов бытийного порядка.

Вариант синкретической парадигмы в рамках некоей оппозиции современной прозе выстраивает в своих текстах и Евгений Водолазкин. Думается, что его манера письма ориентирована на дешифровку чуда в современном мире, чуда не в прямой отсылке к этимологии этого слова, но приближении и осознании чуда как процесса преодоления себя. Романы Е.Г. Водолазкина являются тем конгломератом знаний, который настраивает на сложный процесс трансформации / перехода от одной ступени развития к другой. При этом осознанный сбой – вариант – в формате воплощения темы памяти является для писателя важным и значимым.

Культурная память как понятие в романах, повестях, пьесах Евгения Водолазкина продуктивна, действенна: стоит вспомнить «Авиатора», «Брисбен», «Лавра», «Сестру четырех», «Пародиста», «Микрополь». В большинстве текстов память не имеет буквального, концептологического значения, то есть она не есть первооснова произведений, но при детальном рассмотрении эта категория начинает векторно раскрывать свои значения, придавать текстам объемный смысловой тон.

Большая часть произведений Евгения Водолазкина, на наш взгляд, есть попытка предупредить читателя, предостеречь реципиента о возможном и неотвратимом колебании мира, нарушении слитной гармонии. Человеческое общество все чаще последнее время попадает в вилку социальной, личной, метафизической ответственности, следовательно, выбор необходимо сделать, но насколько он будет правильным – остается вопросом. Приоритеты и ценности в настоящем трансформируются, новые должны утвердиться. Главное – нивелируется классика, хотя в режиме адекватной оценки именно в ее пределах выверенная целевая грань является стабильной системой этических и моральных норм. Ярким примером наращивания, наслоения разных эмоционально-культурных типов и кодов, моделей и формул является роман Е.Г. Водолазкина «Чагин» [\[3\]](#).

Герой романа – Исидор Чагин – обречен, ибо он аккумулирует наследие прошлого, порой, в бессистемном режиме. Информационный поток, который накапливается у главного персонажа в памяти, не приносит эмпирического наслаждения, не дает оценить и выверить новый путь, создать прочную основу метафизического порядка. Память мешает Исидору Чагину, она становится для него испытанием, некоей квантовой игрой, выход из которой возможен только при явном смещении приоритетов / разрушении, или буквальной гибели героя, что собственно и происходит в финале текста.

Нарицательное имя героя романа Е.Г. Водолазкина – Исидор – имеет смежно-параметрические варианты – оно и православное, и греческое, и католическое. Разные формации веры наслаиваются в данной номинации. При этом ударение как сознательный авторский вариант падает на второй слог. Это запутывает читателя, но и реализует программу разности восприятий: от традиционного и привычного – до явно выбивающегося из стабильно выверенного контекста. Герой романа с учетом такой трактовки находится в разных исторических и культурных плоскостях, но информационная составляющая корректирует его движение в рамках собственного хронотопа. Быть для Чагина в настоящем не есть только существовать, для него это значит оценивать, интерпретировать, как факт, «не-свою» прожитую жизнь, а с

ориентиром на культурные типы, знаки, образы. Сингулярность срабатывает как предел допустимого варианта. Да и для самого Чагина момент нахождения в реальности [\[4\]](#) не является свойством, это лишь банальная условность, которая сформировалась с течением своего исторического времени – 1940 – 2018 (годы его жизни). Параметры «внутренней вселенной» героя гораздо шире, объемнее.

Столкновение языческого и христианского миропорядка в романе Е.Г. Водолазкина «Чагин», на наш взгляд, также усложняет общую картину восприятия текста в целом. Для читателя какой-то конкретный предел был бы более доступен и понятен, для героя же – это циклический вектор реализации культурной памяти и способ существования. Реверсивная форма событий не мешает осуществлению главного замысла автора, проживание истории возможно только в таких условиях. Отметим, что механизм чтения при этом также будет меняться, не случайны эпистолярные фрагменты (даже отдельные главы иного нарративного типа), которые могут быть прочитаны в другой направленности, явно нелинейно. Память хранит все о прошедшем, произошедшем, прощение / забвение в данном случае для главного героя романа Чагина невозможно. Мир реальный в отличие от художественного все более тяготеет к варианту претворения мести, возмездия за содеянное. Человеку необходимо «мстить», чтобы пережить состояние борьбы, извечный конфликт позиций трудно исключить. Для Евгения Водолазкина, допустим, как и для Павла Курсанова [\[5\]](#) цель наррации в демонстрации, что не стоит забывать определенные моменты прошлого, может даже полновесно исторические ситуации, ибо опыт является бесценной палитрой [\[6\]](#) маркеров. Исидор Чагин может восприниматься нами еще и как фронтир свободы, ибо для читателя мыслимое сращивается с происходящим, у героя эти категории [\[7\]](#) могут быть разъединены.

В начале романа дана установка на то, что героя сторонние персонажи воспринимают уникалом: «Когда-то Исидор Чагин был знаменит. Его удивительная память вызывала восхищение. Иногда – сомнение... Не верилось, что человек способен запомнить текст любой сложности и хранить его в голове как угодно долго» [\[3, с. 9\]](#). Сами же они не способны, порой, старея держать в памяти даже то малое, что необходимо для некоей идентификации: «Многие свидетели его [Исидора] славы уже в могиле, а те, что живы, поглощены противостоянием неизбежному» [\[3, с. 9\]](#). Таким образом, ключевая черта памяти в оценке мира не только внешне, но и внутренне, что, пожалуй, наиболее ценное и важное для человека.

Исидор Чагин по замыслу Евгения Водолазкина архивист (причем чаще с большой буквы). Его судьба сложилась в рамках определенных фактических ограничений, но с годами они не так усложняют Исидора, привычки становятся некоей зоной комфорта. После смерти Исидора его архив, а это четыре тетради записей, должен разобрать его помощник – Павел Сергеевич Мещерский. Последний скептически оценивает фигуру Чагина, он для него и загадка, и копия, и некая пародия на чеховского «человека в футляре». Однако, архивист Чагин не так просто, и не так формален. Ноумен памяти вырабатывает некую формулу жизни для героя: «если нет событий, Исидор описывает свои мысли и ощущения. Особенно ощущения» [\[3, с.20\]](#). Фактор описания подвластен только личности конструктивной, сложной, не простой, настроенной на оценку собственного, частного бытия в спектральном режиме. Условиями для Чагина становится т.н. абстрактной и конкретное: это позиции – «память – дневник», «мысль / фиксация – осмысление». Понятийный круг в данном случае не имеет четкого контура, более он похож на горизонт. Принцип, что «тайна не должна становиться повседневностью» [\[3,](#)

[с.171](#) для Исидора Чагина, на наш взгляд, выглядит постулатом.

У Евгения Водолазкина достаточно часто, как и в русской классике, а также новейшей русской прозе [\[8, 9, 10\]](#), номинация имен как вариант фамилий, имеет образное значение, при этом экспликация смыслов происходит довольно несложно. Арсений, Христофор из «Лавра», Иннокентий, Гейгер из «Авиатора», Соловьев и Ларионов из одноименного романа, Глеб Яновский, Нестор из «Брисбена» и т.д. Можно считать, что подобный ход есть некая мистификация Водолазкина, однако, это не так. Писатель создает проекцию на прошлое, на дискурс [\[11\]](#) истории, что собственно и определяет вероятный диалог с настоящим. Сюжетная канва романа «Чегин» также поддерживается вполне достоверными, историческими именами. Циклизация культуры, реверс истории закономерны у писателя, они также вполне закономерны и входе становления нынешнего. Не случаен эпиграф к роману «Чегин» из стихотворения Иосифа Бродского «Одиссей Телемаху»:

«Мой Телемах,

Троянская война

окончена. Кто победил – не помню» [\[3, с. 5\]](#).

Координаты классики выходят из собственно отечественной канвы в мировое пространство, и это для писателя вариант нивелирования границ памяти. Для нее нет конкретики и места, нет буквально женского и мужского, нет социальной иерархии. Большая часть информации, хранящейся в анналах истории, архивов, записей, тетрадей, рукописей к настоящему настолько сильно обрела момент «молчания», что «разговорить» смыслы трудно, трудно их еще и сопоставить с фактическим существованием. Поэтому введение таких именных номинаций как Генрих Шлиман, Даниэль Дефо в образный состав романа «Чегин» является вектором актуализации уже полученных знаний.

Тема памяти, несомненно, у Е.Г. Водолазкина связана с проблемой выхода из сложившейся ситуации, некоего тупика, из параметрической реальности. Чегин герой не только буквального романа, он есть фигура метрического толка. Соразмерным с восприятием мира становится и вектор эстетических координат героя, он для него является живой материей, которая должна совершать колебания при буквальном изменении настроений, вероятно, личности, общества, культуры. Подвижный характер памяти и включает в себе сложный ценз изменений, при которых что-то необходимо оставить, а что-то определено устранить. Исидор Чегин становится именно тем объектом, для которого осознание динамично совершенствованию. Уловить подобный процесс сложно, не менее сложно следовать ему. Герой становится определенной жертвой, но жертвой, которая следует собственно своему замыслу. Память не нивелирует героя, она манифестирует его желание осознавать и давать больше читателю. Модель пространственных координат, временных параллелей превращаются в романе «Чегин» в сложную ризому коннотаций. Смысл для Е.Г. Водолазкина есть то, к чему необходимо стремиться, то, что нужно постигать онтологически. Герой как манифест именно этого воплощает задуманное автором в полном объеме.

Дневник Исидора Чагина, над которым работает Павел Сергеевич Мещерский, есть форма объективации всей жизни автора. Это детство – с ужасающими ощущениями от детского сада, это школа, где было пережито первое чувство влюбленности к Лене Царевой. Далее студенчество, с рядом уточнений, например, что «первая его курсовая

называлась «Марксистско-ленинское понимание памяти» [3, с. 33], или случаем с текстом выступления декана философского факультета на конгрессе, который Исидор смог прочитав дословно воспроизвести и т.д. Именно в эти годы Чагин начинает понимать и анализировать свойство своей памяти, предельно ее оценивать, отчасти ставить эксперименты. Вектор оценки дополняется в ходе художественной наррации еще и некоторыми суждениями, на наш взгляд, это и есть комментарий судьбы Исидора. Например, что «продукты сознания отражают бытие» [3, с. 40], или «и невозможное – возможно» [3, с. 42] и т.д. Неким поворотом судьбы, так или иначе связанным с памятью становится провокация со стороны Николая Петровича и Николая Ивановича (сотрудники отдела внутренней безопасности и гражданской обороны – ГрОБ), которые прецедентом хотят внедрить Чагина в т.н. Шлимановский кружок с целью сохранения «безопасности библиотек» [3, с. 47]. Именно с этого момента начинается формироваться «новая жизнь героя», жизнь Исидора-2. И нет в ней уже Лены Царевой, искажены факты детства, трансформирована семья, а с ней и ценности, ориентиры, желания. Евгений Водолазкин в ходе сюжетной раскладки допускает подобный эксперимент, но не следует исключать, что нечто подобное возможно и в реальной жизни. Форма маски, скрытия настоящего зачастую есть явление обыденного порядка, при этом формально люди не обращают на это внимание, либо это происходит автоматически. Память сталкивается с рядом обстоятельств прошлого, но верифицировать правду не получается до конца. У Чагина иной случай, его автоматически точный вариант запоминания не стирает ощущения от пережитого, прочитанного, познанного. Это и есть трагедия героя, которая будет в дальнейшем усиливаться с ходом хронологического парадигмы.

Целесообразно в данном случае прокомментировать и тему власти в романе, ибо эта грань также небезынтересна Евгению Водолазкину. Память Чагина напрямую не играет роль контролера баланса зависимости от административного звена, но искажение понимания действительности под воздействием императивов магистрально. Исидор Чагин – герой, находящийся в постоянном онтологическом поиске, разные периоды его судьбы, так или иначе, созвучны изменениям истории. Даже архаика Античного мира играть роль манипулятора поступков Чагина. Он зависим вольно или нет от фактических событий Древней Греции, древнего мира вообще. Культурно-исторический код врезается в память героя, становится эмблемой этической гравитации. Но стоит заметить, что моральные установки для Чагина имманентно деформируются. Не случайно фамилия этимологически связана с чагой, а это гриб, который наносит поражение дереву, разрушает его, главное – разрушает основу. Нарушается соразмерность реальности и внутреннего мира, желания и поступка, чувства и эмоционального импульса. Неживое в данном случае становится доминантным, истинное (правильное) смещается на периферию. Закон естественной природы нарушается, память для героя не является катализатором к действию. Не случайно отмечается, что «в запоминании содержание не играло никакой роли. Качество запоминания зависело исключительно от положения запоминаемого в пространстве» [3, с. 70]. Фактическая гармония мира понимается главным героем буквально, исключается здесь коннотация как действенный инструмент оценки. Как герой играет в память, так и память играет с героем. Ситуация явно выглядит антиномией: вымысел и реальность для читателя разнятся, для Чагина они спаяны в единое звено, при этом еще и очень тесно сбитое в т.н. аппликатурную точку. Поворот мысли приостанавливается, так как мешает остаточный эффект, многое что уже запомнилось Чагину, наслаивается друг на друга, нивелируя как таковую данность содержания.

По ходу художественной наррации определенная задача по расшифровке проблемы

памяти решается как самим автором [Евгением Водолазкиным], так и главным героем – Чагиным. Пожалуй, можно согласиться, что двойственный вариант, вариант дублета вполне правомерен: «синестезия – явление, при котором ощущение в одной области чувств рождало ощущение в другой области <...> Запоминание осуществлялось по нескольким линиям, где одна как бы контролирует другую» [3, с. 98]. Буквальный срез фактов, событий запоминается Чагиным с помощью образов, это вполне правомерно, но «сложность для Чагина представляли метафоры» [3, с. 101], «бедствием... были для Исидора стихи» [3, с. 101]. Эстетическая естественность и типологическая художественная парадигма претерпевают в данном случае крах, а это и является для человека / читателя пределом совершенства. Герой, следовательно, не может ощутить глубину и потенциальную множественность языка. Он как бы загоняется в рамки формальности, не предполагает иной трактовки, иного понимания сути сказанного, зафиксированного, произнесенного. Дневник Исидора Чагина есть «портрет своей души» [3, с. 105], его мир настолько вписался в рамки, что новое уже не обретает смысла, становится не-главным. Циклический вектор культурной памяти даже при объеме и сферичности не дает ему выйти за пределы, понятно, что уже и мыслимые, и звучащие как фон. Чагин не может обрести забвение, у него нет обрывков воспоминаний, только полны формат, хотя именно они есть «куски мяса в бульоне. Бульон – забвение» [3, с. 116]. Метафора Е.Г. Водолазкина вполне понятна для читателя, векторный принцип размывает границы, синтагматика же сводит все к условной плоскости.

Дробность романа на части, на наш взгляд, есть попытка отобразить ступенчатый принцип динамики жизни. Первая часть – «Дневник Чагина», вторая – «Операция «Биг-Бен», третья – «Незабываемое», четвертая – «Лета и Эвноя». Все структурные компоненты складываются в единую концепцию «не-нарушения гармонии», или поддержание ее хода. Именно этот показатель и является основным в подвижках памяти, именно он регулирует важное и вторичное, нужное и необходимое, доминантное и посредственное. Для Исидора Чагина фиксация всех событий есть единый поток данных, но для дешифровщика Мещерского он абсолютно иной. Мещерский даже проговаривает, что «события его [Чагина] жизни могут войти в резонанс с моими... происходившее с Исидором бросало трагический отблеск и на мою жизнь» [3, с. 144]. Вектор наррации таким образом смещается в диаметральный режим, превращается в разрушение уже других судеб. Мы в данной работе останавливаемся в основном на двух частях роман (первой и третьей), которые позволяют объективировать тему памяти в данном тексте, дать некую верифицированную оценку, чем является память для главного героя. Не исключается в данном случае и предельность читательского варианта. Рецепция хода событий в двух других частях иная, это некий альтернативный пласт, который затрагивает иные уровни сюжета. Добавочность информации в данных блоках является атомной, на наш взгляд, буквальный разбор этих фрагментов в пределах статьи будет явно излишним, да и вектор аналитики темы может существенно сместиться в иной научный пласт. Следовательно, контуры первой и третьей частей романа находятся в буквальной корректировке темы памяти, ибо ведущий ценз прописывается автором планомерно.

Для Евгения Водолазкина память Чагина не фактическая ошибка, а эксперимент, некая мутация привычного взгляда на вещи, события, факты. Не исключается в данном случае и метафорическая направленность нарратива. Собственно она звучит ярким маркером в крайнем на данный момент романе Виктора Пелевина «Круть»: «Мы рождаемся из переплетенных сознающих струн. И когда мы их дергаем – даже мысленно – к нам рано или поздно приходит ответная волна» [12, с. 417]. Вариант импульса разного порядка

возникает и в романе Е.Г. Водолазкина, при этом эквивалент не находится, даже в раскладке танатологии [\[13\]](#), но действительно пребывает в этом состоянии. Примерно схожий формат разрастания смыслов, а также семантических полей, как вариант открытых отсылок, например, можно наблюдать у Леонида Леонова [\[14\]](#) в его последнем романе «Пирамида». Вектор литературных экспериментов конца XX века – начала XXI был некоей амплитудой, чей массив явно тяготел суммарной множественности значений. Художественный XXI век все более в формате новой эстетики созвучен спектру альтернатив, нового претворения знаний, новой комбинации уже сказанного, читанного, записанного. Нарращение потенциально значимых границ становится обязательным. Именно они конфигурируют проекцию перспективы смысла. Не является, на наш взгляд, исключением и роман Евгения Водолазкина.

Текст выравнивается смысловыми [\[15\]](#) колебаниями, относительной гармонией позиций, претворением доминант активного порядка, жанровой синкретикой, вариантом трансформации сюжета и образной системы. Пример подобного порядка можно было наблюдать и в романе Е. Водолазкина «Брисбен» [\[16\]](#). Указанные ключевые позиции были реализованы в этом произведении исключительно сменой временных и пространственных границ, при этом доминаты сюжета явно выдержаны, да и целостность органики текста ориентирована на связность, целостность мыслимых пределов, не только в памяти как таковой, но и в ситуации, событии, факте.

Стилевая [\[17\]](#) составляющая фактурно проявляется в языке Е.Г. Водолазкина. Живой и непринужденный разговор с читателем выстраивается за счет использования особого формата – это дневниковые записи. Отметим, что роман «Чагин» при дробности деления на части все же есть единый, многоплановый текст. Начиная уже с заголовочного [\[18\]](#) комплекса (сильная позиция текста) и заканчивая итоговыми фразами произведения: «Исидор работал с утра до ночи. Писал поэму, представляя себя Одиссеем» [\[3, с. 377\]](#) автор акцентирует внимание именно на памяти, которой в случае Исидора нет границ. Читатель понимает, что временные крайности могут быть нарушены за счет погружения в культурно-исторический пласт. Память при этом играет особую роль, ибо без нее нельзя творить, создавать, да и двигаться далее. Главный герой романа становится жертвой не по собственной воле. Дар и талант к запоминанию всего, что он видит, читает, оборачивается неким наваждением. Здесь и психическая нестабильность, и одиночество, и непростой путь социализации, и личная тревога и т.д. Эффект усиления трагедии удачно прописан Е.Г. Водолазкинским практически в финале: «Воспоминания Чагина со временем не тускнели. Они обладали той же эмоциональной свежестью, что и в момент их появления» [\[3, с. 310\]](#). Таким образом, память в романе Евгения Водолазкина «Чагин» является формулой необратимости. Но действия, поступки героя во многом есть демонстрация множественности. Хотя манера письма, да и поэтика Водолазкина не тяготеют к постмодернизму, влияние современных тенденций явно проступает в этом произведении. Не случаен сюжет романа, особым образом сложенная фигура главного героя, но и сам контекст, расширяющийся, имеющий множественность изводов. Культурная память циклически ориентирована, для Евгения Водолазкина она является также импульсом к дестабилизации смыслов, ибо это онтологическая задача художественного творчества.

Библиография

1. Варламов А.Н. Мысленный волк. М.: АСТ, 2014. 508 с.
2. Водолазкин Е.Г. Идти бестрепетно : между литературой и жизнью. М.: Издательство

АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2020. 409 с.

3. Водолазкин Е.Г. Чагин : роман. М.: Издательство АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2022. 378 с.

4. Гримова О.А. Нарративные интриги в романе Е.Г. Водолазкина «Чагин» // Новый филологический вестник. 2023. № 4(67). С. 235-245. DOI: 10.54770/20729316-2023-4-251.

5. Крусанов П.В. Царь головы : рассказы. М.: АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2015. 314 с.

6. Крюкова О.С. Художественное пространство и герой, его организующий, в романе Е.Г. Водолазкина «Чагин» // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. № 9(877). С. 143-148. DOI: 10.52070/2542-2197_2023_9_877_143.

7. Николина Н.А. Функционирование компаративных тропов в романе Е. Водолазкина «Чагин» // Русская речь. 2023. № 4. С. 102-112. DOI: 10.31857/S013161170027463-8.

8. Пелевин А. Покров – 17 : роман. М.: ИД «Городец», 2022. 304 с.

9. Прилепин З. Обитель. М.: АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2015 . 746 с.

10. Яхина Г.Ш. Эшелон на Самарканд. М.: АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2022. 512 с.

11. Прохорова Т.Г. Особенности функционирования исторического дискурса в неисторической прозе Евгения Водолазкина // Филология и культура. 2023. № 2(72). С. 167-172. DOI: 10.26907/2782-4756-2023-72-2-167-172.

12. Пелевин В.О. Круть. М.: Эксмо, 2024. 496 с.

13. Безруков А.Н. Циркуляция танатологических мотивов в русской классике // Родная словесность в современном культурном и образовательном пространстве : сборник научных трудов. Том Выпуск 7 (13). Тверь : Тверской государственный университет, 2017. С. 31-36.

14. Хрулев В.И. Художественный мир Леонида Леонова. Уфа: Гилем, 2005. 536 с.

15. Безруков А.Н. Венедикт Ерофеев: между метафизикой и литературной правкой. СПб.: Гиперион, 2018. 226 с.

16. Водолазкин Е.Г. Брисбен. М.: Издательство АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2021. 416 с.

17. Безруков А.Н. Поэтический стиль и художественный дискурс: проблема соотношений // Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах : материалы VIII Международной научной конференции, Челябинск, 20–22 апреля 2016 года. Том 2. Челябинск: Энциклопедия, 2016. С. 169-172.

18. Ильина Е.В. Концептуализация заголовочного комплекса как доминанты художественного дискурса // Когнитивные исследования языка. 2024. № 2-1(58). С. 213-217.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемая статья посвящена изучению циклического вектора реализации культурной памяти в романе Евгения Водолазкина «Чагин». Предмет исследования достаточно актуален в силу того, что, с одной стороны, «в литературе тема памяти практически всегда представлена в сложных историко-культурных срезах; память связывает время и пространство, дает возможность соотносить свое и чужое, отчасти приобщиться к коллективному сознанию, при этом обрести индивидуальное, но и сформировать отдельно / в частности некую проекцию будущего на базе прошлого», с

другой стороны, роман «Чагин» Евгения Водолазкина «еще практически не изучен в рамках указанной категории, нет должной оценки темы в режиме критически-аналитического типа».

Теоретической базой научной работы послужили работы российских исследователей, таких как А. Н. Безруков, Е. В. Ильина, Т. Г. Прохорова, Н. А. Николина, О. С. Крюкова, О. А. Гримова. Методологическая база работы «ориентирована на компаративные принципы, а также концептуальную оценку художественного произведения с учетом систематизации рецептивных коннотаций текста». Методы используются с учётом специфики предмета, объекта и цели работы, а именно: провести «параметрический анализ принципов изображения этого психологического процесса». Также «не исключается в работе и оценка образного мышления главного героя романа – Исидора Чагина, так как память не может быть рассмотрена отдельно от ощущения и восприятия героем художественной реальности». Отмечается, что в рамках данной статьи на примере романа Евгения Водолазкина «Чагин» рассматривается «процесс когнитивной оценки реалий на уровне памяти, при этом мемористический художественный формат, представленный в тексте, соотносится с рядом произведений современной русской литературы. Это вполне оправдано, так как новейшая русская проза зачастую обращена к теме памяти в разных плоскостях ее претворения, причем не только формальных, но конструктивных: социальных, психологических, антропоцентричных, философских».

Анализ теоретического материала и его практическое обоснование позволили автору(ам) сделать вывод о том, что «память в романе Евгения Водолазкина «Чагин» является формулой необратимости. Но действия, поступки героя во многом есть демонстрация множественности. Хотя манера письма, да и поэтика Водолазкина не тяготеют к постмодернизму, влияние современных тенденций явно проступает в этом произведении... Культурная память циклически ориентирована, для Евгения Водолазкина она является также импульсом к дестабилизации смыслов, ибо это онтологическая задача художественного творчества».

Представленный в работе материал имеет четкую, логически выстроенную структуру, способствующую полноценному восприятию материала. Стиль изложения материала соответствует требованиям научного описания и характеризуется оригинальностью и логичностью, доступностью и высокой культурой речи.

Библиография исследования состоит из 18 источников. В библиографическом списке присутствуют актуальные работы, посвященные поэтическому стилю и художественному дискурсу, а также непосредственно изучению творчества Евгения Водолазкина.

Теоретическая и практическая значимость исследования неоспорима и обусловлена его вкладом в решение современных проблем, связанных с темой памяти в литературе и с изучением творчества Евгения Водолазкина, в большинстве текстов которого «память не имеет буквального, концептологического значения, то есть она не есть первооснова произведений, но при детальном рассмотрении эта категория начинает векторно раскрывать свои значения, придавать текстам объемный смысловой тон».

Статья имеет законченный вид; она вполне самостоятельна, оригинальна, будет интересна и полезна широкому кругу лиц и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Litera» в оригинальном виде.

Litera

Правильная ссылка на статью:

Мельник Г.С., Тянь Ц., Гурушкин П.Ю., Дегтярева О.В. Функции СМИ: эволюция и интерпретация понятий //

Litera. 2024. № 12. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.12.72544 EDN: TCSCZI URL:

https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=72544

Функции СМИ: эволюция и интерпретация понятий

Мельник Галина Сергеевна

ORCID: 0000-0002-1712-6836

доктор политических наук

профессор; Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций; Санкт-Петербургский государственный университет

199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7-9

✉ melnik.gs@gmail.com

Тянь Цзяхуан

магистр; Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций; Санкт-Петербургский государственный университет

199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7-9

✉ st075572@student.spbu.ru

Гурушкин Павел Юрьевич

ORCID: 0000-0001-6980-0573

кандидат политических наук

доцент; Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций; Санкт-Петербургский государственный университет

199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7-9

✉ gurupavel@ya.ru

Дегтярева Ольга Викторовна

кандидат политических наук

доцент; кафедра журналистики и медиакоммуникаций; Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

199178, Россия, г. Санкт-Петербург, Средний пр-т, 57/43

✉ melnik.gs@gmail.com

[Статья из рубрики "Журналистика"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2024.12.72544

EDN:

TCSCZI

Дата направления статьи в редакцию:

29-11-2024

Дата публикации:

06-12-2024

Аннотация: Статья посвящена сравнительному анализу подходов различных гуманитарных и обществоведческих наук к определению и интерпретации понятий «функции журналистики», «функции СМИ», «функции медиадискурса», а также рассмотрению факторов их трансформации в разные исторические периоды. Применяется деятельностный подход, позволяющий соотнести понятия род деятельности, вид творчества, назначение, миссия, функции современных средств массовой информации. В данной работе мы предлагаем выделять подходы (философский, культурологический, политический, психологический, социологический и филологический), позволяющие многосторонне подойти к характеристике медиа как целостному объекту, сложному по своей структуре и функционалу, расширить понимание ролевого назначения СМИ в условиях многополярного мира и ценностного раскола. Цель исследования заключается в изучении и систематизации различных подходов к функциональной роли СМИ, а также в выявлении изменений в их функциях под воздействием социальных, политических и технологических факторов, с целью более глубокого понимания их воздействия на общественные процессы и коммуникационные практики. Объектом исследования в данном случае являются средства массовой информации (СМИ) как социальный институт и феномен массовой коммуникации. Предметом исследования выступают функции СМИ, их эволюция, интерпретация и роль в общественной жизни, а также влияние на аудиторию в контексте трансформации медиаиндустрии и информационного пространства. В данном исследовании, помимо метода сравнения, использованы структурно-функциональный, социологический, культурологический и филологический подходы. Научная новизна статьи заключается в выявлении расширенных функций СМИ в современном обществе, где традиционные роли дополняются когнитивными, адаптационными и семантическими аспектами. Исследование акцентирует внимание на изменении значимости СМИ в условиях цифровой трансформации, глобализации и информационных войн, подчеркивая их роль в формировании смыслов, общественных ценностей и управлении социальными процессами. СМИ, в свою очередь, выполняют множество функций, включая информационную, идеологическую, культуроформирующую, коммуникативную и когнитивную. Их роль варьируется в зависимости от социально-исторических условий, оказывая как положительное, так и отрицательное воздействие на общество. В условиях современных вызовов особое значение приобретает не только борьба с "фейками" и дезинформацией, но и формирование новых общественных ценностей.

Ключевые слова:

функции журналистики, функции СМИ, медиакommunikации, функции медиатекста, миссия СМИ, научный подход, теория журналистики, ценностный подход, текст, СМИ

Определение понятий.

Современная журналистика рассматривается в научном дискурсе как вид духовного производства, который определяет различные разновидности творческо-преобразовательной деятельности [5, 12, 27]. В теории и практике журналистики устоялось понятие о деятельности в профессиональной среде. Деятельность накладывает отпечаток на стратегии жизни и профессионального поведения, стиль и жизненные планы, способы взаимодействия с миром. Журналистика по-прежнему выступает в роли актора, выполняющего функции как социального института, так и инструмента со стороны других субъектов, использующих ее коммуникативные возможности [15, 28]. Журналистика рассматривается как сложное явление с определенными нормами функционирования, структурой, взаимосвязями [1, 3, 6]. Иными словами, для журналистики как творческой деятельности характерна определенная упорядоченность, иерархичность строения элементов и связей между ними.

В рамках репрезентации российской и, в частности, петербургской школы журналистики, коллективом авторов под руководством профессора СПбГУ С.Г. Корконосенко концептуализировали многие понятия, характеризующие цепочку объектов («журналистика» – «СМИ» – «средства массовой информации» – «массмедиа» – «медиакоммуникации»), а также уточнены их функции [24]. Ученые описывают журналистику как целостный и устойчивый феномен, а подходы в рамках ролевого анализа профессиональной идентичности позволяют увидеть его функционально-социологические, коммуникативно-психологические и культурно-антропологические стороны [3].

Актуальность переосмысления ключевых понятий теории и практики журналистики и медиакоммуникации объясняется беспрецедентной трансформацией медиаиндустрии, медиапроизводства и медиапотребления под воздействием глобальных политических и технологических факторов; появлением новых медийных практик, новых стандартов, новых форм и форматов предъявления информации на новых сетевых площадках; использованием нейросетевых технологий в создании и продвижении медийного контента. В научных работах медиаэкспертов петербургской школы подчеркивается, что институт журналистики реализует себя через организации, базовым типом которых является форма средства массовой информации. Данный подход обусловил развитие функционального или деятельностного направления в исследованиях журналистики [24].

В современном научном дискурсе СМИ рассматривают как социальный институт для обмена информацией и посредника, не только снабжающего индивидов сведениями о текущих событиях, но и подсказывающего или ориентирующего, помогающего взаимодействию людей в обществе. В новых условиях значительно расширяются институциональные функции Массмедиа, утверждает профессор МГУ Е.Л. Вартанова, – «это гораздо более сложная, объемная, многокомпонентная и разноректорная функциональная среда, чем просто система производства и распространения информационного содержания, которое рассматривалось как главный продукт медиаиндустрии» [7].

Структурно-функциональный подход выявляет взаимосвязь институтов (структуру) и их вклад (в данном случае «журналистики») в более крупные и целостные социальные комплексы, особенно в общество. Институты способствуют координации и

сотрудничеству, воспринимаются обществом как существующие коллективно или являются содержанием коллективного отношения, например, мы-намерения [28]. В этом контексте журналистика понимается как объективно существующая и протекающая в режиме реального времени массово-коммуникативная деятельность как подсистема общества, выступающего как целостная система.

Сущность журналистики как формы общественного познания заключается в единстве рационального и образного постижения действительности. Отличие познавательно-творческой деятельности журналиста состоит не только в познании объекта, но и в создании нового информационного продукта [17].

Понятия «журналистика» и «СМИ» – не являются взаимозаменяемыми. У этих понятий разное содержательное наполнение. Журналистика как деятельность хотя и реализуется средствами массовой информации, не исчерпывает весь объем деятельности СМИ. Эти понятия соотносятся как вид и род, то есть второе из названных понятий является более широким. На это обстоятельство указывают ряд авторов [20]. Журналистика одновременно является профессионально-предметной творческой деятельностью и социальной активностью.

Средства массовой информации рассматриваются как многоаспектный феномен, включает социальные, культурные, когнитивные, идеологические, экономические, технические, технологические и другие параметры.

Эволюция функций СМИ.

Концептуально понятие «средства массовой информации» сформировалось к 1920-м и 1930-м гг. на фоне подъема радио как нового средства массовой информации. Термин «средства массовой информации» впервые появился в русском языке в 1970-х гг., происходит от омонима «*moyens d'information de masse*», сокращенно «СМИ», и широко используется в различных текстах [22]. Согласно популярной трактовке, «Средства массовой информации» относятся ко всем формам коммуникации, способным охватить большую аудиторию, таким как пресса, радио, телевидение, Интернет и многое другое. Средства массовой информации являются посредником между профессиональными коммуникаторами и общественностью в процессе распространения информации.

Словарные статьи дают разные определения понятию «функция», однако в общем значении определяется как «работа, производимая органом, организмом», роль, обязанность, круг деятельности, значение, «назначение» какого-либо элемента (подсистемы) в некоторой системе.

Функционирование означает способ жизнедеятельности, способ деятельности, способ бытия какого-либо объекта.

В конце XIX в. – начале XX в., в связи с популяризацией массовой прессы и появлением кино и радио, человечество вступило в эпоху массовой коммуникации. Появление телевидения, а позднее спутниковой связи, мультимедиа и Интернет способствовало развитию коммуникационных технологий в цифровой среде и потребовало ревизии функций.

Рассматривая СМИ как социальный институт, как правило, выделяют такие функции как пропагандистская, агитационная и организаторская функции. Их трактовка восходит к деятельности В.И. Ленина и периоду, когда происходило становление системы печати, которая сформировалась в России уже к 1924 г.

Плодотворным можно считать подход, предполагающий разведение функций по критериям функционирования СМИ и их сущности.

Социологический подход обращен к идейной и ментальной ориентации на общественное благо, основан на генетическом свойстве журналистики – обращенности ко всему обществу. Функция формирования общественного мнения и образовательная функция выражается в донесении знаний, расширении познавательных способностей человека.

Управленческая функция может проявляться в мобилизации масс для решения конкретных социальных, экономических, политических задач [14]. Идеологическую функцию СМИ подробно рассмотрел профессор Байкальского государственного университета А.П. Суходолов. По его мнению, идеологическая функция относится к числу важнейших, поскольку «остро встает проблема формирования в сфере публичной политики разнообразных ценностей, идеологий, доктрин, символов, чувств, оппозиционных мнений и выступлений». Рассуждая о важности идеологии СМИ в условиях информационных войн, убедительно показал ее связь с мобилизационной функцией СМИ [23]. Идеологическая функция направлена на освещение событий в контексте системы политических идей и политических отношений [25] на мобилизацию для сохранения и развития этих отношений.

Функции СМИ (массмедиа) включают распространение информации, продвижение ценностей, формирование общественного мнения и влияния на социальное поведение. Различные ученые придерживаются разных взглядов на функции средств массовой информации. Одни считают, что функции медиа в основном сосредоточены на распространении развлечений, передаче культуры и поддержании определенного эмоционального состоянии, другие – на передаче информации и формировании общественной идеологии в СМИ. Важно своевременно анализировать и синтезировать взгляды ученых в соответствии с конкретными обстоятельствами общества.

СМИ как социальный институт выполняет функции, близкие к философии, можно сказать, что массмедиа выполняют онтологическую функцию, то есть репрезентируют основы бытия человека, аксиологическую [4] – придают передаваемой информации особую ценность, семантическую – наполняют смыслами и значениями события.

Онтологическая функция философии – это формирование целостного представления о мире, мироздании. Функция восходит к экзистенциальным истокам категории «бытие» и реализуется через интерактивный текст, имеющий форму гипертекста, который, в свою очередь, выступает в роли онтологической модели мира [26].

Семантическая функция соотносится с понятием «смысл». Поиск смысла жизни (ее предназначение и конечная цель) – главнейшая проблема философского и духовного характера для человека и общества. Здесь онтологическая функция смыкается с семантической. Смысл достигается с помощью логических операций, обобщений, сравнений, включения фактов в определенный контекст.

Заключение.

Таким образом, философский подход затрагивает основы нашего бытия. Согласно этому подходу, СМИ порождают новые смыслы. Закономерно, что представителями медиафилософии описывается семантическая функция. СМИ первыми осваивают мир, дают номинации новым явлениям, событиям, наполняют их особым значением и даже придают словам коннотации (положительные, нейтральные и отрицательные).

Разделение функций в анализе жизнедеятельности СМИ необходимо и для понимания конкретного содержания информационных продуктов и прогноза их воздействия на аудиторию. Рассуждая о ключевых (альтруитивных) характеристиках инфотеймента (развлекая информируй, информируя развлекай) исследователь Е. М. Драгун выделяет информационную, развлекательную, коммуникативную, эскапистскую, суггестивную, аттрактивную, фасциативную, образовательную, адаптивную, редукционистскую, эвристическую, компенсаторную функции [9]. Как видим, создатели медиатекстов не ограничиваются распространением информации, а ставят цели внушения определенных идей (суггестия), внедрения знаний (образование, эвристика), изменения взглядов (редукция), пробуждения лояльности к определенным объектам (аттракция), управления некими процессами (фасцинация). Ставятся и сугубо психологические задачи – увести от реальности и проблем (эскапизм), предоставить возможность снять напряжение (компенсация), приспособиться к обстоятельствам (адаптация) т.д. [21].

Психологический подход позволяет рассматривать деятельность СМИ с позиции помощи в сохранении психического здоровья и психосоциальной поддержки. Релаксационная функция удовлетворяет потребности человека и общества в отдыхе, разрядке, расслаблении. Эта функция в исследованиях нередко выступает синонимом развлекательной функции, несущей положительный эмоциональный заряд благодаря зрелищности или наличию игровых элементов контента.

Адаптационная нацелена на способность применять психологические знания в различных ситуациях; развивающая – на развитие мотивационных свойств (компенсаторных, терапевтических, рекреативных и т.д.), волевых и других качеств личности, опыта творческого контакта с медиа.

Ряд исследователей выделяет культурологические функции СМИ, которые воспроизводят культурно-нравственные ценности общества и демонстрируют свою нацеленность на духовное развитие человека и общества [8, 16, 17, 26].

Исследователь В.Б. Высоцкий отмечает важную черту современного этапа развития общества – культуроцентричность и полагает, что она «должна иметь адекватного транслятора», имея в виду средства массовой информации [8]. Реализуя эти функции, массмедиа направляют свою деятельность на просвещение (научно-просветительские и культурно-просветительские функции) и формирование потребительской культуры [16]. Основными культуроформирующими функциями называется: воспитательная, образовательно-просветительская, гедонистическая, эстетическая.

Филологический подход к определению и пониманию функций обозначен в трудах профессора кафедры лингвистики, перевода и межкультурной коммуникации МГУ имени М.В. Ломоносов Т.Г. Добросклонской [10]. Рассуждая о развитии медиапространства и стирании границ на пути движения информационных потоков, автор заостряет внимание на таких концептах в изучении медиасферы, как медиадискурс, обладающий также определенными функциями, и выделяет среди них психологические функции, ссылаясь на разработки С. Сигеле (Италия) и Г. Тарда (Франция). Филологический подход сосредоточен в основном на изучении медиатекстов и медиадискурса.

По мнению сторонников филологического подхода, к журналистскому тексту применимы такие функции, как эвристическая, познавательная, аксиологическая, онтологическая, коммуникативная, семантическая, развлекательная. В нем выражено отношение к миру,

к другому, к самому себе. Текст выполняет онтологическую функцию, поскольку затрагивает наше бытие. В журналистском тексте отражено самодвижение мира и различные социальные сдвиги.

В последнее время в связи со второй волной интереса к когнитивным исследованиям в области массовой коммуникации ряд ученых настойчиво предлагают в реестр функций включить когнитивную функцию СМИ, т.е. воздействие на ментальные структуры [\[19\]](#). Эта функция связывается с компенсаторной.

Интерес к изучению этих функций лингвистов объясняется тем, что она отражает связь языка СМИ и картины мира. Целью когнитивной функции СМИ, является «обеспечение получения аудиторией полезной, интеллектуальной информации и ее понимание, анализ и использование в практике», а также развитии познавательных способностей у населения [\[19\]](#). По мнению лингвистов, СМИ выполняют передачу когнитивного воздействия с помощью своеобразного расставления смысловых акцентов» [\[2\]](#).

Представляя СМИ как сложную самоорганизующуюся систему, медиаэксперты указывают на множественность функций, различное их понимание отечественной и англоязычной наукой, а также детерминированностью жанров спецификой функций. Угадывая тенденции в представлении материалов в СМИ, уделяют особое внимание инфотейменту, сосредотачивая внимание на специализированных функциях – идеологической, коммуникативно-когнитивной, а также функциях критики и контроля [\[11\]](#).

Анализ медийной практики за различные исторические периоды показал, что СМИ не ограничиваются двумя функциями – информирование и влияние. К традиционным функциям (коммуникативным, идеологическим, социально-ориентирующим, культуроформирующим) примыкают инструментальные, – непосредственно-организаторские и вторичные (подчиненные) рекреативная и рекламно-справочная функции.

В последние годы в контексте информационных войн, ценностного раскола значительно вырос объем выполняемых СМИ функций, прежде всего защитных (защитительных). Функцию информационной защиты общества практически означает борьбу с дезинформацией [\[13\]](#). В условиях гибридных войн внимание ученых перемещается в сторону изучения дисфункций, возникающих под деструктивными воздействиями внешних факторов и внутренних (коммерциализация, монетизация, идеологическое давление, изменение антропологических составляющих восприятия информации).

В условиях глобализации общество сталкивается с большим количеством дезинформации в СМИ, функции которой заключаются в изменении мнения общественности, создании негативного образа реальных событий или людей, подрыве авторитета и доверия к различным институтам и организациям.

Завершая критический обзор научной литературы, отметим: трудно обвинить авторов текстов, специалистов в области медиакоммуникации и журналистики в неточности формулировок, однако во всем видна эклектика, проявляющаяся в том, что объединяются подходы разных гуманитарных и обществоведческих наук, и эксперты выбирают предложенные представителями разных сфер удобные для объяснения контекстов функции. Мы видим целесообразность в том, чтобы в описании функций медиаэксперты опирались на разные подходы и четко понимали задачи, которые ставятся представителями этих сфер. Таким образом, в научном дискурсе существуют различные подходы к определению функций СМИ, в зависимости от того, какой смысл

вкладывается в это понятие. Массмедиа могут рассматриваться как социальный институт, как род творческой деятельности и как производство информационного продукта [20]. Объемы функций в каждом случае будут разные.

В современных условиях ученые показывают противоречивую роль медиа. С одной стороны, положительную роль в жизни человека – информационную, развлекательную, коммуникативную, мобилизационную, поддерживающую. С другой стороны, негативную – дезинформации, усугубления негативных эмоциональных состояний, возникновения панических настроений в обществе. Дезинформация в научных работах рассматривается как элемент технологии управления смыслами [18].

Разным оказывается объем той или иной функции в зависимости от конкретно-исторической ситуации. Так, в переломные моменты истории на первый план выдвигаются функции агитации, в период реформ – пропаганды, а в благополучно-стабильные времена – функции развлечения.

СМИ (медиа) с позиции философии выполняют функции: аксиологическую, онтологическую, коммуникационную и семантическую. В современной ситуации роль медиаинститутов как социально-культурных структур состоит в производстве, воспроизводстве и распределении не только знаний, но и культурного опыта, традиций, ценностей.

Библиография

1. Алхазова М. К., Эздекова Л. Б. Роль и функции СМИ в современном обществе // Современная наука и инновации. 2020. Вып. 2 (38). С. 251–257.
2. Бармак Байан, Павловская Н. В. К вопросу о трансформации функций электронных СМИ в современном обществе // Филологические науки. Вопросы теории и практики (Тамбов). 2014. Ч. 1. С. 29–31.
3. Блохин И. Н. Параметры идентификации и оценки профессиональной идеологии журналистики // Вопросы теории и практики журналистики. 2023. Т. 12. № 2. С. 183–198.
4. Блохин И. Н., Сидоров В. А., Курушкин С. Axiology of Political Journalism: Developing an Algorithm for the Study of Mass Communication // Lex Humana. 2022. Т. 4. № 2. С. 451–465.
5. Блохин И. Н. Сохранение культурно-исторической памяти в системе журналистских функций // Медиалингвистика. 2023. Вып. 10. Язык в координатах массмедиа: материалы VII Междунар. научн. конференции (Санкт-Петербург, 28 июня – 1 июля 2023 г.). СПб.: Медиапапир. С. 494–498.
6. Вартанова Е. Л. Медиасистема в контексте общественных процессов: переосмысление теоретической конструкции // Меди@льманах. 2023. № 2 (115). С. 8–19. DOI: 10.30547/mediaalmanah.2.2023.819
7. Вартанова Е. Л. О развитии терминологии актуальных исследовательских полей цифровых медиа // Меди@льманах. 2024. № 4 (123). С. 8–19.
8. Высоцкий В. Б. Формирование культурологических компетенций журналиста / В. Б. Высоцкий // Перспективы исторической и региональной культурологии в современной России: сборник научных статей. СПб., 2019. С. 231–237.
9. Драгун Е. М. Влияние массовой культуры и формирование современного инфотеймента и его социокультурные функции // Вопросы культурологии. 2014. № 9 (сентябрь). С. 34–38.
10. Добросклонская Т. Г. Моделирование информационных процессов в современном медиапространстве // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10. Журналистика. 2015. № 44. С. 3–15.
11. Зорков Н. Н. Инфотейммент: возникновение, функции, способы воздействия // Relga.

2005. № 19. 01.12.2005. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.relga.ru/Enviro/WebObjects/tguwww.woa/wa/Main?textid=735&level1=main&level2=articles> (дата обращения: 11.11.2024).
12. Ким М. Н. Молодежные издания: функции и назначение // Науч. труды Сев.-Зап. ин-та управления. 2022. Т. 11. № 3 (45). С. 45–48.
13. Ильченко С. Н. Фейк-контроль, или Новости, которым не надо верить. – М.: Изд-во Феникс, 2021. 188 с.
14. Информационная аналитика и информационно-аналитические технологии в контексте социального управления / С. П. Белоконов, В. Н. Ремарчук, С. В. Смутьский [и др.]. М.: Экон-Информ, 2023. 226 с.
15. Корконосенко С. Г. Социальность журналистики медиа: методологические подходы // Theoretical and Practical Issues of Journalism. 2020. Т. 9. № 3. С. 417–430.
16. Латышева Ж. В. Формирование культуры человека и общества как миссия журналистики // Международный научно-исследовательский журнал. 2023. № 8 (3). URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?edn=pjnoyk> (дата обращения: 11.11.2024).
17. Литвякова Л. А. Журналистика как форма социогуманитарного познания в современное время // Современные научные исследования и инновации. 2017. № 2. [Электронный ресурс]. URL: <https://web.snauka.ru/issues/2017/02/78713> (дата обращения: 22.11.2024).
18. Макашова В. В. Дезинформация как элемент технологий управления смыслами // МедиаВектор. 2023. Вып. 9. С. 84–89, 153–162.
19. Олейник О. В. Когнитивное рассмотрение текстов СМИ // Universum: Филология и искусствоведение: электрон. научн. журн. 2018. № 7 (53). URL: <http://7universum.com/ru/philology/archive/item/6179> (дата обращения: 11.11.2024).
20. От теории журналистики к теории медиа. Динамика медиаисследований в современной России: колл. моногр. / под ред. Е. Л. Вартановой. М.: Изд-во Моск. ун-та; Фак. журн. МГУ, 2019.
21. Поварницына М. В. Манипуляция, суггестия, аттракция и фасцинация в креализованном тексте // Сер. Филологические науки. 2016. С. 117–124.
22. Супрун В. И. Эволюция терминов русской журналистики: от ведомостей до медиан // Медиалингвистика. 2021. 8 (4). С. 391–405. URL: <https://medialing.ru/ehvolyciya-terminov-russkoj-zhurnalistiki-ot-vedomostej-do-media/> (дата обращения: 12.11.2024).
23. Суходолов А. П. Идеологическая функция средств массовой информации в условиях информационных войн // Вопросы теории и практики журналистики. 2015. № 2. С. 117–126.
24. Теория журналистики в России / под ред. С. Г. Корконосенко. СПб.: Алетейя, 2018. 254 с. (Петербургская школа журналистики и МК).
25. Федотова Н. А. Рекреативные функции СМИ: идеологический и политический контекст // Вестник Челябин. гос. ун-та. 2015. № 5. С. 414–420.
26. Чельшева И. В. Социокультурное поле медиа: реальность, коммуникация, человек [монография]. М.: МОО «Информация для всех», 2016. 178 с.
27. Шиняева О. В., Каманина В. Е. Реализация функций средств массовой информации в условиях глобальных и национальных вызовов // Известия вузов. Поволжский регион. Общественные науки. 2021. № 1 (57). С. 70–85.
28. Guala, Francesco. *Understanding Institutions: The Science and Philosophy of Living Together*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2016
29. Lahti, Henri, et al. «What counteracts problematic social media use in adolescence? A cross-national observational study». *Journal of Adolescent Health* 74.1 (2024): 98-112.
30. Neupane M., Bhoortel U. Impact of Mass Media for Shaping Opinions to have effective Communication. – 2024.

31. Hongcharu B. The changing roles of mass media amidst the growth of the digital media //Cogent Social Sciences. – 2024. – Т. 10. – №. 1. – С. 229

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

На рецензирование представлена статья «Функции СМИ: эволюция и интерпретация понятий».

Предмет исследования – изменение роли и трансформация системы функций средств массовой информации в контексте глобальных изменений.

Методологическая основа исследования определяется его целью, которая предполагает рассмотрение актуальных теоретических и практических аспектов и проблем в истории журналистики, в типологии и функциях средств массовой информации, таким образом методология исследования основана на анализе научных работ, систематизации и обобщении.

Актуальность исследования обусловлена важностью переосмысления ключевых понятий теории и практики журналистики и медиакоммуникации в условиях трансформации медиаиндустрии, медиапроизводства и медиапотребления под воздействием глобальных изменений.

Интенсивная трансформация средств массовой информации, увеличение их роли в жизни современного общества и эволюция их функций обуславливают научную новизну работы, которая является попыткой комплексного анализа места, роли и функций средств массовой информации в обществе. Рассмотрение эволюции функций СМИ на различных этапах демократизации общества и в условиях развития новых информационных технологий позволяет продемонстрировать трансформацию взаимоотношении средств массовой информации с институтами государственной власти, бизнесом и структурами гражданского общества.

Стиль изложения научный, структура, содержание. Статья написана русским литературным языком. Структура рукописи включает следующие разделы (в виде отдельных пунктов не выделены, не озаглавлены): введение (содержит постановку проблемы, автор аргументирует актуальность выбранной темы); основная часть (автором рассматривает развитие средств массовой информации и эволюцию их роли и функций в обществе, дана характеристика различным подходам к определению и пониманию функций средств массовой информации: структурно-функциональный, социологический, философский, психологический и филологический подходы; автор отмечает, что СМИ представляют собой сложную самоорганизующуюся систему со множеством функций, который варьируются в различные исторические периоды развития общества); заключение (автор делает общие выводы; отмечено, что в научном дискурсе существуют различные подходы к определению функций средств массовой информации, в зависимости от того, какой смысл вкладывается в это понятие, объемы функций СМИ как социального института, как рода творческой деятельности и как производства информационного продукта отличаются); библиография (включает 28 отечественных и зарубежных источников).

Выводы, интерес читательской аудитории.

Работа будет интересна тем, кто занимается изучением роли и функций СМИ в обществе: на различных этапах развития общества средства массовой информации выполняют четко определенные функции, содержание которых определяется спецификой тех процессов, которые разворачиваются в политической, экономической и социальной

сферах общественной жизни.

Рекомендации автору:

1. В статье нужно сформулировать цель, объект, предмет и научную новизну исследования.
2. В список литературы было бы уместно ввести больше работ зарубежных авторов. Стоит увеличить долю работ за последние 3 года.
3. Было бы уместно ввести подзаголовки или предусмотреть выделение в тексте различных подходов к определению функций средств массовой информации, это облегчит восприятие текста.
4. В тексте указано, что СМИ происходит от омонима французского «moyens d'information de masse» – это перевод с французского языка.
5. Необходимо унифицировать упоминания имен собственных в тексте статьи (Е.Л. Вартанова, Ленина).
6. Нужно перепроверить текст статьи на предмет описок и пропусков символов (коллективом авторов под руководством профессора СПбГУ С.Г. Корконосенко концептуализировали многие понятия; функцию Массмедиа; понимается какобъективно существующая; как види род; позднее спутниковой связи, мультимедиа и Интернет; исследователь Е. М. Драгун выделяет информационную; рассматриваются как многоаспектный феномен включает социальные; политических отношений [25] на мобилизацию и т.д.)

В целом рукопись соответствует основным требованиям, предъявляемым к научным статьям. Материал представляет интерес для читательской аудитории и после доработки может быть опубликован в журнале «Litera».

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В рецензируемой статье предметом исследования выступают функции СМИ, актуальность изучения которых обусловлена процессами глобализации информационного пространства, активизировавшимися в мировом сообществе за последнее десятилетие. Как указывают автор(ы), «актуальность переосмысления ключевых понятий теории и практики журналистики и медиакоммуникации объясняется беспрецедентной трансформацией медиаиндустрии, медиапроизводства и медиапотребления под воздействием глобальных политических и технологических факторов; появлением новых медийных практик, новых стандартов, новых форм и форматов предъявления информации на новых сетевых площадках; использованием нейросетевых технологий в создании и продвижении медийного контента».

Теоретической базой научной работы послужили труды российских и зарубежных ученых, таких как С. Г. Корконосенко, Е. Л. Вартанова, И. Н. Блохин, А. П. Суходолов, Е. М. Драгун, В. Б. Высоцкий, Т. Г. Добросклонская, Байан Бармак, Н. В. Павловская, В. И. Супрун, Henri Lahti, M. Neupane, U. Bhoortel, B. Hongcharu и др., посвященные различным аспектам изучения медиакоммуникации и функций массмедиа. Библиография соответствует специфике изучаемого предмета, содержательным требованиям и находит отражение на страницах статьи. Библиография насчитывает 31 источник, что представляется достаточным для обобщения и анализа теоретического аспекта изучаемой проблематики. Следует отметить, что автор(ы) обращаются к актуальным научным трудам (изданным в последние 3 года), это еще раз подтверждает важность и перспективность представленной темы.

Методология проведенного исследования в статье не раскрывается, но очевиден ее комплексный характер. Методы используются с учётом специфики предмета, объекта, цели и задач работы: описательный и историко-культурологический методы, метод системного анализа, критический обзор научной литературы. Средства массовой информации рассматриваются как многоаспектный феномен, который включает социальные, культурные, когнитивные, идеологические, экономические, технические, технологические и другие параметры. Анализ теоретического материала и полученные результаты исследования позволили автору(ам) сделать вывод о том, что «в научном дискурсе существуют различные подходы к определению функций СМИ, в зависимости от того, какой смысл вкладывается в это понятие. Массмедиа могут рассматриваться как социальный институт, как род творческой деятельности и как производство информационного продукта. Объемы функций в каждом случае будут разные». Подчеркивается противоречивая роль современных средств массовой информации: «С одной стороны, положительную роль в жизни человека – информационную, развлекательную, коммуникативную, мобилизационную, поддерживающую. С другой стороны, негативную – дезинформации, усугубления негативных эмоциональных состояний, возникновения панических настроений в обществе». Сегодня роль медиаинститутов как социально-культурных структур состоит в производстве, воспроизводстве и распределении не только знаний, но и культурного опыта, традиций, ценностей.

Теоретическая значимость и практическая ценность исследования обусловлены ее вкладом в изучение функций СМИ с точки зрения структурно-функционального, философского, психологического, филологического и др. подходов. Результаты, полученные в ходе работы, могут применяться в последующих научных изысканиях по заявленной проблематике и в вузовских курсах по журналистике, социологии и политологии, социальной психологии, по информационным технологиям в журналистике и др.

Представленный в работе материал имеет четкую, логически выстроенную структуру. Стиль изложения отвечает требованиям научного описания, содержание рукописи соответствует названию. Статья имеет завершённый вид; она вполне самостоятельна, оригинальна, будет полезна широкому кругу лиц и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Винья-Тальянти Я. Особенности перевода научно-фантастической прозы (на примере итальянского перевода рассказа «Забытый эксперимент» А. и Б. Стругацких) // Litera. 2024. № 12. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.12.72581 EDN: THVSRO URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=72581

Особенности перевода научно-фантастической прозы (на примере итальянского перевода рассказа «Забытый эксперимент» А. и Б. Стругацких)

Винья-Тальянти Якопо

ORCID: 0000-0001-8449-544X

старший преподаватель; кафедра иностранных и русского языков; Российский государственный аграрный университет - МСХА им. К. А. Тимирязева

127434, Россия, г. Москва, ул. Тимирязевская, 49

✉ jacopo.vignataglianti@gmail.com

[Статья из рубрики "Перевод"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2024.12.72581

EDN:

THVSRO

Дата направления статьи в редакцию:

01-12-2024

Дата публикации:

08-12-2024

Аннотация: В статье рассматриваются особенности перевода научно-фантастических произведений с русского на итальянский язык на примере итальянского перевода рассказа А.Н. и Б.Н. Стругацких «Забытый эксперимент». Выбор данного рассказа неслучаен, поскольку он представляет собой первое произведение братьев-фантастов, опубликованное в Италии в 1961 г. В ходе исследования идентифицированы основные особенности перевода научной фантастики. Среди них фигурируют элементы, которые приближают перевод научной фантастики к переводу научно-технических текстов, такие как использование научной и псевдонаучной терминологии, а также присутствие авторских неологизмов и окказионализмов, реалий и ирреалий (также известны как квази- или псевдореалии). При переводе следует также учесть другие элементы, как

научно-философские парадигмы, авторский стиль. Методами контекстуального анализа, сравнительного анализа оригинала и переведенного текста выделены трудности перевода изучаемого текста, а методом анализа переводческих трансформаций определены способы, с помощью которых переводчик пытался преодолеть их. Следует отметить, что несмотря на растущий интерес к переводу научной фантастики, языковая комбинация русский–итальянский остается пока неизученной, что обуславливает научную новизну данной работы. Результаты контекстуального и сравнительного анализа итальянского перевода рассказа «Забытый эксперимент» привели к следующим выводам: несмотря на то, что он выполнен знаменитым переводчиком художественной литературы и поэзии Раисой Нальди, проанализированный перевод нельзя считать адекватным, поскольку в тексте были обнаружены неточности и ошибки именно в передаче ранее идентифицированных особенностей перевода научно-фантастической прозы. В частности, в тексте слишком много опущений, нет единообразной терминологической системы, присутствуют искажения научно-философской концепции и литературного стиля авторов. Таким образом, доказано, что при переводе научной фантастики переводчику необходимо учесть данные особенности для получения оптимального результата.

Ключевые слова:

научная фантастика, перевод научной фантастики, переводческие приёмы, адекватность перевода, критика перевода, вымышленный мир, перевод реалий, перевод неологизмов, передача авторского стиля, сравнительный анализ

Введение

Научная фантастика (далее НФ) – один из наиболее популярных жанров так называемой массовой литературы. Еще до недавнего времени она занимала периферийное место в культурной полисистеме и, следовательно, рассматривалась как второстепенный художественный жанр. Однако за последние десятилетия количество научных работ, посвященных фантастике в целом и НФ в частности, стало всё больше и больше, в том числе в области лингвистики и переводоведения. В современную мировую классику вошли произведения таких известных авторов, как Рэй Бредбери, Артур Кларк, Айзек Азимов, Франк Герберт, Филип К. Дик, а среди российских (советских) авторов следует упомянуть произведения Е.И. Замятина, А.Н. Толстого, А.Р. Беляева, И.А. Ефремова, А.Н. и Б.Н. Стругацких.

Согласно известному определению Д. Сувина НФ – это «литературный жанр, необходимыми условиями которого являются наличие и взаимодействие процессов отчуждения и познания, а главным формальным инструментом является образная структура, альтернативная эмпирической среде автора, и <...> который отличается доминирующим нарративом вымышленного “новума” (новизны, инновации), подтвержденного когнитивной логики» [1 с. 7-8]. Именно этот «новум», через который автор пытается объединить фантазию и науку, играет ключевую роль не только в повествовательном плане, но и в языковом: тексты НФ наполнены авторскими неологизмами, используемыми для описания новых технологий, новых инопланетных реалий, географических названий, вымышленных языков, культур, мировоззрений [2–6].

В области лингвистики и переводоведения научные работы, посвященные НФ, относятся преимущественно к следующим направлениям: репрезентация процесса перевода и роли

переводчика как элемент картины мира в произведениях НФ [7–10]; общие лингвистические аспекты перевода НФ [2–3, 11–14]; анализ трудностей перевода, таких как перевод реалий и ирреалий, неологизмов и окказионализмов, научной и псевдонаучной терминологии [5–6, 15–32]; роль переведенной НФ в культурной полисистеме разных стран [33–38]; особенности мультимедийного перевода сериалов и фильмов жанра НФ [39–42].

Цель и задачи исследования

Цель исследования – идентифицировать особенности перевода произведений НФ, возникающие трудности и способы их преодоления на примере итальянского перевода рассказа «Забытый эксперимент» А.Н. и Б.Н. Стругацких. В соответствии с целью, выделены следующие задачи исследования:

1. Обзор научной литературы, посвященной общим аспектам и отдельным особенностям перевода НФ;
2. Анализ оригинала и переведенного текста;
3. Выявление и классификация возникающих при переводе трудностей;
4. Анализ переводческих приемов и стратегий, примененных переводчиком для преодоления этих трудностей.
5. Оценка адекватности перевода с учетом жанровых особенностей НФ.

Актуальность и новизна исследования

Особенности перевода НФ занимают особое место в перспективных направлениях современного переводоведения. Однако темой большинства исследований является перевод с английского или на английский в комбинации с разными языками, а языковая пара русский–итальянский остается «terra incognita» за исключением статьи Д. Коломбо [43]. Выбор произведения братьев Стругацких как объект данного исследования неслучаен: среди российских (советских) фантастов именно они пользовались и пользуются до сих пор наибольшей популярностью у итальянских читателей. С 1960 г. до сегодняшнего дня в Италии опубликованы 32 перевода их произведений, среди которых 4 перевода повести «Трудно быть богом» и 6 переводов повести «Пикник на обочине». Следует отметить, что этот интерес возобновился в середине прошлого десятилетия и до сих пор растет, как представлено на рисунке 1.

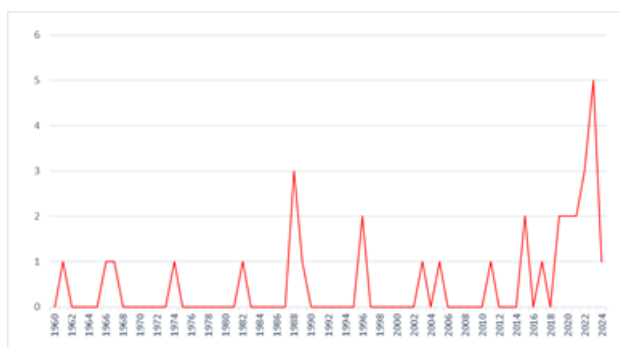

Рис. 1 – Переводы произведений А.Н. и Б.Н. Стругацких, опубликованные в Италии с 1960 г. по сегодняшний день

На основе представленных данных можно считать перевод произведений братьев Стругацких на итальянский язык актуальной темой исследования.

Материалы и методы исследования

Материалом исследования послужили рассказ А.Н. и Б.Н. Стругацких «Забытый эксперимент», впервые опубликованный в сборнике «Шесть спичек» в 1960 г., и его перевод на итальянский язык, который вошел в состав сборника «14 рассказов русской научной фантастики» (*14 racconti di Fantascienza russa*), опубликованный в 1961 г. [44–45]. Выбор данного рассказа является неслучайным: учитывая вышеупомянутый интерес итальянских читателей к их произведениям, именно этот перевод, как первое произведение Стругацких, опубликованное в Италии, представляет собой особый интерес как с переводоведческой, так и с исторической точки зрения.

В ходе исследования были использованы следующие методы: контекстуальный анализ научных, квазинаучных и культурных элементов текста оригинала для лучшего понимания картины мира авторов, на фоне которой развивается сюжет рассказа; сравнительный анализ оригинала и переведенного текста для выявления трудностей, возникших в переводе данного произведения; анализ переводческих приемов и стратегий, примененных переводчиком для преодоления ранее идентифицированных трудностей. Данные методы позволили не только идентифицировать и систематизировать особенности перевода НФ в целом, но и оценить в конечном итоге адекватность изучаемого перевода.

Практическая значимость работы

Материалы исследования могут быть использованы в вузах гуманитарного или лингвистического направления при изучении таких учебных дисциплин, как теория и практика перевода, этика перевода, литературный перевод, практика перевода литературного текста, переводоведение.

Особенности перевода НФ

Как упомянуто выше, НФ характеризуется наличием так называемого новума – попытки объединения фантастического с научным. Его присутствие, соответственно, отражается и на переводе произведений, относящихся к данному жанру: в переводе НФ наблюдаются особенности не только художественного, но и научно-технического перевода. К первой группе можно соотнести такие нюансы, как передача литературного стиля и идиолекта автора, присутствие слов и выражений из разных речевых регистров, употребление выразительной лексики и др. Ко второй группе относятся наличие систематизированной терминологии, состоящей из множества слов и словосочетаний, в т.ч. авторские неологизмы. При этом, как и в научных текстах, авторы НФ избегают использования синонимов для того, чтобы у читателя было ощущение «научности» текста.

По результатам проведенного обзора литературы, посвященной переводу НФ, были определены следующие особенности, представляющие собой трудности перевода:

- научная терминология [\[2, 4, 6, 17, 28\]](#);
- неологизмы и окказионализмы [\[5, 14, 17–18, 21, 23–25, 30, 32\]](#);
- культурные элементы, реалии и ирреалии (квазиреалии, псевдореалии) [2–3, 6, 15, 17, 20, 22, 26–27, 31];
- научно-философские концепции [\[3, 6, 21\]](#);
- авторский стиль [3–4, 6, 17];

· другие аспекты: гиперболы [\[29\]](#), безэквивалентная лексика [\[28\]](#), юмористические элементы [\[16\]](#) и т.д.

За исключением последнего пункта все особенности присутствуют и в изучаемом рассказе.

В тексте обнаружено большое количество научных терминов, относящихся к разным областям знаний. Некоторые, как *бурьян, лес, тайга, распадок, котловина, развалина, (земляной) вал* используются при описании пейзажа, на фоне которого развивается сюжет. Другие описывают архитектурные элементы (*шлагбаум, решетки, ограда, коттедж, кювет, крыльцо, автострада*), флору (*сосны, крапива, шишка, лопух, осина, кусты, трава*) и фауну (*филин, кузнечик, комар, кабан, лось*). Присутствуют также термины из биологии и медицины (*новокаин, спорамин, адгезив, белок, горная болезнь*). Множество терминов использовано при описании танка «Тестудо» и его отдельных элементов: *бронь, танк высшей защиты, фары, (боковой) люк, приборы, пульт и рычаги управления, репродуктор, микрофон, инфракрасный проектор, прожектор, перископ, нарамник перископа, переключатели, двигатель* и др. Очень важную роль с повествовательной точки зрения играют термины, с помощью которых братья Стругацкие создают научный фон вымышленного мира, в котором происходят описанные события: от места проведения самого «забытого эксперимента», обозначенного терминами *эпицентр, зона* или *та сторона*, до различных явлений, произошедших в результате первоначального взрыва двигателя времени, таких как *вспышки, голубой туман* и *иглолочки*.

К последней группе терминов относится большинство неологизмов, придуманных авторами в данном рассказе: *двигатель времени, мезонный генератор, неквантовая протоматерия, тау-механика* или *механика физического времени, тау-электродинамика, телемеханическая лаборатория, энергоотводы*, а также глаголы *квантоваться* и *проквантоваться*. Другие неологизмы включают такие слова и выражения, как *киберразведчики* (и л и киберы), *автокинокамеры, турболет, межпланетники, ИНКМ* (Институт неклассических механик).

Некоторые из вышеупомянутых слов можно трактовать как ирреалии – например, *турболет, голубой туман, эпицентр, зона, та сторона*, – поскольку они описывают «несуществующие реалии, связанные с вымышленным окружением, эффект которых заключается в определении и установлении вымышленной культурной, географической и исторической обстановки» [\[15\]](#). К реалиям, описывающим элементы советского быта, можно отнести такие слова, как *папироса* и *товарищ*.

Как отмечает Р.Е. Тельпов [\[46\]](#), в советское время произведения братьев Стругацких раскритиковали из-за присутствия грубых, просторечных и разговорных языковых средств (не только в публицистических изданиях, например в «Комсомольской правде» от 26.12.1964 г. и в 8 выпуске литературного журнала «Звезда» в 1961 г., но и в научных [\[47\]](#)). Именно этот аспект авторского стиля больше всего выделяется в изучаемом рассказе: в нем встречаются различные выразительные междометия, такие как *дьявол, черт, сволочь, челуха, боже мой* (с вариантом написания *бож-же мой*); устойчивые выражения, как *филькина грамота* и *нам влетело*; слова *сварливо, мямля*; множество глаголов, классифицируемых как просторечные или разговорные – *буркнуть, гаркнуть, ерзать, засопеть, насупиться, прихворнуть, пробормотать, пыхтеть, рывкнуть, слышать, спохватиться, трусить, хмыкнуть, шалить*. Остальные черты идиолекта братьев-фантастов, такие как использование научных терминов, употребление неологизмов и окказионализмов, уже рассматривались в предыдущих абзацах.

Анализ перевода

Рассказ «L'esperimento dimenticato» вошел в состав сборника «14 рассказов русской научной фантастики» (*14 racconti di Fantascienza russa*), опубликованного в 1961 г. издательством Фельтринелли по инициативе журналиста и писателя Я.М. Бергера (более известный на западе под французским псевдонимом Жак Бержье). Перевод – непосредственный (в отличие от других ранних переводов произведений Стругацких, которые переводились с английского). Переводчик – Раиса Нальди (Раиса Григорьевна Олькеницкая-Нальди, Санкт-Петербург, 1886 – Рим, 1978), известная поэтесса и писательница из русской диаспоры, по словам М.П. Пагани «одна из главных переводчиц с русского языка в итальянской литературе XX в.» [48 с. 192]. За свою долгую карьеру, охватывающую десятилетия с 1920-х до 1970-х гг., Р. Нальди перевела произведения М.П. Арцыбашева, А.А. Блока, М.М. Зощенко, Н.Н. Евреинова, Д.С. Мережковского, Н.М. Минского, К.Г. Паустовского, Ф.К. Сологуба, Л.Н. Толстого, И.С. Тургенева, А.П. Чехова, а также стихотворения А.А. Ахматовой, А. Белого, А.А. Блока, И.А. Бунина, З.Н. Гиппиус, Н.С. Гумилева, С.А. Есенина, В.И. Иванова, О.Э. Мандельштама, В.В. Маяковского, Н.К. Рериха, В.С. Соловьева, Ф.К. Сологуба, М.И. Цветаевой и др. (в «Антологии русских поэтов XX века», изданной в Милане в 1924 г.) [48].

Первое – и самое заметное – различие между оригиналом и переводом заключается в том, что оригинальный рассказ разделен на 5 частей, в то время как перевод представляет собой одно целое. К тому же, сравнительный анализ показал, что при переводе рассказа был неоднократно применен переводческий прием опущения не только отдельных слов и фраз, но и целых предложений: оригинал состоит из 748 предложений, в то время как перевод насчитывает всего 700. Следовательно, наблюдается сокращение текстового материала в объеме 48 предложений, что составляет 6,42 % общего объема. Среди пропущенных предложений большинство – короткие реплики диалога (например, – *Нет, – сказал Полесов* [44 с. 94]; – *Правильно, – сказал биолог.* [44 с. 96]; – *Доброе утро, Петр Владимирович, – сказал Беркут* [44 с. 100] и т.д.), описание фоновых действий (например, *Боковой люк танка мягко отвалился* [44 с. 96]; *Иван Иванович открыл один глаз* [44 с. 97]; *Иван Иванович открыл второй глаз* [44 с. 97] и др.). Отдельные моменты рассказа сильно сокращены в переводе по сравнению с оригиналом: например, прощание экипажа «Тестудо» с биологом Круглисом состоит в оригинале из 8 реплик + 1 описательное предложение, а в переводе – всего из 3 реплик [44 с. 102; 45 с. 122]. Очень проблематичным с повествовательной точки зрения является опущение 6 целых предложений наряду с несколькими терминами и оборотами в пятой части рассказа, когда ученые Иван Иванович и Беркут пытаются объяснить водителю Петру Владимировичу Полесову физические принципы, лежащие в основе функционирования двигателя времени – того самого эксперимента, упомянутого в заголовке [44 с. 115–118; 45 с. 134–135]. Опущение данных элементов приводит к упрощению и искажению научной концепции, на фоне которой создан вымышленный мир, в котором происходит действие рассказа. Таким образом, в итальянском переводе частично теряется одна из ранее выделенных особенностей научно-фантастической прозы.

Среди особенностей НФ, из-за которых могут возникать трудности перевода, особую роль играет присутствие научной (и квазинаучной) терминологии. Как известно, один из основополагающих принципов любой терминологической системы – отсутствие (или по крайней мере нежелательность) синонимии и многозначности. Иными словами, даже если слово имеет разные значения, в конкретном контексте термин используется

исключительно в одном из них. Из этого следует, что в переводе каждому термину должно соответствовать исключительно один эквивалент (выбранный среди всех возможных), который используется по всему тексту для соблюдения принципа однозначности и создания эффекта «научности» самого текста. Однако, в итальянской версии рассказа одному и тому же слову и словосочетанию могут соответствовать разные переводческие варианты. Например, слово *шлагбаум* в первой части переведено как *passaggio a livello* (2 раза), *sbarra* (1 раз), *sbarra del passaggio a livello* (5 раз) [45 с. 115, 117–118, 122]; итальянское слово *sbarra*, конечно, является переводческим эквивалентом русского термина *шлагбаум*, но все-таки непонятно откуда взялся термин *passaggio a livello* – железнодорожный переезд, поскольку в тексте нет упоминания железной дороги. Другим примером могут послужить словосочетания *танк высшей защиты* и *высшая защита*, используемые несколько раз в тексте для описания «Тестудо». Первое выражение было переведено как *carro armato di alta potenza* («броневик высокой мощности»), *tank di massima sicurezza* («танк наивысшей безопасности»), *supertank* («супертанк») и *tank supercorazzato* («суперброненосный танк») [45 с. 117, 120, 125, 133], а второе – как *super-difesa* («суперзащита»), *superprotezione* («суперзащита») и *supercorazza* («супербронь») [45 с. 125], а еще как *triplo schermo protettivo* («тройной защитный экран») было переведено выражение *тройная шкура высшей защиты* [45 с. 125–126]. Еще один пример перевода одного и того же термина разными вариантами: слово *пульт*, в том числе в сочетании *пульт управления*, было переведено как *quadro (di comando)* и *tavolo (di comando)* [45 с. 123, 128]. Как опытный переводчик художественной литературы с русского на итальянский язык, Р. Нальди, безусловно, знала, что частое повторение слов не приветствуется в литературном итальянском языке (и в русском тоже). Однако, в научных работах повторы, наоборот, помогают зафиксировать терминологическую систему, и данная характеристика свойственна и НФ. Соответственно, в переводе рассказа теряется еще один элемент среди ранее идентифицированных особенностей НФ.

Что касается авторских неологизмов (которые тоже являются важной частью терминологической системы), большинство из них было переведено дословно, т.е. с помощью калькирования, как показано в таблице 1.

Таблица 1. Перевод авторских неологизмов в [45].

Авторский неологизм	Перевод	Переводческий прием
автокинокамеры	<i>cinecamere automatiche</i>	калькирование + экспликация
двигатель времени	<i>motore del tempo</i>	калькирование
Институт неклассических механик (ИНКМ)	<i>Istituto di meccanica non-classica (I.M.N.C.)</i>	калькирование
киберразведчики (киберы)	<i>kiberi-esploratori (kiberi)</i>	транслитерация + калькирование
межпланетники	<i>interplanetisti</i>	калькирование
мезонный генератор	<i>generatore mesonico</i>	калькирование
неквантовая протоматерия	<i>protomateria non-quantistica</i>	калькирование
квантовая материя		

квантуватися – проквантоваться	<i>formare dei quanti</i>	экспликация
тау-механика или механика физического времени	<i>meccanica causale / meccanica dei rapporti tra causa ed effetto</i>	замена
тау-электродинамика	<i>elettrodinamica causale</i>	замена
телемеханическая лаборатория	<i>laboratorio telemeccanico</i>	калькирование
турболет	<i>elicottero / aviogetto</i>	замена
энергоотводы	<i>servono per la derivazione di energia</i>	описательный перевод

Важно заметить, что при передаче неологизма *киберразведчики* переводчик выбрал прием транслитерации с русского языка при трактовке префиксального терминологического элемента *кибер*, что привело к переводу «жаргонного» сокращения *киберы* по такому же принципу. Конечно, в 1960-х гг. данный терминологический элемент не был таким распространенным, каким он стал в настоящее время, но все равно итальянская Академия делла Круска (самое авторитетное учреждение по вопросам лингвистики в Италии) относит первое появление слова *cibernetica* в качестве калькирования из английского слова *cybernetics* к 1950 г. (см. <https://accademiadellacrusca.it/it/consulenza/cyber/1417>) [44 с. 96, 100–101, 104–105, 107–109, 118; 45 с. 117–118, 124–125, 127–128, 135].

Интересным выбором со стороны переводчика является перевод выражений *тау-механика* и *тау-электродинамика* как *meccanica causale* и *elettrodinamica causale*, соответственно. Использование греческой буквы *тау* (τ) для обозначения наук, лежащих в основе работы двигателя времени, обусловлено тем, что данная буква может обозначать в физике, математике и других сферах науки такие явления, как собственное время, переменная времени, постоянная времени, время релаксации, время прохождения радиосигнала и другие величины, связанные с временем. Поэтому развернутое название *тау-механики* дано в оригинале как *механика физического времени*. Однако, в изучаемом переводе данные области науки – по крайней мере в терминологическом аспекте – сосредоточены не на времени, а на причинно-следственных отношениях: полное название первой науки можно дословно перевести как «механика отношений между причинами и следствиями», а сокращенное название обеих дисциплин – как «причинная механика» и «причинная электродинамика» [44 с. 115–118; 45 с. 134–136].

Еще один неологизм, перевод которого вызывает сомнения, – это слово *турболет*, напоминающее по своей внутренней структуре такие распространенные слова, как *самолет* и *вертолет*. Переводчик в данном случае решил заменить неологизм и обозначенную им ирреалию на более привычные элементы: *elicottero* («вертолет») и *aviogetto* («реактивный самолет»). Такое переводческое решение не только может ввести в заблуждение читателя, который будет думать, что речь идет о разных видах транспорта, но и приводит к потере фантастического элемента, заменяя его другим элементом из нашей повседневной жизни [44 с. 105, 111, 114; 45 с. 125, 130, 133].

Что касается реалий, в тексте можно отнести к советской реальности такие слова, как *папироса* и *товарищ*. Для перевода второго из них в тексте используется словарный эквивалент *compagno* (в 1960-х гг. широко используемый также в Италии членами местной коммунистической партии) [44 с. 95, 97, 100, 101, 104, 106, 111, 113, 119; 45 с. 117, 118, 121, 122, 124, 126, 130, 132, 136]. Слово *папироса* всегда переведено как

sigaretta, т.к. итальянский читатель – скорее всего – не знаком с этим специфичным российским и советским табачным изделием. Прием культурной замены в данном случае допустим, но другие варианты перевода (например, транслитерация в сочетании с экспликацией, описательным переводом или сноской) позволили бы сохранить некий «советский колорит», который можно считать характерным для большинства произведений братьев Стругацких [44 с. 94–95; 45 с. 116].

Интересно, что и другие культурные элементы иногда адаптированы к итальянскому быту: например, в оригинальном тексте Беркут на завтрак *выпил два стакана крепкого чая*, а в переводе – *due bicchieri di latte freddo* («два стакана холодного молока»), что в любом случае может казаться странным для итальянских читателей [44 с. 100; 45 с. 121].

Перевод ранее выделенных разговорных-просторечных выражений и глаголов представлен в таблице 2.

Таблица 2. Перевод просторечных и разговорных выражений в [\[45\]](#).

Оригинал	Перевод
И не дожидаясь ответа, добавил сварливо <...> (с. 94)	<i>E senza aspettare la risposta aggiunse bisbetico <...> (с. 116)</i>
– Гм!.. – хмыкнул Иван Иванович. (с. 94)	<i>"Hum," fece Ivan Ivanovic. (с. 116)</i>
– Понимаю, – буркнул биолог и вздохнул. (с. 95)	<i>"Capisco," grugnì il biologo. Sospirò. (с. 117)</i>
Биолог засопел . (с. 95)	<i>Il biologo ansava. (с. 117)</i>
<...> вы когда-нибудь слыхали , как кричит филин? (с. 95)	<i>"Hai mai sentito il grido del gufo?" (с. 117)</i>
А вы когда-нибудь слыхали , как кричит филин с той стороны? (с. 95)	предложение опущено (с. 117)
– Чего же мы стоим? – спохватился биолог. (с. 95)	<i>"Che cosa stiamo a fare?" disse. (с. 117)</i>
<...> Вы слыхали про голубой туман?	<i>"Hai sentito parlare della nebbia azzurra?"</i>
– Слыхали , – сказал Беркут. (с. 97)	<i>"Sì," rispose Berkut. (с. 118)</i>
– Да, мы слыхали об этом <...> (с. 97)	<i>"Sì, l'abbiamo sentito dire <...> (с. 119)</i>
Принес фотографии, образцы и прихворнул немного. (с. 98)	<i>Riportò delle fotografie, dei campioni e si ammalò. (с. 120)</i>
Нам здорово влетело тогда. (с. 98)	<i>Perbacco, abbiamo avuto una solenne lavata di capo. (с. 120)</i>
– Пожалуй, – пробормотал он. (с. 99)	<i>"Forse conviene," borbottò. (с. 120)</i>
<...> репродуктор голосом Леминга гаркнул : «...немедленно!» (с. 103)	<i><...> l'altoparlante gracchiò: "...immediatamente!" La voce sembrava quella di Leming. (с. 123)</i>
– Приборы шалят , – бодро сказал Беркут. (с. 103)	<i>"Gli apparecchi impazziscono," disse coraggiosamente Berkut. (с. 123)</i>
<...> их показания были, вероятно, филькиной грамотой <...> (с. 103)	<i>Naturalmente <...> quelle indicazioni erano incomprensibili <...> (с. 124)</i>
– Трусят ваши киберы. В первый раз	<i>"Hanno fifa i vostri kiber. Per la prima</i>

вижу киберов, которые трусят . (с. 105)	volta vedo dei kiber impauriti . (с. 125)
– Как бог черепаху... – пробормотал Иван Иванович. (с. 107)	"Cammina come una tartaruga". – глагол опущен (с. 127)
Иван Иванович ерзал на месте <...> (с. 108)	предложение опущено (с. 129)
Беркут всегда казался Полесову мямлей . (с. 110)	Poliessov aveva sempre creduto Berkut un molle . (с. 129)
– Беркут? – рявкнуло в ответ. (с. 113)	"Berkut, "ripeté con voce insolitamente bassa. (с. 133)
Иван Иванович насупился . (с. 119)	Ivan Ivanovic aggrottò le sopracciglia . (с. 136)

Лингвистический анализ приведенных примеров показывает, что:

- большинство (11 из 23) разговорных и просторечных выражений было переведено словами и словосочетаниями, относящимися к стандартному литературному итальянскому языку (прием стандартизации): *сварливо* – (*in modo*) *bisbetico*, *засопеть* – *ansare*, *слыхать* – *sentire*, *прихворнуть* – *ammalarsi*, *пробормотать* – *borbottare*, *филькина грамота* – (*qualcosa di*) *incomprensibile*, *трусить* – (*essere*) *impaurito*, *мямля* – *un molle*;
- в трех случаях применен прием генерализации: *хмыкнул* – *fece*, *спохватился* – *disse*, *слыхали* – *sì*;
- три выражения переданы путем описательного перевода: *нам влетело* – *abbiamo avuto una lavata di capo*, *рявкнуло* – *ripeté con voce insolitamente bassa*, *насупился* – *aggrottò le sopracciglia*;
- три выражения опущены: *слыхали* на 95 с., *пробормотал* на 107 с. и *ерзал* на 108 с.;
- в двух случаях переводчик выбрал прием компенсации и решил передать оттенок грубости просторечных выражений за счет употребления глаголов, описывающих голос животных: *буркнуть* – *grugnire* («хрюкать»), *гаркнуть* – *gracchiare* («каркать»);
- всего один глагол был переведен, используя его функциональный эквивалент: *трусить* – *avere fifa* (существительное, отмеченное в толковых словарях как *fam.* «фамильярное», *scherz.* «шуточное», *colloq.* «разговорное»).

Результаты анализа переводческих приемов, примененных при переводе разговорных и просторечных выражений, представлен на рисунке 2.

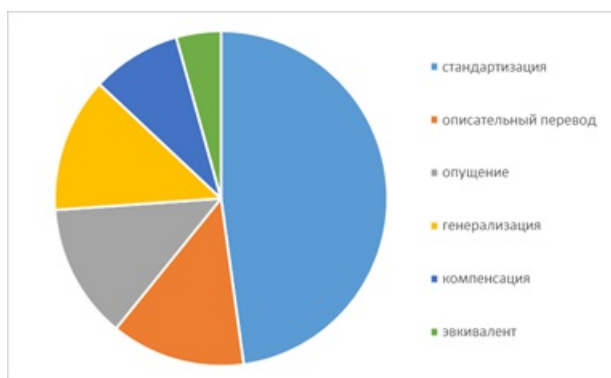

Рис. 2 – Переводческие приемы, примененные при переводе разговорных и просторечных выражений в [45].

Прибегая по большей части к приемам стандартизации, генерализации, описательного перевода, переводчик не передает все тонкости литературного стиля братьев Стругацких.

Подводя итоги, можно сказать, что перевод Р. Нальди:

- 1) слишком часто использует прием опущения, тем самым нарушая процесс создания авторской картины мира, в котором живут герои и происходят события, описанные в самом рассказе;
- 2) прибегая к синонимии при переводе научных и авторских терминов, не соблюдает принцип терминологического единообразия, который является характеристикой научно-фантастических текстов;
- 3) в большинстве случаев передает авторские неологизмы путем калькирования; однако, в некоторых случаях слишком «вольный» или неточный перевод неологизмов снова нарушает создание картины мира, искажая его основополагающие принципы (*таумеханика* – *meccanica causale*) или устраняя элементы фантастики (*турболет* – *elicottero / aviogetto*);
- 4) не соответствует авторскому стилю, поскольку большинство языковых средств, присущих просторечиям и/или разговорной речи, были переведены словами или словосочетаниями стандартного литературного итальянского языка.

Следовательно, несмотря на заслуги Р. Нальди в сфере художественного и поэтического перевода, считать перевод рассказа «Забытый эксперимент» А.Н. и Б.Н. Стругацких адекватным переводом научно-фантастического текста – невозможно.

Заключение

В связи с двойственной природой НФ, т.е. с ее попыткой объединения научного с фантастическим, перевод НФ характеризуется некоторыми особенностями, которые должны быть учтены при переводе. С одной стороны, переводчик должен передать «научность» текста, которая проявляется в его систематизированной, единообразной терминологической системе, в которую входят авторские неологизмы, окказионализмы, псевдотермины, реалии и ирреалии. Очень важную роль в плане повествования играет картина мира, на фоне которого развивается сюжет произведения и который включает не только научные и фантастические элементы, но и возможные научно-философские парадигмы и концепции. С другой стороны, поскольку НФ является отдельным жанром художественной литературы, переводчик призван также передать более литературные элементы, такие как стиль автора, использованные им выразительные средства, тонкости его речи.

Проведенный анализ доказал, что даже опытному переводчику художественной литературы и поэзии, каким была Раиса Нальди, не всегда удастся создать адекватный перевод научно-фантастического текста именно из-за незнания или упущения вышеперечисленных особенностей данного жанра.

Перспективы дальнейшего исследования включают в себя анализ других переводов произведений А.Н. и Б.Н. Стругацких на итальянский язык как в синхроническом, так и диахроническом разрезе, а также анализ переводов работ других авторов-фантастов в разных языковых комбинациях.

Библиография

1. Suvin D. *Metamorphoses of Science Fiction Genre*. New Haven: Yale University Press, 1979.
2. Ахмедов Р.Ш. Перевод текстов научной фантастики: лингвистический и педагогический аспекты // *Til, Ta'lim, Tarjima*. 2021. No. 2 (4). P. 20–30. doi: 10.26739/2181-0796-2021-4-2
3. Белов А.А., Нестерова Я.А. Особенности перевода жанра фантастики // *Вестник науки*. 2020. № 11 (32). С. 14–22.
4. Хациев И.Д. Особенности перевода произведений А. Азимова «Как потерялся робот» и «Выход из положения» с английского на русский // *Современное педагогическое образование*. 2021. № 6. С. 175–178.
5. Aksoy O., Soylemez A.S. Translation of neologisms in science fiction: the textual reality or unreality of the target text // *Istanbul University Journal of Translation Studies*. 2023. No. 18. P. 107–122. doi: 10.26650/iujts.2023.1255932
6. Храмаева Р.Р. Особенности перевода научно-фантастических произведений американской литературы XX века (на материале романов Айзека Азимова) // *Miasto Przyjōści*. 2024. No. 49. P. 1513–1521.
7. Mossop B. The image of translation in science fiction and astronomy // *The Translator*. 1996. No. 2 (1). P. 1–26. doi: 10.1080/13556509.1996.10798961
8. Cheyne R. Created Languages in Science Fiction // *Science Fiction Studies*. 2018. No. 35 (3). P. 386–403.
9. Jones R. Computer Error: Voices and Translations in Edwin Morgan's Science Fiction Poetry // *FORUM: University of Edinburgh Postgraduate Journal of Culture and the Arts*. 2009. No. 9. Retrieved from <https://journals.ed.ac.uk/forum/article/view/629/914>
10. François A.I. Aliens and Translators : Translation as Common Language in Science Fiction and Fantasy // XII Congress of the ICLA. July 2016, Vienna (Austria). Retrieved from <https://hal.science/hal-01426611>
11. Hanff W.A. Fiktions des Wissenschaft – Is Science Fiction Translatable or is Translation a Science Fiction? // *Flusser Studies*. 2020. No. 30. Retrieved from <https://flusserstudies.net/node/809>
12. Imre A. Rendering Science Fiction, Culture, and Language While Translating *Ready Player One* // *Acta Universitatis Sapientiae. Philologica*. 2020. No. 12 (3). P. 70–78.
13. Gao J., Hua Y. On the English Translation Strategy of Science Fiction from Humboldt's Linguistic Worldview – Taking the English Translation of *Three-Body Problem* as an Example // *Theory and Practice in Language Studies*. 2021. No. 11 (2). P. 186–190. doi: 10.17507/tpIs.1102.11
14. Luo J. Sci-Fi Neologism Translation: A Conceptual Blending Theory Perspective // *Theory and Practice in Language Studies*. 2024. No. 16 (6). P. 1828–1837. doi: 10.17507/tpIs.1406.24
15. Loponen M. Translating Irrealia – Creating a Semiotic Framework for the Translation of Fictional Cultures // *Chinese Semiotic Studies*. 2009. No. 2 (1). P. 165–175. doi: 10.1515/css-2009-0117
16. Тельпов Р.Е. Особенности перевода на иностранные языки юмористических названий фантастических персонажей (на материале повести А.Н. и Б.Н. Стругацких «Понедельник начинается в субботу») // *Хумор и сатира в координатах на XXI век (Варна, 01.04.2015)*. Варна: «Парадигма», 2015. С. 34–45.
17. Кислицына Н.Н., Лях А.В. Специфика перевода научно-фантастических текстов // *Иностранные языки: лингвистические и методические аспекты*. 2016. № 34. С. 359–364.
18. Тельпов Р.Е. Семантические неологизмы и окказионализмы: проблема сохранения стилистического эффекта при переводе // *Мир науки, культуры, образования*. 2017. № 2. С. 352–355.

19. Дрыгина Ю.А., Подрез В.И. Лексические переводческие трансформации при переводе научной фантастики // Литературоведение и языкознание: современные тенденции и традиции / Бейсенова Ж.С., Дрыгина Ю.А., Иванова Н.К., Лякина Е.В., Меркулова Н.Е., Муртазина Д.А., Подрез В.И. Нижний Новгород: Профессиональная наука, 2018. С. 35–58.
20. Клементьева В.В. Особенности перевода реалий в научно-фантастических романах Френка Герберта «Дюна» и Пьера Буля «Планета обезьян» // Актуальные вопросы филологической науки XXI века: сборник статей VII Международной научной конференции молодых ученых (09.02.2018). Т. 1: Современные лингвистические исследования. Екатеринбург: УМЦ-УПИ, 2018. С. 159–164.
21. Loïc A. Translating Chinese Science Fiction: The Importance of Neologisms, Coined Words and Paradigms // *Journal of Translation Studies*. 2019. No. 3 (1). P. 97–115.
22. Низовцева Т.В. Особенности перевода бытовых реалий с русского языка на английский в произведениях фантастического жанра (на материале повести А. и Б. Стругацких «Пикник на обочине» и ее перевода на английский язык) // Вестник МГОУ. Серия: Лингвистика. 2019. № 4. С. 107–114. doi: 10.18384/2310-712X-2019-4-107-114
23. Рудакова А.Ю., Иванов Н.В. Псевдономинии и окказионализмы в научной фантастике: сходства и различия // *Colloquium – Journal*. 2019. № 12 (36). С. 72–73. doi: 10.24411/2520-6990-2019-10346
24. Рудакова А.Ю., Иванов Н.В. Авторская лексика в пространстве научной фантастики: особенности перевода // *Colloquium – Journal*. 2019. № 12 (36). С. 74–76. doi: 10.24411/2520-6990-2019-10347
25. Elejalde Sáenz A. (Re)translation and Reception of Neologisms in Science Fiction: A Methodological Proposal // *Transletters. International Journal of Translation and Interpreting*. 2020. No. 4. P. 39–58.
26. Низовцева Т.В. Особенности перевода фантастических реалий с русского на английский язык в произведениях фантастического жанра (на материале повести А. и Б. Стругацких «Пикник на обочине») // Вестник МГОУ. Серия: Лингвистика. 2020. № 3. С. 92–99. doi: 10.18384/2310-712X-2020-3-92-99
27. Martinkovič M. Genre-specific irrealia in translation: Can irrealia help define speculative fiction sub-genres? // *English Studies at NBU*. 2022. No. 8 (1). P. 73–92. doi: 10.33919/esnbu.22.1.5
28. Панченко П.С. Особенности перевода научно-фантастических произведений (на примере романа М. Мейер «Золушка») // Шаг в науку. 2023. № 3. С. 67–71.
29. Ievleva A.Yu., Khranchenko D.S. Stretching Reality: the Function & Translation of Hyperbole in Anglophone Satirical Science Fiction Literature // *Дискурс профессиональной коммуникации*. 2023. № 5 (2). С. 70–80. doi: 10.24833/2687-0126-2023-5-2-70-80
30. Ярошенко П.Н. Авторская лексика в научной фантастике: способы образования и межъязыковой трансляции (на материале произведений Уильяма Гибсона) // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. 2023. № 6 (874). С. 138–145. doi: 10.52070/2542-2197_2023_6_874_138
31. Маслова А.А. Перевод квазиреалий в научно-фантастическом жанре (на основе романа Р.Ф. Куанг «Вавилон») // Молодой ученый. 2024. № 15 (514). С. 140–143.
32. Ярошенко П.Н. Подходы к переводу авторских неологизмов в научно-фантастическом тексте: на материале романа Уильяма Гибсона «Нейромант» // Мир культуры, науки, образования. 2024. № 3. С. 464–466.
33. Gouanvic J.-M. Sociologie de La Traduction: La Science-Fiction Américaine Dans l'Espace Culturel Français Des Années 1950. Arras: Artois presses université, 1999.
34. Gómez Castro C. The reception of science fiction and horror story anthologies in the last years of Francoist Spain: Censoring aliens and monsters in translations // *Translation in*

- anthologies and collections (19th and 20th centuries) / Ed. By T. Seruya, L. D'hulst, A.A. Rosa, M.L. Moniz. Amsterdam: John Benjamins, 2013. P. 217–228.
35. Bianchi D. Future re-visions. The construction of generic identity in the Italian translated titles of Anglo-American science fiction // *Annali di Ca' Foscari. Serie Occidentale*. 2015. No. 49. P. 227–238. doi: 10.14277/2385-3034/AnnOc-49-15-12
36. Iannuzzi G. Traduttore, consulente editoriale, intellettuale: Riccardo Valla e la fantascienza angloamericana in Italia // *Rivista Internazionale di Tecnica della Traduzione / International Journal of Translation*. 2017. No. 19. P. 265–286. doi: 10.13137/2421-6763/17363
37. Iannuzzi G. Science fiction, cultural industrialization and the translation of technoscience in post-World War II Italy // *Perspectives*. 2018. No. 26. P. 885–900. doi: 10.1080/0907676X.2018.1496461
38. Cifariello A. Piccolo bilancio delle traduzioni italiane della narrativa fantascientifica russa (1991–2022) // *Studi Slavistici*. 2023. No. 20 (1). P. 129–146.
39. Wozniak M. Technobabble on screen: Translating science fiction films // *InTRAlinea*. 2014. Special issue: Across Screens Across Boundaries / Ed. by R.M. Bollettieri Bosinelli, E. Di Giovanni, L. Rossato. Retrieved from <https://www.intraline.org/specials/article/2074>
40. Böhme C. Mediating science fiction film through translation and commentary: The *Star Wars* episode "Attack of the Clones" in Kiswahili // *Swahili Forum*. 2018. No. 25. P. 118–137.
41. Андуганова М.Ю., Корчагина А.А. Специфика окказиональных сочетаний и способы их перевода в дискурсе телесериала «Доктор Кто» // *Вестник Марийского государственного университета*. 2019. № 13 (4). С. 548–553. doi: 10.30914/2072-6783-2019-13-4-548-553
42. Korpi S. Generic Fluency in Professional Subtitling: Neology as the Voice of Science Fiction in Audiovisual Translation // *JAT. Journal of Audiovisual Translation*. 2021. No. 4 (3). P. 89–107. doi: 10.47476/jat.v4i3.2021.183
43. Colombo D. "Zona": apologia della *N.d.t.* Competenza lessicale e competenza culturale // *InTRAlinea*. 2004. No. 7. Retrieved from <http://www.intraline.org/archive/article/1615>
44. Стругацкий А.Н., Стругацкий Б.Н. Забытый эксперимент // *Шесть спичек*. М.: Детгиз, 1960. С. 93–119.
45. Strugackij A. e B. L'esperimento dimenticato // *14 racconti di Fantascienza russa* / A cura di J. Bergier. Milano: Feltrinelli, 1961. P. 115–136.
46. Тельпов Р.Е. Особенности языка и стиля прозы братьев Стругацких: дис. ... канд. филол. наук. Москва: МПГУ, 2008.
47. Н.М. Несообразности в фантастике. Несколько замечаний о стиле А. и Б. Стругацких // *Русская речь*. 1972. № 6. С. 35–40.
48. Pagani M.P. Un regista in esilio e la sua traduttrice. Nikolaj Evreinov e Raissa Ol'kenickaja Naldi // *Archivio Russo Italiano V. Russi in Italia – Русско-итальянский архив V. Русские в Италии* / A cura di A. d'Amelia e C. Diddi. Salerno: Europa Orientalis, 2009. P. 191–217

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Статья «Особенности перевода научно-фантастической прозы (на примере итальянского перевода рассказа «Забытый эксперимент» А. и Б. Стругацких)» представляет собой исследование в области переводоведения.

Статья актуальна, так как, по мнению автора, интерес к переводам произведений

Стругацких в италияязычной среде в настоящее время растет.

Цель работы заключается в выявлении особенностей перевода произведений в жанре научной фантастики, а также возникающих трудностей и способов их преодоления.

В качестве объекта исследования выступает итальянский перевод рассказа «Забытый эксперимент» А.Н. и Б.Н. Стругацких.

В работе использована комбинация методов, в частности, контекстуальный анализ научных, квазинаучных и культурных элементов текста оригинала для лучшего понимания картины мира авторов, на фоне которой развивается сюжет рассказа; сравнительный анализ оригинала и переведенного текста для выявления трудностей, возникших в переводе данного произведения; анализ переводческих приемов и стратегий, примененных переводчиком для преодоления ранее идентифицированных трудностей.

Статья хорошо структурирована. В статье есть введение, цели и задачи, актуальность, методология исследования, основная часть, а также выводы и библиография.

Основная часть посвящена анализу трудностей перевода, обусловленных особенностями жанра. Автор подчеркивает разноплановость лексики, состоящей из научной терминологии, неологизмов и окказионализмов, реалий и ирреалий (квазиреалии, псевдореалии), научно-философских концепций, элементов авторского стиля, приемов художественной выразительности, таких как гипербола, безэквивалентной лексики, юмористических элементов и т. д.

В анализе текста автор делает ремарку о том, что оригинал и перевод отличаются структурой, в тексте при этом использован приём опущения.

В качестве примера перевода авторских неологизмов выступают слова-кальки, приведенные автором в специальной таблице.

Автор также отмечает откровенные неточности перевода с русского на итальянский, при которых теряется смысл, заложенный в языке-оригинале, например, перевод слова «турболет» как *elicottero* (вертолет).

В заключении автор делает вывод о том, что «прибегая по большей части к приемам стандартизации, генерализации, описательного перевода, переводчик не передает все тонкости литературного стиля братьев Стругацких».

Стиль статьи научный, информация представлена объективно, выводы обоснованы результатами исследования.

Данные результаты можно считать научно обоснованными и достоверными.

Объём статьи является достаточным.

Статья написана в соответствии с критериями, предъявляемым к научным статьям.

Статья оформлена в соответствии с требованиями к научным статьям, содержит ссылки на источники и список литературы, включающий в себя наиболее актуальные исследования по данной теме.

В целом, статья «Особенности перевода научно-фантастической прозы (на примере итальянского перевода рассказа «Забытый эксперимент» А. и Б. Стругацких)» представляет собой научно-исследовательскую работу высокого уровня, которая вносит вклад в изучение актуальных тенденций переводоведения. Работа соответствует требованиям, предъявляемым к научным статьям, и может быть рекомендована к публикации в журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Тянь Ц., Никонов С.Б., Гурушкин П.Ю., Мельник Г.С. Медиаландшафт Уганды // Litera. 2024. № 12. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.12.72603 EDN: USLQMX URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=72603

Медиаландшафт Уганды

Тянь Цзяхуан

магистр; институт «Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций»; Санкт-Петербургский государственный университет

199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7-9

✉ st075572@student.spbu.ru

Никонов Сергей Борисович

ORCID: 0000-0002-8340-1541

доктор политических наук

профессор; кафедра Международной журналистики; Санкт-Петербургский государственный университет

199034, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Университетская, 7/9, 707

✉ NikonovS@mail.ru

Гурушкин Павел Юрьевич

ORCID: 0000-0001-6980-0573

кандидат политических наук

доцент; кафедра Менеджмента массовых коммуникаций СПбГУ; Санкт-Петербургский государственный университет

199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7-9

✉ gurupavel@ya.ru

Мельник Галина Сергеевна

доктор политических наук

профессор; институт «Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций»; Санкт-Петербургский государственный университет

199034, Россия, г. Санкт-Петербург Васильевский остров, Университетская наб., 7-9

✉ melnik.gs@gmail.com

[Статья из рубрики "Журналистика"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2024.12.72603

EDN:

USLQMX

Дата направления статьи в редакцию:

04-12-2024

Дата публикации:

11-12-2024

Аннотация: В данном исследовании анализируется эволюция медиаландшафта Уганды и его взаимодействие с политической средой. СМИ в Уганде исторически претерпели трансформацию от внешнего контроля в колониальную эпоху до локального развития после обретения независимости и перехода в цифровую эпоху. Несмотря на конституционную гарантию свободы СМИ в Уганде, они по-прежнему подвергаются жесткой государственной цензуре и контролю, особенно в сфере регулирования социальных сетей и онлайн-платформ. Это явление показывает противоречия и сложности между свободой СМИ и государственным контролем в Уганде. Около 98 % угандийских домохозяйств имеют доступ к радио через традиционное радио, телефон или Интернет. Радио имеет широкий охват в Уганде, особенно в отдаленных районах, где оно стало основным источником информации для населения. По сравнению с телевидением и печатными СМИ радио имеет большее влияние, и люди в целом доверяют радио и считают его содержание более прямым, надежным и простым для понимания. В исследовании применяется качественный исследовательский подход, сочетающий документальный анализ, тематические исследования и сравнительный анализ. Для этого потребовалось, во-первых, проследить исторические предпосылки и эволюцию политики СМИ в Уганде. Во-вторых, выбрать типичные государственные и частные СМИ для тематических исследований и изучить их социальные функции под контролем правительства. Актуальность данной работы заключается в том, что, анализируя историческое развитие СМИ Уганды, их современное состояние и связь с политикой, можно представить конкретный пример для изучения африканских медиасистем. Объектом исследования в данной работе является медиаландшафт Уганды, а предмет – особенности процесса развития и характеристики угандийских СМИ. Новизна исследования заключается в сочетании многомерных перспектив исторической, политической и медийной среды Уганды для систематического анализа эволюции угандийского медиаландшафта и его взаимодействия с политической системой. Кроме того, в исследовании представлен уникальный взгляд на проблемы, с которыми сталкиваются угандийские СМИ в условиях глобализации, в частности на борьбу между ростом социальных медиа и государственным регулированием, что предлагает новые идеи для понимания отношений между СМИ и политикой в других африканских странах.

Ключевые слова:

Уганда, СМИ, свобода СМИ, социальные сети, государственный контроль, Медиасистема У г а н д ы , История журналистики, информационное пространство, онтология журналистики, Международная журналистика

Введение

В контексте перестройки глобального порядка и усиления геополитической конкуренции

изучение медиаландшафтов африканских государств имеет большое значение. Уганда, государство на востоке Африки, которое находится без выхода к морю, сформировала особый политический и экономический ландшафт и медиасреду под длительным правлением президента Мусевени. Медиасистема Уганды прошла через процесс развития от внешнего контроля в колониальную эпоху до локализации после обретения независимости, и в настоящее время имеет плюралистический ландшафт, охватывающий радио, телевидение, печатные и онлайн-СМИ. В процессе глобализации и расширения регионального сотрудничества, такого как Восточноафриканское сообщество и сотрудничество Юг-Юг, угандийские СМИ сталкиваются с растущими вызовами и возможностями, а их освещение все больше отражает позицию и стратегии Уганды в глобальном политическом и экономическом порядке.

Актуальность данной работы заключается в том, что, анализируя историческое развитие СМИ Уганды, их современное состояние и связь с политикой, можно представить конкретный пример для изучения африканских медиасистем. Особенно в контексте высокого уровня государственного контроля над СМИ и цифровой трансформации, изучение медиаландшафта Уганды способствует более глубокому пониманию дилемм свободы СМИ в условиях политической власти и влияния информационных потоков на социально-политические изменения.

Объектом исследования в данной работе является медиаландшафт Уганды, а предмет - особенности процесса развития и характеристики угандийских СМИ.

Цели исследования - проанализировать эволюцию угандийского медиаландшафта; изучить, как угандийские СМИ действуют под политическим контролем; выяснить роли и функции государственных и частных СМИ; сосредоточиться на влиянии роста социальных медиа на распространение политической информации и стратегиях правительства по контролю над информацией в сети.

Новизна исследования заключается в сочетании многомерных перспектив исторической, политической и медийной среды Уганды для систематического анализа эволюции угандийского медиаландшафта и его взаимодействия с политической системой. Кроме того, в исследовании представлен уникальный взгляд на проблемы, с которыми сталкиваются угандийские СМИ в условиях глобализации, в частности на борьбу между ростом социальных медиа и государственным регулированием, что предлагает новые идеи для понимания отношений между СМИ и политикой в других африканских странах.

Методология и методы и исследования

В этом исследовании применяется качественный исследовательский подход, сочетающий документальный анализ, тематические исследования и сравнительный анализ. Во-первых, проследить исторические предпосылки и эволюцию политики СМИ в Уганде. Во-вторых, выбрать типичные государственные и частные СМИ для тематических исследований и изучить их социальные функции под контролем правительства. Наконец, оценить текущее состояние свободы СМИ в Уганде в цифровую эпоху.

Научная разработанность темы

Изучению медиаландшафта Уганды посвящено множество научных работ. Российский ученый Онгора Джером Боний^[1] сосредоточился на формировании и эволюции угандийской прессы в 1980-х и 1990-х годах, а китайский ученый Чэнь Лидань^[2] изучил историческое развитие угандийских СМИ. Отечественные угандийские ученые также

провели обширные исследования политической среды и новостных ценностей Уганды. Например, Асимве Исаак Казаара [3] рассматривает политическую систему Уганды и подчеркивает тот факт, что СМИ могут выступать в роли обоюдоострого меча, Раджаб Идд Муинго [4] сравнивает New Vision и Daily Monitor, чтобы глубже проникнуть в ценности, воплощенные в угандийских газетах, а ученый Бернард Табайер [5] рассматривает журналистику и политическое угнетение в Уганде и др. Кроме того, изучению политической системы Уганды уделяли внимание и зарубежные ученые, такие как Аили Мари Трипп [6], Сэм Уилкинс [7], Клэр Аюма А. [10]. Исследования этих ученых обеспечивают прочную теоретическую основу для данного исследования.

Результаты исследования

Политическая система Уганды - это президентская республика с многопартийной системой, президент имеет большую власть как глава правительства и главнокомандующий вооруженными силами. Йовери Мусевени пребывает у власти с 1986 года, что делает его одним из самых долгоживущих лидеров в Африке. Он положил конец хаосу многолетней гражданской войны в Уганде и сделал политическую ситуацию в стране более стабильной. В 2005 году Мусевени принял поправку к конституции, отменяющую ограничение президентского срока, тем самым заложив правовую основу для своего долгосрочного правления.

Хотя Конституция Уганды теоретически гарантирует многопартийную демократию, на практике в национальной политике долгое время доминировало Движение национального сопротивления (National Resistance Movement, NRM). Эта модель управления рассматривается многими учеными как имеющая характеристики «самодержавной демократии» и «полуавторитарной». Ученый Аили Мари Трипп определяет Уганду как «гибридный режим» и отмечает, что «степень, в которой Национальное движение сопротивления стремилось закрепить недемократические положения в законах и конституции, иллюстрирует как его потребность в легитимации своей практики посредством формальных механизмов, так и его стремление монополизировать власть» [6].

Развитие журналистики в Уганде происходило в обстановке политических потрясений, а роль и функции СМИ на разных этапах в значительной степени зависели от политической обстановки и социальных изменений. Зарождение угандийских СМИ можно отнести к коммуникационной деятельности миссионеров в конце XIX века. В 1896 году вся Уганда была колонизирована Великобританией. Англиканские миссионеры основали первую англоязычную газету Уганды, «Менго нотс» (Mengo Notes) в 1900 году для служения религиозным коммуникациям и колониальному правительству (Monitor. How native media influenced issues in pre-independence Uganda <https://www.monitor.co.ug/uganda/magazines/people-power/how-native-media-influenced-issues-in-pre-independence-uganda-3299230> (дата обращения: 23.11.2024)).

Эта газета положила начало журналистике в Уганде и была одним из ключевых компонентов СМИ в колониальный период.

Однако под гнетом колониального правления местные жители постепенно пытались завести собственные средства массовой информации, чтобы выразить свое недовольство эксплуатацией и угнетением. В декабре 1920 года вышла первая независимая газета в Восточной Африке - «Секаньоля» (Sekanyolya). Это был ежемесячный журнал на языке луганда, основанный группой баганда, работавших в Найроби, в основном в качестве

клерков, учителей и печатников. Название газеты, *Sekanyolya*, - это название птицы с длинной шеей на языке луганда, которое означает «наблюдать» и символизирует миссию проливать свет на социальные проблемы [8]. Газета считается важным средством массовой информации для ранней националистической и антиколониальной борьбы в Восточной Африке, заложив идеологическую основу для последующего движения за независимость.

В период после обретения Угандой независимости в 1962 году и вплоть до 1986 года СМИ постепенно индигенизировались, и содержание газет стало фокусироваться на политическом ландшафте и методах управления нового правительства. В этот период угандийские СМИ приобрели новый облик, но прогресс в области свободы СМИ сопровождался проблемами. Во время двух правлений Аполлона Милтона Оботе (1962-1971, 1980-1985) и военной диктатуры Иди Амина (1971-1979) свобода СМИ была сильно подорвана. Средства массовой информации не только подвергались жесткой цензуре, но и стали инструментом пропаганды режима. Особенно во время правления Иди Амина репрессии в отношении СМИ, особенно печатных, достигли своего пика. Журналистской экосистеме Уганды был нанесен значительный ущерб: журналисты преследовались, а частная журналистика практически исчезла (*Monitor. A look back at the 119-year journey of Uganda's newspapers* <https://www.monitor.co.ug/uganda/magazines/people-power/a-look-back-at-the-119-year-journey-of-uganda-s-newspapers-1826536> (дата обращения: 23.11.2024).

В 1990-е годы, начиная с прихода к власти Мусевени, ситуация в сфере журналистики и развития СМИ в Уганде несколько либерализовалась, появились частные газеты, радио- и телеканалы. Однако официальные СМИ по-прежнему занимают важное место. В 1995 году в Уганде была принята новая конституция, статья 29 которой, посвященная средствам массовой информации, прямо гарантирует свободу СМИ - «Каждый человек имеет право на свободу слова и выражения мнений, которая включает свободу прессы и других медиа» (Uganda Legal Information Institute. Constitution of the Republic of Uganda https://ulii.org/akn/ug/act/statute/1995/constitution/eng@2018-01-05#chp_Four__sec_29 (дата обращения: 25.11.2024). Однако правительство последовательно рассматривает прессу как важный инструмент поддержания стабильности режима, ограничивая присутствие критических голосов. «Мы хотим свободы прессы, но мы не можем допустить, чтобы враждебные элементы выступали против нас». Мусевени сформулировал такой «либеральный» взгляд на свое правительство [5]. Это говорит о том, что государственная поддержка СМИ носит условный характер, а свобода прессы часто подавляется политикой, когда речь идет о деликатных вопросах. Стоит отметить, что Закон о прессе и журналистах (2000) наделяет правительство полномочиями регулировать регистрацию журналистов и содержание новостей, что еще больше усиливает государственный контроль над СМИ (Uganda Legal Information Institute. Press and Journalist Act. <https://ulii.org/akn/ug/act/statute/1995/6/eng@2014-02-10> (дата обращения: 25.11.2024).

Сегодня медиаландшафт Уганды богат и разнообразен, он включает в себя широкий спектр печатных изданий, радио и телеканалов, а также интернет-платформ. По данным Медиа-комиссии Уганды (Media Council of Uganda), по состоянию на 2021 год в Уганде насчитывается 315 радиостанций, 30 телестанций, 60 печатных изданий и более 70 онлайн-изданий (Media council of Uganda registration of press and media. <https://mediacouncil.go.ug/media-council-of-uganda-registration-of-press-and-media/> (дата обращения: 26.11.2024).

Таблица 1: Примеры основных видов СМИ в Уганде

Вид СМИ	Название СМИ	Атрибуты владения	Описания
Газеты	New Vision	Государственные СМИ	Крупнейшая государственная ежедневная газета, освещающая политику правительства, социальное развитие, внутренние и международные новости и являющаяся основным каналом распространения правительственной информации.
	Bukedde	Государственные СМИ	Ведущая тиражная газета на языке луганда для широкой общины луганда, принадлежащая New Vision Group.
	Daily Monitor	Частные СМИ	Одна из самых влиятельных частных газет Уганды с независимыми редакторами и журналистами, уделяющая особое внимание политике, социальным вопросам и борьбе с коррупцией, а также критикующая политику правительства.
	The Observer	Частные СМИ	Частная англоязычная еженедельная газета, в основном принадлежащая группе журналистов. Они отделились от Daily Monitor в 2004 году.
Радио	(Uganda Broadcasting Corporation) UBC RADIO UGANDA	Государственные СМИ	Государственная радиостанция Уганды, которая вещает на английском и суахили, считается рупором правительства.
	UBC BUTEBO FM	Государственные СМИ	Местная радиостанция UBC, предлагающая разнообразный радиоконтент, ориентирована в основном на слушателей в восточном регионе, основными языками являются Атесо, Лумасаба и Лусога.
	Radio Simba	Частные СМИ	Частная коммерческая радиостанция, вещающая на языке луганда на центральную часть Уганды. Это одна из самых популярных частных радиостанций в Уганде.
	Capital FM	Частные СМИ	Англоязычный радиоканал,

			транслирующий музыку, развлечения, новости и многое другое. Широкий охват делает его одной из самых слушаемых радиостанций в Уганде.
Телевидение	(Uganda Broadcasting Corporation) UBC TV	Государственные СМИ	Государственный телеканал Уганды с тремя филиалами - Star TV, Magic и U24. Это главный канал для распространения правительственной политики и информации.
	Bukedde TV	Государственные СМИ	Телеканал управляется государственной компанией New Vision Group. Bukedde TV - один из самых просматриваемых телеканалов в Уганде.
	NTV-Uganda	Частные СМИ	Телестанция принадлежит дочерней компании Кенийской национальной медиагруппы (Kenya National Media Group).
	NBS	Частные СМИ	NBS фокусируется на политике, имея одно из крупнейших в стране политических ток-шоу Frontline. NBS также имеет ряд коммерческих, спортивных, молодежных и развлекательных программ.

Исходя из данного исследования, следует, что медиарынок Уганды не только представляет собой модель сосуществования государственных и частных СМИ, но также охватывает несколько языков, отражая разнообразие угандийской культуры.

Газета «New Vision», появившаяся в 1986 году, в значительной степени отражает политическую структуру Уганды и влияние правительства на средства массовой информации. Являясь основным официальным СМИ государства, газета в основном освещает политические достижения правительства, особенно в области внутривластной стабильности, экономического развития и внешней политики. Через газету «New Vision» правительство формирует положительный имидж Уганды на международной арене. В отличие от частных СМИ, таких как газета «Daily Monitor», которые предоставляют более независимые и критические материалы. Таким образом, обе газеты были созданы с сильными основополагающими принципами: New Vision - для распространения видения NRM, а Monitor - для строгого контроля за NRM^[9]. Это взаимодействие между государственными и частными СМИ демонстрирует разнообразие и сложность угандийского медиарынка.

Согласно отчету «Медиаландшафт Уганды 2023», опубликованному Африканским центром СМИ, самым важным видом СМИ в Уганде является радио (African Centre for Media Excellence. Report on the state of Uganda's media landscape 2023. <https://acme-ug.org/2024/08/12/report-on-the-state-of-ugandas-media-landscape-2023/> (дата обращения: 27.11.2024)).

Около 98 % угандийских домохозяйств имеют доступ к радио через традиционное радио, телефон или Интернет. Радио имеет широкий охват в Уганде, особенно в отдаленных районах, где оно стало основным источником информации для населения. По сравнению с телевидением и печатными СМИ радио имеет большее влияние, и люди в целом доверяют радио и считают его содержание более прямым, надежным и простым для понимания.

С ростом популярности компьютеров и Интернета в Уганде быстро развиваются онлайн-СМИ и социальные сети. Социальные сети, такие как Facebook (запрещены на территории России), Twitter (запрещены на территории России) и WhatsApp, стали основным средством доступа к информации для угандийцев, особенно для молодежи. Особенно во время выборов и общественных движений социальные медиа-платформы, такие как Facebook (запрещены на территории России), Twitter (запрещены на территории России) и т. д., предоставляют гражданам пространство для выражения своих взглядов, но при этом испытывают давление со стороны государственного регулирования.

Свобода интернета и свобода СМИ сталкиваются с многочисленными проблемами. В 2018 году правительство ввело «налог на социальные сети», ограничив свободный доступ к платформам и увеличив стоимость пользования социальными сетями. Однако из-за широкого использования гражданами виртуальных частных сетей (VPN), позволяющих избежать налога, в 2021 году этот налог был заменен налогом на все пакеты интернет-данных^[7]. По поводу контроля над социальными сетями Мусевени подчеркнул, что «мы собираемся контролировать это. Мы знаем, кто распространяет призывы к ненависти. Мы будем их преследовать» (Monitor. Ten things Museveni, media gurus discussed at inaugural presidential media round table. <https://www.monitor.co.ug/uganda/news/national/ten-things-museveni-media-gurus-discussed-at-inaugural-presidential-media-round-table--1756064> (дата обращения: 28.11.2024).

В 2022 году принятие закона о неправомерном использовании компьютеров (поправка) еще больше усилило цензуру онлайн-контента. Закон запрещает отправку и распространение сообщений, пропагандирующих ненависть, а также ложных, вредоносных и незапрашиваемых сообщений (Computer Misuse (Amendment) Bill. 2022. [https://bills.parliament.ug/attachments/Computer%20Misuse%20\(Amendment\)Act,%202022.pdf](https://bills.parliament.ug/attachments/Computer%20Misuse%20(Amendment)Act,%202022.pdf) (дата обращения: 28.11.2024).

Такая политика подвергает журналистов и новостные организации большому риску цензуры, штрафов или даже судебного преследования, особенно при освещении политически острых тем. Эти меры отражают противоречие между сохранением поверхностной свободы прессы и реальным подавлением в Уганде.

Выводы

Данное исследование дает данные об историческом развитии медиаландшафта Уганды и взаимоотношения между государством и средствами массовой информации. От внешнего контроля в колониальный период, локального развития после обретения независимости и до появления цифровых СМИ в наши дни - медиасистема Уганды претерпела глубокие изменения. Несмотря на конституционные гарантии свободы СМИ, при правительстве Мусевени они по-прежнему подвергаются жесткому государственному регулированию. В Глобальном индексе прессы за 2024 год, опубликованном организацией «Репортеры без границ», Уганда заняла 128-е место из 180 стран и территорий мира по уровню развития прессы (Reporters without borders. <https://rsf.org/en/country/uganda> (дата обращения:

29.11.2024).

Это отражает сложные проблемы, с которыми сталкивается свобода СМИ в Уганде. В будущем то, как угандийские СМИ будут реагировать на противоречия между свободным распространением информации и государственным контролем, вызванные появлением цифровых платформ в условиях глобализации, останется важным фактором, определяющим их политическое и социальное будущее.

Библиография

1. Онгора Джером Боний. Пресса Уганды : Становление, развитие, типол. своеобразие, 80-90 гг. : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.01.10. - Воронеж, 1996. - 210 с.
2. Chen Lidan, Gao Rui Bin, Wang Ziqiang. From shocks to stable development of Uganda's news communication industry. Journalism, 2016(05). С. 60-66.
3. Asiimwe Isaac Kazaara. Political environment and journalism practice in Uganda. A case study of kampala district. Metropolitan International University. 2023. P. 329
4. Rajab Idd Muyingo. News Values in the Ugandan newspapers: A content analysis study on the New Vision and the Daily Monitor newspapers. Kabale University. 2013.
5. Tabaire B. The Press and Political Repression in Uganda: Back to the Future? Journal of Eastern African Studies, 1(2). 193–211. 2007.
6. Tripp Aili Mari. Musevenis Uganda: Paradoxes of Power in a Hybrid Regime. Lynne Rienner Publishers. USA: Boulder. 2010. P.223
7. Wilkins S., Vokes, R. Transition, transformation, and the politics of the future in Uganda. Journal of Eastern African Studies. 17(1–2). 2023. pp. 262–279.
8. Scotton James F. The First African Press in East Africa: Protest and Nationalism in Uganda in the 1920 s. The International Journal of African Historical Studies. vol. 6, no. 2, 1973. pp. 211–28.
9. Stremlau N. The Making of a Media System in Uganda: A New Vision and a Revolutionary Origin. In: Price M, Stremlau N, eds. Speech and Society in Turbulent Times: Freedom of Expression in Comparative Perspective. Cambridge University Press. 2017. pp.96-113.
10. Клэр Аюма Амухайа Организационная структура Африканской архитектуры мира и безопасности (APSA) в контексте обеспечения мира и безопасности в Восточной Африке Вестник СПбГУ. Востоковедение и африканистика, 16(1), 264–282.
<https://doi.org/10.21638/spbu13.2024.116>

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Статья «Медиаландшафт Уганды» представляет собой исследование в области современной африканистики, а именно анализа средств массовой коммуникации.

Статья хорошо структурирована. В статье представлены введение, предмет и объект исследования, актуальность, новизна, методология исследования, основная часть, а также выводы и библиография.

Объектом исследования в данной статье является медиаландшафт Уганды. Предмет исследования - особенности процесса развития и характеристики угандийских СМИ.

Цели, стоящие перед автором исследования, включают в себя анализ эволюции угандийского медиаландшафта; изучение функционирования угандийских СМИ под политическим контролем; выявление роли и функции государственных и частных СМИ;

анализ влияния роста социальных медиа на распространение политической информации. Новизна исследования заключается в сочетании многомерных перспектив исторической, политической и медийной среды Уганды для систематического анализа эволюции угандийского медиаландшафта и его взаимодействия с политической системой.

Методом проведения исследования является качественный исследовательский подход, сочетающий документальный анализ, тематические исследования и сравнительный анализ.

В основной части работы автор анализирует подробно освещает имеющиеся источники, описывающие состояние современной медиасреды Уганды, что обеспечивают прочную теоретическую основу для данного исследования.

Здесь же автор подробно описывает историю возникновения и развития сначала колониальных, а потом и постколониальных СМИ в Уганде, подчеркивая их важную роль в ранней националистической и антиколониальной борьбе в Восточной Африке в последующем движении за независимость.

Либерализацию СМИ в конце 20 века автор статьи связывает с приходом к власти президента Мусевени, однако подчеркивает, что медиасреда продолжила оставаться в той или иной степени под контролем государства.

Автор приводит в пример несколько угандийских газет (например, газету «New Vision»), радиостанций и телеканалов. Автор также отмечает, что «медиарынок Уганды не только представляет собой модель сосуществования государственных и частных СМИ, но также охватывает несколько языков, отражая разнообразие угандийской культуры».

Автор статьи видит полицентричность информационной среды в противопоставлении государственных и частных СМИ. В частности, сказано, что «через газету «New Vision» правительство формирует положительный имидж Уганды на международной арене. В отличие от частных СМИ, таких как газета «Daily Monitor», которые предоставляют более независимые и критические материалы».

В заключении автор делает следующий вывод: «от внешнего контроля в колониальный период, локального развития после обретения независимости и до появления цифровых СМИ в наши дни - медиасистема Уганды претерпела глубокие изменения. Несмотря на конституционные гарантии свободы СМИ, при правительстве Мусевени они по-прежнему подвергаются жесткому государственному регулированию».

Стиль статьи научный, информация представлена объективно, выводы обоснованы результатами исследования.

Объем статьи является достаточным.

Статья написана в соответствии с критериями, предъявляемым к научным статьям.

Статья оформлена в соответствии с требованиями к научным статьям, содержит ссылки на источники и список литературы, включающий в себя наиболее актуальные исследования по данной теме.

В целом, статья «Медиаландшафт Уганды» представляет собой научно-исследовательскую работу высокого уровня, которая вносит вклад в изучение актуальных тенденций в области риторики. Работа соответствует требованиям, предъявляемым к научным статьям, и может быть рекомендована к публикации в журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Лиджиев М.А., Лиджиева Д.М. Народные методы исцеления в романе В. Нурова «Белобородый старец» //

Litera. 2024. № 12. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.12.72678 EDN: VGCNWV URL:

https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=72678

Народные методы исцеления в романе В. Нурова «Белобородый старец»

Лиджиев Мингиян Алексеевич

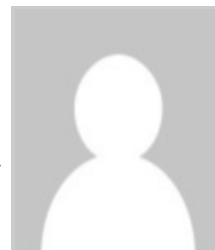
ORCID: 0000-0002-5113-7766

кандидат филологических наук

доцент; кафедра Калмыцкой литературы и журналистики; Калмыцкий государственный университет
им. Б.Б. Городовикова

358000, Россия, республика Калмыкия, г. Элиста, ул. Николая Митровича Очирова, 19

✉ mingiyan75@mail.ru

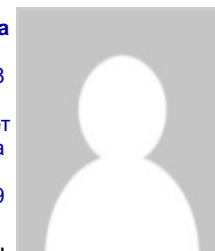
Лиджиева Джиргал Мингияновна

ORCID: 0000-0002-7571-9998

магистр; институт калмыцкой филологии и востоковедения; Калмыцкий государственный университет
им. Б.Б. Городовикова

358003, Россия, республика Калмыкия, г. Элиста, ул. Николая Митровича Очирова, 19, 19

✉ lidzhiyeva-dz14@mail.ru

[Статья из рубрики "Литературоведение"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2024.12.72678

EDN:

VGCNWV

Дата направления статьи в редакцию:

06-12-2024

Дата публикации:

13-12-2024

Аннотация: Предметом исследования являются традиции народных методов исцеления в романе Владимира Дорджиевича Нурова «Белобородый старец» (Цаһан сахлта көгшә).

В исследовании проанализировано, как эмпирические знания о здоровье человека и народные традиционные методы исцеления отражаются в сюжете, в образах персонажей и в контексте исторической и культурной значимости. Объектом исследования является роман В. Нурова «Белобородый старец» как художественное произведение, в котором исследуются эмпирические знания, народные традиции, связанные с исцелением. Проанализированы различные ситуации, в которых главные герои романа прибегают к народным методам исцеления, каким образом они их применяют, в каких обстоятельствах обращаются к этим практикам, а также как это отражается на их внутреннем состоянии. В романе рассмотрены конкретные обряды и ритуалы, связанные с исцелением, и как эти народные методы, переплетаются с духовными практиками и культурными традициями народа. Методами исследования выступают культурно-исторический, сравнительно-исторический, структурный, нарративный. Основными выводами исследования являются положения о том, что в романе четко представлены магические и эмпирические знания о здоровье человека, накопленные и переданные из поколения в поколение. Описаны разнообразные методы исцеления, такие как минералы, целебные свойства различных средств животного происхождения, ритуалы, магические заклинания. Новизна исследования заключается в том, что впервые в калмыцком литературоведении, а именно на материале романа В. Нурова «Белобородый старец» исследованы интересные сведения о традиционной народной медицине. Автор описывает процессы лечения и взаимодействие персонажей с народной медициной. Это позволило выявить смысловые и культурные аспекты, которые продемонстрировали глубину авторского подхода. В романе В. Нуров отразил различные традиционные методы лечения от различных болезней, способы лечебной практики, знания о здоровье человека, о народных способах исцеления от разных недугов. Роман может служить ценным источником информации о калмыцких народных традициях и их подходах к лечению. Обращение к традиционной народной медицине через призму литературы не только обогащает понимание специфики калмыцкой культуры, но и подчеркивает важность народных знаний в общечеловеческом контексте.

Ключевые слова:

калмыцкая, литература, Владимир, Нуров, роман, Белобородый старец, народные, методы, исцеления, костоправство

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках научного гранта № 23-28-00336 «Фольклор монгольских народов – источник эмпирических знаний о здоровье человека и традиционно-медицинской практике».

Введение

Среди ярких поэтов в калмыцкой литературе с середины XX-начала XXI века творчество Владимира Дорджиевича Нурова представляет собой большое и оригинальное явление. Творчество выдающего мастера слова представляет собой крупные художественные достижения, а сам поэт является яркой и своеобразной личностью. Его произведения покоряют читателя свежестью и новизной ощущений, биением пульса времени, вниманием к преданиям предков, к народным основам бытия, к духовным истокам. Они открывают выходы к современному пониманию отношений человека и истории, человека и природы, наполненному тревогами за человеческую судьбу и верой в нравственное возвышение человека.

Творчество В. Нурова является объектом пристального внимания и изучения со стороны литературных критиков и исследователей: А.Ш. Кичикова, А.В. Бадмаева, Р.А. Джамбиновой, В.Д. Пюрвеева, Д.Б. Дорджиевой, Р.М. Ханиновой и др. В их работах творчество поэта анализируется в целом. Они отмечают, что в его творчестве родная земля, её природа, история, судьба народа, язык и культура занимают центральное место [5, с. 278]. Критик В.Д. Пюрвеев говоря о поэзии В. Нурова подчеркивал, что «индивидуальность художественного поиска отчетливо ощущается в стремлении развивать поэтические традиции, изучить быт, мысли и чувства своих современников, овладеть богатствами родного языка и открыть красоту слова» [8, с. 118]. В работе Р.А. Джамбиновой анализируется лиро-эпические произведения В. Нурова. Автор говорит, что «новаторской является поэзия Владимира Нурова», в своих произведениях автор «задумывается над смыслом и назначением поэзии, ролью поэта в современном мире» [4, с. 184].

Поэзия Владимира Нурова как важная составляющая его творческого наследия, занимает значительное место, чем проза и драматургия. Последние годы В. Нуров порадовал читателей интересными повестями, рассказами, которые вызвали живой интерес у читателей. Прозаические произведения «История детства» (Бичкндк цагин түүк), «Счастье Бовы» (Боован тэвсн хөв), «Белобородый старец» (Цаһан сахлта көгшэ), демонстрируют мастерство автора в создании ярких образов и глубоких сюжетов. Эти произведения не только обогащают калмыцкую литературу XXI века, но и способствуют развитию литературного языка, отражая актуальные темы и проблемы современности.

Основная часть

Впервые роман В. Нурова «Белобородый старец» (Цаһан сахлта көгшэ) увидел свет на страницах литературно-художественного и общественно-политического журнала «Свет в степи» (Теегин герл) в 2012-2013 гг. Отдельной книгой роман В. Нурова «Белобородый старец» был издан в 2022 г. С большим художественным мастерством и достоверностью в романе описываются события, происходящие в Калмыкии и России в годы сталинских репрессий (1930-е годы) раскулачивание потомственных животноводов как «врагов советской власти» и высылка их в Сибирь. Герои романа, преодолевая невероятные трудности и унижения, отстаивают свое человеческое достоинство честным трудом, талантом и моральными устоями, завоевывают уважение и признание сибиряков.

Роман «Белобородый старец» в жанровом отношении многоплановый и близок к историко-социальному. В композиционном отношении произведение состоит из 27 глав. Действия в романе происходят в калмыцком хотоне Бугу, а затем и в поселке Гремячий Знаменского района Омской области, в который несправедливо были сосланы раскулаченные семьи, главные герои романа: астролог Чёмпел Нимеев, костоправ Джав Дорджиев, его сын Надвид и Бата Гаряев [7, с. 110]. Вместо Бадмы Нимеева, переписав на себя весь скот, принадлежавший брату, в Сибирь отправляется его младший брат, астролог Чёмпел Нимеев, получивший образование в буддийском монастыре Чёёря Хурул. Таким образом, жертвуя собой, он спасает от верной гибели семью старшего брата, своих племянников.

С первой страницы романа автор показывает образ главного героя романа астролога Чёмпела Нимеева. «Чөмпл көгшэ кедү наһаһинь күн медхш. Энүнэ насна улс мана Буһу хотнд уга. Эгл улст зурхач көгшэ наснаннь туршарт тусан күргжэснь эн. Манцин Кецин нутгт энүг эс меддг күн гиж уга. Көгшэ хотна улс цугтан тевчнэ. Өрүн болһн улан зандн модн эрк эргүлэд, маань умшад, уха туңһаһад, зэмлэд сууна. Эмчнр нөкд болж эс

чадхла, эрмдгтэ улс көгшәһүр ирцхәнә. Тусан күргж чадхдан зурхач нөкд болна [7, с. 7]. «Никто не знает сколько лет Старцу Чёмпел. Из его ровесников в нашем хотоне Буһу никого не осталось. Простым людям астролог-зурхач помогал на протяжении всей жизни. В Маныческом улусе Калмыкии нет, наверное, человека, который бы его не знал. Старца в хотоне уважают все. Каждое утро, сидя в позе лотоса, перебирая красно-сандаловые четки, молится и размышляет. Если врачи не в силах помочь, то хворые люди идут к зурхачи» [Подстрочный перевод].

В народной среде калмыков выделялись люди, занимавшиеся лечением определённого вида заболеваний или использующие определённый способ лечения. В отношении к ним использовались термины, обозначающие способ действия. Эмчи (буддийские ламы-лекари), которые в силу принадлежности к духовному сословию и грамотности пользовались наибольшим авторитетом, в зависимости от их уровня образования. Народные знахари, кому опыт эмпирического врачевания передавался по наследству, также имели обширную практику и пользовались почтением у людей.

В романе «Белобородый старец» главные герои астролог Чёмпел Нимеев и костоправ Джав Дорджиев обладали обширными познаниями в области здоровьесбережения и различали большое число заболеваний, они выделялись среди остального населения своей грамотностью, знанием религиозной литературы и выступали как знатоки фольклора, истории народа. В романе они характеризуются как люди высоких нравственных качеств, им присущи такие черты, как жизнерадостность, находчивость, доброта, смелость, решительность, скромность, бескорыстие, приверженность к религии. На протяжении всего действия романа они помогали всем своими способностями, лечили людей и животных.

В одном из эпизодов романа после непринужденной беседы и знакомства Петр Протасов спросил у Чёмпеля Нимеева где он обучался на астролога и от каких болезней сможет вылечить людей. На что Чёмпел ответил, что с силу своих способностей он помогает людям. Никого не обманывает, деньги не берет. Обучался десять лет в Буддийской духовной академии при Калмыцком храме. «Протасов төгәлдән хәләһәд, күн угаһинь медчкәд, келжәнә: – Нанд мигрень гем амр өгчәхмн уга. Зәрмдән йир икәр толһа өвднә. Тегәд танас сурхар седләв: нөкд болж чадхмбт угавт гиж. Чөмпл зөвәр тагчг суужаһад, илднь келв: – Петр Николаевич, мел худл келж чадшгов. Өмннь иим гем эмнж үзәд угав. Зүг... Сөрж болжана. Мини чидл күрч бәәх, эс күрч бәәхнь медгдх... Тана дурн. Кемр седкл тусчахла, эмнж болжана, – гиһәд эн мишәв.

– Тиим дурн бәәнә. Буру эс гихлә, Чөмпл Бембеевич, экләд эмнтн, – гиһәд, эн зөвшәлв. – Нә, сән. Экн түрүн болж тана нурһ шинжлхәр седләв. Эн скамейк деер түргүр кевттн, – гиһәд эн ханцан шамлад, шам өөрдхәд, нурһна ясн болһинь хурһдарн дарж бүрткв. Зәрм нурһна ясинь эн чидлән һарһад дарв. Нурһна ясн кирд гиһәд, ормдан суужах болж медгднә. – Нурһна зәрм ясд ормасн көндрснә темдг эн. Кемр тер ясиг ормднь эс суулһхла, толһа бас өвдх зөвтә. Тана толһан өвдлһиг уга кехв гиж келж чадшгов. Дав зуурар өвддгинь уураж болжана, Петр Николаевич, – гиһәд эн толһаднь массаж кен бәәж, тәрнә сеанс кеж бәәхнь медгдәд бәәв. Эмнлһнд ямр күч һарһж бәәхинь Чөмплин чирә-зүсәрнь үзж болхм... Чөмплин чирә хумхарад, чинән-чидлнь алдрад, нурһнь бөкчиһәд одв. Толһан өвдкүрәс гетлсн Протасов агчмин дунд төвкнәд, таалвр бичкн мет, сүркләд унтв [7, с. 82-83]. «Протасов посмотрел вокруг, убедившись, что никого нет, спросил. – Меня мучает мигрень. Иногда головные боли. Сможете ли вы помочь? Чёмпел сидел молча и сказал чистосердечно: – Петр Николаевич, обманывать не буду. Раньше не приходилось. Но... попытаться можно. Хватит ли моих сил, будет видно, Ваша воля.

Если желаете, то можно и полечить, – улыбнулся он. – Такое желание есть. Если не возражаете, Чёмпел Бембеевич, помогите, – согласился Протасов. – Хорошо. Прежде всего осмотрим Вашу спину. Ложитесь на скамейку, – засучил рукава, приблизил лампу и начал обследовать. Иногда он давил на позвоночник. Издавался хруст. – Это признак того, что отдельные позвонки сдвинуты... Если его не поставить на место, возможны головные боли... Не могу гарантировать, что боль совсем прекратится, но на время боль должна уйти, Петр Николаевич, – объяснил он, делая массаж головы... и проводя сеанс гипноза. Какую энергию тратит Чёмпел, было видно по его лицу. Вид был очень уставшего человека. Протасов, освобожденный от хвори, успокоился и заснул как младенец» [Подстрочный перевод].

Роман В. Нурова «Белобородый старец» действительно охватывает важные аспекты жизни двух поколений, а также поднимает актуальные социальные и личные проблемы. В произведении детально исследуются противоречия, с которыми сталкиваются герои, представляя, как индивидуальные истории, так и более широкие социальные контексты.

Особое внимание, уделенное народным методам лечения, позволяет не только сохранить культурное наследие, но и ставит перед читателем вопросы о сочетании традиционной медицины и современных подходов. Изучение этих методов, представленных в романе, может быть весьма актуальным, учитывая растущий интерес к альтернативной медицине и интегративным подходам в здравоохранении.

Анализ представленных исцелений может помочь выявить, какие из них сохранили свою эффективность, а какие могли бы быть адаптированы или переосмыслены в свете современных медицинских знаний. Это создает богатую почву для междисциплинарных исследований, соединяющих литературу, культуру и медицину, и подчеркивает важность взаимодействия между различными системами знаний для понимания здоровья и благополучия человека. Роман действительно вызывает интерес к таким исследованиям и углубляет диалог между поколениями.

В романе подробно описывается и другой случай, когда с сыном Петра Протасова случилась беда. Мальчика, при падении зацепившего за стремя, конь протащил несколько вёрст. Он был в тяжёлом состоянии и в районную больницу его нельзя было везти. На помощь с большим умалением пригласили Чёмпела Нимеева и Джава Дорджиева. «К□вүг хэлэчкэд, хөөнэ хар гесиг халун бүлэнэр таазд кеһэд, нанд авч иртн, – гиһэд келчкэд, киилгиннь ханцан шамлв. Ширктэ эркэн нег киһһэр уучкад, нег мөслсн бөөдлтөһэр көвүнэ хораһур орв. Петр Николаевичин авч ирсн таазта хар гесиг Жав шовхрад, асаһаснь цеврлв. Өвкиннь өгсн сүр-зөргэн, күчэн хураһад, көдлмшэн эклв. Протасовар дем авад, көвүнэ көлөснь авн экләд, талхм болж одсн, арсндан эрэ торч бөөх ясинь ормднь тэвэд, хар гесэр экләд ширлв. Цүг сүзгэн, билгэн, эрүн седклэн хураж күчүндж бөөх Жавин хар көлсн һоожад асхрад бөөв. Көвүн ирглнэ, ухан-сегэн уга. Чөмпл зогсл уга маань умшад, хоңх цокн бөөж, Жавин нүдэрнь орж бөөх эклүн көлсинь арчв. Цаг-болзган мартж, сүмснь тамин амн деер бөөх көвүнэ эмнэ төлө Жав ноолдж, түңшч, зовж бөөх көвүнэ мөч болһинь ормднь һарарн тэвж, хөөнэ хар гесэр ширлв. Энүнэ харань, сонр чикнь, хурһдурнь орсн мет, булһрсн, хуһрсн чимгн болһинь үзж, ормднь тэвж үглв» [7, с. 112-113]. «Осмотрев мальчика, Жав попросил, чтобы принесли бараньи кишки в тазе. Отделил тонкие кишки, пальцами очищая от смеси и слизи. С помощью Протасова, он начал с ног... Пальцами укладывая раздробленные кости на место, тонкой кишкой обматывал конечности. Руки работали уверенно. У Джава, вкладывающему на кончики пальцев всю энергию, силы, талант и чувства, потом заливало лицо, глаза... Мальчик только стонал. Пальцы рук были для Джава глазами.

Они действовали по интуиции точно. Чёмпел, напряжённо читающий молитвы, начал вытирать полотенцем пот с лица Джавы. Джав, борющийся за жизнь ребёнка, забыв о времени и усталости, пальцами перебирал каждую косточку, склеивал, обматывал конечности тёплой, слизистой кишкой» [Подстрочный перевод].

В народной медицине калмыков выделяют два основных способа лечения: лекарственная терапия и нелекарственная терапия. Лекарственные средства делятся на растительные, животные и минеральные. Калмыцкие врачеватели знали до 3 тысяч лекарств. Тех, кто применял при лечении лекарства называли эмч, костоправов – отч, массажистов – бэрэч, специалистов по лечению ран – шархч, повивальных бабок – эк болсн ээж, шаманы, «знающие» – бө, удһн, медлһч. Последние, являясь специалистами по лечебной магии, лечили заговором (домч), заклинанием (тәрн) [\[3, с. 165\]](#).

Калмыки очень широко применяли в традиционной медицине лекарственные средства животного происхождения: шкура, кости, рога, жир, мозги, жёлчь, печень, почки, сердце, кровь, сырое мясо. Различные природные средства: медь, серебро, песок, соль, иловая грязь, глина, зола, минеральная вода и т. д. В романе «Белобородый старец» В. Нурова действительно подчеркивается значимость народных методов исцеления, которые практикуют главные герои – астролог Чёмпел Нимеев и костоправ Дорджиев Джав. Их умения и знания становятся не просто инструментами для помощи другим, но и символами глубокой связи с культурными традициями и духовными истинами калмыцкого народа. Персонажи, делясь своими историями исцеления, создают живую атмосферу, в которой традиции и современность переплетаются. Этот элемент позволяет читателям лучше понять, как актуальны народные практики в контексте современного мира, где многие люди ищут альтернативные пути к здоровью и благополучию. К тому же, такие рассказанные истории усиливают доверие к традиционным целителям и демонстрируют, как связь между человеком и природой, а также передаваемые из поколения в поколение знания, могут оказывать реальное воздействие на жизнь людей.

Заключение

Таким образом, проведённый анализ показывает, что традиционная народная медицина калмыков широко представлена в романе В. Нурова «Белобородый старец» и представляет собой своеобразный и уникальный комплекс представлений, соединивший в себе как рационально-практические знания, основанные на анализе причинно-следственных связей между здоровьем и болезнью, способами и методами, применяемыми в лечении и результатами их применения, так и знания, недоступные для рационального осмысления. Последние зачастую выступали в мифологизированной форме и актуализировались в определённые периоды, реализуясь в традициях и обрядах. Необходимо отметить, что традиционная медицина калмыков не только является важным источником знаний по истории и культуре калмыцкого этноса, но и обладает богатым, проверенным временем опытом врачевания и потенциалом в плане интеграции с официальной медициной.

Роман В. Нурова «Белобородый старец» действительно имеет значительное значение в калмыцкой литературе. Яркие образы и глубокие сюжеты, созданные автором, не только привлекают внимание читателей, но и позволяют лучше понять культурные и социальные аспекты жизни калмыцкого народа. Произведение затрагивает важные темы, такие как идентичность, традиции и современность, что делает его актуальным и востребованным в современном литературном дискурсе. Оно вдохновляет не только читателей, но и будущих писателей, открывая новые способы обращения с традицией и инновацией в литературе.

Библиография

1. Бадмаев А.В. Урн үгин күчн. Сила художественного слова. Учебное пособие. Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2013. 184 с.
2. Болдырева И.М. Практики традиционной медицины у калмыков (по данным полевых материалов) // Desertum Magnum: studia historica. 2020. № 2. С. 151–168. DOI: 10.22162/2712-8431-2020-10-2-151-168.
3. Горяева Б.Б. Традиции народной медицины в мотивах волшебной сказки калмыков [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. 2018, № 4. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/812> (дата обращения: дд.мм.гг.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2018.4.9>.
4. Джамбинова Р.А. Литература Калмыкии: Проблемы развития. Элиста: АПП «Джангар», 2003. 240 с.
5. История калмыцкой литературы. II том. Советский период. Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 1980. 445 с.
6. Лиджиев М.А. Социальный конфликт в романе В. Нурова «Белобородый старец» // Живое слово Казбека Шаззо и актуальные вопросы развития отечественной литературы XX века: материалы II региональной научной конференции / отв. редактор И. Н. Хаткова. Майкоп: ЭЛИТ, 2024. С. 108-113.
7. Нуров В.Д. Цаһан сахлта көгшә [Текст]: роман на калм. яз. / В. Нуров. Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2022. 400 с.
8. Пюрвеев В.Д. Движение жизни – движение литературы. (Критические этюды и портреты). Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 1981. 118 с.
9. Стеклов М.И. Избранные рецепты калмыцкой народной медицины // Теегин герл. № 2. 1989. С. 107–110.
10. Томашевский Б. В. Теория литературы. Поэтика / Б. В. Томашевский. М.: Аспект Пресс, 1999. 334 с.
11. Уланов М.С., Бадмаев В.Н. Традиционная медицина калмыков: историко-культурологический анализ [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. 2018, № 4. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/811> (дата обращения: дд.мм.гг.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2018.4.8>.
12. Хабунова Е.Э. Народные знания калмыков о традиционных способах лечения: фактология фольклорно-этнографических экспедиций (2012–2017 гг.) // Монголоведение. 2022. Т. 14. № 2. С. 405–417. DOI: 10.22162/2500-1523-2022-2-405-417.
13. Хализев В.Е. Теория литературы: учеб. для студентов вузов / В. Е. Хализев. Изд. 4-е, испр. и доп. М.: Высш. шк., 2004. 404 с.
14. Храпченко М.Б. Творческая индивидуальность писателя и развитие литературы [Текст] / М.Б. Храпченко. 4-е изд. М.: Худож. лит., 1977. 446 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В рецензируемой статье предметом исследования выступает репрезентация народных методов исцеления в художественном дискурсе. Материалом исследования послужил роман Владимира Дорджиевича Нурова «Белобородый старец» (Цаһан сахлта көгшә, 2012-2013 гг.). Актуальность данной работы обусловлена интересом современной науки к изучению традиционной народной культуры, осмыслению механизма ее

функционирования, к единицам транслирования культурной информации. В исследованиях в области этнолингвистики и этнолитературоведения ключевое место нередко занимают народно-медицинские представления, поскольку здоровье в мировоззренческой системе любого этноса выступает как безусловная жизненная ценность. Не меньшую важность имеет и изучение собственно творчества Владимира Нурова, чьи произведения не только обогащают калмыцкую литературу XXI века, но и «позволяют лучше понять культурные и социальные аспекты жизни калмыцкого народа», его произведения «затрагивает важные темы, такие как идентичность, традиции и современность, что делает их актуальными и востребованными в современном литературном дискурсе».

Теоретической основой исследования выступили работы таких отечественных ученых, как Б. Б. Горяева, Р. А. Джамбинова, М. А. Лиджиев, В. Д. Пюрвеев, М. С. Уланов, В. Н. Бадмаев, Е. Э. Хабунова и др. Библиография статьи составляет 14 источников, соответствует специфике рассматриваемого предмета, содержательным требованиям и находит отражение на страницах статьи. Все цитаты ученых сопровождаются авторскими комментариями. Методология исследования продиктована комплексным подходом к изучаемому материалу: применяются общенаучные методы анализа и синтеза, описательный метод, текстологический метод и интерпретативный анализ материала, методы лингвокультурологического и дискурсивного анализа; последний представляет собой совокупность взаимосвязанных подходов к изучению дискурса и функционирующих в нем языковых единиц, как и различных экстралингвистических аспектов.

Анализ теоретического материала и его практического обоснования показал, что традиционная народная медицина калмыков, широко представленная в романе В. Нурова «Белобородый старец», являет собой «своеобразный и уникальный комплекс представлений, соединивший в себе как рационально-практические знания, основанные на анализе причинно-следственных связей между здоровьем и болезнью, способами и методами, применяемыми в лечении и результатами их применения, так и знания, недоступные для рационального осмысления». Автор(ы) отмечают, что «традиционная медицина калмыков не только является важным источником знаний по истории и культуре калмыцкого этноса, но и обладает богатым, проверенным временем опытом врачевания и потенциалом в плане интеграции с официальной медициной».

Теоретическая значимость исследования связана с определенным вкладом результатов проделанной работы в развитие таких современных научных направлений, как этнолингвистика и этнолитературоведение, прагматика, лингвокультурология; в решение ряда вопросов о специфике дискурса национальной художественной литературы и о взаимосвязи литературы и этнической культуры. Практическая значимость работы заключается в возможности использования ее результатов в вузовских курсах по истории национальной литературы, в спецкурсах, посвященных проблемам современной литературы и анализу национальных художественных текстов.

Стиль статьи отвечает требованиям научного описания, содержание соответствует названию, логика исследования четкая. Рукопись имеет законченный вид; она вполне самостоятельна, оригинальна, будет интересна и полезна широкому кругу лиц и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Лиджиева Л.А., Голубева Е.В., Мандеев Н.Ю., Лиджиева Д.М. Диалектные особенности торгутского говора калмыцкого языка (на материале прозы Н.М. Манджиева и полевых записей) // Litera. 2024. № 12. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.12.72344 EDN: VTNQDB URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=72344

Диалектные особенности торгутского говора калмыцкого языка (на материале прозы Н.М. Манджиева и полевых записей)

Лиджиева Людмила Алексеевна

ORCID: 0000-0003-4262-5458

кандидат филологических наук

доцент, институт калмыцкой филологии и востоковедения; Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова

358003, Россия, республика Калмыкия, г. Элиста, ул. Николая Митирова Очирова, 19

✉ lidzhieva-la@mail.ru

Голубева Евгения Владимировна

ORCID: 0000-0003-3279-0361

кандидат филологических наук

доцент, факультет довузовской подготовки; Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова

350011, Россия, республика Калмыкия, г. Элиста, 5, 2В, кв. 10

✉ lisa101@yandex.ru

Мандеев Наран Юрьевич

ORCID: 0000-0003-3276-6126

студент, институт калмыцкой филологии и востоковедения; Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова

358003, Россия, республика Калмыкия, г. Элиста, ул. Николая Митирова Очирова, 19

✉ mandeev.naran@mail.ru

Лиджиева Джиргал Мингияновна

ORCID: 0000-0002-7571-9998

студент, институт калмыцкой филологии и востоковедения; Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова

358000, Россия, республика Калмыкия, г. Элиста, ул. Лермонтова, 103, кв. 1

✉ lidzhieva-dz14@mail.ru

[Статья из рубрики "Журналистика"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2024.12.72344

EDN:

VTNQDB

Дата направления статьи в редакцию:

15-11-2024

Дата публикации:

16-12-2024

Аннотация: В настоящей статье представлен анализ диалектных особенностей торгутского говора калмыцкого языка на материале прозы калмыцкого писателя Н.М. Манджиева и экспедиционных записей, собранных в ходе реализации научно-исследовательского проекта РНФ «Электронный диалектологический атлас монгольских языков России: базисная лексика». Н.М. Манджиев являлся одним из основоположников калмыцкой литературы и внес значительный вклад в развитие литературы калмыцкого народа. Он относился к представителям этнической группы торгутов, проживающих в восточной части Республики Калмыкия. В связи с этим в ранних его изданиях сохраняются диалектные особенности, характерные торгутскому говору. Параллельно использовался материал, записанный во время экспедиции по Республике Калмыкия по 100 словному списку Сводеша. Предметом данного исследования являются фонетические, грамматические и лексические особенности торгутского диалекта. Объектом исследования является торгутский диалект, характеризующийся близостью к исторической основе. Цель статьи – провести анализ диалектных особенностей, в частности торгутского говора калмыцкого языка, в прозе Н.М. Манджиева и с учетом полевых материалов. В работе используются такие методы лингвистического анализа, как описательный, лексико-семантический, сравнительно-типологический и дистрибутивный. Научная новизна исследования заключена в том, что диалектологический материал, представленный в произведениях Н.М. Манджиева и полевых записях еще практически не изучен. Материалом исследования послужили примеры, выбранные методом способом сплошной выборки из произведений Н.М. Манджиева. Для сравнения использовался полевой материал, сбор которого осуществлялся в ходе экспедиции по Республике Калмыкия. Они могут быть полезны при составлении диалектологического атласа калмыцкого языка. Материал позволил выделить особенности, связанные с произношением слов, влиянием исторических гласных на современный язык, употреблением отличных от литературного языка падежных аффиксов, а также семантикой лексем, имеющих узколокальное бытование. Все это является весьма важным и актуальным не только в научном отношении, но и в практическом, поскольку возникает необходимость во всестороннем изучении, развитии и сохранении, как самого литературного языка, так и его диалектов.

Ключевые слова:

калмыцкий язык, торгутский, дербетский, бузавский диалект, фонетические, грамматические, лексические особенности, проза Н. Манджиева, полевые материалы,

литературный язык

*Исследование выполнено при финансовой поддержке научного проекта
РНФ № 23-18-00518 «Электронный диалектологический атлас монгольских языков
России: базисная лексика»*

Актуальность исследования диалектных особенностей монгольских языков определяется необходимостью их изучения. Проблема выделения и сохранения диалектов в настоящее время является одним из важных и сложных вопросов монгольского языкознания. Диалектные особенности монгольских языков представляют немалый интерес исследователей, с точки зрения генетических и территориальных связей. Монгольские языки и их диалекты и говоры, входящие в алтайскую семью языков, отражают историческое развитие и культурные взаимосвязи между этническими группами.

В монгольских языках в условиях взаимовлияния соседствующих языковых систем постоянно происходят процессы ассимиляции и размытия диалектов, существует реальная угроза потери диалектов и уникальной языковой информации, формирующей особенности и языковое разнообразие, утраты естественных источников для пополнения, обогащения и развития современных литературных монгольских языков.

Диалектный и литературный язык существуют параллельно и представляют собой сложную систему. Каждый язык имеет свои уникальные особенности в фонетике, лексике и грамматике. «По соотношению этих характерных особенностей любой территориальный вариант языка может быть противопоставлен другим диалектам и литературному языку» [\[1, с. 23\]](#).

Калмыцкий язык относится к западной группе монгольских языков и включает в себя местные диалекты и говоры. Диалектная система калмыцкого языка состоит из трех основных диалектов: торгутского, дербетского и бузавского, некоторые из них включают еще и говоры. Хошудский говор по близости всех особенностей ученые относят к торгутскому диалекту. В настоящее время отчетливо сохраняется разделение торгутского и дербетского диалектов. Внутри диалектов выделяются определенные подговоры, подробная дифференциация и описание признаков которых представляют особую сложность. Б.Д. Цыренов отмечает, что анализ «Калмыcko-русского словаря» показал, что из всего корпуса словаря было выбрано более четырех десятков слов-диалектизмов, «что составляет менее одного процента». По его мнению, «литературная норма калмыцкого языка не предполагала широкого включения диалектизмов в их словники», по сравнению с бурятским языком [\[2, с. 126\]](#).

В связи с тем, что калмыцкий язык и его диалекты, говоры имеют ограниченное использование, а владение носителями очень низкое, одной из важнейших задач современного языкознания является фиксация, описание и анализ явлений, протекающих в исчезающих языках.

Цель исследования – выявление диалектных особенностей на материале художественных произведений Н.М. Манджиева и полевых записей.

Предметом исследования являются фонетические, грамматические и лексические особенности торгутского диалекта, проанализированные на материале прозы и полевых записей.

Объектом исследования выступает торгутский диалект калмыцкого языка,

характеризующийся близостью к исторической основе и содержащий множество архаичных черт, которые позволяют глубже понять процессы языкового изменения и эволюции в рамках калмыцкого языка в целом.

Научная новизна исследования связана с тем, что диалектологический материал, представленный в произведениях Н.М. Манджиева и полевых записях еще практически не изучен.

Материалом для исследования послужили лексические единицы, выбранные из произведений Н.М. Манджиева [\[3\]](#) и полевых записей, собранных в ходе экспедиций, организованных в рамках реализации научно-исследовательского проекта РНФ «Электронный диалектологический атлас монгольских языков России: базисная лексика», а также ранее проведенные исследования ученых по данной проблематике.

В издании Н.М. Манджиева «Сборник рассказов» сохранились языковые особенности, характерные торгутскому диалекту, так как писатель является представителем хотона Цекерта, Уланхольского улуса (ныне Черноземельский район Республики Калмыкия), где проживают этнические торгуты. Полевые записи представляют собой материал, собранный по спискам Сводеша, которые включают перечень базовых лексем, снабженных контекстами.

Исследование диалектных особенностей калмыцкого языка началось еще в начале прошлого века и продолжается до сих пор. Изучение диалектов и говоров калмыцкого языка было начато еще Номто Очировым, который был направлен в 1909 г. в Астраханскую губернию для сбора материала и лингвистического наблюдения. Он посетил торгутов и дербетов и опубликовал отчеты по итогам поездки. Именно он выявил отличия, проверил и уточнил основные различия между торгутским и дербетским говорами, указывая на их фонетические, морфологические и лексические особенности. Он отмечал энергичность, эмфатическую долготу, усиления в отдельных слогах торгутского диалекта [\[4\]](#).

Первые исследования в области диалектологии были проведены силами русских и иностранных ученых. Обычно этот был сбор материала во время путешествий по калмыцким кочевьям. В результате этого, изданы несколько словарей и научных изысканий в области диалектологии таких ученых как Б.Я. Владимирцов [\[5\]](#), Г.Д. Рамстедт [\[6\]](#), А.Д. Руднев [\[7\]](#), В.Л. Котвич [\[8\]](#) и др.

Интерес представляют исследования ученых, изучавших конкретные диалекты и говоры калмыцкого языка: Д.А. Павлова [\[9, 10\]](#), А.Ш. Кичикова [\[11\]](#), Э.Ч. Бардаева [\[12\]](#), Н.Н. Убушаева [\[13, 14\]](#), Э.Р. Тенишева [\[15\]](#). Эти исследования уникальны, так как изучение диалектов строилось на экспедиционном материале, собранном в 1960–1980-х годах XX века, когда носители языка активно использовали его в повседневной жизни. Ученым удалось зафиксировать значительное разнообразие диалектов и говоров, которые постепенно исчезают в современных условиях и отразить их фонетические, грамматические и лексические особенности.

Труды известных монголоведов Г.Д. Санжеева [\[16, 17\]](#), В.И. Рассадина [\[18\]](#), Б.Х. Тодаевой [\[19–24\]](#), Ц.Д. Номинханова [\[25\]](#), И.Д. Бураева [\[26\]](#), Ц.Б. Будаева [\[27\]](#), Л.Д. Шагдарова [\[28\]](#), Д.Г. Дамдинова [\[29\]](#), Ц. Өнөрбаян [\[30\]](#), Б.Д. Цыренова [\[2\]](#), Н.Ч. Очировой [\[31\]](#), где также рассматриваются вопросы диалектов и говоров монгольского, бурятского, калмыцкого языков, отражают многообразие и богатство языкового наследия монгольских народов.

Исследования этих ученых охватывают широкий спектр вопросов, связанных с фонетическими, морфологическими и синтаксическими особенностями языков и диалектов, а также их историческим развитием и современным состоянием.

В последние годы специалисты монгольских и тюркских языков активно исследуют вопросы диалектологии в рамках проектов, связанных с созданием диалектологических атласов тюркских и монгольских языков [32].

Таким образом, труды ученых не только фиксируют особенности диалектов, но и подчеркивают важность их разнообразия как носителя культурной идентичности монгольских народов.

По мнению Н.Н. Убушаева, «торгутский говор характеризуется несколько большим консерватизмом и близостью к исторической основе, чем другие говоры калмыцкого языка» [14, с. 22]. Диалектологический материал позволил выделить отдельные группы, отражающие фонетические, грамматические и лексические особенности торгутского диалекта.

1) При анализе фонетических особенностей диалектных слов выделяются особенности, связанные с особым произношением слова в говоре.

а) Употребление гласного [и] в первом слоге вместо дербетского или литературного [у]. Ср. торг. *бичр* — лит., дерб. *бүчр* 'веточка', торг. *бишкур* — лит., дерб. 'свисток', торг. *бишмүд* 'платье, бешмет' — лит., дерб. *бушмүд*. Например: *Манжин үмсж бээсн халаста хар бишмүд, киртэн даргдад бээсн бор болсн цаһан сэрпүн киилг хойр хог болад шуурч* [3, с. 15] 'Весь в заплатках черный бешмет Манджи и, ставшая серой от грязи белая парусиновая рубашка совсем порвались'.

б) Использование гласной [ү] в первом слог вместо литературного [у]. Ср. торг. *нүльмсн* — лит. *нульмсн* 'слезы', торг. *үүтхн* — лит. *уутхн* 'бедный'. Например: ... *Манжин күүкд күн нүдндэн доһлң нүлмстэ суув* [3, с. 15] 'Супруга Манджи сидела вся в слезах'.

в) Сохранение узости и подъем гласных [у] и [ү]. А.Ш. Кичиков при описании дербетского говора дает основные дифференциальные признаки двух ведущих говоров — дербетского и торгутского: ... дербетский говор является [о-, ө-] говором, торгутский — [у-, ү-] говором [11, с. 4]. Такое явление наблюдается перед звуками [в] и [м]. Ср. торг., лит. *үвл* — дерб. *өвл* 'зима', торг., лит. *хурвн* — дерб. *һорвн* 'три'; торг. *хумха* — дерб. *хомха* 'сухой'. Например: ... *хөөч көвүн суусн һазрасн шуржңнад йовад, хөөнәннь өмн бийднь һарад тогтнулад, үрвэд йовв* [3, с. 17] '... чабан, не задерживаясь, направился к овцам, успокоил их и, не спеша, пошел дальше'.

г) Использование долгого гласного [а:] вместо [ә:]. В данном случае исторический дифтонг -*ai* развился в торгутском диалекте в долгий [а:]. При этом следующий за ним согласный является палатализованным. Ср. торг. *маальх* — лит., дерб. *мәәлх* 'блеять', торг. *заальх* — лит., дерб. *зәәлх* 'полоскать'. Например: *Таслад уснд орулжасн хөд маальлдад, шуугад бээнә* [3, с. 17] 'На водопое овцы шумно блеяли'.

Такую особенность отмечают в бузавском говоре, связывая ее с долготным сочетанием -*au* в старописьменном монгольском языке [33, с. 199]; [14, с. 15]. В связи с этим, вопрос остается открытым, действительно ли эта особенность характерна торгутскому диалекту или это является правкой редактора.

д) Употребление формы желательного наклонения на *-ия* вместо литературного или дербетского *-ий*. Например: *Күр тэвж идийэ, — гиж Жөөлэн хөөчин көвүн келв* [3, с. 19] 'Давайте приготовим кюр [мясо в собственном соку], — сказал чабан Джели'.

е) Влияние исторического гласного [i] дает твердорядный вариант гласных в словах типа стп.-монг. *dakiad* — торг. *дакад* — дерб. — *дэкэд* 'снова, еще'; стп.-монг. *takia* — торг. *така* — дерб. *такэ* 'курица'. Например: *Толһа деер һархла түрүләд хурлин ардк хотн, **дакад** хотна өмнк хулсн-зегсн үзгдх, **дакад** хурл үзгдх* [3, с. 30] 'Поднявшись на курган, сразу можно увидеть хотон, находящийся сзади хурула, еще можно увидеть камыши перед хотоном, а следом сам хурул'.

ж) Наблюдается употребление [э] в положении перед палатализованными согласными [л', н', д', т']. Исторический гласный [i] палатализовал в торгутском диалекте все слово. Ср. стп.-монг. *aliman* — торг. *элмн* — лит., дерб. *альмн* 'яблоко', стп.-монг. *salkin* — торг. *сэлкн* — лит., дерб. *салькн* 'ветер'. Например: — *Әлд үлдхв? — гиж сурхасн әәһәд, әлд үлдхән Зурһан сурсн уга* [3, с. 18] 'Где мы останемся? – Зурган побоялся и так и не спросил, где они останутся'.

з) В анализируемых текстах встречаются лексемы, где согласный [с] или [ч] заменяется [ц]. Это может употребляется как в калмыцких словах, так и в заимствованиях. Ср. торг. *цииц* — лит. *сиитц* 'ситец'; торг. *цөкчлх* — *чөклх* 'сидеть на одном колене, согнув другое'. Например: *Өндр модн орна деер улан цоохр **циицэр** кеж орксн көшг дотрас эмч һарад ирнә* 'Из-за красного пестрого ситцевого занавеса, который висел над высокой деревянной кроватью, вышел врач' [3, с. 31].

2) Грамматические особенности торгутского говора, выявленные в произведениях Н.М. Манджиева, в основном, связаны с системой словоизменения. Известно, что падежная система калмыцкого языка включает девять падежей: именительный, родительный, дательно-местный, винительный, орудный, соединительный, совместный, исходный и направительный. В диалектах и говорах калмыцкого языка наблюдается различия в употреблении некоторых падежных окончаний и притяжательных частиц.

а) Родительный падеж в литературном калмыцком языке имеет несколько окончаний, в зависимости от типа склонения самого слова: *-а / -э; -ин / -ын, -н*. В произведениях Н.М. Манджиева наблюдается употребление аффикса родительного падежа *-ан / -ән*, который присоединяется к словам, оканчивающимся на согласную фонему и неясную гласную фонему, кроме неустойчивой согласной фонемы *-н*. Например: ... *Му-Цаһана хотн хөр шаху өрк бәәдг кевтән, өрк дееврнь салькнд шавшсн, зәрмснь өрүн **үдән*** [лит. *үдин*] *цә чансн утан һарсн бәәнә* [3, с. 17] '... В хотоне Му-Цагана проживало более двадцати семей, было видно, как на ветру колыхались войлочные кошмы, как дымились очаги, на которых варился полуденный чай'.

б) Направительный падеж в литературном языке имеет окончания *-ур / -үр*. Данный падеж сформировался не так давно, он произошел от послелого *уру* 'вниз, по течению, по склону' и характерен только калмыцкому языку. В других монгольских языках послелог *уруу*, все еще находит широкое применение. В торгутском диалекте значение направительного падежа передает аффикс *-ад / -эд*. А.Ш. Кичиков предполагает, что «данный аффикс мог произойти путем присоединения аффикса дательно-местного падежа - *д* к древнему показателю местного падежа - *а / -е*» [11 с. 40]. В рассматриваемом материале данный падеж в такой форме встречался чаще. В настоящее время носители данного говора приближаются к литературному языку.

Например: *Көшүр олж авсн Манж герэдэн ирэд, тергэн ясж авад, царан зүүнэд селә орад һарад йовна...* [3, с. 14]. 'Манджи нашел ось для телеги, пришел домой, наладил телегу, запряг вола и поехал в соседнее село'; *Күр тэвх дүңгә нүк малтж оркад, көвүд хойр үзгәд һарад, көк бор арһс түүж авад, күр тэвх нүкндән тэвәд түлнә* [3, с. 19]. 'Юноши выкопали яму для кюра [мясо в собственном соку], в двух местах собрали сухой кизяк, бросили в ямку и разожгли его'.

3) Лексические особенности торгутского диалекта в сравнении с дербетским, бузавским диалектами, а также литературным языком, связаны, в основном, с различием значений отдельных лексем. Фактический материал показывает, что довольно часто для обозначения одного и того же понятия могут употребляться разные лексемы.

Лексика представляет собой гибкую, подвижную и исторически изменчивую область языка, в которой отражаются все изменения, происходящие в жизни общества. Лексические различия между говорами и литературным языком могут быть связаны с отсутствием тех или иных слов в отдельных говорах, сужением, смещением значений некоторых лексем литературного языка. Словарный состав торгутского диалекта тематически отражает термины, обозначающие родственные отношения, материальную и духовную культуру, животных и растительный мир и др.

Тем не менее, несмотря на эти лексические расхождения, нельзя утверждать, что они приводят к непониманию речи между носителями разных диалектов калмыцкого языка, как это бывает в бурятских диалектах в силу их географического распределения.

Итак, в рассматриваемом материале встречаются различные диалектизмы, которые отражают особенности торгутского диалекта и делятся на несколько групп:

а) Слова, которые используются в литературном языке или других диалектах в одном значении, в торгутском – могут иметь другое значение. Ср. торг. *аак* 'отец, дядя' – дерб., лит. *аак* 'мать, тетя', торг. *баав* 'мать, тетя' – дерб., лит. *баав* 'отец, дядя'. Например: – *Шулуһар аакин баавиг дуудтн – гиж гергән келсиг соңсад, ик хар һосиг хөңлдгәр үмсж оркад, шуд һарад йовж одв* [3, с. 41] – Быстрее позовите тетю [жену дяди], – услышав сказанное женой, одев сапоги на босую ногу, он выбежал из дома'.

б) Одно и тоже значение некоторых слов может передаваться разными лексемами. Ср. торг. *цуунглх* – лит. *цоонгрх* 'клубиться, подниматься высоко (о дыме)'; торг. *салм* – дерб. *дөгд* 'смола', торг. *гедргән* – дерб. *хәру* 'назад, обратно'. Например: *Көк бор арһсна гиигн цаһан утан цуунглад һарад бәәнә* [3, с. 19] 'Белый легкий дымок, образовавшийся от сухого кизяка, поднимался вверх'; – *Уульх учр бәәнә, инәх чигн учр бәәнә, – гиж, салм болсн нигт хар сахлан дахсн хар чирәтә, теглг нурһта, өвгәрг күн нанд келж өгв* [3, с. 71] 'Есть причина и поплакать, и посмеяться, – сказал мне пожилой мужчина, среднего роста, с черной, как смола, густой бородой'.

Таким образом, анализ диалектизмов полевых материалов и произведений Н.М. Манджиева, показал, что особые различия демонстрируются в фонетических особенностях. Они связаны с такими явлениями, как замена гласных в словах, сохранение узости гласных [y] и [ү], влияние исторического гласного [i] на рядность слова и т.д. Грамматические особенности торгутского диалекта в большей степени связаны с падежной системой, где наблюдается употребление других аффиксов, отличных от литературного калмыцкого языка. Лексическое своеобразие диалектных слов заключается в реализации разных значений отдельных лексем или употреблении различных слов с одной семантикой в разных диалектах. Важно отметить, что

сохранение диалектных различий калмыцкого языка помогает сохранить его уникальные черты и традиции, что подчеркивают богатство и многообразие языковой культуры. В последние годы, к сожалению, в связи с угасанием функциональной активности калмыцкого языка, диалектные особенности говоров наблюдаются, в основном, у представителей старшего поколения.

Библиография

1. Карпова Л.И. Диалекты северного наречия удмуртского языка: формирование и современное состояние. Ижевск: МарШак, 2020.
2. Цыренов Б.Д. Диалектизмы в переводных словарях монгольских языков // Сибирский филологический журнал. 2013. № 1. С. 124–131.
3. Манджиев Н.М. Сборник рассказов. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1959.
4. Очиров Н.О. Отчет о поездке Н. Очирова к Астраханским калмыкам летом 1909 года // Известия Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношениях. 1910. № 10. С. 61–75.
5. Владимирцов Б.Я. Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия. Введение и фонетика. Л.: Издание Ленинградского восточного института имени А.С. Енукидзе, 1929.
6. Ramstedt G.J. Kamükisches Wörterbuch. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1935.
7. Руднев А.Д. Материалы по говорам Восточной Монголии. СПб: типогр. В.Ө. Киршбаума, 1911.
8. Котвич В.Л. Опыт грамматики калмыцкого разговорного языка. Изд. 2-е. Ржевнице у Праги: Издание Калмыцкой комиссии культурных работников в Чехословацкой республике, 1929.
9. Павлов Д.А. Каракольские калмыки и их язык. Элиста: Калм. гос. ун-т, 1990.
10. Павлов Д.А. Уральский говор и некоторые вопросы развития фонетической системы калмыцкого языка // Записки НИИЯЛИ КАССР. 1964. Серия филологии. С. 40–68.
11. Кичиков А.Ш. Дербетский говор (фонетико-морфологическое исследование). Элиста: Калмгосиздат, 1963.
12. Бардаев Э.Ч. Диалектная лексика в говорах калмыцкого языка // Диалектная лексика в монгольских языках. Улан-Удэ: БФ СО АН СССР, 1987. С. 118–128.
13. Убушаев Н.Н. Фонетика торгутского говора калмыцкого языка. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1979.
14. Убушаев Н.Н. Диалектная система калмыцкого языка. Элиста: АОр НПП «Джангар», 2006.
15. Тенишев Э.Р. О языке калмыков Иссык-Куля // Вопросы языкознания. 1976. № 1. С. 82–87.
16. Санжеев Г.Д. Монгольские языки и диалекты // Ученые записки Института востоковедения АН СССР. 1952. № 4. С. 30–125.
17. Санжеев Г.Д. Сравнительная грамматика монгольских языков. В 2 т. М.: Изд. АН СССР, 1953. Т.1.
18. Рассадин В.И. Очерки по исторической фонетике бурятского языка. М.: Наука, 1982.
19. Тодаева Б. Х. Дунсянский язык. М.: Восточная литература, 1961.
20. Тодаева Б. Х. Баоаньский язык. М.: Наука, 1964.
21. Тодаева Б. Х. Монгорский язык. Исследование, тексты, словарь. М.: ГРВЛ, Наука, 1973.
22. Тодаева Б. Х. Язык монголов Внутренней Монголии. Материалы и словарь. М.: Наука, 1981.
23. Тодаева Б. Х. Дагурский язык. М.: Наука. ГРВЛ, 1986.

24. Тодаева Б. Х. Словарь языка ойратов Синьцзяна (по версиям песен «Джангар» и полевым записям автора). Элиста: Калм. кн. изд-во, 2001.
25. Номинханов Ц.-Д. Материалы к изучению истории калмыцкого языка. М.: Наука. ГРВЛ, 1975.
26. Бураев И.Д. Некоторые фонетические особенности говора аларо-унгинских бурят // Исследование бурятских говоров. Вып. 11. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1968. С. 117–135.
27. Будаев Ц.Б. Лексика бурятских диалектов в сравнительно-историческом освещении. Новосибирск: Наука, 1979.
28. Шагдаров Л.Д. О некоторых языковых особенностях тугнуйский и агинских бурят и степени их отражения в литературном языке // Исследование бурятских говоров. Вып. 11. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1968. С. 156–163.
29. Дамдинов Д.Г. Этнолингвистический очерк хамниганского говора // Исследование бурятских говоров. Вып. 11. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1968. С. 74–116.
30. Ц. Өнөрбаян, Р. Сарангэрэл, Ю. Цэндээ, Л. Цэрэнчимэд, Г. Батзаяа. Орчин цагийн монгол хэлний нутгийн аялгуу. Уланбаатар: Хаан үсэг, 2020. 184 х.
31. Очирова Н.Ч. Диалектная лексика в художественном тексте (на материале прозы К. Эрендженова) // Научная мысль Кавказа. 2011. № 1. Ч. 2. С. 68–71.
32. Дыбо А.В., Абубакирова Л.Ф., Айбазова З.К., Зимин М.М., Коровина Е.В., Мальцева В.С., Мудрак О.А., Ренковская Е.А., Савельев А.В., Хисамов О.Р., Шаров А.В., Шеймович А.В. Новые результаты в генеалогической классификации тюркских диалектов («случаи с аффрикатами») // Oriental Studies. 2020. Т. 13. № 3. С. 696–713.
33. Павлов Д.А. Вопросы истории и строя калмыцкого литературного языка. Элиста: Калм. гос. ун-т, 1994. 270 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

На рецензирование представлена статья «Диалектные особенности калмыцкого языка (на материале прозе Нимгира Манджиева)».

Предмет исследования – своеобразие и особенности диалектов калмыцкого языка.

Методология исследования основана на сочетании теоретического и эмпирического подходов с применением методов анализа, обобщения и синтеза.

Актуальность исследования обусловлена важностью изучения и сохранения культуры и языка народов России, что является важной составляющей сохранения культурного разнообразия страны.

Научная новизна обусловлена необходимостью анализа и систематизации существующих исследований фонетических, грамматических и лексических особенностей диалектов для выявления структурных изменений в области фонетики, грамматики, лексики как в самих диалектах, так и в литературном языке.

Стиль изложения научный, структура, содержание. Статья написана русским литературным языком. Структура рукописи включает следующие разделы в виде отдельных пунктов не выделены, не озаглавлены): введение (содержит постановку проблемы, дан краткий обзор теоретической базы исследования, сформулирована цель исследования, указаны источники эмпирического материала); основная часть (на основе анализа эмпирического материала автор рассматривает фонетические, грамматические и лексические особенности торгутского диалекта; теоретические измышления автора подкреплены фактическими данными, для наглядности приведены

иллюстративные примеры); заключение (общие выводы); библиография (включает 16 источников).

Выводы, интерес читательской аудитории.

Исследование выходит за рамки лингвистики и культурологии, полученные результаты будут интересны тем, кто занимается исследованием диалектных особенностей калмыцкого языка. Литературный язык постоянно видоизменяется и адаптируется к актуальным культурным и социальным условиям, появляются новые формы и номинации, диалекты отличаются консерватизмом и близостью к исторической основе, их изучение имеет практическое значение для эффективной коммуникации на личностном уровне, подобные исследования важны для сохранения языков и диалектов, находящихся под угрозой исчезновения.

Рекомендации автору:

1. Название статьи стоит пересмотреть, поскольку исследование выполнено не только на материале прозы Н. Манджиева, были использованы данные из исследований ученых по данной проблематике и полевой материал, сбор которого осуществлялся в ходе экспедиции по Республике Калмыкия (нужно также указать источник этого материала). Кроме того, исследование в большей степени сфокусировано на особенностях торгутского диалекта.
2. Объем статьи близок к минимальным требованиям редакции. В статье не сформулированы объект, предмет, научная новизна и методологические основы проведенного исследования, стоит также указать объем эмпирического материала, расширить выводы.
3. Необходимо уделить большее внимание обзору и анализу современных научных работ, теоретический анализ именно современных источников является недостаточным.
4. Библиографические описания некоторых источников нуждаются в корректировке в соответствии с ГОСТ и требованиями редакции. Стоит расширить библиографию, в том числе увеличить долю отечественных и зарубежных работ за последние 3 года.
5. В начале статьи приведена достаточно большая цитата, уместнее использовать парафраз.
6. В тексте указано: Н.Н. Убушаев называет торгутский говор, в отличие от дербетского, «у-говором, ү-говором». В то время как в первоисточнике: Описывая дербетский говор, А.Ш. Кичиков дает основные дифференциальные признаки двух ведущих говоров - дербетского и торгутского: <...> дербетский говор является [о-, в-] говором, торгутский - [у-, ү-] говором.
7. Необходимо унифицировать оформление иллюстративных примеров, следуют также упорядочить использование кавычек.
8. Нужно унифицировать упоминания имен собственных в статье (в тексте: Н. Очирова, В.Л. Котвича, Нимгир Манджиев и т.д.).
9. Нужно перепроверить текст статьи на предмет описок и уместности использования символов (на материале прозы Нимгира Манджиева; 1930-1940-х годах прошлого века; В издании Н. Манджиева «Келвмүдин хураңһу» [‘Сборник рассказов’] 1959 года издания; после Октября 2017 года и т.д.).

Материал представляет интерес для читательской аудитории, но требует существенной доработки, после чего может быть опубликован в журнале «Litera».

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензия на научную статью "Диалектные особенности торгутского говора калмыцкого языка (на материале прозы Н.М. Манджиева и полевых записей)"

Рецензируемая статья посвящена изучению торгутского говора калмыцкого языка, одного из региональных вариантов, обладающего уникальными лексическими, фонетическими и грамматическими особенностями. Автор анализирует диалектные черты на основе литературных текстов Н.М. Манджиева, а также данных, собранных в ходе полевых исследований. Центральное внимание уделено описанию и систематизации характерных явлений на всех уровнях языковой системы.

Исследование выполнено с использованием методов лингвистического анализа, включающих описательный, сравнительный и синхронный подходы. Автор опирается на записи полевых исследований, собранные в торгутских ареалах, что позволяет дополнить литературные данные примерами живой разговорной речи носителей данного говора. Сравнение с другими говорами калмыцкого языка и анализ литературных источников могут говорить о достоверности полученных результатов, с одной стороны. С другой – диалектологические исследования предполагают непосредственное вовлечение автора в сбор, систематизацию и анализ языкового материала. Использование записей полевых исследований и работ, проведенными другими учеными, могут лишь служить фоном для сравнения с собственным эмпирическим материалом. Существенным недостатком работы является, на наш взгляд, неиспользование канонических методов исследования диалектологии и социолингвистики, таких как опосредованное наблюдение за речевым поведением, непосредственное участие в беседе, анкетирование и др.

Актуальность темы работы неоспорима и обусловлена необходимостью изучения и документирования малых языковых единиц в условиях глобализации и сокращения числа носителей калмыцкого языка. Автор рецензируемой работы отмечает, что торгутский говор обладает уникальными чертами (на фонетическом, грамматическом и лексическом уровнях), которые могут быть утрачены без должного внимания. Исследование вносит вклад не только в калмыковедение, но и в общую теорию диалектологии и социолингвистики.

Новизна работы заключается в комплексном подходе, объединяющем анализ литературных текстов и живого языкового материала. Автор проводит детальное описание диалектных черт на основе прозы Н.М. Манджиева, что позволяет выявить связь между литературным языком и территориальным вариантом.

Статья написана в академическом стиле, отличающемся ясностью и строгой логикой изложения. Автор эффективно использует примеры из текстов Н.М. Манджиева и собранных записей, что делает аргументацию вполне убедительной и наглядной. Структура исследования способствует четкому восприятию материала.

Библиографический список включает широкий круг источников, от классических работ по калмыцкому языку и диалектологии до современных исследований. Присутствуют ссылки на труды отечественных и зарубежных авторов, что свидетельствует о высокой осведомленности исследователя в данной области. Особое внимание уделено публикациям, посвященным монгольским языкам.

Автор статьи в целом демонстрирует осведомленность о существующих подходах к изучению калмыцкого языка и его диалектов, конструктивно полемируя с некоторыми из них. В частности, подчеркивается важность сочетания литературных произведений и данных полевых исследований, что позволяет преодолеть ограничения, присущие узконаправленным исследованиям. Автор также опровергает предположения о полной унификации говора под влиянием стандартизированного литературного языка.

Статья завершает анализ выводами о том, что торгутский говор сохраняет значительное количество архаичных черт, несмотря на влияние литературного языка и

экстралингвистических факторов. Работа будет интересна специалистам по калмыковедению, диалектологии, а также всем, кто изучает проблемы сохранения и развития малых языков и диалектов. Кроме того, исследование создает основу для последующих работ, направленных на документирование других говоров калмыцкого языка.

Таким образом, реферируемая статья является самостоятельным, законченным исследованием, вносит определённый вклад в изучение языкового и культурного наследия калмыков; соответствует паспорту научной специальности 5.9.5. Русский язык. Языки народов России. Работа является ценным ресурсом для лингвистов, этнографов и культурологов, занимающихся сохранением регионального языкового богатства. Высказанные замечания не снижают общего положительного впечатления. Полагаем, что данная статья может быть рекомендована к публикации в научной журнале Litera.

Litera

Правильная ссылка на статью:

Чжан Ж. Тенденции развития СМИ в контексте современной китайской политической идеологии // Litera. 2024. № 12. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.12.72672 EDN: WIFYZWD URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=72672

Тенденции развития СМИ в контексте современной китайской политической идеологии

Чжан Жуй

ORCID: 0009-0005-9739-0213

аспирант; Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций ; Санкт-Петербургский государственный университет

199004, Россия, г. Санкт-Петербург, линия 1-я, 26

✉ st065864@student.spbu.ru

[Статья из рубрики "Журналистика"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2024.12.72672

EDN:

WIFYZWD

Дата направления статьи в редакцию:

09-12-2024

Дата публикации:

16-12-2024

Аннотация: На протяжении всей истории своего существования СМИ играли важную роль в формировании социальных ценностей, продвижении политических идей и влиянии на общественное сознание. В случае КНР масс-медиа функционируют не только как средство коммуникации, но и как стратегический инструмент управления и механизм укрепления государственной идеологии. Цель данной статьи заключается в выявлении особенностей эволюции идеологических функций и политических характеристик китайских медиа на разных этапах их развития. Исследуя взаимосвязь политических целей и медиа, автор подчеркивает способность китайских СМИ адаптироваться к меняющимся социальным и политическим условиям. Объектом исследования являются китайские медиа как инструмент государственной власти и механизм идеологического влияния. В качестве предмета исследования рассматривается эволюция идеологических

функций китайских СМИ на различных этапах их развития. Статья подчеркивает, что китайские медиа играют ключевую роль в продвижении партийных идеалов, политической стабильности и формировании международного дискурса. В данном исследовании применяются такие методы и подходы, как исторический, сравнительный, системный и функциональный анализ. Новизна исследования заключается в комплексном анализе трансформации китайских СМИ через призму их политических функций и идеологических задач. Основными выводами проведённого исследования являются: во-первых, выявление динамичного процесса адаптации китайских СМИ к изменениям социальной и политической обстановки; во-вторых, подчёркивание важной роли медиа в формировании общественного консенсуса и легитимности власти. Особым вкладом автора является систематизация этапов эволюции китайских СМИ — от их полной политизации к более скрытой форме политической деятельности и к реполитизации в современной эпохе. Исследование демонстрирует уникальность медийной системы Китая, которая сочетает национальные и международные цели, способствуя укреплению политического порядка внутри страны и продвижению её интересов на мировой арене. Данное исследование может быть полезно исследователям и политологам, занимающимся вопросами истории коммуникаций, реализации политических целей посредством СМИ, формирования повестки дня и политической пропаганды.

Ключевые слова:

идеология, политическая идеология, тенденции, С М И , политизация, деполитизация, реполитизация, марксизм, социализм, функции СМИ

Введение

Политическая идеология, как ключевой механизм поддержания общественного порядка и легитимности власти, с момента её концептуализации К. Марксом и Ф. Энгельсом стала важной темой исследований в политической теории и социологии. В работе «Немецкая идеология» К. Маркс и Ф. Энгельс отметили, что идеология является основным инструментом правящего класса для укрепления легитимности своей власти посредством формирования коллективного сознания и поведения общества [\[1\]](#). Эта теория заложила фундамент для последующих исследований идеологии и была углублена трудами последующих ученых. Л. Альтюссер разработал концепцию «идеологических государственных аппаратов», подчеркивая роль таких институтов, как школы и средства массовой информации, в воспроизводстве легитимности общественных властных структур через повседневные практики [\[2\]](#). А. Грамши, в свою очередь, сосредоточился на гегемонической роли идеологии в культурной сфере, указав, что контроль над культурными ресурсами позволяет установить лидерство, обеспечивая широкое признание существующего социального порядка [\[3\]](#).

В условиях современной глобализации и цифровизации СМИ, как важнейший инструмент распространения идеологии в современном обществе, демонстрируют всё более выраженную политическую ориентацию и идеологические функции. Развитие современных информационных технологий и формирование глобальных сетей коммуникации превращают медиа не только в средство передачи информации, но и в ключевой инструмент формирования и продвижения политической культуры [\[4\]](#). В современном Китае политический характер СМИ прошёл сложный процесс

трансформации: от политизации к деполитизации, а затем к реполитизации. Этот процесс отражает уникальную эволюционную траекторию китайской политической идеологии, формирующуюся на пересечении глобализации и локализации.

Цель и методы исследования

Цель данного исследования заключается в выявлении особенностей эволюции идеологических функций и политических характеристик китайских медиа на разных этапах их развития при помощи анализа политических тенденций китайских медиа в контексте политической идеологии. В ходе работы применяются различные методы исследования, включая исторический анализ, сравнительный анализ, системный анализ, функциональный анализ. Эти методы позволили всесторонне изучить особенности изменений медийных функций и идеологических характеристик на различных этапах.

Результаты исследования

В современной научной терминологии идеология представляет собой систематизированное понятие, включающее в себя множество элементов, таких как политические лозунги, философские концепции, социальные идеалы и т. д., которые выражают отношение людей к реальности, взгляды и цели [5]. Таким образом, идеология не возникает изолированно или спонтанно, а является продуктом конкретных исторических и социальных условий. Она становится важным инструментом социальной солидарности и управления, объясняя рациональность социального порядка, определяя направление общественного развития и формируя поведенческие нормы и ценностные ориентации граждан. В данной работе мы склонны утверждать, что основная функция идеологии заключается в ее интерпретационной и нормативной природе, т. е. через конструирование набора мировоззрений и систем ценностей она обеспечивает консенсус для социальных групп и одновременно координирует соотношение интересов в обществе.

Одновременно идеология, будучи когнитивной рамкой, во многих случаях тесно связана с политикой, особенно в форме политической идеологии как её центрального выражения. Американский исследователь Л. П. Барадат в своей работе «Политические идеологии: их происхождение и влияние» отмечает, что идеология «прежде всего является политическим термином» [6, с. 9]. Этот взгляд подчеркивает глубокую внутреннюю связь между идеологией и политикой. Согласно М. Фридену, политическая идеология — это систематизированная теория распределения власти и управления социальными ресурсами, главная роль которой заключается в обеспечении теоретической основы для политической практики [7]. Политическая идеология является не только теоретической системой, но и оказывает непосредственное влияние на государственное управление через конкретные политические практики, такие как проведение политики, выборы и деятельность политических партий.

Идеология является идейным фундаментом социального развития и играет важную роль в политических и социальных трансформациях Китая. Китайский исследователь Лю Шаоцзе отмечает, что институциональные изменения, реорганизуя отношения общественных интересов, глубоко влияют на изменения в мышлении и ценностных убеждениях людей [8]. Ян Хуа в своём определении идеологии рассматривает её как концептуальную систему или дух управления государством, подчёркивая, что идеология является продуктом государства и отражает интересы широчайших слоёв народа [9]. Ся Гоцун утверждает, что политическая идеология нацелена на обеспечение

доминирования государственной мысли [\[10\]](#). Фань Яолин идёт дальше, утверждая, что ядром китайской политической идеологии является марксизм, подчеркивающий не только научность но и имеющий практическую применимость. Основная цель этой идеологии — обеспечение легитимности и обоснованности власти правящей партии [\[11\]](#).

С момента основания Китайской Народной Республики СМИ, как центральный инструмент распространения политической идеологии, играли важную роль в формировании общественного мнения и определении направления государственного управления. Начиная с агитации и мобилизации в революционный период, затем переходя к управлению общественным мнением в эпоху реформ и открытости, и вплоть до современного этапа перестройки идеологии в условиях мультимедийной среды, медиа неизменно остаются важной опорой государственной политики. Через такие каналы, как печатная пресса, радио, телевидение и новые цифровые медиа, политическая идеология КНР получила широкое распространение, способствуя формированию единого общественного сознания. Так, можно выделить следующие этапы эволюции китайских СМИ:

1. Высокая степень единства между политической идеологией и СМИ (1949–1978)

После основания КНР Коммунистическая партия Китая (КПК) трансформировалась из революционной партии в правящую партию, а идеология стала ключевым инструментом в строительстве новой системы и управлении обществом. В этот период Китай столкнулся с вызовами холодной войны, а противостояние социализма и капитализма придало идеологии выраженный характер политической борьбы. Идеи Мао Цзэдуна были провозглашены руководящей идеологией государства и центральным элементом политической системы. Они предоставили теоретическую основу для победы в новой демократической революции и основания КНР. Характерной чертой этого периода стало повсеместное распространение идеологии, что отразило её фундаментальную роль в политике и обществе [\[12, с. 21\]](#).

По мере обострения политической и классовой борьбы, после основания КНР, СМИ быстро наделялись важными политическими атрибутами и идеологическими функциями и становились ключевым инструментом в консолидации власти партии и государства. В этот период СМИ рассматривались как рупор партии, правительства и народа, а роль медиаорганизаций была четко определена как отделы идеологической пропаганды и административные органы, позиции общественного мнения и идеологические фронты КПК.

В этот период СМИ постепенно превратились из инструмента общественной коммуникации в инструмент политической пропаганды партии, что привело к созданию политизированной системы управления. Свобода прессы и её независимость были целенаправленно ослаблены. Правительство быстро взяло под контроль существующие информационные агентства и сформировали партийную газетную систему во главе с «Жэньминь жибао». На национальном уровне была создана государственная информационная сеть, основой которой стали агентство «Синьхуа» и Центральное народное радио. Основными задачами этих медиаорганизаций были пропаганда политики и руководящих принципов КПК и формирование общественного мнения, а также обеспечение идеологического единства с помощью строгого контроля прессы.

В 1950-е гг. полный заимствованный подход китайских медиа к советской модели журналистики ещё больше усилил их политический характер. Например, «Жэньминь жибао» взяла за образец советскую газету «Правда», что привело к высокой степени

стандартизации стиля освещения новостей, редакционных подходов и отбора материалов. Ежедневные редакционные статьи стали обязательным элементом политической пропаганды. Содержание новостей сосредотачивалось на восхвалении достижений социализма и критике недостатков капитализма, что ограничивало правдивость и разнообразие публикуемых материалов [13]. Кроме того, источники информации строго контролировались: весь новостной контент публиковался исключительно через официальные материалы агентства «Синьхуа», а газетам различных уровней запрещалось самостоятельно собирать и публиковать международные новости. Такая модель превратила новости в прямую рупорную трансляцию политики партии и правительства, исключив их функцию как независимого канала для распространения социальной информации.

Во время последующей революции китайские СМИ достигли крайней степени политизации. Такие издания, как «Жэньминь жибао», «Цзефанцзюнь бао» (газета Народно-освободительной армии Китая) и журнал «Хунци» (Красное знамя), известные как «две газеты и один журнал», стали единственным легитимным каналом распространения общественного мнения в стране [12, с. 37]. Их содержание было сосредоточено на пропаганде ультралевых идей и культе личности. В этот период количество газет в стране резко сократилось до нескольких десятков, а их материалы приобрели чрезвычайно однородный характер, что привело к явлению, известному как «тысячи газет с одним лицом». Медиа использовались для разжигания классовой борьбы и продвижения политической идеологии, что серьёзно подорвало их основные функции как средства передачи информации и служения обществу.

Эта модель управления средствами массовой информации, основанная на патерналистской структуре власти, постепенно закрепила систему государственной собственности на медиа в Китае. Через бюрократическую организацию и административную структуру отрасли была завершена институциональная консолидация медийной системы на общенациональном уровне [14]. Несмотря на то, что такая модель на ранних этапах эффективно способствовала укреплению стабильности власти и идеологическому единству, её чрезмерная ориентация на политические приоритеты значительно ослабила социальные функции медиа. Это не позволило эффективно преодолеть отставание в экономическом развитии и однообразии культурной жизни. В этот период тенденция к политизированию СМИ была особенно ярко выражена: их функции практически полностью обслуживали политические нужды, что привело к утрате объективности и независимости. Только после окончания Культурной революции в 1976 г. эта ситуация начала постепенно улучшаться.

2. Деполитизация и скрытая политизация СМИ (1978–2012)

Начало политики реформ и открытости в 1978 г. ознаменовало переход китайской политической идеологии от крайней классовой борьбы к удовлетворению реальных потребностей в экономическом развитии и социальном прогрессе. В этот период политические функции медиа также начали постепенно трансформироваться. Главный руководитель КНР Дэн Сяопин заявил: «Экономическая работа — это главная политика на данный момент, экономические вопросы — это политика, превосходящая всё остальное» [15]. Этот приоритет экономического развития занял центральное место в государственной политике и нашёл широкое отражение в повестке дня медиа. Идеологическая трансформация, сосредоточенная на экономическом строительстве, изменила роль медиа: от инструмента, напрямую обслуживающего политическую борьбу, они перешли к новому формату, основная задача которого заключалась в освещении

успехов экономического развития и социальных реформ.

В указанный период основные тенденции в медиа-сфере характеризовались поддержкой и продвижением политики реформ и открытости. Подчеркивая достижения экономического строительства, СМИ обеспечивали поддержку общественного мнения для построения легитимности социалистической рыночной экономики. В то же время СМИ постепенно превратились из высокоцентрализованного инструмента пропаганды в субъект коммуникации, который акцентировал внимание на общественных проблемах, и стали обращать внимание общества на вопросы жизнеобеспечения, построения правового государства и социальной несправедливости. Однако эта трансформация не означала полного разрыва с политикой, напротив, она придала новую форму служения идеологическим функциям правящей партии.

Так, партийные издания, например, «Жэньминь жибао», продолжали играть роль основного инструмента пропаганды политики, публикуя редакционные статьи и специальные репортажи, которые укрепляли легитимность политики и разумность национальных целей развития. Одновременно различные газеты начали изменять структуру содержания, чтобы соответствовать новым социальным запросам. Например, «Гуанмин жибао» и «Экономический ежедневник» сыграли ключевую роль в продвижении реформаторской политики и достижений в экономическом развитии, в то время как городские издания, такие как «Хуасийская городская газета» и «Southern Weekly», сосредоточились на освещении вопросов, связанных с жизнью населения и социальными проблемами. Эти издания постепенно стали важной силой среди новых медиа. Такое многообразное развитие не только повысило привлекательность СМИ, но и косвенно демонстрировало поддержку партийной и государственной политики в управлении общественным мнением.

В конце 1980-х – начале 1990-х гг., на фоне кардинальных изменений в Восточной Европе и распада Советского Союза, изменения в международной идеологической структуре оказали значительное влияние на Китай. Распространение сомнений в социализме и популярность теории «провала социализма» [\[16\]](#) в некоторых западных странах побудили китайские СМИ еще более активно подчеркивать легитимность руководства КПК и правильность выбранного пути строительства социализма с китайской спецификой.

В этом контексте СМИ стремились сохранить идеологическое единство, продвигая достижения страны в обеспечении стабильности и социального развития, а также опровергая внешнюю критику социалистической системы. Одновременно на Всекитайском совещании по управлению газетами в 1992 г. были сформулированы четыре характеристики журналистики (политическая, информационная, культурная, надзорная) и пять функций (передача информации, образование, надзор, просвещение, развлечение), что четко определило роль СМИ в условиях социалистической рыночной экономики [\[17\]](#). СМИ перестали быть исключительно инструментом пропаганды и начали рассматриваться как культурный товар с рыночными характеристиками. Этот процесс был запущен с создания таких газетных групп, как «Гуанчжоуский ежедневник». Начался процесс группирования газет, а китайские медиа стали уделять больше внимания международным коммуникациям. Например, газета «Цанькао сяоси» (Справочные новости) заняла важное место в освещении международных событий.

С углублением глобализации и информатизации СМИ начали уделять больше внимания искусству коммуникации и привлечению общественного внимания, делая политическое выражение менее явным. Несмотря на то, что содержание медиапродукции стало более

разнообразным и ориентированным на развлечения, в освещении ключевых политических вопросов и международных событий основным приоритетом оставались защита национальных интересов и поддержание общественного порядка. Например, в 2006 г. тогдашний лидер Китая Ху Цзиньтао в статье в газете «Цзефанцзюнь бао» подчеркнул необходимость «повышения привлекательности, убеждающей силы и боеспособности новостной пропаганды» [\[18\]](#), тем самым подтвердив принцип, согласно которому СМИ должны служить национальным стратегическим целям.

Эта модель коммуникации, сочетающая экономические функции с политическими целями, позволила медиа не только способствовать развитию рыночных механизмов, но и продолжать активное продвижение социалистических ценностей.

3. Реполитизация СМИ и международная коммуникация (2012 – настоящее время)

Проведение XVIII съезда КПК в 2012 г. ознаменовало начало новой эры в политической идеологии Китая. В 2013 г. председатель Си Цзиньпин подчеркнул, что «идеологическая работа является чрезвычайно важной задачей партии», и выдвинул задачу поощрения и практического внедрения социалистических основных ценностей [\[19\]](#). Это направление призвано через консолидацию общественного консенсуса и руководство общественными идеями отвечать на вызовы, связанные с многообразием культур и идей. В рамках этого процесса политическая функция СМИ была значительно усилена. Однако это не означало простого возвращения к прежней модели «высокой политизации». Напротив, этот процесс представляет собой более сложную и динамичную форму «реполитизации», которая адаптирована к современным условиям и требованиям.

В условиях реполитизации роль китайских СМИ претерпела значительные изменения: они трансформировались из простого инструмента пропаганды в сложную систему, тесно взаимодействующую с политической и социальной сферами. Изменение их политической функции проявляется на нескольких уровнях. Во-первых, через активное освещение руководящей роли правящей партии и её политики СМИ способствуют дальнейшему укреплению легитимности и центрального положения партии в национальном и международном дискурсах. Например, такие ведущие издания, как «Жэньминь жибао» и агентство «Синьхуа», с помощью редакционных статей, специальных репортажей и аналитических комментариев демонстрируют преимущества системы под руководством КПК, её политические достижения и успехи в управлении. Это способствует формированию внутри страны высокого уровня общественного признания партии. Во-вторых, агентство «Синьхуа» как ключевая структура международной коммуникации активно использует многоязычные платформы для трансляции глобальной аудитории образа китайской модели развития как легитимной и успешной. Эта деятельность играет важную роль в обеспечении информационной поддержки подъёма Китая на мировой арене и укрепления его позиций в условиях глобализации.

В процессе реполитизации медиадетельность в Китае перестала ограничиваться исключительно объективным изложением фактов. На промежуточных этапах передачи информации, таких как сбор данных журналистами, редакционная проверка и влияние ценностных ориентаций медиакомпаний, неизбежно проявляется определённая ценностная направленность. Политика и идеология, как концентрированное выражение системы ценностей, пронизывают все этапы работы СМИ, становясь ключевым элементом их операционной логики. В этот период СМИ были чётко определены как неотъемлемая часть дела КПК. Исследования марксистской теории журналистики стали теоретической основой для их развития [\[20\]](#). На этой базе была выстроена уникальная система

функционирования СМИ, обладающая китайской спецификой, которая обеспечивает их роль как инструмента реализации партийной политики и укрепления идеологических основ.

В рамках этой системы китайские СМИ сосредотачиваются на позитивной пропаганде, полностью подчиняя свою деятельность достижению государственных политических целей. Этот подход особенно ярко проявляется в практике новостного освещения.

Например, агентство «Синьхуа», интегрируя национальные и международные новости, акцентирует внимание на достижениях Китая в таких сферах, как борьба с бедностью, экономический рост и международное сотрудничество. Это позволяет подчеркнуть успехи государственного управления и укрепить легитимность правящей партии. Газета «Жэньминь жибао» на национальном уровне использует специальные репортажи и серию аналитических комментариев, направленных на формирование у общественности позитивного восприятия политики партии и государства.

Другой заметной чертой процесса реполитизации стало усиление политической направленности СМИ в международной коммуникации, где важнейшей задачей стало формирование и укрепление международного дискурса Китая. Например, CGTN (Китайский международный новостной телеканал) через международные новостные репортажи, документальные фильмы и культурные программы акцентирует внимание на достижениях Китая в развитии и его дипломатических инициативах. В частности, освещая инициативу «Один пояс, один путь», CGTN демонстрирует её прогресс, берёт интервью у лидеров и экспертов стран-участников, многогранно подчеркивая лидирующую роль Китая в международном сотрудничестве.

Кроме того, дипломатическая концепция «Сообщество единой судьбы человечества» благодаря широкому распространению в медиа усиливает международное признание Китая как ответственной мировой державы. Она подчёркивает глобальную управленческую компетенцию Китая и его конструктивную роль в решении международных вопросов.

Следует подчеркнуть, что независимо от того, идет ли речь о продвижении социалистических ключевых ценностей во внутреннем информационном пространстве или о формировании глобальной роли Китая в международной коммуникации, китайские СМИ неизменно ориентированы на обслуживание государственных политических целей. Посредством позитивной интерпретации как внутренних, так и международных тем, медиа формируют политически согласованный нарратив, направленный на укрепление общественного единства и повышение легитимности правящей партии. В этот период реполитизация СМИ представляла собой не только расширение их функций, но и полноценное обновление их операционной логики и ценностной ориентации, демонстрируя уникальность и современную значимость китайской медиасистемы.

Выводы

Проанализировав историческую эволюцию и функциональные характеристики политических тенденций китайских СМИ, можно четко увидеть, что СМИ всегда были важным инструментом распространения идеологии и политической практики. На разных исторических этапах политическая функция СМИ демонстрировала динамичный процесс адаптации: от высокой политизированности к неявной политизированности, а затем к постепенному переходу к реполитизации в новую эпоху. Эта эволюция не только отражает историческую логику социально-экономического и политического развития Китая, но и подчеркивает центральное положение СМИ в государственном управлении и

формировании общественного консенсуса.

Библиография

1. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология. – Пекин: Народное издательство, 1961. – 728 с.
2. Althusser L. Lenin and Philosophy, and Other Essays. – New York: Monthly Review Press, 1971. – 139 p.
3. Шевченко М. А. Концепция культурной гегемонии А. Грамши в рамках теории массовой коммуникации // Скиф. Вопросы студенческой науки. 2019. №5–1 (33). – С. 159–161.
4. Макаревич Э. Ф., Карпухин О. И. Политическая культура и идеология массовых коммуникаций // Евразийский юридический журнал. – 2015. – № 11(90). – С. 299–301.
5. Овчинников А.И. Понятие государственной идеологии и ее функции в современном государстве // Философия права. 2012. №2 (51). – С. 84–89.
6. Baradat L. P., Phillips J. A. Political Ideologies: Their Origins and Impact. – London: Routledge, 2019. – 361 p.
7. Freedon M. Ideology and Political Theory // Journal of Political Ideologies. – 2006. – Vol. 11(1). – P. 3–22.
8. Лю Шаоцзе. Идеологическая дифференциация и интеграция в процессе институциональных изменений // Цзяньхай сюэкань. – 2007. – №1. – С. 111–117.
9. Ян Хуа. Институциональное строительство гарантии идеологической безопасности в новый период Китая // Хунаньская социальная наука. – 2011. – №1. – С. 68–71.
10. Ся Гоюн. О вызовах и контрмерах для развития политической идеологии в Китае в новый период // Журнал Хубэйского института образования. – 2006. – №4. – С. 49–51.
11. Фань Яолин, Сюй Цзюнь. Об идеологической логике долгосрочного правления Коммунистической партии Китая // Журнал Южнокитайского технологического университета (издание по общественным наукам). – 2024. – Т. 26(06). – С. 12–20.
12. Чэнь Лидань. История китайской журналистики после 1949 года. – Пекин: Издательство Пекинского университета, 2019. – 98 с.
13. Фан Ханьци. Хроника китайской журналистики. – Фуцзянь: Народное издательство, 2000. – 1853 с.
14. Ли Цзидун, Ху Чжэньгун. Политическая идеология Китая и реформа СМИ: взаимосвязь и влияние // Университет журналистики. – 2013. – №4. – С. 10–16.
15. Дэн Сяопин. Избранные труды. Том. 2. Пекин: Народное издательство, 1994. – 194 с.
16. Ши Сяонин. Историческая эволюция идеологической работы партии с момента основания нового Китая и ее основные последствия. // Наблюдения и размышления. 2020. – №5. – С. 77–87.
17. Чэнь Ни. Социальная ответственность китайских журналистов в условиях интеграции СМИ. – Пекин: Издательство Коммуникационного университета Китая, 2019. – 761 с.
18. Председатель КНР Ху Цзиньтао и другие руководители Военной комиссии посетили газету НОАК. URL: <http://mil.news.sina.com.cn/2006-01-04/0558341909.html>. (дата обращения: 07.12.2024)
19. Си Цзиньпин. Имея в виду большую картину, постигая ее и сосредотачиваясь на больших вопросах, стараться лучше работать в пропаганде и идеологической работе. <http://theory.people.com.cn/n/2013/1015/c40531-23203583.html> (дата обращения: 07.12.2024)
20. Гао Цзиньпин. Направление, путь и практика реформы журналистики в Китае в новую эпоху // Вестник Хунаньского университета (издание по общественным наукам). – 2019. – Том. 33(6). – С. 1–5

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Статья «Тенденции развития СМИ в контексте современной китайской политической идеологии» представляет собой исследование в области риторики текстов средств массовой информации.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью изучения формирования цикличности тенденций к политизации и реполитизации в современном медийном дискурсе Китая.

Текст статьи хорошо структурирован. В статье представлены введение, цели и методы исследования, результаты исследования, а также выводы и библиография.

Цель данного исследования - выявить особенности эволюции идеологических функций и политических характеристик китайских медиа на разных этапах их развития при помощи анализа политических тенденций китайских медиа в контексте политической идеологии.

В качестве методов автором на различных этапах исследования были использованы исторический анализ, сравнительный анализ, системный анализ и функциональный анализ.

В разделе «Результаты исследования» автор последовательно описывает этапы политизации и реполитизации в китайских СМИ в XX-XXI вв. Выделяются три основных периода: период высокой степени единства между политической идеологией и СМИ (1949–1978), период деполитизации и скрытая политизация СМИ (1978–2012) и современный период, характеризующийся реполитизацией СМИ и международной коммуникацией (2012 – настоящее время).

Анализируя современное состояние политизации китайских СМИ, автор отмечает, что, «во-первых, через активное освещение руководящей роли правящей партии и её политики СМИ способствуют дальнейшему укреплению легитимности и центрального положения партии в национальном и международном дискурсах». А также что, «Во-вторых, агентство «Синьхуа» как ключевая структура международной коммуникации активно использует многоязычные платформы для трансляции глобальной аудитории образа китайской модели развития как легитимной и успешной». Таким образом автор объясняет тенденции с скрытой политизации китайских средств массовой информации, что приводит также к формированию в медиа политически согласованного нарратива, направленного на укрепление общественного единства и на повышение легитимности правящей партии КНР.

В заключении автор делает вывод о том, что «на разных исторических этапах политическая функция СМИ демонстрировала динамичный процесс адаптации: от высокой политизированности к неявной политизированности, а затем к постепенному переходу к реполитизации в новую эпоху. Эта эволюция не только отражает историческую логику социально-экономического и политического развития Китая, но и подчеркивает центральное положение СМИ в государственном управлении и формировании общественного консенсуса».

Данный вывод можно считать достоверным.

Стиль статьи научный, информация представлена объективно, выводы обоснованы результатами исследования.

Объём статьи является достаточным.

Статья оформлена в соответствии с требованиями к научным статьям, содержит ссылки на источники и список литературы, включающий в себя наиболее актуальные исследования по данной теме.

Таким образом, можно заключить, что статья «Тенденции развития СМИ в контексте

современной китайской политической идеологии» представляет собой научно-исследовательскую работу высокого уровня, которая вносит вклад в изучение актуальных тенденций в области немецкого словообразования. Работа соответствует требованиям, предъявляемым к научным статьям, и может быть рекомендована к публикации в журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Дедова О.В., Подольская В.В. Лексические способы обозначения интернета в современном русском языке: семантика, прагматика, орфография // Litera. 2024. № 12. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.12.72633 EDN: WJQSXP
URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=72633

Лексические способы обозначения интернета в современном русском языке: семантика, прагматика, орфография

Дедова Ольга Викторовна

доктор филологических наук

профессор; филологический факультет; Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

119234, Россия, г. Москва, ул. Ленинские горы, 1 строение 51

✉ ov-dedova@yandex.ru

Подольская Валерия Викторовна

соискатель; филологический факультет; Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

119234, Россия, г. Москва, Ленинские горы, 1 строение 51

✉ artesua@gmail.com

[Статья из рубрики "Лингвистика"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2024.12.72633

EDN:

WJQSXP

Дата направления статьи в редакцию:

09-12-2024

Дата публикации:

17-12-2024

Аннотация: Предметом исследования являются лексические средства обозначения интернета, а также его отдельных сегментов. В статье обсуждаются такие проблемы, как процесс вхождения лексемы "интернет" в современный русский язык и варианты ее

написания, причины и механизмы возникновения синонимических номинаций, формальная и когнитивная адаптация англицизмов "internet", "web", "net", стилистическая специфика словообразовательных и семантических дериватов, образованных на русскоязычной почве. Особое внимание уделяется тенденции к аффиксоидности некоторых англоязычных основ в современном русском языке, о чем свидетельствуют, в частности, дериваты на основе -нет (от англ. net 'сеть'), указывающие на различные национальные сегменты интернета ("рунет", "франконет", "чайнанет" и под.). В качестве источников лингвистической информации о функционировании исследуемых лексем были использованы современные толковые словари, данные корпусов (НКРЯ [<https://ruscorpora.ru/>], ГИКРЯ [<http://www.webcorpora.ru>]), результаты интернет-поиска по ключевым словам. В статье был использован описательный метод. Выявленные обозначения интернета, а также его сегментов анализируются с точки зрения происхождения и семантики. Также указывается их стилистическая окраска (в частности, отмечается, что словосочетание "в сети интернет" характеризует в основном официально-деловой стиль, словообразовательный дериват "инет" стал практически нейтральным и т.д.). Научная новизна проведенного исследования состоит в том, что впервые был выявлен комплекс лексических средств обозначения интернета и его отдельных сегментов. В статье рассматривается процесс адаптации лексических единиц, обозначающих понятие "интернет", а также особенности их функционирования в современном русском языке. Анализируются причины появления синонимических обозначений единицы "интернет" и их особенности. Ряд исследуемых номинаций (например, "глубокий", "черный" vs. "поверхностный", "белый интернет") не отмечается современными толковыми словарями. Проведенный анализ позволил сделать основной вывод: синонимический ряд "интернет", формирующийся в русском языке, с одной стороны, отражает денотативную значимость самой реалии, ее роль в современном обществе, а с другой – свидетельствует о значительном словообразовательном и когнитивном потенциале современного русского языка.

Ключевые слова:

интернет-лингвистика, неологические процессы, адаптация заимствований, аффиксоидность англоязычных основ, стилистическая специфика интернет-лексики, языковая игра, орфографическое нормирование неологизмов, лексикографическое описание неологизмов, словообразовательная деривация, синонимическая продуктивность

Введение

За несколько десятилетий своего существования интернет состоялся не только как технология, но и как когнитивный феномен. В настоящее время он стал для миллионов пользователей удобным и мощным каналом коммуникации, основным источником информации, «местом» отдыха и развлечений и т.д. Повсеместное распространение интернет-технологий оказывает воздействие на самые разные сферы жизни общества, и это не могло не отразиться в языке. В английском языке – основном источнике интернет-лексики – также происходят изменения под влиянием электронных форм коммуникации. Об этом свидетельствуют работы, в которых исследуются вопросы, связанные с особенностями языка онлайн-общения [1],[2], вхождением новой лексики в современные толковые словари [3], особенностями общения в социальных сетях и чатах [4].

Исследуется также развитие миноритарных языков и роль интернета в их сохранении [5]. Влияние новых технологий на язык и на общество столь существенно, что в настоящее время активно формируется особое направление лингвистических исследований – изучение т.н. *языка интернета* (см. об этом, напр., [6]). Термин *Netspeak* ('сетевой язык') впервые ввел в научный обиход британский лингвист Д. Кристал [7], в настоящее время в научной литературе представлен целый ряд синонимических обозначений данного явления: *Internet Language* ('интернет-язык'), *electronic discourse* ('электронный дискурс'), *computer-mediated communication* ('компьютерно-опосредованная коммуникация') и др.

Значимость интернета, аспекты его концептуализации отражает лексика, называющая сам этот феномен. В статье рассматриваются этапы вхождения лексемы *интернет* в современный русский язык, проблемы ее орфографической регламентации, синонимические способы лексического обозначения данного явления в современном русском языке. Проанализированы наименования интернета в целом (как глобальной компьютерной сети), а также его отдельных сегментов.

Основная часть. Вхождение лексемы *интернет* в современный русский язык и проблемы ее написания

По мере того, как компьютеры и компьютерные технологии становились все более доступными, ученые работали над проблемами совместного хранения и дистанционного обмена информацией. Сетевые компьютерные технологии развивались примерно с начала 60-х годов прошлого века, и первым проектом такого рода была сеть Arpanet. Затем в 80-х годах сеть приобрела название Internet. В 1989 г. Т. Бернерс-Ли предложил концепцию WWW (World Wide Web), что стало началом создания современных сетевых технологий хранения, поиска и передачи информации. Таким образом, изначально лексема *Internet* вошла в современный русский язык как оним, но ее языковой статус достаточно быстро менялся. Этапы процесса адаптации (и технологии, и ее названия) отражает грамматическая и графико-орфографическая вариативность слова: склоняемость/ несклоняемость, жен./муж. род, написание кириллицей/латиницей, с прописной/строчной буквы, а также его синтагматика – обязательность/необязательность сочетания с *сеть* (ср. изначальное 'в сети «Internet»' и совр. 'в интернете'). В качестве примера процитируем одну из первых статей, посвященных проблемам интернет-лингвистики: «У самого слова *интернет* еще не окончательно устоялась парадигма склонения. Хотя оно воспринимается средним носителем русского языка как слово мужского рода, кое-кто из компьютерных специалистов и пользователей интернета, ориентирующихся на нормы английского языка, все еще не могут с этим примириться и продолжают воспринимать *интернет* как несклоняемое существительное женского рода» [8] (курсив наш, О.Д., В.П.). Сейчас *интернет* функционирует в русском языке как склоняемое слово мужского рода и практически исключительно в кириллическом написании. По данным Национального корпуса русского языка [http://www.ruscorpora.ru], вариант записи латиницей отмечается приблизительно до начала 2000-х гг. (например: «Может быть, в этом и состоит одна из характернейших черт интеллигента – осознанно переносить все тела внешнего пространства в пространство внутреннее и дальше вести диалог именно с ними ... по типологическому образцу виртуальной реальности Internet'a?», 1999 г.). Наибольшая вариативность написания лексемы связана с использованием прописной или строчной начальной буквы. В настоящее время оба варианта являются нормативными, что зафиксировано в «Русском орфографическом словаре» [9]. Однако существует тенденция

к все более частому использованию написания со строчной буквы, что находит отражение в лингвистической литературе, посвященной данной тематике (см., например, [10],[11]). Однако, с нашей точки зрения, написание с прописной буквы не исчезнет, оно будет сохраняться и впредь, поскольку наблюдаемая в настоящее время орфографическая вариативность *Интернет/интернет* отражает наметившуюся многозначность данной лексемы: '1) название компьютерной сети на основе технологии, предусматривающей протокол передачи данных HTTP, язык разметки HTML, идентификаторы URL; 2) глобальная компьютерная сеть, предоставляющая возможность удаленного обмена информацией'. Обсуждая написание лексемы *интернет* со строчной/прописной буквы, нельзя не коснуться еще одной проблемы. Это существительное имеет омоним – аналитическое прилагательное. Графическое оформление сложных слов, в состав которых входит аналитическое прилагательное, должно начинаться исключительно со строчной буквы: *интернет-магазин*, *интернет-портал* и т.д. [9].

Название интернета в целом

Несмотря на то, что номинация *интернет* изначально является именем собственным, она развивает синонимы. Формирующийся синонимический ряд отражает значимость реалии в современной жизни. Появление неологических номинаций вызвано различными причинами:

1. Концептуализация феномена интернета. Метафорически он воспринимается как параллельное трехмерное пространство, в результате чего появляются номинации *киберсреда*, *киберпространство* и под. Об этом же свидетельствует устойчивое словосочетание *просторы интернета* (напр., «Коллекция бесплатных постеров в хорошем качестве, собранная с **просторов интернета** в одном месте»; «Часто на **ПРОСТОРАХ ИНТЕРНЕТА** можно встретить аббревиатуру EQ при обозначении эмоционального интеллекта»), а также номинация *интернеты* во мн. ч. (может выражать негативную оценку): «Как "великая Всемирная паутина" превратилась в "эти ваши **интернеты**"» (ср. *в лесах*, *в полях* и под. как обозначение нахождения в специфическом пространстве).

2. Языковая рефлексия, связанная с формальной адаптацией лексемы *Интернет*. В результате этого появляется новообразование *инет*. Номинация практически потеряла стилистическую маркированность в современном узусе (в словаре Т. Ф. Ефремовой стилистическая помета отсутствует [12]). Несмотря на формальную аналогию с английским *i-net*, участники интернет-коммуникации воспринимают новообразование *инет* как способ русскоязычной адаптации лексемы *интернет*: «**Инет** – это естественное сокращение слова интернет. Это же слишком длинно, коряво и утомительно каждый раз говорить это слово из трех ступенчатых слогов». В словаре под ред. Г. Н. Складневской, наряду с *инет*, зафиксировано дефисное написание *и-нет*, которое практически ушло из современного русскоязычного узуса [13]. Еще одним дериватом является жаргонизм *тырнет*, который образован в результате усечения основы «слева», написание через Ы отражает норму произношения фонемы <Э> в первом предударном слоге после твердых согласных. Номинация может иметь оценочный семантический компонент: «**Тырнет** сегодня изнурительно вялотекущий»; «**"Тырнет"**, например, появился как ироничное название для Интернета, которое подчеркивало его не всегда надежную и стабильную работу». Отметим, что жаргонизм также может употребляться во множественном числе: «В начале 2010-х читателю в **тырнетах** было хорошо, потому что считалось нормальным не принимать точку зрения автора и настойчиво продвигать свою...».

В результате адаптации англоязычного названия глобальной сети образуется дериват *межсеть* (семантическая калька *inter-net*). Его употребление может выражать прагматические смыслы, например, противопоставлять русскоязычный и англоязычный сегменты интернета (о наименовании сегментов см. ниже): «Т.е. писать о любви и преданности к своей Родине и народу,... называя это чужим словом "патриотизм" в **межсети**, называемым чужим словом "интернет" это патриотично?».

В одном и том же контексте могут употребляться различные жаргонные обозначения интернета: «С **инетом** проще, быстро заметили проседание канала, нужный человек сидел в **интернетах** как раз в это время».

Еще одним распространенным средством обозначения интернета является лексема *сеть* (семантическая калька англ. *net*). Ряд контекстов, где присутствует это слово в неологическом значении, также отражает концептуализацию интернета, а именно реализует сему 'насильственное удержание, несвобода': «**Затянуло в сети**: онлайн-банкинг увлек россиян» (ср. с регулярным значением *сеть* – «приспособление для ловли рыб, птиц и т.п., состоящее из перекрещивающихся нитей, закрепленных на равных промежутках узлами» [\[121\]](#)). Отметим, что, как и *Интернет*, слово в этом значении может писаться с прописной буквы («Нашёл в **Сети** краткую историю СССР»), а также употребляться во множественном числе («Поищи в **сетях**, там есть статьи по поводу моих песен и стишат»). В ряде случаев в качестве обозначения интернета используется англицизм *нет*, от которого образована русскоязычная номинация *сеть* («Медленно спустив ноги на пол, подумал – надо меньше торчать в **нете**, зрение уже не то»). Но по нашим наблюдениям, в отличие от *сеть*, употребление англицизма носит окказиональный характер, а сам он стилистически маркирован (жарг.).

Словосочетание *сеть интернет*, которое также является лексическим способом обозначения глобальной сети, фигурирует в основном в текстах официально-делового характера и употребляется, как правило, с предлогом *в*: «В соответствии со ст.152.1 Гражданского кодекса РФ: если изображение человека, полученное или используемое с нарушением закона, размещено **в сети интернет**, человек может требовать удаления этого изображения». Это словосочетание (с завыченным написанием *Интернет*) последовательно используется в Федеральном законе «Об информации, информационных технологиях и защите информации» от 27.07.2006 N 149-ФЗ (ред. от 23.04.2018): «страница сайта **в сети "Интернет"** (далее также – интернет-страница) – часть сайта **в сети "Интернет"**, доступ к которой осуществляется по указателю, состоящему из доменного имени и символов, определенных владельцем сайта **в сети "Интернет"**».

Название сегментов интернета

Как известно, глобальная сеть состоит из множества связанных между собой компьютерных сетей и устройств. Т.н. сегмент интернета является уровнем его инфраструктуры. Основным источником формирования наименований сегментов являются прямые заимствования из английского языка, имеющие в своём составе *net* и *web*: *дипнет*, *даркнет*, *клирнет* (от англ. *deepnet*, *darknet*, *clearnet*); *дипвеб*, *дарквеб* (от англ. *deepweb*, *darkweb*) и др. Как известно, денотативно эти номинации различны: *net* (сеть) – интернет в целом, *web* (веб/вэб), или т.н. «всемирная паутина» – глобальное информационное пространство, использующее протокол передачи данных HTTP на основе интернет-технологий, т.е. часть интернета. Но на практике понятия смешиваются: в русском языке *всемирная паутина* становится способом обозначения интернета в целом. В ряде случаев носители языка осознают метафоричность данной номинации:

«Родители! Заботьтесь о ваших детях! Помогите им не запутаться в **паутине** интернета!».

По нашим наблюдениям, словосочетание *всемирная паутина*, бывшее популярным на рубеже веков, употребляется в настоящее время в основном в текстах, посвященных истории интернета (так, в результатах лексико-грамматического поиска в основном корпусе НКРЯ словосочетание *всемирная паутина* отсутствует [<https://ruscorpora.ru/>]).

В процессе русскоязычного калькирования *net* и *web* активно используется лексема *сеть*, которая может передавать оба англицизма (т.е. это и интернет в целом, и его часть, использующая конкретные технологии передачи данных). В результате этого *сеть* приобретает устойчивую синтагматику применительно к обозначению сегментов интернета: *теневая, видимая, невидимая ... сеть*. В русском языке под воздействием английского данные названия метафорически концептуализируют интернет как трехмерное пространство (*глубокая / верхняя / поверхностная сеть*). Ряд номинаций отражает степень доступности сектора интернета: общедоступный интернет – *клирнет* (от англ. *clearnet*), *видимая сеть* (от англ. *visible net*); теневые сегменты интернета, доступные через специализированные браузеры, – *даркнет, дипнет, невидимая сеть* (от англ. *invisible net*), *скрытая сеть* (от англ. *hidden net*). Как видно из приведенных примеров, для обозначения сегментов интернета в современном узусе параллельно употребляются русскоязычные номинации (*чистый, грязный, глубокий, темный интернет* и пр.), а также образования с *-веб* и *-нет* (*дарквеб, дипнет* и т.д.). При этом адаптация понятий ведет к развитию номинаций, не распространенных в английском языке. Русские узуальные лексемы, подвергшиеся семантической деривации, могут сохранять антонимические противопоставления, реализованные в их словарных значениях. Например, существует *чёрный/белый интернет*: «Министр подчеркнул, что **«белый интернет»** создаётся в поддержку традиционной системы обучения»; **«Черный интернет** отличается запрещёнными сделками».

Наименования интернета как аффиксоиды

Рассмотренные наименования интернета имеют тенденцию к аффиксоидности. Об этом свидетельствует как «легкость» создания дериватов типа *интернет-знакомство, интернет-увлеченность* и под., так и слитное написание, наблюдаемое в ряде случаев: *интернетмагазин, интернетпровайдер*: «В России первый **интернетмагазин** открылся спустя год после американского аналога в 1995 г.», «**Интернетпровайдер** предлагает надежные и быстрые способы подключения интернета в деревню Истоминка». По наблюдениям ряда исследователей, актуальность данной тенденции возрастает. Так, О. В. Григоренко пишет: «Образуя периферийную зону семантико-деривационного поля сложных слов, аффиксоидальные неологизмы-компози́ты тем не менее демонстрируют многообразие типов, активность и частотность употребления в разных дискурсах» [14]. Образование гибридных дериватов без интерфикса становится активной моделью в современном русском языке [15].

Словообразовательная продуктивность *нет* (англ. *net*) также позволяет говорить об этом англицизме как о своего рода суффиксоиде. Его словообразовательное значение 'сегмент интернета, чья специфика обозначена производящей основой'. Процесс начался с образования неологизма *рунет*, который обозначает русскоязычный интернет. Номинация появилась в конце 90-х годов в результате соединения названия домена *.ru* и *.net*, в настоящее время она уже вошла в словари [13]. В этом неологизме название домена, безусловно, семантически значимо и передает «русскость». Роль *ru* во внутренней форме слова *рунет* обыгрывается в поэме А. Вознесенского «ru Поэма»: «Я в

душу соберу седьмую часть земли с названием кратким **-ru...**», «**-ru**, куда несешься ты? дай ответ! – в internet!». Вслед за *рунет* стали активно образовываться новообразования типа *англонет* («**Англонет**, я тебя ненавижу. в рунете хоть книжку можно скачать безопасно»), *американет* («Это **Американет**, переведенный на русский язык»), *чайнанет* («Рунет и **Чайнанет** рождались примерно в одно время»), *италонет* («**Италонет** наслаждается выложенной в сеть записью телефонного разговора между капитаном злополучной "Costa Concordia" и начальником порта Ливорно»), *франконет* («Да и **франконет** интересно покопать – там же и Канада, и Бельгия с Швейцарией...») и т.д. Отметим, что в приведенных неологизмах, образованных в результате сложения основ, первая уже формально не связана с национальным доменным именем. В качестве названий сегментов интернета *-нет* может соединяться не только с названиями стран и национальностей. Например, существует *детонет* (безопасный интернет для детей), *блогернет* (интернет для блогеров), *докторнет* (интернет для врачей), *буржу(й)нет* (нерусскоязычный интернет) и т.д. Также представляет интерес название литературного интернет-конкурса «Тенёта» (1994-2002), где каламбурно совмещены русскоязычное слово *тенёта* ('1. сети для ловли зверей. 2. то же, что паутина' [12]) и *нет*.

Также тенденцию к аффиксидности демонстрирует основа *веб* (от англ. *web*). Несмотря на то, что применительно к обозначению сегментов интернета *веб* и *нет* практически синонимичны (ср. *даркнет/дарквеб*), выступая как префиксоид, *веб* реализует иную семантику, а именно указывает на принадлежность объекта к сфере интернет-технологий (*веб-камера, веб-провайдер, веб-браузер, веб-ссылка, веб-страница* и под.). Возможно слитное написание неологизмов *с веб* (в основном это прямые заимствования из английского языка): *вебинар, веблог, вебмейкер*.

Выводы

На основе проведенного исследования лексики, обозначающей интернет, были сделаны следующие выводы:

1. Лексема *Internet* стала активно входить в современный русскоязычный узус практически сразу с момента возникновения и глобального распространения технологии WWW, то есть с конца 80-х – начала 90-х гг. прошлого века. Будучи изначально именем собственным, она подверглась активной адаптации, как формальной, так и семантической. Этапы ее вхождения в современный русский язык отражают варианты написания (отказ от изначального употребления кавычек, написание кириллицей/латиницей, с прописной/строчной буквы).
2. Синонимические обозначения интернета являются следствием денотативной значимости самого явления. В их образовании задействованы различные механизмы: словообразовательная деривация от заимствованного англоязычного онима (*инет, тырнет*), а также от других основ (*киберпростраство, киберсеть*); семантическое калькирование (*межсеть*); семантическая деривация узуальных русскоязычных лексем (*сеть, паутина*).
3. Параллельно развиваются номинации для различных сегментов интернета, главным различием между которыми является степень их доступности. Здесь возможно как прямое заимствование (*дарквеб, дипнет, клирнет*), так и семантическая деривация русскоязычных узуальных лексем. Противопоставление сегментов интернета по степени их доступности сохраняет антонимические корреляции, присутствующие в узуальных значениях слов: *поверхностный/глубокий, чистый/грязный, черный/белый* интернет и т.д. Также возможно противопоставление сегментов интернета по национальному и

языковому признакам. Номинации типа *рунет*, *англонет*, *франконет* и под. не имеют терминологического статуса.

4. Некоторые англицизмы, обозначающие интернет, ввиду их широкого использования и достаточно свободного сочетания с русскоязычными основами демонстрируют тенденцию к аффиксоидности (*интернет-*, *веб-*, *-нет*).

5. Английский язык является основным источником номинаций интернет-сферы. Вместе с тем современный русский язык, адаптируя англицизмы и обозначаемые ими понятия, проявляет огромный словообразовательный и когнитивный потенциал.

Библиография

1. Tagliamonte S.A., Derek D. Linguistic ruin? LOL! Instant messaging and teen language // American Speech. 2008. № 83(1), Pp. 3-34.
2. AbuSa'aleek A.O. Internet Linguistics: A Linguistic Analysis of Electronic Discourse as a New Variety of Language // International Journal of English Linguistics. 2015. № 5, Pp. 135-145.
3. Hussein R., Haider A. The Computer and Internet Terms: A Gold Mine for English Dictionaries // Jordan Journal of Modern Languages and Literatures. 2020. № 12(2). Pp. 263-276.
4. Akujobi O. S., Eze B. I. A computer-mediated discourse analysis on undergraduates' Facebook and WhatsApp // IGWEBUIKE: An African Journal of Arts and Humanities. 2021. № 7(2), Pp. 228-247.
5. Cunliffe D., Herring S. C. Introduction to Minority Languages, Multimedia and the Web // New Review of Hypermedia and Multimedia. 2005. № 11(2), Pp. 131-137.
6. Дедова О. В. Актуальные направления современной интернет-лингвистики: «язык в интернете» vs «интернет в языке» // Русское языковое пространство в синхронии и диахронии. / отв. ред. проф. М. Л. Ремнёва; сост. Г. А. Филатова. – М.: Издательство Московского университета, 2023. С. 4 – 19.
7. Crystal D. Language and the Internet. Cambridge: Cambridge University Press. 2001.
8. Иванов Л. Ю. Язык интернета: заметки лингвиста [Электронный ресурс]. 2000. URL: <http://www.faq-www.ru/lingv.htm/> (дата обращения: 05.12.2024).
9. Русский орфографический словарь / отв. ред. В. В. Лопатин. – Изд. 2-е, испр. и доп. – М., 2005. 943 с.
10. Словарь языка интернета.ru. / под ред. М.А. Кронгауза. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2016. 288 с.
11. Современный русский язык в интернете / ред. Я. Э. Ахапкина, Е. В. Рахилина. – М.: Языки славянской культуры, 2014. 325 с.
12. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. – М.: Русский язык, 2000.
13. Толковый словарь русского языка начала XXI в. Актуальная лексика / Под ред. Г. Н. Складневской. – М.: Эксмо, 2006. 1136 с.
14. Григоренко О. В. Новые аффиксоиды в словообразовательной системе русского языка на рубеже XX–XXI веков // Русский язык в школе. 2019. №3. С. 69-75.
15. Koriakowsewa E. О гибридном словосложении в русском языке в эпоху глобализации // Studia Rossica Posnaniensia. 2022. №47. С. 115-129.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В рецензируемой статье предметом исследования выступают лексические способы обозначения Интернета в современном русском языке. Актуальность работы определяется высокой социальной значимостью этого важнейшего явления в современной жизни общества («за несколько десятилетий своего существования интернет состоялся не только как технология, но и как когнитивный феномен»). Значимость Интернета, аспекты его концептуализации отражает лексика, называющая сам этот феномен. Этим обусловлены цель и задачи проведенного исследования, а именно: рассмотреть этапы вхождения лексемы Интернет в современный русский язык, выявить проблемы ее орфографической регламентации, установить синонимические способы лексического обозначения данного явления в современном русском языке, а также проанализировать наименования Интернета в целом (как глобальной компьютерной сети и его отдельных сегментов).

Теоретическую основу исследования составили работы О. В. Дедовой, Л. Ю. Иванова, а также статьи из сборника «Современный русский язык в Интернете» под редакцией Я. Э. Ахапкина и Е. В. Рахилина. Библиография насчитывает всего 7 источников, в том числе 4 словаря (Русский орфографический словарь, Словарь языка интернета.ru., Новый словарь русского языка и Толковый словарь русского языка начала XXI в. Актуальная лексика).

Методология проведенного исследования определена. С учётом специфики предмета, объекта, цели и задач работы использованы общенаучные методы анализа и синтеза, описательный и сравнительно-сопоставительный метод, интерпретативный анализ, контекстуальный и компонентный анализ языковых единиц.

Анализ теоретического материала и его практическое обоснование позволили автору(ам) сделать ряд существенных выводов о том, что «лексема Internet стала активно входить в современный русскоязычный узус практически сразу с момента возникновения и глобального распространения технологии www», «синонимические обозначения интернета являются следствием денотативной значимости самого явления»; «параллельно развиваются номинации для различных сегментов интернета, главным различием между которыми является степень их доступности», «некоторые англицизмы, обозначающие интернет, ввиду их широкого использования и достаточно свободного сочетания с русскоязычными основами демонстрируют тенденцию к аффиксоидности», «английский язык является основным источником номинаций интернет-сферы;... современный русский язык, адаптируя англицизмы и обозначаемые ими понятия, проявляет огромный словообразовательный и когнитивный потенциал».

Структура статьи логична. Поднятая в работе проблематика обсуждается в следующих подразделах: Введение, Основная часть (рассматривает вхождение лексемы Интернет в современный русский язык и проблемы ее написания), Название Интернета в целом, Название сегментов Интернета, Наименования Интернета как аффиксоиды, Выводы.

Результаты, полученные в ходе исследования, имеют теоретическую значимость и практическую ценность: они вносят определенный вклад в такие разделы теоретического знания, как лингвоконцептология, лингвокультурология, когнитивная лингвистика, а также могут применяться в вузовских курсах по общему языкознанию, лексической семантике, лексикологии, стилистике, межкультурной коммуникации.

Стиль изложения материала отвечает требованиям научного описания, содержание работы соответствует названию. Статья имеет законченный вид; она вполне самостоятельна, оригинальна, будет полезна широкому кругу лиц и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Сучков И.А. Лексико-семантическое поле "Feeling" (на материале англоязычных рецензий и киноблогов) //

Litera. 2024. № 12. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.12.72634 EDN: XNYEFR URL:

https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=72634

Лексико-семантическое поле "Feeling" (на материале англоязычных рецензий и киноблогов)

Сучков Илья Алексеевич

ORCID: 0000-0001-5347-5243

старший преподаватель; кафедра английской филологии; ГАОУ ВО ИИЯ МГПУ
аспирант; кафедра английской филологии; ГАОУ ВО ИИЯ МГПУ

105064, Россия, г. Москва, Малый Казенный пер., 5Б, ауд. 254

✉ ilyaxxx96@yandex.ru

[Статья из рубрики "Семантика"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2024.12.72634

EDN:

XNYEFR

Дата направления статьи в редакцию:

09-12-2024

Дата публикации:

22-12-2024

Аннотация: В статье анализируется состав лексико-семантического поля Feeling, устанавливаются и группируются составляющие его лексемы. Интерес к данной лексической группе обоснован ее возможностью выражать различные модальные значения, что приобретает особую актуальность в контексте киорецензии. Авторы могут использовать данные слова для того, чтобы выразить свою позицию, а также дать оценку различным аспектам киноленты, таким как сюжет, актеры, спецэффекты и т.д. В качестве материала для исследования использовались тексты киорецензий и киноблогов, посвященных фильмам и сериалам, которые вышли за последние четыре года и получили смешанные отзывы. В то время как профессиональное сообщество высоко оценило данные работы, отзывы рядовых зрителей носят критический характер. Подобный выбор материала позволяет включить в корпус тексты рецензий, которые

выражают как положительное, так и отрицательное мнение о кинолентах. Основными методами исследования выступили анализ словарных дефиниций и контент-анализ, который был реализован с помощью программы Tropes V8.4, которая выделила основные группы слов по семантическому признаку. Для выявления наличия или отсутствия модального значения использовался контекстологический анализ. В результате было выделено 23 микрополя входящих в состав исходного ЛСП, которые были объединены в более широкие кластеры в соответствии с характером выражаемых чувств, обозначаемых лексемами, входящими в их состав. Структурно полученное ЛСП состоит из трех элементов. Первым является ядро, включающее в себя архилексему *feeling*, а также слово *emotion*, которое было добавлено в связи с минимальными семантическими отличиями от основного ядерного элемента. Ближняя периферия включает в себя конститuenty, обладающие малым количеством дифференциальных признаков и высокой употребимостью, или же тесной связью с архилексемой, в то время как единицы дальней периферии характеризуются большим количеством коннотативных элементов в своем составе, стилистической окраской, низкой частотностью. Конститuenty ЛСП используются в различных контекстах и способны передавать оценочные, субъектные и суггестивные модальные значения. Научная новизна исследования заключается в актуальном представлении ЛСП *feeling* и входящих в его состав компонентов.

Ключевые слова:

дифференциальный признак, интегральный признак, кинокритика, кинокритик, микрополе, модальность, лексико-семантическое поле, периферия, семантика, ядро

Введение

Чувства и эмоции являются базовыми механизмами субъективной реакции и их значение для человеческой жизнедеятельности крайне велико. Они регулируют взаимоотношения человека с окружающим миром, а также являются источником опыта и основой для более сложных психических операций. Неудивительно, что описание данных категорий является перспективным направлением исследования во многих научных дисциплинах, в том числе в лингвистике. Одной из задач в рамках данной науки является описание и структурирование языковых средств, за счет которых выражаются чувства и эмоции, а также выявление связей между ними, что достигается с помощью построения и анализа лексико-семантических полей (ЛСП). Стоит отметить, что ученые уже проводили компаративные исследования в данной области [\[1\]](#), составляли и описывали лексико-семантические поля, связанные с чувственным восприятием, в том числе на материале английского языка [\[2, 3\]](#). Однако, стоит отметить, что в качестве языкового материала в данных работах выступили художественные произведения XX века. Поскольку лексический уровень языка представляет собой «самый динамичный ярус языковой системы» [\[4, с. 137\]](#), исследование ЛСП на материале современных языковых источников позволит расширить представление о данном лексико-семантическом поле, а также отразить произошедшие в нем изменения.

В качестве объекта для исследования были выбраны тексты англоязычных кинокритик, которые, как отмечают Е. И. Рябко и П. С. Осипова [\[5\]](#), приобрели особую популярность в связи с развитием кинематографа и Интернета. Стоит отметить неоднородность данного жанра. Изучая его эволюцию в медиапространстве, А. В.

Иовлева противопоставляет традиционную кинокритику, которая «не является массово востребованной и все больше трансформируется в качественную узконаправленную критику» [6, с. 43], произведениям из блогосферы, направленным на массовую аудиторию. Несмотря на подобные различия, основные функции кинокритики, среди которых Т. Р. Ванько [7] выделяет информационную и оценочную, выражены в обоих поджанрах. Лексика, обозначающая чувства и эмоции, может реализовывать обе функции, поскольку может употребляться как сугубо в дескриптивном значении, так выражать различные виды модальности, вследствие чего ее изучение в контексте кинокритики представляется актуальным.

Целью исследования является анализ состава и структуры лексико-семантического поля *feeling* в англоязычных кинокритиках и кинокритиках. Задачи исследования включают в себя выделение микрополей в составе ЛСП, описание ядерно-периферийной структуры и особенностей функционирования составляющих его единиц.

Обзор литературы

В. Н. Ярцева определяет поле как «совокупность языковых (гл. обр. лексических) единиц, объединенных общностью содержания (иногда общностью формальных показателей) и отражающих понятийное, предметное и функциональное сходство обозначаемых явлений» [8, с. 380]. З. Д. Попова и И. А. Стернин [9] выделяют несколько признаков, присущих данному образованию. Первой особенностью поля является наличие системных отношений. Данное положение предполагает наличие общего семантического признака, который является главным критерием для группировки лексем и отражается в их значении как интегральный или дифференциальный компонент значения. Через общий признак элементы поля вступают в семантические отношения, среди которых И. М. Кобозева выделяет (полную, неполную и контекстуальную) синонимию, гипонимию, несовместимость, антонимию и конверсивность [10]. С. В. Кезина [11] выделяет три уровня связей: внутрисловные (между значениями одной лексемы), межсловные (связи на уровне групп слов) и на уровне всей системы (например, полисемия различных структурно-семантических групп глаголов). Второй особенностью ЛСП является наличие как однородных, так и разнородных элементов. Разнородность может присутствовать как на семантическом уровне языка, что опосредовано наличием различных связей между ними, так и на морфологическом, поскольку поле включает в себя слова разных частей речи [12]. Третьим свойством ЛСП является наличие как минимум двух микрополей в его составе. Е. А. Таныгина определяет микрополе как «семантическое объединение, которое связано интегральным признаком, обычно выраженным доминантой поля» [13, с. 90]. Наличие подобных подгрупп можно обосновать общностью дифференциальных значений присущих определенной группе элементов поля, на основе чего их можно выделить в отдельное микрополе в рамках ЛСП. Четвертым свойством является возможность компонентов ЛСП перекрещиваться. В силу сложной семантической структуры одно слово может являться элементом сразу нескольких ЛСП. Например, слово «ресторан» можно отнести к таким полям как «Еда» и «Здание», что обуславливается наличием соответствующих сем в его значении. Последним свойством, выделяемым З. Д. Поповой и И. А. Стерниным, является наличие ядерных и периферийных элементов, причем четкой границы между ними нет. Это положение предполагает наличие сложной и неоднородной структуры у поля. Традиционно ученые выделяют ядро и периферию. Рассмотрим данные зоны и обозначим критерии их выделения. Т. Н. Куренкова [14] предлагает значение слова и входящие в него семы в качестве исходной точки построения поля. И. Б. Косицына и А. Ю. Былкова

[12] приводят такие термины как ядерная сема, архисема и имя поля, которыми обозначается общий семантический признак у элементов поля. В основы для ЛСП мы возьмем предложенную В. Н. Ярцевой архилексему, которая представляет собой слово с обобщенным значением, выступающее в качестве ядра изучаемого поля. Среди критериев отбора ядерной лексики можно выделить ее присутствие и описание в лексикографических источниках, стилистическую нейтральность и высокую частотность. Зона периферии по-разному трактуется и интерпретируется авторами. Т. Н. Куренкова и Т. В. Стрекалева [15] выделяют ближнюю и дальнюю периферию. В. Н. Денисенко [16] и И. А. Крапивина [17] обозначают около/приядерную зону и периферию или несколько периферийных зон. А. С. Канеева и Е. В. Боднарук [18] делят периферию на ближнюю, дальнюю и крайнюю. В рамках данного исследования мы будем отталкиваться от первой классификации подразумевающей наличие ближней и дальней периферии. Основными критериями наполнения данных зон являются частотность, чем она выше, тем ближе лексема к ядру, а также наличие дифференциальных признаков – чем их больше, тем дальше слово от ядра.

Методология и материал

Материалом исследования послужили кинокритики из цифровых СМИ и блогосферы на фильмы и сериалы Милашки (Cuties, 2020), Доктор Кто (Doctor Who, 2024), Питер Пэн и Венди (Peter Pan & Wendy, 2023), Женщина-Халк: Адвокат (She-Hulk: Attorney at Law, 2022), Звездный Путь: Дискавери (Star Trek: Discovery, 2022), Аколит (Star Wars: The Acolyte, 2024), Пацаны (The Boys, 2024), Властелин Колец: Кольца Власти (The Lord of the Rings: The Rings of Power, 2023). Выбор данных кинолент обоснован их полярным восприятием в обществе. Профессиональное сообщество и журналистика поставили высокие оценки данным произведениям, при этом их пользовательский рейтинг оказался низким, о чем свидетельствует статистика на киноагрегаторе Rotten Tomatoes [19]. Неоднозначность восприятия позволяет включить в корпус текстов как положительные, так и отрицательные рецензии, вследствие чего обеспечить широкую репрезентацию изучаемой лексической группы. В текстовый массив вошли публикации из цифровых изданий, таких как Salon.com, New Yorker, Empire, The Independent, The Hollywood Reporter, The Guardian, IGN, The Ringer, The Washington Post, Indiewire, а также работы кинокритиков The Critical Drinker, The Woke Critic, Nerdrotic, Disparu, Penguinz0, Hunter Avallone, Echo Chamberlain, Baggage Claim, Mr H Reviews, SciTrek. Полученный текстовый массив включает в себя 40 рецензий, общий объем – 300 000 печатных знаков (60 000 слов).

Основным методом исследования является контент-анализ. На первом этапе текстовый массив был проанализирован с помощью программы Tropes V8.4, что позволило выделить основные смысловые центры и сгруппировать лексические единицы в микрополя по семантическому признаку. Для выделения ядра использовался анализ словарных дефиниций. Контекстологический анализ использовался для описания употребления лексем с целью выявления модальных значений.

Результаты и их обсуждение

В качестве архилексемы выбрано слово *feeling* в следующем значении:

An emotional state or reaction. Эмоциональное состояние или реакция (Здесь и далее перевод мой ИС) [20].

Выбор лексемы обусловлен обобщенным значением и отсутствием стилистической окраски. Еще одной причиной выбора слова *feeling* в качестве ядерного компонента является высокая частотность ее производных относительно других слов данного класса в рассматриваемых текстах – 56. Также стоит отметить лексику *emotion*, которая близка по своему значению к выделенной архисеме. В ходе ассоциативного эксперимента, проведенного Л. А. Пиотровской [21], было установлено, что носители русского языка более четко дифференцируют «чувства» и «эмоции». В английском языке данная разница не очевидна, однако, англоязычные испытуемые выделили категорию «*feeling*» как операциональную. Тем не менее рассмотрим определение слова *emotion*:

A conscious mental reaction (such as anger or fear) subjectively experienced as strong feeling usually directed toward a specific object and typically accompanied by physiological and behavioral changes in the body. Осознанная психическая реакция (такая как злость или страх), субъективно переживаемая в качестве сильного чувства, обычно направленная на определенный объект и сопровождающаяся поведенческими и физиологическими изменениями [20].

В данной словарной дефиниции смысловые элементы *feeling* и *emotion*, отличаются по одному дифференциальному признаку – *strong*, вследствие чего добавление второй архилексемы в ядро представляется целесообразным. Всего в текстовом массиве зафиксировано 418 случаев употребления единиц, которые относятся к изучаемой группе. Несмотря на невысокие показатели частотности, стоит отметить высокую дистрибуцию данной лексической группы в текстах кинокритики: в среднем текст данного жанра содержит 11 элементов из рассматриваемого ЛСП.

При анализе текстового массива программой Tropes V8.4 было выделено 23 микрополя, которые входят в состав ЛСП *Feeling*. Их можно разделить на три класса: микрополя, включающие в себя лексемы с положительной коннотацией, отрицательной коннотацией, а также которые помимо единиц с дифференциальным признаком включают в себя слова, которые обладают обобщенным, нейтральным значением. В первый класс входят микрополя: *Admiration & liking* (4), *Cheerfulness* (4), *Enthusiasms* (8), *Friendships* (40), *Hope & optimism* (14), *Joy & happiness* (18), *Love & affection* (39), *Pleasures* (19), *Sympathy & compassion* (4). Данные слова в основном употребляются в положительных контекстах:

*If you want your voice to be heard join the conversation, push the subscribe button down below and help us grow the **Fellowship** till it becomes a positive force for good change.* Если вы хотите, чтобы ваш голос был услышан, присоединяйтесь к разговору, нажмите кнопку «Подписаться» и помогите нам развить наше **Братство**, чтобы оно стало реальной силой, которая поспособствует переменам к лучшему [22].

Микрополе *Friendships* является одним из наиболее частотных кластеров в рассматриваемом материале. Обычно слова данной группы используются для описания отношений между персонажами, однако в приведенном фрагменте кинокритики, посвященному вышеупомянутому сериалу, лексема *fellowship* используется для выражения субъективной модальности. Выбор слова неслучаен и является отсылкой к первой части трилогии «Властелин Колец» — «Братство Кольца» (*The Fellowship of the Ring*). Данный стилистический прием в комбинации с инклюзивным *we*, которое обозначает рецензента и совокупность его подписчиков и подчеркивает их знание и компетентность, что в связи с перлокутивной направленностью предложения должно оказать воздействие на читателя и стимулировать его желание присоединиться к данной

группе.

Второй класс представлен кластерами *Anger & indignation* (13), *Discontentments* (7), *Dislikes* (9), *Embarrassments* (3), *Envies* (4), *Fears & apprehensions* (19), *Hates* (35), *Melancholy & sadness* (9), *Pains* (11), *Stupidity* (5), *Unpleasantness* (7). Лексемы, входящие в данные микрополя, в основном используются для выражения авторского мнения:

*...this version of Peter is so **irritatingly** malicious that I actually found myself rooting for Captain Hook after a while... ...эта версия Питера настолько зловредна, что **раздражает**, и со временем я осознал, что болею за Капитана Крюка...* [23]

В данном фрагменте рецензии на фильм «Питер Пэн и Венди» слово из рассматриваемой группы используется, чтобы дать негативную характеристику протагонисту, основанную на субъективно-эмоциональном восприятии автора. В качестве других объектов оценки выступают режиссерские решения, сценарий, аудитория, диалоги, темп повествования, сами киноленты, операторы и режиссеры.

*He immediately spirits her new 6ft 7in form away to his Stark-funded lab to help her begin the laborious journey of learning what it is to be one of the avocado-hued; how to control her **anger**, **fear** and her transformations. Он немедленно направляет Дженнифер в ее новом двухметровом облики в финансируемую Старком лабораторию, чтобы помочь понять ей, каково это быть одним из тех, чья кожа цвета авокадо; как контролировать **гнев**, **страх** и свои трансформации* [24].

Другим случаем употребления лексем данной группы является описание сюжета произведения. В рецензии на сериал «Женщина-Халк: Адвокат», автор использует лексемы рассматриваемого ЛСП для того, чтобы передать переживания данной героини, вследствие чего слова используются в дескриптивном значении и не несут дополнительных модальных значений.

*The Boys Season 4 is nothing short of **frustrating**, but not because of the writers or actors associated with the show; it's **frustrating** because the show does an impeccable job of examining the world we live in. Четвертый сезон «Пацанов» не может не **разочаровывать**, но не из-за сценаристов или актеров, связанных с сериалом; **разочаровывает** он потому, что безупречно исследует мир, в котором мы живем* [25].

Лексема *frustrating* в данном фрагменте обладает оценочным значением, однако, объектом оценки выступает не сериал, а реальный мир, вследствие чего автор, через призму кинокритики выражает свое отношение к объективной действительности.

Стоит отметить, что количественно слова с положительной коннотацией встречаются чаще, однако микрополей, включающие лексемы, обозначающие отрицательные чувства и эмоции, больше, а, следовательно, шире спектр их выражения в кинокритике. Также стоит отметить, превосходство микрополей *Love & affection* (39) и *Hates* (35) над *Admiration & liking* (4) и *Dislikes* (9), что может свидетельствовать о том, авторы отдают предпочтение лексике, выражающей более сильные чувства.

Третья группа представлена микрополями *Astonishment & surprise* (10), *Desires* (17), *Expectations* (5). Единицы, составляющие данные микрополя, могут обладать нейтральным значением, например, слово *desire*:

Jen wins over our hearts with ease with chronic relatability and by instilling an unshakable

desire to root for her success. Джен с легкостью покоряет наши сердца, поскольку зрителю легко соотнести себя с ней; она навязывает нам непоколебимое **желание** болеть за нее [26].

...if it gets a second season it will be simply because of Marvel's continued **desire** to show disdain towards their own fan base. ...если сериал получит второй сезон, то это произойдет исключительно из-за **желания** Марвел демонстрировать презрение к своей фанбазе [27].

Оба примера являются оценочными суждениями, где объектами критики выступают персонаж и киностудия, которые получают положительную и отрицательную оценки соответственно. Однако, оценочность передается за счет языкового окружения лексемы *desire*: в первом случае это достигается за счет единиц *win over hearts, relatability, root, success*; во втором — за счет слова лексемы из микрополя *Hates, disdain*.

Рассмотрев микрополя, логичным представляется определить наполняемость периферии поля. Рассматриваемое ЛСП обладает обширной ближней периферией, включающей в себя 57 лексических единиц. Составляющие данной зоны обладают рядом характеристик, которые также являются критериями их выделения: высокая частотность, употребление в основном значении и отсутствие ограничений в использовании. Яркими примерами подобных лексем выступают такие слова, как *love* (23), *hate* (28), *fun* (13), *surprise* (10).

It must be love because the Doctor isn't put off when he discovers his new squeeze is into Dungeons & Dragons. Должно быть это была **любовь**, поскольку Доктора не оттолкнул тот факт, что его подружка любит Подземелья и Драконы [28].

I love a Captain America flick as much as the next person, and all kinds of superheroes are for all kinds of people, but it's thrilling to see a wider demographic being reached out to. Я **люблю** фильмы о Капитане Америке, так же как и все. Несмотря на то, что супергерои должны импонировать каждому зрителю, приятно видеть, что сериал пытается привлечь широкие слои населения [29].

В первом случае лексема ближней периферии используется в комбинации с модальным глаголом *must* для выражения суггестивной модальности, во втором — используется для выражения оценки критика, объектом которой выступает фильм. Употребления в различных контекстах свидетельствует об универсальности конститuentов ближней периферии, что отражается на их частотности. Однако, поскольку границы периферии ЛСП размыты, это не относится ко всем единицам данной зоны. В ее рамках существуют слова с низкой частотностью, которые при этом обладают сильной связью с ядром. Например, лексема *dislike*, встречающаяся в текстовом массиве дважды, обладает следующим значением:

A feeling of aversion or disapproval. Чувство отвращения или неодобрения [20].

В составе дефиниции можно выделить наличие архилексемы *feeling*, вследствие чего включение ее в ближнюю периферию представляется целесообразным.

Дальняя периферия включает в себя 83 слова. Их основными характеристиками и критериями выделения являются невысокая и низкая частотность, употребление в периферийном или переносном значении, наличие ограничений в употреблении, обусловленных присутствием стилистически окрашенных сем.

While addressing the culture of misogyny as a societal trait and a sector of Marvel fandom,

«*She-Hulk*» is not overly serious or ham-fisted with commentary. Затрагивая проблему культуры **мизогинии** как черты социума и, в частности, сектора фанатского сообщества Марвел, Женщина-Халк не комментирует ее явно и серьезно [29].

Ярким примером подобной лексемы является слово *misogyny* (5). В приведенном контексте оно не используется для формирования оценки. В отличие от составляющей ближней периферии, *hate*, данная лексема обладает более сложным значением:

Hatred of, aversion to, or prejudice against women. Ненависть, отвращение или предвзятость в отношении женщин [20].

Данная дефиниция включает в свой состав дополнительный дифференциальный признак – *woman*.

*The **scares** were all done properly well, and the scale and size felt true. Пугалки сделаны добротно: размах и размер кажутся правдоподобными* [30].

В приведенном фрагменте лексема *scare* используется в периферийном значении, которое не фиксируется в лексикографических источниках [20, 31] и выступает в качестве объекта оценки. Учитывая то, что она также отличается низкой частотностью и встречается в корпусе дважды, ее включение в дальнюю периферию представляется логичным.

Заключение

Таким образом, ЛСП *feeling*, исследованное на материале кинокритик и кинокритиков, представляет собой сложную структуру, включающую в себя 23 микрополя, 9 из которых содержат элементы, выражающие положительные чувства, 11 – отрицательные, 3 – имеют неоднородный состав. Микрополя отличаются неравномерностью, однако, можно заметить тенденцию к употреблению рецензентами слов, обозначающих сильные чувства и эмоции. Изучаемое поле характеризуется наличием ядра, включающим в себя архилексемы *feeling* и *emotion*, а также периферией, которая делится на ближнюю и дальнюю. Ближняя периферия неоднородна: в ее состав входят частотные элементы, которые в силу обобщенности значения могут использоваться в различных контекстах, но также встречаются слова, с меньшей употребимостью, при этом семантически тесно связанные с ядром. Слова, относящиеся к дальней периферии, характеризуются наличием большим количеством коннотативных смыслов, редкостью употребления, использованием во второстепенном значении. Лексемы, образующие ЛСП, используются для выражения различных модальных значений: субъектности, оценочности, суггестивности, при этом зачастую сами выступают в качестве объекта оценки. Потенциально данное поле может быть значительно расширено за счет включения текстов других жанров, что позволит получить более точное представление о его элементах и связях между ними.

Библиография

1. Мансурова, М. В. Сопоставительный анализ лексико-семантических полей чувства и *le sentiment* в структурном и лингвокультурологическом аспектах / М. В. Мансурова, Т. И. Белица // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2016. Т. 15, № 2. С. 62-66.
2. Семендяева, Ю. Ю. Лексико-семантическое поле "Эмоциональное состояние" в романах С. Моэма / Ю. Ю. Семендяева // Успехи гуманитарных наук. 2021. № 6. С. 92-95.

3. Банокина, К. О. Концепт "fear" ("страх") в английской поэзии времен первой мировой войны / К. О. Банокина, В. Л. Темкина // Вестник Оренбургского государственного университета. 2015. № 2(177). С. 207-212.
4. Гуань, Ц. Лексико-семантическое поле "Санкция" в русской политической сфере / Ц. Гуань // Litera. 2022. № 11. С. 137-151.
5. Рябко, Е. И. Особенности текста англоязычной киорецензии / Е. И. Рябко, П. С. Осипова // E-Scio. 2020. № 12(51). С. 68-73.
6. Иовлева, А. В. Трансформация современной киорецензии и развитие блогерской медиакритики // Медиаисследования. 2018. № 5. С. 39-43.
7. Ванько, Т. Р. Своеобразие жанров киорецензии в медиaprостранстве // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2021. № 8(850). С. 9-20.
8. Языкознание. Большой энциклопедический словарь / В.Н. Ярцева. – М: Большая Российская энциклопедия, 1998. – 685с.
9. Попова, З. Д. Семантико-когнитивный анализ языка / З. Д. Попова, И. А. Стернин. 2-е издание, переработанное и дополненное. Воронеж : Издательство Истоки, 2007. 250 с.
10. Кобозева, И. М. Лингвистическая семантика : учебник для студентов факультетов филологического профиля / И. М. Кобозева. Московский гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, Филологический фак. Изд. 5-е, испр. и доп. – Москва : URSS, 2011. 349 с.
11. Кезина, С. В. Семантическая структура слова как фрагмент семантической структуры поля // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2008. № 4. С. 5-11.
12. Косицына, И. Б., Былкова, А. Ю. Структура лексико-семантического поля «Мода» в романе Л. Вайсберг «The Devil Wears Prada» /И. Б. Косицына, А. Ю. Былкова // The Scientific Heritage. № 22. 2018. С. 59-60.
13. Таныгина, Е. А. К вопросу о становлении лексико-семантического поля цвета в английском языке // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2018. Т. 8. № 4(29). С. 90-98.
14. Куренкова, Т. Н. Лексико-семантическое поле и другие поля в современной лингвистике // Вестник Сибирского государственного аэрокосмического университета им. академика М.Ф. Решетнева. 2006. № 4(11). С. 173-178.
15. Куренкова, Т. Н. Лексико-семантическое поле «Food» (Еда) в произведении Эрнеста Хемингуэя «The Sun Also Rises»/ Т. Н. Куренкова, Т. В. Стрекалева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. Т. 15, № 4. С. 1164-1170.
16. Денисенко, В. Н. Содержание и структура ядра и приядерной зоны лексико-семантического поля «межличностные отношения» на материале романа Ф.М. Достоевского «Идиот» / В. Н. Денисенко, И. А. Романова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2018. Т. 9. № 3. С. 625-639.
17. Крапивина, М. С. Устойчивые сравнения на периферии лексико-семантического поля «Рыболовство» (на материале донских казачьих говоров) // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2012. № 8(72). С. 96-99.
18. Канеева, А. С. Особенности структурной организации лексико-семантического поля «Ландшафтная архитектура» (на материале современных англоязычных текстов) / А. С. Канеева, Е. В. Боднарук // Верхневолжский филологический вестник. 2023. № 1(32). С. 129-139.
19. Rotten Tomatoes [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.rottentomatoes.com/> (дата обращения: 08.11.2024)
20. Merriam-Webster: America's Most Trusted Dictionary [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.merriam-webster.com/> (дата обращения: 08.11.2024)

21. Пиотровская, Л. А. Чувства vs эмоции: категоризация эмоциональной сферы носителями русского и английского языков (результаты экспериментального исследования) / Л. А. Пиотровская // Вестник Череповецкого государственного университета. 2021. № 3(102). С. 133-142.
22. George the Giant Slayer. Rings of Power Episode 1 Review – Fans Were Right! [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=dMfU2Y68b-U&t=498s> (дата обращения: 08.11.2024)
23. The Critical Drinker. Peter Pan and Wendy – It’s Awful! [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=KuREaFVr-Vc&t=9s> (дата обращения: 08.11.2024)
24. The Guardian. She-Hulk: Attorney at Law review – female empowerment has never been so much fun [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.theguardian.com/tv-and-radio/2022/aug/18/she-hulk-attorney-at-law-review-female-empowerment-has-never-been-so-much-fun> (дата обращения: 08.11.2024)
25. Comicbook.com. The Boys Season 4 Review: Everything Is Awful [Электронный ресурс]. – URL: <https://comicbook.com/tv-shows/news/the-boys-season-4-review-amazon-prime-video/> (дата обращения: 08.11.2024)
26. IGN. She-Hulk: Attorney at Law – Season 1 Review [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.ign.com/articles/she-hulk-attorney-at-law-season-1-review> (дата обращения: 08.11.2024)
27. Baggage Claim. Why She-Hulk Sucks? [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=khHGamm2ZxM> (дата обращения: 08.11.2024)
28. Independent. Doctor Who: Rogue review – Groundbreaking episode marks historic first for series [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.independent.co.uk/arts-entertainment/tv/reviews/doctor-who-rogue-review-recap-kiss-b2558573.html> (дата обращения: 08.11.2024)
29. Rogerebert.com. She-Hulk Attorney at Law Offers Entertaining Blend of Action and Commentary Dictionary [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.rogerebert.com/streaming/she-hulk-tv-review-2022> (дата обращения: 08.11.2024)
30. Tom's Guide. Lord of the Rings: The Rings of Power review: Truly epic and divisive [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.tomsguide.com/opinion/lord-of-the-rings-the-rings-of-power-review> (дата обращения: 08.11.2024)
31. Cambridge Dictionary | English Dictionary, Translations & Thesaurus [Электронный ресурс]. – URL: <https://dictionary.cambridge.org/> (дата обращения: 08.11.2024)

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

НА НАУЧНУЮ СТАТЬЮ «ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ “FEELING” (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ РЕЦЕНЗИЙ И КИНОБЛОГОВ)»

Данная научная статья посвящена лексико-семантическому полю “feeling”, рассматривается на материале англоязычных рецензий и кинопблогов.

В научной работе обращается внимание на классификацию, которая подразумевает наличие ближней и дальней периферии.

Цель исследования состоит в анализе лексико-семантического поля “feeling” в контексте англоязычных рецензий и кинопблогов. Авторское исследование направлено на определение различных значений, а также ассоциаций, которые связаны с данным термином, в том числе выявление роли в формировании эмоционального восприятия

фильмов.

Актуальность исследования лексико-семантического поля "feeling" в англоязычных рецензиях и киноклубах обусловлена растущим интересом к эмоциональному восприятию фильмов, в том числе влиянию на зрителя. В контексте современного медийного пространства, в котором эмоции играют важную роль на современном этапе в процессе формирования мнений о кино, анализ употребления данного термина позволяет определить разнообразие чувств, которые вызывают фильмы.

Автор статьи в рамках данной работы в качестве основы для ЛСП отталкивается от предложенной В. Н. Ярцевой архилексемы, которая представляет собой слово с обобщённым значением, которое выступит в качестве ядра изучаемого поля. В семантической структуре данной единицы будут выделены архисемы, которые отвечают за связь ядра с другими элементами поля.

Результаты данного анализа выявили, что ближняя периферия неоднородна: в ее состав входят частотные элементы, которые в силу обобщённости значения могут использоваться в различных контекстах, но также встречаются слова, с меньшей употребимостью, при этом семантически тесно связанные с ядром. Слова, относящиеся к дальней периферии, характеризуются наличием большим количеством коннотативных смыслов, редкостью употребления, использованием в второстепенном значении.

Замечания к научной статье:

1. В разделе Введение не прописана актуальность статьи, объект исследования, цель исследования и научная новизна исследования, не соответствует требованиям оформления, предъявляемым к научным публикациям.

2. В статье много орфографических и грамматических ошибок, следует обратить внимание на разделы Обзор литературы и Результаты и их обсуждение. Научная статья нуждается в повторной вычитке.

3. К примерам на иностранном языке (результаты и обсуждения) не везде указаны источники.

По содержанию и стилю данная статья не соответствует требованиям, предъявляемым к научным статьям, представляемым в рецензируемые журналы ВАК.

Рекомендация к опубликованию

В соответствии с вышеизложенным целесообразно отклонить представленный материал с правом повторного представления в журнал «Litera» только при условии учета автором замечаний рецензента.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В рецензируемой статье предметом исследования выступает лексико-семантическое поле feeling. Как справедливо отмечается, в данной области уже проводились компаративные исследования, составлялись и описывались лексико-семантические поля, связанные с чувственным восприятием, в том числе на материале английского языка. Однако ранее в качестве языкового материала выступали художественные произведения. Авторы полагают, что изучение лексико-семантического поля feeling на материале современных языковых источников позволит расширить представление об изучаемом предмете, что и определяет актуальность данной работы. Кроме того, видится важным изучение чувств и эмоций, которые являются «базовыми механизмами субъективной реакции» и их значение для человеческой жизнедеятельности в динамике. Материалом исследования послужили кинокритики из цифровых средств массовой

информации и блогосферы на фильмы и сериалы Милашки (Cuties, 2020), Доктор Кто (Doctor Who, 2024), Питер Пэн и Венди (Peter Pan & Wendy, 2023), Женщина-Халк: Адвокат (She-Hulk: Attorney at Law, 2022), Звездный Путь: Дискавери (Star Trek: Discovery, 2022), Аколит (Star Wars: The Acolyte, 2024), Пацаны (The Boys, 2024), Властелин Колец: Кольца Власти (The Lord of the Rings: The Rings of Power, 2023). Выбор данных кинолент обоснован их полярным восприятием в обществе: профессиональное сообщество и журналистика поставили высокие оценки данным произведениям, при этом их пользовательский рейтинг оказался низким (согласно статистике на киноагрегаторе Rotten Tomatoes). Неоднозначность восприятия позволяет включить в корпус текстов как положительные, так и отрицательные рецензии, вследствие чего обеспечить широкую репрезентацию изучаемой лексической группы. В текстовый массив вошли публикации из цифровых изданий, таких как Salon.com, New Yorker, Empire, The Independent, The Hollywood Reporter, The Guardian, IGN, The Ringer, The Washington Post, Indiewire, а также работы кинокритиков The Critical Drinker, The Woke Critic, Nerdrotic, Disparu, Penguinz, Hunter Avallone, Echo Chamberlain, Baggage Claim, Mr H Reviews, SciTrek. Полученный текстовый массив включает в себя 40 рецензий, общий объем – 300 000 печатных знаков (60 000 слов), что свидетельствует о полноте и комплексности исследования.

Теоретической основой исследования выступили как фундаментальные, так и актуальные труды таких отечественных и зарубежных ученых, как З. Д. Попова, И. А. Стернин, И. М. Кобозева, С. В. Кезина, Т. Н. Куренкова, Т. В. Стрекалева, Л. А. Пиотровская, М. В. Мансурова, Т. И. Белица, К. О. Баноккина, В. Л. Темкина, Ю. Ю. Семендяева, Т. Р. Ванько, Ц. Гуань и др., посвященные вопросам семантико-когнитивного анализа языка, а также широкому спектру проблем лексико-семантического поля, в том числе изучению лексико-семантических полей «эмоциональное состояние», «страх», «межличностные отношения» и др. Библиография статьи составляет 31 источник, что соответствует специфике изучаемого предмета, содержательным требованиям, находит отражение на страницах рукописи и является достаточным для обобщения и анализа теоретического аспекта изучаемой проблематики.

Методология исследования определена поставленной целью (проанализировать состав и структуру лексико-семантического поля feeling в англоязычных кинокритических рецензиях и кинокритических блогах) и задачами (выделить в составе лексико-семантического поля микрополя, описать ядерно-периферийную структуру и особенности функционирования составляющих его единиц) и носит комплексный характер. В работе используются как традиционные методы, доказавшие свою эффективность (описательный, сравнительно-сопоставительный, лингвостатистический, структурный методы, анализ словарных дефиниций, контент-анализ и контекстологический анализ), так и современный метод первичного анализа текстового массива с помощью программы Tropes V8.4.

В ходе анализа теоретического материала и его практического обоснования достигнута цель работы и решены поставленные задачи, сформулированы обоснованные выводы: «лексико-семантическое поле feeling, исследованное на материале кинокритических рецензий и кинокритических блогов, представляет собой сложную структуру, включающую в себя 23 микрополя, 9 из которых содержат элементы, выражающие положительные чувства, 11 – отрицательные, 3 – имеют неоднородный состав. Микрополя отличаются неравномерностью, однако, можно заметить тенденцию к употреблению рецензентами слов, обозначающих сильные чувства и эмоции. Изучаемое поле характеризуется наличием ядра, включающим в себя архилексемы feeling и emotion, а также периферией, которая делится на ближнюю и дальнюю», «потенциально данное поле может быть значительно расширено за счет включения текстов других жанров, что

позволит получить более точное представление о его элементах и связях между ними» и т. д.

Автор(ы) провели достаточно серьезный анализ состояния исследуемой проблемы. Теоретическая значимость исследования связана с определенным вкладом результатов проделанной работы в развитие таких современных научных направлений, как когнитивная лингвистика, психолингвистическая теория эмоций, прагматика, лингвокультурология; в теорию изучения лексико-семантического поля «чувства и эмоции». Практическая значимость заключается в возможности использования полученных результатов в вузовских курсах по лингвокультурологии, лексикологии и лексикографии.

Стиль статьи отвечает требованиям научного описания, содержание соответствует названию, логика исследования четкая. Рукопись имеет законченный вид; она вполне самостоятельна, оригинальна, будет интересна и полезна широкому кругу лиц и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Берзина М.Е. Обращения к документам эпохи как стилистическая особенность романа И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев»: классификация «чужого слова» // Litera. 2024. № 12. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.12.72455 EDN: XVGIBL URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=72455

Обращения к документам эпохи как стилистическая особенность романа И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев»: классификация «чужого слова»

Берзина Маргарита Евгеньевна

ORCID: 0000-0003-0839-6655

независимый исследователь

124683, Россия, Москва, г. Зеленоград, без улицы, 1557, кв. 20-21

✉ margaritashanurina@mail.ru

[Статья из рубрики "Литературоведение"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2024.12.72455

EDN:

XVGIBL

Дата направления статьи в редакцию:

25-11-2024

Дата публикации:

22-12-2024

Аннотация: Статья посвящена анализу интертекстуальных особенностей романа И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев», а именно — анализу его нехудожественных претекстов, которые ранее еще не были комплексно рассмотрены. Предмет исследования — фрагменты путеводителей, царских указов, докладов, статей, вплетенных в ткань повествования прежде всего с целью отражения языковой действительности эпохи НЭПа. В статье, с одной стороны, приводится уже существующая классификация «чужого слова», т. е. интертекстуальных элементов, в романе, а с другой, классифицируются, с опорой на типологию, разработанную Г. Блоком в книге «Пушкин в работе над историческими источниками», обращения Ильфа и Петрова к тем или иным источникам, не относящимся к художественной литературе. Метод

проведенного исследования — интертекстуальный. Соответственно цитаты, использованные Ильфом и Петровым в романе, в статье делятся на явные и скрытые, а также на ссылочные и иллюстративные. Научная новизна статьи определяется тем, что в ней впервые была проведена систематизация и комплексный анализ цитат из нехудожественных источников. Данные цитаты частотны в тексте "Двенадцати стульев", однако прежде не составляли предмет исследования в трудах, посвященных творчеству Ильфа и Петрова. В то же время сделанные в статье выводы дают ключ к более глубокому прочтению "Двенадцати стульев" как романа травестийного. Стилистическая особенность в виде частого обращения соавторов к нехудожественным источникам выполняет в том числе «остраняющую» функцию, становясь еще одним средством реализации пародичности в «Двенадцати стульях», романе, совмещающем в себе, казалось бы, несовместимое: риторику царских указов и высказывания К. Маркса, подчеркнутые поэтизмы и канцеляризмы, старую и новую эпоху.

Ключевые слова:

И. Ильф, Е. Петров, Двенадцать стульев, Г. Блок, интертекстуальность, пародичность, сатира, травестия, цитата, раннесталинская эпоха

Поэтика романа И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев» — это «поэтика, ироничная по отношению отстоявшимся культурам, как старым, так и новым, отстраняющая и десакрализирующая эти культуры, обнажающая в них элемент условности и автоматизма; поэтика, заботящаяся о создании яркого, красивого мира и увлекательного сюжетного действия, но оттеняющая эти эффекты некоторой игрушечностью и пародийностью в моделировании мира» [\[1, с. 72\]](#).

Как для Ж. Деррида «нет ничего вне текста» [\[2, с. 318\]](#), так для Ильфа и Петрова нет ничего вне сказанного: «Жизнь глазами Ильфа с Петровым есть способ существования... текстов» [\[3, с. 18\]](#) (М. Каганская и З. Бар-Селла подразумевали, конечно, тексты художественные, но, в сущности, для соавторов важны не только они), «...стиль, создаваемый Ильфом и Петровым, весь ориентирован на уже существующее» [\[4, с. 100\]](#).

На сегодняшний день существует лишь одна классификация интертекстуального материала в романе «Двенадцать стульев», принадлежащая Ю. Щеглову. Исследователь отмечает реализацию «чужого слова» на нескольких уровнях первого произведения об Остапе Бендере:

1. Фабула. В ее основе — архетипический мотив поиска, перекликающийся прежде всего с детективным рассказом Артура Конан Дойля «Шесть Наполеонов». По Щеглову, отчетливые переклички прослеживаются и во второстепенных сюжетных линиях: «Так, прибытие Ипполита Матвеевича в Старгород к своему бывшему дворнику Тихону — это советское воплощение древнего мотива "старый дом и верный слуга"» [\[1, с. 73\]](#).

2. Система персонажей: образы многих героев романа тяготеют к архетипам. Щеглов называет следующий пример: архетип целеустремленного героя, которого сопровождают бестолковые и все портящие товарищи: «ср. спутники Одиссея, съевшие священных быков» [\[1, с. 74\]](#). К данной категории образа-архетипа можно отнести, например, и пожилого хранителя тайны, связанной с обогащением (мадам Петухова).

3. Жанровый и композиционный планы. Во-первых, композиция «Двенадцати стульев»,

отсылающая к жанру романа-путешествия, основана на древнем мотиве странствия, соприкосновения с разными сферами жизни, встречи разного рода «чудовищ» (Гомер, Сервантес, Смоллет, Гоголь). Во-вторых, для композиции романа характерны такие элементы классической литературы, как вставные новеллы, письма, авторские лирические отступления. «Структура романа у Ильфа и Петрова выглядит как сгусток канонической нарративно-композиционной техники, как антология известных сюжетных и стилистических приемов» [\[1, с. 75\]](#).

4. Фразеологический и стилистический планы. «В синтаксисе, структуре фразы, периода и абзаца, интонационном рисунке, риторических и поэтических фигурах» [\[1, с. 75\]](#) прослеживается огромное количество аллюзий на мировую литературу. Именно этот план романа в первую очередь является объектом изучения в данном приложении.

5. Пафос. Комментируя средства создания сатиры в «Двенадцати стульях», Щеглов пишет следующее: «Элементы фарсового комизма и эксцентрики — физическая расправа, драки, погоня, вопли, прыжки, падения и проч., равно как и комически отрешенная, квази-интеллектуальная манера описания всего этого, — типичны не столько для русской литературы XIX в. ... сколько для мольеровской и особенно диккенсовской школы европейского юмора» [\[1, с. 76\]](#).

При этом представляется не до конца понятной разница между первым и третьим из выделяемых планов, так как оба они так или иначе подразумевают реализацию интертекстуальности на мотивном, т.е. повествовательном уровне. Кроме того, разделить элементы «чужого слова» по предлагаемому Щеглову принципу достаточно затруднительно: большинство аллюзий будут относиться сразу к нескольким (а иногда сразу ко всем) из перечисленных уровней.

В целом сложность применения типологии для анализа романа «Двенадцать стульев» заключается, во-первых, в том, что большинство фрагментов использованной чужой речи в романе не имеют одного конкретного претекста, а относятся к так называемому «резонантному полю», понимаемому, по В. Топорову, как установка на отсылку «к сложным композициям центонного типа, к склеиванию литературных персонажей, к переодеванию, переименованию и иного рода камуфляжу» [\[5, с. 35\]](#).

Проблема, с которой вынужденно сталкиваются исследователи «чужого слова», чрезвычайно актуальная и при анализе Ильфа и Петрова. А. Агапов в статье, посвященной роли цитаты в творчестве В. Ерофеева, формулирует ее так: «а создают ли дополнительный смысл, указывают ли на тот или иной подтекст и другие случаи цитирования, когда автор ссылается на всем известные тексты» [\[6\]](#). Щеглов также комментирует сложность данного вопроса: «в практической критике подобные разграничения нередко недооцениваются (а то и принципиально отбрасываются), и интертекстуальность, т. е. эффект, основанный на активизации различий, неразборчиво приписывается любым совпадениям и параллелям» [\[1, с. 79\]](#).

Сложность кроется в объеме материала, который подлежит сперва проверке на интертекстуальность, а затем классификации. Так, перечисление цитат и аллюзий (с небольшими комментариями) из романа «Двенадцать стульев» занимает 361 страницу «Спутника читателя» Щеглова. Учитывая, что в романе сорок три главы и в каждой из них Щеглов в среднем выделяет около десяти-двенадцати явных или скрытых цитат, общее их количество тяготеет к числу пятисот. Большинство из приводимых неточных цитат представляют собой обращение к русской классической литературе (статистически

наиболее частотны обращения к Пушкину, Гоголю, Чехову, Толстому, Достоевскому).

Однако классическая русская литература XIX века, как и художественная литература в целом, отнюдь не единственная группа претекстов «Двенадцати стульев». Ранее исследователями отмечался, но не учитывался тот факт, что Ильф и Петров работают также с нехудожественными источниками. Обращением к ним нередко обуславливается стилистический колорит произведения, отображающего особенности эпохи НЭПа, — прежде всего через речь ее современников.

Безусловно, роман «Двенадцать стульев» — не историческая монография и даже не исторический роман, но, как замечал главный исследователь творчества «двух молодых дикарей» Щеглов, — «несмотря на свою карикатурную и фарсовую поэтику, романы Ильфа и Петрова дают глобальный образ своей эпохи, в известном смысле более полный и эпически объективный, чем многие произведения... 20-30-х гг.» [\[1, с. 11\]](#). В конечном счете причина обращения соавторов к документам той или иной эпохи (докладам, статьям, путеводителям) — это художественная задача, состоящая в объективном отражении определенного времени прежде всего через сознание современников, через язык.

В некоторой небольшой мере метод, который используют Ильф и Петров, напоминает тот, что анализирует в своей работе «Пушкин в работе над историческими источниками» Г. П. Блок. Исследователь исторической прозы Пушкина указывал на важность стилистической работы, которую проводил Пушкин с целью создания «не плоскостного, а объемного изображения» [\[7, с. 69\]](#) пугачевского восстания, представление о котором должно сложиться у читателя в результате знакомства с разными голосами и точками зрения современников.

Ильфа и Петрова также чрезвычайно интересует стилистика приводимых источников. Достаточно большое количество случаев обращения к чужой речи продиктовано желанием «вызывать в душе читателя... общий культурно-речевой колорит эпохи» [\[1, с. 92\]](#). Приведем каждый из таких случаев.

В книге «Пушкин в работе над историческими источниками» Блок не только дает характеристику обращения Пушкина к тому или иному источнику, но и приводит классификацию использованных автором цитат (под цитатой здесь и далее понимается повторение элементов претекста в рамках нового создаваемого произведения — соответственно пониманию термина Н. Фатеевой, утверждавшей, что цитата всегда нацелена на читательское узнавание, и потому ее отличает в первую очередь сохранение предикации [\[8, с. 25-38\]](#)).

По Блоку, цитаты делятся, с одной стороны, на явные и скрытые, а с другой — на ссылочные и иллюстративные. Именно этот принцип будет использован для изучения аллюзий на нехудожественные источники в романе «Двенадцать стульев».

Под явными цитатами Блок понимает те, что набраны курсивом или заключены в кавычки; под неявными — те, что не обозначены в тексте как цитаты.

Роман Ильфа и Петрова — художественное произведение, следовательно, обозначенные цитаты из того или иного источника практически отсутствуют. К случаям **явных цитат** можно отнести цитирование путеводителей: во-первых, путеводителя из книги 1926 года, который Остап прочел при свете дрянного керосинового фонаря:

«На правом высоком берегу город Васюки. Отсюда отправляются лесные материалы, смола, лыко, рогожи, а сюда привозятся предметы широкого потребления для края, отстоящего на 50 километров от железной дороги. В городе 8000 жителей, государственная картонная фабрика с 320 рабочими, маленький чугунолитейный, пивоваренный и кожевенный заводы. Из учебных заведений, кроме общеобразовательных, лесной техникум» [\[9, с. 220\]](#).

Цитата совершенно точна во всем, кроме названия города. В действительности описание в книге («Поволжье. Природа, быт, хозяйство. Путеводитель по Волге, Оке, Каме, Вятке и Белой»). Л., 1926) относилось к городу Ветлуга — замечание об этом есть и в комментариях к роману Одесского и Фельдмана, и в «Спутнике читателя» Щеглова [\[1, с. 310\]](#).

Дрейфуя на волнах в старой лодке (глава XXXVIII), Концессионер цитирует, прерываясь на замечания, и другой путеводитель, на сей раз — по Чебоксарам:

«Обращаем внимание на очень красиво расположенный г. Чебоксары... В настоящее время в Чебоксарах 7702 жителя... Основанный в 1555 году, город сохранил несколько весьма интересных церквей. Помимо административных учреждений Чувашской республики, здесь имеются: рабочий факультет, партийная школа, педагогический техникум, две школы второй ступени, музей, научное общество и библиотека... На Чебоксарской пристани и на базаре можно видеть чувашей и черемис, выделяющихся своим внешним видом» [\[9, с. 230\]](#).

Щеглов в «Спутнике читателя» отмечает, что «цитирование путеводителя — характерный элемент романтико-иронического путевого очерка» [\[1, с. 310\]](#). Комический эффект создается благодаря стилистике — путеводитель как будто отличается некоторым зазывным характером, над чем иронизирует сам Бендер: «Давайте бросим погоню за бриллиантами и увеличим население Чебоксар до 7704 человек. А?» [\[9, с. 230\]](#). В общий культурный фон вписывается также интерес к наличию в городе партийной школы и рабочего факультета.

Необходимо сделать оговорку: в приведенных выше случаях отчетливо прослеживается обращение Ильфа и Петрова к документальному источнику, но в большинстве случаев, перечисленных ниже, невозможно подтвердить или опровергнуть факт подобного обращения. Соавторы могли не столько работать над текстом документов, сколько просто использовать ту их лексику, которая уже вошла в обиход. Известно, например, что Ильф имел привычку фиксировать выхваченные из бытового контекста фразы в записных книжках.

Значительную часть **скрытых цитат** (то есть цитат визуально не обозначенных) из названной нами группы нехудожественных текстов образуют фрагменты высказываний В. Ленина и К. Маркса:

1. «ДЕЛО ПОМОЩИ УТОПАЮЩИМ — ДЕЛО РУК САМИХ УТОПАЮЩИХ» [\[9, с. 226\]](#). Источник высказывания — труд Маркса: «Освобождение рабочего класса должно быть завоевано самим рабочим классом» [К. Маркс, Общ. устав Международн. товарищества рабочих]. Щеглов, а также ранее — Одесский и Фельдман — указывают в качестве источника речь Ленина на IV-й конференции профсоюзов и фабрично-заводских комитетов Москвы в 1918 [\[1, с. 317\]](#).

2. «Об этом не думайте. Когда будут бить — будете плакать, а пока что не задерживайтесь! Учитесь торговать!» [цит. по 1, с. 315]. Последнее риторическое восклицание — лозунг начала НЭПа, сформулированный Лениным в начале двадцатых годов, однако Щеглов указывает и другой источник, доклад Ленина «Н.Э.П. и задачи политпросветов»: «Государство должно научиться торговать так, чтобы промышленность удовлетворяла крестьянство, чтобы крестьянство торговлей удовлетворяло свои нужды» [цит. по 1, с. 317];

3. «Лед тронулся, господа присяжные заседатели! Лед тронулся» [цит. по 1, с. 354–355]. Афоризм Остапа почерпнут из публицистического творчества Ленина: «Лед тронулся. Советы победили во всем мире» [Ленин, Завоеванное и записанное, статья в "Правде" от 6 марта 1919, см. Собр. соч., т. 37, стр. 513] [цит. по 1, с. 354–355].

4. «Почем опиум для народа?» [цит. по 1, с. 192]. Вызывающий вопрос Остапа отцу Федору отсылает к известному высказыванию Маркса: «Религия — опиум для народа» [Критика гегелевск. философии права], которое также использовалось Лениным [Социализм и религия] [цит. по 1, с. 192].

Обращение к языку Ленина и Маркса, предполагается, характерная черта раннесталинской эпохи и ее языкового контекста. Для Ильфа и Петрова важно, как уже говорилось выше, воссоздать не только детали советского быта, но и живой язык описываемого времени. Однако неточные цитаты из Ленина и Маркса в устах Остапа — такое же средство создания комизма, как и устаревшие поэтизмы. Комбинатор никогда не произносит чужие слова в том контексте, который подразумевался первоисточником: «опиум для народа» — лишь оскорбление конкурента по поиску сокровищ, «лед тронулся» — описание прорыва в сомнительной афере. Лексика советского дискурса, безусловно, соответствует изображаемой эпохе, но она такая же часть игры в травестию, как элементы монархической риторики.

В действительности значительную роль в «Двенадцати стульях» играют образы так называемых «бывших людей»: «полупереваренный дореволюционный материал то и дело проглядывает... из-под форм новой действительности» [\[1, с. 20\]](#). Отразилось это и в языке. Самым очевидным примером можно считать речь Комбинатора во время встречи тайного союза меча и орала, на котором собирались деньги якобы на восстановление монархического строя. Обратим внимание на формулировки Великого Комбинатора. Не являясь примерами сильной интертекстуальности, они тем не менее имеют свои источники:

1. «— Мадам, — сказал он [Остап], — мы счастливы видеть в вашем лице... Он не знал, кого он счастлив видеть в лице Елены Станиславовны» [\[1, с. 217\]](#). Риторика Остапа отчетливо коррелирует с монархическим дискурсом, наиболее возможный источник ее, по указанию Щеглова, — тронная речь Николая II при открытии 1-й Государственной Думы: «Я приветствую в лице вашем тех лучших людей, которые....» [\[1, с. 217\]](#).

2. «Из всех пышных оборотов царского режима вертелось в голове только какое-то "милостиво повелеть соизволил"» [\[1, с. 217\]](#).оборот заимствован Ильфом и Петровым из текстов императорских указов и распоряжений. Щеглов указывает следующий подтверждающий источник: «Государь Император повелеть мне соизволил обратиться к правительствам государств....» [Барк, Глава из воспоминаний, стр. 20] [\[1, с. 217\]](#).

3. «Со всех концов нашей обширной страны взывают о помощи...» [\[1, с. 218\]](#).

Канцеляризм, характерный для документов царской России. Опять же нельзя сказать, обращались ли соавторы к конкретным документам или воспроизводили элементы риторики, почерпнутой из живой жизни. В качестве возможных источников Щеглов называет следующие: «"Со всех концов родной земли доходят до Меня обращения, свидетельствующие о горячем стремлении русских людей приложить свои силы... [из высочайшего рескрипта И. Л. Горемыкину, Летопись войны 1914–15 гг., 27.06.15]"»; «"По всей земле Русской, от подножия Престола до хижины бедняка, не смолкает трепет тревоги народной" [из обращения новгородских дворян к царю в 1916, в кн. Козаков, Крушение империи, т. 2, стр. 258]» [\[1, с. 218\]](#).

Желание Остапа смотреться монархистом передает прежде всего его тщательно продуманная соавторами речь. Обращение к монархической риторике в то же время продиктовано целью воссоздать образ ушедшей эпохи в бедной гостиной Елены Станиславовны.

Разумеется, отчаянное желание «бывших людей» вернуться в мир, унесенный ветром, представлено комично и приводит в конце концов лишь к массовому аресту.

Тем не менее показательно подобное сочетание, казалось бы, несочетаемых источников, к которым так или иначе обращались соавторы в речи главного героя романа, Остапа. С одной стороны, он персонаж-хамелеон — подстраивающий не только свою внешность (недаром носит с собой чемоданчик, содержащий, например, милицейскую фуражку), но и речь под обстоятельства, он блестящий мошенник. С другой стороны, слияние советского и дореволюционного дискурсов — очевидная черта эпохи, уже характеризующейся новым бытом, но еще хранящей в культурной памяти «тяжелое наследие царского режима».

Основная роль явных и скрытых цитат — стилистическая, потому они не указывают на подтекст или дополнительный смысл. Метод Ильфа и Петрова в данном случае отчасти напоминает метод работы с «чужим словом» В. Ерофеева — в той форме, в которой он был описан А. Агаровым в статье «"Сэр, почему вы кушаете своих жен?": о роли цитаты у Венедикта Ерофеева». Цитаты не понимаются как ключи к закрытым подтекстам, но становятся «конструктивным элементом, на котором строится текст» [\[6\]](#).

Говоря о функциях цитаты в исторической прозе, Блок называет следующие — во-первых, *убеждение*, подкрепление слов автора чужим свидетельством, которое приводится для большей убедительности (обычно дословно); во-вторых, *украшение* повествования «образцом того языка, каким говорили или писали в изображаемое автором время» [\[7, с. 25\]](#). Таким образом, по признаку функции Блок выделяет цитаты ссылочные и иллюстративные.

Ориентируясь на типологию Блока, можно сказать, что совершенно все цитаты, приведенные выше, выполняют в тексте **иллюстративную функцию**, так как служат для насыщения повествования элементами языка, характерного для раннесталинского периода: в нем уже доминирует новая риторика, но сохранились и «местами проглядывающие» обороты старого режима: «Читатель не просто узнает в романе привычные ситуации и предметы, но получает возможность полюбоваться ими как частями неповторимого культурно-исторического ансамбля ("Россия 20-х гг."), способного войти в галерею уже известных парадигм такого рода (напр., "эллинизм", "пушкинская эпоха", "провинциальная Америка Марка Твена", "предреволюционная Россия" и т. п.)» [\[1, с. 58\]](#).

Блок отмечал также, что для иллюстративных цитат часто характерно «несколько ироничное отношение автора к языку источника» [\[7, с. 25\]](#), что, пожалуй, в равной степени справедливо и в отношении к пышным оборотам царского режима, и к цитированию Маркса и Ленина в романе «Двенадцать стульев».

Часто это оказывается верно и в отношении цитат из художественных произведений, особенно, русской классики. Они не служат предметом изучения в данном приложении, но все же в качестве примера-подтверждения следует назвать одну следующую цитату. Согласно Блоку, она классифицируется как **явная** и **иллюстративная**:

«... Очень просто, по-семейному. Вдовица спит и видит сон. Жаль было будить. *"На заре ты ее не буди"*. Увы! Пришлось оставить любимой записку: "Выезжаю с докладом в Новохоперск"» [\[9, с. 102\]](#).

Цитата из стихотворения Фета отчетливо комично контрастирует с канцелярской лексикой второй части высказывания, а также с «прозаичностью» ситуации в целом: Бендер не разбудил жену отнюдь не потому, что любовался ее сном, а потому, что обокрал ее.

Переходя к **ссылочным цитатам**, необходимо отметить, что они, по Блоку, выполняют роль убеждения, то есть подкрепления слов автора чужим свидетельством, что не встречается в романе Ильфа и Петрова. Стоит сказать, это в целом редкий прием для художественных произведений.

Подводя итог, можно заключить, что Ильф и Петров при шлифовке языка романа достаточно часто обращаются в том числе и к нехудожественным источникам. Разделение цитат на явные и скрытые представляется достаточно продуктивным для исследования данных случаев «чужого слова», однако при анализе «Двенадцать стульев» не удалось выявить цитаты, которые бы не выполняли иллюстративную функцию, что позволяет предположить: типология Блока по признаку функции цитаты в большей степени актуальна для описательных исторических сочинений, нежели для художественных, и не может быть положена в основу классификации всех фигур интертекста в романе «Двенадцать стульев».

Обращение соавторов, прозванных Н. Мандельштам «молодыми дикарями» [\[10, с. 345\]](#), к документам эпохи, таким образом, обуславливается тремя факторами: во-первых, иллюстративной функцией, художественной задачей изображения колорита эпохи; во-вторых, данные обращения — часть травестийной игры, реализация пародичности; в-третьих, — средство раскрытия образа главного героя, Великого Комбинатора Остапа.

Библиография

1. Щеглов Ю. К. Романы Ильфа и Петрова. Спутник читателя. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2009.
2. Деррида Ж. О грамматологии / пер. с фр. и вступ. ст. Н. Автономовой. М.: Ad Marginem, 2000.
3. Каганская М. Л., Бар-Селла З. Мастер Гамбси Маргарита. Б.м.: Salamandra P. V. V., 2011.
4. Чудакова М. О. Поэтика Зощенко. М.: Наука, 1979.
5. Топоров В. Н. Петербург и «Петербургский текст русской литературы»: Избранные труды. СПб.: «Искусство—СПб», 2003.
6. Агапов А. А. «Сэр, почему вы кушаете своих жен?»: о роли цитаты у Венедикта Ерофеева // Новое литературное обозрение. 2018. №6 (154). С. 57-69.
7. Блок Г. П. Пушкин в работе над историческими источниками. Л., М.: Издательство

Академии наук СССР, 1949.

8. Фатеева Н. А. Типология интертекстуальных элементов и связей в художественной речи // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 1998. №5 (57). С. 25-38.

9. Ильф И. А., Петров Е. П. Двенадцать стульев. Первый полный вариант романа с комментариями М. Одесского и Д. Фельдмана. М.: Вагриус, 1999.

10. Мандельштам Н. Я. Воспоминания. Нью-Йорк: Издательство имени Чехова, 1970.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В рецензируемой статье предметом исследования выступает явление «чужое слово» как стилистическая особенность романа И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев». Выбор данного произведения обусловлен тем, что, как отмечал Ю. К. Щеглов, это «поэтика, ироничная по отношению отстоявшимся культурам, как старым, так и новым, отстраняющая и десакрализирующая эти культуры, обнажающая в них элемент условности и автоматизма; поэтика, заботящаяся о создании яркого, красивого мира и увлекательного сюжетного действия, но оттеняющая эти эффекты некоторой игрушечностью и пародийностью в моделировании мира». Актуальность работы определяется тем, что на сегодняшний день существует лишь одна классификация интертекстуального материала в романе «Двенадцать стульев», принадлежащая Ю. Щеглову. При этом разделить элементы «чужого слова» по предлагаемому этим ученым принципу достаточно затруднительно: большинство аллюзий будут относиться сразу к нескольким (а иногда сразу ко всем) из перечисленных уровней. Сложность применения типологии для анализа романа «Двенадцать стульев» заключается в том, что большинство фрагментов использованной чужой речи в романе не имеют одного конкретного претекста, а относятся к так называемому «резонантному полю».

Теоретической основой исследования явились работы таких литературоведов, историков литературы, лингвистов, как Н. Я. Мандельштам, Г. П. Блок, Н. А. Фатеева, В. Н. Топоров, Ю. К. Щеглов, М. О. Чудакова, А. А. Агапов, М. Л. Каганская, Зеев Бар-Селла Жак Деррида. Библиография составляет 10 источников, соответствует специфике рассматриваемого предмета, содержательным требованиям и находит отражение на страницах статьи. Автор(ы) провели достаточно серьезный анализ состояния исследуемой проблемы. Все цитаты ученых сопровождаются авторскими комментариями. К сожалению, автор(ы) статьи не апеллируют к актуальным научным работам, изданным в последние 3 года. Конечно, это замечание не умаляет значимости представленной на рассмотрение рукописи, однако в данном случае достаточно сложно судить о реальной степени изученности данной проблемы в современном научном сообществе. Методология исследования определена поставленной целью и носит комплексный характер: применяются общенаучные методы анализа и синтеза; описательный метод, включающий наблюдение, обобщение, интерпретацию, классификацию материала; контекстуальный анализ, позволяющий проследить специфику функционирования языковых единиц в тексте; дискурс-анализ, который представляет собой совокупность взаимосвязанных подходов к изучению дискурса (в данном случае художественного) и функционирующих в нем языковых единиц, как и различных экстралингвистических аспектов.

Анализ теоретического материала и его практическое обоснование позволили автору(ам) прийти к ряду существенных выводу о том, что «Ильф и Петров при шлифовке

языка романа достаточно часто обращаются в том числе и к нехудожественным источникам», «разделение цитат на явные и скрытые представляется достаточно продуктивным для исследования данных случаев «чужого слова»; «типология Блока по признаку функции цитаты в большей степени актуальна для описательных исторических сочинений, нежели для художественных, и не может быть положена в основу классификации всех фигур интертекста в романе «Двенадцать стульев», «обращение соавторов к документам эпохи обуславливается тремя факторами: иллюстративной функцией, художественной задачей изображения колорита эпохи; данные обращения — часть травестийной игры, реализация пародичности; средство раскрытия образа главного героя, Великого Комбинатора Остапа» и др.

Результаты, полученные в ходе работы, имеют теоретическую значимость и практическую ценность: они вносят вклад в развитие теории интертекстуальности и явления «чужое слово», а также в изучение творчества И. Ильфа и Е. Петрова; могут применяться в последующих научных изысканиях по заявленной проблематике и в вузовских курсах по теории литературы, стилистике художественной речи, по проблемам русской прозы начала XX века и др.

Стиль статьи отвечает требованиям научного описания, содержание соответствует названию, логика исследования четкая. Рукопись имеет законченный вид; она вполне самостоятельна, оригинальна, будет интересна и полезна широкому кругу лиц и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Ян Л. Различия в гуманистических мыслях Лу Синя и Льва Толстого // Litera. 2024. № 12. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.12.72748 EDN: ZEYSP URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=72748

Различия в гуманистических мыслях Лу Синя и Льва Толстого

Ян Лю

ORCID: 0000-0002-4206-8893

кандидат филологических наук

студент; кафедра русской и зарубежной литературы; Российский университет дружбы народов

101000, Россия, Москва, г. Юго-Запад, ул. Миклухо-Маклая, 21

✉ 79267880340@yandex.ru

[Статья из рубрики "Литературоведение"](#)**DOI:**

10.25136/2409-8698.2024.12.72748

EDN:

ZEYSP

Дата направления статьи в редакцию:

17-12-2024

Дата публикации:

25-12-2024

Аннотация: Предметом исследования являются гуманистический дух Толстого и Лу Синя. В этом исследовании исследуются различия между китайским писателем и русским писателем Лу Синем в гуманитарном духе в уникальных исторических, традиционных и культурных традициях обеих сторон. Объектом исследования является сравнение двух основных аспектов гуманистического духа Лу Синя и Толстого, причем детальный анализ и сравнение производятся с точки зрения перспективного и отсроченного аспектов. В статье анализируются различные взгляды двух писателей на предмет любви в гуманитарном духе, является ли это равноправной любовью или любовью к слабым, а также разные способы борьбы со злом, использовать ли терпимую любовь для воздействия или использовать насильственное – значит успокоиться, и, наконец, Важен анализ дальновидности и отставания гуманитарных идеалов. В данной статье методами

исследования выступают культурно-исторический, сравнительно-исторический, структурный. В данной статье используется анализ текста, сравнительное исследование и исторический анализ, чтобы поместить Лу Синя и Толстого в конкретный исторический контекст и провести сравнительный анализ их гуманитарного духа путем анализа произведений Толстого и Лу Синя. Новаторство статьи состоит в том, что исследователь сравнил два гуманитарных способа реализации «кроважной мести» и «не применения насилия для сопротивления злу»; проанализировал различия в работоспособности, реальности и идеальности, а также обсудил их идеологические корни. Вклад исследователя заключается в детальном сравнении различий в гуманитарных духовных мыслях двух писателей с разных точек зрения. Особый вклад автора в эту тему исследования состоит в том, что он поместил двух идеологических гигантов в конкретный исторический контекст, чтобы сравнить их гуманитарные мысли, подчеркнув гуманитарную озабоченность, содержащуюся в их критике и отрицании. Проведен углубленный анализ коннотаций понятий «любовь к слабым» и «человечество», а аргументы объединены с конкретными произведениями двух писателей, чтобы сделать сравнение более убедительным.

Ключевые слова:

Лу Синь, Лев Толстой, гуманизм, любовь к слабым, человеколюбие, кровавая месть, сопротивление злу насилием, дальновидность, отставание, литературное сравнение

Введение

Толстой и Лу Синь, эти два литературных гиганта, хотя и живут в разных временных и пространственных условиях, они писали о своем глубоком сочувствии человеческим страданиям и своем настойчивом стремлении к свету человеческой природы с общим гуманным духом. Их произведения — это не только критика и размышления об обществе, но также утешение и ободрение человеческого духа.

Лев Николаевич Толстой стремился к максимально точному и подробному описанию жизни и нравов своего времени. В его романах, таких как «Война и мир» и «Анна Каренина», внимание уделяется не только сюжету, но и обширным пейзажам общественной жизни. Толстой был обостренным критиком социальных и политических явлений своего времени. Он использовал свои произведения, чтобы выразить свое отношение к войне, бедности, образованию и религии.

Важной чертой гуманизма в творчестве Толстого является глубокий анализ характеров персонажей. Он стремился понять внутренний мир своих героев и изображал их психологическую эволюцию. Толстой внедрил свою моральную философию в свои произведения, поднимая вопросы о смысле жизни, добре, зле и нравственности.

Лу Синь, представитель китайской литературы начала XX века, также был заметным реалистом. В его произведениях подробно описывается китайская сельская жизнь и социокультурная среда. Лу Синь поднимал в своих произведениях вопросы о социальных неравенствах, эксплуатации крестьян и других социальных проблемах, свойственных тогдашнему Китаю.

Подобно Толстому, Лу Синь уделял внимание описанию природы и ее влиянию на человека. Пейзажи и окружающая среда часто служат фоном для драматических событий в его произведениях. В творчестве Лу Синя также отмечается интерес к

психологии персонажей. Он стремился понять их чувства, мотивы и внутренние конфликты.

Оба писателя делали упор на изображении реальности своего времени. Они стремились создать достоверные образы и передать сложность человеческого опыта. Как Толстой, так и Лу Синь были социально ориентированными писателями, заботившимися о проблемах своего общества. Обоих авторов объединяли интеллектуальные и эмоциональные аспекты в своих произведениях, позволяя читателям глубже понять не только события, но и человеческие отношения и чувства. Эти писатели оставили неизгладимый след в литературе своих стран, и их произведения продолжают вдохновлять исследователей и читателей по всему миру.

Основная часть

Лев Николаевич Толстой и Лу Синь - выдающиеся писатели своих стран и периодов, их творчество занимает важное место в истории мировой литературы. Все они нацелены на людей, находящихся на дне общества, используя свои произведения, чтобы раскрыть тьму и несправедливость общества, а также выразить сочувствие человеческим страданиям и стремление к свету человечества, но каждый из них воплощает этот стиль в своем уникальном контексте.

В основе систем ценностей Л.Н. Толстого и Лу Синя лежит принцип гуманизма, идеологической системы, подчеркивающей статус и ценность человека, защищающей его права и достоинство. Гуманизм Лу Синя и Л.Н. Толстого можно определить как «любовь к слабым» и «любовь к человечеству». Несмотря на общие черты, эта «любовь» двух писателей, в сущности, различна.

Толстой посвятил всю свою жизнь исследованию и мучению судьбы «человеческой любви», на основе обширных исследований различных религиозных школ и религиозных философий он впитал в себя разумное ядро христианства – Человеческая любовь составляет основное содержание религиозно-нравственной теории Толстого. Поздние произведения Толстого имеют замечательную особенность: он отрицал все существовавшие в то время страны, религии и общественные формы жизни и искал свою идеальную форму. Идеологические течения, такие как ислам, буддизм, даосизм, брахманизм и многие другие, оказали значительное влияние на мировоззрение Толстого и его учения. Лев Николаевич Толстой стал родоначальником особой идеологии ненасильственного анархизма, основанной на рациональном осмыслении христианства. Он был глубоко убежден, что принуждение — это зло, и что государство должно быть упразднено. Вместо насильственной революции он предлагал добровольный отказ от исполнения государственных обязанностей каждым членом общества. Толстой соглашался с анархистами в их отрицании существующего строя и в утверждении, что насилие со стороны власти — это худшее, что может быть при нынешних нормах. Он считал, что анархия может быть установлена путем отказа людей от защиты правительственной власти ^[1]. Каждое произведений Л.Н. Толстого продвигает эту религиозную мысль с «человеческой любовью» в качестве ядра.

Любовь к человеку Лу Синя смешана с сильной ненавистью. Лу Синь был писателем, который обладал сильным чувством социальной ответственности, обращал внимание на страдания людей и выступал за реалистические творческие методы. Лу Синь считал, что литература должна служить народу, отражать социальную реальность и критиковать старую социальную систему. Он выступал за то, чтобы литература обращала внимание на жизнь низших слоев общества и помогала им решать практические проблемы. Он

надеется разоблачить тьму общества и пробудить людей через литературные произведения [2]. В его произведениях можно проследить особое внимание к униженным обездоленным группам во всей структуре социального класса. Русские писатели видели глубокую симпатию и заботу Лу Синя о людях из низов общества. Они считают, что произведения Лу Синя полны заботы о людях низшего класса, например, «Подлинная история А-Кью», «Кун Ицзи» и т. д., в которых описывается трудное выживание людей низшего класса [3]. На протяжении всей своей жизни Лу Синь посвящал свои произведения людям низшего сословия и сочувствовал их бесчеловечным условиям: «Китайцы никогда не были в состоянии конкурировать по цене "людей", в лучшем случае они рабы, это так и есть до сих пор, однако, когда они уступают рабам, это не редкость» [4]. В таких романах, как «Подлинная история А-кью» и «Благословения», писатель показывает шокирующую реальность, в которой китайские трудящиеся не рассматриваются правящим классом как «люди»; борьба, траур, молчаливое принятие реальности при отсутствии возможностей борьбы за свои права и право быть человеком. Лу Синь – первый человек в истории Китая и китайской литературы, который пригласил простых рабочих низшего уровня в благородный и священный дворец литературы с отношением абсолютного равенства, вместе с их изодранной одеждой, печальными лицами и болезненными душами, представив в своих произведениях эталон угнетенных и захваченных слабых и малых народов страны. В этом плане Лу Синь восхищался Байроном, который, по его мнению, воплощал в себе гуманистический дух Греции. Он называл Байрона уважающим себя и борющимся за силу, а также независимым, свободным и гуманным [5].

Толстой считал, что управляющей силой мира являются не абстрактные принципы или догмы, а внутренний моральный компас. Эта власть не просто предписывает правила или нормы поведения, но мотивирует людей активно участвовать в жизни и придает жизни смысл и цель [6]. Толстой выступает за то, чтобы «любовь» давалась всем людям во вселенной; это похоже на теорию «всеобщей любви» китайского философа Мо-цзы. Как отмечал И.И. Горбунов-Посадов в своем выступлении на торжественном собрании по поводу 100-летия Л.Н. Толстого: «Толстой взывал к уничтожению всяких границ между народами, всякого разделения между людьми. Эта мысль об единстве всех - великая мысль, великая истина, осознание которой и воплощение которой во всей жизни людской разрешило бы все мучительные вопросы, прекратило бы страдания человеческого разъединения, разделения, человеческой взаимной борьбы, насилий, соперничества людей и народов друг с другом» [7].

Гуманизм Лу Синя «любовь к слабым» основан на «слабых как стандарте» или, другими словами, он основан на «людях низшего класса». Такая дифференцированная «любовь к слабым» Лу Синя, отличается от неразборчивой «человеческой любви» Толстого. Это связано, прежде всего, с тем, что с одной стороны, это логический результат потенциального влияния раннее человеческой мысли Лу Синя. Что еще более важно, Лу Синь находился под влиянием «народничества» после Первой мировой войны, особенно после Октябрьской революции в России. Эта тенденция повлияла на гуманистические идеи как Лу Синя, так и многих других китайских писателей начала XX столетия, что ярко проявилось в период «4 мая» (культурная революция 1919 г. в Китае) и способствовало четкой направленности гуманистической любви Лу Синя к уязвимым социальным группам. На Лу Синя также оказал влияние гуманизм японской литературной школы, представленная тремя братьями Такэси Кодзи, Сига Наоя и Аришима Такеро, особенно идея «свободной жертвы ради молодых и слабых» Аришимы Такеро.

Если рассматривать систему ценностей Л.Н. Толстого и Лу Синя с точки зрения теории классов, между ними существует четкое классовое различие. Любовь Толстого не имеет классовых различий (в том числе национальности, страны, региона и т. д.). Она подчеркивает «любовь ко всем людям безоговорочно». В отличие от русского писателя, Лу Синь стал марксистским классовым теоретиком только в более поздний период. Поэтому его восприятие гуманизма прямо или неявно проходит через «красный» дискурс то есть низшие трудящиеся всегда являются теми, кто находится в центре внимания китайского писателя. Многие китайские исследователи полагают, что «любовь к слабым» Лу Синя в действительности более разумна, ибо слабые в составе классового общества, несомненно, представляют собой справедливую сторону общественного и исторического развития, где слабые составляют группу, является наиболее передовым в классовом обществе, наиболее жизнеспособным и наиболее способным продвигать историю. В то же время, рассматривая данный вопрос с объективной точки зрения, можно проследить связь с различиями в культуре России и Китая и выявить, что христианство и его безусловная и всеобъемлющая любовь стала решающим фактором в формировании нравственно-философского мышления Л.Н. Толстого, которое в свою очередь определило особенности литературного творчества писателя. У Толстого «человеческая любовь» подобна воздушному замку без основания, очень идеалистична на поверхности, но она иллюзорна и не может управляться и реализовываться. Это идеал, которого невозможно достичь. Ап.Григорьев считает, что идеал Льва Толстого — «бессильный идеал», который не может руководить действительным развитием русского общества, не имеет связи с реальной жизнью, не может верно отражать действительное положение русского общества, может быть сведен только к пустым разговорам [\[8\]](#).

Другим ключевым различием в восприятии Толстым и Лу Синя идей гуманизма выступает то, что для Лу Синя «кроважая месть» была неотъемлемым условием существования гуманизма. В основе взглядов Толстого же лежит принцип отсутствия насилия.

Л.Н. Толстой не одобрял насилия. Он выступал за мирные реформы. Он пытался использовать «совесть» для восстановления так называемых нормальных общественных отношений, призывал всех людей к сдержанности и терпимости независимо от добра и зла. Под влиянием Толстого 29 июня 1895 года движение духоборцев провело в Канаде знаменитую церемонию сожжения оружия, а лидер движения духоборцев П.В. Веригин отказался от военной службы и призвал других верующих сделать то же самое. Они считают, что военная служба и участие в насильственных действиях противоречат христианскому учению. Движение духоборцев принимает концепцию непротивления Толстого, то есть, сталкиваясь с несправедливостью и насилием, не следует применять насилие для сопротивления. Они отказываются участвовать в любых формах насильственных конфликтов, включая насилие в целях самообороны. Однако некоторые верующие считают, что насилие необходимо в экстремальных ситуациях, например, чтобы защитить себя и свои семьи. Этот конфликт по поводу социальных изменений привел к тому, что некоторые верующие не согласились с философией ненасилия Толстого. Несмотря на разногласия, основная часть движения духовной войны по-прежнему придерживается философии ненасилия Толстого [\[9\]](#).

Осознание гуманизма Лу Синя всегда было тесно связано с сопротивлением, борьбой и местью, его гуманистическая любовь всегда сочеталась с ненавистью. К угнетенным слабым он дарит страстную любовь, врагам народа и угнетателям – полную и беспощадную ненависть. Он считает, что литератор должен «воспевать то, что есть» и восхвалять то, что он любит, независимо от того, чего нет и что он ненавидит, он должен нападать на то, чего нет, так же страстно, как защищает то, что есть, и нападать на то,

чего нет, так же страстно, как если бы обняв то, что он любит, на самом деле было бы для него мерзким – подобно тому, как Геракл обнял великана Антея за то, что тот сломал ему ребра» [\[10\]](#). После 1925 г. в Китае жестокость империализма и бэйянских полевых командиров становилась все более серьезной. Столкнувшись с такой ситуацией, Лу Синь писал: «Нам пора поднять мечи и потребовать «кровь за кровь»». Необходимость мести за угнетение отмечалась во многих высказываниях Лу Синя и нашла воплощение в его литературных произведениях. Он резко высказывался против прощения ради любви, писал: «Иногда я чувствую, что прощение есть добродетель, но я сразу же подозреваю, что оно выдуманно трусом, потому что у него нет мужества отомстить; ложь во имя доброго прощения». Он также сказал: «Если свет и тьма не могут отныне бороться основательно, честные люди принимают снисходительность за терпимость и продолжают слепо баловать, то нынешнее состояние хаоса может быть бесконечным» [\[11\]](#). Лу Синь считал, что идеализм Толстого хотя и благороден, но трудно реализуем в реальном обществе. Он указывал, что идеал Толстого «есть идеал искренний и добрый, но если посмотреть на факты, то это безжалостное честолюбие Будды» [\[12\]](#).

«Кровожадная месть» Лу Синя осуществима или практична. С точки зрения исторического материализма, поскольку были классы, история в основном была бинарным классовым антагонизмом и спиральными поворотами в борьбе противоречий. На историческом уровне между справедливостью и несправедливостью, между добром и злом всегда идет борьба не на жизнь, а на смерть, поэтому гармония и покой временны, а борьба и движение вечны. Когда идет борьба не на жизнь, а на смерть между добром и злом, прогрессом и отсталостью, справедливостью и несправедливостью, очевидно, что «кровожадная месть» разумнее, чем «сопротивление злу ненасилием». Лу Синь считал, что в историческом контексте Китая того времени пропаганда непротivления поможет угнетателям, предоставит им оправдания и заставит людей отказаться от сопротивления, что в конечном итоге нанесет ущерб социальному прогрессу и реализации справедливости [\[13\]](#).

С другой точки зрения, работоспособность упомянутой выше «кровожадной мести», то есть ее реальность, «не применить я насилия для сопротивления злу» крайне идеальна. Можно представить себе, что когда человеческая цивилизация будет чрезвычайно развита, когда страна умрет, когда исчезнет классовый антагонизм, когда человечество будет полностью раскрепощено и совершенно свободно, толстовское «не применять насилия против зла» может быть реализовано в полной мере. Поэтому в утверждении Толстого есть фантазия, указывающая на будущее.

Также различие ценностей Лу Синя и Толстого проявляется в конкретизации и абстрактности концепций мести. Концепция Лу Синя о «кровожадной мести» в основном связана с конкретными историческими событиями, в ней часто обсуждаются факты на местах, большинство из которых связаны с реальными чувствами и осознаниями Лу Синя того времени. По сравнению с Лу Синем в мышлении Толстого больше метафизических абстрактно-философских смыслов, он ведет абстрактные размышления с позиций мира, религии, страны, системы, жизни, морали и т. д. Его мысли редко касаются конкретных событий.

Следует отметить, что у Лу Синя было свое уникальное диалектическое мышление по поводу гуманистической мысли Толстого, в целом Лу Синь соглашался с борьбой Толстого за гуманизм, но не соглашался с его «не борись насилем». Здесь Лу Синь назвал идею «неприменения насилия для сопротивления злу» «толстовской» и указал,

что этот ненасильственный, не сотруди́ческий гуманитарный подход неосуществим. Критика Лу Синем «толстовского» более научна и справедлива и соответствует исторической правде. Лу Синь не объяснял систематически свои гуманистические идеалы в специальных статьях, но во всех его творениях можно проследить особые гуманитарные идеалы в стиле Лу Синя, которые включают тоску Лу Синя по человечеству и воплощение в нем высшей формы гуманизма с точки зрения социальной системы.

Лу Синь также представлял себе высшую форму гуманизма с точки зрения социальной системы. Он заявил, что «сначала ненавидел этот знакомый класс и не жалел о его крахе», а потом, «по урокам фактов, думал, что будущее есть только у нарождающихся пролетариев» [\[14\]](#).

Он считал, что после прихода к власти в Советском Союзе пролетариата «из пекла возникла совершенно новая и поистине невиданная социальная система, и десятки миллионов людей стали людьми, распоряжающимися своей судьбой» [\[15\]](#). Позднее Лу Синь выразился более четко: «Я определенно верю, что должно возникнуть бесклассовое общество» [\[16\]](#), которое, по его мнению, было вершиной гуманистического учения.

Толстой когда-то верил, что научная цивилизация Запада искоренит бедность и обогатит человеческий дух, но когда он увидел нищих на оживленных улицах европейских стран, он понял, что люди во всем мире почти каждый день находятся под мечом буржуазии. Он чутко сознавал, что «в русском обществе все перевернулось с ног на голову и все только начинает устраиваться». Но он не знаком, не понимает, что «то, что только начинает устраиваться», «не видит и не может видеть, как выглядит новая система, которая «начинает устраиваться», и как ее «устраивать», какие общественные силы могут устранить эти бесчисленные и особенно глубокие бедствия, свойственные эпохе «революции» [\[17\]](#). Это повергало Толстого в мучительные размышления о рациональности. К сожалению, его идеал не указывал в будущее, а уходил в прошлое. Он искал истину в «тихой» восточной философии. Писатель приветствовал и принял древнекитайский образ жизни «работа на восходе солнца и отдых на закате» с концепцией и настроением патриархальных крестьян представление Лао-цзы о «маленькой стране с малым населением» угождает толстовской идее «возвращения к природе». Лао-цзы выступает против эволюции орудий производства и транспортных средств. Он считает, что различная утварь расширяет материальные желания людей. Поэтому он выступает за отказ от всего, что нарушает «природу» и заставляет людей довольствоваться только примитивной и простой жизнью. Толстой также выступает за отказ от светского и возвращение к природе. Он выступает против социальной цивилизации и прогресса, выражая презрение к науке и технике. По его мнению, все достижения человечества, связанные с научно-техническим прогрессом, лишь только заставят людей забыть или отказаться истинный смысл Евангелия. Он тоскует по общественному строю «маленькой малолюдной страны» высоко ценит первобытных людей. Он призывает людей воздерживаться от эмоций и желаний и жить аскетической жизнью. Он также делает вывод о том, что современное машинное производство вредно для общества. Крестьяне не любят сельскохозяйственный труд из-за «искусственно пересаженных в Россию чужих цивилизаций, особенно средств транспорта». Только «земледелие», «трудолюбие», «бережливость» отвечают «законам природы».

Разница между гуманистическими идеалами Лу Синя и Толстого очевидна. Толстой оглядывался назад. Он был выразителем патриархального крестьянства. «Долой помещиков и помещичье правительство. Уничтожить все старые формы и системы

землевладения мелкого крестьянина» – этот политический идеал и есть «примитивная крестьянская демократия» или своего рода «примитивный утопический социализм», который поддерживался Толстым.

Толстой жил в эпоху, когда феодально-крепостническое право быстро разлагалось, в России начал укореняться капитализм, и все общество переходило от феодализма к капитализму. Однако он нарушил закон исторического развития человеческого общества и полностью отрицал существующий общественный строй. Писатель устремлял свои усердные идеалы в самое далекое прошлое, к первобытному крестьянскому обществу, более отсталому и консервативному, чем капиталистический строй (даже феодально-крепостнический). Толстой просил людей устранить беду, подавляя в наибольшей степени их законное стремление к выживанию, чтобы обрести душевный покой и счастье, что равносильно тому, чтобы просить всех вернуться в живое состояние обыденной бедности первобытного периода. В своих размышлениях он начинает с противодействия капиталистическому строю, на самом деле он отрицает не только частную собственность, но и все материальные блага и духовную цивилизацию, созданные человечеством в результате столетий совместных усилий. Он не только не видел значения передовых производительных сил, но и не видел неизбежности классовой борьбы, поэтому выступал за классовую гармонию и отрицал революцию. Хотя он выдвинул ряд реформистских предложений, в то время они были бесполезны, потому что история не может идти вспять. Словом, гуманистические идеалы Толстого не имеют реалистической направленности, в лучшем случае это просто красивая «утопия».

Лу Синь рано сформулировал концепцию «народного государства», основанного на принципе «созидания людей», однако реализация этой идеи произошла не во время его жизни, а в результате социального прогресса, эволюции цивилизации, устранения классовых различий и полной отмены отчуждения людей. «Создание народа» означает переход от индивидуального пробуждения к национальному пробуждению, и таким образом Китай превратился в страну «людей». Лу Синь осознал, что развитие Европы и Соединенных Штатов «коренится в людях», поэтому инновации Китая «в первую очередь зависят от формирования людей», то есть формирования свободной и независимой современной личности. В истории современной китайской мысли Лу Синь возглавил высоко поднятое знамя «человека» и раскрыл просветительскую тему «освобождения человека» [\[18\]](#). Лу Синь стал марксистом на более позднем этапе, выдвигая взгляд о том, что коммунизм есть высшая форма гуманизма.

Существует множество субъективных и объективных причин формирования гуманистических систем ценностей Лу Синя и Толстого. Объективно говоря, Толстой рос в семейной атмосфере, полной сильной любви, он родился в аристократической помещичьей семье, в доме и господа, и слуги могли искренне любить друг друга. Поэтому ему казалось, что люди, живущие вокруг него, обладают лучшими качествами русской нации. В барской усадьбе у Толстого также было больше возможностей сблизиться с крестьянами и установить с ними известную дружбу, сохраняя, таким образом, некоторые патриархальные и простые старинные обычаи в жизни. Он также часто глубоко чувствовал, что великий русский народ дарил ему безграничную любовь и в то же время требовал от него лучших достоинств. С этой точки зрения среда любви культивировала толстовскую мысль о «человеческой любви». Бабушка Лу Синя по материнской линии жила в сельской местности, и он часто бывал в провинции со своей матерью, поэтому он был знаком с сельским обществом и поддерживал тесные связи с сельским населением. Сокращение сельской экономики как несчастье крестьян однажды вызвало у Лу Синя сильное чувство беспокойства. Он сказал: «Семья матери моей

матери живет в сельской местности. Время от времени я могу сблизиться со многими жителями деревни. Постепенно я узнаю, что они были угнетены всю их жизнь, перенесли много страданий, слабы как цветы и птицы» [\[19\]](#).

С точки зрения идейно-культурного происхождения Толстой находился под сильным влиянием Руссо. Руссо считал, что частный строй является бичом общества. Наоборот, капиталистическое общество порождает крайнюю нищету и нищету людей. В то же время оно унижает общественную нравственность. Только в простых крестьянах мы можем найти честные и добрые пережитки старины. Эта идея нашла отклик у Толстого и подтолкнула его к гуманистическому идеалу «порождения первобытно-крестьянской демократии» [\[20\]](#) Толстой также очень интересовался теориями Библии, Конфуция, Мэн-цзы, Лао-цзы, Мо-цзы, читал и изучал теории этих древнекитайских философов и говорил, отмечая собственное увлечение их трудами и ценность извлеченных из их трудов нравственных уроков. Он считает, что Конфуций и Мэн-цзы оказали на него большое влияние, при этом Лао-цзы оказал «огромное» влияние. Толстой начал читать произведения Лао-цзы с 1877 г. и написал много статей, комментирующих и вводящих мысли Лао-цзы. Мысли Лао-цзы действительно оказали глубокое влияние на Толстого. Например, упомянутая выше мысль о «маленькой стране с небольшим количеством людей». Кроме того, теория Лао-цзы о «ничегонеделании» была трансформирована и переработана Толстым и получила известность в идее противостояния злу без насилия.

Лу Синь – потомок мяо древней культуры юэ и куайцзи, он испытывает глубокую ностальгию по мудрецам и обычаям страны и понимает их. Древняя культура юэ заключала в себе глубокие духовные качества мести, боевых искусств и самосовершенствования, эта культурная традиция сыграла определенную роль в появлении мысли Лу Синя о «кроважной мести». В процессе принятия западной культуры он также находился под влиянием поэтов и писателей западных стран – Ницше, Толстого, Ибсена и др., которые «намеревались сопротивляться и стремились к действию», поэтому он отстаивал основательный бунтарский дух и стремился к свободе, развитию и освобождению народа, личности и общества. Когда Лу Синь переводил и знакомил с иностранной литературой, он также уделял особое внимание литературе, отражающей жизнь низших классов в угнетенных и униженных слабых странах, что также способствовало формированию у него «любви к слабым». Кроме того, как было сказано выше, существует определенная причинно-следственная связь между гуманитарной мыслью «Жертвоприношение за молодых и слабых» писателя Такэро Аришима «школы байхуа» и формированием ценности Лу Синя о «любви к слабым».

Также стоит отметить, что гуманизм может рассматриваться с двух точек зрения – как мировоззрение и историческое воззрение и как этический принцип и нравственная норма. Для Лу Синя он сосредоточился на рассмотрении и защите гуманизма как этического принципа, а для Толстого гуманизм был основным содержанием его так называемого «толстовства» – мировоззрения. Такого рода гуманизм как мировоззрение иногда проникает в этические принципы повседневной жизни. Поэтому толстовский гуманизм существует как мировоззрение и как этические принципы одновременно.

Лев Толстой, вжившийся в тайны жизни, не был равнодушным наблюдателем исторических событий. Он проявлял себя как яркий противник установившегося общественного порядка, отвечающего за многочисленные страдания народа. Великое описание Ленина о Толстом, как олицетворении идей и настроений крестьянства в годы подготовки буржуазно-демократической крестьянской революции в России, раскрывает социальную сущность его творчества и острые противоречия, присущие его

художественной и публицистической работе [21].

Заключение

Путем сравнительного анализа гуманистического духа Лу Синя и Толстого мы видим, что, хотя и существуют различия в идеологическом содержании и методах реализации того и другого, они оба воплощают в себе заботу о людях и стремление к социальному прогрессу. Мысли Лу Синя пробудили национальное сознание и сознание сопротивления бесчисленного количества китайцев, способствовали движению новой культуры и движению четвертого мая и внесли большой вклад в идеологическое просвещение Китая и социальные изменения. Мысли Толстого оказали глубокое влияние на религиозную и моральную мысль во всем мире, вдохновляя многих людей задуматься о насилии и стремиться к миру. Сравнение гуманитарного духа Лу Синя и Толстого может помочь нам глубже понять основные ценности гуманизма, включая заботу о человеческом достоинстве, правах и свободе, а также стремление к социальной справедливости и миру. Это понимание имеет огромное значение для нашего понимания природы и направления развития человеческого общества. Их идеологический дух внимания к человеческой природе, критики общества и стремления к человеческому благополучию имеет для нас важное значение для решения текущих социальных проблем и содействия социальному прогрессу. В то же время их гуманитарные мысли также напоминают нам о необходимости всегда обращать внимание на человеческое достоинство и права и стремиться построить более справедливое и гармоничное общество.

Библиография

1. Обухова Е.А., Кузьмин М.Ф. Лев Николаевич Толстой – Народный писатель и философ // Вестник магистратуры. 2022. №11–1 (134). С. 61-62.
2. Захарова Н.В. Лу Синь и Ху Ши: два взгляда на пути развития современной литературы Китая // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. №9. С. 3035-3040.
3. Юй Вэньсю, Ли Хуэй Влияние русской литературы на литературу Четвертого мая // Китайские общественные науки сегодня. 2021. №12(06). С. 1-3.
4. Лу Синь. Полное собрание сочинений Лу Синя. Том 1. Пекин: Издательство народной литературы, 1981.
5. Сяо Чжокунь. Краткий анализ влияния Байрона на литературное творчество Лу Синя // Куплеты. 2023. №29(10). С. 20-22.
6. Проскуряков М.Р. Между верой и сомнением: Толстовский поиск духовности в эпоху научного пробуждения // Евразийский научный журнал. 2023. №10. С. 22-28.
7. Горбунов-Посадов И.И. Толстой и судьбы человечества: Речь / И.И. Горбунов-Посадов. М: [Б.и.], 1928. URL: <http://tolstoy-lit.ru/tolstoy/public/gorbunov-posadov-tolstoj-i-sudby-chelovechestva.htm>
8. Кокшенева К.А. Об искренности и смелости психологического приёма: А.П. Григорьев и Н. Страхов читают Льва Толстого // Культурологический журнал. 2022. №3 (49). С. 58-68.
9. Климова С. М. Движение духоборцев и русские мыслители: Г.С. Сковорода и Л.Н. Толстой // Наука. Искусство. Культура. 2023. №1 (37). С. 70-82.
10. Лу Синь. Полное собрание сочинений Лу Синя. Том 6. Пекин: Издательство народной литературы, 1981.
11. Лу Синь. Полное собрание сочинений Лу Синя. Том 1. Пекин: Издательство народной литературы, 1981.
12. Ли Чуньлинь. Собрание сочинений Ли Чуньлиня: восхождение на вершину литературы» // Ежемесячный журнал исследований Лу Синя. 2014. №4. С. 40-49.

13. Ван Цзин О принятии и критике Толстого Лу Синем // Журнал Второго педагогического университета Гуандуна. 2016. №36(01). С. 47-52.
14. Лу Синь. Полное собрание сочинений Лу Синя. Том 4 Пекин: Издательство народной литературы, 1981.
15. Лу Синь. Полное собрание сочинений Лу Синя. Том 4. Пекин: Издательство народной литературы, 1981.
16. Лу Синь. Полное собрание сочинений Лу Синя. Том 6. Пекин: Издательство народной литературы, 1981.
17. Ленин В.И. Полное собрание сочинений Ленина. Том 7. Пекин: Народное издательство, 1957.
18. Гао Лике Отношение к людям как к людям»: гуманизм Лу Синя и критика рабства в его поздние годы // Журнал педагогического университета Ханчжоу (издание по социальным наукам). № 2022. 44(05). С.33-39.
19. Лу Синь. Полное собрание сочинений Лу Синя. Том 7. Пекин: Издательство народной литературы, 1981.
20. Дивильковский А. А. Толстой и Руссо. С.-Пб., Издательство Русской Христианской гуманитарной академии, 2005. URL: <http://tolstoy-lit.ru/tolstoy/kritika-o-tolstom/divilkovskij-tolstoj-uchenik-russo.htm>
21. Ленин В.И. Лев Толстой, как зеркало русской революции. Полное собрание сочинений. Том 7. М: Издательство политической литературы, 1968

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемая статья посвящена сравнительному анализу гуманистических мыслей Лу Синя и Льва Толстого. Отмечается, что «Толстой и Лу Синь, эти два литературных гиганта, хотя и живут в разных временных и пространственных условиях, писали о своем глубоком сочувствии человеческим страданиям и своем настойчивом стремлении к свету человеческой природы с общим гуманным духом. Их произведения — это не только критика и размышления об обществе, но также утешение и ободрение человеческого духа». Актуальность исследования не вызывает сомнения и обусловлена общим интересом к проблеме человека. Интерес к данной проблеме вызван еще и тем, что сегодня в силу развития межкультурной коммуникации видится важным понимание особенностей, существующих в представлении гуманизма в разных культурах, что прежде всего находит свое отражение в художественной литературе. Выбор творчества Лу Синя и Льва Толстого в качестве материала исследования очевиден: как в русской, так и китайской культуре гуманизм имеет в своей основе представления о единстве и реальности высших духовных ценностей (в отличие от западного гуманизма): «сравнение гуманитарного духа Лу Синя и Толстого может помочь нам глубже понять основные ценности гуманизма, включая заботу о человеческом достоинстве, правах и свободе, а также стремление к социальной справедливости и миру. Это понимание имеет огромное значение для нашего понимания природы и направления развития человеческого общества».

Теоретической основой представленного исследования выступили работы таких отечественных и зарубежных ученых, как А. А. Дивильковский, И. И. Горбунов-Посадов, Е. А. Обухова, М. Ф. Кузьмин, М. Р. Проскуряков, К. А. Кокшенева, С. М. Климова, Ван Цзин, Н. В. Захарова, Юй Вэньсю, Ли Хуэй и др. Библиография включает 21 источник, в том числе произведения Лу Синя (8) и В. И. Ленина, соответствует специфике

изучаемого предмета, содержательным требованиям и находит отражение на страницах статьи. Методология исследования определена поставленной целью и задачами, носит комплексный характер: применяются общенаучные методы анализа и синтеза; общелингвистические методы наблюдения и описания, методы дискурсивного и когнитивного анализа, а также сравнительно-сопоставительный метод.

В ходе анализа теоретического материала и его практического обоснования автор(ы) достаточно подробно рассмотрели разные аспекты гуманистических идей Лу Синя и Льва Толстого, описали общее в системе ценностей китайского и русского писателей, выявили различия между их гуманистическими идеалами, пришли к выводу о том, что у Лу Синя и Толстого «существуют различия в идеологическом содержании и методах реализации того и другого, они оба воплощают в себе заботу о людях и стремление к социальному прогрессу. Мысли Лу Синя пробудили национальное сознание и сознание сопротивления бесчисленного количества китайцев, способствовали движению новой культуры и движению четвертого мая и внесли большой вклад в идеологическое просвещение Китая и социальные изменения. Мысли Толстого оказали глубокое влияние на религиозную и моральную мысль во всем мире, вдохновляя многих людей задуматься о насилии и стремиться к миру».

Теоретическая значимость исследования определяется его вкладом в изучение идей гуманизма в художественной литературе в целом, а также в китайской и русской художественной мысли. Практическая значимость работы состоит в возможности использовать ее результаты в курсах по общей теории литературы, по русской литературе и современной китайской литературе, в спецкурсах, посвященных гуманизму в литературе, в частности в творчестве Лу Синя и Льва Толстого («их идеологический дух внимания к человеческой природе, критики общества и стремления к человеческому благополучию имеет для нас важное значение для решения текущих социальных проблем и содействия социальному прогрессу. В то же время их гуманитарные мысли также напоминают нам о необходимости всегда обращать внимание на человеческое достоинство и права и стремиться построить более справедливое и гармоничное общество»).

Представленный материал имеет четкую, логически выстроенную структуру. Содержание работы соответствует названию. Стиль изложения отвечает требованиям научного описания. Статья имеет законченный вид; она вполне самостоятельна, оригинальна, будет полезна широкому кругу лиц и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Новикова В.Г. Жанр «биографии сквозь призму быта» в современной английской литературе (на материале произведений Люси Уорсли) // Litera. 2024. № 12. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.12.72823 EDN: ZJOADY URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=72823

Жанр «биографии сквозь призму быта» в современной английской литературе (на материале произведений Люси Уорсли)

Новикова Вера Григорьевна

ORCID: 0000-0002-7398-3867

доктор филологических наук

профессор; кафедра зарубежной литературы; Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского.

603000, Россия, г. Нижний Новгород, пр-т Гагарина, 23

✉ wnovikova@mail.ru

[Статья из рубрики "Литературоведение"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2024.12.72823

EDN:

ZJOADY

Дата направления статьи в редакцию:

19-12-2024

Дата публикации:

26-12-2024

Аннотация: Предметом исследования является жанровая специфика документально-художественных биографий, включающих в себя материалы исследований повседневности изображенной эпохи. Материалом исследования стали книги английского автора Люси Уорсли «Английский дом. Интимная история», «Чисто британское убийство. Удивительная история национальной одержимости», «В гостях у Джейн Остин», изданные в 2010-х годах. Эти произведения исследуются с точки зрения воплощения в них традиционных доминант жанра литературных биографий и особенностей формирующегося варианта, который получил здесь название "биография сквозь призму быта". Исследование актуально в силу отнесенности к одному из

важнейших направлений в современном междисциплинарном знании – исследованию категории «повседневность». Кроме того, здесь рассматривается отражение в анализируемых произведениях постмодернистского сознания. Используются биографический, сравнительно-исторический, а также когнитивный методы анализа для уяснения специфики данной жанровой трансформации. Новизна заключается в том, что впервые исследуются произведения английской писательницы Люси Уорсли, вводится предположительное название новой жанровой формы. Основные выводы исследования заключаются в положении о том, что в творчестве Люси Уорсли, профессионального историка, автора публицистики, документально-художественной прозы, создателя циклов телевизионных передач о быте, нравах, обычаях англичан, живших в различные исторические периоды, формируется особая жанровая модель биографии. Ее название подсказано удачным подзаголовком издателя: «биография сквозь призму быта». Традиционная биография основана на документах, строится как жизнеописание, бытовые детали включаются в нее с целью создания «эффекта реальности». Новая форма насыщена детализацией, нанизанными в смысловые ряды подробностями, которые в совокупности призваны показать историческую реальность и доказать читателю ее подлинность.

Ключевые слова:

повседневность, биография, Люси Уорсли, Джейн Остин, английскость, эстетизация повседневности, модальность викторианской повседневности, история английского дома, чисто британское убийство, материальная жизнь

Введение

В литературном процессе Великобритании жанр биографии имеет устойчивые позиции в течение нескольких столетий, претерпевая жанровые трансформации в зависимости от понимания взаимосвязи жизни отдельного человека и истории. Уже в начале XVII века биография впервые была теоретически осмыслена как род знания, отличный от истории, в работе Френсиса Бэкона «Прогресс знания» (*Advancement of learning*, 1605), где были выделены три отдельные ветви исторического повествования: «хроника», представляющая эпоху, «жизнь», описывающая человека, и «история» (*narrative*), повествующая о событиях. В XIX веке развивается жанр автобиографии, имеющую, в определении ее исследователя, романтическую (образцом служит «Исповедь англичанина, употреблявшего опиум» Томаса де Куинси), духовную («*Apologia pro Vita Sua*» Джона Генри Ньюмена) и викторианскую («Автобиография» Э.Троллопа) формы, где магистральный сюжет – «жизненный путь, который приводит личность к обретению себя» [\[1, с. 245\]](#). На рубеже XIX-XX веков происходит смена традиционной биографии XIX века так называемой «новой биографией», основными принципами которой «становятся повышенное внимание к внутреннему миру человека, подчеркнутая психологичность, установка на объективность, отказ от оценки и лакировки, часто иронический тон» [\[2, с. 55\]](#). Образцом подобной формы являются «Выдающиеся викторианцы» («*Eminent Victorians*», 1918) Д. Л. Стрэичи, который «понял потенциальные возможности биографического жанра, то, что биография, с одной стороны, принадлежит науке, а с другой – искусству. Объединив эти два начала, он создал некий жанровый гибрид, который в полной мере ответил запросам современного ему общества» [\[2, с. 56\]](#). Такая жанровая форма сохраняет свои позиции вплоть до 1970-х годов. Последние десятилетия двадцатого века получили в английской критике название «Золотой век

биографии». Абсолютное большинство подобного рода произведений было посвящено писателям, связано с попытками передать специфику творческого процесса. Немецкий исследователь Ю. Шлегер подчеркивает особый статус биографии писателя в Англии: «Личностно-ориентированная (personally-centered culture) английская культура определяет центральное положение «биографического письма» (biographical writing)» [3, с. 58]. Наиболее известный в этой области письма Питер Акرويد не только обогатил традиционную литературную биографию великолепными образцами, но создал еще новаторские альтернативные биографии и, наконец, радикально обновил статус жанра, написав биографию Лондона. Согласимся с мнением А.В. Шубиной: «Феномен истории города как биографии в творчестве английского прозаика возник под влиянием постмодернистской эстетики. Постмодернизм стирает границы между субъектом и объектом творчества, а потому предельно, казалось бы, объективная данность города приобретает черты незавершенности, субъективности, свойственные отдельной человеческой личности. для него принципиально важно личное осмысление, «переживание» города как события. Именно благодаря процессу переживания «исторический факт получает биографический смысл» [4, с. 230].

В эпоху постмодернизма появляются предпосылки к появлению новой жанровой формы, связанной с категорией «повседневность». Представляется уместным в этой связи обратиться к трудам французской исторической школы «Анналов». Представитель ее второго поколения, Ф. Бродель, автор труда «Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV-XVIII вв.» (1979), первый том называет «Структуры повседневного: возможное и невозможное» и посвящает его разнообразным сторонам материальной жизни. Он предлагает концепцию трех уровней структур исторической действительности: микроисторию (ритм повседневной жизни индивида), циклов экономической жизни (товарного обращения, демографии), уровень «большой протяженности» (технологии, методы познания, цивилизации). Слова Броделя: «Материальная жизнь — это люди и вещи, вещи и люди. Изучить вещи — пищу, жилища, одежду, предметы роскоши, орудия, денежные средства, планы деревень и городов — словом, все, что служит человеку, — способ ощутить его повседневное существование», - отражают общую идею исследования повседневности в современной науке [5, с. 1].

В Великобритании увлеченность повседневностью, начиная с 1948 года, когда появляется созданная для детей книга Марджори и Чарльза Генриха Борн Квеннеллов: «Повседневная жизнь в Англии» ("A History of Everyday Things in England", 1948), которая состоит из четырех томов и охватывает историю страны с 1066 по 1914 годы, становится все более заметной в литературном процессе и не утрачена по сей день [6]. Характерно, что в 1947 году во Франции выходит в свет первый вариант «Критики повседневной жизни» А. Лефевра, автор предисловия к репринтному переизданию которой в Великобритании пишет: «Благодаря этой книге, философия больше не презирает конкретное и повседневное. Сделав отчуждение "ключевым понятием в анализе человеческих ситуаций со времен Маркса", Лефевр открыл философию для действия: критика, взятая в ее кантовском понимании, была не просто знанием повседневной жизни, но знанием средств». Лефевр характеризуется здесь как "самый ясный сторонник живой философии на сегодняшний день" [7, p. X].

Т.Г. Струкова находит точную формулировку такого пристрастия: «Охранительное качество повседневности становится своеобразным якорем стабильности в неустойчивую эпоху постмодерна с ее эпистемологической неуверенностью, крахом знания, множеством истин, неверием в метадискурсы, многообразием рассказываемых историй и

засильем массовой культуры...обыденность в виртуально-симультанном мире, который человек уже не может всесторонне осмыслить и объять, превращается в охранительную систему, позволяющую индивидууму чувствовать себя неотъемлемой частью места, времени, среды и культуры» [\[8, с. 158\]](#).

Цель данного исследования – анализ документальной прозы одного из самых заметных авторов в этой области – Люси Уорсли в ракурсе жанровой специфики «биографии сквозь призму быта».

Основная часть

Люси Уорсли (Lucy Worsley, 1973 г.р.) автор значительного ряда произведений документальной прозы о повседневности разных исторических эпох в XXI веке. Ее подталкивает к их написанию род деятельности – от должности куратора замка Болсовер до должности главного хранителя исторических королевских дворцов (Тауэра, Хэмптон-Корт, Кенсингтонский дворец, дворец Кью). В 2005 году она была избрана старшим научным сотрудником Института исторических исследований Лондонского университета. В Великобритании Л. Уорсли знаменита и как создатель циклов телевизионных проектов BBC на исторические темы. Уже на первом месте работы в замке Болсовер обозначилось разнообразие ее творческой деятельности: сначала был написан путеводитель (2001), а потом и книга «Кавалер: рассказ о рыцарстве, страсти и великих домах» (2008). В течение двадцати лет ею было написано более двадцати книг, в том числе она начала себя пробовать и в художественной литературе для детей (Eliza Rose, 2016; My Name is Victoria, 2017).

Выделим из этого ряда три книги, написанные в 2010-х годах: «Английский дом. Интимная история» (If the walls could talk, 2011); «Чисто британское убийство» (A very British Murder, 2013); «В гостях у Джейн Остин. Биография сквозь призму быта» (Jane Austen at Home, 2017), которые станут предметом нашего исследования.

В первой книге четыре части: «интимные истории» спальни, ванной, гостиной, кухни [\[9\]](#). Это действительно истории в том смысле, что это рассказ об изменениях назначения и наполнения этих помещений в хронологии исторического процесса. Микроистории отдельных предметов быта рассматриваются в контексте отдельных структур (в терминологии Броделя) и, в конечном счете, в «большой протяженности» становления цивилизации в конкретной стране. Эпиграфом могут послужить слова, произнесенные Джоном Бидлом в 1656 году: «Самая радостная из всех историй – это история жизни и быта человека: она возрождает прошлое, воскрешает тех, кого давно нет в живых» [\[9, с.9\]](#).

История спальни начинается с истории кровати и сундучка возле нее, которые обозначали личное пространство человека средневековья. Одежд, простыней, подушек. С кроватью связано и рождение человека. Отсюда отвлечение к проблеме родов, материнства, грудного вскармливания, детства как такового и отсутствия интереса к нему вплоть до 19 века. Нижнее белье, здоровье и лечение болезней, секс и одежда для сна, история сна (в Британии зимой темное время суток 14 часов, что и предопределило режим сна в два приема: первый сон и второй сон). Иначе говоря, вся толща бытия и в самом бытовом смысле слова, но и в глубоких смыслах английскости – национальной ментальности на разных стадиях развития европейской цивилизации.

Прослеживается долгий путь спальни от места, открытого для свободного посещения в мире «коллективного существования» средневековья (автор говорит, что понимание

духовной среды, где «Не человек, а Бог стоял в центре мироздания», вот задача изучения всей этой средневековой мебели и помещений, где она стояла) [\[9, с. 15\]](#) до обретения уединения, которое стало цениться только в 17 веке. Эта потребность мотивирована Славной революцией, становлением нового типа государственности и обретением средним классом своих прав, обретением индивидуальности. И, наконец, рассказ о спальне XIX века, когда средний класс, «творец и творение эры индустриализации», возвел меблировку помещений в культ.

Во второй части – в истории «самого личного из всех мест в доме», ванной комнаты, рассказ закономерно начинается с самой традиции мытья. Купание было важной частью жизни средневекового человека: и купание короля, и «рыцарское купание», и общественные бани. «Лондонцы эпохи Средневековья любили воду не меньше рыб» [\[9, с.149\]](#).

Однако два столетия – примерно с 1550 года по 1750 год – названы здесь немывыми. Главные причины: взгляды медицины (в воде распространяются страшные болезни) и церкви (купание в объявленных святыми источниками есть идолопоклонство) [\[9, с.153\]](#). Истории гостиной и кухни построены по тому же принципу: от множества частных деталей ко все более обобщающим наблюдениям.

Книга чрезвычайно насыщена подробностями. Все эти частности уже были в литературе, особенно в социальном реализме, где они становятся средством репрезентации объективной реальности. Но при этом костюмные, бытовые, психологические, портретные детали тщательно отбираются автором. Ролан Барт писал, что реалистическая литература и сама является повествовательной, но лишь потому, что реализм в ней сводится к дробным, разбросанным там и сям "деталям"; в целом любой повествовательный текст, сколь угодно реалистический, развивается на нереалистических путях. Такое явление можно назвать референциальной иллюзией. Истина этой иллюзии в том, что "реальность", будучи изгнана из реалистического высказывания как денотативное означаемое, входит в него уже как означаемое коннотативное; стоит только признать, что известного рода детали непосредственно отсылают к реальности, как они тут же начинают неявным образом означать ее. "Барометр" у Флобера, "небольшая дверца" у Мишле говорят в конечном счете только одно: мы - реальность; они означают "реальность" как общую категорию, а не особенные ее проявления» с 394-396. Книги о повседневности демонстрируют иной подход. Детали равны, каждая имеет значение, особенно если учесть пристрастие автора к историческому генезису каждой из них. Создается таким образом очевидная избыточность, перенасыщенность подробностями и спровоцированное особое восприятие текста, эффект погружения в отдаленную реальность [\[10, с. 396\]](#). Достоинством Л. Уорсли является то, что ей удается избежать впечатления хаоса подробностей. Напротив, они выстраиваются в стройную систему, раскрывающую, по сути, национальную концептосферу.

В книге «Чисто английское убийство. Удивительная история национальной одержимости» автор вновь обращается к национальной ментальности, рассказывая об одной из ее черт: «Я собираюсь исследовать то удовольствие, с каким британцы воспринимают, поглощают и усваивают идею убийства как такого, – явление, возникшее в начале XIX века и сохранившееся до сих пор» [\[11, с. 8\]](#). Автор и здесь соблюдает хронологию, сочетая в рассказе о постепенном формировании этого специфического социокультурного явления несколько планов. План социальный (отношение общества к убийству), план литературный (писатели, ознаменовавшие этапы развития этой страсти:

от Томаса де Квинси «Убийство как одно из изящных искусств» до «Заката английского убийства Д. Оруэлла), план коммерческий (история получения выгоды от продажи сувениров и иной продукции, связанной с убийством).

Вплоть до самого конца XVIII столетия убийства, видимо, не раскрывались должным образом, поскольку, например, еще в 1810 году за убийство было осуждено только 15 человек. Поворотным моментом стало убийство на Рэдклифской дороге, но даже «после огромного внимания толпы», не была создана соответствующая полиция (расследующая преступления). Только к 1829 году под началом министра внутренних дел Роберта Пиля была создана новая структура, в которой служили пилеры. В феврале 1827 года Де Квинси публикует свое эссе «Убийство как одно из изящных искусств». Главная идея в нем – «убийство – это представление, возбуждающее у публики ожидания» [\[11, с. 25\]](#). В связи с этим Уорсли высказывает «Та мысль, что в преступлении, в особенности в убийстве, можно видеть развлечение, родилась в первые десятилетия XIX века, но ей суждена была долгая жизнь и коммерческий успех на годы и годы вперед. [\[11, с. 25\]](#).

Коммерческий успех поддерживается литературой. Де Квинси обнаруживает эстетический потенциал убийства, утверждая, что в преступлении на Рэдклифской дороге есть блеск и совершенство исполнения. В основном речь идет о самой примитивной массовой литературе. Автор пишет о том, что уже в первой трети XIX века появились в продаже печатные листы с рассказом об убийстве, трансформирующиеся в издания «страсти за пени». Они становятся прообразом ньюгетского романа (по названию тюрьмы Нью-Гейт, в которой не только содержались преступники, но и проводились публичные казни, сами по себе бывшие излюбленным развлечением сотен и тысяч лондонцев). Издавался сборник «Ньюгейтский календарь» (Список кровавых злодеев). 40000 подписчиков имела серия «Тайны лондонских судов», издаваемая в 1840-е годы. [\[11, с.90\]](#). От страстей за пени оставался один шаг до романа Бульвера Литтона «Пелэм или приключения джентльмена». Отдает должное теме преступления и убийства Ч. Диккенс. В романе об Оливере Твисте страницы об убийстве преступной, но обнаружившей благородные чувства Нэнси, становятся самыми трогающими душу читателей. Диккенс же создает и первый образ полицейского инспектора, способного раскрыть преступления и защищать закон. Далее в английской литературе появится и дедуктивный метод, и сыщики-любители, и профессионалы. И огромная популярность жанра вплоть до конца 1940-х годов. В 1946 году Д. Оруэлл в эссе «Упадок английского убийства» пишет, что «зачарованность убийством» утрачивается после «масштабного слома всего существования людского, который мы наблюдаем в XX веке». [\[11, с.304\]](#).

Однако, похоже, и сегодня можно согласиться со словами автора детективов Дороти Ли Сэйерс: «Похоже, смерть для англосаксов – источник самого большого удовольствия, забавляющий их сильнее всех прочих тем. [\[11, с. 13\]](#). Мы можем привести пример в качестве доказательства сериал «Чисто английские убийства», который начат был в 1997 году, насчитывает 22 сезона и 132 эпизода.

Особый пласт английской культуры составляют «причудливые и разнообразные артефакты, порожденные интересом общества к убийству и откликом на него» [\[11, с.9\]](#). Уорсли сняла телесериал, где запечатлела собранные ею экземпляры. Так, в ее книге рассказана история об «Убийстве в Красном амбаре», которое «стало настоящей сенсацией того времени, глубоко и надолго повлияв на то, что историками зовется материальной культурой: появились безделушки, картины, песенные тексты и всевозможные артефакты». [\[11, с. 103\]](#). Перечень сувениров также характеризует

национальную ментальность: «Последнее слово Кордера» (подробная запись сказанного накануне казни), баллада «Убийство Марии Мартен» и другие баллады (продажа тысяч текстов), мелодия, сохранившаяся до наших дней как одна из самых популярных народных, стаффордширская керамика – фигурки влюбленных, амбар, безделушки, сделанные из досок амбара, где произошло убийство, нюхательная табакерка в виде башмачка, кусочки надгробия Марии, скальп Кордера и его сморщенное ухо в музее Берн-Сент-Эдмундса, марионетки, изображающие Марию и ее убийцу в музее Виктории и Альберта. В финале автор цитирует слова одного из забытых ныне авторов детективов 1930- годов: «Желая изучать нравы нашей эпохи, историк будущих времен, возможно, обратится не к сборнику официальных документов и статистики, а к детективам». Исследование духа нации с точки зрения отношения к убийству как части ее (нации) повседневного мира также представляет несомненную ценность.

Совсем другие качества английского характера обнаруживаются в книге «В гостях у Джейн Остин» (в оригинале «Джейн Остин дома»)^[12]. Свою задачу автор определяет так: «Я надеюсь показать вам бытовую сторону жизни Джейн, с ее светлыми и темными днями, с ее семейными радостями и заботами и с теми «незначущими предметами, из коих ежедневно складывается счастье домашнего бытия», как писала об этом в «Эмме» сама Джейн.^[12, с. 9] О Джейн Остин написаны десятки статей и книг. Проблемы, связанные с документальной базой, определяются тем, что наследники уничтожили большую часть документов и переписки Джейн Остин с целью «облагораживания» ее образа. Уорсли также подчеркивает, что восприятие этой писательницы меняется в истории – от домашней хозяйки, имеющей невинное увлечение – писать романы, до феминистки, презревшей саму идею замужества во имя собственной независимости. В данной книге автор обобщает имеющиеся у нее сведения о крупных и мельчайших деталях быта жизни Джейн, ставшей частью национальной мифологии, и составить максимально объективное представление о ней: «Я как могла старалась вписать Джейн в контекст предметного мира ее жилищ». Уорсли утверждает, что «поиск дома – это идея, которая занимает центральное место в художественной литературе Джейн... Действительно, хотя мы склонны подчеркивать романтическую романов Остин, необходимость счастливого и благополучного брака, – чаще всего это является средством достижения цели создания надежного и уютного дома как для мужчин, так и для женщин».

Автор диссертационного исследования об эстетизации повседневности викторианской писательницей Элизабет Гаскелл заключает, что «писатели-викторианцы, которые делают предметом своего изображения микромиры своих персонажей, эстетизируя повседневную жизнь, превращая обыденную жизнь, сознание своих персонажей, предметы повседневности в предметы искусства, достигают высокого уровня в изображении повседневной культуры. Особую ценность представляет та особая модальность повседневности, которая воплощается в созданном ею художественном мире, то понимание действительности, которое характерно для обыденного сознания англичанин-викторианцев, то видение реальности, которое обеспечивается специфическим комплексом установок здравого смысла»^[13, с. 6]. Это утверждение, безусловно, применимо не только к творчеству Джейн Остин, но и к ее биографии, написанной Уорсли. Фактография, касающаяся домов, где жила Джейн Остин, известна до мельчайших подробностей уже почти двести лет. Однако никогда еще она не воспроизводилась с такой точностью. Особенно в описании первого дома в ее жизни, стивентонского пастората, то есть дома ее отца, священника. Приводятся данные о размерах стивентонского прихода, который «имел три мили в длину и три четверти мили в ширину». «Пасторат включал в себя дом и три акра «церковной» земли, урожай с

которой целиком поступал священнику. Прежние общинные поля Стивентона были «огорожены» и превращены в крупные частные фермы, что избавляло Джорджа от тягостной необходимости взимать повинность с каждой отдельной семьи. Он просто забирал 10 процентов с денежной прибыли соседей-фермеров» [\[12\]](#). Таким образом, доходы отца Джейн складывались не только из приношений прихожан (те были бедны и приносили немного). Стивентонский пасторат (дом священника) включал в себя, кроме дома, еще и прачечную, мотыжную, амбар, пивоварню, сарай, птичник, маслобойню с сыроварней, сад с вишнями и сад с огурцами [\[12, с. 33\]](#). Это означает, что и мать, и дети были постоянно заняты работа в саду и в остальном хозяйстве, поскольку могли иметь только ограниченное число наемных работников. Так факты рассеивают представление о «барской» жизни семейства. Биограф самым тщательным образом описывает жизнь семьи, и конкретной, и обобщенной семьи джентри рубежа XVIII- XIX веков. Личная жизнь ее родителей, учитывая, что в брак вступали по практическим соображениям. Мужчине нужна хозяйка, он женится не на женщине, «на образе жизни». Много детей, в семье Остин семеро. Практичное отношение к ним – один больной сын как бы изымается из семьи и воспитывается, а позднее живет в стороне от близких, второй, весьма привлекательный, отдается в приемные сыновья богатым родственникам. Последнее оказалось оправданным, так как он позднее сможет содержать мать и незамужних сестер. И вообще, «в тот век, когда люди часто умирали, не успев вырастить детей, тети, дяди и вообще многочисленные сородичи значили не меньше, чем отец и мать» [\[12\]](#). Все близкие и не очень члены семьи составляют большую общину, и каждый из ее членов семьи Остин находит подробнейшую характеристику в книге Остин. Описываются и условия рождения и воспитания детей. Например, Джейн, седьмой ребенок, родилась 16 декабря 1775 года и, наверно, воспитывалась по пособию по уходу за младенцами «Руководство для нянь», изданному в 1774 году. Как кормили, пеленали, гуляли с детьми. И далее, какое давали образование. Труд мальчиков и их путь «в республику разума» (во множестве деталей, включая глобус и микроскоп) сопоставляется с воспитанием девочек, то есть искусству написания писем, рукоделию, игре на фортепиано (в семье было куплено пианино с красивым корпусом и существовала большая коллекция музыкальных сочинений, которые Джейн переписывала так, что «ноты читались как будто печатные») [\[12, с. 69\]](#). Но героиню «Гордости и предубеждения» Мэри «шпыняют за приверженность музыке и чтению» [\[12, с. 70\]](#). Возможно, это показывает отношение самой Джейн к этим занятиям? В доме библиотека в 500 томов и заведен домашний театр, который они называют «Стивентонская антреприза». Современные раскопки пастората дополняют представление об этом мире, где был «семейный фарфор с синим ивовым узором», «кремовый веджвудский фарфор» Сохранилась тропа в церковь с живыми изгородями и можно представить себе «устланную цветочным ковром Англию Джейн Остин» [\[12, с. 41\]](#). Утратив этот дом, Джейн большую часть своей недолгой жизни проведет в домах для нее временных, чужих. Для творчества у нее никогда не находится места. В знаменитом эссе Вирджинии Вулф эта тема получит название «Своя комната».

Джейн не вступает в брак, по мнению Уорсли, потому что не хочет связывать себя обязательствами, которые заключили бы ее в своеобразную тюрьму. Однако это не избавило ее от многочисленных и многотрудных обязанностей, которые в семейных общинах несли незамужние дочери.

Что касается большой истории, она почти не показана здесь, поскольку в ее жизни, как и в ее романах «все великие драмы той эпохи — Французская революция, промышленная и аграрная революции — разыгрываются за сценой. Взамен она

показывает нам те неуловимые перемены, которые произошли под их влиянием в сердцах, умах и распорядке жизни обычных людей» [\[12\]](#).

В совокупности эпизодов, цитат, комментариев, деталей хронология в определенном смысле отступает на второй план, поскольку по сравнению с «толщей бытия» сроки жизни одного человека очень не велики. Здесь находит отражение палимпсестный тип работы сознания, который означает присутствие всех элементов прошлого в моменте «сейчас», в противоположность «линейному» развертыванию этих элементов в классическом мышлении. Питер Акرويد в своей биографии Лондона прямо говорит о палимпсесте города. Авторы, анализирующие поэтику повседневности в романах С. Фолкса, также пришли к выводу о том, что названная поэтика «базируется на принципе палимпсеста, что обеспечивает возможность создания образа повседневности как многослойного динамического образования, все составляющие которого пребывают во взаимодействии друг с другом. Образ повседневности является у Фолкса фактором формирования общей идеологической концепции его романов, основой сюжетно-фабульной организации и средством характеристики персонажей» [\[14, с. 65\]](#). То же следует отнести и к книге Уорсли. При этом важно отметить, что автору удается создать художественно убедительный образ Джейн Остин.

Заключение

Анализ документальной прозы английского историка и писателя Люси Уорсли позволяет сделать вывод о значительном художественном потенциале рассматриваемых произведений. Книги Л. Уорсли – характерный пример репрезентации историй людей («В гостях у Джейн Остин»), вещей («Английский дом. Интимная история») и даже литературных жанров («Чисто британское убийство») посредством синтеза научного знания и художественного образа. Подробная детализация создает эффект достоверности реальности, концентрируя известный со времен рождения исторического романа прием «местного колорита». Сопряжение элементов разного рода знаний науки : истории, медицины, социологии, культурологии, искусствоведения – создает насыщенный текст и создает впечатление одномоментности присутствия фрагментов прошлого. В то же время автор соблюдает хронологию, последовательно излагая историю предметов быта и особенностей их использования в разные времена, историю жанров криминального и романа в контексте изменений сознания англичан в последние два столетия. Живой, стилистически точный и разнообразный рассказ о быте нации позволяет читателю составить представление о специфике национального мышления. Существенно расширяет представление об английскости книга «В гостях у Джейн Остин». Дополнение издателя – «Биография сквозь призму быта» представляется весьма удачным и использовано здесь в качестве темы исследования, поскольку концентрирует внимание, во-первых, на биографии, жанре, который может предложить не только историю жизни отдельной личности, но и биографию целого народа (или города, как это представлено в «Лондон. Биография» П.Акроида). Во-вторых, выражение «сквозь призму быта» точно характеризует особенности современного типа мышления, предполагающего понимание истории именно как палимпсеста, составленного из «миллиарда форм бытия» (мы пользуемся здесь мыслью писателя Томаса Вулфа, поставившего себе сходную задачу создания образа американского мира еще в тридцатые годы XX века).

Библиография

1. Караева Л.Б. Английская литературная автобиография: трансформация жанра в XX веке. Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых, 2009. 276 с.

2. Паренко М.Б. Биография: Эволюция и гибридизация жанра: Аналитический обзор. М.:РАН ИНИОН, 2017. 67 с.
3. Schlaeger J. Biography: Cuit and Culture Text // The art of Literary biography. Oxford, 1995. PP. 57-70.
4. Шубина А.В. Биография города как новый тип исторического повествования (Питер Акройд "Лондон: биография") // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2009. С. 228-231.
5. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм. Т. 1. Структуры повседневности: возможное и невозможное. М.: Весь мир, 2006. 592 с.
6. Quennell M & C. A History of Everyday Things in England. Done in Four parts of which this is the fourth. The age of production, 1851-1948/ L.: B.T.Batsford Ltd, 1948. 214 p.
7. Trebitsch M. Preface // Lefebvre H. Critique of everyday life. Vol.1. L.-N.Y. 1991. PP. IX-XX.
8. Струкова Т.Г. Повседневность и литература // Научно-философский анализ повседневности: Проблемы и перспективы развития в XX веке. Воронеж: Воронеж.гос.пед.ун-т, 2010. С. 141-158.
9. Уорсли Л. Английский дом. Интимная история / Пер. с англ. Новоселецкой. М.:Синдбад, 2016. 440 с.
10. Барт Р. Эффект реальности // Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, Универс, 1994. С. 392-400.
11. Уорсли Л. Чисто британское убийство. Удивительная история национальной одержимости / Пер. с англ. Е. Осеневой. М.: Синдбад, 2021. 320 с.
12. Уорсли Л. В гостях у Джейн Остин / Пер. с англ. М. Тюнькиной, Ю. Гольдберга, А. Капанаде. М.: Синдбад, 2021. 560 с.
13. Телегина О.В. Эстетизация повседневности в романах Элизабет Гаскелл. Автореферат канд. дисс. Нижний Новгород, 2016. 25 с.
14. Потанина Н.Л., Белозерова А.В. Поэтика повседневности в романах С. Фолкса // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2019. № 2. Т. 2. С. 65-72.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в статье «Жанр «биографии сквозь призму быта» в современной английской литературе (на материале произведений Люси Уорсли)» стал характер изображения повседневности в биографической прозе современной английской писательницы. Стоит отметить оригинальный ракурс, выбранный автором статьи для изучения, а также оригинальную методологическую базу. Без преувеличения данную работу можно отнести к новаторским исследованиям, задающим новые пути изучения не только жанра биографии, но и шире - прозаических жанров в целом.

В центре внимания автора статьи – творчество Люси Уорсли, писательницы, значительную часть жизни посвятившей музейной деятельности, а потому темой своих произведений сделавшей историю повседневности ушедших эпох, историю бытовых вещей, которые создавали предметный мир человека, описание уклада жизни, привычек, традиций прошлого. В статье показано, как формировался стиль писательницы: от написания путеводителей для посетителей музея к научно-популярному повествованию, а затем к художественной прозе.

Автор статьи рассматривает творчество Люси Уорсли как явление постмодернизма, соотносит ее достижения с тенденциями данного литературного направления. По мнению

исследователя, документальная проза Люси Уорсли обладает значительным художественным потенциалом, который заключается в том, что писательница находит свой оригинальный способ синтеза научного знания и художественного образа. Он строится на сочетании элементов сведений из разных наук: истории, медицины, социологии, культурологии, искусствоведения, что «создает насыщенный текст и ... впечатление одномоментности присутствия фрагментов прошлого».

Автор статьи выделяет три жанровых модификации биографии: истории людей, истории вещей и истории литературных жанров. И на конкретных примерах показывает, как осуществляется репрезентация этих явлений. Таким образом, биографией наделяются не только люди, но и предметы и явления.

В статье подробно описан главный прием,двигающий повествование, - прием детализации. Как показано в работе, его использование «создает эффект достоверности реальности, концентрируя известный со времен рождения исторического романа прием «местного колорита»».

Материалом для анализа стали три книги Люси Уорсли, написанные в 2010-х годах: «Английский дом. Интимная история» (If the walls could talk, 2011); «Чисто британское убийство» (A very British Murder, 2013); «В гостях у Джейн Остин. Биография сквозь призму быта» (Jane Austen at Home, 2017). Как видим, внимание автора обращено к современному литературному процессу, что также определяет актуальность данной статьи и ее новизну.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что данная статья обладает несомненной научной новизной, теоретической и практической значимостью. Выводы автора статьи убедительны. Список литературы репрезентативен. В статье последовательно выдержан научный стиль.

Статья рекомендуется к публикации в журнале.

Litera

Правильная ссылка на статью:

Гао Л. Идеологизация русского языка после революции 1917 г. (по материалам «Красной газеты») // Litera. 2024. № 12. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.12.72708 EDN: ZNJWPT URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=72708

Идеологизация русского языка после революции 1917 г. (по материалам «Красной газеты»)

Гао Лия

ORCID: 0000-0002-9133-3542

кандидат филологических наук

аспирант; кафедра Общего и русского языкознания; Российский университет Дружбы народов

117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6, оф. 5

✉ 877191721@qq.com

[Статья из рубрики "Язык"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2024.12.72708

EDN:

ZNJWPT

Дата направления статьи в редакцию:

13-12-2024

Дата публикации:

26-12-2024

Аннотация: Рассматривается вопрос идеологизации языка советских газет послереволюционного периода. Идеологизация понимается как подчинение системе политических, правовых, нравственных, эстетических, религиозных и философских идей, характерных для определённого периода развития общества. Актуальность исследования обусловлена тем, что идеологизация языка продолжается и на современном этапе его развития и должна быть изучена с учётом её исторических основ. Автор останавливается на тех языковых средствах, с помощью которых происходит идеологизация языка «Красной газеты» в 1920 году, выделяя среди них новые номинативные единицы — наименования новых реалий, образно-выразительные средства, речевые штампы, слова канцелярского стиля, разговорную лексику,

местоимения мы и наш, лозунги. Отмечено, что идеологизация языка была одним из способов воздействия на читателя 1920-х годов, когда язык стал важнейшим инструментом распространения идеологических воззрений и формирования нового сознания граждан Страны Советов. Делается вывод о том, что идеологизация языка, отражённая в издании «Красная газета», позволяла перестроить общественное мышление, сформировать новые идеологические стереотипы и тем самым упрочить в представлениях граждан мнение о прочности нового мира и его нацеленности на обеспечение нужд простых людей. Актуальность исследования обусловлена тем, что идеологизация языка продолжается и на современном этапе его развития и должна быть изучена с учётом её исторических основ. Автор останавливается на тех языковых средствах, с помощью которых происходит идеологизация языка «Красной газеты» в 1920 году, выделяя среди них новые номинативные единицы — наименования новых реалий, образно-выразительные средства, речевые штампы, слова канцелярского стиля, разговорную лексику, местоимения мы и наш, лозунги. Отмечено, что идеологизация языка была одним из способов воздействия на читателя 1920-х годов, когда язык стал важнейшим инструментом распространения идеологических воззрений и формирования нового сознания граждан Страны Советов. Делается вывод о том, что идеологизация языка, отражённая в издании «Красная газета», позволяла перестроить общественное мышление, сформировать новые идеологические стереотипы и тем самым упрочить в представлениях граждан мнение о прочности нового мира и его нацеленности на обеспечение нужд простых людей.

Ключевые слова:

русский язык, революция, идеологизация языка, Красная газета, образно-выразительные средства, канцелярит, разговорная лексика, язык, языковые средства, советские газеты

1. Введение

Язык постоянно изменяется под действием внутренних законов и внешних процессов. Для лингвистов несомненно, что наиболее сильное влияние оказывают на него внешние процессы: «Роль языка в опосредовании культурных трансформаций: язык не только отражает культурные изменения, но и может активно влиять на них. Процессы коммуникации, включая языковую коммуникацию, могут стать инструментом для распространения новых идей, ценностей и культурных норм» [Го Ханьвэнь, 2023, с. 31]. Наиболее действенными внешними факторами развития языка становятся кардинальные политические, экономические и социальные трансформации, происходящие в обществе. «Язык, как основное средство коммуникации, играет ключевую роль в формировании социума, а социум, в свою очередь, оказывает влияние на развитие языка и его использование. Язык несет в себе не только функцию передачи информации, но также отражает социальные отношения, культурные ценности и социальную структуру общества» [Ткебучева, 2023, с. 983].

В истории русского языка было несколько периодов, в которые значительные изменения в общественной жизни стимулировали существенные трансформации в языке. Актуальность нашего исследования обусловлена тем, что один из таких периодов русский язык переживает и в настоящий момент, начиная с 1990-х годов, когда произошло изменение политического строя и вступили в силу связанные с ним процессы. Чтобы понять современные языковые процессы, необходимо рассмотреть влияние

общественных трансформаций на русский язык в предыдущие этапы его развития.

Весьма значительные изменения произошли в русском языке после Октябрьской революции 1917 года, когда капиталистическое устройство было заменено социалистическим, что повлияло на культурное, экономическое, социальное устройство общества. С. А. Никольский отмечает, что в языке появилось множество образов, созданных как идеологический продукт. «Его содержанием были идеи: руководимая Лениным партия большевиков, выражавшая волю народа, свергла буржуазное Временное правительство, дала «мир народам и хлеб голодным», передала землю крестьянам, а фабрики и заводы рабочим; желавшие реставрации царизма «белые» — городская буржуазия, деревенские кулаки, враждебные социальные слои и группы, а также надеявшиеся покорить советскую республику иностранные интервенты развязали в стране Гражданскую войну, но были разбиты; новая пролетарская власть открыла дорогу для прежде угнетенных масс, в стране началась новая жизнь, зародился новый советский человек». [Никольский, 2023, с. 230]

Лингвисты отмечают, что при смене внешних обстоятельств язык реагирует очень быстро, в том числе расширением своих инструментальных возможностей. «Изменения происходят на всех уровнях языковой системы: фонетика меняется в сторону упрощения, интенсифицируются словообразовательные процессы, словарный запас языка пополняется новыми словами, трансформируется синтаксис. В результате функциональная нагрузка на язык резко возрастает, а внешнее давление способно воздействовать на внутреннюю структуру языка и направленно влиять на его развитие». [Савина, 2023, с. 298] В качестве трансформаций упоминаются активное словообразование существительных с суффиксами *-щина*, *-изм*, *-изация*, злоупотребление канцеляритом, устоявшимися оборотами, свойственными для делового стиля, деархаизацию, усиление экспрессивности, появление неологизмов, появление многочисленных аббревиатур и другие процессы.

Трансформации, происходившие в языке после Октября, нельзя назвать случайными. Как отмечает А. В. Матвеева, «посредством изменения языка возможно перестроить общественное мышление, чем успешно пользуются революционеры, ораторы и представители власти» [Матвеева, 2017, с. 57]. К. В. Зуев считает, что «именно язык становится тем объектом манипулирования, который способен оказать влияние на мышление, мировоззрение населения страны, а также стереотипизировать его поведение» [Зуев, 2005, с. 3]. Одним из способов сознательного воздействия на русский язык с целью организации влияния на его носителей стала после революции 1917 года его идеологизация.

Идеологизация понимается исследователями как «форма контроля за поведением индивида на предмет соответствия идеологическим канонам» [Сучилкина, 2016, с. 29]. Идеологизация подразумевает насаждение определенных идей среди большого количества людей. При этом этот процесс становится еще и мифотворчеством. «С течением времени идеологизация теряет связь с исходным фактом; факт, будучи многократно повторенным, деформированным и превращенным в самостоятельно и независимо от источника существующее смысловое сгущение, образует миф — о глупых и непокорных старообрядцах, о прекрасном правителе государства, об опасных противниках действующей власти» [Загуменнов, 2022, с. 810]. В советское время идеологизация коснулась различных сторон жизни человека, в том числе и языка. Её целью применительно к языку стало «закрепление в массовом сознании особых стереотипов, которые позволили бы манипулировать и обществом в целом, и правящей верхушкой государства» [Сучилкина, 2016, с. 30]. Чтобы дать определение

идеологизации, необходимо понять, что такое идеология, постулаты которой отражает идеологизация. В философском словаре идеология определяется как «система политических, правовых, нравственных, эстетических, религиозных и философских взглядов, в которых осознается и оценивается отношение людей к социальной действительности» [КФС, с. 129-130]. Опираясь на данное определение, мы понимаем идеологизацию языка как его подчинение системе политических, правовых, нравственных, эстетических, религиозных и философских идей, характерных для определённого периода развития общества.

Идеологизация языка осуществлялась в различных сферах его использования, в первую очередь — в газетах. Именно из газет узнавали граждане о происходящем в стране. Газета меняла общественное сознание.

Язык советских газет первых послереволюционных лет рассматривают многие исследователи. В. И. Ким отмечает, что важной его составляющей были лозунги, «находившие живой отклик у советских трудящихся» [Ким, 2015, с. 40]. Т. В. Савина, анализируя язык газеты «Пионерская правда» в 1920-х годах, выявляет в нём негативные оценочные характеристики, типа *предательский*, *хищный*, *лакейский*, *злобный* [Савина, 2018, с. 93], в том числе выражаемые просторечной лексикой (*буржуи*, *буржуйский*) [Там же, с. 94], использование устойчивых ассоциативных словосочетаний типа *властолюбивый пан Пилсудский* [Там же, с. 96] и т. п. Все данные особенности, несомненно, связаны с идеологизацией языка газеты, в связи с которой язык подвергся трансформациям, отражающим «идеологически ориентированную систему координат» [Логунова, 2013, с. 131] и соответствующим сформированной государственной политикой социально-культурной парадигме.

Целью настоящего исследования стало выявление способов идеологизации языка публицистики, влияющих на восприятие читателями действительности.

Предмет исследования можно обозначить как коренные трансформации в лингвистических структурах разного уровня русского языка в период Октябрьской революции. Отсюда уместным было бы поставить в качестве объекта исследования периодическую печать на примере «Красной газеты».

В качестве методов научного исследования применяются поиск и структурирование массива теоретических и практических работ на эту тему. Историко-графический и дескриптивный методы позволили описать реалии, в которых происходили наиболее яркие трансформации языка. Изучение текстов СМИ велось с помощью метода контент-анализа, контекстологического анализа.

Эмпирической базой для исследования стало издание «Красная газета», тщательному анализу подверглись номера с 1 по 296 за 1920 год. Газета объективно отражает произошедшие в обществе и языковом строе изменения, так как является рупором новой идеологии, передовым изданием, в котором в характерной для послереволюционного периода стилистике рассказывается о важнейших событиях. «Красная газета» была создана деятелем российского революционного движения В. Володарским в январе 1918 года и ежедневно выходила до февраля 1939 года. Её издание было инициировано органами ВКП(б) и Петросовета (позже — Ленсовета), и газета стала «вторым по значимости после “Петроградской правды” пропагандистским рупором питерских большевиков» [Измозик, 2010, с. 13].

2. Языковые средства идеологизации в публикациях «Красной газеты»

«Красная газета» была создана деятелем российского революционного движения В. Володарским в январе 1918 года и ежедневно выходила до февраля 1939 года. Её издание было инициировано органами ВКП(б) и Петросовета (позже — Ленсовета), и газета стала «вторым по значимости после “Петроградской правды” пропагандистским рупором питерских большевиков» [Измозик, 2010, с. 13].

Это обусловило то, что газета с самого момента её создания была призвана освещать деятельность молодого советского государства и в первую очередь — события, происходящие в Петрограде. При этом идеологизация газетного пространства достигалась различными средствами, в том числе языковыми.

На страницах газеты мы видим лексические единицы, цель которых — наименование новых явлений жизни, связанных с революцией и революционными изменениями в обществе. Приведём ряд таких лексем, встречающихся в тексте только одной небольшой статьи — «Новый почин петроградских рабочих» [КГ, № 140, с. 2]: *пролетарии, пролетарский, беспартийные, коммунисты, буржуазия, трудящийся, почин* и др. Многие из лексем выступают в составе сочетаний: *петроградские рабочие, рядовой труженик, рабочее движение, красный Петроград, профессиональные союзы, польские паны, подлинный коммунизм, трудовые школы, общепользная работа, переустройство всего мира, великое начинание, партийные организации* и др. Как видим, в структуре лексики, описывающей новые явления, образуются смысловые группы, компоненты которых нередко противоположны по значению: *рабочие, труженики, пролетарии — буржуазия, бывшие владыки мира* и т. п. С помощью таких слов и сочетаний описываются происходящие в стране события, а конкретно в данной статье рассказывается о создании домов отдыха для трудящихся в усадьбах, ранее принадлежавших представителям буржуазии: «*Остров, где роскошествовала богатейшая часть **буржуазии**, стал островом, где отдыхает наиболее уставшая часть **пролетариата***» [Там же]. Особенность этой лексики в том, что она не обладает высокой стилистической окраской, не имеет торжественного звучания, но, тем не менее, передаёт важную для читателя мысль о заботе партии о простом народе, о том, что новая страна — это государство для простых рабочих, а не для элиты.

Данные слова — просто наименования тех реалий, которых стали описываться в газете в связи с изменениями в политической жизни страны, наименования «новых явлений и обстоятельств, потребовавших новых (в том или ином отношении) наименований» [Селищев, 2003, с. 156]. Они становятся инструментами идеологизации в силу того, какие события и реалии описываются с их помощью. Именно данные слова передают читателям мысль о прочности произошедших общественных изменений, о стабильном существовании нового мира, который предназначен для рабочих, для обеспечения их лучшей жизни. Они встречаются практически во всех публикациях газеты: «*...**Рабочие** во всех странах уже достаточно окрепли, чтобы достойным образом ответить в этот день на ненависть, на злобу **капитализма***» («Готовьтесь к 1-му мая!») [КГ, № 90, с. 1]; «*Когда **революционный народ** сверг **буржуазный строй**, все европейские газеты подняли свирепый вой против “хамодержавия” и “республики неграмотных”*» («Народное образование и советская власть») [КГ, № 280, с. 4].

Во многих статьях «Красной газеты», передающих революционный пафос эпохи, встречаются разнообразные образно-выразительные средства. Например, в передовице, посвящённой пятидесятилетию В. И. Ленина, мы видим эпитеты: «*Когда в моменты **беспросветной** тьмы мы колебались, падали духом... наша стойкость выявлялась в нём, переходя от него обратно к нам*»; метафоры: «*Мы выдержали, мы остались **молотобойцами***»; фразеологизмы, в том числе с элементами трансформации: «*Это —*

наш Ленин! **Плоть от нашей плоти, кость от нашей кости**»; риторические вопросы: «И теперь, когда он пишет декреты..., разве это не молотобоец работает на кузнице?» (мы видим здесь, кроме того, один из контекстов употребления развёрнутой метафоры, приведённой выше), в том числе их цепочки: «**Кто не помнит 17-й год? Кто не помнит путиловца, айвазовца, леснеровца** [имеются в виду рабочие Путиловского завода, заводов П. П. Айвазова и Г. А. Леснера]? **Кто не помнит** стотысячную толпу?»; анафора: «А **он** вместе с нами, **он** впереди нас», а также предыдущий пример и фраза «**Это — наш Ленин!**», периодически встречающаяся в тексте в начале абзацев; синтаксический параллелизм: «**Мы его сделали таким — в этом наша гордость, наша честь. Он нас сделал такими — в этом его заслуга, его гений**» [КГ, № 87, с. 1] (С помощью данного приёма подчёркивается взаимное влияние партии и народа, тем самым транслируется мысль об их единстве и неразрывной связи) и другие средства, которые помогают создать приподнятое настроение, передать радость по поводу того, что Ленин «**бодр, здоров, крепок**» [Там же], что он отмечает пятидесятилетие. Статьи подобного типа, наполненные образно-выразительными средствами, экспрессивной лексикой, восклицаниями и лозунгами, призваны укрепить в читателях понимание того, что прошедшая три года назад революция была общей победой и радостью для всего трудящегося народа.

Средства выразительности часто встречаются в заголовках — наиболее сильной части публикации, предназначенной для того, чтобы привлечь внимание читателя, идеологически и эмоционально повлиять на его восприятие того, о чём рассказывает статья. Это могут быть метафора: «**Судьба осколков армии Юденича**» [КГ, № 28, с. 2]; метонимия: «**Молот и плуг — победят!**» [КГ, № 31, с. 2]; гипербола: «**Предсмертная агония и кровавые застенки**» [КГ, № 28, с. 2]; антитеза: «**Победа или смерть**» [КГ, № 28, с. 2]; риторические вопросы: «**Не пора ли?**» [КГ, № 34, с. 4]; риторические восклицания: «**Брать и брать пример!**» [КГ, № 30, с. 1]; вопросно-ответный приём с вопросом в заголовке и ответом в тексте статьи или заметки: «**Что читать?**» [КГ, № 28, с. 4] и т. п. Такие заголовки повышают эмоциональный фон газеты, побуждают читателя испытывать чувства озабоченности, сопереживания, негодования, интереса и др., а значит, повышают идеологическую силу публикаций.

Обращает на себя внимание обилие военных метафор, что связано с существованием государства в условиях гражданской войны: «**Будь на страже, Петроград!**» (КГ, № 98, с. 1), «**Ударные промышленные группы**» (КГ, № 98, с. 4) и др. Действия в тылу позиционируются как составляющая войны, ведущейся на фронтах.

Часть выражений, которые появились в языке газеты как яркие и выразительные, могут превратиться в штампы, стать шаблонными. Например, в заголовках «**Задачи на хлебном фронте**» [КГ, № 20, с. 4], «**Вести с трудового фронта**» [КГ, № 21, с. 1] как наименовании постоянной рубрики, «**На промышленный фронт**» [КГ, № 21, с. 2] мы видим штампы *трудовой фронт, хлебный фронт, промышленный фронт*, построенные изначально на основе военной метафоры — переосмысления слова *фронт*. Встречаются заголовки, в которых сталкиваются прямое и переносное значения данного слова: «**На фронтах военных, — на фронтах труда**» [КГ, № 26, с. 1], что указывает на осознанное обращение авторов газеты с фразами, ставшими шаблонными, и стремление их оживить.

Ещё один пример — шаблонное использование утратившего свою образность сочетания *под знаменем*: «**Под знамя III Интернационала**» [КГ, № 23, с. 2]. Кроме того, шаблонными выглядят заголовки, в которых используются лексемы *контроль*: «**Рабочий контроль и общественное питание**» [КГ, № 24, с. 3], «**Бабий контроль**» [КГ, № 24, с. 4]

или вопрос: «Польский **вопрос**» [КГ, № 27, с. 1], «**Вопрос** продовольственный» [КГ, № 27, с. 3]. А. М. Селищев ещё в 1927 году писал о таких выражениях: «Многие из них имели вначале эмоциональное значение. Но с распространением в широких кругах они утратили эмоциональный оттенок. Употребляясь в речи часто, некоторые из излюбленных слов и сочетаний утратили не только эмоциональную окраску, но и реальное значение» [Селищев, 2003, с. 115].

Как нам кажется, в статьях 1920 года данные выражения ещё не приобрели качества штампа. Для простых рабочих, основной массы читателей газеты, они по-прежнему остаются сильными и востребованными средствами языка, оказывающими большое влияние на них и их воззрения, их представления о ситуации в стране.

Частью языка «Красной газеты» становится канцелярский стиль — «общее название явления в русском языке, заключающееся в том, что слова, присущие официально-деловому стилю, используются в других литературных стилях, а также в разговорном языке. Эти слова, в свою очередь, называют канцеляризмами» [Абаева, 2022, с. 12]. Например: «*Современные условия жизни заставляют обращать особое внимание на физическое состояние детей*» («Охрана здоровья детей») [КГ, № 46, с. 4]. Данное предложение перенасыщено словами канцелярского стиля, которые расположены в каждой из его частей: *современные условия жизни, обращать особое внимание, физическое состояние*.

Негативные свойства данных стилистических элементов несомненны для исследователей. Слова канцелярского стиля обезличивают газетный текст и снижают степень его воздействия на читателя, кроме того, «благодаря канцеляриту сказанное кажется более значительным» [Анисимов, 2019, с. 643]. Однако в газете 1920 года, как нам кажется, они играют ещё одну роль, которую нельзя охарактеризовать однозначно как признак плохого использования ресурсов языка: с их помощью читателям показывают, что жизнь полностью вошла в колею, установилась и развивается согласно определённым принципам и правилам. То есть канцелярский стиль становится средством идеологизации языка, формирования у читателей определённого восприятия действительности.

Разговорная лексика вступает в стилистический контраст с лексикой канцелярского стиля. В статье «Стыдно», рассказывающей о том, что «*некоторые граждане*» отлынивают от уборки придомовой территории с помощью «*всякого рода удостоверений*», читаем: «*Пусть и другие комбеды* [то есть комитеты бедноты, сокращённое слово, признак времени] *не считаются с разными бумажками*» [КГ, № 46, с. 4]. С помощью стилистически сниженного слова бумажки здесь названы сомнительные удостоверения, не являющиеся причинами освобождать от труда: «*Такого рода удостоверения, разумеется, не имеют никакой силы, а потому преподаватель, по просьбе комбеда, был оштрафован за отказ от работы по очистке дома*» [Там же].

Идеологизация проявляется также как искусственная поляризация оценки: плохой — хороший, свой — чужой. Поляризация средств выражения оценки приводит к тому, что высокий стиль используется для повествования «о своих», а низкий — для рассказа «о чужих». Это хорошо видно в следующем примере, где разговорное слово вынесено в заголовок статьи: «*Юденич **проворовался** — и арестован*» [КГ, № 22, с. 1]. Здесь опять же видим не случайное использование стилистически сниженного слова, а выполнение им определённой функции — негативной характеристики поведения генерала Белой армии. Статья призвана показать генерала не лидером белого движения, а вором, присвоившим «денежные суммы армии» [Там же].

Разговорное слово может также стать инструментом сближения автора и адресата текста. Например, во время кампании 1920 года по борьбе с сыпным тифом данное заболевание называется двумя способами: официальным составным наименованием *сыпной тиф* и разговорным словом *сыпняк*. При этом в заголовках, расположенных на одной странице газеты, мы видим преобладание лексемы *сыпняк*: «Сегодня начинается борьба с **сыпным тифом**», «Лекции о мерах борьбы с **сыпным тифом**», «На борьбу с **сыпняком**», «В среду очередного собрания Совета не будет, так как все члены мобилизованы для борьбы с **сыпняком**», «Неделя борьбы с **сыпняком**» [КГ, № 31, с. 3]. Данные заголовки, помимо того, являются ещё одним примером военной метафоры, с помощью которой в газете описывается множество явлений — борьба с белыми, неграмотностью, тифом, мобилизация и др. На этой странице, кстати, встречается также заголовок шаблонного типа, основанный на военной метафоре: «На *сыпном фронте*» [Там же].

Среди морфологических средств языка, способствующих его идеологизации, можно отметить коллективное *мы* — частое использование местоимений *мы* и *наш* для обозначения субъекта, от лица которого написана статья или заметка. Например: «Казалось, безвыходно замкнулся зловещий заколдованный круг кризисов, с каждым днём усиливающих **нашу** разруху» («Широкие возможности») [КГ, № 45, с. 2]; «**Мы**, женщины-работницы и крестьянки всех стран, поняли, что наши интересы связаны с общими интересами всего пролетариата и крестьянства» («Под знамя коммунистического интернационала») [КГ, № 179, с. 4]. Именно таким образом — от первого лица множественного числа — построена большая часть публикаций, причём в некоторых предложениях *мы* можем встретить сразу несколько форм этих местоимений: «**Мы** уверены, что **наши** братья на Западе найдут способ пробраться **к нам** во что бы то ни стало» («Важный шаг») [КГ, № 22, с. 1]. В заголовках встречаются соответствующие формы глаголов 1 лица множественного числа: «*Всё осилим*» [КГ, № 32, с. 3].

Местоимения *мы* и *наш* позволяют авторам статей, во-первых, создавать впечатление, что они говорят от имени широких масс трудящихся, а во-вторых, объединять себя и читателей. В результате применения этого приёма читатель должен почувствовать, что он сам отчасти является выразителем мыслей, которые передаются в статьях и заметках газеты, что газета предназначена именно ему и отражает его живые нужды, что основной целью власти, которая ассоциируется с газетой, являются понимание ключевых проблем читателя, помощь ему, забота о его труде и отдыхе, желание облегчить его жизнь и выразить его интересы.

Большое значение в структуре газеты имеют лозунги, большая часть из которых имеет форму риторических восклицаний и призывов: «Долой разгильдяйство!» [КГ, № 26, с. 3], «Долой разгильдяйство и воровство!» [КГ, № 27, с. 3], «Надо работать!» [КГ, № 27, с. 4], «Пополните наши ряды!» [КГ, № 27, с. 4], «К борьбе и борьбе!» [КГ, № 29, с. 1], «Долой разруху!» [КГ, № 29, с. 3], «Все пойдём на борьбу!» [КГ, № 30, с. 2], «Пусть сгинет разруха! Да здравствует труд!» [КГ, № 31, с. 1], «Мы победим!» [КГ, № 35, с. 2] и др. Лозунги представляют собой заголовки статей, несущих наиболее сильно выраженный идеологический смысл. В. И. Ким отмечает, что лозунги оказывали значительное воздействие на читателей, в большинстве своём малограмотных, и они начинали сами использовать наиболее сильные лозунги в своих письмах в газету и в устной речи [Ким, 2015, с. 38]. Это доказывает их значение как средства идеологизации языка газеты.

3. Выводы

Анализ языка номеров «Красной газеты», вышедших в 1920 году, показал, что в

публикациях газеты использовался целый комплекс языковых инструментов, посредством которых достигалась идеологизация языка. Языковые средства помогали внедрить в восприятие читателя многие важные идеологические постулаты: представления о прочности нового мира, забота государства о простых людях, радость от жизни в советском обществе, единство всех рабочих в борьбе за новую жизнь, равенство всех граждан нового мира, важность нужд простых читателей, выражение в газете общих для авторов и читателей проблем и т. п. В газете проводится осознанная политика языкового сближения с народом и оказания на него с помощью языка идеологического воздействия. Мы наблюдаем, как после революции 1917 года язык публицистики становится одним из средств идеологизации общества.

Идеологизация языка в послереволюционный период, отражённая в «Красной газете», демонстрирует действие внешних законов развития языка, изменение языка под влиянием политических трансформаций общества. Масштабы языковых изменений, несомненно, определяются масштабами политических и идеологических трансформаций. Что бы ни происходило в обществе, язык чутко впитывает это и точно отражает. Однако в языке первых послереволюционных лет мы видим сознательный характер влияния на язык с целью его идеологизации и, как следствие, идеологизации общества.

У исследования языка русских газет первых лет после Октябрьской революции 1917 года большие перспективы. Внимания заслуживают многие черты языка того времени, преломлённые в языке газеты, — военная метафора, образование неологизмов, использование сокращённых наименований и т. п.

Библиография

1. КГ — «Красная газета», 1920, 1—296 [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://rusneb.ru/catalog/000200_000018_RU_NLR_DIGIT_NP_000358/.
2. Копнина Г. А. Канцелярит, или канцелярский штамп / Г. А. Копнина // Эффективное речевое общение (Базовые компетенции). Словарь-справочник; под ред. А.П. Сковородникова. — Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2014. — С. 210.
3. КФС — *Краткий философский словарь* / А. П. Алексеев, Г. Г. Васильев и др.; под ред. А. П. Алексеева. — М.: ТК Велби, Проспект, 2008. — 496 с.
4. Анисимов Ф. Д. Канцелярит как проблема обеднения языков / Ф. Д. Анисимов, Ю. А. Хайретдинова // Научное творчество молодежи — лесному комплексу России : материалы XV Всероссийской научно-технической конференции. — Екатеринбург : УГЛУ, 2019. — С. 643—646.
5. Гао Л. Трансформация лексического состава и средств выразительности русского языка в период после революции 1917 года / Л. Гао // Современная наука : актуальные проблемы теории и практики. Серия : Гуманитарные науки. — 2020. — № 8. — С. 150—156. DOI 10.37882/2223-2982.2020.08.10.
6. Го Ханьвэнь Модернизация лексического состава русского языка в контексте культурной трансформации // Современное педагогическое образование. — 2023. — №10. — С. 357—362.
7. Загуменнов А. В. Русский раскол и русская революция: семиотические модели идеологизации языка и текста // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. — 2022. — №3. — С. 800—814.
8. Зуев К. В. Идеологизация языка в политических, авангардистских и научных текстах начала XX века : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / К. В. Зуев. — Ставрополь, 2005. — 20 с.
9. Измозик В. С. Петербург советский : «новый человек» в старом пространстве. 1920—1930-е годы / В. С. Измозик, Н. Б. Лебина. — Санкт-Петербург : Крига, 2010. — 248 с.

10. Ким В. И. Лозунги в политическом языке раннего советского общества (по письмам в редакцию «Рабочей газеты» 1924-1925 гг.) / В. И. Ким // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия : История России. — 2015. — № 4. — С. 34—44.
11. Крылова М. Н. Язык как динамическая система / М. Н. Крылова // Модели, системы, сети в экономике, технике, природе и обществе. — 2014. — № 1 (9). — С. 189—194.
12. Логунова Н. В. Исторические процессы в лексике русского языка и в семантической структуре слова (на материале региональной прессы 20-30-х годов XX века) / Н. В. Логунова, Л. Л. Мазитова // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. — 2013. — № 6—2. — С. 128—132.
13. Матвеева А. В. Язык революции как инструмент создания нового государства и нового общества / А. В. Матвеева // Русская революция и современный мир : материалы Всероссийской научной конференции. — Нижний Новгород : НГМА, 2017. — С. 57—60.
14. Никольский С. А. Рождение советского человека в восприятии поэтов и писателей современников и участников Революции и Гражданской // Ярославский педагогический вестник. — 2023. — № 5 (134). — С. 229—236.
15. Романова С. А. Язык как отражение социальных изменений в обществе : автореферат диссертации ... кандидата социологических наук : 22.00.04 / С. А. Романова. — Москва, 2002. — 20 с.
16. Савина Т. В. «Пионеры острова Ява» : особенности политического языка газеты «Пионерская правда» (вторая половина 1920-х) / Т. В. Савина // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. — 2018. — № 3 (119). — С. 83—98.
17. Савина Т. В. Русский язык советского типа: к определению понятия // Сибирский филологический журнал. — 2023. — № 1. — С. 297—310.
18. Селищев А. М. Язык революционной эпохи. Из наблюдений над русским языком (1917—1926) / А. М. Селищев. — Москва : Работник просвещения, 2003. — 248 с.
19. Синявская С. П. Язык революции и революция языка / С. П. Синявская // О России с любовью. Лики России : материалы II международного межвузовского форума. — Санкт-Петербург : СПИВЭСЭП, 2017. — С. 311—315.
20. Сучилкина Е. В. Значение языка в советской идеологии / Е. В. Сучилкина // Человек, общество и государство в современном мире : сборник научных трудов международной научно-практической конференции. — Пенза : ПГТУ, 2016. — С. 29—33.
21. Ткебучава И. Г. Влияние языка на формирование социальных структур // Экономика и социум. — 2023. — № 12 (115) — С. 981—985.
22. Хазагеров Г. Г. Риторика тоталитаризма : становление, расцвет, коллапс (советский опыт) / Г. Г. Хазагеров. — Ростов-н-Дону : Foundation, 2012. — 278 с.
23. Цахилов Т. О. Идеологизация как основа программной деятельности политических партий: история и современность / Т. О. Цахилов // Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени К. Л. Хетагурова. — 2015. — № 4. — С. 85—89.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

На рецензирование представлена статья «Идеологизация русского языка после революции 1917 г. (по материалам «Красной газеты)».

Язык постоянно видоизменяется и адаптируется к актуальным культурным и социальным условиям, появляются новые формы и номинации, это особенно ярко проявляется в период общественных трансформаций. Предмет исследования – изменения языковых параметров стиля публицистики в условиях такого сильнейшего экстралингвистического

фактора как революция 1917 г., направленной на изменение государственного строя.

Методология исследования основана на сочетании теоретического и эмпирического подходов с применением методов анализа, обобщения и синтеза.

Актуальность исследования обусловлена тем, что язык является средством формирования государственной политики и выражения идеологических принципов. Трансформация языковых параметров стиля публицистики особенно проявляется в периоды потрясений: под влиянием политических трансформаций общества активизируется воздействующая функция языка, который становится главным оружием формирования мышления общества, с его помощью власть распространяет свою идеологию на все сферы общественной и культурной жизни. Изучение русского языка после революции 1917 г. позволяет лучше понять мировоззрение населения страны, а также рассмотреть способы стереотипизации массового поведения.

Научная новизна обусловлена важностью исследования способов идеологизации языка публицистики, влияющих на восприятие читателями действительности в переломные моменты в жизни общества. Рассмотрение изменений языковых параметров стиля публицистики на материале «Красной газеты» позволяет установить тенденции, связанные с вербальным выражением идеологических установок. Кроме того, для понимания современных языковых процессов, необходимо рассмотреть влияние общественных трансформаций на русский язык в предыдущие этапы его развития.

Стиль изложения научный, структура, содержание. Статья написана русским литературным языком. Структура рукописи включает следующие разделы: введение (содержит постановку проблемы, дан краткий обзор теоретической базы исследования, сформулирована цель исследования); языковые средства идеологизации в публикациях «Красной газеты» (указан источник эмпирического материала, на основе его анализа автор рассматривает языковые средства, присущие языку русских газет после Октябрьской революции; теоретические измышления автора подкреплены фактическими данными, для наглядности приведены иллюстративные примеры); выводы (автор делает общие выводы об идеологизации языка в послереволюционный период); библиография (включает 18 источников).

Выводы, интерес читательской аудитории.

Статья будет интересна тем, кто занимается исследованием влияния средств массовой информации на мировоззрение населения. Практическая значимость исследования состоит в возможности использования его материалов на курсах стилистики русского языка при изучении становления и развития жанра публицистики.

Рекомендации автору:

1. В статье не сформулированы объект, предмет и методологические основы проведенного исследования.
2. Источники эмпирического материала лучше указать во введении, кроме того, стоит аргументировать выбор «Красной газеты», а также указать объем эмпирического материала.
3. Необходимо уделить большее внимание обзору и анализу современных научных работ, теоретический анализ именно современных источников является недостаточным.
4. Библиографические описания некоторых источников нуждаются в корректировке в соответствии с ГОСТ и требованиями редакции. Необходимо перепроверить использование п-тире и m-тире.
5. Стоит расширить библиографию, в том числе увеличить долю отечественных и зарубежных работ за последние 3 года.
6. В начале статьи приведено много небольших цитат, уместнее использовать парафраз. Кроме того, необходимо оформить ссылки в соответствии с требованиями редакции.
7. В заключении было бы уместно привести данные о частотности языковых средств,

присущих языку русских газет первых лет после Октябрьской революции 1917 года. Материал представляет интерес для читательской аудитории, но требует доработки, после чего может быть опубликован в журнале «Litera».

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемая статья посвящена коренным трансформациям в лингвистических структурах разного уровня русского языка в период и после Октябрьской революции 1917 года. Предмет исследования достаточно актуален и определяется тем, что язык — динамичная система, которая постоянно изменяется под действием внутренних законов и внешних процессов; наиболее действенными внешними факторами развития языка становятся кардинальные политические, экономические и социальные трансформации, происходящие в обществе. Отмечается, что «один из таких периодов русский язык переживает и в настоящий момент, начиная с 1990-х годов, когда произошло изменение политического строя и вступили в силу связанные с ним процессы». Чтобы лучше понимать современные языковые процессы, необходимо изучать влияние общественных трансформаций на русский язык в предыдущие этапы его развития. Эмпирической базой для исследования стало издание «Красная газета» (номера 1-296 за 1920 год). Газета объективно отражает произошедшие в обществе и языковом строе изменения, так как в свое время являлась «рупором новой идеологии, передовым изданием, в котором в характерной для послереволюционного периода стилистике рассказывается о важнейших событиях».

Теоретическую основу научной работы составили труды таких российских и зарубежных исследователей, как М. Н. Крылова, Н. В. Логунова, Л. Л. Мазитова, А. В. Матвеева, С. А. Романова, А. М. Селищев, С. П. Синявская, Е. В. Сучилкина, Г. Г. Хазагеров, Т. О. Цахилов, Т. В. Савина, Л. Гао, Го Ханьвэнь и др. Библиография включает 23 источника, соответствует специфике изучаемого предмета, содержательным требованиям и находит отражение на страницах статьи. Все цитаты ученых сопровождаются авторскими комментариями. Методология исследования определена поставленной целью («выявление способов идеологизации языка публицистики, влияющих на восприятие читателями действительности»), носит комплексный характер: применяются общенаучные методы анализа и синтеза, поиск и структурирование массива теоретических и практических работ; историографический и дескриптивный методы (для описания реалий, в которых происходили наиболее яркие трансформации языка); метод контент-анализа и контекстологический анализ.

Обобщив теоретический материал и проанализировав язык номеров «Красной газеты» за 1920 год, автор(ы) установили, что «в публикациях газеты использовался целый комплекс языковых инструментов, посредством которых достигалась идеологизация языка»; выявили языковые средства, которые «помогали внедрить в восприятие читателя многие важные идеологические постулаты: представления о прочности нового мира, забота государства о простых людях, радость от жизни в советском обществе, единство всех рабочих в борьбе за новую жизнь, равенство всех граждан нового мира, важность нужд простых читателей, выражение в газете общих проблем и т. п.». Основываясь на результатах исследования, автор(ы) делают выводы о том, что в «Красной газете» проводится осознанная политика языкового сближения с народом и оказания на него с помощью языка идеологического воздействия. После революции 1917 года язык публицистики становится одним из средств идеологизации общества.

Выводы отвечают поставленным задачам, сформулированы логично и отражают содержание рукописи.

Теоретическая значимость работы состоит в том, что полученные результаты вносят вклад в углубление теории дискурса, изучение общественно-политического и публицистического дискурса, выявление специфики идеологизации русского языка после 1917 года. Практическая значимость исследования заключается в том, что его материалы могут применяться в курсах по общему языкознанию, лингвистике текста и теории дискурса, прагмалингвистике и социалингвистике и использоваться в последующих научных изысканиях по заявленной проблематике.

Представленный в работе материал имеет четкую, логически выстроенную структуру. Стил ь статьи отвечает требованиям научного описания. Рукопись имеет завершенный вид; она вполне самостоятельна, оригинальна, будет интересна и полезна широкому кругу лиц и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Артаев С.Н., Шурунгова Б.А., Пюрбеев Г.Ц., Биткеев П.Ц. Визуальное коммуникативное поведение и взгляд в этикете (на примере коммуникативного поведения калмыков) // Litera. 2024. № 12. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.12.72512 EDN: ZVQYZM URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=72512

Визуальное коммуникативное поведение и взгляд в этикете (на примере коммуникативного поведения калмыков)

Артаев Сергей Николаевич

доктор филологических наук

доцент, институт калмыцкой филологии и востоковедения; Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова

358000, Россия, республика Калмыкия, г. Элиста, ул. Эсамбаева, 1

✉ artaevsn@yandex.ru

Шурунгова Болха Алексеевна

ORCID: 0000-0001-5064-0661

кандидат филологических наук

доцент, институт калмыцкой филологии и востоковедения; Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова

358000, Россия, республика Калмыкия, г. Элиста, ул. Номто Очирова, 40 А

✉ bolha2009@yandex.ru

Пюрбеев Григорий Церенович

доктор филологических наук

профессор; отдел языкознания; Калмыцкий научно-исследовательский институт

101000, Россия, республика Калмыкия, г. Элиста, ул. Эсамбаева, 1

✉ pyurbeev@yandex.ru

Биткеев Петр Цеденович

доктор филологических наук

профессор; институт калмыцкой филологии и востоковедения; Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова

358000, Россия, Калмыкия область, г. Элиста, ул. Горького, 18

✉ bi.petr37@yandex.ru

[Статья из рубрики "Коммуникации"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2024.12.72512

EDN:

ZVQYZM

Дата направления статьи в редакцию:

29-11-2024

Дата публикации:

27-12-2024

Аннотация: Авторы подробно рассматривают такие аспекты темы, как визуальное коммуникативное поведение и роль взгляда в этикете калмыков. В работе анализируются особенности невербальной коммуникации, в частности, использование взгляда в различных социальных контекстах с учетом культурных, религиозных и исторических факторов. Невербальные средства общения не только дополняют смысл речевого сообщения, но и полностью характеризуют личность говорящего. Эти речевые сообщения универсальны, но в то же время и этноспецифичны, что определяется географическим расположением, религией, национальным характером и социальными нормами поведения. Подробно на примере произведений калмыцких писателей рассматриваются виды и типы взгляда в калмыцком коммуникативном поведении. Авторы выявляют специфические черты калмыцкого этикета, связанные с визуальной коммуникацией, и рассматривают их значение в рамках традиционной культуры и современного общества. Методами исследования явились систематические длительные наблюдения за поведением калмыков в различных социальных контекстах – это семейные праздники, каждодневные обеды и ужины, религиозные церемонии и повседневное общение. Научная новизна исследования заключается в комплексном анализе визуального коммуникативного поведения и значения взгляда в традициях калмыцкого этикета. Впервые рассмотрены уникальные аспекты невербальной коммуникации, включая зрительный контакт, жесты, мимику и их символическое значение в калмыцкой культуре. Исследование выявляет их роль в поддержании социальной иерархии, выражении уважения и соблюдении традиций. Данная работа расширяет представление о межкультурной невербальной коммуникации и вносит вклад в этнолингвистику и антропологию, предоставляя уникальные данные о калмыцком этикете, ранее недостаточно изученном в научной литературе. Использование взгляда в калмыцкой невербальной коммуникации имеет ритуальное значение в определенных ситуациях, таких как семейные праздники, религиозные обряды и официальные встречи, где зрительный контакт регулируется строгими правилами. Также авторы пришли к заключению, что калмыцкий визуальный этикет является средством сохранения культурной идентичности и позволяет сделать вывод о том, что калмыцкий этикет — это динамичная система, которая способна адаптироваться к современным условиям, сохраняя при этом свои традиционные черты.

Ключевые слова:

коммуникативное поведение, невербальные средства общения, национальный характер, жест глаз, особенности взгляда, мимический жест, этикет, визуальные знаки, пристальный взгляд, выражение

О том, что некоторые мимические движения являются национально обусловленными, присущими именно представителям одной культуры, на сегодняшний день, написано немало научных статей, проведено множество исследований. В настоящей работе рассматривается один из ярких моментов калмыцкого невербального коммуникативного поведения, а именно взгляд или жест глаз и визуальные знаки. «Глаза и выражения глаз играют важную роль не только в невербальном отражении человеческих эмоций, но и в передаче другой, в смысловом отношении весьма разнообразной информации. Сегодня нет никаких сомнений в том, что в пределах одной культуры и одного языка жестов жесты глаз, или визуальные знаки, неизменны в том смысле, что имеют в них постоянное значение», - пишет в своем исследовании Г.Е. Крейдлин [\[1\]](#).

Взгляд непосредственно связан с речью, и является средством установления контакта и дает четкое представление о национальном менталитете и национальном характере калмыков.

Тем не менее, у разных наций разное использование взгляда. Лабунская В.А. отмечает, что: «Современные этнографы говорят, что все цивилизации можно разделить на две в зависимости от направленности взгляда. У одних взгляд при разговоре направлен в глаза собеседника. Это арабы, латино-американцы, европейцы (хотя длительность взгляда у них разная: так, шведы и русские смотрят дольше и больше, чем, например, англичане). У других народов невежливо смотреть прямо в глаза, а поэтому взгляд направлен в сторону. Если встречаются представители этих двух цивилизаций, то каждый понимает взгляд по-своему» [\[2\]](#).

Направленный прямо в глаза взгляд русских воспринимается многими восточными народами как невежливость, дерзость, а взгляд этих народов в сторону воспринимается русскими как стеснительность или нежелание быть искренними. Таким образом, контакт начинается уже на несловесном (невербальном) уровне, и уже на этом уровне может начинаться взаимное непонимание людей разных культур [\[3, 4\]](#).

Также, следует отметить, что в последнее время появились исследования, доказывающие, что визуальное коммуникативное поведение носит гендерный характер, подчиняется принятым в конкретной лингвокультуре правилам этикета и относится к важным невербальным сигналам [\[5\]](#). «Через культурный и гендерно-специфичный зрительный код передается от 80% до 90% информации. В лучшем случае недопонимание, а иногда и конфликт в межкультурном коммуникативном акте связан с разными нормами глазного поведения», - говорится в исследовании Дутовой Н.В. [\[6\]](#).

Предметом исследования в данной статье являются некоторые жестово-мимические особенности невербальной коммуникации и их роль в системе национально-специфических стереотипов поведения калмыков.

Целью настоящей работы является изучение национальных особенностей взгляда.

Основными методами исследования явились: описательный метод, непосредственное наблюдение и метод анкетирования.

Так что же может означать взгляд в поведении калмыков? Рассмотрим виды или типы взгляда, на примерах из художественных текстов.

В калмыцком языке существует большое количество словосочетаний с помощью которых

можно идентифицировать различные ситуации, связанные с жестом глаз, сюда следует отнести и устойчивые фразеологические сочетания, например шүрүн хэлэц «жесткий взгляд»: Зургтан Булһаш йир шүрүн хэлэцтәһәр, уурта бөөдлтәһәр һарч [ТХ] «На фотографии Булгаш вышла с жестким взглядом и очень сердитой»; Күүкнә шүрүн хэлэцәс яһад зуг өвгд уралан һарснь алдрсн уга [33] «От жесткого взгляда девушки не ускользнуло, что только старики вышли вперед».

Взгляд в коммуникативном поведении калмыков может быть веселым и радостным, доверчивым и чистым: Көвүн һоорад зогсад, костюман хойр-һурв хормаһарнь дарж, итклтә хэлэцәр директориг хэләв [АБ] «Мальчик выпрямившись, поправив несколько раз свой костюм, посмотрел на директора доверчивым взглядом».

Очень часто можно наблюдать и прямой взгляд һо хэлэц. Такой взгляд выполняет важные социальные и коммуникативные функции, отмечает Г.Е. Крейдлин [11]. Адресат всегда обращает внимание на прямой взгляд в глаза, обычно трактуя его как взгляд вызова, как взгляд гипнотический или агрессивный: Йир уралһ, һо хэлэцтә көвүн сууна [ТХ] «Мальчик был очень проворный, с прямым взглядом».

Как и глаза, взгляд часто характеризуется в текстах с помощью температурных прилагательных, бывая то холодным, выражая «отчужденность» или «агрессивность», то теплым, передавая «симпатию» или «любовь». Например, такое словосочетание как киитн нүдәр хэлэх букв. «смотреть холодными глазами» означает, что у человека неприветливый, нехороший взгляд и ничего хорошего от него не жди: Орж ирхләнэ эс хэләсн Сергей Филиппович, ода унтржәх нүдән парторг тал зөрүлчксн, киитн хэлэцәр хэләжәнә [33] «Войдя, он увидел не посмотревшего Сергея Филипповича, который смотрел потухшими глазами и холодным взглядом на парторга».

Или бүлән (бүлән) нүдәр хэлэх букв. «смотреть теплыми глазами», жөөлн нүдәр хэлэх букв. «смотреть теплыми глазами» характеризуют наоборот доброжелательное отношение: Эк-эцкнь өөрнь уга гиж өр өвдсн, жөөлн хэлэцән медэтә зәрм күүкд улс энүнд тусхадг бөөсмн [ТЭ] «Некоторые пожилые женщины окидывали его сочувствующим теплым взглядом из-за того что не было рядом с ним его родителей».

Мимический жест нүдән бултулх «прятать глаза» означает стыдливость, смущение, скромность или же свидетельствует о послушании, смирении: Булһн нүдән бултулад Санлур өөрдж, костюминнь товч көндәж хэрү өгв [ТХ] «Булгун пряча глаза, подошла к Саналу и потрогав пуговицы своего костюма, стала отвечать».

Острым или остановившимся взглядом не только смотрят, но и впиваются [7, 8]. В калмыцком языке это передается словосочетаниями хурц хэлэц «острый взгляд» или ширтсн хэлэц «пристальный взгляд»: Түрүн партас хурц хэлэцтә, эвтәкн хувцта Шинә босад, Санлла цацурад зогсв [ТХ] «С первой парты вышла остроглазая и аккуратно одетая Шиня и остановилась возле Санала»; – Эндрк йовдлын тускар бас шишлң күүндвр кехвидн, – болж хойрдгч курсин һардач Нарн Шараевич келәд, деканур лавта хэлэцәр ширтж хэләв [ТХ] «О сегодняшнем случае у нас еще будет отдельный разговор, – сказал куратор второго курса Наран Шараевич и посмотрел на декана убедительным и пристальным взглядом».

Также синонимом выражения ширтж хэлэх «пристально смотреть» можно считать и выражение нүдән хөөһүллго «смотреть, не отрывая глаз своих»: – Чик, чик. Чамас нүдән хөөһүлхш, маниг болхла, чонын кичг кевтә, чикәр хэләхш, – гиж Сергей келв [ЭБ] «Правильно, правильно. От тебя он глаз не отрывает, а на нас смотрит как волчонок, -

сказал Сергей».

Некоторыми взглядами можно оценивать или переоценивать, переосмысливать прошедшее. В нижеприведенных примерах это предается с помощью прилагательного ондан «другой»: Арвн хойр нас зүүтлэн, Дорж иим бээдл дотр өссн бийнь, эндр эврэ бээрэн ондан хэлэцэр хэлэж, бийдэн, ах-дүүнртэн уурлв [ТХ] «Дорджи, хоть и проживший здесь до двенадцати лет, сегодня посмотрев на своё жилье другим взлядом, разозлился на себя, на своих братьев».

В обычном бытовом общении люди часто пользуются глазами для достижения своих целей. С помощью глаз, например, передаются такие разнообразные по своему характеру устремления и цели, как установление контакта, недовольство, выяснение отношений и др. [9, 10]: Эннь Доржин сээнэр меддг, энүнд дегд эңкр, болв дэкж үзгдшго, тегэд чигн дегд үнтэ хэлэц бээсмн [ТЭ] «Это был взгляд очень знакомый для Дорджи, очень милый и больше которого он не увидит, и от этого он становился еще дороже».

Глаза и взгляды могут выражать обиду һундл: Көвүн толһаһан зээлэд, һундлта нүдэр күүкнүр хэлэв [hX] «Мальчик, покачив головой, посмотрел обиженным взлядом на девочку».

Это значение также может передаваться фразеологизмом со значением «со слезами обиды» нүдндэн доһлң нульмста йовх букв. «С хромыми слезами»: ...Зуг көвүнэ чирэднь: ичр, бийэсн цөкрсн башр хэлэц, бээсн чидл-күчэн баглад авсн шиидвр, ицлт, арһан барсн аш сүл сурвр, һундл - цуг бичэтэ [АШ] «...Но на лице у юноши: и стыд, и взляд, ненавидящий себя, и твердое принятое решение, и надежда, а также обида от бессилия и последний вопрос»; – Көл нүцкэр өрлэ хуцмуд хэрүлж һарна гидг. Тиим саамла, нөөрмү гилтэ, нүдндэн доһлң нульмста һарад йовдг билэв [ЧХ] «Босиком рано утром выгонять на пастбище баранов. В это время я всегда выходил со слезами обиды на глазах».

Глазами можно «есть или пожирать» нүдэрн идх. В этом случае, скорее всего, можно отметить, что это калькированное выражение, вошедшее с русского языка: Ноһала болхла, Савриг нүдэрн иджэнэ [ТХ] «Ногала же съедает взлядом Савра».

Страх перед чем-либо или состояние боязливости, также как и русском языке, нередко передается словосочетаниями в которых используется слово нүдн «глаз, глаза». Это можно увидеть, например, в калмыцких пословицах: Нүдн ээхэс биш, һар ээдмн биш «улаза бояться, а руки нет» или Нүдн ээмтхэ, зүркн зөргтэ «глаза трусливы, сердце отважно».

В своих исследованиях известный монголовед Г.Ц. Пюрбеев отмечая многозначность слова нүдн, пишет, что помимо основного перевода «глаз, глаза» этот термин имеет еще и такой перевод как «надзор, присмотр» [11]: Эн кергин төлэ сэн нүдн кергтэ «Для этого дела нужен хороший глаз (присмотр)». Примеры такого рода довольно часто встречаются в речи калмыков и это вполне устоявшиеся, понятные всем формулировки, например, такие как нүдн-амн болх «про-являть заботу, ухаживать за кем-либо». В данном сочетании помимо слова нүдн «глаз, глаза» присутствует слово амн «рот», что в буквальном переводе звучит как «быть глазами и ртом». Фразеологический оборот нүдн-амн болх переводится и объясняется еще и как оказание услуги, помощи или опеки над кем-либо: Хэрсн цагтан, Цаһан минь, аакиг хэлэжэ, нүдн-амн болжа [БЦ] « Поедешь домой, Цагана моя, позаботься об ааке, помоги ей»; Харла, хэрэд күрч ирвч? – гиж Жал эклв. – Чи ода гертэн бээх күн. Верад нүдн-амн бол [ХМ] «Харла, ты вернулась домой? –

начал Джал. – Теперь ты будешь дома, помогай Вере».

Фразеологические выражения Нүдэн өгх, нүдэн-чикэн өгх, нүдэн тэвх букв. «положить глаза, глаза-уши», имеющие значение присматривать, обращать внимание, поглядывать, следить, также являются очень распространенными в речи калмыков: – Не, Корсадг, би йовад, атамана тал одад, эмтнэ күүндэ чиңнэд, урн Гаврилин тускар медж үзсв. Тадн энд бас нүдн-чикэн өгн бээтн [СЭ] «Ну, Корсадг, я схожу к атаману, послушаю о чем говорят люди, попробую узнать о мастере Гавриле. А вы тут тоже прислушайтесь».

Выражение нүд авлм используется когда речь идет о чем-то или о ком-то очень красивом, очаровательном от которого невозможно оторвать глаз: Зальнь, күүнэ нүд авлм сээхн: зүсн-зүүлин өңг һарч солңтрад, күүнэ нүднд эрэлжлэд бээнэ [БЦ] «Пламя его такое, что невозможно глаз отвести: переливается всеми цветами радуги»; Далдһр сээхн чеежтэ, дорк ормасн хасн сумн мет хурдар одм кецтэ, дүринь үзсн күүнэ нүд авлм хацта харцх - тунжур тиим үлгүр дүңцүл боллго бээшго санж [АГ] «Такой пример не возможно ни с чем сравнить – С широкой красивой грудью, быстрый как пуля, ястреб, от которого невозможно оторвать взгляда»;

Также о ком-то или о чем-то приятном на вид говорят, используя выражения нүднэ кеерүл, күслин килэсн: – Эңкр иньг минь! Кирухэ минь! Нүднэмн кеерүл, күслин килэсн минь! [БО] «Любимый мой! Кирюха мой! Услада глаз моих!».

У калмыков есть пословица Өндр толһа деер һархла, нүднэ хужр хандг, өвгн күүнлэ күүндхлэ, чикнэ хужр хандг «С высокого кургана смотреть – глазам приятно, беседовать со старцем – слуху приятно». Выражение Нүднэ хужр хаңһах «получить наслаждение от увиденного» использовалось при описании чего очень приятного для глаз, для зрения: Ода эн цуг делкэн нүдни хужр хаңһасн ик, сээхн балһснд ирэд, терүнэ дунд орн-нутгин сән шин тоотинь цуглулчксиг үзжэх тосхачд эврәннь нүдэн иткл уга бэм дүңгэ болж медгдв [ТЭ] «Теперь приехав в этот город, увидев все эти, приятные взору вещи, он до сих пор не мог поверить своим глазам, что видит все это в реальности»; Тернь эгл нүднэ хужр хаңһахар йовжах инспекторск эрглһн биш бээсмн [АГ] «Это была не просто прятная взорау инспекторская проверка».

Фразеологизм нүд гердх означает слежку за кем-нибудь, высматривание или выжидание кого-либо: Бата хөөһән услад, кевтүлчкэд, герүрн орж ирхлэрн, оньдинд одаксин нүд гердэд, гилң-гилң гиһэд, хавтаһад, бултад һардмн [ҺХ] «Бата напоив овец и войдя в дом, всегда следил внимательным взглядом за всеми, поблескивая глазами».

С помощью выражения нүд үзх передается значение зависти: – Яһжах улсвт, күүнэ һанцхн гесән тежэжэх шургт нүд үзэд бээх. Энтн һазам малм болад, һартм үрм болад бээснь эн гив [Хальмг тууль] «Что вы за люди, завидовать человеку у которого единственная гончая собака, с помощью которой он зарабатывает себе на пропитание. Это мой единственный друг и помощник».

Мимический жест подмигивать глазом нүдэн чирмх, подавать знаки с помощью глаз распространен не только среди калмыков, но и среди других народов. Также следует отметить, что таким образом также и передается значение действия, которое совершилось очень быстро, в одно мгновение: – Нүдн чирмх хоорнд колхоз бүрдөһэд оркж болш уга [КК] «Нельзя создать колхоз в одно мгновение»; Эн хоорндаһур пирств нүдэн чирмэд оркв, хазг «хэ-хү» гиһэд һарад йовж одв [Мһ] «В это время пристав моргнул глазом и казак вышел, что-то бормоча под нос»; Хоңхта дуһута хойр хоңһр һалзн хойр талагшан хаяд, постромкан шүүрэд, көндрэд һарв. Нүдн бүрд, чикн сард гив, хамаһур тер хотнд күрч ирснь медгдсн уга [ҺХ] «С колокольчиками в упряжке два

саврасых, хватая постромки только тронулись в путь, и тут же непонятно, как оказались в этом поселке».

С помощью словосочетаний, выражающих такие понятия как взгляд, зрение или глаза можно и охарактеризовать человека. Выражение нүдэрн нэзр эс үзх означает «задирать нос, задаваться букв. не видеть глазами землю»). Или еще одно сочетание, характеризующее еще одно качество человека нүр-чирэ хэлэх «лицеме-рить». Такого рода примеры хоть и не очень часто, но все же встречаются в разговорной речи и в художественных произведениях.

Следует рассмотреть еще одно сочетание, имеющее устойчивый смысл и очень часто используемое в речи калмыков, такое как нүдн күрх «сглазить»^[12]. Буквально это выражение переводится как «глаз или зрение достигло или добралось». Обычно говорят күүнэ нүдн күрч «чужой глаз или зрение достигло»: Өвгн, отхн көвүн наадна күн болш уга гиж келчкэд, күүнэ нүдн күрхнх яахв гиж санад, тьфу, тьфу... көлм унтрад бээж гиһэд, ханзан ормдан мартад, орн талан һарв [hX] «Старик, сказав, что его младший сын не будет простым человеком, подумал, что его могут сглазить, тьфу, тьфу...сказав, что ноги отнимаются и забыл трубку, направился к своей кровати».

Удивленный взгляд или мимолетный взгляд в калмыцком языке передается очень часто с помощью образных слов. Такие слова отражают конкретно те свойства, которые присущи именно этим предметам и явлениям, а не взяты со стороны ^[6]. Здесь главную роль играют характерность признака, его эмоциональность, образность. Каждое образное слово имеет определенную, присущую только для него область применения. Например, слово ормах «смотреть удивленно, вытаращив глаза»: Сурһульчнр цуһар дегц ормасн бослдад, багшур ормалдж хэлэцхэв [АБ] «Ученики одновременно встали со своих мест и удивленно посмотрели на учителя»; Ширэн ард дегтрмүд умшч суусн һурвн көвүн дегц Савр тал ормалдж хэлэцхэв [ТХ] «Читавшие за столом книги три мальчика одновременно с удивлением посмотрели на Савра»; – Болв тосхлтин материал альд бээнэ? - гиж, материал угаһинь меддг Алексей ахлач, ах инженер хойрур алң болсн хэлэцэр хэлэж сурв [ТЭ] «Но где же строительный материал? – Алексей, заранее зная что его нет, спросил удивленно глядя на начальника и главного инженера».

Это могут быть также и одиночные образные слова или удвоенные образные слова типа гилс-гилс гих «смотреть, поблескивая глазами». Такие сочетания употребляются в речи в основном в сопровождении служебного глагола гих «говорить»: Энтн үннмб аль худлв, гих бээдл һарад, Бата арһул босад, ээжэх кевтәһәр, гилң-гилң гиһэд Муузра тал нег хэләһэд, Цаһан тал нег хэләһэд ор түшэд зогсв [hX] «Бата осторожно встав, недоверчиво, с опаской посмотрев, поблескивая глазами то на Муузру, то на Цаһан», оперся на кровать; Энчн альвлл уга кинэд, сээнәр сурхла бээрнд күртэд одхм маһд уга, - гиж санад, Бата уурлулжасн көвүн тал гилс гиж дораһур хэлэв [hX] «Если он не балуясь будет хорошо учиться, то может и получить жилье, подумал Бата и посмотрел снизу блеснув глазами на рассердившего его мальчика».

По своей структуре и звуковому составу одиночные образные слова совпадают со звукоподражательными словами и обозначают моментальность, одномоментность действия, в данном случае брошенного взгляда ^[7]. Например, кулс гиж хэлэх «бросить мимолетный взгляд»: Зурхач даальндан нег кулс гиж хэлэчкэд, берин чирэ хэлэв [hX] «Астролог кинул взгляд в свою сумку и посмотрел на молодую замужнюю девушку»; Хая-хая күргн тал кулс гиһэд дораһар хэләһэд оркна [hX] «Изредка исподтишка бросает взгляд в сторону жениха»; Сарул сээхн школ, шууглдад, көөлдэд нааддг көвүд, күүкд

сананднь орад, нүднднь үзгдэд, жирс-жирс гиһэд жирлһн болад жирлзнэ [АБ] «Перед глазами, словно мираж пробежали воспоминания: школа, бегающая с шумом друг за другом детвора».

Взгляд передается и с помощью лексем, создающих образные представления о внешнем и внутреннем состоянии человека, например кулыһэд хэлэх «смотреть косо (недружелюбно)»: «Ода йир яһнат, тана дурн» гисн бээдлтәһәр, Бата дораһур кулыһэд хэләжәһэд, ээрстә нег көлән көл деерән тәвэд, ор түшэд, кецәлдэд зогсжана [hX] «Что теперь будете делать, ваше право» с таким видом Бата исподлобья окидывая всех недружелюбным взглядом, стоял, привалившись на кровать, заложив ногу за ногу».

Итак, опираясь на вышеприведенные примеры можно сказать, что взгляд играет немаловажную роль в невербальной коммуникации калмыков. С помощью взгляда или того или иного состояния глаз передаются разнообразные по характеру устремления и цели, такие как, например, установление контакта, недовольство, выяснение отношений и т.д. Взгляд может характеризоваться и с помощью образных слов. Это могут быть одиночные или удвоенные образные слова, совпадающие по структуре и составу со звукоподражательными словами.

Кроме многочисленных случаев употребления слов хэлэц, харц «взгляд», нүдн «глаза», идентифицирующих ту или иную ситуацию, обнаружено большое количество словосочетаний, от простых синтаксических до фразеологически устойчивых.

Библиография

1. Крейдлин Г. Е. Жесты глаз и визуальное коммуникативное поведение // Труды по культурной антропологии. М.: Восточная литература, 2002. С. 236–251.
2. Лабунская В. А. Невербальное поведение. Ростов-на-Дону: Изд-во Рост. ун-та, 1986. С. 135.
3. Прохоров Ю. Е., Стернин И. А. Русские: коммуникативное поведение. М.: Гос. ин-т рус. яз. им. А. С. Пушкина, 2002. С. 277.
4. Стернин И. А. Модели описания коммуникативного поведения. Воронеж: Полиграф, 2000. С. 135.
5. Владимирова Т.Е. Межкультурная коммуникация: лингвистический аспект. // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2012. № 2. – С. 7-12.
6. Дутова Н.В. Лингвокультурный универсализм в гендерном невербальном коммуникативном поведении. // Филологические науки. Вопросы теории и практики Тамбов: Грамота, 2015. № 10 (52): в 2-х ч. Ч. II. С. 92-94.
7. Есенова Т. С. Очерки по лингвокультуре калмыков. Элиста: Изд-во КалмГУ, 2012. С.160.
8. Манджикова Б. Б. О семантике образных слов // Глагол и отглагольные формы современного калмыцкого языка. Сборник научных статей. Элиста, 1979. С. 181–186.
9. Пюрбеев Г. Ц. Исследования по языкам и культуре монгольских народов. Сборник избранных статей. Элиста: Изд-во КалмГУ, 2015. С. 496.
10. Сергеева А. В. Русские. Стереотипы поведения, традиции, ментальность. М.: Флинта Наука, 2006. С. 320.
11. Пюрбеев Г. Ц. Речевой этикет и язык жестов у калмыков и монголов // Национально-культурная специфика речевого общения народов СССР. М.: Наука, 1982. С. 117–123.
12. Бардаев Э. Ч. Современный калмыцкий язык. Лексикология. Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 1985. С.153.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В рецензируемой статье предметом исследования выступают жестово-мимические особенности невербальной коммуникации и их роль в системе национально-специфических стереотипов поведения калмыков. Отмечается, что «некоторые мимические движения являются национально обусловленными, присущими именно представителям одной культуры», «взгляд непосредственно связан с речью, и является средством установления контакта и дает четкое представление о национальном менталитете и национальном характере калмыков». Актуальность данной работы обусловлена интересом современной науки к изучению традиционной народной культуры, осмыслению механизма ее функционирования, к единицам транслирования культурной информации. Коммуникативное поведение отличается несомненной национальнокультурной спецификой, связанной с обычаями, нравами, эстетическими вкусами народов. Развитие антропоцентрического подхода в лингвистике послужило новым источником познания языковой ментальности, стереотипов общения и поведения, а также способствовало возникновению и развитию новых междисциплинарных научных направлений.

Теоретической основой исследования выступили работы таких отечественных ученых, как Г. Ц. Пюрбеев, И. А. Стернин, В. А. Лабунская, Г. Е. Крейдлин, А. В. Сергеева, Э. Ч Бардаев, Б. Б. Манджикова, Т. С. Есенова, Ю. Е. Прохоров. Библиография статьи составляет 10 источников, в целом соответствует специфике рассматриваемого предмета, содержательным требованиям и находит отражение на страницах статьи. Все цитаты ученых сопровождаются авторскими комментариями. Следует отметить, что автор(ы) совсем не апеллируют к научным работам последних лет, что не позволяет судить о реальной степени изученности данной проблемы в современном научном сообществе. Методология исследования продиктована комплексным подходом к изучаемому материалу: применяются общенаучные методы анализа и синтеза, описательный и сравнительно-сопоставительный методы, метод наблюдения и анкетирование, а также текстологический метод и интерпретативный анализ материала, методы лингвокультурологического и дискурсивного анализа; последний представляет собой совокупность взаимосвязанных подходов к изучению дискурса (в данном исследовании художественного) и функционирующих в нем языковых единиц, как и различных экстралингвистических аспектов. Достаточно подробно рассмотрены виды или типы взгляда на примерах из художественных текстов.

Анализ теоретического материала и его практического обоснования показал, что «взгляд играет немаловажную роль в невербальной коммуникации калмыков. С помощью взгляда или того или иного состояния глаз передаются разнообразные по характеру устремления и цели, такие как, например, установление контакта, недовольство, выяснение отношений и т.д. Взгляд может характеризоваться и с помощью образных слов. Это могут быть одиночные или удвоенные образные слова, совпадающие по структуре и составу со звукоподражательными словами».

Теоретическая значимость исследования связана с определенным вкладом результатов проделанной работы в развитие таких современных научных направлений, как этнолингвистика, прагматика, лингвокультурология; в решение ряда вопросов о специфике речевого этикета и этикетных традиций калмыков. Практическая значимость заключается в возможности использования полученных результатов в вузовских курсах по теории языка, лексикологии, социолингвистике, межкультурной коммуникации.

Стиль статьи отвечает требованиям научного описания, содержание соответствует

названию, логика исследования четкая. Однако объем материала слишком мал для раскрытия темы. Рекомендуем автору(ам) расширить материал, в том числе за счет теоретического анализа актуальных работ по изучаемой проблематике. Обращаем внимание на опечатку в тексте (см «От жесткого взгляда девушки не ускользнуло, что только старики вышли вперед») и пропуск запятой в предложении «В калмыцком языке существует большое количество словосочетаний с помощью которых можно идентифицировать различные ситуации».

Статья имеет законченный вид; она вполне самостоятельна, оригинальна, будет полезна широкому кругу лиц и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Litera» после устранения указанных выше замечаний.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В статье "Визуальное коммуникативное поведение и взгляд в этикете (на примере коммуникативного поведения калмыков)" автором рассматриваются аспекты калмыцкого невербального коммуникативного поведения, а именно взгляд или жест глаз и визуальные знаки.

Исследование обладает структурой научной статьи и состоит из введения, методологии исследования, выводов и библиографии.

Во введении автор перечисляет российских и грузинских авторов, занимавшихся исследованиями в области невербального общения. Автор отмечает, что визуальное коммуникативное поведение, помимо культурно специфичного, носит гендерный характер. Таким образом, автор вносит вклад в изучение невербального поведения, опираясь на прочную теоретическую базу.

Материалом для исследования послужили примеры невербального визуального поведения в калмыцкой лингвокультуре.

Предметом исследования в представленном исследовании являются жестово-мимические особенности невербальной коммуникации и их роль в системе национально-специфических стереотипов поведения калмыков. Цель настоящей работы - изучение национальных особенностей взгляда.

В работе автор использует общенаучные методы исследования: описательный метод, непосредственное наблюдение и метод анкетирования.

В основной части статьи автор комплексно анализирует конкретные примеры из калмыцкой литературы, особо останавливаясь лексической сочетаемости со словами «глаза», «взгляд». На примере национальной литературы автор исследования демонстрирует, что взгляд у калмыков бывает жестким, веселым и радостным, доверчивым и чистым, а также прямым. Взгляд может быть описан как теплый / холодный. Автор отмечает как наличие уникальных сочетаемостей, таких как "хромые слезы", так и калькирования из русского языка, например "поедать взглядом".

В заключении автором делается вывод о том, что «взгляд играет немаловажную роль в невербальной коммуникации калмыков. С помощью взгляда или того или иного состояния глаз передаются разнообразные по характеру устремления и цели, такие как, например, установление контакта, недовольство, выяснение отношений и т.д. Взгляд может характеризоваться и с помощью образных слов. Это могут быть одиночные или удвоенные образные слова, совпадающие по структуре и составу со звукоподражательными словами. Кроме многочисленных случаев употребления слов

хэлэц, харц «взгляд», нүдн «глаза», идентифицирующих ту или иную ситуацию, обнаружено большое количество словосочетаний, от простых синтаксических до фразеологически устойчивых».

Стиль статьи соответствует уровню научной статьи и не содержит существенных недочетов.

Библиография содержит необходимое количество источников.

Однако, в работе существуют небольшие недостатки.

Так, нечетко обозначены новизна и актуальность исследования. Недостаточно ясно представлены заявленного метода анкетирования.

В целом статья вносит значительный вклад в изучение особенностей национальной невербальной лингвокультуры может быть рекомендована к публикации в журнале Litera.

Litera

Правильная ссылка на статью:

Мукабенова Ж.А., Артаев С.Н., Гаданов С.С., Манджиев А.Д. Символика красного и синего цветов как отражение национального менталитета корейцев (на материале корейских пословиц) // Litera. 2024. № 12. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.12.72527 EDN: ZFYIAP URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=72527

Символика красного и синего цветов как отражение национального менталитета корейцев (на материале корейских пословиц)

Мукабенова Жанна Алексеевна

ORCID: 0000-0002-7527-7990

старший преподаватель кафедры калмыцкого языка, монголистики и алтаистики; Калмыцкий государственный университет имени Б.Б. Городовикова

358000, Россия, республика Калмыкия, г. Элиста, ул. Пушкина, 7

✉ mukabenova.ja@gmail.com

Артаев Сергей Николаевич

доктор филологических наук

профессор; институт калмыцкой филологии и востоковедения; Калмыцкий государственный университет имени Б. Б. Городовикова

358000, Россия, республика Калмыкия, г. Элиста, ул. Пушкина, 11

✉ artaevsn@yandex.ru

Гаданов Сергей Сергеевич

студент; гуманитарный факультет; Калмыцкий государственный университет имени Б.Б. Городовикова

358000, Россия, республика Калмыкия, г. Элиста, ул. Пушкина, 11

✉ sergeigadanov@gmail.com

Манджиев Аюр Джангарович

студент; институт калмыцкой филологии и востоковедения; Калмыцкий государственный университет имени Б.Б. Городовикова

358000, Россия, республика Калмыкия, г. Элиста, ул. Пушкина, 11

✉ 3.ayurm@list.ru

[Статья из рубрики "Лингвокультурология"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2024.12.72527

EDN:

ZFYIAP

Дата направления статьи в редакцию:

01-12-2024

Дата публикации:

28-12-2024

Аннотация: В данной статье рассматриваются два хроматических цвета – красный и синий, которые входят в систему базовых цветов по древнекитайской теории Инь – Ян и пяти элементов. Предметом исследования являются вышеуказанные два цвета в корейской традиционной культуре. Лингвокультурологический анализ цветообозначений в корейских пословицах позволяет определить универсальные и специфические особенности языковой картины мира, представляющие собой исторический, культурный, социальный опыт одного народа, накопленный в результате его развития. Материалом исследования являются пословицы, устойчивые словосочетания с цветообозначениями **붉다** [bulkta] / **홍** [hong] (紅) (красный), **푸르다** [p'ureuda] / **청** (靑) [cheong] (синий). В данной статье используются названия цветов корейского / китайского происхождения, так как в пословицах встречаются разные написания цветообозначений. Изучая цвет как важную категорию познания мира, можно увидеть, как он влияет на общественные, религиозные, нравственные, эмоциональные и межличностные отношения людей. В работе используются описательный метод, необходимый для классификации и обобщения лингвистического материала, лингвокультурологический анализ для интерпретации полученных сведений, раскрывающих менталитет, традиции и обычаи народа. Научная новизна работы заключается в системном описании и определении символики и значения цветообозначений в культурно-значимых текстах на корейском языке. Анализ цветообозначений «красный» и «синий» в корейской традиции, а именно в поговорках, позволил выявить их гармоничное сочетание как одного целого организма, соответствующего системе Инь – Ян, а также выделить их контрастную позицию. Данное исследование раскрывает особенности национальной языковой картины в плане отражения представлений корейского народа о цвете как универсальной категории, но имеющую свою специфику. Результаты данного исследования помогут сформировать устойчивое представление о ментальных убеждениях, влияющих на сценарий и механизм мышления, и как следствие, национальную культуру, которая определяет своеобразие психической и языковой организации национального сознания.

Ключевые слова:

цвет, цветообозначение, лингвокультурология, пословицы, устойчивые выражения, менталитет, национальная культура, национальное сознание, лингвокультурологический анализ, символика цвета

Введение

Издавна каждому цвету корейский народ придавал огромное значение, имеющее отношение, например, к статусу человека, его характеру или уровню интеллекта. Если цвет наделяли символом, то он закреплялся на долгое время, и мог расширяться или

меняться в ходе истории. Таким образом, складывалась целая упорядоченная система цвета.

Цветовые обозначения "красный" и "синий" как предмет нашего исследования в корейской лингвокультуре содержат в себе огромный пласт древних традиций и символов. Корейцы, чья культура издавна соприкасалась с древнекитайской, многое переняли у своих соседей, а также интегрировали свои специфические элементы, связанные с природой, пищей, воспитанием молодого поколения. Поэтому цветовые обозначения в корейской традиционной культуре не могут не опираться на теорию Инь – Ян и пяти элементов, предполагающую, что все вещи в этом мире состоят из Инь (земля) и Ян (небо). Инь – Ян формирует баланс, гармонируя с природой и человеком, становясь основой для формирования национального менталитета корейцев, что и стало объектом нашего исследования. Пять основных цветов 오방색 [obangsaek] согласно китайской теории пяти элементов (белый, черный, красный, желтый и синий) отражают 5 направлений: 4 стороны света и центр. При этом, северу соответствует черный цвет, югу – красный, западу – белый, востоку – синий, центру – желтый. Помимо принадлежности к сторонам света и центра, эти цвета символизируют определенные понятия: синий цвет связан с благосклонностью, белый цвет означает справедливость, черный – мудрость, красный – почтение, а желтый – гармонию [1]. Целью данной работы является исследование красного и синего цветов из данных пяти в корейском традиционном мышлении на основе изучения паремиологического фонда корейского языка. Указанные цвета относят к янским цветам, тогда как белый и черный цвета считаются иньскими [2]. Цветовые обозначения «красный» и «синий» дополняют друг друга, превращаясь в нечто целое, например, становятся символом союза мужчины и женщины. Примечательным является то, что в красном цвете и синем могут встречаться противоположные понятия, одновременно трансформирующиеся друг в друга, что и показано в рассмотренных нами пословицах. Подробный анализ отобранного языкового материала, детализирующий данные противопоставления двух цветов, отражает научную новизну данной работы.

В Корее научные исследования в области цвета проводятся различными учеными, начиная с 1970-х годов. Символикой цвета занимаются Пак Сани (1978), Пэк Ёнча (1985), а Пак Сонгу (1999) и Чан Гёнхен (2007) изучают цветовые обозначения на материале фразеологических единиц и устойчивых словосочетаний [3-5]. Пак Сонхе и Квон Ёнгёль (2005) касаются вопросов изучения языкового сознания корейцев на материале корейских паремий с цветовым компонентом [6]. Регулярно появляются работы, направленные на изучение цвета в сфере дизайна, живописи, арт-терапии и т.п. [7-11].

Среди отечественных ученых тема цветовых обозначений в корейской лингвоцветовой картине мира представляет собой малоизученный предмет исследования и требует дальнейших лингвистических изысканий. Среди работ, в которых встречаются описания и анализ корейских цветовых обозначений, отметим работы Щим, Львовой (2007), Лапшиной (2011), Дубровской (2015), Лим (2015), Жукобаевой (2019), Амаевой (2021) [12-17].

Ниже мы рассмотрим корейские пословицы из сборников корейских пословиц Ким Дохвана [18] и Ли Сончжон [19], а также с Большого корейско-русского словаря [20] с цветовыми обозначениями «красный» и «синий», имеющие свою символику, оценочную нагруженность и определенную значимость.

Красный и синий цвета как отражение национального сознания корейцев

Красный 붉다/홍(紅) цвет в корейской культуре очень многозначен, он связан с огнем,

солнцем, жизненной энергией, но также и является символом любви и страсти [21, с. 12]. Также красный воспринимается как цвет власти и силы, императорская одежда и одежда придворных была красного цвета. Наряду с такой силой этот цвет дарит удачу и богатство.

Цветобозначение «красный» в корейских пословицах выражает красоту и одновременно силу, используя описание растений, цветов. Например: 꽃이라도 십일홍이 되면 오던 봉접도 아니온다 [kkoch-ilado sib-ilhongi doemyeon odeon bongjeobdo anionda] – ‘Даже к цветку после 10 дней красного цветения пчелы и бабочки уже не прилетают’. Красный цветок притягивает своей красотой насекомых, но его цветение имеет настолько короткий срок, что им можно любоваться и довольствоваться совсем немного. В этой пословице говорится об отсутствии чего-то вечного, статус и положение тоже временное явление в жизни человека. Есть еще одна пословица с похожим смыслом: 십년세도 (勢道) 없고 열흘 붉은 꽃 없다 [sipnyeon sedo(sedo) eobsgo yeolheul bulg-eun kkoche obsda] – ‘Десять лет – нет власти, десять дней – и нет красных цветов’. В данной паремии раскрывается суть власти и денег, которые имеют свойство, когда-то заканчиваться. Многие люди ошибочно считают, что богатство может сделать жизнь человека счастливой. Однако пословица намекает на то, что все имеет свой срок и не стоит забывать, что иногда отношения с людьми намного важнее денег. Еще в одной пословице красный цветок раскрывает красоту: 남의 꽃은 붉게 보인다 [nam-uikkoch-eunbulg-geboinda] – ‘Цветы других людей кажутся краснее’. Чужая вещь всегда кажется лучше своей.

Тема власти и денег встречается также в пословицах, где цветобозначение «красный» находится в сочетании с одеждой. Например: 남의홍패 메고 춤추기 [nam-ui hongpae mego chumchugi] – ‘Танцевать в чужом красном халате’. Так говорят про человека, который пользуется чужой властью или прикрывается ею. Тут цветобозначение «красный» рассматривается как цвет богатых и знатных людей. Простой народ в Корее из-за дороговизны цветных тканей мог позволить себе носить одежду только белого или серого цвета, а богатая знать – цветную. Отсюда и появилось довольно известное среди корейцев выражение «белая нация». Так, красный халат символизирует богатого человека, наделенного определенной властью, а танцевать в таком халате может означать жизнь за чужой счет.

Цветобозначение «красный» демонстрирует не только красоту и богатство, но также раскрывает характер и поведение человека. 돼지도 낫을 붉히겠다 [dwaejido nach-eul bulghigetda] – ‘Даже свинья покраснела бы’. В данном выражении корейцы с осуждением описывают высокомерных людей, тех, кто ведет себя в обществе очень демонстративно, унижая окружающих, показывая свою силу или власть, не испытывая при этом стыда.

Цветобозначение «красный» в сочетании с пищей может обозначать несовпадение или несоответствие внешней красоты, духовной наполненности человека с его внутренним содержанием. Выражения 붉은 간장은 달지 않다 [bulg-eun ganjang-eun dalji anhda] – ‘Красный соевый соус не сладкий’ или 붉은 장이 쓰다 [bulg-eun jang-i sseuda] – ‘Красный соус горький’ отмечают яркий насыщенный цвет красного перца, то есть красный цвет вызывает у корейцев скорее восхищение, но на вкус такая перцовая паста очень острая или горькая. Корейцы такие пословицы используют для осуждения или даже высмеивания людей, внешне красивых, но с плохим характером или недостойным поведением.

В корейской традиционной культуре красный цвет на контрасте с синим цветом напоминает древнекитайскую теорию Инь – Ян. Горячий красный солнечный Ян,

символизирующий мужское начало, и холодный синий Инь, символизирующий женское начало, образуют энергию жизни, на которой базируется вся Вселенная [22]. Цветообозначения «красный» и «синий» как отражение данной системы появляются в паремиях с разными значениями. Устойчивое выражение 붉으락 푸르락 한다 [bulg-eulag ruleulag handa] – ‘то краснеть, то бледнеть’ используется по отношению к человеку, который не знает, что делать, находится в замешательстве. В данном случае «краснеть» может означать стыд человека (щеки краснеют), а «синеть» – страх (губы синеют).

В пословице 빨간 상놈 푸른 양반 [ppalgan sangnom puleun yangban] – ‘Красный мужлан и синий дворянин’ противопоставляются два цвета – красный и синий как нечто отрицательное и положительное. Под красным мужланом понимается человек, который любит азартные игры, безответственно относится к своей жизни и не считается с окружающими. А синий дворянин ассоциируется с человеком благородного происхождения, имеющим хорошее воспитание и отличающимся разумным поведением в обществе. Эта пословица использовалась для осуждения и критики отрицательных качеств молодых людей и одобрения таких свойств, как воспитанность и образованность. Есть несколько версий ответов на вопрос, почему в данной пословице дворянин обозначается синим цветом. Возможно, синий цвет происходит от выражения «голубой свет» «청금 (靑衿)» [cheonggeum], которое использовалось для конфуцианского мудреца, носившего халат синего цвета. Также во времена Чосон часть придворных носила одежду синего цвета [9]. Такие моменты из жизни могли наложить отпечаток и отразиться в фольклоре.

Однако красный и синий цвета в корейской традиции не только противопоставляются друг другу, но и могут символизировать единый союз мужчины и женщины. В пословице 청실홍실 매야만 연본인가 [cheongsil hongsil maeyaman yeonbun-inga] – ‘Будет ли считаться союзом, если завязать красную и синюю нитки?’ говорится об образовании новой семьи. Свадебные церемонии в Корее также не обходились без знаний теории пяти элементов Инь – Ян, где красный и синий цвета находятся во взаимной гармонии друг с другом несмотря на разные энергии, положительную и отрицательную. Перед свадьбой семья жениха в качестве подарков отправляет семье невесты свадебную шкатулку в красном платке с письмом и два отреза шелка красного и синего цвета для пошива свадебного наряда. «Красный шелк заворачивают в синюю бумагу и прошивают красными нитками, а синий шелк – в красную бумагу, прошив при этом синими нитками. Это символизирует единение мужчины и женщины, гармонию в их отношениях, любовь и неизменную преданность друг другу» [21, с. 20-21]. Уже на свадьбе невеста надевала красную юбку и зеленый жакет. Корейцы верят, что красный цвет отгоняет злых духов, а зеленый цвет дарит здоровое потомство и приносит богатый урожай. Раньше считалось, что если обернуть ребенка красно-синей нитью, которая использовалась на свадьбе родителей, то больного ребенка можно вылечить или предотвратить серьезную болезнь [21].

Одновременно со значением образования новой семьи цветообозначения «красный» и «синий» могут противопоставляться друг другу. Например, в пословице 청상과부는 살아도 홍상과부는 못산다 [cheongsang-gwabuneun sal-ado hongsang-gwabuneun mossanda] – ‘Синяя вдова может жить, а красная – нет’ синий цвет символизирует молодость, а красный – старость. Если вдова молоденькая девушка, то она может еще найти себе новую пару и создать семью, а старой женщине, потерявшего мужа, будет намного сложнее выйти повторно замуж.

Синий цвет Инь символизирует созидание, бессмертие, новое рождение. Это весна в философии Пяти Элементов и используется как цвет шаманизма и благословения. Есть

версия, что синий (голубой) цвет в контексте может ассоциироваться у корейцев с равнодушием и непониманием людей, а также со страданиями [23, с. 17]. Синий как вода противопоставляется красному как огонь, а синий как холод противопоставляется красному как тепло. [22, с. 91]. Цветообозначение «синий» 푸르다 [phureuda] / 청(靑) [cheong] ассоциируется со смелостью и умом, с молодостью и энергией жизни. Устойчивое выражение 청운의꿈 [cheong-un-ui kkum] «мечта Синего облака» символизирует мечту и стремление молодых учеников на успешное будущее, где их ожидает высокое положение в обществе, а идеальный мир, где живут образованные и грамотные 청운 지사 [cheong-un jisa] (靑雲之士) 'мастера Синего облака', называют 청학동 [cheonghagdong] (靑鶴洞) 'синим учением на востоке', подразумевая науку в Китае [20, с. 28].

Цветообозначение «синий» в корейской культуре символизирует учебу, образование, грамотность и знания. Например: 청출어람 [cheongchul-eolam] (букв. 'синий происходит от цвета индиго') – 'Ученик превосходит своего учителя'. Синий цвет в данной пословице ассоциируется с учебой и знаниями.

Благодарность и выносливость, умение справляться с жизненными трудностями у корейцев также ассоциируются с синим цветом. В пословице 푸른 옷을 입을 때는 화나무를 잊지 말라 [puleun os-eul ib-eulttaeneun hwaenamuleul ij-ji malla] – 'Когда носишь синюю одежду, не забывай о дереве хе' синяя одежда есть результат обработки коры и листьев дерева. Данное выражение напоминает человеку быть благодарным всему, что дает ему природа, люди, мир в целом, так как это качество в человеке является одним из важных для построения отношений. Образные сравнения природы и сложных ситуаций в жизни людей демонстрируют следующие пословицы: 눈이 와야 솔이 푸른 줄 안다 [nun waya sol-i pileun jul anda] – 'Только когда идет снег, ты узнаешь, что сосна зеленая (синяя)' или 겨울이 다 되어야 솔이 푸른 줄 안다 [gyeoul-i da doeoyo sol-i pileun jula nda] – 'Только с наступлением зимы понять, что сосна зеленая'. Снег в данных паремиях символизирует трудности, а синие (зеленые) сосны – стабильность, прочность, устойчивость и неизменчивость. Кризисные ситуации могут преодолевать сильные, смелые, упорные люди, словно деревья в непогоду. Цветообозначение «синий» в данном случае ассоциируется с постоянством и стабильностью.

В следующей пословице синим (зеленым) цветом обозначается кузнечик, который притворяется на важной церемонии кем-то другим: 산젯밥에 청메뚜기 뛰어들듯 [sanjesbab-e cheong mettugi ttwieodeuldeus] – 'Как зеленый кузнечик, прыгающий в жертвоприношение богу горы Шин'. Смысл пословицы заключается в высмеивании человека, который пытается показать или доказать другим свою причастность к чему-то, где ему не место. Раньше жертвоприношение богам делали богатые и состоятельные люди, а бедные не могли себе позволить участвовать в таких крупных и затратных мероприятиях.

Тема статусности и власти показана в следующей паремии: 청자 접시에 보리 개떡 [cheongja jeobsie borigaetteog] – 'На синей тарелочке ячменно-рисовый пирог'. Синий цвет означает благородство и высшее сословие, а рисовый пирог – десерт, который могли купить и бедные, и богатые. В этом выражении говорится о человеке, который позиционирует себя аристократом, а внутри очень беден, то есть притворство или лицемерие в корейском обществе не поощрялось, а осуждалось.

Кроме силы и власти, благородства и знаний, цветообозначение «синий» может указывать на состояние человека, то есть если человеку очень страшно или он мерзнет

от холода, то говорят: 파랗게 질리다 [palahge jillida] – ‘посинеть / побледнеть’ или 파랗게 질린 얼굴 [parahge jillin eolgul] – ‘синее лицо [от страха]’. Корейцы страх, ужас, а также погодные условия (холод, мороз) ассоциируют с синим цветом. В данном устойчивом выражении используется лексема 파랗다 [phatatha] «синий» – синоним лексемы 푸르다 [phureuda]. Обе лексемы обозначают синий цвет (푸른 하늘 [phureun haneul] / 파란 하늘 [pharan haneul] – ‘синее небо’), а также зеленый, например, 푸른잔디 [phureun chandi] / 파란 잔디 [pharan chandi] ‘зеленая трава’. Однако в современном корейском языке появилось негласное разграничение в использовании двух слов, а то есть 푸르다 [phureuda] используется для выражений оттенков и синего, и зеленого (чаще зеленого), а 파랗다 [phatatha] – только для выражений, обозначающих синий или голубой. Следовательно, когда корейцы мерзнут от холода или боятся чего-то, то используют лексему 파랗다 [phatatha]. Например: 추워서 입술이 파래졌다 [chuwoseo ipsul-i pharaejeyoetha] – ‘губы посинели от холода’ или 손이 얼어 파랗게 변했다 [son-i eol-eo parahge byeonhaetta] – ‘руки ооченели и стали синими’, 겁에 질려 얼굴이 파래졌다 [geob-e jillyeo eolgul-i palaejeossda] – ‘от страха лицо посинело’. В таких выражениях не используется 푸르다 [phureuda].

Заклучение

Таким образом, цветовая символика в языковой традиции корейцев уникальна богатством красок и отражает народную мудрость, накопленную веками. Тонкое чувство окружающей природы и природы человека наиболее точно было выражено с помощью цветовой палитры, которая несет в себе особый символ [24]. Так, символ красного цвета в корейской языковой культуре насыщает жизнь самого человека, наделяя его как смелостью, силой, любовью, красотой, так и слабостью, завистью, этим самым приобщаясь к другим культурам [25, 26]. Тема статусности, власти и денег также выражается красным цветом, отражая многовековую историю корейской культуры. Символика синего цвета в корейской культуре используется в одном контексте с символикой красного: власть, сила, статус. Синий цвет корейцы еще ассоциируют с учебой и образованием. Необходимо подчеркнуть, что в корейской культуре многое завязано на древнекитайской теории Инь – Ян, отсюда наблюдается некий симбиоз двух цветов, символизирующих не только мужское и женское начало, но и старость и молодость, страх и стыд. Можно сказать, что символика красного и синего цветов в корейской языковой картине мира отражает многие аспекты жизни корейцев, помогает понять менталитет народа, ментальные установки, формирующие национальное сознание, национальную культуру всего народа [27].

Библиография

1. Мукабенова Ж.А., Харчевникова Р.П., Монраев М.У., Сусеева Д.А., Биткеев П.Ц. Лингвокультурологический аспект цвета в калмыцком и корейском языках // Litera. 2023. № 12. С.206-215. DOI: 10.25136/2409-8698.2023.12.69285 EDN: FTAOCK URL: https://e-notabene.ru/fil/article_69285.html
2. 서유리. 에니어그램 성격유형에 따른 색채인지도 및 선호도 차이: 고등학교 1, 2학년을 대상으로, p. 98. [= Со Юри. Различия в восприятии цвета и предпочтениях в зависимости от типа личности по Эннеаграмме: ориентированы на учеников первого и второго курса старшей школы. 2020. С. 98].
3. 박상의. 색동에 대한 연구. 석사학위, 이화여자대학교 교육대학원, 1978. [= Пак Сани. Исследование цветообозначений. Женский университет Ихва, 1978.].
4. 백영자. 우리나라 노부의위(鹵簿儀衛)에 관한 研究: 儀仗, 儀禮服의 制度 및 그 象徵性을 中心으로. 박사학위, 이화여자대학교 대학원, 1985. [= Пэк Ёнджа. Исследование положения нобу в нашей

стране: ритуал, статус обрядов и их ценность в среднем сознании. Женский университет Ихва, 1985].

5. 장경현. 속담 속 색채 표현의 의미 형성 // 한국어 의미학. 2008. № 25. Pp. 187-222. [= Чжан Гёнхён. Формирование значения цветовых выражений в пословицах // Кореяская семантика. 2008. № 25. С. 187-222].

6. 권영걸. 이제는 색이다 // 외(한국색채학회 편).도서출판 국제. 2005. [= Квон Ён Гёль. А сейчас это цвет // Кореяское сообщество по исследованию и изучению символики цвета. Международное издательство. 2005].

7. 나지영.한국 색채의 상징성과 일상성. 조형예술연구, 상명대학교 조형예술 연구소. 2002. № 6 [= На Джиён. Символика и повседневность корейских цветов // Исследование пластических искусств. Чхонан: Научно-исследовательский институт пластических искусств Университета Санмён. 2002. № 6].

8. 최인려, 방혜경, 김여주. 전통색에 관한연구 / The Research Journal of the Costume Culture 제 16 권 제 2 호. 2008. 4. Pp. 397-407. [= Чхве Инрё, Бан Хегён, Ким Ёчжу. Исследование традиционных цветов // Журнал исследований культуры костюма. 2008. № 4. С. 397-407.].

9. 서유리. 음양오행설에 근거한 오방색의 색채연구. 영남대학교, 2012. p.91 [= Со Юри. Цветовое исследование пяти основных цветов, основанное на теории инь-ян и пяти стихий. Юньнаньский университет; Юньнань: 2012. 91 с.].

10. 김희성, 조인숙, 신화경. 현대주거공간의 오방색 선호에 관한연구. 한국공간 디자인 논문집. 제54권. 요약. 2018. [=Ким Хисон, Чжо Инсук, Шин Хвагён. Исследование о предпочтении пяти цветов в современном жилом пространстве // Сборник статей по дизайну пространства Кореи. 2018. Т. 54.].

11. 류미선. 오방색을 통해 본 한국 근대 회화 연구: 김환기, 유영국, 김기창, 박생광을 중심으로. 박사학위, 계명대학교 대학원. 2017. [= Рю Мисон. Исследование современной корейской живописи на пяти основных цветах: с акцентом на Ким Хванги, Ю Ёнгука, Ким Кичанга и Пак Сэнквана. Высшая школа Университета Кеймён: Тэгу, 2017.].

12. Щим Л. В., Львова И. С. «Восприятие цвета» в корейском языке // Известия корееведения в Центральной Азии. 2007. Т.14.

13. Лапшина Е.А. Диалектика черного и белого в национальных картинах мира // Вологдинские чтения: материалы науч. конф. Владивосток: Изд-во ДВГТУ. 2011.

14. Дубровская Т. В. Специфика заимствования цветообозначений «черный» в корейском и японском языках // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 1 (43): в 2-х ч. Ч. I. С. 61-64.

15. Жукобаева А. А. Цвета в корейской культуре и их семантическое значение // Корееведение Казахстана. вып. 9. Алматы: КазУМОиМЯ им. Абылай хана. 2019. С. 108-118.

16. Лим Э. Х., Че И. Е., Корнеева И. В. Традиционная культура корейцев в обрядах жизненного цикла: монография. СахГУ: Южно-Сахалинск, 2015. 92 с.

17. Аманова, Г. А. Цветообозначения в корейской поэзии и современной русской поэзии (на примере ярославского поэта Константина Васильева): типологическое сопоставление // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2021. № 1 (34). С. 81-87.

18. 한국속담활용사전 / 김도환. 서울: 한울아카데미, 1993. 665 pp. [= Практический словарь корейских пословиц / Сост. Ким Дохван. Сеул: Академия Хануль, 1993. 665 с.].

19. 한국의 속담 대백과 / 이선중. 서울: 아이템박스: 2008. 1991 pp. [=Большая энциклопедия корейских пословиц / Сост. Ли Сончжон. Сеул: Айтембукс. 2008.].

20. Корейско-русский словарь: около 170000 слов и словосочетаний / Сост. А. Кан, Ким Чун Сик. Сеул : Мун Еи Лим, 2009. 1991 с.

21. 곽은희. 속담 속 색채어의 의미 연구. 2018. [= Квак Ынхи. Исследование цветолексем в

корейских пословицах / Квак Ынхи. 2018. IP 165.132.5.XXX 07.06.].

22. Мушаев В. Н. Цвет в культуре корейского народа // Корееведение в России : направление и развитие. 2021. Т. 2, № 2. С. 89-93.

23. Анисян А. А. Образ матери-женщины в корейской литературе // Корееведение в России: направление и развитие. 2023. Т.4 № 4. С. 13-19.

24. Мушаев В. Н. Цвет как символ в калмыцком, казахском и корейском языках // Сетевое востоковедение: культурные ценности Востока в орбите современных научных исследований. Материалы IV Международного науч. форума. 2020. С. 144–147.

25. Убушиева Ж. А., Мушаев В. Н. Символика красного цвета в языковой традиции калмыков // Вестник Бурятского государственного университета. Филология. 2022. № 3. С. 29-35.

26. Артаев С. Н., Мукабенова Ж. А. Баринова Б. В., Горяев Г. А. Цвет в коммуникативном поведении калмыков // Мир науки. Социология, филология и культурология. 2019. № 4. Том 10. <https://sfk-mn.ru/issue-4-2019.html>

27. Касевич В. Б. Буддизм. Картина мира. Язык. Петерб, востоковедение: Санкт-Петербург, 1996. 275 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемая статья посвящена символике красного и синего цветов как отражению национального менталитета корейцев: «цвет в корейской лингвокультуре содержит в себе огромный пласт древних традиций и символов. Каждому цвету придавалось огромное значение, имеющее отношение, например, к статусу человека, его характеру или уровню интеллекта. Если цвет наделяли символом, то он закреплялся на долгое время, и мог расширяться в ходе истории». Предмет исследования достаточно актуален. Лингвоцветовая картина мира является динамичной структурой, постоянно подвергающаяся непрерывным изменениям, отражающимся в свою очередь в языке. Это связано с тем, что символика цвета в культурах разных народов имеет как общие черты, так и национально-культурные особенности, которые также изменяются со временем. Исходя из этого, представляется важным изучение лингвоцветовой картины мира, в том числе корейцев. В работе отмечается, что «корейцы, чья культура издавна соприкасалась с древнекитайской, многое переняли у своих соседей, а также интегрировали свои специфические элементы, связанные с природой, пищей, воспитанием молодого поколения. Поэтому цветообозначения в корейской традиционной культуре не могут не опираться на теорию пяти элементов Инь и Ян».

Теоретической основой работы явились труды таких российских и китайских исследователей, как В. Н. Телия, Ж. А. Мукабенова, В. Н. Мушаев, Пак Сани, Пэк Ёнджа, Чжан Гёнхён, Квон Ён Гёль, Чхве Инрё, Со Юри, Квак Ынхи и др., посвященные вопросам картины мира, роли метафоры в создании языковой картины мира, символике цвета в культуре калмыцкого, казахского и корейского народов; изучению цветолексем в корейских пословицах. Библиография насчитывает 21 источник, что представляется достаточным для обобщения и анализа теоретического аспекта изучаемой проблематики. Библиография соответствует специфике рассматриваемого предмета, содержательным требованиям и находит отражение на страницах статьи. Все цитаты ученых сопровождаются авторскими комментариями.

Материалом исследования послужили корейские пословицы из сборников корейских пословиц Ким Дохвана и Ли Сончжон, а также с Большого корейско-русского словаря с

цветообозначениями «красный» и «синий», имеющие свою символику, оценочную нагруженность и определенную значимость. Методология проведенного исследования носит комплексный характер. С учётом специфики предмета, объекта, цели и задач работы использованы общенаучные методы анализа и синтеза, описательный и сравнительно-исторический метод, фразеологический анализ и лингвокультурологический анализ, подразумевающий выявление, анализ и описание разноуровневых языковых единиц, соотнесённых с определённым этнокультурным пространством, причем эти единицы являются характерным признаком духовной и материальной реальности народа.

Анализ теоретического материала и его практическое обоснование позволили автору(ам) подробно рассмотреть символику красного и синего цветов в корейской языковой картине мира и прийти к выводу о том, что цветовая символика в языковой традиции корейцев уникальна богатством красок и отражает народную мудрость, накопленную веками. Тонкое чувство окружающей природы и природы человека наиболее точно было выражено с помощью цветовой палитры, которая несет в себе особый символ. Символика красного и синего цветов в корейской языковой картине мира отражает многие аспекты жизни корейцев, помогает понять менталитет народа, ментальные установки, формирующие национальное сознание, национальную культуру всего народа.

Теоретическая значимость и практическая ценность работы заключаются в ее вкладе в решение проблем лингвоцветовой картины мира, а также в возможности использования ее результатов в последующих научных изысканиях по заявленной проблематике и в вузовских курсах по языкознанию и теории языка, по лингвопрагматике, лингвокультурологии, фразеологии и лексикографии.

Представленный материал имеет четкую, логически выстроенную структуру. Исследование выполнено в русле современных научных подходов. Стиль изложения материала соответствует требованиям научного описания. Однако объем материала слишком мал для раскрытия темы. Рекомендуем автору(ам) расширить материал. Статья имеет законченный вид; она вполне самостоятельна, оригинальна, будет интересна и полезна широкому кругу лиц и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Litera» после устранения указанного выше замечания.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

На рецензирование представлена статья «Символика красного и синего цветов как отражение национального менталитета корейцев (на материале корейских пословиц)».

Предмет исследования – особенности реализации символики красного и синего цветов в корейских пословицах, их ассоциативный фон и символическая нагруженность в корейской культуре как отображение национальной языковой картины мира. Пословицы обладают своей национальной спецификой: они хранят и передают из поколения в поколение знания о системе обычаев, традиций, законов и представлений о мире, исследование пословиц через призму символики даёт возможность выявить особенности концептуализации окружающей действительности того или иного народа.

Методология исследования основана на сочетании теоретического и эмпирического подходов с применением методов анализа, обобщения и синтеза.

Актуальность исследования обусловлена важностью для современного общества выявления разнообразных феноменов языка и культуры: исследование пословиц

позволяет выявить особенности концептуализации мира в разных культурах, поскольку в пословицах фиксируется система эталонов, ценностных представлений носителей языка, их мировосприятие.

Научная новизна заключается в том, что автор анализирует символику красного и синего цветов на материале корейских пословиц: цвет в корейской лингвокультуре содержит в себе огромный пласт древних традиций и символов, исследование пословиц через призму символики дает возможность выявить особенности языковой картины мира и народного мышления и позволяет лучше понять ценностные установки и специфику мировосприятия корейцев.

Стиль изложения научный, структура, содержание. Статья написана русским литературным языком. Структура рукописи включает следующие разделы: введение (содержит постановку проблемы, дан краткий обзор теоретической базы исследования); основная часть (на основе анализа эмпирического материала автор рассматривает символику красного и синего цветов в корейских пословицах как отражение различных аспектов жизни корейцев; теоретические измышления автора подкреплены фактическими данными, для наглядности приведены иллюстративные примеры); заключение (общие выводы); библиография (включает 22 отечественных и зарубежных источника). Содержание в целом соответствует названию.

Выводы, интерес читательской аудитории.

Исследование выходит за рамки лингвистики и культурологии, полученные результаты будут интересны тем, кто занимается исследованием феномена языковой картины мира и изучением культуры корейского народа. Исследование имеет практическое значение для эффективной коммуникации на межнациональном уровне, проведенный анализ эмпирического материала даёт актуальное представление об особенностях концептуализации окружающей действительности корейским народом.

Рекомендации автору:

1. В статье не сформулированы цель, объект, предмет, научная новизна и методологические основы проведенного исследования, стоит также указать объем эмпирического материала.
2. Было бы уместно аргументировать выбор пословиц с символами красного и синего цветов, поскольку согласно теории пяти стихий, в корейской культуре есть пять цветов: синий (зеленоватый), красный, жёлтый, белый и чёрный.
3. Необходимо уделить бóльшее внимание обзору и анализу современных научных работ, теоретический анализ именно современных источников является недостаточным. Кроме того, при обзоре теоретической базы стоит рассмотреть и отечественные исследования цвета в культуре корейского народа.
4. Библиографические описания некоторых источников нуждаются в корректировке в соответствии с ГОСТ и требованиями редакции. Стоит расширить библиографию, в том числе увеличить долю отечественных и зарубежных работ за последние 3 года.
5. Необходимо унифицировать оформление иллюстративных примеров (в тексте: obsda] 'Десять лет – нет власти, десять дней – и нет красных цветов'; sseuda]. 'Красный соус горький'; handa] 'то краснеть, то бледнеть'; букв. 'синий происходит и т.д.), следуют также упорядочить использование кавычек.
6. Нужно перепроверить текст статьи на предмет описок и уместности использования символов (Тут цветообозначений «красный». Простой народ; грамотность и индиго') 'знания).

В целом рукопись соответствует основным требованиям, предъявляемым к научным статьям. Материал представляет интерес для читательской аудитории и после доработки может быть опубликован в журнале «Litera».

Результаты процедуры окончательного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Целью рецензируемой работы является исследование красного и синего цветов в корейском традиционном мышлении на основе пословиц. Автор статьи отмечает, что «в Корею научные исследования в области цвета проводились различными учеными, начиная с 1970-х годов. Символикой цвета занимались Пак Сани (1978), Пэк Ёнчжа (1985), Пак Сонгу (1999) и Чан Гёнхен (2007) изучали цветообозначения на материале фразеологических единиц и устойчивых словосочетаний...». На мой взгляд, предмет исследования выверен, конструктивная составляющая объективна. Стиль соотносится с собственно научным типом, серьезных нарушений в логике наррации не выявлено: «издавна каждому цвету корейский народ придавал огромное значение, имеющее отношение, например, к статусу человека, его характеру или уровню интеллекта. Если цвет наделяли символом, то он закреплялся на долгое время, и мог расширяться или меняться в ходе истории. Таким образом, складывалась целая упорядоченная система цвета», или «пять основных цветов 오방색 [obangsaek] согласно китайской теории пяти элементов (белый, черный, красный, желтый и синий) отражают 5 направлений: 4 стороны света и центр. При этом, северу соответствует черный цвет, югу – красный, западу – белый, востоку – синий, центру – желтый. Помимо принадлежности к сторонам света и центра, эти цвета символизируют определенные понятия: синий цвет связан с благосклонностью, белый цвет означает справедливость, черный – мудрость, красный – почтение, а желтый – гармонию...» и т.д. Работа информативна, целостна; основные требования издания учтены. Думаю, что материал может быть интересен широкой читательской аудитории, безусловно, наработанные данные можно использовать в рамках изучения ряда гуманитарных дисциплин. Основной вопрос статьи раскрывается последовательно, основательно, дискуссионно: например, «в данной паремии раскрывается суть власти и денег, которые имеют свойство, когда-то заканчиваться. Многие люди ошибочно считают, что богатство может сделать жизнь человека счастливой. Однако пословица намекает на то, что все имеет свой срок и не стоит забывать, что иногда отношения с людьми намного важнее денег. Еще в одной пословице красный цветок раскрывает красоту: 남의 꽃은 붉게 보인다 [nam-uikkoch-eunbulg-geboinda] – 'Цветы других людей кажутся краснее'. Чужая вещь всегда кажется лучше своей». Примеров по ходу исследования достаточно, они вариативны. Цитации даются уместно, но можно было бы использовать классический тип – «...»: «в корейской традиционной культуре красный цвет на контрасте с синим цветом напоминает древнекитайскую теорию Инь – Ян. Горячий красный солнечный Ян, символизирующий мужское начало, и холодный синий Инь, символизирующий женское начало, образуют энергию жизни, на которой базируется вся Вселенная...». Выводы по тексту соотносятся с основной частью, автор отмечает, что «цветовая символика в языковой традиции корейцев уникальна богатством красок и отражает народную мудрость, накопленную веками. Тонкое чувство окружающей природы и природы человека наиболее точно было выражено с помощью цветовой палитры, которая несет в себе особый символ», «символика красного и синего цветов в корейской языковой картине мира отражает многие аспекты жизни корейцев, помогает понять менталитет народа, ментальные установки, формирующие национальное сознание, национальную культуру всего народа». Список источников включает работы разных типов и жанров, временные рамки подвижны. В целом: цель исследования достигнута, тема раскрыта, поставленные задачи решены. Статью «Символика красного и синего цветов как отражение

национального менталитета корейцев (на материале корейских пословиц)» можно рекомендовать к публикации в журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Муталов Р.О. Древнедаргинские миграции и образование даргинских языков и диалектов // Litera. 2024. № 12.
DOI: 10.25136/2409-8698.2024.12.72835 EDN: YZNXAH URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=72835

Древнедаргинские миграции и образование даргинских языков и диалектов

Муталов Расул Османович

доктор филологических наук

профессор, главный научный сотрудник, Институт языкознания РАН

125009, Россия, г. Москва, пер. Большой Кисловский, 1/1

✉ mutalovr@mail.ru

[Статья из рубрики "Лингвистика"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2024.12.72835

EDN:

YZNXAH

Дата направления статьи в редакцию:

21-12-2024

Дата публикации:

28-12-2024

Аннотация: В статье рассматриваются вопросы древнедаргинских миграций и образования даргинских языков и диалектов. Актуальность темы заключается в том, что проблемы прародины даргинцев и возникновения даргинских языков ранее не становились предметом специального исследования. В век глобализации малые даргинские языки подвержены быстрому исчезновению, и остро стоит вопрос скорейшего сбора языкового материала. Между тем пока нет подготовленной сравнительно-исторической грамматики даргинских языков, которая пролила бы свет на проблему образования даргинских языков и диалектов, а также на историю даргинского народа. Основной целью работы является попытка проследить основные пути миграции древних даргинцев и на основе языковых данных обосновать образование тех или иных языков и диалектов. Основной метод исследования – сравнительно-исторический. Для сбора языкового материала используются также

методы полевых исследований. Впервые в даргиноведении высказана гипотеза о прародине даргинцев. В результате исследования выявлено, что она находилась в верховьях реки Уллучай. Одной из первых миграций стало переселение части даргинцев на северо-восток; они обосновались в окрестностях села Мекеги Левашинского района. Речь данных поселений стала в дальнейшем основой нынешних северных даргинских языков. К другой ранней миграции относится переселение даргинцев на юг и восток, где впоследствии праюжнодаргинский язык распался на чирагский, кубачинский, ицаринский, кайтагский, сирхинский идиомы. Перемещение части даргинцев на юг способствовало образованию поселения Чираг, в восточной части возникли Кубачи и кайтагские поселения. Сирхинские аулы образовались к северо-востоку от исторической прародины, а часть сирхинцев мигрировала на север, что способствовало образованию цудахарских селений.

Ключевые слова:

кавказские языки, нахско-дагестанские языки, даргинские языки, диалекты, миграции, фонетика, морфология, языковые изменения, архаизмы, инновации

Даргинские языки (восточнокавказская семья языков) распространены в Центральной части горного Дагестана. Общее число говорящих 625 тыс. человек (перепись 2021 г.). Социолингвистическая ситуация в регионе характеризуется тем, что вследствие глобализации и изменения традиционных устоев жизни горцев, малые языки подвержены быстрому исчезновению. Дети и молодежь даже в отдаленных горных селениях уже общаются между собой и старшими только на русском языке.

Между тем, даргинские языки, как и другие дагестанские и кавказские языки в целом, имеют многотысячелетнюю историю своего развития. Тем не менее, она пока остается неизученной; нет пока сравнительно-исторической грамматики даргинских языков, нет этимологических словарей, которые могли бы пролить свет на образование даргинских языков и диалектов, а также, в целом, на историю даргинского народа. Поэтому пока остается актуальной задача сбора и систематизации полевого материала даргинских языков.

В годы советской власти даргинские идиомы считались диалектами одного даргинского языка, хотя в ранних классификациях в качестве самостоятельных выделялись кубачинский и кайтагский языки. В последнее время выделяется несколько даргинских языков, что является вполне обоснованным, поскольку они обладают множеством различий на всех языковых уровнях.

Пока существует также проблема классификации даргинских диалектных единиц, что связано с двумя обстоятельствами. С одной стороны, они представляют собой языковой континуум, где соседствующие идиомы более близки между собой по сравнению с крайними, и установить границу между ними довольно трудно. С другой стороны, до сих пор многие диалекты и говоры остаются неисследованными. В «Атласе кавказских языков» Ю.Б. Коряков, исходя из лексикостатистического метода, выделяет 17 языков даргинской группы. [5, с. 33-36]. В статье «Классификация даргинских языков и диалектов» мы разграничиваем шесть языков даргинской группы: северно-даргинский, мегебский, цудахарско-сирхинский, кайтагский, кубачинский, чирагский [8, с. 20]. Приведенная классификация стала основой выделения даргинских языков в списке языков РФ (<http://jazykirf.iling-ran.ru/>).

В данной статье рассматриваются проблемы места первоначального расселения даргинцев и их последующих миграций. Вопросы прародины даргинцев и образования даргинских диалектов ранее не становились предметом подробного исследования, хотя существует несколько различных гипотез. Согласно одной из них, даргинцы, как и другие дагестанские народы, мигрировали с юга на север по Прикаспийской низменности и расселились в Центральном Дагестане по направлению в горы, с востока в западную сторону. Однако с таким предположением трудно согласиться, поскольку языковые данные его не подтверждают.

За более, чем полуторавековую историю научного изучения даргинских диалектов в даргиноведении накоплен значительный по объему языковой материал. Имеющиеся языковые материалы, включающие многие аспекты фонетической системы, грамматического строя и лексического состава различных даргинских языков и диалектов, а также реконструкция исходных звуков и грамматических форм дает нам возможность перейти к некоторым обобщениям и выдвинуть предположение об исторической прародине даргинцев. Есть основания полагать, что первым местом их обитания в дагестанских горах стало верховье реки Уллучай, локализованное в юго-западной части нынешнего расселения даргинцев. Оттуда и происходила миграция древних даргинцев по разным направлениям. Хотя трудно говорить о точных датировках, можно предположить, что таких миграционных волн было несколько.

На новом месте вначале создавалось первое поселение, которое в дальнейшем становилось центральным; по мере роста численности, члены сообщества расселялись от центра по хуторам. В результате этого речь поселений в течение веков менялась, обособлялась, возникали новые говоры и диалекты. Суть нашей методики заключается в том, что в речи жителей новых поселений по истечении определенного периода времени появляются новые языковые явления, которые отсутствуют в других идиомах. Они служат подтверждением того, что эти поселения возникли позже других – каждая новая волна миграций сопровождается появлением в языке инноваций.

Некоторые поселения расширялись, возникали новые хутора и сёла, образовывались диалекты и говоры. Другие же, вследствие ряда объективных факторов – войн, болезней, голода, отсутствия ресурсов и т.д., сохранились в виде одного или нескольких аулов, либо исчезли вовсе.

Одной из первых миграций стало переселение части даргинцев на северо-восток; они обосновались в пещерах и ущельях близ села Мекеги (Левашинский район Республики Дагестан) [\[9\]](#). Речь данных поселений стала в дальнейшем основой нынешних северных даргинских языков. «Вся северная часть даргинского ареала изначально говорила на мекегинском, что подтверждается многочисленными языковыми фактами – в самых различных местах обнаруживаются селения, речь которых в той или иной мере содержит характерные черты мекегинского диалекта. Они распространены на территории современных Левашинского, Акушинского, Дахадаевского, Сергокалинского, Карабудахкентского, Буйнакского и Гунибского районов Дагестана. В частности, это расположенные на периферии Дахадаевского района селения Дейбук и Харбук, речь которых традиционно относится к муиринскому диалекту; речь села Мугри Сергокалинского района, считающаяся говором урахинского диалекта, гапшиминская речь, в которой были отмечены черты мекегинского» [\[9, с. 342\]](#).

Не исключено также, что это переселение происходило постепенно, вдоль южной и восточной части горного массива Лес; при этом могли образовываться древние поселения в окрестностях нынешних аулов Харбук, Дейбук, Мугри и т.д.

Имеется ряд языковых изменений, как фонетических, так и грамматических, произошедших в северных языках после этой миграции. В первую очередь, это переход геминированных согласных, которые существовали в прадагдинском языке, в звонкие смычные и аффрикаты [14, с. 117]. В северных идиомах некоторые исходные звуки также перешли в другие звуки: *д* – *н* (*ду* «я» – *ну*), *д* – *р* (личные показатели *-да* (1-е л.)/*-ди* (2-е л.) – *-ра* (1-е л.)/*-ри* (2-е л.)), *й* – *с* (окончание датива и инфинитива), *г1* – *х1* (*г1у* «ты» – *х1у*) и т.д. Кроме этого, в северных диалектах произошло сокращение числа местных падежей, а также унификация многих грамматических форм, в т.ч. времен и наклонений [8, с. 14].

От мекегинского диалекта обособились акушинско-урахинская и мугинско-муиринская ветви. Акушинский был распространен в северной части Левашинского плато; урахинский же отпочковался от акушинского. Урахинцы освоили новые земли в восточной части даргиноязычного ареала. В акушинском диалекте произошли некоторые изменения, в числе которых частичная палатализация – переход заднеязычного взрывного *к* в аффрикату *ч*: *кебаъес* (мекегинск) «увидеть» – *чебаъес* (акуш.). Далее в урахинском палатализированный звук *ч* подвергся спирантизации: *ч* – *ш* (*чебаъес* «увидеть» – *шибаъис*).

Значительные изменения в локации северодагдинских идиомов произошли и в результате нашествия войск Тамерлана в конце XIII-го века. По свидетельству историка Р.Магомедова, акушинцы вынуждены были уйти на запад, где они расселились по соседству с цудахароязычными селениями [6].

Мегебцы, которые жили в окрестностях села Муги и говорили на мекегинском наречии, также после войны с Тамерланом, переместились в Гунибский район, где их речь подверглась значительному контактному влиянию соседствующих аварского и лакского языков, вследствие чего стала непонятной для других даргинцев. Так, в мегебском языке функционирует четыре грамматических класса, тогда как во всех даргинских идиомах три класса. В данной речи нет также личного показателя 2-го лица. Вспомогательный глагол *саби* «есть» замещается экзистенциальным показателем *леб* «имеется» [12].

Несколько ранних переселенческих волн носителей мекегинского диалекта были направлены на север и восток. В северной части возникло поселение Кадар, речь жителей которого также значительно обособилась от других: заднеязычный глухой смычный звук *къ* в нем подвергся спирантизации (*къача* «теленка» – *гъача*). В кадарской речи отмечены также случаи абруптивизации (*т* – *т1*: *талат* «вторник» – *талат1*), оглушения звонких (*г1яйиб* «вина» – *г1яип*) и т.д. [3, с. 67]. Мекегинцы, мигрировавшие на северо-восток, обосновали село Губден, а на востоке возникло мекегиноязычное село Мюрего.

Мугинский и муиринский диалекты распространены в центре даргиноязычного ареала. Хотя по своим грамматическим признакам они близки к мекегинскому, всегда подвергались контактному воздействию соседних диалектов. Так, в мугинском исчезли лабиализованные согласные, как в акушинском, в нем не происходит палатализации, как в мекегинском. Но в данных диалектах функционируют геминированные согласные, которые восстановились в них, возможно, под влиянием кайтагского языка – в свое время общество Муира входило в состав Кайтагского уцмийства, наиболее могущественного и сильного государства в средневековом Дагестане.

К ранним миграциям можно отнести переселение даргинцев из верховьев Уллучая на юг и восток, где впоследствии праужнодаргинский язык распался на чирагский, кубачинский, ицаринский, кайтагский, сирхинский идиомы.

Перемещение части даргинцев на юг способствовало образованию поселения Чираг, речь которого сохранила много архаичных явлений. Близка к чирагскому языку и речь соседнего села Кунки. Хотя в данных идиомах немало инноваций (например, редукция гласных в основе глаголов: *чакдатур* «посадил» (чираг.); *чекадтур* (кунк.)), в них, скорее всего, в наибольшей мере сохранилось прадаргинское состояние языка. Так, в чирагском функционируют более архаичные формы в образовании форм множественного числа существительных: *бец1* «волк» – *барц1е*, ср. акуш. *буц1и*. Древние формы отмечаются в чирагском и в маркировке форм эргатива: *квял* «корова» – *кьул-уд* (эрг.). Каузативные конструкции в чирагском и кункинском образуются аналитическим путем: *Идрисли Сяг1ид шша вач1и йахъиб* «Идрис заставил Саида приехать в село». В остальных даргинских диалектах используется морфема *-ахъ*: *б=уц-ахъ-ес* «заставить держать» (акуш.)».

Наиболее отдаленной от других даргинских языков считается кубачинская речь. Часть даргинцев с места исторической прародины мигрировала на юго-восток, в долину реки Дирбагкатта, которая стала землей аштынцев, близких по языку к кубачинцам. В дальнейшем часть аштынцев переселилась в скалы, находящиеся к востоку от нынешнего Кубачи, потомки которых впоследствии обосновали современный Кубачи. Речь кубачинцев изобилует как многочисленными инновациями, так и архаичными явлениями. В нем выпадают звуки *р* и *х1*, в результате чего предшествующие гласные становятся долгими. Аффриката *ц* в кубачинском может подвергаться спирализации: *ц* – *с* (*ца* «один» – *са*) [7, с. 62]. В нем отмечена также деспирантизация звуков: *с* – *т* (*сими* «гнев» – *тима*), *з* – *д* (*ваза* «мёд» – *вада*). В суффиксе прилагательных и причастий *-зи-б* (*-зи-в*, *-зи-й*, *-зи-д*) в кубачинском сохранились живые классные показатели, что характерно для более древнего состояния языка [7, с. 131].

На восток даргинцы мигрировали вдоль долины реки Уллучай. Одним из ранних поселений, возможно, являлось село Ицари, речь которого обладает значительными языковыми особенностями. В частности, в данном диалекте функционируют наречия места, которые дифференцируют направление или месторасположение объекта как в горизонтальной или вертикальной плоскостях, а также в зависимости от угла наклона между этими плоскостями, так и от сторон света. В ицаринском представлен также нехарактерный для других диалектов показатель деепричастия настоящего времени *-тти*. Ряд форм времен и наклонений (юссив, рогатив) встречается только в данном диалекте [15].

Кайтагцы селились на скалистых склонах обеих сторон Уллучая; наиболее ранними аулами кайтагцев можно считать несуществующие ныне села Мисраги, Абдаршка и др., расположенные на южном склоне хребта Вархата, а также лесной город Жилаги, который, по преданию, был историческим центром Кайтага. Постепенно кайтагцы спускались в долины рек и перемещались на восток, в сторону прикаспийской низменности, образуя новые поселения. Часть их свернула на юг и заселилась в северной части реки Рубас.

В диалектах и говорах кайтагского языка отмечается множество новых языковых явлений, характерных лишь для данной речи. Процесс палатализации в кайтагском получил большее распространение по сравнению с другими даргинскими идиомами: в

позиции перед гласными *и, е* могут палатализоваться лабиализованные заднеязычные согласные. Формы инфинитива образуются посредством суффиксов *-ара, -ана*. Функционируют формы инклюзива и эксклюзива. Одной из особенностей каттагинского и ирчамульского диалектов данного языка является утрата классных показателей во вспомогательном глаголе *цаби* «есть» – *ца*. В системе местных падежей в кайтагском функционирует категория ориентации; показателем каузатива выступает суффикс *-ах/-ях*. [\[11, с. 42\]](#).

Наибольшее число нынешних даргинских поселений локализовано в сирхинско-цудахарском ареале. Сирхинцы, переместившиеся с исторической прародины в северную сторону, стали обживать верховья реки Дживус, северного притока Уллучая, образовав поселения Нази, Кассагумахи, Нахи и т.д. Расселение сирхинских поселений шло вдоль речных долин по направлению на восток (селения Урари, Цугни, Дзилебки, Урцаки, Амузги, Шири и др.); часть сирхинцев свернула на юг (селения Худуц, Санжи [\[13\]](#)).

А другая часть сирхинцев мигрировала на север (с. Танты [\[10\]](#)) и далее за хребет Лес, где возникли поселения Бутри, Усиша, Гинта, речь которых исследователями традиционно относятся к диалектам цудахарского наречия [\[1, с. 8\]](#). Само же село Цудахар возникло в результате миграции жителей этих селений в северную сторону – по долине реки Акуша они дошли до Казикумухского Койсу, где и появились цудахарские поселения (Тебекмахи, Хаджалмахи, Куппа...) .

В сирхинской речи большое распространение получила фарингализация; помимо фарингального смычного *г1*, в ней функционирует и фарингальный спирант *гь1*. В цудахарско-сирхинских диалектах представлена также развитая система указательных местоимений [\[4\]](#).

Особый интерес вызывают диалекты переходного типа, в которых совмещены свойства нескольких соседних идиомов. В качестве примера можно назвать гапшиминский, который по фонетике близок к сирхинско-цудахарскому языку, а по грамматике – диалектам мекегинского типа. Село Гапшима (букв. «три села») образовалось в результате слияния жителей трех селений. По всей видимости, в одном из них (западном) говорили на сирхинско-цудахарском, а в других – на мекегинском диалекте, в результате чего в современной речи гапшиминцев смешались черты обоих диалектов.

Таким образом, в статье рассмотрены проблемы переселений древних даргинцев и образования даргинских языков и диалектов. Высказана гипотеза о прародине даргинцев. В результате проведенного исследования установлено, что она находилась в верховьях реки Уллучай. Переселение части даргинцев на северо-восток, в район современного села Мекеги стало одной из ранних миграций. Речь этого поселения стала в дальнейшем основой северно-даргинских языков. В речи жителей новых поселений с течением времени возникают новые языковые явления, которых нет в других диалектах. Это означает, что поселения возникли позже других – каждая новая волна миграций сопровождается появлением в языке инноваций.

Другая часть даргинцев переселилась на юг и восток, вследствие чего праюжнодаргинский язык распался на чирагский, кубачинский, ицаринский, кайтагский, сирхинский идиомы. Миграция части даргинцев на юг способствовало образованию села Чираг, в восточной части возникли Кубачи и кайтагские аулы. Сирхинские поселения образовались к северо-востоку от исторической прародины, перемещение сирхинцев было также в юго-восточную сторону. Образование цудахарских поселений является

следствием того, что часть сирхинцев мигрировала на север. Результаты исследования будут способствовать созданию сравнительно-исторической грамматики даргинских языков, а также подготовке истории древнего периода даргинского и других дагестанских народов.

Библиография

1. Абдуллаев С. Н. Грамматика даргинского языка (фонетика и морфология). Махачкала: Институт истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР, 1954. 216 с.
2. Беляев О.И. 2019. Место ширинского и амугинского среди диалектов даргинского языка // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований, том 2, № 24, с. 20-38.
3. Вагизиева Н. А. О некоторых фонетических особенностях кадарского диалекта даргинского языка // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 7-2 (61). С. 65-69.
4. Кадибагамаев А.А. Сирхинский диалект даргинского языка (фонетическая система). Махачкала: Издательство ДГТУ 1998. 124 с.
5. Коряков Ю. Б. Атлас кавказских языков. Москва: Пилигрим, 2006. — 76 с.
6. Магомедов, Р.М. Даргинцы в дагестанском историческом процессе. Махачкала: Дагестанское книжное издательство. 1999. 504 с.
7. Магометов А. А. Кубачинский язык: исследование и тексты. Тбилиси: Издательство Академии наук Грузинской ССР, 1963. 340 с.
8. Муталов Р. О. Классификация даргинских языков и диалектов // Социоллингвистика. М., 2021. № 3 (7). С. 8-25.
9. Муталов Р.О. Мекегинский диалект – основа севернодаргинского языка? // «Язык как он есть» к 60-летию Андрея Александровича Кибрика. М.: издательство ООО «Буки-Веди». 2023. С. 339-344.
10. Сумбатова Н. Р., Ландер Ю. А. Даргинский говор селения Танты: грамматический очерк, вопросы синтаксиса: монография. М.: Языки славянской культуры, 2014. 752 с.
11. Темирбулатова С. М. Хайдакский диалект даргинского языка. Махачкала: Издательство типографии Дагестанского научного центра Российской академии наук, 2004. 304 с.
12. Daniel M., Dobrushina N., Ganenkov D. (Eds.) The Mehweb language: Essays on phonology, morphology and syntax (Languages of the Caucasus 1). Berlin: Language Science Press. 2019. 365 p.
13. Forker D. A Grammar of Sanzhi Dargwa. Berlin: Language Science Press, 2020. 606 p.
14. Nikolayev S. L., Starostin S. A.; ed. by S. A. Starostin. (1994) A North Caucasian etymological dictionary. Moscow: Asterisk. 1406 p.
15. Sumbatova N. R., Mutalov R. O. A Grammar of Icarl Dargwa. München – Newcastle: LINCOM Europa, 2003. 257 p.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В рецензируемой статье предметом исследования выступает образование даргинских языков и диалектов вследствие древнедаргинских миграций. Отмечается, что «даргинские языки, как и другие дагестанские и кавказские языки в целом, имеют многотысячелетнюю историю своего развития. Тем не менее, она пока остается неизученной; нет сравнительно-исторической грамматики даргинских языков, нет

этимологических словарей, которые могли бы пролить свет на образование даргинских языков и диалектов, а также, в целом, на историю даргинского народа». Вышесказанное подтверждает актуальность предмета исследования. Видится важным сбор и систематизация полевого материала даргинских языков: «социолингвистическая ситуация в регионе характеризуется тем, что вследствие глобализации и изменения традиционных устоев жизни горцев, малые языки подвержены быстрому исчезновению». Теоретической основой исследования выступили работы таких отечественных и зарубежных ученых, как С. Н. Абдуллаев, О. И. Беляев, Н. А. Вагизиева, А. А. Кадибагамаев, Р. М. Магомедов, А. А. Магометов, Р. О. Муталов, С. М. Темирбулатова, Н. Р. Сумбатова, Ю. А. Ландер, М. Даниэль, Д. Форкер и др. Библиография статьи составляет 15 источников, соответствует специфике рассматриваемого предмета, содержательным требованиям и находит отражение на страницах статьи. Все цитаты ученых сопровождаются авторскими комментариями. Методология исследования продиктована комплексным подходом к изучаемому материалу: применяются общенаучные методы анализа и синтеза, общелингвистические методы наблюдения и описания, культурно-исторический и сравнительно-сопоставительный методы, методы дискурсивного и когнитивного анализа.

Анализ теоретического материала и его практическое обоснование позволили автору(ам) установить, что «за полуторавековую историю научного изучения даргинских диалектов в даргиноведении накоплен значительный по объему языковой материал»; имеются языковые материалы, включающие «многие аспекты фонетической системы, грамматического строя и лексического состава различных даргинских языков и диалектов, а также реконструкция исходных звуков и грамматических форм», что позволяет полагать, что «первым местом их обитания в дагестанских горах стало верховье реки Уллучай, локализованное в юго-западной части нынешнего расселения даргинцев. Оттуда и происходила миграция древних даргинцев по разным направлениям. Хотя трудно говорить о точных датировках, можно предположить, что таких миграционных волн было несколько», причем каждая новая волна миграций сопровождается появлением в языке инноваций.

Теоретическая и практическая значимость работы состоит в том, что ее результаты способствуют более глубокому изучению происхождения и развития даргинского языка. Результаты исследования будут способствовать созданию сравнительно-исторической грамматики даргинских языков, а также подготовке истории древнего периода даргинского и других дагестанских народов.

Стиль статьи отвечает требованиям научного описания, содержание соответствует названию, логика изложения материала четкая. Обращаем внимание автора(ов) на разношерстное оформление библиографического списка. Например, Беляев О.И. 2019. Место ширинского и амугинского среди диалектов даргинского языка // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований, том 2, № 24, с. 20-38.

Nikolayev S. L., Starostin S. A.; ed. by S. A. Starostin. (1994) A North Caucasian etymological dictionary. Moscow: Asterisk. 1406 p.

В дальнейшем рекомендуем руководствоваться требованиями редакции.

Статья имеет законченный вид; она вполне самостоятельна, оригинальна, будет полезна широкому кругу лиц и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Нанкевич А.А., Сухова Е.Е., Грибер Ю.А. Влияние тревожности на структуру цветковых ассоциаций // Litera. 2024. № 12. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.12.72897 EDN: XWVCBD URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=72897

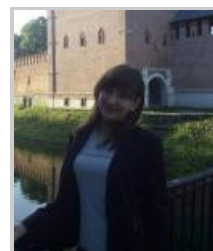
Влияние тревожности на структуру цветковых ассоциаций

Нанкевич Алёна Анваровна

ORCID: 0000-0002-4261-4460

ассистент; кафедра социологии и философии; Смоленский государственный университет
214000, Россия, Смоленская область, г. Смоленск, ул. Пржевальского, 4

✉ alena.nankevitch@yandex.ru

Сухова Елена Евгеньевна

ORCID: 0000-0003-1351-5479

кандидат социологических наук

Декан, Социологический факультет Смоленского государственного университета
214000, Россия, Смоленская область, г. Смоленск, ул. Пржевальского, 4

✉ elena-suchova@mail.ru

Грибер Юлия Александровна

ORCID: 0000-0002-2603-5928

доктор культурологии

профессор; кафедра социологии и философии; Смоленский государственный университет
директор; Лаборатория цвета; Смоленский государственный университет
214000, Россия, Смоленская область, г. Смоленск, ул. Пржевальского, 4

✉ y.griber@gmail.com

[Статья из рубрики "Психолингвистика"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2024.12.72897

EDN:

XWVCBD

Дата направления статьи в редакцию:

22-12-2024

Дата публикации:

29-12-2024

Аннотация: Объектом настоящего исследования выступает цветовая когниция, под которой понимается система культурно-обусловленных познавательных процессов, объединяющих восприятие цвета, его категоризацию, аффективные маркеры, вербальную и невербальную коммуникацию. Предметом исследования выступает связь между уровнем тревожности и цветовыми ассоциациями с антропологически значимыми концептами. Цель – экспериментальная проверка гипотезы, согласно которой уровень тревожности влияет на структуру, плотность и элементы системы цветовых ассоциаций. В эксперименте приняли участие 100 человек (23 мужчины и 77 женщин) в возрасте от 17 до 24 лет (средний возраст 19,71, $SD=1,72$). Их уровень тревожности был установлен с помощью шкалы проявлений тревоги Тейлор ТМАС в адаптации В. Г. Норакидзе. В зависимости от суммарной оценки по шкале проявлений тревоги Тейлор участники были разделены на 3 группы: с низким, средним и высоким уровнями тревожности. Палитра эксперимента включала 9 цветовых образцов системы естественных цветов NCS, которые были разделены на теплые и холодные. Участников просили сопоставить цветовые образцы палитры с 26 антропологически значимыми концептами. Эксперимент показал, что, во-первых, уровень тревожности соотносится с ассоциативной группой предпочтительных цветов: по мере увеличения степени тревожности количество теплых оттенков заметно снижается, а холодных – увеличивается. Во-вторых, во всех трех группах доминировали «красные» и «серые» ассоциации, а различия частотности других выбираемых тонов, за исключением красного, сине-зеленого и желто-зеленого, были достаточно слабыми. В-третьих, ключевым результатом исследования является установление корреляции между выделенностью отдельных хроматических значений в структуре цветовых ассоциаций и степенью тревожности: в группах с более высоким уровнем тревожности зафиксировано сокращение количества связей и рост доминирования отдельных ассоциаций. Полученные данные имеют важное значение для понимания связи между уровнем тревожности и цветовой когницией, прежде всего это касается цветовой репрезентации собственного состояния и настроения человека. Изучение связи между уровнем тревожности и цветовой когницией может быть продолжено в отношении других хроматических характеристик и исследования кросс-культурной и социокультурной специфики.

Ключевые слова:

цвет, цветовые ассоциации, цветоощущение, цветовосприятие, перцептивный образ, когнитивные процессы, цветовая когниция, ассоциативный эксперимент, тревожность, антропологически значимые концепты

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00407, <https://rscf.ru/project/22-18-00407/> в Смоленском государственном университете.

Введение

Начиная со второй половины XX века человечество живет в «эпоху беспокойства» [1], а тревожность составляет естественную часть современной жизни (см. подр.: [2]). Представляя собой устойчивую личностную черту, выполняющую адаптационно-ориентировочную функцию [3], тревожность включает эмоциональный, когнитивный и

операциональный компоненты [4] и, с точки зрения психофизиологии, является мобилизующей реакцией на стресс, которая активирует процессы, способствующие выживанию в широком смысле [5]. Сопутствующими физиологическими симптомами тревожности являются учащенное сердцебиение, одышка, потливость, сухость во рту и мышечное напряжение (см. подр.: [6; 7]).

Согласно проведенным экспериментам, тревожность и сопровождающие ее психофизиологические изменения состояния заметно влияют на когнитивные функции. В большинстве случаев это влияние имеет негативный характер: тревожность снижает результативность выполнения заданий [8] и успешность на экзаменах [9], вызывает нарушения концентрации внимания [10], изменения в имплицитных представлениях субъекта о себе, мире и в восприятии окружающей реальности [11] и даже пересмотр ценностей [12]. Конструктивный потенциал тревожности формируется за счет мобилизации ресурсов личности [5; 7], стимулирования интеллектуальной деятельности [13] и креативного поиска [14], а также за счет повышения качества обработки эмоций, особенно тех, что связаны с угрозой [15]. Исследования также указывают на то, что отмеченные изменения когнитивных функций, как конструктивные, так и деструктивные, коррелируют с уровнем тревожности субъекта (см. напр.: [16]).

Несмотря на большое количество исследований тревожности в контексте ее влияния на когнитивные процессы, связь тревожности с цветовой когницией до сих пор остается без должного интереса. Современное изучение отношений между тревожностью и цветом выстраивается вокруг двух узловых тем.

Первая связана с анализом **цветовых образов тревожности**, которое, в большинстве случаев, предполагает самоописание «в цвете» своего состояния субъектами, а потом сравнение полученных хроматических распределений с уровнем их тревожности (см. напр.: [17]). Данные этих исследований показывают настолько существенные различия между экспериментальной и контрольной группами, что авторы предлагают использовать их в качестве диагностического инструмента для определения уровня тревожности в тех случаях, когда вербальное тестирование затруднено или невозможно (например, при обследовании детей). Исследуются также цветовые предпочтения людей с тревожностью [18; 19] и возможное влияние тревожности на цветовосприятие [20].

Второй узловой темой является изучение **воздействия цвета на тревожность** и способность определенных оттенков повышать или понижать ее уровень. В большинстве подобных исследований в качестве стимулов используется ограниченный набор основных цветов, чаще всего, включающий красный, желтый, синий и зеленый, а главный вывод заключается в том, что воздействие красного [6] и желтого [21] цвета повышает уровень тревожности, в то время как синий и зеленый оказывают противоположное влияние [22].

Представленное в статье исследование направлено на получение новых эмпирических знаний, важных для последующего теоретического осмысления фундаментальных механизмов связи тревожности с цветовой когницией.

Объектом исследования является цветовая когниция, которая понимается как система культурно-обусловленных ментальных (познавательных) процессов, инициируемая восприятием цвета, его категоризацией, соотнесением с другими категориальными

структурами и аффективными маркерами, хранящимися в памяти, и последующей вербальной и невербальной коммуникацией, а познание трактуется в самом широком смысле слова, начиная от сетчаточных механизмов цветоразличения и заканчивая природой социокультурных стереотипов создания, выбора и применения цвета (см. подр.: [23]).

Предмет исследования – влияние уровня тревожности на цветовые ассоциации с антропологически значимыми концептами.

Цель исследования – проверка гипотезы о том, что уровень тревожности значительно влияет на систему цветовых ассоциаций, что приводит к переописанию ее структуры и плотности, изменению частотности оттенков с определенными хроматическими характеристиками и трансформации цветовых образов отдельных концептов.

Метод

Участники. В эксперименте приняли участие 100 человек (23 мужчины и 77 женщин) в возрасте от 17 до 24 лет (средний возраст 19,71, SD=1,72). Никто из участников не испытывал проблем с восприятием цвета и цветоразличением.

Перед началом эксперимента всем участникам измерили уровень тревожности с помощью шкалы проявлений тревоги Тейлор ТМАС в адаптации В. Г. Норакидзе [24]. Шкала включала 50 вопросов, на которые участники должны были ответить «да» или «нет». Если ответ совпадал с ожидаемым ответом, обозначенным в ключе опросника, ему присваивался 1 балл. Уровень тревожности определялся по сумме полученных респондентом баллов.

В зависимости от суммарной оценки по шкале проявлений тревоги Тейлор участники были разделены на 3 группы:

Группа 1: 0–15 баллов – низкий уровень тревоги (N=35, 6 мужчин и 29 женщин).

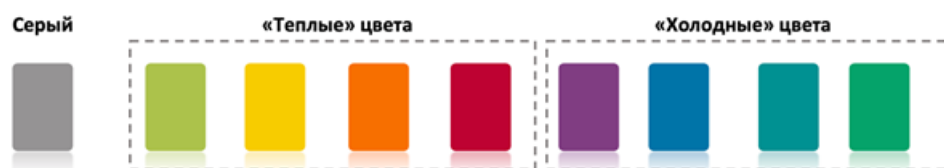
Группа 2: 16–24 балла – средний уровень тревоги (N=38, 7 мужчин и 31 женщина);

Группа 3: 25–50 баллов – высокий уровень тревоги (N=27, 9 мужчин и 18 женщин).

Стимулы. В исследовании использовалась палитра из 9 цветовых образцов системы естественных цветов NCS. Она включала насыщенные оттенки четырех простых цветов (Y – желтого, R – красного, B – синего, G – зеленого) и четырех составных цветов (Y50R – оранжевого, R50B – фиолетового, B50G – сине-зеленого, G50Y – зелено-желтого) (табл. 1).

Таблица 1. Цветовые образцы эксперимента.

Условные обозначения приведены в соответствии с цветовой системой NCS

Процедура эксперимента. Участников эксперимента просили сопоставить цветовые образцы палитры с 26 понятиями (теплый–холодный, грустный–радостный, спокойный–

беспокойный, близкий–далекий, молодой–старый, женский–мужской, быстрый–медленный, сильный–слабый, фальшивый–искренний, дешевый–дорогой, безопасный–опасный, здоровый–больной, я–другие) и самостоятельно внести код выбранного оттенка в бланк. Все цветовые образцы предъявлялись участникам одновременно. Продолжительность выбора не ограничивалась. Одни и те же оттенки можно было выбирать несколько раз, то есть использовать одинаковые цвета в качестве ассоциаций с разными понятиями (см. подр.: [25; 26]).

Анализ данных. База данных исследования составила 2600 ответов, которые затем были разделены на три группы в зависимости от выявленного уровня тревожности участников исследования. Анализ полученных данных ассоциативного эксперимента проводился с использованием процедур когнитивной интерпретации, которые позволили сделать предположительные выводы об особенностях ментальных процессов в сознании респондентов (см. подр.: [27]).

Для оценки степени разнообразия полученных цветовых ассоциаций использовались индексы Шеннона, Симпсона и Маргалефа (см. подр.: [28; 29]).

Индекс разнообразия Шеннона рассчитывался по формуле:

$$H = -\sum p_i * \ln p_i, \quad (1)$$

где i – различные ассоциации, p_i – вероятность встретить определённую ассоциацию в выборке, которая рассчитывается по формуле $p_i = \frac{n_i}{N}$, n_i – количество ассоциаций определенного вида, N – число ответов.

Индекс Маргалефа рассчитывался по формуле:

$$d = (s-1)/\ln N, \quad (2)$$

где s – количество видов ассоциаций, N – число ответов.

Для расчета индекса Симпсона использовалась формула:

$$D = 1 - \sum (n_i (n_i - 1)) / (N(N-1)), \quad (3)$$

где n_i – количество ассоциаций определенного вида, N – количество ответов.

Результаты и обсуждение

Эксперимент позволил выявить некоторые особенности системы цветовых ассоциаций у людей с разным уровнем тревожности. Различия проявлялись (1) в структуре и плотности набора цветовых ассоциаций; (2) в частотности выбираемых оттенков из разных групп; (3) в цветовых образах отдельных концептов.

(1) Структура и плотность цветовых ассоциаций

Для сравнения структуры и плотности полученных цветовых ассоциаций, мы рассчитали индексы Шеннона, Маргалефа и Симпсона (табл. 2), которые традиционно применяются в экологии, каждый – с определенными целями.

Таблица 2. Индексы разнообразия в группах с разным уровнем тревожности

Индексы	Группа 1	Группа 2	Группа 3
Индекс Шеннона, H	4,924264	4,89128	4,847994
Индекс Маргалефа, d	29,1428	27,69849	27,5925
Индекс Симпсона, D	4070,194	8739,146	8005,193

Индекс Шеннона (1), который в экологических исследованиях используется для определения биоразнообразия и отражает сложность структуры сообщества (в нашем исследовании – структуры набора цветочных ассоциаций), в Группе 3 (высокий уровень тревожности) имел меньшее значение, чем в двух других ($H_1 = 4,924264$; $H_2 = 4,89128$, $H_3 = 4,847994$). Непрерывный характер снижения значений индекса Шеннона указывает на то, что уровень тревожности обратно пропорционален степени сложности структуры цветочных ассоциаций.

Индекс Маргалефа (2), который в исследованиях биоразнообразия позволяет сделать выводы о видовом богатстве и плотности видов на определенной территории, а применительно к нашему материалу показывает вариативность цветочных ассоциаций, был выше в Группе 1 (низкий уровень тревоги) по сравнению с двумя другими группами, где данный показатель оказался примерно одинаковым ($d_1 = 29,1428$; $d_2 = 27,69849$; $d_3 = 27,5925$).

Наоборот, индекс Симпсона (3), который позволяет определять доминирование тех или иных видов сообщества (в нашем случае – разных цветочных ассоциаций) и возрастает по мере доминирования одного или нескольких видов, в Группе 1 был в два раза меньше ($D_1 = 4070,194$; $D_2 = 8739,146$; $D_3 = 8005,193$).

Зафиксированное снижение индексов Шеннона и Маргалефа при увеличении индекса Симпсона говорит о том, что в структуре цветочных ассоциаций в группах с повышенным и высоким уровнями тревожности наблюдается уменьшение количества видов ассоциаций и рост доминирования отдельных связей.

(2) Частотность выбираемых оттенков из разных групп. С точки зрения частотности выбираемого тона, во всех группах было выявлено предпочтение к красному (S 1080-R) и серому (S 4000-N) (рис. 1); однако в Группе 2 и 3, где уровень тревожности был более высоким, популярность красного при построении ассоциативных связей с различными концептами была несколько ниже (ср.: рис. 2 слева). Респонденты с более высокой тревожностью значительно реже использовали также желто-зеленый (S 1075-G50Y), немного реже – оранжевый (S 0585-Y50R) и синий (S 2065-B). Наоборот, они намного чаще выбирали сине-зеленый (S2060-B50G) и немного чаще – желтый (S 0580-Y). В целом, схема построения цветочных ассоциаций была более схожей в Группе 2 и 3.

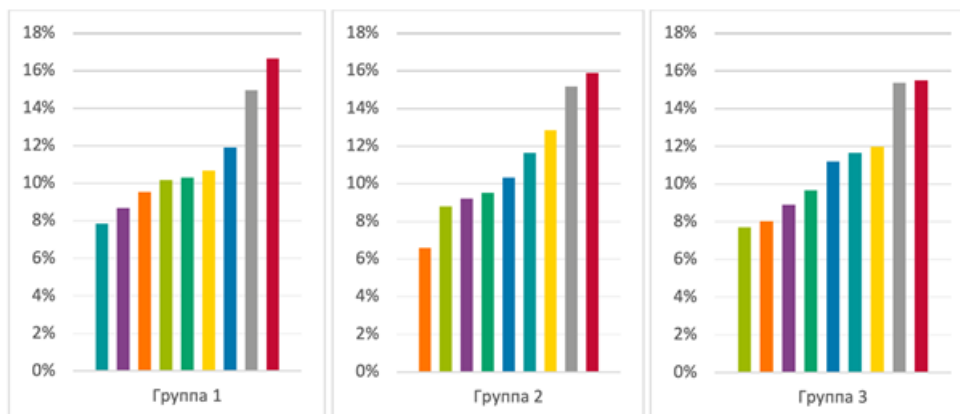

Рисунок 1. Частота выбора тона в группах с разным уровнем тревожности

Основываясь на результатах проведенных ранее исследований, согласно которым с ростом показателей уровня тревожности коррелирует не только тон, но и ассоциативная группа предпочтительных оттенков [19], мы разделили все хроматические стимулы на два блока (теплые цвета, холодные цвета) и рассчитали соотношение выборов теплых и холодных цветов в группах с разным уровнем тревожности. Такой анализ показал, что с ростом тревожности наблюдается снижение количества выборов теплых цветов и, наоборот, более популярными становятся холодные оттенки (рис. 2 справа).

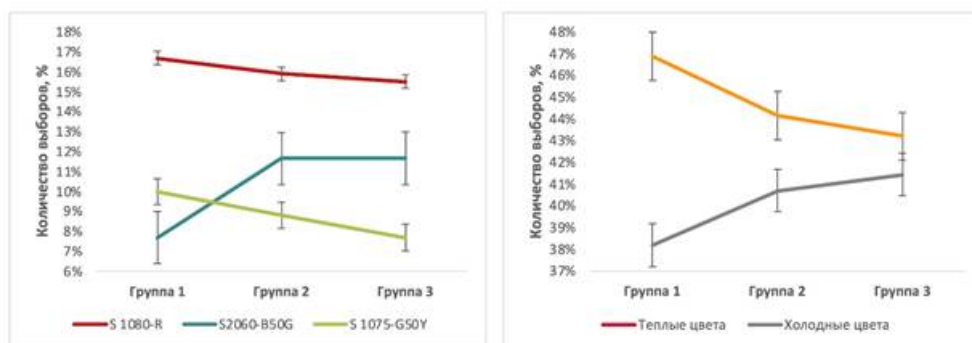

Рисунок 2. Соотношение выборов оттенков разного тона (красного, сине-зеленого, желто-зеленого) (слева); теплых и холодных цветов (справа)

в группах с разным уровнем тревожности

(3) Цветовые образы отдельных концептов. Расширенный сравнительный анализ цветовых образов отдельных концептов позволил установить, что с повышением уровня тревожности заметно меняется не только соотношение холодных и теплых оттенков среди цветовых выборов, но и цветовое представление самих концептов *теплый* и *холодный* (рис. 3). В частности, в цветовом образе концепта *теплый* снижается доля оранжевого цвета (на 15% в Группе 2 и на 7% в Группе 3) на фоне увеличения частоты желтого (на 17% в Группе 2) и ярко-красного цветов (на 6% в Группе 2 и на 10% в Группе 3). Среди оттенков, выбранных для ассоциативного описания *холодного* увеличивается доля синего (на 8% в Группе 2 и на 10% в Группе 3) и сине-зеленого (на 17% в Группе 2 и на 19% в Группе 3).

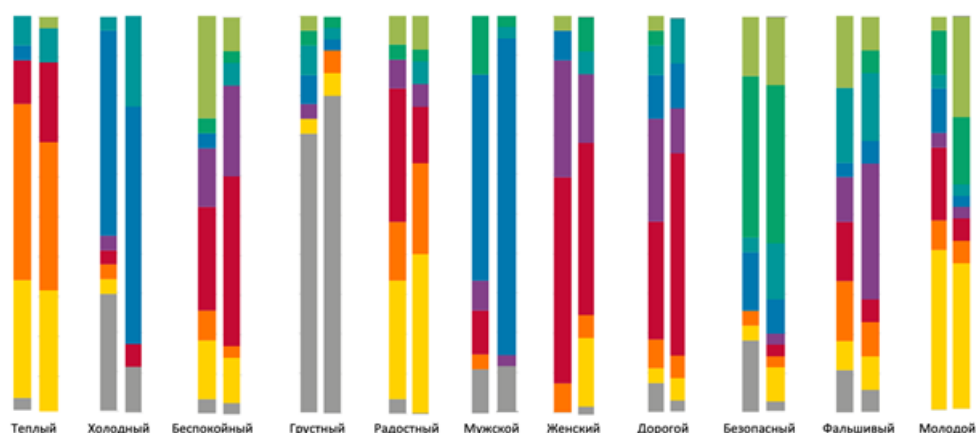

Рисунок 3. Наиболее заметные различия цветовых образов понятий в Группе 1 (слева) и 3 (справа)

Поскольку в проведенных ранее исследованиях было установлено существенное отличие

в цветовой репрезентации людьми с повышенной тревожностью своего настроения по сравнению с контрольной группой, мы провели детальный сравнительный анализ концептов *беспокойный* и *грустный*. В более ранних исследованиях подавляющее большинство тревожных участников эксперимента использовало для описания своего состояния, которое они вербально характеризовали как *беспокойное*, *подавленное*, *нерадостное*, разные по своим светлоте оттенки серого [17]. При этом одинаковая тенденция наблюдалась, как у людей, которые принимали антидепрессанты, так и участников, которые справлялись с тревожностью без медикаментов. В нашем случае в цветовом образе концепта *беспокойный* различия в большей степени касались желто-зеленого и красного цветов. В хроматической структуре концепта *грустный* статистически значимых различий обнаружено не было.

При этом мы зафиксировали, что с ростом уровня тревожности заметно меняются цветовые образы понятий *радостный*, *мужской*, *женский*, *дорогой*, *безопасный*, *фальшивый*, *искренний*. В значении синего цвета усиливаются семы *холодный* (на 6% в Группе 2 и на 8% в Группе 3) и *мужской* (на 28% в Группе 3). Фиолетовый гораздо реже ассоциируется с *женским* и *дорогим*, но чаще – с *фальшивым*. Зеленый, сине-зеленый и желто-зеленый чаще связываются с *безопасным* и реже ассоциируются с *молодым* (рис. 3).

Заключение и выводы

В целом, проведенное исследование подтвердило гипотезу о том, что изменение уровня тревожности ощутимо влияет на систему цветовых ассоциаций, и позволило сделать ряд важных выводов о том, что именно происходит.

(1) Эксперимент показал, что степень тревожности коррелирует с ассоциативной группой предпочтительных оттенков: с ростом тревожности доля теплых оттенков заметно снижается, доля холодных – увеличивается. Более того, с повышением уровня тревожности заметно меняется и цветовое представление самих концептов *теплый* и *холодный*.

(2) В меньшей степени уровень тревожности оказался связанным с тоном предпочтительных оттенков: во всех трех группах среди выборов участников доминировали «красные» и «серые» ассоциации, а различия частотности других выбираемых тонов, за исключением красного, сине-зеленого и желто-зеленого, были достаточно слабыми.

(3) Ключевым выводом исследования является выраженная выделенность отдельных хроматических значений в структуре цветовых ассоциаций в группах с более высоким уровнем тревожности: здесь фиксируется сокращение количества связей и рост доминирования отдельных ассоциаций. Такой результат хорошо согласуется с выводами проведенных ранее исследований о том, что с ростом степени тревожности формируются более устойчивые ассоциативные связи отдельных антропологически значимых концептов с цветом, прежде всего это касается цветовой репрезентации собственного состояния и настроения (см. напр.: [17]).

Подчеркнем, что в данном эксперименте мы ставили перед собой задачу проверить корреляцию степени тревожности лишь с одной хроматической характеристикой – тоном. Исследование должно быть продолжено в отношении других хроматических характеристик, прежде всего – в отношении насыщенности и светлоты. Более ранние исследования тревожности (см. напр.: [17; 18]) дают все основания предполагать, что ее

усиление может коррелировать с ростом предрасположенности к выбору темных, ахроматических и ненасыщенных оттенков. Мы не исключаем также, что установленные различия могут иметь кросс-культурную специфику и различаться у представителей одной культуры разного возраста и пола.

Библиография

1. Мэй Р. Смысл тревоги. М.: Независимая фирма «Класс», 2001. 384 с. ISBN 5-8635-034-0.
2. Агишева А. А. Конструктивный потенциал тревожности и подходы к его пониманию // Российский психологический журнал. 2023. Т. 20, № 4. С. 42–62.
<https://doi.org/10.21702/rpj.2023.4.3>
3. Сидоров К. Р. Тревожность как психологический феномен // Вестник Удмуртского университета. Серия «Философия. Психология. Педагогика». 2013. № 2. С. 42–52.
4. Прихожан А. М. Тревожность у детей и подростков: психологическая природа и возрастная динамика. М.: Московский психолого-социальный институт; Воронеж: Издательство НПО «МОДЭК», 2000. 304 с. ISBN 5-89502-089-5.
5. Кашапов М. М., Кудрявцева А. А. Тревожность и тревога как личностный ресурс // Ярославский психологический вестник. 2021. № 1 (49). С. 22–26.
6. Honig L. Physiological and psychological response to colored light: dis...doct. of Ph. D. in Psychology. San Francisco, 2007. 118 p.
7. Нехорошкова А. Н., Грибанов А. В., Джос Ю. С. Проблема тревожности как сложного психофизиологического явления // Экология человека. 2014. № 6. С. 47–54.
<https://doi.org/10.17816/humeco17231>
8. Williams J. E. Gender-related worry and emotionality test anxiety for high achieving students // Psychology in the Schools. 1996. Vol. 33, No. 2. P. 159–162.
[https://doi.org/10.1002/\(SICI\)1520-6807\(199604\)33:2<159::AID-PITS9>3.0.CO;2-M](https://doi.org/10.1002/(SICI)1520-6807(199604)33:2<159::AID-PITS9>3.0.CO;2-M)
9. Elliot A. J., McGregor H. A. Test anxiety and the hierarchical model of approach and avoidance achievement motivation // Journal of Personality and social Psychology. 1999. Vol. 76, No. 4. P. 628–644. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.76.4.628>
10. Notebaert L. et al. When a bad bias can be good: Anxiety-linked attentional bias to threat in contexts where dangers can be avoided // Clinical Psychological Science. 2017. Vol. 5, No. 3. P. 485–496. <https://doi.org/10.1177/2167702616681295>
11. Харламенкова Н. Е. Посттравматический стресс и суверенность личности в аспекте исследования личностной релевантности домашней среды // Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Личность и бытие: человек как субъект социокультурной реальности»: сб. статей / под ред. З. И. Рябикиной, В. В. Знакова. Краснодар, 2016. С. 286–289.
12. Магомед-Эминов М. Ш. Феномен посттравматического роста // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2009. №. 3. С. 111–117.
13. Грибанов А. В., Депутат И. С., Нехорошкова А. Н., Кожевникова И. С., Панков М. Н., Иорданова Ю. А., Старцева Л. Ф., Иконникова И. В. Психофизиологическая характеристика тревожности и интеллектуальной деятельности в детском возрасте // Экология человека. 2019. №. 9. С. 50–58. <https://doi.org/10.33396/1728-0869-2019-9-50-58>
14. Cheng L. Delving into the role of mindfulness on the relationship among creativity, anxiety, and boredom of young EFL learners // Heliyon. 2023. Vol. 9, No. 2.
<https://doi.org/10.1016/j.heliyon.2023.e13733>
15. Heffer N., Gradidge M., Karl A., Ashwin C., Petrini K. High trait anxiety enhances optimal integration of auditory and visual threat cues // Journal of Behavior Therapy and Experimental Psychiatry. 2022. Vol. 74. <https://doi.org/10.1016/j.jbtep.2021.101693>

16. Samoilov N. G., Aleshicheva A. V. Correlation between hardiness and negative personal states in athletic activities // Sport Sciences for Health. 2023. Vol. 19, No. 2. P. 679–689. <https://doi.org/10.1007/s11332-022-00943-y>
17. Carruthers H. R. et al. The Manchester Color Wheel: development of a novel way of identifying color choice and its validation in healthy, anxious and depressed individuals // BMC Medical Research Methodology. 2010. Vol. 10. <https://doi.org/10.1186/1471-2288-10-12>
18. Ireland S. R., Warren Y. M., Herringer L. G. Anxiety and color saturation preference // Perceptual and Motor Skills. 1992. Vol. 75, No. 2. P. 545–546. <https://doi.org/10.2466/pms.1992.75.2.545>
19. Korkmaz S. et al. The correlation between color choices and impulsivity, anxiety and depression // European Journal of General Medicine. 2016. Vol. 13, No. 3. <https://doi.org/10.29333/ejgm/1592>
20. Hosono Y. et al. Anxiety affects the amplitudes of red and green color-elicited flash visual evoked potentials in humans // The Journal of Medical Investigation. 2014. Vol. 61, No. 1–2. P. 79–83. <https://doi.org/10.2152/jmi.61.79>
21. Jacobs K. W., Suess J. F. Effects of four psychological primary colors on anxiety state // Perceptual and Motor Skills. 1975. Vol. 41, No. 1. P. 207–210. <https://doi.org/10.2466/pms.1975.41.1.207>
22. Hettiarachchi A. A., Perera U. D. R. Colour as an agent to manage depression, anxiety and stress levels of mobility impaired individuals in healthcare facilities: Insights from a Rehabilitation Centre at Ragama, Sri Lanka // FARU Journal. 2022. Vol. 9, No. 1. P. 45–53. <https://doi.org/10.4038/faruj.v9i1.122>
23. Грибер Ю. А., Лавренова О. А. Когнитивная культурология цвета: научные основы колористики культурного ландшафта. М.: Согласие, 2024. 188 с. ISBN 978-5-907616-51-6.
24. Шкала проявлений тревоги Тейлор (Taylor Manifest Anxiety Scale, TMAS) // Психологические тесты онлайн. URL: <https://psytests.org/anxiety/tmasA.html> (дата обращения: 26.12.24)
25. Грибер Ю.А., Юнг И.Л. Здоровье и болезнь: цветовые ассоциации в современной русской культуре // Человек и культура. 2018. № 5. С.32-43. DOI: 10.25136/2409-8744.2018.5.23491 URL: https://e-notabene.ru/ca/article_23491.html
26. Griber Y. A., Jung I. L. Colors of Health and Sickness: Sociocultural Research of Associative Connections // Общество. Среда. Развитие. 2017. № 4. С. 89–95.
27. Стернин И. А. Проблемы интерпретации результатов ассоциативных экспериментов // Вопросы психолингвистики. 2020. № 3(45). С. 110–125. <https://doi.org/10.30982/2077-5911-2020-45-3-110-125>
28. Griber Y. A., Mylonas D., Paramei G. V. Intergenerational differences in Russian color naming in the globalized era: linguistic analysis // Humanities and Social Sciences Communications. 2021. Vol. 8, No. 1. <https://doi.org/10.1057/s41599-021-00943-2>
29. Грибер Ю. А. Картография цвета: диагностика развития цветоименований русского языка с использованием естественно-научных, историографических, социологических и психологических методов. М.: Согласие, 2021. 152 с. ISBN 978-5-907038-86-8.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в представленной для публикации в журнале «Litera» статье, как автор обозначил в заголовке («Влияние тревожности на структуру цветовых

ассоциаций») и пояснил во введении, является влияние уровня тревожности на цветовые ассоциации с антропологически значимыми концептами, который рассмотрен в системно-логической взаимосвязи с объектом исследования — цветовой когницией, «которая понимается как система культурно-обусловленных ментальных (познавательных) процессов, инициируемая восприятием цвета, его категоризацией, соотносением с другими категориальными структурами и аффективными маркерами, хранящимися в памяти, и последующей вербальной и невербальной коммуникацией, а познание трактуется в самом широком смысле слова, начиная от сетчаточных механизмов цветоразличения и заканчивая природой социокультурных стереотипов создания, выбора и применения цвета».

Статья представляет собой краткий отчет об экспериментальной проверке гипотезы о том, что «уровень тревожности значительно влияет на систему цветовых ассоциаций, что приводит к переописанию ее структуры и плотности, изменению частотности оттенков с определенными хроматическими характеристиками и трансформации цветовых образов отдельных концептов». Исследование, таким образом, расширяет коммуникативные дискуссии журнала «Litera» в аспекте роли цветовой когнициии в коммуникации и условий ее динамики.

Для проведения эксперимента была сформирована тест-группа из 100 человек, не испытывающих проблем с восприятием цвета и цветоразличением: 23 мужчины и 77 женщин в возрасте от 17 до 24 лет (средний возраст 19,71, SD=1,72). В ходе эксперимента выявлены отдельные особенности системы цветовых ассоциаций у людей с разным уровнем тревожности: 1) в структуре и плотности набора цветовых ассоциаций; 2) в частотности выбираемых оттенков из разных групп; 3) в цветовых образах отдельных концептов.

Эксперимент подтвердил гипотезу о том, что изменение уровня тревожности ощутимо влияет на систему цветовых ассоциаций, и позволил сделать ряд выводов: 1) степень тревожности коррелирует с ассоциативной группой предпочтительных оттенков: с ростом тревожности доля теплых оттенков заметно снижается, доля холодных – увеличивается; с повышением уровня тревожности заметно меняется и цветовое представление самих концептов теплый и холодный; 2) в меньшей степени уровень тревожности связан с тоном предпочтительных оттенков: во всех трех группах среди выбора участников доминировали «красные» и «серые» ассоциации, а различия частотности других выбираемых тонов, за исключением красного, сине-зеленого и желто-зеленого, были достаточно слабыми. Автор, в частности, утверждает, что отмечена «выраженная выделенность отдельных хроматических значений в структуре цветовых ассоциаций в группах с более высоким уровнем тревожности: ... фиксируется сокращение количества связей и рост доминирования отдельных ассоциаций». По мнению автора, такой результат «согласуется с выводами проведенных ранее исследований о том, что с ростом степени тревожности формируются более устойчивые ассоциативные связи отдельных антропологически значимых концептов с цветом, прежде всего это касается цветовой репрезентации собственного состояния и настроения».

Таким образом, предмет исследования рассмотрен автором на высоком теоретическом уровне, и статья заслуживает публикации в авторитетном научном журнале.

Методология исследования основана на принципах объективного наблюдения корреляции динамики цветовой когнициии в группах людей с различными уровнями психологического состояния тревожности. Системный подход позволил автору выделить наблюдаемый феномен как систему «культурно-обусловленных ментальных (познавательных) процессов, инициируемая восприятием цвета, его категоризацией, соотносением с другими категориальными структурами и аффективными маркерами, хранящимися в памяти, и последующей вербальной и невербальной коммуникацией, а

познание трактуется в самом широком смысле слова, начиная от сетчаточных механизмов цветоразличения и заканчивая природой социокультурных стереотипов создания, выбора и применения цвета». Для оценки степени разнообразия полученных цветовых ассоциаций автором использованы индексы Шеннона, Симпсона и Маргалефа. В целом авторизованный методический комплекс релевантен решаемым научно-познавательным задачам. Результаты исследования хорошо аргументированы и не вызывают сомнений.

Актуальность выбранной темы автор обосновывает тем, что «начиная со второй половины XX в. человечество живет в "эпоху беспокойства", а тревожность составляет естественную часть современной жизни», поэтому психологическое состояние тревожности нельзя не учитывать при анализе коммуникативной специфики цветовой когниции.

Научная новизна исследования, состоящая в авторизации комплекса хорошо апробированных методов наблюдения для оценки степени разнообразия цветовых ассоциаций у людей различной степени тревожности, в анализе, интерпретации полученных эмпирических данных и оригинальных, расширяющих область научных представлений о специфике цветовой когниции выводах, заслуживает теоретического внимания.

Стиль текста автор выдержал исключительно научный. Текст хорошо проиллюстрирован. Структура статьи соответствует логике изложения результатов оригинального научного исследования.

Библиография хорошо отражает проблемную область исследования и фундирует авторский методический комплекс.

Апелляция к оппонентам вполне корректна и, учитывая опору автора на сбор и анализ эмпирического материала, вполне достаточна.

Статья представляет интерес для читательской аудитории журнала «Litera» и рекомендуется к публикации.

Litera

Правильная ссылка на статью:

Чжоу Ш. Дискурсивное пространство новых медиа в чрезвычайных ситуациях // Litera. 2024. № 12. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.12.72698 EDN: PSBAPM URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=72698

Дискурсивное пространство новых медиа в чрезвычайных ситуациях

Чжоу Шэннань

аспирант; кафедра цифровых медиакоммуникаций; СПбГУ
199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7-9

✉ st097863@student.spbu.ru

[Статья из рубрики "Журналистика"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2024.12.72698

EDN:

PSBAPM

Дата направления статьи в редакцию:

12-12-2024

Аннотация: Темой исследования является изучение дискурсивного пространства новых медиа в условиях чрезвычайных ситуаций. В работе рассматриваются особенности формирования медиадискурса, его роль в информировании населения и управлении общественным мнением в условиях кризисов, таких как природные катастрофы, техногенные аварии, пандемии и военные конфликты. Автор уделяет внимание стратегическому взаимодействию официальных источников, гражданской журналистики и аудитории через социальные сети и новостные платформы, включая Twitter, Instagram и WhatsApp. Исследование направлено на выявление ключевых дискурсивных практик, использование эмоциональных и сенсационных нарративов, а также анализ влияния медиадискурса на мобилизацию населения и предотвращение паники. Работа подчеркивает важность анализа медиадискурса для разработки эффективных стратегий управления информационными потоками в кризисных условиях. Исследование основано на методах контент-анализа и качественного анализа комментариев, что позволяет выявить основные особенности медиадискурса и предложить рекомендации по его оптимизации в условиях кризиса. Инновационность исследования заключается в комплексном анализе дискурсивного пространства новых медиа в условиях

чрезвычайных ситуаций, что позволяет выявить взаимосвязь между эмоциональными и сенсационными нарративами, используемыми на цифровых платформах, и их влиянием на общественное мнение. Новизна также состоит в применении сравнительного подхода для изучения различных медиаплатформ, таких как Twitter и Instagram, что помогает выявить их функциональные различия в кризисной коммуникации. В заключении подчеркивается, что новые медиа играют двойственную роль в управлении кризисами: с одной стороны, они способствуют оперативному информированию и мобилизации, с другой — увеличивают риск распространения дезинформации. Результаты исследования подчеркивают необходимость стратегической координации между официальными источниками и цифровыми платформами для минимизации негативных последствий кризисных ситуаций.

Ключевые слова:

Медийный дискурс, Новые медиа, Кризисная коммуникация, Эмоциональные нарративы, Мобилизация населения, Социальные платформы, Дезинформация, Вовлечение аудитории, Цифровые платформы, Стратегии кризисного ответа

Введение

В условиях кризисных событий, таких как пандемия, природные катастрофы, техногенные аварии или террористические акты, информационные технологии играют ключевую роль в оперативном информировании населения и координации действий. Новые медиа, включая социальные сети, мессенджеры и онлайн-новостные платформы, становятся основным каналом коммуникации, через который распространяются как официальные сообщения, так и пользовательский контент. В этом контексте чрезвычайно важно понять, каким образом формируется медиадискурс, каковы его ключевые особенности и каким образом он влияет на восприятие кризисных ситуаций обществом.

Целью данного исследования является изучение дискурсивного пространства новых медиа в условиях чрезвычайных ситуаций. Это подразумевает анализ динамики и характера медиадискурса, выявление стратегий коммуникации, используемых различными акторами, а также определение влияния медиадискурса на общественное мнение и поведение. Новые медиа представляют собой не только инструмент передачи информации, но и пространство для формирования мнений, что делает их влияние на общественные процессы значимым и заслуживающим научного внимания.

Методологическая база исследования включает контент-анализ и качественный анализ комментариев для изучения динамики медиадискурса и реакции аудитории на различных цифровых платформах в условиях кризиса. Сравнительный подход позволяет выявить особенности дискурса на текстоориентированных и визуально ориентированных платформах, а также их влияние на информирование, мобилизацию и эмоциональное восприятие аудитории.

В современных условиях исследование дискурсивного пространства новых медиа приобретает особую значимость ввиду множества вызовов, связанных с распространением дезинформации, манипуляцией общественным сознанием и необходимостью создания доверительных отношений между официальными источниками и населением. Анализируя медиадискурс в чрезвычайных ситуациях, можно выявить не только успешные стратегии коммуникации, но и слабые места, требующие

совершенствования. Это особенно актуально в условиях, когда кризисные события становятся глобальными и требуют оперативного взаимодействия между государственными институтами, медиа и обществом. Таким образом, данное исследование имеет не только теоретическое, но и практическое значение, поскольку его результаты могут быть использованы для разработки более эффективных стратегий управления информацией в условиях чрезвычайных ситуаций.

Понятие дискурсивного пространства в новых медиа

Понятие дискурсивного пространства в новых медиа представляет собой сложное явление, охватывающее процессы формирования и трансформации коммуникации в условиях цифровизации. Дискурсивное пространство понимается как совокупность медиапрактик, технологических платформ и культурных контекстов, которые определяют взаимодействие участников коммуникации, формирование общественного мнения и интерпретацию событий. Особенностью новых медиа является их способность формировать уникальные условия для обмена информацией, что делает анализ дискурсивного пространства необходимым инструментом для изучения динамики современной медиасреды.

Дискурсивное пространство новых медиа отличается гибридностью, обусловленной слиянием традиционных и цифровых медиасистем. В этом контексте полезно обратиться к концепции гетеротопий, предложенной Коркутом и Сюрером, которая описывает цифровые пространства как "миры внутри миров".^[1] Такие пространства, например виртуальные музеи, создают уникальные условия для обмена информацией, объединяя элементы реального и виртуального через использование иммерсивных технологий. Эти гетеротопии не только обеспечивают доступ к ранее недоступным уровням коммуникации, но и преобразуют традиционные формы взаимодействия, делая дискурсивное пространство более сложным и многослойным.

Роль дискурсивного пространства в управлении информацией в кризисных ситуациях подчеркивает его функциональное значение в современной медийной среде. Как отмечают Игнатова, И. Б., дискурсивная власть в медиасистемах проявляется через способность участников влиять на общественные дискуссии, вводя и поддерживая определенные темы и фреймы.^[2] В условиях чрезвычайных ситуаций такие механизмы становятся особенно значимыми, поскольку они определяют, какие аспекты кризиса становятся центральными для общественного восприятия. Например, использование платформ социальных медиа позволяет государственным и негосударственным акторам не только распространять информацию, но и формировать нарративы, которые влияют на поведение аудитории.

Дополнительным аспектом, раскрывающим дискурсивное пространство новых медиа, является их способность создавать реляционные коммуникационные пространства. Согласно исследованиям Мартыненко и др., цифровые платформы трансформируют инфраструктуру публичной коммуникации, делая её более доступной и инклюзивной.^[3] Однако эта трансформация сопровождается усилением зависимости от социальных и материальных условий, определяющих доступ к информации и возможность участия в дискурсе. Это особенно важно в кризисных ситуациях, когда информационная асимметрия может усилить панические настроения или затруднить мобилизацию общества.

Не менее значимым для анализа дискурсивного пространства является феномен полидискурсивности и интердискурсивности, описанный Млечко и Шамаевым.^[4] Новые

медиа создают условия для одновременного существования множества дискурсов, что делает коммуникацию более сложной и многоуровневой. Это проявляется в том, что медиа-дискурс становится частью широкой экосистемы, включающей потребительские, культурные и идентификационные практики. Например, использование платформ, таких как Instagram, для формирования новых жанров дискурсивной коммуникации, как показано Шрайбером, демонстрирует трансформацию текстовых и визуальных форматов в контексте новых медиа.^[5]

Наконец, необходимо отметить, что дискурсивное пространство новых медиа играет ключевую роль в формировании идентичности. Согласно Аникину и Батищеву, цифровизация медиапрактик привела к появлению феноменов, таких как культура отмены, которые становятся индикаторами трансформации общественного сознания и исторической памяти.^[6] В кризисных ситуациях такие процессы усиливаются, подчеркивая необходимость дальнейшего изучения медийных практик, формирующих общественные нарративы.

Дискурсивное пространство новых медиа представляет собой динамичное явление, в котором пересекаются технологии, культурные контексты и социальные практики. Его анализ важен для понимания того, как современные медиа не только информируют аудиторию, но и влияют на формирование восприятия событий, особенно в условиях кризисных ситуаций. Теоретические подходы, такие как гетеротопии и дискурсивная власть, позволяют глубже понять этот сложный феномен и его значение для современной медиасреды.

Особенности медиадискурса в чрезвычайных ситуациях

Медиадискурс в условиях чрезвычайных ситуаций представляет собой сложное, многосоставное явление, в котором сочетаются объективное информирование и эмоциональная подача информации. Новые медиа, включая социальные сети, мессенджеры и новостные платформы, играют ключевую роль в формировании общественного восприятия кризисных событий. Этот процесс во многом определяется использованием эмоциональных и сенсационных нарративов, что становится особенно заметным в условиях высокого информационного давления.

Одной из ключевых особенностей медиадискурса в чрезвычайных ситуациях является акцент на эмоциональной составляющей, которая позволяет привлечь внимание широкой аудитории. Например, в первые дни войны на Украине в феврале 2022 года значительную роль сыграли платформы Twitter и Telegram, где активно распространялись визуальные и текстовые материалы с акцентом на трагизм происходящего. В частности, посты, описывающие разрушенные города и гуманитарные катастрофы, такие как сообщения о событиях в Мариуполе, создавали мощный эмоциональный эффект, способствующий активному вовлечению пользователей.^[7] Анализ данных публикаций с использованием метода контент-анализа позволяет выделить преобладание нарративов, направленных на мобилизацию общественного мнения и формирование сочувствия к жертвам.

Использование сенсационных заголовков и нарративов также характерно для медиадискурса в кризисных условиях. Это проявляется в стремлении медиа не только передавать информацию, но и конкурировать за внимание аудитории. Например, в период пандемии COVID-19 такие платформы, как Facebook и Instagram, заполнялись сообщениями, в которых акцентировалось внимание на резком росте числа заболевших или драматических последствиях заражения, что в ряде случаев способствовало

распространению панических настроений.

Кризисные ситуации часто способствуют усилению полидискурсивности. В новых медиа возникают параллельные нарративы, конкурирующие за доминирование. Например, во время землетрясения в Турции и Сирии в феврале 2023 года в социальных сетях одновременно циркулировали сообщения о помощи пострадавшим, критика властей за медлительность в реагировании и конспирологические теории о природе катастрофы.^[8] Анализ этих сообщений с помощью метода качественного анализа комментариев позволяет выявить различные дискурсивные стратегии: от солидарности до политической полемики.

Однако эмоциональные и сенсационные нарративы имеют и негативные последствия. Они способствуют распространению дезинформации, особенно в условиях кризиса, когда аудитория склонна доверять любым источникам, способным оперативно предоставить информацию. Например, в первые дни разрушительного землетрясения в Турции и Сирии в 2023 году множество фейковых новостей распространялось через Twitter и WhatsApp, включая ложные сообщения о новых землетрясениях или необоснованные обвинения в адрес спасательных служб.^[9] Такой медиадискурс усложняет координацию действий и подрывает доверие к официальным источникам.

Медиадискурс в чрезвычайных ситуациях характеризуется высокой эмоциональностью и сенсационностью, что усиливает его воздействие на общественное мнение. Анализ тематического содержания новых медиа с использованием контент-анализа и качественного анализа комментариев позволяет глубже понять особенности этого явления. Однако для управления такими дискурсами требуется разработка стратегий по минимизации распространения дезинформации и усилению доверия к проверенным источникам.

Коммуникативные стратегии новых медиа в условиях кризиса

В условиях кризисных ситуаций новые медиа играют ключевую роль в управлении информационными потоками, формировании общественного мнения и поддержании социальной стабильности. Их коммуникативные стратегии включают взаимодействие между официальными источниками, гражданской журналистикой и аудиторией. Эти стратегии направлены на построение доверительных отношений, оперативную передачу информации и минимизацию последствий распространения фейковых новостей. Анализ данных процессов в контексте современных кризисов, таких как пандемия COVID-19 или российско-украинский конфликт, позволяет выявить основные механизмы, применяемые новыми медиа для эффективного управления кризисным дискурсом.

Роль официальных источников в новых медиа возрастает в условиях кризиса, когда общество нуждается в достоверной и оперативной информации. Государственные структуры и международные организации, такие как Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ), активно используют социальные сети и новостные платформы для информирования населения. Например, в ходе пандемии COVID-19 ВОЗ использовала Twitter для распространения рекомендаций по предотвращению распространения вируса, а также для опровержения мифов о лечении и вакцинации. Такая стратегия позволила укрепить доверие аудитории к официальным источникам и снизить уровень паники. Однако исследование Качкаева А Г и Шомова С А показало, что эффективность подобных действий зависит от способности официальных органов конкурировать с альтернативными источниками информации, такими как гражданская журналистика и пользовательский контент.^[10]

Гражданская журналистика, в свою очередь, становится важным дополнением к традиционным источникам информации в новых медиа. В условиях кризиса гражданские журналисты и активисты предоставляют уникальные данные "с места событий", что усиливает доверие аудитории. Например, в начале российско-украинского конфликта в 2022 году гражданские журналисты использовали платформы Telegram и YouTube для публикации видеоматериалов, которые зачастую первыми фиксировали последствия военных действий. Одной из важнейших коммуникативных стратегий новых медиа в кризисных ситуациях является построение доверительных отношений с аудиторией. Современные платформы, такие как Instagram и TikTok, активно используют персонализированные форматы подачи информации, включая сторис, видеообращения и прямые трансляции. Например, в ходе землетрясения в Турции и Сирии в 2023 году международные гуманитарные организации, такие как Красный Крест, активно публиковали эмоциональные видеоролики, демонстрирующие процесс спасательных операций и распределение помощи. Эти материалы способствовали формированию чувства солидарности и мобилизации международной поддержки.

Однако одной из наиболее сложных проблем в условиях кризиса остается распространение фейковых новостей. Ложные сообщения часто распространяются с высокой скоростью, что усугубляет панические настроения и затрудняет работу официальных структур. Например, в ходе пандемии COVID-19 в социальных сетях распространялись слухи о "чудодейственных" лекарствах, таких как гидроксихлорохин, что приводило к массовой покупке неподтверждённых препаратов и подрыву доверия к медицинским рекомендациям.^[11] Для борьбы с этой проблемой новые медиа внедряют инструменты фактчекинга, такие как автоматические системы оповещения о фейковых новостях в Facebook и Twitter.

Коммуникативные стратегии новых медиа в условиях кризиса направлены на баланс между оперативностью, достоверностью и вовлечённостью аудитории. Официальные источники и гражданская журналистика играют взаимодополняющие роли, в то время как борьба с фейковыми новостями становится одной из ключевых задач современного медиаполя. Анализ этих стратегий показывает, что успех новых медиа в управлении кризисами зависит от их способности адаптироваться к меняющимся условиям, эффективно взаимодействовать с аудиторией и использовать инновационные технологии для повышения доверия и прозрачности.

Влияние медиадискурса на общественное мнение в условиях кризиса

Влияние медиадискурса на общественное мнение в условиях чрезвычайных ситуаций является сложным и многоуровневым процессом. Новые медиа обладают потенциалом как для формирования паники, так и для мобилизации населения в кризисные периоды. Разнообразие платформ и способов подачи информации позволяет сравнить их эффективность с точки зрения информирования, успокоения общества и стимулирования коллективных действий. Рассмотрение конкретных кейс-стадий, таких как ураган Ида в США в 2021 году или взрывы на складе боеприпасов в Бейруте в 2020 году, позволяет выявить особенности реакций аудитории на различных платформах.

Во время урагана Ида, обрушившегося на южные штаты США в августе 2021 года, медиадискурс продемонстрировал, как разные платформы могут оказывать различное влияние на восприятие и действия аудитории. Социальные сети, такие как Twitter, стали основным каналом для оперативной передачи информации о маршруте урагана, предоставляя пользователям данные в режиме реального времени. Хэштег #HurricaneIda

собрал тысячи постов, включая рекомендации по эвакуации и обновления о разрушениях. Сравнительный анализ показывает, что контент на Twitter носил преимущественно информативный характер, что способствовало мобилизации населения и предотвращению жертв. В то же время Instagram, ориентированный на визуальный контент, акцентировал внимание на эмоциональных аспектах катастрофы, таких как фотографии разрушенных домов и видео спасательных операций. Эмоционально насыщенные посты привлекли внимание международной аудитории и способствовали сбору средств для пострадавших, однако в некоторых случаях такие материалы усиливали чувство страха и беспомощности у пользователей.

Сравнительный анализ данных показывает различие в реакциях аудитории на этих платформах. Согласно исследованию Pew Research Center, 78% пользователей Twitter во время урагана использовали платформу для получения оперативной информации, тогда как 64% пользователей Instagram акцентировали внимание на эмоциональной поддержке и выражении солидарности. Это различие демонстрирует, как особенности платформ определяют их роль в медиадискурсе и влияют на формирование общественного мнения.

Другим ярким примером является взрыв на складе боеприпасов в Бейруте в августе 2020 года. В первые часы после взрыва Facebook и WhatsApp стали основными каналами для распространения информации и координации помощи. Группы в WhatsApp использовались для организации волонтерских движений, поиска пропавших без вести и распределения гуманитарной помощи. В то же время новостные платформы, такие как Al Jazeera и CNN, акцентировали внимание на причинах катастрофы и политической ответственности, что способствовало усилению общественного недовольства и протестных настроений в Ливане. Это подчеркивает двойственную роль медиадискурса: с одной стороны, он служит инструментом мобилизации, а с другой — катализатором социальной напряженности.

Эффективность использования новых медиа для информирования и успокоения общества зависит от множества факторов, включая достоверность информации, скорость ее распространения и способность платформ адаптироваться к потребностям аудитории. Анализ реакции пользователей на различных платформах показывает, что оперативность Twitter и функциональность WhatsApp делают их наиболее эффективными в условиях кризиса для оперативного информирования и координации. Однако визуальная насыщенность Instagram и эмоциональная направленность Facebook чаще способствуют формированию долгосрочного общественного мнения, мобилизации ресурсов и привлечению внимания международного сообщества.

Медиадискурс в условиях кризиса оказывает значительное влияние на общественное мнение, определяя его динамику и вектор. Различные платформы выполняют дополняющие функции, которые варьируются от оперативного информирования и мобилизации до эмоциональной поддержки и долгосрочного формирования общественных настроений. Эти особенности подчеркивают необходимость дальнейшего изучения медиадискурса для повышения его эффективности в управлении кризисами и минимизации негативных последствий для общества.

Заключение

Новые медиа играют ключевую роль в управлении информационными потоками и формировании общественного мнения в чрезвычайных ситуациях. Их гибкость, оперативность и доступность делают их незаменимым инструментом в кризисные

периоды. Тем не менее, анализ дискурсивного пространства новых медиа выявляет как их потенциал для мобилизации и информирования населения, так и риски, связанные с распространением дезинформации и усилением социальной напряженности. Основными характеристиками дискурсивного пространства новых медиа являются полидискурсивность, эмоциональная насыщенность и высокая скорость распространения информации. Эти особенности обеспечивают как возможности для улучшения коммуникации в кризисных условиях, так и создают вызовы, требующие стратегического подхода.

Для повышения эффективности взаимодействия между новыми медиа и официальными структурами в условиях кризиса необходимо разработать четкие стратегии координации и верификации информации. Одним из приоритетных направлений является внедрение механизмов быстрого опровержения фейковых новостей, что позволит снизить уровень паники и укрепить доверие к официальным источникам. Важной задачей также является интеграция образовательных программ, направленных на повышение медиаграмотности населения, что способствует более критическому восприятию информации. Официальные структуры должны активно использовать потенциал социальных сетей и цифровых платформ для создания прозрачного и доверительного медиадискурса, особенно в контексте гуманитарных и природных катастроф.

Перспективы дальнейшего исследования медиадискурса новых медиа связаны с изучением их долгосрочного влияния на восприятие кризисных событий. Внедрение технологий искусственного интеллекта, таких как автоматический анализ текстов и мониторинг социальных сетей, может значительно повысить качество исследований в этой области. Эти технологии способны не только выявлять основные тренды в медиадискурсе, но и предлагать рекомендации для управления информационными потоками. Таким образом, новые медиа остаются не только объектом исследований, но и важным инструментом для формирования устойчивого и эффективного информационного пространства в условиях кризиса.

Библиография

1. Аникин Д., Батищев Р. «Мы вас туда не посылали»: медиарепрезентации войны в Афганистане и возникновение и практика культуры отмены в постсоветской России // Галактика Медиа: Журнал исследований медиа. 2024. № 6(1). С. 172-187.
2. Игнатова И. Б. Новые медиа: теория и практика: Учебно-методическое пособие. – Москва: Московский педагогический государственный университет, Землянский, 2022. – 96 с.
3. Мартыненко Т. С., Добринская Д. Е. Социальное неравенство в эпоху искусственного интеллекта: от цифрового к алгоритмическому разрыву // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 1. С. 171-192.
4. Коркут Э., Сюрер Э. Разработка концептуальной модели гетеротопий как дискурсивных пространств: сравнительный анализ неиммерсивных и иммерсивных технологий // Виртуальная реальность. 2023. № 28. С. 1-30.
5. Млечко А., Шамаев И. Дискурсивные практики новых и традиционных медиа // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. 2018. № 17(3). С. 119-129.
6. Шрайбер М. Тексты в Instagram как новый жанр: концептуальная основа для анализа дискурсивной коммуникации на визуальной платформе // Исследования в области коммуникационных наук. 2023. № 24(1). С. 141-157.
7. Война в Украине: жизнь в осаждённом Мариуполе // BBC Новости. 2022. URL: <https://www.bbc.com/news/world-europe-60675599> (дата обращения: 02.12.2024).

8. Землетрясение в Турции и Сирии: число погибших превысило 50 000 человек // Гардиан. 2023. URL: <https://www.theguardian.com/world/2023/feb/24/turkey-syria-earthquake-death-toll-50000> (дата обращения: 02.12.2024).
9. Дезинформация в социальных сетях после землетрясения в Турции // Рейтер. 2023. URL: <https://www.reuters.com/article/turkey-quake-misinformation-idUSKBN2UE13Z> (дата обращения: 02.12.2024).
10. Качкаева А. Г., Шомова С. А. Понимая медиа. Медиаграмотность и критическая автономия в эпоху «коммуникативного капитализма», «эмпатичных медиа» и «чувствительных данных» // Социодиггер. 2021. № 6(11). С. 4-46.
11. Дезинформация о лечении COVID-19 в социальных сетях // Рейтер. 2020. URL: <https://www.reuters.com/article/covid19-misinformation-idUSKBN2AX13Z> (дата обращения: 02.12.2024)

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В рецензируемой статье предметом исследования выступает специфика дискурсивного пространства новых медиа в чрезвычайных ситуациях, актуальность изучения которой обусловлена рядом факторов. Во-первых, определяется важностью медиа-ресурсов в условиях кризисных событий, таких как пандемия, природные катастрофы, техногенные аварии или террористические акты («информационные технологии играют ключевую роль в оперативном информировании населения и координации действий»). Во-вторых, как верно отмечено в работе, «новые медиа представляют собой не только инструмент передачи информации, но и пространство для формирования мнений, что делает их влияние на общественные процессы значимым и заслуживающим научного внимания». В-третьих, «исследование дискурсивного пространства новых медиа приобретает особую значимость ввиду множества вызовов, связанных с распространением дезинформации, манипуляцией общественным сознанием и необходимостью создания доверительных отношений между официальными источниками и населением».

Теоретической базой исследования послужили достаточно актуальные работы по медийной проблематике таких ученых, как А. Млечко и И. Д. Шамаев, Д. Аникин и Р. Батищев, И. Б. Игнатова, Т. С. Мартыненко, Д. Е. Добринская, Э. Коркут и Э. Сюрер, М. Шрайбер, А. Г. Качкаева, С. А. Шомова и др. Библиография насчитывает 11 источников, соответствует специфике изучаемого предмета, содержательным требованиям и находит отражение на страницах статьи. Все цитаты ученых сопровождаются авторскими комментариями. Так, апеллируя к работе Т.С. Мартыненко и Д. Е. Добринской, в которой они утверждают, что цифровые платформы трансформируют инфраструктуру публичной коммуникации, делая её более доступной и инклюзивной, автор(ы) указывают, что «эта трансформация сопровождается усилением зависимости от социальных и материальных условий, определяющих доступ к информации и возможность участия в дискурсе. Это особенно важно в кризисных ситуациях, когда информационная асимметрия может усилить панические настроения или затруднить мобилизацию общества».

Методология исследования продиктована его целью и задачами (анализ динамики и характера медиадискурса, выявление стратегий коммуникации, используемых различными акторами, определение влияния медиадискурса на общественное мнение и поведение) и включает контент-анализ и качественный анализ комментариев для изучения динамики медиадискурса и реакции аудитории на различных цифровых платформах в условиях кризиса. Сравнительный подход позволяет выявить особенности

дискурса на текстоориентированных и визуально ориентированных платформах, а также их влияние на информирование, мобилизацию и эмоциональное восприятие аудитории. Анализ теоретического материала и его практическое обоснование позволили автору(ам) подробно изучить содержание понятия дискурсивного пространства в новых медиа, особенности медиадискурса в чрезвычайных ситуациях, коммуникативные стратегии новых медиа в условиях кризиса, а также влияние медиадискурса на общественное мнение в условиях кризиса. В ходе проведенного исследования были сделаны многочисленные выводы: «медиадискурс в чрезвычайных ситуациях характеризуется высокой эмоциональностью и сенсационностью, что усиливает его воздействие на общественное мнение», «коммуникативные стратегии новых медиа в условиях кризиса направлены на баланс между оперативностью, достоверностью и вовлечённостью аудитории», «новые медиа остаются не только объектом исследований, но и важным инструментом для формирования устойчивого и эффективного информационного пространства в условиях кризиса» и др.

Результаты, полученные в ходе исследования, имеют теоретическую значимость и практическую ценность: они вносят определенный вклад в решение теоретических проблем медиалингвистики и могут использоваться в курсах по теории дискурса, когнитивной лингвистике, прагматике и стилистике, а также применяться при разработке более эффективных стратегий управления информацией в условиях чрезвычайных ситуаций.

Представленный в работе материал имеет четкую, логически выстроенную структуру, способствующую полноценному восприятию материала. Стиль статьи отвечает требованиям научного описания, содержание соответствует названию, логика исследования четкая.

Обращаем внимание автора(ов) на опечатки в тексте (например, Как отмечают Игнатова, И. Б; Качкаева А Г и Шомова С А показалb). Данное замечание носит рекомендательный характер и не влияет на общее положительное впечатление от рецензируемой работы.

Рукопись имеет законченный вид; она вполне самостоятельна, оригинальна, будет интересна и полезна широкому кругу лиц и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Еникеева Е.М., Кульназарова А.В. Влияние цифрового инструментария на конфликтные коммуникации в системе "власть-общество": опыт российских регионов // Litera. 2024. № 12. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.12.69829 EDN: PSUPMM URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69829

Влияние цифрового инструментария на конфликтные коммуникации в системе "власть-общество": опыт российских регионов

Еникеева Екатерина Михайловна

ORCID: 0000-0001-5887-5086

ассистент, кафедра социально-политических наук, Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича

193232, Россия, г. Санкт-Петербург, пр. Большевиков, 22, к.1, ауд. 331/1

✉ enikeeva_em@mail.ru

Кульназарова Анастасия Витальевна

ORCID: 0000-0003-3858-995X

кандидат политических наук

доцент, кафедра социально-политических наук, Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича

193232, Россия, Санкт-Петербург область, г. Санкт-Петербург, ул. Пр. Большевиков, 22, к.1, ауд. 335/1

✉ av-spn@ya.ru

[Статья из рубрики "Коммуникации"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2024.12.69829

EDN:

PSUPMM

Дата направления статьи в редакцию:

12-02-2024

Аннотация: Статья посвящена анализу влияния цифрового инструментария на конфликтные коммуникации в системе «власть-общество». Этот вопрос рассматривается в контексте взаимодействия городских и областных администраций и населения на примере коммуникации в официальных сообществах государственных структур в

социальной сети "ВКонтакте". В статье подробнее описывается цифровой инструментарий, применимый в политической сфере, а также его возможности в современном мире. Приводятся примеры использования цифрового инструментария в России. Авторы уделяют особое внимание тому, как меняется развитие конфликтной ситуации при использовании таких цифровых инструментов, как социальные сети и центры управления регионами, а именно программы "Инцидент-менеджмент". Целью исследования является установление характера динамики развития конфликтов (эскалация или деэскалация) в рамках диджитал-пространства. Базовым методом исследования является сентимент-анализ. Он основан на одномерном эмотивном пространстве и позволяет определить интенсивность воздействия цифровых инструментов на развитие либо на затухание конфликта. Эмпирической базой исследования стали материалы и комментарии официальных социальных медиа областных и городских администраций РФ. Основными выводами проведенного исследования является определение влияния цифрового инструментария на динамику конфликтов, а именно выявление обостряющего характера взаимодействия. Особым вкладом авторов в исследование было выявление причин неэффективности конфликтной коммуникации со стороны представителей государственных структур (дублирование, обезличивание, использование шаблонов, излишняя модерация и пр.). На основе исследования были определены наиболее успешные практики ведения конфликтной коммуникации, которые смогли привести к деэскалации конфликтной ситуации (наглядная аргументация, двусторонний тип коммуникации, конкретика, ориентация на персону и пр.). Научная новизна работы состоит в масштабируемости исследования, после апробации методики исследования на примере страницы Правительства Санкт-Петербурга, аналогичным способом был проведен второй этап исследования на других регионах России, что позволило конкретизировать результаты.

Ключевые слова:

цифровой инструментарий, политическая коммуникация, инцидент-менеджмент, конфликтная коммуникация, цифровизация, социальные сети, конфликты, центры управления регионами, власть-общество, государственные структуры

Введение

Цифровые изменения в обществе, начало которым положило утверждение в 2017 г. программы «Цифровая экономика Российской Федерации», оказывают непосредственное влияние на трансформацию коммуникационной среды. Диджитал-технологии сегодня используются практически везде – в экономике, государственном управлении, жизни социума, что влечет за собой существенные содержательные и структурные изменения этих сфер, настолько серьезные, что для их характеристики целесообразно использовать понятие

“цифровая трансформация” (digital transformation, DT).

Под цифровой трансформацией следует понимать изменения в порядке управления объектом (предприятием, организацией, населенным пунктом, государством), носящие системный характер и влекущие за собой модифицирование стратегии, моделей, операций, продуктов, маркетингового подхода и целей согласно возможностям, обеспечиваемым цифровыми технологиями.

Не будет преувеличением назвать цифровую трансформацию одной из глобальных

тенденций современного мира. Проекты, направленные на цифровизацию тех или иных аспектов жизни государства и общества, поддерживаются на всех уровнях – международном, государственных, локальных.

Государство заинтересовано в цифровизации, т.к. благодаря цифровым инструментам люди могут получать государственные услуги быстрее и дешевле, при этом качество означенных услуг заметно возрастает. Так, ИИ (искусственный интеллект) делает работу персонала более точной, позволяет получать нужные услуги более быстро, при этом число людей, требующихся для исполнения той или иной задачи, уменьшается. Благодаря интероперабельности и адаптации к технологиям интернета вещей системы успешно ведут совместную работу. Соответственно, достигается значимая экономия времени, денег, людских ресурсов. Это позволяет говорить о том, что благодаря цифровизации правительства получают широкие возможности извлечения экономических и социальных выгод [\[1\]](#).

Однако, стоит отметить, что перевод диалога в цифровую среду привёл к увеличению площадок для конфликтов. Современные исследователи (Чумиков А.Н., Грачёв М.Н.) отмечают сильные количественно-качественные изменения в медийном сегменте и, как следствие, медиатизацией общественной жизни как последствие цифровой трансформации [\[2, 3\]](#). Этот процесс включает в себя и преобразование социально-политической сферы при тесном переплетении с медийным полем. По мнению М.Н. Грачёва, медиатизация провоцирует конфликтные ситуации и приводит к увеличению степени конфликтности социально-политической сферы.

Изучение применения цифрового инструментария в рамках конфликтных коммуникаций в политической сфере позволяет проанализировать взаимодействие между обществом и властью в современных условиях, а также определить особенности этого взаимодействия.

Цифровой инструментарий в политической сфере

Процесс цифровизации получает свое практическое воплощение посредством внедрения отдельных цифровых инструментов, решающих те или иные задачи.

Перечислим основные разновидности цифровых инструментов, используемые в сферах государственного управления и политической жизни [\[4\]](#).

1 . Социальные сети. В политической жизни этот цифровой ресурс начал активно задействоваться, начиная с 2014 г. Именно тогда российское правительство утвердило проект «Открытое государство», одной из составляющих которого было обеспечение достаточной информационной открытости министерств и ведомств посредством создания и регулярного ведения аккаунтов в социальных сетях. Федеральным законом от 14 июля 2022 г. № 270-ФЗ установлено, что все государственные органы должны иметь свою официальную страницу в таких социальных сетях, как «Одноклассники» и «ВКонтакте». Посредством социальных сетей участники политической борьбы активно воздействуют на людей, особенно, если близятся выборы.

2 . Сервисы видеоконференций (например, ВКС TrueConf). Благодаря этим сервисам многие структуры получили возможность дистанционного взаимодействия и дистанционной работы. Успешно апробированные во время пандемии COVID-19, сервисы видеоконференций прочно вошли в ежедневную жизнь большинства предприятий и организаций. Дополнительное удобство состоит в доступности прямой трансляции данных

конференций и возможности сделать запись видеовстречи.

3. Государственные порталы и сайты. Это разновидность достоверных источников доведения политических решений до сведения электората. Сегодня на многих государственных порталах работает функция обратной связи либо же «виртуальная приемная». Это позволяет гражданам задать вопрос или отправить жалобу онлайн. Самый яркий пример в этой области - Единый портал государственных услуг «Госуслуги». Портал позволяет множеству государственных структур пользоваться единой базой данных о пользователях, а гражданам, соответственно, получать услуги этих структур дистанционно. Даже голосование на «Госуслугах» может быть осуществлено в онлайн-режиме.

4. Видеохостинги. Политические деятели обычно размещают на этих ресурсах свои ролики, преследующие определенные цели воздействия на различные типы аудитории.

5. Система Центров управления регионами (ЦУР). В рамках этой системы осуществляется постоянный мониторинг жалоб жителей региона вне зависимости от сферы, в которой имеет место нарушение, на которое жалуется гражданин. Для этого используются следующие средства.

А. Сбор и анализ обращений граждан, отправленных через социальные сети, осуществляет программа «Инцидент-менеджмент». Она функционирует круглосуточно в режиме реального времени. Программа сортирует сигналы по характеру и области проблемы и передает их в профильную структуру. Та, в свою очередь, должна дать ответ по существу в течение суток, начиная с момента регистрации сигнала в системе [\[5, 6\]](#).

Б. Обобщение сигналов с целью наглядной демонстрации общей картины настроений в регионе осуществляет система мониторинга «Призма». Система, помимо прочего, фиксирует сообщения, имеющие признаки экстремизма, а также пользователей, распространяющих фейки [\[7\]](#).

К числу наиболее важных возможностей использования цифровых инструментов следует отнести следующие.

1. Оперативное информирование граждан. Общеизвестно, что сегодня сеть Интернет представляет собой один из наиболее оперативных источников информации о деятельности государственных структур, о принимаемых государственных решениях, мнениях и поступках политических деятелей (статья на официальном сайте администрации Санкт-Петербурга «Под контролем АТС Смольного: надежная видеоконференцсвязь в период пандемии»). Так, на официальном сайте Правительства Санкт-Петербурга можно всегда узнать последние новости о работе городской администрации, губернатора, официальной жизни города. Здесь же граждане могут подать обращения в городские органы через электронную приемную. Аналогичную информацию размещают официальные страницы правительства города в соцсетях.

2. Рост заинтересованности граждан в политике, стимулирование граждан к участию в политической жизни страны посредством, в том числе, участия в голосованиях и референдумах, проводимых в стране или регионе. Важным инструментом для достижения этих целей следует назвать механизм онлайн-голосования через сервис дистанционного электронного голосования «ДЭГ», авторизация в котором происходит через портал «Госуслуги» [\[8\]](#).

3. Оперативное реагирование на жалобы граждан. Де-факто это означает ускоренное

решение социальных, жилищно-коммунальных, образовательных и т.п. проблем, с которыми люди сталкиваются в повседневной жизни. Благодаря ЦУР появилась возможность своевременно дать обратную связь населению по актуальным для людей вопросам [\[1\]](#). Так, в Краснодарском крае в 2020 г. через систему «Инцидент-менеджер» каждый день принималось порядка 300 обращений граждан. За 2,5 месяца профильные структуры и специалисты ЦУР обработали 7,5 тыс. комментариев из соцсетей. Основное число жалоб было связано с проблемами бытового характера: состоянием дорог, своевременностью подачи воды и электричества, незаконными свалками и т.п. [\[9\]](#).

4. Рост информационной открытости государственных структур посредством популяризации прямых эфиров с представителями госслужб и ведомств. Благодаря цифровым инструментам увеличивается число встреч, которые можно провести между представителями административного аппарата, политиками и гражданами, повышается качество диалога между ними. Так, на официальном сайте Государственной Думы можно найти круглосуточную трансляцию всех заседаний Думы. Когда заканчивается прямой эфир с заседания, можно посмотреть его запись. Это дает возможность всем желающим наблюдать за работой депутатов. Прямые эфиры с государственными деятелями проводятся также в социальных сетях; при этом у присутствующих есть возможность задать свой вопрос в чате.

5. Повышение уровня осведомлённости людей в тех вопросах, которые связаны с реализацией гражданами своих прав и обеспечением их безопасности. Например, в 2021-2022 гг. на канале МЧС России в сети «TikTok» размещались видеoinструкции, рассказывающие гражданам, что делать в случае возникновения нештатной ситуации. Благодаря использованию означенной сети информация была доведена до сведения такой социальной группы, как молодежь и подростки.

6. Выявление бытующих настроений в различных группах граждан. Благодаря исследованию и систематизации поступающих сообщений и жалоб, оставленных в соцсетях комментариев складывается картина общественного мнения, вырисовываются его тенденции и динамика. Появляется возможность акцентировать внимание властей на тех вопросах, которые представляются людям наиболее актуальными и злободневными, вовремя реагировать на проблемы, вызывающие в обществе социальное напряжение [\[1\]](#).

7. Оперативное реагирование на фактические и потенциальные информационные риски, возможность профилактической работы по их предотвращению и прогнозированию, фиксация сообщений и комментариев, содержащих в себе признаки экстремизма [\[4\]](#). Так, во время пандемии COVID-19 ЦУР отследила 2425 тем сообщений о коронавирусе, являющихся фейковыми. После передачи соответствующей информации в правоохранительные органы и Роскомнадзор были возбуждены 37 уголовных дел, составлено 450 административных протоколов (статья «Российская система «Инцидент Менеджмент» поможет контролировать региональных чиновников»).

Методы исследования

Чтобы проанализировать, насколько и как цифровые инструменты влияют на коммуникации во время конфликтов, складывающейся между российскими властями и обществом, исследовались семь официальных страниц городских и областных администраций страны в соцсети «ВКонтакте». Исследование ставило перед собой цель установить динамику эскалации конфликта в цифровой среде, выявить, как поведет себя в такой коммуникации администрация городаобласти, найти максимально действенные способы и приемы ослабления разрешения конфликтных ситуаций.

Для рассмотрения случайным образом были выбраны страницы администрации Воронежской и Свердловской областей, городов Красноярск, Омск, Уфа, Казань, Санкт-Петербург. На первом этапе с 1 января по 10 января 2023 года проводилась апробация методики исследования на примере страницы Правительства Санкт-Петербурга [10]. За это время были отобраны 22 конфликтные темы. Второй этап был проведен в период с 1 по 30 октября 2023 года, период был увеличен в связи с меньшей активностью граждан в социальных сетях Правительств других регионов. За данный период были отобраны конфликтные темы в количестве: Воронежская область – 9, Красноярск – 7, Уфа – 5, Омск – 6, Казань – 5, Свердловская область – 5. Отбор проводился по следующим параметрам:

- присутствие признаков, указывающих на потенциальную возможность возникновения конфликта, а именно, определенных противоречий;
- факт официального ответа на обращение гражданина (граждан) от комитетов или правительства городаобласти, ручного либо механического (задействование ботов).
- активность обсуждения затронутой темы (оценивалась по наличию в тематической «ветке» четырех и более комментариев).

Далее провели сентимент-анализ оставленных гражданами комментариев к постам, размещенным на официальных страницах и группах «ВКонтакте» администраций отобранных регионов (табл. 1). Сентимент-анализ в рамках настоящего исследования означает извлечение из того или иного текста эмоции, отражающей оценку и отношение субъекта к предмету высказывания [11]. Эта эмоция может быть идентифицирована как негативная, позитивная или нейтральная. Если официальный ответ администрации повлек за собой рост числа негативных оценоккомментариев, то можно говорить об усугублении конфликтной ситуации. Если реакцией граждан на официальные заявления властей становится уменьшение количества негативных высказываний либо рост числа высказываний, имеющих положительную окраску, можно говорить об ослаблении или даже разрешении конфликтной ситуации.

Результаты исследования

ТАБЛИЦА 1 – сентимент-анализ комментариев к публикациям в официальных группах администраций выбранных городов и областей в социальной сети «ВКонтакте»

Воронежская область							
Конфликтная тема	Количество комментариев до официального ответа			Комментарии после официального ответа			Результат
	+	-	0	+	-	0	
Отсутствие отопления в домах	0	31	10	3	38	7	Эскалация конфликта
Некачественное дорожное покрытие	0	13	3	1	8	3	Эскалация конфликта
Благоустройство города	-	2	-	-	4	-	Эскалация конфликта
Проверка работы				1	-	-	-

системы оповещения населения	-	2	1				Деэскалация конфликта
Уменьшение количества работающих детских санаториев	-	2	-	1	2	3	Деэскалация конфликта
Очередь на получение земельного участка	-	7	1	-	6	1	Эскалация конфликта
Ремонт культурных объектов	-	1	-	1	3	1	Эскалация конфликта
Неэффективное использование городского бюджета	-	3	-	-	7	1	Эскалация конфликта
Озеленение города	-	9	3	1	-	-	Деэскалация конфликта
Красноярск							
Уборка снега	1	3	1	2	3	1	Эскалация
Качество воздуха	-	11	3	1	5	3	Деэскалация
Пробки	-	7	2	-	2	1	Деэскалация
Благоустройство пешеходной зоны	-	4	1	2	-	-	Деэскалация
Спил деревьев	1	2	4	-	6	1	Эскалация
Уборка снега	1	3	1	2	4	1	Эскалация
Качество воздуха	-	11	3	1	5	3	Деэскалация
Уфа							
Новая остановка и длинный интервал между автобусным маршрутом № 24	-	2	1	1	1	1	деэскалация
Уборка снега	3	14	6	-	4	1	эскалация
Нехватка освещения	-	6	4	-	3	1	эскалация
Реконструкция сооружений	1	6	5	-	3	3	эскалация
Уборка мусора	1	12	10	1	1	3	деэскалация
Омск							
Проблемы ЖКХ	-	8	-	-	5	-	эскалация
Готовность к морозам	-	2	-	-	8	4	эскалация
Уборка снега	-	2	-	1	3	1	эскалация
Формирование комфортной городской среды	-	1	1	-	2	-	эскалация
Бюджет города	-	3	1	-	-	2	деэскалация
Общественный транспорт	1	1	1	-	2	-	эскалация
Казань							

Казань							
Проблемы ЖКХ	1	9	3	-	2	0	эскалация
Освещение улиц	-	3	2	-	7	4	эскалация
«Дорога в школу»	-	4	-	-	12	3	эскалация
Уборка снега	-	5	1	2	1	-	деэскалация
Общественный транспорт нового поколения	2	6	4	1	-	1	деэскалация
Свердловская область							
Обеспечение жильем детей-сирот	-	1	-	-	1	3	Деэскалация
Загрязнение воды и проблемы с водоснабжением	-	1	1	-	3	-	Эскалация
Сокращение рейсов общественного транспорта	-	1	1	-	-	3	Деэскалация
Ликвидация лесных пожаров	-	3	-	-	3	-	Эскалация
Отсутствие горячей воды	-	1	1	-	3	1	Эскалация
Нехватка учебников в школе	-	1	1	-	-	1	Деэскалация
Ремонт дорог	-	1	-	-	3	1	Эскалация
Санкт-Петербург							
Ликвидация предприятий	2	9	14	-	7	-	Эскалация конфликта
Подорожание проезда на общественный транспорт	2	17	1	-	-	1	Деэскалация конфликта
Подорожание тарифов на ЖКХ	-	7	2	-	-	-	Деэскалация конфликта
Блокировка аккаунтов за прямые обращения к губернатору через социальные сети	3	8	1	-	-	-	Деэскалация конфликта
Проект под открытым небом "Морская зимняя сказка"	10	1	-	-	-	-	Деэскалация конфликта
Изменение транспортных тарифов	2	11	2	-	2	-	Эскалация конфликта
Низкая организация новогодних	13	2	2	-	2	-	Эскалация конфликта

мероприятий Сокращение количества лагерей	5	9	1	-	-	-	Деэскалация конфликта
Снос комплекса зданий, обладающих признаками объекта культурного наследия	3	19	6	-	8	2	Эскалация конфликта
Проблемы с транспортной инфраструктурой	4	29	9	-	3	-	Эскалация конфликта
Застройка общественных мест жилыми объектами	4	54	17	-	10	4	Эскалация конфликта
Невыполнение планов строительства метро	3	14	7	3	-	1	Деэскалация конфликта
Реконструкция здания	5	8	1	1	-	-	Деэскалация конфликта
Цензура в группе Правительства СПб	-	10	4	-	3	1	Эскалация конфликта
Благоустройство жилых объектов	2	5	1	1	-	-	Деэскалация конфликта
Уборка снега	2	17	6	-	3	-	Эскалация конфликта
Установка произведений монументального искусства	5	10	2	-	4	1	Эскалация конфликта
Благоустройство города	5	15	5	-	-	-	Деэскалация конфликта
Выплаты семьям мобилизованных	4	24	8	1	6	3	Эскалация конфликта
Строительство социальных объектов	7	27	8	-	3	-	Эскалация конфликта
Подозрение модераторов государственных групп в незаконной деятельности	-	11	2	-	6	1	Эскалация конфликта
Несогласие с победителями конкурса «Твой бюджет»	4	7	4	-	3	1	Эскалация конфликта

Где «+» - позитивная тональность, «-» негативная тональность, «0» - нейтральная тональность.

Важно отметить, что количество комментариев, а также появления конфликтных тем,

связаны, в том числе, с размером населения города/области и, как следствие, количеством подписчиков.

Данные таблицы показывают, что в 62,7% случаев ответ, данный с официальной страницы Правительства или Комитетов в социальной сети «ВКонтакте», привел к эскалации конфликта. Причинами эскалации конфликтов явились следующие факторы:

1. Восприятие гражданами сообщения, сгенерированного системой, как «ответ робота».
2. Не был дан официальный ответ на главный вопрос, внимание было искусственно переключено на другие аспекты.
3. Полученный ответ фактически дублирует ранее полученный ответ, на который граждане уже отреагировали негативно и который не содержал в себе шагов по решению проблемы.
4. Регулярное использование «общих» шаблонов в ответах, скриптов, состоящих из общих фраз и не отвечающих на заданный вопрос по существу.
5. Задействование в ответе большого числа специальных терминов, в т.ч. юридических, что затрудняет понимание сути ответа обычными людьми, не имеющими соответствующего образования.
6. Дополнение данного ответа фотоматериалами якобы «с места происшествия», которые на проверку оказываются либо не относящимися к данному региону, либо сделанными задолго до происшествия.
7. Излишняя модерация комментариев, удаление сообщений, не противоречащих действующим в группе правилам.

Однако в 37,3% случаев использование цифровых инструментов, таких как программа «Инцидент-менеджмент», аккаунты органов власти в соцсетях позволило достичь деэскалации конфликтов. Важными факторами этого стали:

1. Использование государственными структурами наглядной аргументации (актуальные фотографии с мест событий, статистические данные).
2. Персонализированный ответ, сформированный без использования шаблона.
3. Продолжение диалога с горожанами, уточнение отдельных аспектов затронутой проблемы, ответы на последующие и более конкретные вопросы людей.
4. Максимальная конкретность ответа представителей власти, подробный перечень принятых для устранения проблемы мер, поименное указание лиц, несущих ответственность за появление проблемы.

Выводы

На основании проведенного анализа можно заключить, что использование цифровых инструментов для осуществления коммуникаций между властью и обществом в целом имеет достаточно большое влияние на означенный процесс в целом и конкретно на коммуникации, связанные с конфликтом. К сожалению, чаще всего официальные ответы властей «работают» не на разрешение конфликта, а на его эскалацию, т.к. генерируются автоматически, выполняются шаблонно, состоят преимущественно из общих фраз, не давая четких ответов на поставленные вопросы. Там же, где ответы властей даются по существу, где они достаточно аргументированы и сформулированы ясным и понятным

языком, исключаям двусмысленные трактовки, там, где власть демонстрирует готовность к ведению полноценного диалога с обществом, цифровые инструменты позволяют как минимум смягчить конфликтную ситуацию, как максимум разрешить конфликт.

Итак, применение цифрового инструментария в сфере государственных коммуникаций является перспективным и необходимым в современных условиях. За счёт него организуются коммуникации с гражданами, обеспечиваются меры в области прозрачности деятельности государственных структур, чиновников и политиков, открываются возможности по информационно-агитационной деятельности. На сегодняшний день существуют качественные программные продукты, позволяющие автоматизировать коммуникации в цифровой среде, тем не менее, для эффективного и конструктивного взаимодействия с гражданами в интернете требуется не просто проводить мониторинг жалоб и обращений с целью формирования автоматических ответов, но индивидуально прорабатывать поступающие запросы и предоставлять своевременные, конкретные и персональные ответы, а также обеспечивать достоверность информации в социальных сетях в условиях обилия «фейков» и «ботов».

Библиография

1. Кульназарова А. В. Цифровая трансформация публичных коммуникаций: российский и европейский опыт. – СПб : СПбГУТ, 2021. – 135 с. – С. 14.
2. Чумиков А.Н. Конфликтные коммуникации в медийном поле. Коммуникология. 2021; 9(2), 125-142. URL: <https://doi.org/10.21453/2311-3065-2021-9-2-125-142>
3. Грачев М.Н. Трансформация политико-коммуникационных процессов в информационном обществе: от медиации к медиатизации // Российская школа связей с общественностью. 2020. № 18-19.
4. Еникеева Е. М. Цифровой инструментарий политических коммуникаций // Сборник лучших докладов Всероссийской научно-технической и научно-методической конференции магистрантов и их руководителей. / Сост. Н.Н. Иванов. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М.А. Бонч-Бруевича, 2023. – 515 с. – С. 470.
5. Еникеева Е. М. «Инцидент-менеджмент» как средство формирования доверия к правительству России // Глобальные и региональные коммуникации: настоящее и будущее: тезисы докладов студентов на XXII Междунар. Балтийском коммуникационном форуме: в 5 частях. Часть 3. СПбГУТ. СПб., 2020. С. 71.
6. Филатова О.Г., Чугунов А.В. Развитие экосистемы электронного участия в России в начале 2020-х: роль социальных медиа и центров управления регионами // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2022. Т. 18, № 2. С. 120-137.
7. Ачкасова В. А. Медиатизированный конфликт: особенности и политические следствия // Конфликтное поле публичной политики. Опыт, уроки и перспективы современного российского общества / под ред. А. И. Соловьева, Г.В.Пушкаревой. М.: Аргмак-Медиа, 2022. 336 с.
8. Еникеева, Е. М. Цифровой инструментарий политических коммуникаций / Е. М. Еникеева // Подготовка профессиональных кадров в магистратуре для цифровой экономики (ПКМ-2022): Сборник лучших докладов Всероссийской научно-технической и научно-методической конференции магистрантов и их руководителей, Санкт-Петербург, 06–08 декабря 2022 года / Сост. Н.Н. Иванов. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М.А. Бонч-Бруевича, 2023. – С. 469-473. – EDN ZFWITA.
9. Полоротов А. Государство око рунета. Кто анализирует и обрабатывает политическую

повестку: [Электронный ресурс] // dailystorm.ru. М., 20.07.2020. URL: <https://dailystorm.ru/vlast/gosudarevo-okoruneta-kto-analiziruet-i-otrabatyvaet-politicheskuyu-povestku>. (Дата обращения 10.12.2023)

10. Enikeeva E.M., Kulnazarova A.V., Rafikov A.I., Shutman D.V. The Impact of Digital Tools on Conflictive Communications in the "Government-Society System": St. Petersburg Experience // Proceedings of the 2023 Communication Strategies in Digital Society Seminar 2023, ComSDS 2023, St. Petersburg, 12 апреля 2023 года. – St. Petersburg, 2023. – P. 147-150.

11. Колмогорова А.В., Калинин А.А., Маликова А.В. Лингвистические принципы и методы компьютерной лингвистики для решения задач сентимент-анализа русскоязычных текстов // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2018. – № 1(29). – С. 139–148. – DOI: 10.29025/2079-6021-2018-1(29)-139-148

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Проблема, которая указана в заголовке статьи, весьма актуальна и нова. Автор пытается дать оценку фактору влияния цифрового инструментария на конфликтные коммуникации в системе «власть – общество». Стоит признать, что «цифровые изменения в обществе, начало которым положило утверждение в 2017 г. программы «Цифровая экономика Российской Федерации», оказывают непосредственное влияние на трансформацию коммуникационной среды. Диджитал-технологии сегодня используются практически везде – в экономике, государственном управлении, жизни социума, что влечет за собой существенные содержательные и структурные изменения этих сфер...». Не так однозначно трактуется в СМИ, науки, некоем бытовом формате что есть «цифровая трансформация». В начале же исследования уточняется, что «под цифровой трансформацией следует понимать изменения в порядке управления объектом (предприятием, организацией, населенным пунктом, государством), носящие системный характер и влекущие за собой модифицирование стратегии, моделей, операций, продуктов, маркетингового подхода и целей согласно возможностям, обеспечиваемым цифровыми технологиями». Проблема цифровизации не так точечна, она спектральна и сферична: «государство заинтересовано в цифровизации, т.к. благодаря цифровым инструментам люди могут получать государственные услуги быстрее и дешевле, при этом качество означенных услуг заметно возрастает. Так, ИИ (искусственный интеллект) делает работу персонала более точной, позволяет получать нужные услуги более быстро, при этом число людей, требующихся для исполнения той или иной задачи, уменьшается». Все сферы деятельности, так или иначе, ориентированы на эти изменения: а здесь политика, экономика, образование, культура и т.д. Основной набор инструментов полновесно представлен в начале данного труда, это дает возможность читателям расширить для себя сетку типов / видов, отчасти их сравнить / сопоставить. Автор уточняет далее, «чтобы проанализировать, насколько и как цифровые инструменты влияют на коммуникации во время конфликтов, складывающейся между российскими властями и обществом, исследовались семь официальных страниц городских и областных администраций страны в соцсети «ВКонтакте». Исследование ставило перед собой цель установить динамику эскалации конфликта в цифровой среде, выявить, как поведет себя в такой коммуникации администрация города области, найти максимально действенные способы и приемы ослабления разрешения конфликтных ситуаций». Заданный вектор исследования, на мой взгляд, определяет и конструктивный

подход в разверстке вопроса. Считаю, что материал обладает должной теоретической и практической значимостью. Вполне удачно включается в работу и статистика, которая дает возможность манифестировать грейд объективности: «Для рассмотрения случайным образом были выбраны страницы администрации Воронежской и Свердловской областей, городов Красноярск, Омск, Уфа, Казань, Санкт-Петербург. На первом этапе с 1 января по 10 января 2023 года проводилась апробация методики исследования на примере страницы Правительства Санкт-Петербурга. За это время были отобраны 22 конфликтные темы. Второй этап был проведен в период с 1 по 30 октября 2023 года, период был увеличен в связи с меньшей активностью граждан в социальных сетях Правительств других регионов. За данный период были отобраны конфликтные темы в количестве: Воронежская область – 9, Красноярск – 7, Уфа – 5, Омск – 6, Казань – 5, Свердловская область – 5. Отбор проводился по следующим параметрам...». Основные результаты исследования (платформа «ВКонтакте») объединены в табличный вид, это упрощает восприятие информации, сводит в некое единое целое аналитику. Не исключается далее и комментарий / расшифровка данных: например, «важно отметить, что количество комментариев, а также появления конфликтных тем, связаны, в том числе, с размером населения города/области и, как следствие, количеством подписчиков. Данные таблицы показывают, что в 62,7% случаев ответ, данный с официальной страницы Правительства или Комитетов в социальной сети «ВКонтакте», привел к эскалации конфликта. Причинами эскалации конфликтов явились следующие факторы...». Выводы по тексту работы строги, неформальны, а продуктивны. Итогом становится утверждение, что «применение цифрового инструментария в сфере государственных коммуникаций является перспективным и необходимым в современных условиях. За счёт него организуются коммуникации с гражданами, обеспечиваются меры в области прозрачности деятельности государственных структур, чиновников и политиков, открываются возможности по информационно-агитационной деятельности. На сегодняшний день существуют качественные программные продукты, позволяющие автоматизировать коммуникации в цифровой среде, тем не менее, для эффективного и конструктивного взаимодействия с гражданами в интернете требуется не просто проводить мониторинг жалоб и обращений с целью формирования автоматических ответов, но индивидуально прорабатывать поступающие запросы и предоставлять своевременные, конкретные и персональные ответы, а также обеспечивать достоверность информации в социальных сетях в условиях обилия «фейков» и «ботов». Стоит признать финальный блок верным, ибо он соотносится и с полученными данными, и с вариантом авторской оценки проблемы. Формальные требования издания учтены, серьезная правка текста излишня. Рекомендую статью «Влияние цифрового инструментария на конфликтные коммуникации в системе "власть-общество": опыт российских регионов» к публикации в журнале «Litera» ИД «Nota Bene».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Носенко Н.В., Савина М.А. Национально-культурная специфика лексем с семантикой «любопытство/любопытность» в русском, английском и итальянском языках // Litera. 2024. № 12. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.12.72469 EDN: PSXNLP URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=72469

Национально-культурная специфика лексем с семантикой «любопытство/любопытность» в русском, английском и итальянском языках

Носенко Наталья Владимировна

ORCID: 0000-0001-6366-8823

кандидат филологических наук

зав. кафедрой; кафедра теории языка и межкультурной коммуникации; Новосибирский государственный педагогический университет

630068, Россия, Новосибирская область, г. Новосибирск, ул. Ушакова, 20/1

✉ nnossenko@mail.ru

Савина Мария Антоновна

ORCID: 0000-0003-4121-5633

кандидат филологических наук

доцент, кафедра теории языка и межкультурной коммуникации; Новосибирский государственный педагогический университет

630060, Россия, Новосибирская область, г. Новосибирск, ул. Зеленая горка, 4, кв. 3

✉ anivas_m@mail.ru

[Статья из рубрики "Лингвокультурология"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2024.12.72469

EDN:

PSXNLP

Дата направления статьи в редакцию:

26-11-2024

Аннотация: Предметом исследования является семантика лексем, эксплицирующих русский эмоциональный концепт «любопытство/любопытность» и их переводных аналогов в английском и итальянском языках. Любопытность относится к сфере

интеллектуальной деятельности человека, ее психологическую основу составляет интерес к новому, неизвестному, необычному. Воссоздание образа любознательного человека на основе языковых данных дает возможность выявить общие черты и уточнить отличия в лексических значениях, которые создают сложности при изучении иностранного языка и переводе. Поскольку прагматически маркированные фрагменты коннотаций данных лексем практически не отражены в словарях, существует необходимость исследования их семантики и способов лексикографирования. Уточняются значения лексем любопытство, любопытный, любознательность, любознательный, *curiosity*, *curious*, *curiosità*, *curioso*, изучаются их этимология и способы перевода. С целью выявления отличий в лексических значениях анализируемых слов авторы используют данные моноязычных толковых словарей, двуязычных словарей и национальных языковых корпусов. Отмечается, что именно семантика интенсивности действия глагола пытаться привела к развитию отрицательной коннотации слова любопытный. Установлено, что в английском, русском и итальянском языках любопытство связано с определенными соматизмами, описан универсальный компонент (соматизмы нос, глаз, ухо связаны с любопытством в трех языках), выявлен национально-культурный компонент (в итальянском языке в роли «органа» любопытства может выступать клюв). Отмечается, что у слов любопытный, *curious*, *curioso* развивается вторичное значение «необычный, странный»: в этом значении слова характеризуют неодушевленные предметы или абстрактные понятия. В русском и итальянском языках лексемы любопытный и *curioso* обладают ярко выраженной негативной коннотацией, в английском языке можно говорить об отсутствии негативных компонентов в самом лексическом значении, поэтому в тех контекстах, в которых указывается на «избыток» признака «любопытство», негативная семантика передается при помощи определений: *morbid curiosity* (болезненное любопытство). Отличия в семантике лексем «любопытство» и «любопытность» провоцируют появление ошибок в речи иностранцев, изучающих русский язык. Прагматический компонент, частью которого является национально-культурная специфика, нуждается в подробном лексикографировании в языковых корпусах, базах данных и словарях активного типа.

Ключевые слова:

с е м а н т и к а , прагматический компонент, национально-культурный компонент, национально-культурная специфика, эмоциональный концепт, образ любознательного человека, негативные коннотации, соматизмы, контекстуальный анализ, этимология

Финансирование. Исследование выполнено в рамках государственного задания «Национально-культурная семантика слова и метаязык ее описания в лексикографической базе данных», которое реализуется при финансовой поддержке Министерства просвещения Российской Федерации в рамках государственного задания № 073-03-2024-052/8 от 12.11.2024.

В психологии любопытство и любознательность определяют как интеллектуальные чувства, эмоции или состояния [\[1, 2, 3\]](#). Одной из отличительных черт эмоциональных концептов является этноспецифичность, которая определяется «национальным индексом данной культуры» [\[4, с. 87\]](#). По мнению В. И. Шаховского, несовпадение культурных концептов может привести к коммуникативному провалу, говорящие в процессе общения будут попадать в «культурные ловушки». Исследователь отмечает, что для преодоления этого особую значимость имеет «получение знаний о содержании национально-

культурного компонента в значении слов» [\[5, с. 71–72\]](#).

Особый интерес к изучению семантики лексем, описывающих эмоциональное состояние любознательности и любопытства в русском, английском и итальянском языках, вызван отсутствием полных эквивалентов, что создает сложности при переводе. Так, по нашим наблюдениям, носители английского, французского и итальянского языков затрудняются с употреблением русских прилагательных *любопытный* и *любопытный*, смешивая их, говоря, например: *Ты так много читаешь – ты такая любопытная*, *у Энн два высших образования – она такая любопытная*.

Ситуация осложняется тем, что прагматически маркированные фрагменты коннотаций данных лексем практически не отражены в словарях. Научная новизна нашей работы состоит в том, что в ней предпринимается попытка сопоставить семантику лексем, эксплицирующих «любопытство/любопытность» в русском, английском и итальянском языках.

В основе исследования лежит методика выявления национально-универсального и национально-специфического компонентов семантики и лексикографирования лексем, описанная в работах Т. А. Трипольской и Е. Ю. Булыгиной [\[6, 7, 8\]](#). С целью выявления отличий в лексическом значении слов *любопытство*, *любопытный*, *любопытность*, *любопытный*, *curiosity*, *curious*, *curiosità*, *curioso* мы в первую очередь используем данные моноязычных толковых словарей, затем обращаемся к двуязычным словарям. Эти источники дают нам представление о том, существует ли разница в лексическом значении выбранных нами слов. Для понимания логики развития вторичных значений и коннотаций мы обращаемся к этимологическим словарям и, где это возможно, к данным Национального корпуса русского языка (НКРЯ) [\[9\]](#) и Британского национального корпуса (BNC) [\[10\]](#). После работы со словарями проводится контекстуальный анализ на материале национальных корпусов и контекстов ресурса ContextReverse [\[11\]](#).

Уточним семантику русских слов в лексикографических источниках.

В новом издании Большого академического словаря русского языка слово *любопытный* описано так: «стремящийся к приобретению новых знаний; пытливый», *любопытность* – «свойство по знач. прил. любопытный» [\[12, с. 365\]](#).

Слово *любопытный* определяется в первом значении как «отличающийся любопытством, проявляющий любопытство», во втором – «достойный внимания, интересный; занятный» [\[12, с. 366\]](#), «любопытство» определяется как «стремление узнать, услышать от кого-л. что-л. во всех (даже несущественных) подробностях; проявление интереса ко всем, даже мелким подробностям» [\[12, с. 367\]](#). В определении и примерах мы не находим указания на то, что любопытство может быть отрицательным качеством (в отличие от любознательности).

На наш взгляд, одной из ключевых сложностей в употреблении слов *любопытный* и *любопытный* является противопоставление здорового и нездорового интереса. Прилагательное *любопытный* в русском языке может приобретать негативные коннотации, это подтверждается примерами из корпуса: *пригрозил любопытному московскому мозгляку набить морду, чем обратил его в бегство* (А. Азольский. Лопушок // «Новый Мир», 1998). Кроме того, иллюстрацией отношения носителей русского языка можно считать пословицу *Любопытной Варваре на базаре нос оторвали*, которая имеет английский аналог *Curiosity killed the cat* («Любопытство сгубило кошку», *здесь и далее*

перевод наш). Отметим, что словосочетание *Любопытная Варвара* встречается в корпусе 12 раз, в некоторых становясь именем нарицательным.

Прилагательные *любопытный* и *любопытный* в разных контекстах могут выступать в качестве синонимов, в таком случае их объединяет сема «тяга к знаниям», например: *Что предлагало новое тогда издание подрастающему поколению, всем любопытным и любопытным?* (К юбилею «Знание – Сила» // «Знание – сила», 2005).

В некоторых контекстах данные лексемы могут вступать в антонимические отношения: Я человек не *любопытный*, но *любопытный*, что не раз меня выручало в походах (В. А. Марушин. По реке Белой к жемчужине Урала – пещере Шульган-Таш. 2016). Основания такой контекстуальной антонимии могут быть аксиологические: чтобы избежать осуждения, говорящий уточняет, что его интерес к окружающей действительности не праздный. Позволим себе привести еще один пример из корпуса: *Первый добродушень, готовъ (если нѣтъ партіи въ винтъ) разговаривать сколько угодно, очень радъ, какъ здѣсь выражаются, «посудачить» и посплетничать, при чемъ **крайне любопытенъ (не любопытенъ, а именно любопытенъ)** и чуть ли не съ первого же дня знакомства входить въ такія интимности, что я прежде приходилъ въ изумленіе, но потомъ ничего – привыкъ* (К. М. Станюкович. Письма «Знатного иностранца. 1897). Этот пример показывает, что противопоставление любопытности и любопытства начинает формироваться, по меньшей мере, уже в конце XIX века.

Обращают на себя внимание контексты, в которых уточняется, что любопытство *хорошее*: *Пусть это слово кому-то покажется слегка заплесневевшим, но именно энтузиасты, люди **любопытные** и по-хорошему любопытные, способны увлечённо и, что называется, с полной самоотдачей заниматься любимым делом* (В. Неволин. Теорема технологии. Опыт Зеленограда // «Наука и жизнь», 2009).

На наш взгляд, развитие негативных коннотаций у прилагательного *любопытный* может быть связано с этимологией этого слова. По данным словарей П. Я. Черных и И. И. Срезневского, слово *пытать* имело значение «спрашивать, допытываться», не позже XV века появляется значение «допрашивать обвиняемого» [13, с. 88; 14, с. 1759–1760]. Возможно, именно семантика интенсивности действия глагола «пытать» привела к развитию отрицательной коннотации.

Рассмотрим семантику переводных эквивалентов *любопытство*, *любопытный* в английском языке. По данным русско-английских словарей (к которым, как правило, обращаются изучающие иностранные языки), прилагательному *любопытный* соответствует английский семантический аналог *curious* [15, с. 330].

Рассмотрим семантику в толковом словаре Collins English dictionary and Thesaurus, в котором *curiosity* имеет следующие значения:

1. Желание узнать; любопытность. 2. Свойство быть любопытным; странность. 3. Нечто странное или увлекательное [16, с. 282].

Прилагательное *curious* в вышеупомянутом словаре трактуется как:

1. Стремящийся к знаниям; любопытный.
2. Чрезмерно любопытный; назойливый.
3. Интересный из-за странности или новизны [16, с. 282].

В словаре Treccani (толковый словарь итальянского языка) слову «curioso», которым обычно переводится русское «любопытный» и «любопытательный» (по данным Национального корпуса русского языка, параллельного подкорпуса), дается такое определение:

1. Желаящий узнать, увидеть, услышать из-за образования или любви к истине, или, чаще, из-за легкого характера и склонности к сплетням: *быть любопытным к делам других; мне было бы любопытно узнать, чем это закончится; ты не должен быть таким любопытным; ему было любопытно постоянно учиться новым вещам*. Может использоваться как существительное (субстантив): *ты любопытный*; часто во множественном числе: *любопытные всегда меня раздражали; группа любопытных остановилась посмотреть*.

2. Книжн. Кто заботится о чем-то, старательный: это писатели более любопытные по отношению к словам, чем к мыслям (Фосколо); жадный, алчный: *любопытный по отношению к захвату земли*.

3. Тот, кто привлекает к себе внимание из-за какой-то странности или экстравагантности, единственный, необычный: *какой любопытный человек! Любопытный тип; он говорит и ведет себя любопытным образом; со мной случилась любопытная история*. Может иметь нейтральное значение: *любопытно видеть, как ловко он взбирается на деревья* [\[17\]](#).

Из определения и примеров мы видим, что итальянское «любопытство» связано с «заботой» о делах других: этимологически итальянское *curioso*, как и английское *curious*, восходит к латинскому слову *cūriōsus* [\[17; 18\]](#), которое могло иметь следующие значения: «1) заботливый, старательный, тщательный, внимательный; 2) интересующийся, заинтересованный; 3) пытливый, любознательный; 4) любопытный; 5) педантичный, преувеличенно мелочной» [\[19, с. 280\]](#).

Отметим, что это слово могло употребляться в значении «шпион» [\[19, с. 280\]](#). Слово *cūriōsus*, в свою очередь, было образовано от латинского слова *cūra* [\[17; 18\]](#), которое имело значения:

- «1) забота, попечение, старание, усилие;
- 2) любознательность, пытливость;
- 3) исследование;
- 4) труд, забота, сочинение;
- 5) разведение;
- 6) уход;
- 7) лечение;
- 8) почитание;
- 9) надзор;
- 10) питомец, любимец;
- 11) заведование, управление, руководство;

- 12) опека, опекунство;
- 13) беспокойство, тревога, хлопоты, дела;
- 14) любовь, страсть;
- 15) возлюбленная» [\[19, с. 279\]](#).

Отметим общую черту в развитии лексического значения слов *любопытный* в русском, *curioso* в итальянском и *curious* в английском: во всех выбранных нами языках имеется значение «интересный». В НКРЯ в данном значении слова будут сочетаться в основном с неодушевленными существительными: *un tono curioso* (любопытный тон); *curiosa lingua* (любопытный язык), *любопытный факт* (205 примеров), *любопытный случай* (105 примеров), *curious case* (любопытный случай, 8 примеров), *curious book* (любопытная книга, 2 примера).

Слово *любопытный* в параллельном корпусе НКРЯ переводится итальянским *curioso*. Интернет-ресурс ContextReverse тоже в качестве перевода слова *любопытный* предлагает слово *curioso* (33 примера). В английском параллельном корпусе слово *любопытный* часто переводится как *curious* (в 9 контекстах из 33), как и слово *любопытный* – в 183 контекстах из 482.

Судя по определению Treccani, материалам корпуса и ContextReverse, можно сказать, что итальянское «*curioso*» сочетает в себе значения русского слова «любопытный» и «любопытный» и может иметь как положительные, так и отрицательные коннотации. В английском языке слово *curiosity* (любопытство) в своем лексическом значении не содержит негативных коннотаций, но *curiosity* может иметь негативные определения: *I don't know whether to call this friendship or **morbid curiosity***. Не знаю уж, как это назвать – дружбой или **болезненным любопытством** (Kurt Vonnegut. Hocus Pocus, 1990. Курт Воннегут. Фокус-покус (М. Ковалева, 1993).

Отметим, что в русском, английском и итальянском языках прослеживается связь понятия *любопытство* и различных органов восприятия. Это прежде всего *нос* и *глаза*, словосочетание *любопытный нос* (расстояние между леммами 3) встречается в корпусе 42 раз, *совать нос* (расстояние 3) – 423 раза: *Ой, Ася, тебе ли не знать, как люди любят **совать нос** в чужие дела, вопросами задаваться...* Е. Завершнева. Высотка. 2012). *Глаз* оказывается *любопытным* в 320 примерах корпуса (расстояние 3): *Десятки любопытных глаз разглядывали меня* (А. А. Голицын. Ящик. История одного шоу // «Волга», 2009). *Любопытный взгляд* входит в состав 329 контекстов.

В русском языке *любопытными* могут быть уши (16 контекстов): *деревня кажется одним большим **любопытным ухом*** (Кир Булычев. Петух кричит с опозданием. 2002).

В английском языке *любопытными* (*curious*) называются глаза, 14 контекстов в корпусе: *Homeless women used to be invisible to me but I appraise them now **with curious eyes**, wondering if their stories started like mine. Раньше я не обращала никакого внимания на бездомных женщин, теперь же я с **любопытством присматриваюсь** к ним и спрашиваю себя, начиналась ли их история так же, как моя* (Elizabeth White. An honest look at the personal finance crisis. 2017. Элизабет Уайт. Честный взгляд на персональный финансовый кризис (Татьяна Цыс). *Curious* может характеризовать *look* (взгляд, 16 примеров), *glance* (взгляд, 4 примера) Словосочетания *curious nose* (любопытный нос) и *curious ear* (любопытное ухо) в корпусе не встречаются, но имеются в ContextReverse и во множестве интернет-статей. Отметим, что в английском языке есть аналог русского

пронырливый – *nosey*, а также аналог русской *Варвары* – *Nosey Parker* (Носатый Паркер, любопытный человек), ср. русское «не суй свой нос, куда не следует».

Кроме того, в основном корпусе НКРЯ в 9 контекстах *глаза* называются *любопытными*: *Голубые любопытные глаза и преданный серьезный вид Алехи приглянулись Равичу, и он решил привить пареньку любовь к геологии* (А. Городницкий. «И жить еще надежде». 2001). Самый ранний текст относится к 1827 году, самый поздний – 2006. *Любопытные уши* встречаются только в 2 контекстах корпуса, в текстах 1827 и 1871 года: *для лучшего укрытия от любопытного и любопытного уха* (С. В. Максимов. Сибирь и каторга. 1871). Контексты, в которых *любопытным* назывался бы *нос*, в корпусе отсутствуют.

В словаре синонимов Treccani к слову *curioso* в качестве синонима дается существительное *ficcanaso* – *суй нос* (образовано по той же модели, что *Держиморда*). В Dizionario analogico находим лексему *ficcanasare* – глагол, образованный от *ficcanaso*. Отметим, что в итальянском языке существуют фразеологизмы *ficcare, mettere il naso, il becco* – *совать, ставить нос, клюв* (со значением *интересоваться чем не следует и/или вмешиваться куда не следует*) [20, с. 236]. В материалах НКРЯ в итальянских контекстах словосочетания *orecchie curiose* (любопытные уши), *occhi curiosi* (любопытные глаза), *sguardo curioso* (любопытный взгляд) отсутствуют, но в интернет-статьях и ContextReverse они есть.

Анализ словарных дефиниций и контекстов позволяет говорить о том, что словарные толкования не дают возможности полностью развести значения прилагательных *любопытный* и *любопытный*. Прилагательное *curious* и существительное *curiosity* как аналоги русских лексем *любопытный* и *любопытство* не содержат отрицательной оценки в своей семантике, в контекстах негативный компонент могут передавать прилагательные (*morbid*). В итальянском языке, напротив, слова *curioso, curiosità* содержат негативный компонент.

В русской, английской и итальянской языковых картинах мира главными органами любопытства являются *нос, глаза и уши*, любопытный человек часто вынюхивает, высматривает, подслушивает. В итальянском языке любопытным может быть *клюв*.

В преподавании русского языка иностранцам и в процессе перевода следует учесть следующие особенности слов *любопытство, любопытность, любопытный, любопытный*:

- 1 . Слово *любопытный* обычно обозначает тягу к знаниям, здоровый интерес к познанию окружающего мира.
- 2 . Несмотря на то, что слово *любопытный* может являться синонимом слова *любопытный*, оно часто обозначает именно нездоровый интерес, при этом негативная коннотация содержится в самом лексическом значении.
- 3 . Сочетаемость слов *любопытный* и *любопытный* отличается: слово *любопытный* часто употребляется в значении «необычный» по отношению к неодушевленным предметам или абстрактным существительным. Слово *любопытный* обычно характеризует только человека.

Мы приходим к выводу, что требуется описание прагматического макрокомпонента, в том числе национально-специфической семантики, в словарях активного типа и базах данных. Этими ресурсами могли бы воспользоваться преподаватели, переводчики и

иностранцы, изучающие русский язык.

Библиография

1. Изард К. Э. Психология эмоций. М.: Питер, 2009. 460 с.
2. Ильин Е. П. Эмоции и чувства. 2-е изд. Санкт-Петербург: Питер. 2021. 784 с.
3. Маклаков А. Г. Общая психология. СПб.: Питер. 2016. 583 с.
4. Шаховский В. И. Эмоциональные культурные концепты: параллели и // Языковая личность: культурные концепты: сборник научных трудов. Волгоград-Архангельск: Издательство ВГПУ «Перемена», 1996. С. 80–96.
5. Шаховский В. И. Эмоции: Долингвистика, лингвистика, лингвокультурология. М.: ЛИБРОКОМ, 2010. 128 с.
6. Булыгина Е. Ю., Трипольская Т. А. Динамические процессы в русском эмотивно-оценочном слове // Критика и семиотика. 2022. № 1. С. 30–51. DOI: 10.25205/2307-1737-2022-1-30-51
7. Булыгина Е. Ю., Трипольская Т. А. Гендерно маркированная лексика: лексикографическая традиция и динамические процессы в современном русском языке // Сибирский филологический журнал. 2022. № 2. С. 186–200. DOI: 10.17223/18137083/79/14
8. Булыгина Е. Ю., Трипольская Т. А. Национально-культурный компонент в семантике метафоры (на материале группы «безвольный, бесхарактерный человек») // Критика и семиотика. 2023. № 1. С. 11–27. DOI: 10.25205/2307-1753-2023-1-11-27
9. Национальный корпус русского языка. [Электронный ресурс]: <http://ruscorpora.ru> (дата обращения: 25.11.2024).
10. Британский национальный корпус (BNC). [Электронный ресурс]: <http://www.natcorp.ox.ac.uk> (дата обращения: 25.11.2024).
11. ContextReverse. [Электронный ресурс]: <https://context.reverso.net> (дата обращения 25.11.2024).
12. Большой академический словарь русского языка. Т. 9. М., СПб., 2007.
13. Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. Т. 2. М.: Русский язык, 1999. 560 с.
14. Срезневский И. И. Словарь древнерусского языка. Т. 2, ч. 2. М.: Книга, 1989.
15. Оксфордский русско-английский словарь. М., 1993.
16. Collins English dictionary and Thesaurus. Fourth edition. 2006. 1473 p.
17. Treccani. [Электронный ресурс]: <http://www.treccani.it/vocabolario/> (дата обращения 25.11.2024).
18. Online etymology dictionary [Электронный ресурс]: <https://www.etymonline.com/> (дата обращения 25.11.2024).
19. Дворецкий И. Х. Латинско-русский словарь. М.: Русский язык, 1976. 1096 с.
20. Dizionario analogico della lingua italiana. Bologna: ZANICHELLI, 2011. 960 p.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемая статья посвящена национально-культурной специфике лексем с семантикой «любопытство / любознательность» в русском, английском и итальянском языках. Автор(ы), апеллируя к трудам В. И. Шаховского, указывают, что «одной из отличительных черт эмоциональных концептов является этноспецифичность, которая определяется «национальным индексом данной культуры»; «несовпадение культурных

концептов может привести к коммуникативному провалу, говорящие в процессе общения будут попадать в «культурные ловушки». Выбор лексем, описывающих эмоциональное состояние любознательности и любопытства в русском, английском и итальянском языках, вызван отсутствием их полных эквивалентов в данных лингвосистемах, что создает сложности при использовании и переводе. Предмет исследования достаточно актуален. Во-первых, национально-культурный компонент в семантике слова является одним из способов хранения и транслирования культуры. Следовательно, его выявление, описание и фиксирование в словарях будет способствовать эффективному диалогу культур. Во-вторых, как верно отмечено в работе, прагматически маркированные фрагменты коннотаций таких лексем как «любопытство / любознательность» практически не отражены в русском, английском и итальянском словарях.

Теоретической основой исследования в основном явились работы таких российских ученых, как В. И. Шаховский, Е. Ю. Булыгина, Т. А. Трипольская, Е. П. Ильин, А. Г. Маклаков, К. Э. Изард. На наш взгляд, автор(ы) могли бы более подробно рассмотреть понятие «национально-культурный компонент» и особенности лексикографирования прагматической информации в значении слова, обращаясь к трудам Ю. Д. Апресяна, И. А. Стернина, А. Вежбицкой и др. Библиография насчитывает 20 источников, в том числе лексикографические источники; в целом соответствует специфике изучаемого предмета, содержательным требованиям и находит отражение на страницах статьи. Все цитаты ученых сопровождаются авторскими комментариями.

В основе исследования лежит методика выявления национально-универсального и национально-специфического компонентов семантики и лексикографирования лексем, описанная в работах Т. А. Трипольской и Е. Ю. Булыгиной. На первом этапе используются данные моноязычных толковых словарей. Затем ученые обращаются к двуязычным словарям, что позволяет проследить, существует ли разница в лексическом значении отобранных слов. На втором этапе с целью установления логики развития вторичных значений и коннотаций ведется работа по этимологическим словарям и данным Национального корпуса русского языка (НКРЯ) и Британского национального корпуса (BNC). На третьем этапе проводится контекстуальный анализ на материале национальных корпусов и контекстов ресурса ContextReverse.

Анализ теоретического материала и полученные результаты исследования позволили автору(ам) сделать вывод о том, что в словарях активного типа и в базах данных необходимо давать описание прагматического макрокомпонента, в том числе национально-специфической семантики.

Теоретическая и практическая значимость проведенной работы неоспорима и обусловлена его вкладом в решение современных языковедческих проблем, связанных с изучением прагматически маркированной лексики в языках. Результатом настоящего исследования явилось сопоставление семантики лексем, эксплицирующих «любопытство / любознательность», в русском, английском и итальянском языках и выявление национально-универсального и национально-специфического компонентов в их семантике.

Представленный в работе материал имеет четкую, логически выстроенную структуру, способствующую полноценному восприятию материала. Стиль изложения материала соответствует требованиям научного описания и характеризуется оригинальностью, логичностью и доступностью. Статья имеет законченный вид; она вполне самостоятельна, оригинальна, будет интересна и полезна широкому кругу лиц и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Гареева Л.М. Средства экспрессивного синтаксиса в повести А. П. Чехова «Черный монах» // Litera. 2024. № 12. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.12.72787 EDN: PHZUOK URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=72787

Средства экспрессивного синтаксиса в повести А. П. Чехова «Черный монах»

Гареева Лилия Махмутовна

ORCID: 0000-0001-8046-9762

кандидат филологических наук

доцент; кафедра филологии; Московский финансово-промышленный университет "Синергия"
доцент; кафедра социально-экономических и гуманитарных дисциплин; Московский государственный университет спорта и туризма

111397, Россия, г. Москва, ул. Новогиреевская, 19/2, кв. 26

✉ liliyagareeva@yandex.ru[Статья из рубрики "Литературоведение"](#)**DOI:**

10.25136/2409-8698.2024.12.72787

EDN:

PHZUOK

Дата направления статьи в редакцию:

20-12-2024

Аннотация: Статья посвящена экспрессивным синтаксическим средствам, использованным А. П. Чеховым в повести «Черный монах» (1893). Синтаксис русского языка характеризуется неисчерпаемыми возможностями для выражения экспрессивности речи, в передаче эмоциональных оттенков высказываний. Экспрессивность синтаксических конструкций проявляется в способности различных единиц придавать яркость, образность и выразительность тексту, усиливать эмоционально-воздействующий эффект речи. В ходе работы был проведен анализ синтаксических конструкций произведения А. П. Чехова "Черный монах", способствующих повышению экспрессивности повествования. В результате проведенного исследования были выявлены и описаны приемы экспрессивного синтаксиса, среди которых наиболее проявленными в тексте повести являются риторические восклицания, вопросы и обращения, парцелляция, вводные и вставные

конструкции, повторы, градация. Особое внимание в статье уделено экспрессивной функции знаков препинания. В ходе исследования применялись теоретические и практические методы. В теоретической части были использованы типологический и описательный методы, практическая часть создавалась с помощью приема сплошной выборки экспрессивных синтаксических конструкций из текста повести А. П. Чехова «Черный монах». Научная новизна исследования заключается в выявлении приемов экспрессивного синтаксиса, наиболее свойственных для прозаических произведений А. П. Чехова. Анализ синтаксических особенностей повести "Черный монах" позволил сделать ряд выводов: 1) значительно усиливают экспрессивность повествования противопоставленные конструкции, особенно однородные члены с союзами «а», «но» и сложносочиненные противительные предложения; 2) самыми распространенными средствами экспрессивного синтаксиса в тексте повести являются риторические восклицания, вопросы и обращения, парцелляция, вводные и вставные конструкции, повторы, градация; 3) синтаксические конструкции в прозе А. П. Чехова не только являются структурно-композиционными элементами повествования, но и повышают экспрессивность высказываний; 4) большое значение в усилении экспрессивности имеют знаки препинания, в частности тире и многоточие.

Ключевые слова:

синтаксис, синтаксическая конструкция, экспрессивность, предложение, стилистическая фигура, интонация, знак препинания, эмоциональность, речь, член предложения

Введение

Термин «экспрессивность» в лингвистике обозначает совокупность семантико-стилистических признаков единицы языка, которые обеспечивают её способность выступать в коммуникативном акте как средство субъективного выражения отношения говорящего к содержанию или адресату речи [\[2\]](#).

Синтаксис русского языка обладает огромным потенциалом в создании экспрессивности высказывания, передаче эмоциональных оттенков речи. Экспрессивность в синтаксисе проявляется как способность синтаксических конструкций создавать образность и выразительность текста, повышать эмоционально-воздействующий эффект речи. В создании экспрессивности могут участвовать различные ритмико-интонационные средства: изменения интонации в разных текстовых фрагментах, динамика темпа речи (его ускорение или замедление в повествовании), вариации тембра высказывания (в зависимости от целевой установки он может быть воспринят как мрачный, философский, бодрый, шутливый и т.п.).

Используя стилистические фигуры и тропы, экспрессивный синтаксис в значительной мере пересекается с риторикой и риторическими средствами эмоционального усиления.

В истории языкознания известны несколько классификаций фигур речи. Согласно современной дифференциации, они подразделяются на три основных разряда:

- 1) фигуры прибавления (анадиплозис, анафора, градация, полиптот, полисиндетон, симплока, эпифора);
- 2) фигуры убавления (асиндетон, зевгма, силлепсис, эллипсис);

3) фигуры перемещения (гипербатон, инверсия, параллелизм, хиазм).

Обзор литературы

В отечественном языкознании экспрессивным языковым средствам посвящено довольно много исследований (Н. А. Лукьяновой [\[10\]](#), В. Н. Телия [\[12, 14\]](#), Г. В. Колшанского [\[8\]](#), Елисеевой Е.А. [\[7\]](#)), однако большинство из них рассматривают общие принципы употребления экспрессивных средств языка, механизмы их создания в речи и касаются преимущественно лексики, тогда как особенности функционирования средств экспрессивного синтаксиса и их роль в создании авторского стиля отдельных писателей до настоящего времени остаются малоизученными вопросами. В связи с этим в качестве материала для данного исследования была избрана повесть А. П. Чехова «Черный монах» (1893).

Отдельным аспектам теории экспрессивного синтаксиса в последние годы были посвящены работы Е. С. Астаховой [\[1\]](#), Е.Н. Воробьевой [\[5\]](#), Н. В. Кондратьевой и Л. М. Чернышевой [\[9\]](#), А. А. Соломенниковой [\[11\]](#). В статье «Приемы экспрессивного синтаксиса» Н. В. Черникова и Е. С. Копылова подчеркивают, что «использование приемов экспрессивного синтаксиса имеет целью выражение субъективного отношения говорящего к содержанию и адресату речи, а также эмоционально насыщает речь, делает ее яркой и запоминающейся» [\[15, с. 31\]](#).

Языковые особенности прозы А. П. Чехова в разное время исследовали М. Арвинте, Н. П. Бадаева, А. А. Белкин, Н. Я. Берковский, П. Бицilli, В. Я. Лакшин, Н. М. Фортунатов А. П. Чудаков и другие.

Повесть «Черный монах» обладает особой ритмико-синтаксической организацией, что дало основания Н. М. Фортунатову назвать композицию данного произведения музыкальной, или «сонатной». Исследователь отмечал также закономерную повторяемость, последовательное разворачивание и динамическую соотнесенность того, о чем говорится в чеховском повествовании [\[13\]](#).

Материалы и методы

Целью исследования были выявление и анализ средств экспрессивного синтаксиса, использованных А. П. Чеховым в повести «Черный монах». Методологическую базу исследования составили теоретические и практические методы. В теоретической части применялись общенаучные методы (анализ и синтез, индукция и дедукция, системный анализ, обобщение), а также типологический и описательный методы. С целью обоснования выдвинутых положений в практической части использовался прием сплошной выборки синтаксических конструкций, обладающих экспрессивностью, применялись элементы дискурс-анализа, позволяющего выявить прагматическую сущность экспрессивных единиц и их дискурсивные функции в тексте повести А. П. Чехова «Черный монах» [\[16\]](#).

Результаты исследования

В результате проведенного исследования были выявлены и описаны экспрессивные синтаксические приемы, использованные в повести, проанализирована их роль и функции в повествовании, установлено наличие взаимосвязи между элементами синтаксической структуры текста и уровнем экспрессии в его отдельных фрагментах.

Чеховское повествование воспринимается ровным и гармоничным в звучании, при этом цельность и плавность речевого единства выходят в нем на первый план. В основном такой эффект мелодичности достигается за счет преобладания в тексте сложносочиненных союзных конструкций (чаще с союзом *и*), отдельные единицы которых воспринимаются прежде всего как составные части цельного ритмико-интонационного единства [6, с. 135]. Например: *Но вот по ржи пробежали волны, и легкий вечерний ветерок нежно коснулся его непокрытой головы. Через минуту опять порыв ветра, но уже сильнее, – зашумела рожь, и послышался сзади глухой ропот сосен* [16].

Часто автор использует также однородные члены предложения с союзом «и». «Благодаря употреблению союза *и* однородные члены интонационно сливаются, создавая плавность, певучесть речи» (Н. П. Бадаева) [3, с. 36]. Например: *Коврин слушал музыку и пение с жадностью и изнемогал от них, и последнее выражалось физически тем, что у него слипались глаза и клонило голову на бок* [16]. Мелодичность текста создают и ряды однородных членов без союзов: *Таких удивительных роз, лилий, камелий, таких тюльпанов всевозможных цветов, начиная с ярко-белого и кончая черным как сажа, вообще такого богатства цветов, как у Песоцкого, Коврину не случалось видеть нигде в другом месте* [16].

Зачастую Чеховым используется прием контраста, который усиливает экспрессивность повествования и создается посредством однородных членов с союзами «а» и «но», а также с помощью сложносочиненных противительных конструкций. *Дело красивое, милое, здоровое, но и тут страсти и война, – подумал Коврин* [16]. *Коврин говорил ласково и убедительно, а она продолжала плакать, вздрагивая плечами и сжимая руки, как будто ее в самом деле постигло страшное несчастье* [16]. *Он никогда бы уж не мог полюбить здоровую, крепкую, краснощекую женщину, но бледная, слабая, несчастная Таня ему нравилась* [16]. Конструкции со значением противопоставления тем не менее гармонично вписываются в общее стройное, равномерное чеховское повествование: *Съели и выпили тысячи на три, но от плохой наемной музыки, крикливых тостов и лакейской беготни, от шума и тесноты не поняли вкуса ни в дорогих винах, ни в удивительных закусках, выписанных из Москвы* [16].

Однако тем отчетливее на фоне плавной, уравновешенной авторской интонации выделяются различные средства создания экспрессии, среди которых можно выделить риторические восклицания, вопросы и обращения, парцелляцию, вводные и вставные конструкции, повторы, восходящую и нисходящую градацию и другие фигуры, как являющиеся структурно-композиционными элементами повествования, так и несущие функцию усиления экспрессивности высказывания.

Риторические восклицания встречаются на протяжении всего текста повести. С их помощью Чехов выражает мысли и эмоции (как свои, так и каждого из персонажей). Примеров тому множество: *Каких только тут не было причуд, изысканных уродств и издевательств над природой!* (автор) [16]. *Господи, она уже взрослая! – сказал он* (Коврин) [16].

Риторический вопрос также характерен для речи героев повести: *Кто это привязал лошадь к яблоне? – послышался его отчаянный, душу раздирающий крик. – Какой это мерзавец и каналья осмелился привязать лошадь к яблоне?* [16]. Риторический вопрос часто предваряет вопросно-ответное построение речи персонажей повести: *А когда я умру, кто будет смотреть? Кто будет работать? Садовник? Работники? Да? Так вот что я*

тебе скажу, друг любезный: первый враг в нашем деле не заяц, не хрущ и не мороз, а чужой человек [16].

Риторическое обращение является характерной речевой особенностью каждого из персонажей. Например: **Боже мой, боже мой!** Перепортили, перемерзили, пересквернили, перепакостили! Пропал сад! Погиб сад! Боже мой! (Егор Семеныч) [16]. **Таня, милая Таня**, вы чрезвычайно симпатичное существо. **Милая Таня**, я так рад, так рад! (Коврин) [16]. О, **боже мой, боже мой**, спаси нас! – проговорила она в ужасе. – Но ты не бойся, **Андрюша**, не бойся, бога ради, не бойся... (Таня) [16].

Парцелляция в чеховском тексте не только усиливает эмоциональность, но и помогает подчеркнуть ключевую мысль, создает эффект разговорности речи в диалогах между героями. Я очень рад, что ты приехал. Несказанно рад... Спасибо [16]. ... легенда какая-то странная, ни с чем не сообразная. Начать с того, что она не отличается ясностью [16]. Читал где? Слышал? Или, быть может, черный монах снился мне? Клянусь богом, не помню. Но легенда меня занимает [16].

Обилие вводных и вставных конструкций разных видов также характерно для стиля данной повести. Они повышают эмоциональность высказываний и передают различные экспрессивные оттенки авторской речи и реплик героев. Так, в реплике Егора Семеныча вставная конструкция апеллирует к пониманию собеседника, содержит призыв к проявлению эмпатии: *Весь секрет успеха не в том, что сад велик и рабочих много, а в том, что я люблю дело – понимаешь?* – люблю, быть может, больше чем самого себя [16]. Вставная конструкция уточняет, подчеркивает смысл предложения: *В древности один счастливый человек в конце концов испугался своего счастья – так оно было велико!* – и, чтобы умиловить богов, принес им в жертву свой любимый перстень [16]. Вводная конструкция может служить для передачи негативных или позитивных эмоций, передавать общее настроение героев: *И как нарочно, каждый день приезжали гости, которых надо было забавлять, кормить и даже оставлять ночевать* [16]. Если после моей смерти ей достанется сад и она будет хозяйкой, то, **конечно**, лучшего и желать нельзя [16].

Высоким градусом экспрессивности обладает также повтор, часто встречающийся в тексте повести. Обычно А. П. Чехов использует повтор предложений и их частей с целью упорядочения и ритмизации их структуры. В повести «Черный монах» повторы чаще всего содержатся в репликах персонажей и передают их взволнованность, тревожность, пребывание на грани нервного срыва. Например: *Наконец, виноватый, замученный совестью, он постучал в запертую дверь и позвал робко: – Таня! Таня?* [16]. **Вы** поедете со мной? **Вы** хотите быть моей? [16]. Пропал **сад!** Погиб **сад!** [16].

Прием градации нередко используется Чеховым для передачи душевного состояния героев, показывает динамику, нарастание волнения или раздражения: *Я сходил с ума, у меня была мания величия, но зато я был весел, бодр и даже счастлив, я был интересен и оригинален* [16]. Присутствие людей, особенно Егора Семеныча, теперь уж раздражало Коврина, он отвечал ему **сухо, холодно и даже грубо...** [16].

Особую роль в выражении экспрессии играют знаки препинания. В тексте повести «Черный монах» широко применяется тире, которое Н.С. Валгина назвала «знаком смысловой, интонационной и композиционной неожиданности» [4, с. 597]. Данный знак

препинания обладает уникальными выразительными возможностями, семантической неоднозначностью. Тире может выступать не только как семантически соединяющий, но и как противопоставляющий синтаксические единицы знак, а также оно помогает выделить части конструкции, обозначить место логического ударения, паузы, сделать смысловой акцент на определенной части фразы. *Легенда, мираж и я – всё это продукт твоего возбужденного воображения. Я – призрак* [16]. В данном фрагменте речи Черного Монаха второе тире является авторским знаком, сообщающими реплике многозначительность, таинственность. Эллиптически неполные предложения с тире создают эффект нарастания эмоциональности в речи героев: *Я работаю от утра до ночи. Все прививки я делаю сам, обрезку – сам, посадки – сам, всё – сам* [16]. Этот знак препинания часто разделяет две смысловые части сложного синтаксического целого, помогая смене авторской интонации: *То вдруг нахлынет такая радость, что хочется улететь под облака и там молиться богу, а то вдруг вспомнится, что в августе придется расставаться с родным гнездом и оставлять отца, или, бог весть откуда, придет мысль, что она ничтожна, мелка и недостойна такого великого человека, как Коврин, – и она уходит к себе, запирается на ключ и горько плачет в продолжение нескольких часов* [16].

В художественной речи использование однородных членов предложения является эффективным средством усиления экспрессивности. При этом зачастую в ряды однородных членов включаются синонимы и слова схожей семантики. Многокомпонентные ряды однородных членов в повести часто используются для создания эффекта постоянности, рутинности происходящего в жизни героев: *У нас только сад, сад, сад, – и больше ничего. Штамб, полуштамб, – засмеялась она, – апорт, ранет, боровинка, окулировка, копулировка... Вся, вся наша жизнь ушла в сад, мне даже ничего никогда не снится, кроме яблонь и груш* [16].

С помощью однородных членов предложения, повышающих эмоциональность речи, А. П. Чеховым используются многосоюзие и бессоюзие. Многосоюзие (или полисиндетон) состоит в нарочитом повторении сочинительных союзов с целью логического и интонационного выделения перечисляемых понятий. Многосоюзие также выступает как средство повышения смысловой значимости перечисляемых элементов, придания речи героев торжественной тональности и эмоционального подъема. Например: *Его видели то в Африке, то в Испании, то в Индии, то на Дальнем Севере...* [16]. *Вот я и статьи пишу, и на выставках участвую, и медали получаю...* [16].

Бессоюзие (или асиндетон) проявляется как преднамеренное опущение союзов между однородными членами предложения или частями сложносочиненного предложения. Читаем в тексте повести: *Небольшого роста, бледная, тощая, так что ключицы видно; глаза широко раскрытые, темные, умные, все куда-то вглядываются и чего-то ищут; походка, как у отца, мелкая, торопливая* [16]. Бессоюзие в данном фрагменте подчеркивает сухой аналитический «обзор» внешности и манеры поведения Тани, сделанный Ковриным, который пока еще не влюблен в героиню.

В повести частотными являются также приёмы, нарушающие цельность, замкнутость предложения. Речь при этом становится разорванной, незавершённой. Обычно такой эффект у А. П. Чехова достигается за счет использования многоточия. Например: *Я ему ничего не говорила... ничего... Я только сказала, что нет надобности держать... лишних работников, если... если можно, когда угодно, иметь поденщиков. Ведь... ведь работники уже целую неделю ничего не делают... Я... я только это сказала, а он*

раскричался и наговорил мне... много обидного, глубоко оскорбительного. За что? [16]. В приведенном фрагменте многоточия помогают передать сбивчивую, взволнованную речь героини после крупной ссоры с отцом.

Повествование А. П. Чехова обладает огромным спектром выразительных возможностей для передачи тончайших смысловых нюансов, глубокой эмоциональной насыщенностью. Разнообразные конструкции экспрессивного синтаксиса используются как в авторской речи, так и при передаче реплик персонажей и их мыслей, чувств и намерений во внутренних монологах.

Обсуждение и заключения

Анализ средств экспрессивного синтаксиса в тексте повести А. П. Чехова «Черный монах» позволил обобщить следующие их особенности: 1) прием контраста, усиливающий экспрессивность повествования, создается с помощью однородных членов с союзами «а» и «но», а также посредством сложносочиненных противительных конструкций; 2) особенно распространенными в чеховском повествовании являются риторические восклицания, вопросы и обращения, парцелляция, вводные и вставные конструкции, повторы, градация; 3) синтаксические фигуры выступают в тексте и как структурно-композиционные элементы повествования, и как носители функции усиления экспрессивности высказывания; 4) большую роль в выражении экспрессии играют знаки препинания, в особенности тире и многоточие.

В заключение отметим, что язык Чехова, на первый взгляд, обладает доступностью и простотой, но при этом он музыкален, благозвучен и в значительной степени экспрессивен, что во многом связано с использованием разнообразных средств выразительности и приемов экспрессивного синтаксиса.

Библиография

1. Астахова Е. С. Экспрессивный синтаксис: функции в современном газетном тексте // Новые горизонты русистики. 2018. № 3. С. 4-10.
2. Большая российская энциклопедия 2004–2017. URL: <https://old.bigenc.ru/linguistics/text/4927818>.
3. Бадаева Н. П. Синтаксические приемы ритмизации авторской речи в рассказах А. П. Чехова // А. П. Чехов – художник слова. Ростов н/Д, 1960. С. 25-58.
4. Валгина Н. С., Розенталь Д. Э., Фомина М. И. Современный русский язык: учебник. М.: Логос, 2002. 528 с.
5. Воробьева Е. Н. Конструкции экспрессивного синтаксиса в публицистическом тексте // Филологический аспект. 2022. № 12 (92). С. 7-13.
6. Гареева Л. М., Тишина Е. В., Черкашина С. П. Ритмико-синтаксические особенности рассказа А. П. Чехова «Душечка» // Гуманитарные науки и образование. 2024. Т. 15, № 3 (59). С. 133-137.
7. Елисеева Е. А. Экспрессивные средства нагнетания страха в произведениях художественной литературы // Язык: категории, функции, речевое действие. Коломна, 2023. С. 33-35.
8. Колшанский Г. В. Соотношение субъективных и объективных факторов в языке. М., Ленанд, 2021. 232 с.
9. Кондратьева Н. В., Чернышева Л. М. Синтаксические средства экспрессивности (на материале заголовков удмуртских публицистических текстов) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2024. Т. 17. № 2. С. 454-459.
10. Лукьянова Н. А. Экспрессивная лексика разговорного употребления в семантическом

аспекте // Вестник Новосиб. гос. ун-та. 2015. Т. 14, вып. 9: Филология. С. 183-201.

11. Соломенникова А. А. Рассмотрение фигур экспрессивного синтаксиса в лингвометодическом аспекте // *Linguistica Juvenis*. 2022. № 24. С. 219-224.

12. Телия В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. Москва, Наука, 1986. 141 с.

13. Фортунатов Н. М. Музыкальность чеховской прозы // *Филологические науки*. 1971. № 3. С. 14-26.

14. Человеческий фактор в языке : Языковые механизмы экспрессивности / отв. ред. В. Н. Телия. Москва, Наука, 1991. 214 с.

15. Черникова Н.В., Копылова Е.С. Приемы экспрессивного синтаксиса // *Наука и Образование*. 2022. Т. 5. № 2. С. 31.

16. Чехов А. П. Черный монах. Повесть [Электронный ресурс] // URL: <https://ilibrary.ru/text/985/p.4/index.html>. (дата обращения: 20.12.2024).

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В рецензируемой статье предметом исследования выступают средства экспрессивного синтаксиса в повести А. П. Чехова «Черный монах», актуальность изучения которых обусловлена тем, что большинство научных работ, посвященных экспрессивным языковым средствам, «рассматривают общие принципы употребления экспрессивных средств языка, механизмы их создания в речи и касаются преимущественно лексики, тогда как особенности функционирования средств экспрессивного синтаксиса и их роль в создании авторского стиля отдельных писателей до настоящего времени остаются малоизученными вопросами». Материалом данного исследования послужила повесть А. П. Чехова «Черный монах» (1893), выбор которой обусловлен ее особой ритмико-синтаксической организацией.

Теоретической основой исследования выступили труды таких российских ученых, как В. Н. Телия, Н. М. Фортунатов, Н. П. Бадаева, Н. А. Лукьянова, Г. В. Колшанский, Л. М. Гареева, Е. В. Тишина, С. П. Черкашина и др. Библиография насчитывает 12 источников, в том числе Большая российская энциклопедия 2004–2017; собственно текст повести «Черный монах» А. П. Чехова и три учебных пособия, причем учебное пособие «Лексическая экспрессивность в языке» Т. В. Матвеевой указано дважды (источники 6 и 8).

Методологическую базу исследования составили теоретические и практические методы. В теоретической части использованы общенаучные методы (анализ и синтез, индукция и дедукция, системный анализ, обобщение), типологический и описательный методы. В целях обоснования выдвинутых положений в практической части применялся прием сплошной выборки синтаксических конструкций, обладающих экспрессивностью; а также элементы дискурс-анализа, позволяющего выявить прагматическую сущность экспрессивных построений и их дискурсивные функции.

Анализ теоретического материала и его практическое обоснование позволили автору(ам) выявить и описать экспрессивные синтаксические приемы, использованные в повести, проанализировать их роль и функции в повествовании, установить наличие взаимосвязи между элементами синтаксической структуры текста и уровнем экспрессии в его отдельных фрагментах, а также сформулировать ряд аргументированных выводов: «повествование А. П. Чехова обладает огромным спектром выразительных возможностей для передачи тончайших смысловых нюансов, глубокой эмоциональной насыщенностью.

Разнообразные конструкции экспрессивного синтаксиса используются как в авторской речи, так и при передаче реплик персонажей и их мыслей, чувств и намерений во внутренних монологах»; основными особенностями средств экспрессивного синтаксиса в тексте повести А. П. Чехова «Черный монах» являются: прием контраста, усиливающий экспрессивность повествования (создается с помощью однородных членов с союзами «а» и «но», а также посредством сложносочиненных противительных конструкций); риторические восклицания, вопросы и обращения, парцелляция, вводные и вставные конструкции, повторы, градация; синтаксические фигуры как носители функции усиления экспрессивности высказывания; знаки препинания, в особенности тире и многоточие.

Теоретическая значимость исследования связана с определенным вкладом результатов проделанной работы в развитие такого научного направления, как теория экспрессивного синтаксиса, в изучение специфики средств экспрессивного синтаксиса в идиостиле отдельного писателя. Практическая значимость работы заключается в возможности использования ее результатов в вузовских курсах по общему языкознанию, теории коммуникации, синтаксису и стилистике текста, по лингвистическому анализу текста.

Стиль статьи отвечает требованиям научного описания, содержание соответствует названию, логика исследования четкая. Рукопись имеет законченный вид; она вполне самостоятельна, оригинальна, будет интересна и полезна широкому кругу лиц и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Похаленков О.Е., Глухова К.А. Мотивные комплексы "обмана" и "лжи" в романе Э. Елинек "Пианистка" // Litera. 2024. № 12. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.12.70110 EDN: PHFDAK URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70110

Мотивные комплексы "обмана" и "лжи" в романе Э. Елинек "Пианистка"

Похаленков Олег Евгеньевич

доктор филологических наук

профессор, кафедра литературы, Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского

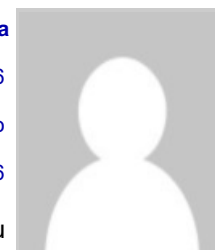
248002, Россия, Калужская область, г. Калуга, ул. Николо-Козинская, 56, кв. 8

✉ olegpokhalenkov@rambler.ru**Глухова Ксения Александровна**

ORCID: 0009-0000-7607-7096

бакалавр, кафедра литературы, Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского

248023, Россия, Калужская область, г. Калуга, ул. Степана Разина, 26

✉ glukhovaka@studkg.ru[Статья из рубрики "Литературоведение"](#)**DOI:**

10.25136/2409-8698.2024.12.70110

EDN:

PHFDAK

Дата направления статьи в редакцию:

12-03-2024

Аннотация: Объектом представленной работы является роман нобелевского лауреата австрийской писательницы Эльфриды Елинек «Пианистка» (1983 г.), который по праву считается одним из лучших и резонансных творений автора. Предмет – мотивно-образная структура романа. Особое внимание уделяется реализации мотивов «обмана» и «лжи», которые неоднократно встречаются на страницах произведения, что неудивительно, так как оно имеет социальную направленность, раскрывает изначально неискренние взаимоотношения людей, построенные на попытках угодить партнеру. Задействованы во лжи центральные персонажи – сама пианистка – Эрика Кохут и ее

ученик – Вальтер Клеммер, отношения которых являются смысловым центром произведения. Автор подробно рассматривает переход вышеназванных мотивов из фабулы в сюжет посредством реализации в определенных событиях романа, что становится отправной точкой для изменения ценностно-смысловой природы образа героини. В данной работе использовался метод мотивного анализа, который позволил выявить ключевые мотивы, а также рассмотреть их реализацию в тексте, помимо основных мотивов были выявлены и второстепенные. Структурный анализ позволил всесторонне проанализировать рассматриваемый литературный текст и способствовал определению мотивно-образной структуры. Научная новизна исследования заключается в использовании теории Б.Ф. Егорова об обмане и лжи в литературе («Обман в русской культуре», 2012 г.) применительно к роману Э. Елинек. Основным вкладом авторов в исследования темы является тот факт, что впервые была рассмотрена проблема реализации мотивов обмана и лжи, проведен сравнительный анализ этих мотивов с учетом их различного функционирования в художественном пространстве произведения (топосов и локусов). Основными выводами исследования являются следующие: мотивы обмана и лжи являются сюжетообразующими для мотивных комплексов, существующих в топосах «дом» и «внешний мир», так как меняют ценностно-смысловую природу образа героини, а также становятся причиной реализации остросоциального конфликта произведения.

Ключевые слова:

мотив, образ, художественное пространство, мотивный анализ, Борис Егоров, Эльфрида Елинек, герой, фаула, сюжет, сюжетообразующий мотив

«Обман» и «ложь», их классификации и различия – предмет изучения многих исследователей: одни останавливаются на лексических особенностях семантики, другие – на социальной стороне причин их существования и возникновения в обществе, третьи же фокусируются на фактических моментах. Эти аспекты подробно разбираются в трудах Д.И. Дубровского [\[2\]](#), который рассматривает структуру обмана и его возможную добродетельность, В.И. Шаховского [\[12\]](#), анализирующего семантические особенности терминологии и явление лжи в обществе в целом, Ю.В. Щербатых [\[13\]](#), разбирающего природу этого феномена и его историю с точки зрения психофизиологии, и других ученых, среди которых особенно примечательна работа Б.Ф. Егорова «Обман в русской культуре» (2012) [\[3\]](#), в ней даются наиболее полные определения этих явлений, сферы их функционирования и проявления в культурах народов.

Особое внимание Б. Ф. Егоров уделяет вопросу о том, как может врать литература, приводит в пример многочисленные мистификации и подделки, но не затрагивает случаи художественного значения мотивов обмана и лжи, когда они становятся значимыми для сюжета повествовательными единицами.

Возможности реализации в художественных текстах «обмана» и «лжи» на разных уровнях были рассмотрены в научных работах на материалах как зарубежной, так и отечественной литературы: Н.М. Залесова [\[6\]](#) и Г.О. Портнов [\[9\]](#) в своих статьях анализируют эти явления в произведениях, обращая особое внимание на то, как они влияют на поэтику. Портнов приходит к выводу, что в ранних сочинениях Ф.М. Достоевского («Бедные люди», «Двойник», «Господин Прохарчин») обман заметен на мотивном уровне и в повествовательной организации, а также в метафорах, что

достигается через использование сюжетов, характеров народного театра и маскарада. В работе Н.М. Залесовой особое внимание уделяется структуре обмана, его нравственным аспектам, изученным на материале романа «The magus» Дж. Фаулза. К персонажному уровню и его анализу с точки зрения обмана прибегают в своей работе А.В. Ленец и М.А. Хатламаджиян [8] в своей статье, они описывают специфику языковой репрезентации портрета лгущего персонажа. Не обошли эти категории и лингвистов: в статьях В.И. Заботкиной и Е.Л. Боярской [5] рассматриваются аксиологические концепты, входящие в состав «обмана» и «лжи», а в работе А.В. Ленец и Г.Г. Матвеевой [7] ложь становится объектом прагмалингвистического исследования.

Обзор существующих работ показывает, что мотив и мотивные комплексы обмана и лжи не привлекали большого внимания среди исследователей. В связи с чем, в представленной статье преследуется именно эта цель: проанализировать мотивы обмана и лжи, а также мотивные комплексы, в которые они входят, и доказать их сюжетообразующую роль в романе Э. Елинек «Пианистка».

В определении мотива мы следуем за мнением И.В. Силантьева, который понимает под ним: «а) эстетически значимую повествовательную единицу, б) интертекстуальную в своем функционировании, в) инвариантную в своей принадлежности к языку повествовательной традиции и вариантную в своих событийных реализациях, г) соотносящую в своей семантической структуре предикативное начало действия с актантами и пространственно-временными признаками» [11, 96]. Под мотивным комплексом же подразумевается, что мотив не существует изолированно, о чем пишет в своей работе Путилов: «Мотив в эпическом произведении «живет в составе «блока». В сюжете значимы не только мотивы, но и «блоки», и значение их не равно сумме значений входящих в них мотивов» [10, с. 151-152]. Эти «блоки» мы и называем мотивными комплексами.

В мотивных комплексах, которые анализируются в работе, особый интерес вызывают мотивы обмана и лжи, так как их переход из фабулы в сюжет посредством реализации в определенных событиях романа становится отправной точкой для изменения ценностно-смысловой природы образа героини.

В определении образа мы ссылаемся на работу Л.Я. Гинзбург «О психологической прозе» (1997 г.), которая утверждает, что художественный образ «всегда символичен, репрезентативен; он единичный знак обобщений, представитель обширных пластов человеческого опыта, социального, психологического» [1, с. 11]. Также она отмечает, что не так важна в образе эстетическая составляющая, важнее «организация — отбор и творческое сочетание элементов, отраженных и преображенных словом» [там же, с. 10], поэтому образ напрямую связан с мотивными комплексами, которые влияют на его интерпретацию в тексте.

Безусловно, не каждый мотив обретает сюжетное значение, так как у него может отсутствовать эстетический потенциал или же его реализация находит отражение в событиях, не влияющих непосредственно на центрального персонажа. Такие мотивы будут фабульными, они неизбежно попадают в мотивные комплексы, но не приводят к трансформации образа. Подобные мотивы могут либо имплицировать следующий элемент комплекса, либо же быть лишь опосредованно связаны с центральным персонажем.

В нашей работе мы отталкиваемся от определения «обмана» Б. Ф. Егорова: «Под обманом подразумевается акция ложных слов или дел (или акция умолчания о важных

для данного случая фактах), в результате чего объекту обмана или наносится вред в виде материального ущерба, душевной травмы и т. п., или, наоборот, оказывается благотворное воздействие на его психику и ментальность. Таким образом, имеет место сложный спектр последствий обмана, от самых негативных до самых положительных; в каждом конкретном случае результат и нравственный фон определяются индивидуально; возможны и смешанные варианты результатов и нравственных оценок» [3, с. 13]. Егоров также отмечает и различия обмана и лжи: «ложь – лишь часть обмана, та самая, которая связана с деятельностью стороны обмана, со словами и делами, а умолчание принадлежит лишь обману, но не лжи» [там же, с. 15].

В романе нобелевского лауреата Э. Елинек «Пианистка» (1983 г.), который по праву считается одним из лучших творений писательницы, «обман» и «ложь» неоднократно встречаются на страницах произведения, что неудивительно, так как оно имеет социальную направленность, раскрывает изначально неискренние взаимоотношения людей, построенные на попытках угодить партнеру. Задействованы во лжи центральные персонажи – сама пианистка – Эрика Кохут и ее ученик – Вальтер Клеммер, отношения которых являются смысловым центром произведения.

Отметим, что в художественном пространстве романа два основных топоса – «дом» и «внешний мир», в каждом из которых реализуются мотивы обмана и лжи, они вплетаются в отдельные мотивные комплексы, соотносящиеся напрямую с этими мотивами, и приобретают особую интерпретацию, приводящую к существованию различающегося образа героини для каждой части художественного мира.

Топос «дом» соотносится со следующим мотивным комплексом обмана: мотив контроля – мотив обмана – мотив обиды (острой реакции) – мотив ссоры – мотив извинения.

Мотив контроля находит отражение в поступках мадам Кохут, матери Эрики: она отслеживает все действия своей дочери, свободу ей не предоставляют даже в выборе собственного будущего. Эти порядки сохраняются и во взрослом возрасте: проверяются траты Эрики, ее покупки, расписание и много другое.

Подобные ограничения, направленные на подавление воли Эрики, будут преодолеваются сопротивлением, поэтому в фабуле мотив контроля имплицитно мотив обмана. Изначально в топосе «дом» существует именно мотив обмана, так как Эрика в большинстве случаев намеренно *умалчивает* от матери о своем времяпрепровождении, стараясь скрыть то, что может той не понравиться. Так мотив обмана приводит к реализации в сюжете поступков героини, не соотносящихся с ее зрелым возрастом, который неоднократно отмечается автором, – скрывание своих покупок, трат, а также мест, которые она посещает после работы: «Эрика зря надеется, что *скроет* [11] от матери, где болталась» [4, с. 8].

Иногда материнское чутье подсказывает мадам Кохут, что Эрика утаивает от нее что-то, поэтому далее мотив обмана связывается с мотивом обиды, который можно отметить, как вариативный для топоса «дом», так как он не всегда включается в мотивный комплекс. Мотив обиды на этом этапе воплощается в событиях злости мадам Кохут на свою дочь, в решении игнорировать ее и не разговаривать с ней. Он может заменяться непосредственно мотивом ссоры, или же они оба могут быть в мотивном комплексе обмана, тогда мотив ссоры следует за мотивом обиды. Мотив ссоры воплощается уже в открытом противостоянии, агрессивном разговоре двух женщин, иногда дело доходит до побоев.

Завершается этот мотивный комплекс реализацией мотива извинения: Эрика просит прощения у матери, признает свои «ошибки», после чего вновь ненадолго устанавливается мир.

Мотив обмана в этом топосе выступает сюжетообразующим, так как его реализация становится причиной интерпретации особого образа Эрики для этого участка художественного пространства: это женщина, которая пытается подстроиться под ожидания своей деспотичной матери от нее, играя одновременно роль взрослого и ребенка, в итоге терпит неудачу в этом, так как требования слишком высоки.

Мотивы же обиды, ссоры – фабульные, так как не имеют влияния на трансформацию образа героини.

Дополняется образ Эрики в этом топосе и особой повествовательной организацией: нарратор не явен, то есть формально сохраняется традиционный нарратив с 'гетеродиегетическим нарратором' (*'heterodiegetic narrator'*) [2] [15, с. 78], но в тексте заметно мировосприятие конкретного персонажа, которое является основополагающим для взгляда на происходящие события в этом участке художественного пространства. Это 'внутренняя фокализация' (*'internal focalization'*) [там же, с. 82], она «определяет перспективу виденьем персонажа, которое ограничивает информацию его/ее восприятием и концептуальным пониманием мира» (*«locates the perspective within a character, limiting the information to his/her perceptual and conceptual grasp of the world»*) [там же]. В топосе «дом», фокализатором в основном является мадам Кохут, вследствие чего образ Эрики становится еще более нелепым – «ребенок» и «маленький ураган» [4, с. 7], которому пытаются навязать послушание, но требуя при этом заработка денег.

Повествовательная организация усложняет «правильное» понимание образа, важно не брать восприятие матери Эрики за основу, а лишь дополнять им знание о реалиях, в которых протекает жизнь героини.

С появлением в романе любовной коллизии в топосе «дом» начинает реализовываться и мотив лжи, то есть уже присутствует «деятельностная сторона обмана», когда субъект намеренно сообщает неправду. Мотивный комплекс обмана усложняется: мотив контроля – мотив лжи (и/или мотив обмана) – мотив осознания обмана матерью – мотив обиды (острая реакция) – мотив прощения. Этот мотивный комплекс обмана и лжи реализуется в сюжете к концу романа, изменение семантики составляющих свидетельствует о новых чертах в персонажах, образах и топосе.

Изначально топос «дом» для героини – место покоя, от шумного и непонятного внешнего мира она скрывается здесь, но с появлением любви, он теряет для нее сакральность. Мотив контроля по-прежнему реализуется в излишней внимательности матери к жизни своей дочери, но имплицуемый им мотив лжи, находящий отражение в следующих событиях: намеренное сообщение неправильного рабочего расписания, придумывание несуществующих дел и многое другое, свидетельствует о постепенной утрате матерью авторитета для Эрики.

Мотив осознания матерью обмана связан с ее попытками найти задерживающуюся дочь – звонки на работу или в места, где Эрика должна была быть, но отсутствует там, иногда тайна вскрывается случайным образом из-за неосмотрительности самой героини. Мотив обиды в этом мотивном комплексе заметнее в тексте: под влиянием эмоций мать портит вещи дочери, особенно одежду, которую запрещала ей покупать, готовит невкусную еду

и делает это все так, чтобы Эрика точно заметила.

Меняется завершающий компонент мотивного комплекса – мотив прощения, это больше не одностороннее признание вины дочерью, мадам Кохут смиряется с «плохим» поведением ее дочери, являющимся в действительности лишь отдалением от матери. Первоначальные негативные эмоции свидетельствуют о тяжелом принятии мадам Кохут взросления ее ребенка, но она уже реагирует на это спокойнее, осознавая неизбежность происходящего.

В этом мотивном комплексе мотив лжи тоже становится сюжетообразующим, так как меняет интерпретацию образа героини: переход от мотива обмана к мотиву лжи свидетельствует, что героиня начинает противостоять своей деспотичной матери, ментально взрослеет, пытается отделиться от нее. Теперь это уже женщина, которая принимает осознанные решения, хотя они во многом нелогичны, но это «первые» ее самостоятельные шаги, которые она делает не в попытках подстроиться под ожидания матери.

В этом мотивном комплексе фабульными будут мотивы осознания обмана матерью, мотив обиды и мотив прощения, так как они не реализуются в событиях, значимых для интерпретации образа героини.

Персонаж мадам Кохут показан в динамике: она проходит путь от тотального ограничения воли собственной дочери до дозволения ей свободно жить: «нехорошо ей (*Эрике*), молодой и шаловливой, все время быть ... в обществе пожилой женщины (*матери*)» [там же, с. 437], она отпускает свою ее. Сложнее собственные поиски Эрики, которые связаны и с топосом «внешний мир».

Топос «внешний мир» – это первоначально нечто чужое для героини, она не чувствует себя в нем комфортно: какофония звуков, толпы людей, теснота, а также социальные требования, под которые не подходит героиня. Если в предыдущем топосе значимым был образ матери, то в этом – Клеммера, поэтому мотивный комплекс здесь будет связан с ним.

Помимо этого, Клеммер также является одним из фокализаторов для топоса «внешний мир», его восприятие становится источником «ложного» образа героини, если мать упорно продолжает видеть в ней беспомощного ребенка, то он – слабую, нуждающуюся в любви женщину.

Выше отмечалось, что отдаление Эрики от матери наиболее заметно в ее нежелании больше соответствовать ее ожиданиям, вместе с этим свое значение теряет и топос «дом». Начинается это с любовной коллизии в романе – влюбленностью Эрики в Клеммера.

За длительным и сложным развитием их отношений, реализующихся преимущественно в топосе «внешний мир», можно увидеть следующий мотивный комплекс лжи и обмана: мотив общественного контроля – мотив лжи (и/или обмана) – мотив обиды (острой реакции) – мотив ссоры.

Мотив общественного контроля выражен прежде всего в эмоциях и мыслях Эрики, которые показывают, что она выстраивает свои взаимоотношения с Клеммером с постоянной оглядкой на общественные правила. Помимо того, что это первые сильные романтические чувства героини, они осложняются ее попытками согласовать эту любовь с социальными нормами, под которые она не попадает изначально: «отношения

учительницы и ученика вновь принимают *внятные* очертания, а отношения возлюбленного с возлюбленной *отодвигаются* за далекий горизонт» [там же, с. 262]. Следовательно, чтобы соответствовать ожиданиям общества, героине приходится лгать и обманывать, в том числе и Клеммеру.

Мотив контроля имплицитно мотив лжи и/или мотив обмана. В преобладающем количестве случаев с топосом «внешний мир» соотносится именно мотив обмана: Эрика умалчивает о наличии чувств к Клеммеру, об их характере и не говорит о том, каких отношений ей хочется в действительности. Она исходит из норм общества, которые ограничивают ее, подобно контролю ее матери дома. Мотив лжи возникает в сюжете к концу романа, когда Эрика пытается уладить своей ложью возникший между ней и Клеммером конфликт, опять скрывая свое истинное «я» в угоду ожиданиям близкого человека.

Любовная коллизия переходит в конфликт, когда Эрика решает перестать обманывать, поэтому сообщает в письме Клеммеру, какой любви ей хочется в действительности. Он не может смириться с тем, что женщине нужны жестокость и насилие, а ему – нежность, хотя по социальным нормам все должно быть совершенно наоборот.

На этом этапе и возникает центральный конфликт романа – ограниченность тех общественных парадигм, в которые пытаются встроить себя персонажи, занимаясь при этом самообманом, что приводит к реализации мотива лжи или мотива обмана в их романтических и социальных отношениях. Более того, они нечестны даже по отношению к самим себе.

Мотив обиды (острой реакции), который имплицитно продолжают обман и ложь и самому себе, и со стороны героини, находит отражение в жестокости, которую проявляет Клеммер в отношении Эрики, – избиении и изнасиловании. К мотиву обиды в этом случае притягивается и мотив ссоры, так как после случившегося Эрика верит, что ее простят, а отношения еще не закончены, как это зачастую происходило с ее матерью.

Так, в топосе «внешний мир» мотивы обмана и лжи тоже становятся сюжетообразующими, так как вследствие их реализации возникает главный конфликт романа, раскрывающий его социальную направленность, также интерпретируется отличный от предыдущего образ героини: это женщина, которая могла бы почувствовать свободу, так как нет ограничивающих факторов, но она стремится создать их искусственно. Эрика выстраивает уже привычную для нее модель существования, но теперь в другом месте. К концу романа Эрика, пройдя через испытания в любви, попробовав сделать самостоятельные шаги, возвращается под крыло матери: «Эрике известно направление, в котором она идет. Она идет домой» [там же, с. 446].

Композицию можно назвать «стремящейся» к кольцевой, так как в последней главе Эрика в страхе сбегает домой, а первая глава начинается ее приходом в квартиру и смирением с контролем матери.

Образ Эрики в итоге возвращается к первоначальному значению, приобретая лишь некоторые новые черты: женщина, которая боится быть собой и не знает, кто она есть из-за существующих общественных клише, под которые она пытается подстроиться, поэтому она возвращается домой, так как это понятный для нее мир с посильными требованиями к ее личности.

В ходе анализа мотивов и мотивно-образных комплексов романа Э. Елинек «Пианистка» были выявлены следующие положения: мотивы обмана и лжи являются

сюжетообразующими для мотивных комплексов, существующих в топосах «дом» и «внешний мир», так как меняют ценностно-смысловую природу образа героини, а также становятся причиной реализации остросоциального конфликта произведения.

[1] Здесь и далее курсив наш – авторы.

[2] Здесь и далее перевод наш – авторы.

Библиография

1. Гинзбург Л.Я. О психологической прозе. Л.: «Художественная литература», 1997. 448 с.
2. Дубровский Д.И. Обман. Философско-психологический анализ. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2010. 336 с.
3. Егоров Б.Ф. Обман в русской культуре. СПб.: Росток, 2012. 189 с.
4. Елинек Э. Пианистка: роман/ пер. с нем. А. Белобратова. СПб.: Симпозиум, 2004. 448 с.
5. Заботкина В.И., Боярская Е.Л. Концептуальная структура бинарной аксиологической оппозиции истина-ложь // Слово.ру: Балтийский акцент. 2023. №1. С. 126-136.
6. Залесова Н. М. Концепт «Обман» и его актуализация в художественной картине мира (на материале произведения Дж. Фаулза "the Magus") // Известия ВГПУ. 2017. № 5 (118). С. 114-120.
7. Ленец А. В., Матвеева Г. Г. Ложь как объект прагматического исследования // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки. 2006. № 23. С. 26-29.
8. Ленец А.В., Хатламаджиян М.А. Паралингвистические средства поведения лгущего персонажа (на материале немецкоязычной литературы) // Язык и культура. 2022. № 57. С. 81-102.
9. Портнов Г. О. Поэтика обмана в «Петербургском тексте» русской литературы (на примере ранних произведений Достоевского) // Известия Самарского научного центра РАН. 2011. № 2-3. С. 702-706.
10. Путилов Б.Н. Мотив как сюжетообразующий элемент // Типологические исследования по фольклору. М.: Наука, 1975. С. 141-155.
11. Силантьев И. В. Поэтика мотива. М.: Языки славянской культуры, 2004. 296 с.
12. Шаховский В. И. Лингвомедицина лжи: болезнь или безнравственность (лечить или воспитывать?) // Лингвистика и образование. 2020. № 4 (4). С. 40-52.
13. Щербатых Ю. Искусство обмана. Популярная энциклопедия. М.: Эксмо-Пресс, 2002. 358 с.
14. Meyer M. English and American literatures. Tübingen: Narr Francke Attempto Verlag GmbH + Co. KG, 2011. 263 p.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Мотивные комплексы "обмана" и "лжи" в романе Э. Елинек "Пианистка"», предлагаемая к публикации в журнале «Litera», несомненно, является актуальной, ввиду обращения автора к вопросам изучения как творчества австрийской писательницы, лауреата Нобелевской премии, так и обращения к особенностям реализации в художественных текстах концептов «обмана» и «лжи».

Актуальность исследования обусловлена тем, что обзор существующих работ показывает, что мотив и мотивные комплексы обмана и лжи не привлекали большого внимания среди исследователей.

Целью статьи является анализ мотивы обмана и лжи, а также мотивные комплексы, в которые они входят, и доказательство их сюжетообразующей роли в романе Э. Елинек «Пианистка».

Работа является теоретической, вносит определенный вклад в теорию литературы. Статья является новаторской, одной из первых в российской филологии, посвященной исследованию подобной тематики в 21 веке. В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. Автор обращается, в том числе, к различным методам для подтверждения выдвинутой гипотезы. В статье используются в том числе общенаучные методы наблюдения и описания, а также методы литературоведения. Данная работа выполнена профессионально, с соблюдением основных канонов научного исследования. Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором. Отметим, что в вводной части слишком скудно представлен обзор разработанности проблематики в науке. Кроме того, заключение требует усиления, оно не отражает в полной мере задачи, поставленные автором и не содержит перспективы дальнейшего исследования в русле заявленной проблематики. Собственно говоря, заключение в научном понимании в рассматриваемой статье отсутствует.

Библиография статьи насчитывает 14 источников, среди которых теоретические работы представлены как на русском, так и иностранном языках.

К сожалению, в статье отсутствуют ссылки на фундаментальные работы отечественных исследователей, такие как монографии, кандидатские и докторские диссертации. В общем и целом, следует отметить, что статья написана простым, понятным для читателя языком. Опечатки, орфографические и синтаксические ошибки, неточности в тексте работы не обнаружены. Работа является новаторской, представляющей авторское видение решения рассматриваемого вопроса и может иметь логическое продолжение в дальнейших исследованиях. Результаты работы могут быть использованы в ходе преподавания на специализированных факультетах. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Статья «Мотивные комплексы "обмана" и "лжи" в романе Э. Елинек "Пианистка"» может быть рекомендована к публикации в научном журнале.

Litera

Правильная ссылка на статью:

Похаленков О.Е., Симак Н.И. Особенности повествовательной структуры романа Г. д'Аннунцио "Невинный" в свете теории психоанализа З. Фрейда // Litera. 2024. № 12. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.12.72543 EDN: PFJPDW URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=72543

Особенности повествовательной структуры романа Г. д'Аннунцио "Невинный" в свете теории психоанализа З. Фрейда

Похаленков Олег Евгеньевич

доктор филологических наук

профессор, кафедра литературы, Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского

248002, Россия, Калужская область, г. Калуга, ул. Николо-Козинская, 56, кв. 8

✉ olegpokhalenkov@rambler.ru

Симак Назарий Игоревич

бакалавр; институт филологии и массмедиа; Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского

248023, Россия, Калужская область, г. Калуга, ул. Степана Разина, 26

✉ p0plaw0k@yandex.ru

[Статья из рубрики "Литературоведение"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2024.12.72543

EDN:

PFJPDW

Дата направления статьи в редакцию:

02-12-2024

Аннотация: В представленной работе рассматривается роман «Невинный» Габриэля д'Аннунцио (Gabriele D'Annunzio «L'Innocente», 1892 г.) – одного из самых знаменитых и скандальных итальянских авторов XX века. Основное внимание в исследовании уделяется анализу повествовательной структуры романа посредством использования концепции психоанализа Зигмунда Фрейда. Таким образом, в фокус внимания попадают мотив сна и сновидений, а также художественные детали, приобретающие особую важность в свете концепции Фрейда (например, образ свечи). Особое внимание

уделяется анализу художественного пространства романа – его деление на топосы и локусы (Венеция, Рим, имение героя и др.). Значимой категорией является также и инициация, которая позволила дать новую интерпретацию взаимоотношению героя и его супруги и убийству ребенка. Методологической основой исследования является диалектический метод научного познания, в рамках которого использованы общенаучные и частнонаучные методы. Биографический метод позволил установить связи между биографией авторов и особенностями их произведений. Метод психологического анализа позволил рассмотреть произведение сквозь призму концепции психоанализа Зигмунда Фрейда. А метод структурного анализа дал возможность проанализировать разные уровни текста. Основным выводом авторов заключается в том, что всё повествование "Невинного" Габриэля Д'Аннунцио представляет собой своеобразную аллегорию пути взросления героя. Герой романа – граф Туллио Эрмилль – руководствовался принципом удовольствия, позволяя себе удовлетворять все возникающие у него желания, над сознательным в нём довлело бессознательное, минимален был процесс цензуры, что приводило к реализации вытесненных желаний. Научная новизна и основной вклад авторов заключается в том, что было выявлено, что убийство Раймондо ("невинного") – это ритуальное убийство, присущее обряду инициации, в результате которого происходит отрешение от модуса ребенка и приобретение модуса взрослого. Специфическим в контексте романа является лишь то, что жертва метафорически является и убийцей.

Ключевые слова:

Габриэль д'Аннунцио, Невинный, повествовательная структура, психоанализ, Зигмунд Фрейд, образ, мотив, художественное пространство, художественная деталь, интерпретация

Творческое наследие Габриэля д'Аннунцио, несмотря на его популярность в начале XX в., не часто находилось в фокусе серьезных литературоведческих исследований (из значимых отметим: [\[4\]](#), [\[5\]](#), [\[6\]](#), [\[9\]](#), [\[10\]](#), [\[11\]](#), [\[12\]](#)). Роман «Невинный» (Gabriele D'Annunzio «L'Innocente», 1892 г.) явился важным этапом на творческом пути Габриэля д'Аннунцио, так как именно после его выхода «писатель заявит об изжитости натурализма, не отвечающего более, по его мнению, запросам и вкусам нового поколения» [\[2, с. 241\]](#). В произведении происходит переход от прежней идейной направленности автора к новой, неизбежно затрагивающий пафос и тематику произведений. В «Невинном» присутствуют элементы и мотивы веризма наряду с элементами и мотивами, присущими его следующим произведениям. Герой «Невинного» одновременно является и «маленьким человеком» в духе Ф.М. Достоевского, который подобно Раскольникову, в финале романа приходит к самоосуждению, и сверхчеловеком в духе Ф. Ницше, который преодолевает в себе человека. В этом контрастном образе, где автор «проповедует культ жалости, странным образом сочетающийся, однако, у этого певца страсти с неискоренимым тяготением к жестокости, доходящей почти до садизма» [\[2, с. 123\]](#), и проявляется переход в идейной ориентированности автора. Таким образом, целью статьи является анализ романа "Невинный" сквозь призму теории психоанализа З. Фрейда. Объект - текст романа, а предмет - поэтика романа. Теоретическая значимость заключается в выявлении заложенных подтекстов романа, а научная новизна состоит в том, что в представленной работе впервые в отечественном литературоведении проведен анализ романа д'Аннунцио "Невинный" с точки зрения теории психоанализа Фрейда.

Отметим, что «Невинный» даёт импульс к «воспеванию сильной личности» в дальнейшем творчестве д'Аннунцио. Корни мотива сверхчеловечности можно найти в биографии автора, причём как в биографии до написания «Невинного», так и после: приехав в Рим, – где фрагментарно развивается и ситуация романа, – д'Аннунцио, «благодаря своему таланту, необыкновенной красоте и обаятельности, сделался общим кумиром и провел несколько лет необычайно бурной жизни среди литературных и светских успехов» [\[2, с. 123\]](#); позже же д'Аннунцио «стал проповедовать сверхчеловеческие права прекрасной личности» [там же], стал на позиции итальянского фашизма. Здесь прослеживаются автобиографизм и особый психологизм «Невинного», которые подразумевают интерес психоаналитической (теория психоанализа Зигмунда Фрейда) точки зрения к данному произведению, что является целью представленной работы.

Одной из значимых черт поэтики романа – это наличие художественных деталей, которые дают своеобразный «ключ» к интерпретации поведения героя. Таким примером может послужить смещение свечи, который напрямую связан с мотивом сна. Сновидения отображены достаточно прямолинейно. В них отсутствует такой процесс работы сновидения как смещения, когда происходит «переоценка психологических ценностей» [\[7, с. 290\]](#): на первый план явного содержания выводится второстепенное в скрытом содержании, а первостепенное в скрытом содержании отводится на второй. Вытесненное желание никак не маскируется. Но смещение имеет место при описании действительности. Так, объектом смещения является свеча.

Как только герой романа – граф Туллио – входит в комнату к жене – Джулиане, чтобы обсудить с ней её неверность возникает описание такой детали – свечи: «на столе горела свеча, придавая реальность этой воображаемой сцене, и подвижный огонек колыхал вокруг себя тот смутный ужас, который драматические актеры создают в воздухе жестами отчаяния или угрозы» [\[3, с. 161\]](#). Сразу следует отметить, что автор при упоминании свечи сразу же заявляет о «воображаемости» данной сцены, то есть о её сомнамбулической природе. Свеча здесь – это объект смещения. До этого она возникает во время описания обстановки комнаты, когда Туллио заподозрил Джулиану в употреблении яда и попытке самоубийства: «были вечерние сумерки, окно было раскрыто, занавески с шумом колыхались, на столе перед зеркалом горела свеча» [\[3, с. 11\]](#). Значимость образа свечи в этой сцене была подчёркнута в возникшем после воспоминании об этом случае, так как там также упоминается свеча: «другое воспоминание, еще более далекое, вернулось, неся с собой яркие образы: окутанная мраком комната, настежь открытое окно, колеблющиеся портьеры, беспокойный огонек свечи перед бледным зеркалом, зловещие призраки, и она, Джулиана, на ногах, прислонившаяся к шкафу и судорожно извивающаяся, как будто проглотила яд» [\[3, с. 115\]](#).

Оканчивается глава тем, что Туллио, «отбросив всякое чувство обиды, всякую гордость» [\[3, с. 172\]](#), то есть отказавшись от своего эгоизма, цензурируя его; «чувствуя в этой простертой у моих ног женщине и в себе самом не только человеческое страдание, но и вечную человеческую ничтожность, расплату за неизбежные нарушения закона, тяжесть нашей животной плоти, ужас фатальной, неумолимой неизбежности, начертанной в самых корнях нашей сущности, всю плотскую скорбь нашей любви» [\[3, с. 172\]](#), то есть осознавая в себе аморальное бессознательное желание, входящее в противоречие со взрослой второй инстанцией, приклоняется перед рациональностью в лице своей жены, становится на путь взросления.

Содержание скрытой мысли этой сцены кроется в описании чувств Туллио перед этим разговором, когда он только узнал о беременности Джулианы, и сразу после разговора. Чувством до разговора было чувством ревности: «чувственная ревность охватила меня с таким бешенством, что я с трудом удержался, чтобы не броситься к Джулиане, не разбудить ее, не крикнуть ей безумных и жестоких слов, которые подсказывала мне внезапная ярость» [3, с. 130]. Чувство после – неприязнь. И именно в момент, когда «какая-то глухая неприязнь по отношению к Джулиане начала смутно шевелиться» [3, с. 173] в Туллио, при вклинившемся описании комнаты самым первым её элементом возникает свеча: «свеча горела на столе, и огонек время от времени колыбался, точно колеблемый дыханием» [3, с. 172-173].

Бессознательно Туллио воспринимает свою жену за свою собственность и возмущается, что на неё посягнул другой мужчина: «она принадлежала другому, принимала его ласки и носит теперь в своем чреве его семя» [3, с. 128] – говорит он. Из-за этого возникает неприязнь, отвращение к Джулиане и как высшая форма этого гнева, относящаяся к эгоистической и радикально собственнической бессознательной инстанции желание её смерти. Смещением этой скрытой мысли является свеча: она выводится на первый план в то время, как желание смерти Джулианы, – центральное и сокровенное желание Туллио, – отводится на второй, цензурируется.

О детском эгоизме Туллио читатель может судить как на протяжении всего романа, так и в начальной его исповеди: «я был убежден не только в особенном призвании моего ума, но и в его исключительности; и думал, что эта исключительность моих ощущений и моих переживаний облагораживала, выделяла всякий мой поступок. Гордясь и чванясь этой исключительностью, я не был способен понимать идею жертвенности или самоотречения, как не был способен отказывать себе в выражении или проявлении своих желаний» [3, с. 7]. Герой старается исполнить все свои желания, на первый план выводятся сексуальные потребности.

После отрезвления и освобождения от порыва человечности возникают уже прямые и откровенные рассуждения о эгоистической природе человека и человеческой любви: «несомненно, что в глубине каждого чувства, соединяющего два человеческих существа, то есть сближающего два эгоизма, таится известная доля ненависти. Несомненно, что эта доля неизбежной ненависти всегда принижает наши самые нежные побуждения, наши лучшие порывы. Все эти благородные душевные переживания носят в себе зародыш скрытого гниения и должны извратиться» [3, с. 173]. Бессознательное Туллио не прикрыто выводится автором на первый план прямо перед читателем.

Образ свечи возникает в произведении и в дальнейшем: во время крещения «Невинного» (сына Джулианы от любовника) и после его смерти.

В первом случае автор сам дает интерпретацию образа свечи: свеча является символом божественного огня. Важность свечи подчеркивается тем, что «невинный успокоился» [3, с. 250], а «глаза его устали на огонек, трепетавший на кончике длинной раскрашенной свечи» [3, с. 250]. Крещение в данном случае – это осуществление компромисса между первой и второй инстанциями, отвратительной бессознательной природой человека и стремлением к божественному, к дисциплине. Джованни ди Скордио, осуществляющий крещение, таким образом, является совестью, цензурой, не дающей вытесненным мыслям реализоваться. По сюжету от него отвернулись все его многочисленные дети, что является высказыванием автора о падении нравов в его

время – люди отвернулись от Бога и поддались своим низменным желаниям. Христианство же выставляется автором как оплот человечности и антитеза животному началу.

Четыре поминальные свечи также окружают гроб с мертвым младенцем. В дальнейшем эти свечи, возникнув в сновидении Туллио, дадут ему повод для того, чтобы по пробуждению крикнуть Федерико: «свечу! Убери эту свечу!» [3, с. 290]. Здесь изначальное значение образа свечи как вытесненного желания смерти Джулианы перекликается с ее значением как триггера, напоминающего герою о содеянном. Он просит убрать её, так как окончательно стал на путь взросления, убил в себе ребенка и не хочет смерти Джулианы, то есть рационального своего начала.

Факт присутствия смещения не в сновидении, а в действительности не является поводом отказаться от данной интерпретации. В данном случае можно говорить о художественной, образной действительности, которая сходна с явным содержанием сновидения, так как скрытые мысли «являются нам не в рациональных словесных формах, которыми наше мышление обыкновенно пользуется, а скорее выражаются символически, посредством сравнений и метафор, как в образном поэтическом языке» [7, с. 292]. Этот «образный поэтический язык», сближающий сновидение и художественную реальность, и позволяет допустить смещение в пределах художественного произведения.

Нельзя не отметить и образ Катарины (умершей в детстве сестры героя), говоря о фрейдистской концепции. Погибшая сестра Туллио упоминается уже в самом начале романа во время его исповеди: «Моя единственная сестра, Костанца, умерла девяти лет от роду, оставив в моем сердце бесконечное сожаление. Часто с глубокой тоскою думал я об этом маленьком существе, которое не могло еще предложить мне сокровищ своей нежности, сокровищ, казавшихся моему воображению неисчерпаемыми. Среди всех человеческих чувств, среди всех земных привязанностей любовь сестры всегда казалась мне самой возвышенной и утешительной. Я часто думал о великом утраченном утешении с печалью, которую непреложность смерти делала почти мистической. Где найти на земле другую сестру?..» [3, с. 8].

Костанца редко упоминается на протяжении всего романа, но её именем также и завершается повествование: когда невинного хоронят в фамильном склепе, Туллио видит захоронение Костанцы: «На этом камне было вырезано имя Костанцы; буквы слабо блестели» [3, с. 291].

Образ Костанцы является символом детства, которое Туллио, в момент примата бессознательного над сознательным в нём, хочет вернуть. Поэтому он пытается заменить Джулиану Костанцей, то есть вытесняет сознательное, заменяя его бессознательным и обеспечивая выход энергии вытесненных мыслей. Замужество принуждает мужчину к определённой ответственности и дисциплине, к формированию принципа реальности. Туллио же, над которым сначала истории довлеет принцип удовольствия, пренебрегает этими атрибутами замужества и реализует свои инфантильные мысли. Это смещение принципом удовольствия принципом реальности, соответственно, сопровождается подменой образа жены в глазах Туллио образом сестры, заменой обязанностей мужа перед женой обязанностями брата перед сестрой. Данное соотношение иллюстрирует следующие события: Туллио не должен входить в половую связь с Джулианой по причине её болезни, то есть должен подавлять свои самые низменные желания, чтобы оставаться её мужем, то есть взрослым человеком. Именно временного, так как принцип

реальности «не оставляя конечной цели – достижения удовольствия, откладывает возможности удовлетворения и временно терпит неудовольствие на длинном окольном пути к удовольствию» [5, с. 342], а Джулиана выздоровела бы спустя время, и удовольствие было бы достигнуто.

Результат давления на вторую инстанцию – проявления под воздействием эгоизма мужа эгоизма жены, – рождение бастарда, которого Туллио, осознавший, что надо становиться взрослым, убивает, то есть убивает ребёнка буквально в рамках художественного мира и метафорически в самом себе. Замужество, таким образом, как приобретаемый социальный институт, присущий более развитым, цивилизованным и дисциплинированным обществам, представляется атрибутом взрослой жизни, а родственные связи, врождённые и не требующие никакой дисциплины и высокого уровня цивилизации, представляются атрибутами детства.

Привязанность Туллио к Костанце, а Туллио за всё время её упоминаний в романе отзывается о ней исключительно положительно, детерминирована навязчивым повторением, тенденцией к консерватизму, так как «органические влечения консервативны, приобретены исторически и направлены к регрессу, к восстановлению прежних состояний» [5, с. 360]. Объектом повторения является инфантильная сексуальность, которая не может принести удовольствия, так как «ранний расцвет инфантильной сексуальности был вследствие несовместимости господствовавших в этот период желаний с реальностью и недостаточной степени развития ребенка обречен на гибель» [5, с. 348], то есть она не принесла удовольствия в детстве и не приносит его при перенесении. Именно поэтому, когда Туллио отдаляется от жены и всецело придаётся удовольствию и разврату, то есть реализует инфантильную сексуальность в повторении, он не получает удовлетворения: «я оставался там около месяца в состоянии какого-то непонятого недуга; в каком-то столбняке, усиливавшемся благодаря туманам и безмолвию лагун. Я сохранил лишь чувство своего одиночества среди неподвижных призраков окружающего меня мира. В течение долгих часов я не ощущал ничего, кроме тяжелой, давящей меня неподвижности жизни и легкого биения пульса в висках» [3, с. 54]. Так как Костанца символизирует детство, посредством метонимического переноса она символизирует ещё и инфантильную сексуальность.

Появление Костанцы в фамильном склепе при похоронах невинного является метафорой погибшего детства, тогда как труп Раймондо – это метафора детства, которое Туллио стремится вернуть посредством повторения. Костанца в склепе, таким образом, выступает напоминанием Туллио о тщетности его стремлений вернуть детство; детство как необходимый этап в становлении личности уже прошло и вернуть его не

В романе можно выделить следующие значимые для данного исследования топосы: Рим, Венеция, Флоренция, Бадиола. Первые три топоса можно определить в группу на основании общего для них качества – все они являются крупными городами, а Бадиола – это лишь имение.

Так как все города объединяются в романе в единое пространство, их можно условно определить как единый топос, подразделяющийся на локусы Рима, Венеции, Флоренции. Это обобщение уместно и потому, что топосы представляют собой «пространства, границы между которыми трудно проницаемы для персонажей» [1, с. 98], тогда как в романе персонажи перемещаются от города к городу без каких либо затруднений. Например, Тереза Раффо свободно перемещается между Римом и Флоренцией, а так как «для второстепенных персонажей топосы обычно вообще непроницаемы, для главных –

проницаемы со значительным трудом, с нравственными и душевными потерями» [\[1, с. 98\]](#), можно заключить, что Рим и Флоренция – это локусы единого топоса, в пределах которого может свободно перемещаться второстепенный персонаж Тереза Раффо.

Это же обобщение могло бы иметь место в случае с деревенским, негородским пространством, но оно представлено всего одним топосом – Бадиола, и такое обобщение, следовательно, излишне. Основные же локусы Бадиолы: пашни, на которых работают крестьяне; лес с угольщиками; Виллалилла.

«В отношениях к различным локусам проявляются характеры и даже идеология персонажей» [\[1, с. 99\]](#). Первые два локуса Бадиолы представляют собой метафору принципа реальности, отраженного в гармонии природы и человека. Хозяйство описано на протяжении всего цикла, оно является «окольным путем» к удовольствию, то есть урожаю. Центральный образ, возникающий у Туллио при контакте с локусом поля – «Иисус Земли» [\[3, с. 62\]](#), то есть синтез предельно высокого (божественного) и предельно низкого (земного), дисциплины, цензуры «я» и вытесненных желаний. Эта параллель будет возникать в романе и в дальнейшем, главным образом в момент крещения Раймондо.

Всё деревенское пространство представлено автором идиллически и пасторально, тогда как город либо описывается нейтрально, либо негативно: утверждаются ассоциации городского пространства с отрицательными человеческими качествами – «тлетворное дыхание городской жизни окутало меня, вновь пробудило во мне любопытство, жадность, зависть» [\[3, с. 24\]](#); подчёркиваются отрицательные качества города, приводятся его отрицательные субъективные оценки – «в городе было нестерпимо душно, он был пустым, и мне стало страшно. Дом был немой, как могила; все вещи, хорошо знакомые мне, имели совсем другой, какой-то странный вид. Я чувствовал себя одиноким в этой ужасной пустыне» [\[3, с. 196\]](#). Антиномия города и деревни усиливается, когда второстепенные персонажи деревенского пространства плохо отзываются о городе: «ах, этот Рим, этот Рим! Чтобы поправиться, вам нужно оставаться со мной в деревне очень долго... очень долго...» [\[3, с. 56\]](#).

Виллалилла же представляется символом взрослой семейной жизни. Вся вилла облеплена гнёздами ласточек – символ семейного счастья. Именно Виллалиллу упоминает Туллио когда утешает Джулиану: «а мы с Джулианой поедem как-нибудь и в Виллалиллу» [\[3, с. 20\]](#). Здесь Виллалилла воспринимает Джулианой как символ воссоединения с мужем, это её центральное стремление до отбытия Туллио во Флоренцию, и всё, что нравится и радует Джулиану в пределах этого временного отрезка, способствует реализации данного стремления, а радует её Виллалилла. В Виллалиллу также приводит Джулиану Туллио, когда его стремление снова воссоединиться с женой и раскаяться за прошлое пребывает на пике. Там же происходит и половой акт между Джулианой и Туллио, то есть акт исполнения супружеского долга; там их поведение наиболее всего за период времени, описываемый в романе, свойственно поведению полноценной и традиционной семейной пары.

Локусам городского пространства свойственны: неверность Туллио, исполнение всех его низменных желаний. Особо ярко выражено коннотативное значение города, когда оттуда уезжают второстепенные персонажи, связанные с пространством деревни, когда они уже не могут оказывать влияние на героя, и между противопоставленными топосами возникает дизъюнкция. Тогда герой находится «во власти того чувства, которое более

всякого другого подымает в человеке присущую ему грязь» [3, с. 42]. «Никогда Тереза Раффо не казалась мне столь желанной, как теперь, когда я не мог отделить ее от похотливого, пошлого образа» [3, с. 42].

Из этого можно заключить, что топос Бадиолы – это пространство сознательного, которому присущи семейные ценности, религиозность (локус церкви), патриархальность, а городскому пространству, пространству бессознательного, присущи антиподы этих атрибутов сознательного. Если в городе Туллио отдаляется от Джулианы, то в Бадиоле сближается; а городе ведущую роль в отношениях между персонажами играет Тереза Раффо, что нарушает патриархальность, в деревне всем распоряжается Федерико и тд.

Топосы являются индикаторами внутреннего морального выбора Туллио; в зависимости от того стремится ли он к бессознательному или сознательному, он живёт в городском пространстве или Бадиоле. Но среда также оказывает влияние на его характер и выбор: мать Туллио приезжает в Рим, чтобы ухаживать за Джулианой, и это регулирует поведение Туллио в сторону дисциплины (он, например, не может говорить с Джулианой откровенно о своих изменах, как делал это раньше, так как беспокоится за реакцию матери). Мать Туллио является второстепенным персонажем, которому не свойственно преодоление границ топосов, но она её всё-таки преодолевает. Таким образом происходит интеграция атрибутов деревенского пространства в пространство городское, так как носитель этих атрибутов преодолевает границу топосов, что вызывает характерные противоречия, отображенные, прежде всего, в моральном выборе Туллио: остаться ли с больной женой или ехать к любовнице, поддерживая старый образ жизни? Такое влияние топоса, – сначала только матери, а после и всего в целом, – на психический аппарат Туллио отражает позицию Фрейда касательно того, что «мы должны все последствия органического развития отнести за счет внешних, мешающих и отклоняющих влияний» [1, с. 360], то есть влияний среды, топоса. Но влияние оказывает не топос как география пространства, то есть денотат топоса, а его атрибуты, так как в рамках художественного произведения «коннотативные значения временных и пространственных знаков по меньшей мере равноправны с их денотативными значениями» [3, с. 98].

Символическое значение имеет и пейзаж, который выражается посредством психологического параллелизма, распространенного автором на всё произведение. Психологический параллелизм подчеркивает сообразность действий героя с животным, естественным побуждением: летом, когда сеют, Туллио ощущает себя наиболее взрослым, это пик его желания воссоединиться с Джулианой как с женой, так как он видит «взрослых» крестьян во главе со своим братом Федерико, живущих в гармонии с природой, руководствующихся принципом реальности (чтоб получить плоды, нужно дожждаться осени, о чём говорит Туллио брат: «увидишь, увидишь плоды» [3, с. 60]); в ноябре Джулиана изменяет мужу, их отношения метафорически умирают, как и всё вокруг; весной супруги занимаются любовью в Виллалилле, прощают друг друга, их отношения воскресают; на Рождество умирает невинный, материальная природа человека, отождествления в нем, «приносится в жертву» человечности (параллель с жертвой Христа), то есть умирает, как природа зимой.

Таким образом, процесс преодоления бессознательного, процесс взросления, кульминацией которого является убийство ребенка, можно интерпретировать как процесс инициации героя. Отметим, что Туллио проходит «возрастное посвящение» [8, с. 25], предполагающее «переход от детства или юношества к взрослому возрасту» [там же]. Герой становится взрослым человеком, подавляя в себе ребёнка, то есть цензурируя

бессознательное. Изначально герой является безответственным, бездуховным, не исполняя свои обязанности как взрослого, посвященного человека, но далее в нём, как в результате инициации, «умирает детство и безответственность детского существования — непосвященного, невежественного, чтобы прийти к высшему существованию, делающему возможным прикосновение к священному» [8, с. 40]. Результат посвящения Туллио, как большинство обрядов инициации, характеризуется «передачей религиозных, моральных и социальных знаний» [8, с. 42].

Когда неофиты проходят инициацию, часто наставники «объясняют им их долг и обязанности по отношению к племени» [8, с. 36], в чём выражается акт социализации, которую проходит и Туллио, когда интегрируется в общество посредством создания полноценной ячейки общества – семьи. Об уровне социализированности Туллио до и после прохождения инициации можно судить по количеству людей, окружающих его до и после. Если в Венеции он прибывает в абсолютном одиночестве, то в самом конце романа, во время похорон, он находится в обществе крестьян и в кругу семьи; причём не только живых её представителей, но и мёртвых, так как заканчивается роман в фамильном склепе.

«Именно при посвящении в первобытных и древних обществах человек становился таким, каким он должен быть, — существом, открытым жизни духа, а следовательно, включенным в культуру» [8, с. 27]. Туллио открывается жизни духа и включается в культуру по окончании посвящения, так как в конце концов становится христианином, о чём можно судить из эпитафии, цитирующей первый стих 118-ого псалма. Первый, самый обширный структурный элемент романа представляет собой исповедь. Герой говорит в его начале: «суд людской – не для меня. Никакой земной суд не мог бы судить меня» [3, с. 5], что является отвращением от профанного, мирского и обращением к сакральному, сверхъестественному, духовному. Это происходит, поскольку «при посвящении естественный модус ребенка заменяется модусом культурным, дающим доступ к духовным ценностям» [8, с. 28].

Туллио обретает духовность путём подавления в себе ребёнка, то есть желаний. Инициация предполагает разрыв «с миром детства» [8, с. 37], «с состоянием безответственности и наивности, невежества и детской асексуальности» [8, с. 38]. Асексуальность Туллио выражается в неудовлетворении как результате его сексуального опыта с любовницами до восстановления отношений с женой. В нём присутствует лишь желание, которое не получает удовлетворения, что характерно для инфантильной сексуальности. Поэтому термин асексуальность уместен, применительно к периоду, который мы условно обозначаем как ритуальное детство героя, при всей полноте его половой жизни в данный период.

Больше всех испытывает печаль и дискомфорт по смерти Раймондо именно мать Туллио, а не мать самого Раймондо – Джулиана. Смерть своего ребёнка в процессе инициации воспринимается матерями как реальная смерть, и «матери оплакивают посвящаемых, как оплакивают мертвых» [8, с. 38]. В романе ребёнок умирает буквально, а более сильная эмпатия со стороны матери Туллио, нежели со стороны Джулианы, указывает на символическую природу Раймондо.

Во время сна ослабевает цензура и усиливаются влечения к жизни. Сон Туллио после смерти Раймондо в полной мере воспроизводит реальность, так что желания в нём никаким образом не реализуются, нейтрализуется принцип удовольствия, в полной мере

побеждает цензура «я». Желаний во сне вовсе не возникает, так как они были уничтожены вместе с Раймондо. Полное воспроизведение реальности, без попытки реализовать желаний, можно идентифицировать и как отсутствие сна. Если сон – это момент времени, когда ослабевает цензура, то герой в данном случае не находится в состоянии сна, так как цензура работает и выполняет свои функции в полной мере, как в состоянии бодрствования. Такое видоизменения самой сущности сна после смерти Раймондо соотносится с запретом на сон, возникающим после ритуальной смерти [7, с. 49-50].

Если брать в расчет и то, что «влечения «я» непосредственно восходят к возникновению жизни в неживой материи и имеют тенденцию снова вернуться к неорганическому состоянию» [7, с. 364], то можно предположить, что Туллио сразу после смерти Раймондо ещё отождествляет его с собой, с частью себя. На это указывает и сочувствие убийце к жертве, то есть Туллио к Раймондо, после смерти ребёнка, которое может быть интерпретировано как стремление к самосохранению, так как принцип реальности после прохождения инициации уже начал довлеть над принципом удовольствия, а принцип удовольствия «под влиянием стремления организма к самосохранению сменяется “принципом реальности”» [7, с. 342], что характеризует взросление героя. Сочувствие также можно интерпретировать как обретение морали, также характерное для посвящения.

Раймондо – это Туллио в его детской ипостаси; это его бессознательное, олицетворение принципа удовольствия, детской недисциплинированности и детского эгоизма, инфантильной сексуальности, то есть всех тех признаков, которые присущи модусу ребенка. «В некоторых обрядах взросления неопита воспринимают как младенца» [8, с. 51], так и Раймондо является «младенцем Туллио», Туллио до взросления. Метафорический перенос модуса ребенка Туллио на Раймондо возможен на основании соотношения: модус Раймондо как ребенка в действительности – модус Туллио до инициации как ребенка метафорически; а также на основании контекста появления Раймондо.

До рождения Раймондо Туллио сам является ребенком и имеет детский модус. Рождение Раймондо – это акт осознания необходимости становления взрослым в силу непригодности модуса ребенка в человеческом обществе. Толчок для этого осознания – измена Джулианы, то есть перенесение модуса ребенка Туллио на Джулиану; после измены герой смотрит со стороны на свою модель поведения и осознаёт её неправильность. В период с измены Джулианы по убийство Раймондо Туллио ещё испытывает влияние модуса ребенка, который конкурирует со второй инстанцией «я». Убийство Раймондо – это акт убийства ребенка в процессе инициации и возрождения в качестве взрослого, смена модусов. И ребёнком, которого убьют в процессе инициации, и взрослым является один и тот же человек. В контексте романа это – Туллио. После убийства Туллио приобретает модус взрослого, с присущими ему признаками, который представляют из себя антиподы признаков модуса ребенка.

Убийство ребенка в процессе инициации часто совершается Высшим Существом. В романе убийство совершает сам Туллио. В связи с универсальностью пройденного героем романа пути, характерного для каждого человека, можно отождествить Туллио если не с человечеством в целом, то с человеком своего времени. Ритуальное убийство, в таком случае, производится человеком как таковым из-за антропоцентричности христианства, в которое герой в конце концов и посвящается. Христианский Бог в

«Невинном» представлен в образе Джованни ди Скордио. «У него четырнадцать сыновей, и все, один за другим, отделились от него, как зрелые плоды отделяются от дерева. Жена его, в своем роде палач, умерла. Он остался один. Дети общипали его и отреклись от него» [3, с. 159] так же, как люди отреклись от Бога. Число четырнадцать, надо полагать, является не случайным: двенадцать колен Израилевых с разделённым на два самостоятельных колена колено Иосифа (Манассия и Ефрем) даёт число тринадцать, а четырнадцатым коленом являются неиудеи, с которыми был подписан Богом Новый Завет. Джованни также производит крещение Раймондо, где происходит сопоставление двух природ (божественной и земной), над которыми возвышается Джованни. Этот же фрагмент даёт возможность интерпретировать Раймондо в качестве Бога-Сына, соединяющего в себе две природы и приносимого в жертву, что произойдет в дальнейшем. Джованни же в таком случае представляет собой Бога-Отца. Он же выступает в качестве совести в момент убийства ребенка: перед преступлением - «мелькнуло подозрение, не стоит ли там внизу, на площадке, Джованни ди Скордио» [3, с. 268] и после него - «посмотрев в окно, я снова подумал о Джованни ди Скордио и снова стал беспокоиться» [3, с. 269].

Христианский Бог не может сам совершить убийство из-за любви к человеку. Убийство совершается самим человеком и это в рамках христианской доктрины является испытанием для него, а испытание – это обязательная составляющая инициации [8, с. 49-56]. В действительности, если отбросить мистическую интерпретацию обряда инициации, ритуальное убийство также производится людьми, а не Высшими Сущностями. Убийство легализуется и совершается человеком и потому, что культурный контекст времени, когда создавалось и публиковалось данное произведение, подразумевает абсолютное верховенство человека, ставит человека в самый высокий моральный статус, когда нет никаких инстанций выше него. В это время Бог не может принимать активного участия в жизни отдельного субъекта, так как к этому моменту он уже «умер».

Таким образом, всё произведение – аллегория пути взросления героя. Туллио Эрмиле руководствовался принципом удовольствия, позволяя себе удовлетворять все возникающие у него желания, над сознательным в нём довлело бессознательное, минимален был процесс цензуры, что приводило к реализации вытесненных желаний [5, с. 302-303]. Такое поведение и неприкрытый эгоизм характерны для детского поведения. Основным толчком для взросления становится заболевание жены и вторжение взрослой жизни в инфантильную жизнь героя, а после самостоятельный рациональный выбор Туллио. Убийство Раймондо – это ритуальное убийство, присущее обряду инициации, в результате которого происходит отрешение от модуса ребенка и приобретение модуса взрослого. Специфическим в контексте романа является лишь то, что жертва метафорически является и убийцей.

Путь взросления героя осуществляется в психоаналитических понятиях; тенденция стремления от детского к взрослому отождествляется с стремлением от бессознательного к сознательному, от удовольствия к дисциплине. Процесс взросления, представленный в романе, соответствует представлениям Фрейда о взрослении, психической природе ребенка и психической природе взрослого.

Библиография

1. Баевский В. С. Сквозь магический кристалл. М.: Прометей, 1990. 158 с.
2. Венгерова З. Д'Аннунцио // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Доп. Т. I. Санкт-Петербург, 1905. С. 123-124.

3. Д'Аннунцио Г. Леда без лебедя. Невинный. М.; СПб. 2022. 352 с.
4. Нестерова Т. Культура в окружении политики. Габриэле Д'Аннунцио в Фиуме (1919–1920) // Annali d'Italia №16/2021. Florence: Global Science Center LP, 2021. P. 19-24.
5. Сушков Д.Д. Габриэле Д'Аннунцио как «предтеча» итальянского фашизма // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. Т. 12. № 4. М.: Московский педагогический государственный университет, 2021. С. 81-97.
6. Трыков В. Д'Аннунцио // Зарубежные писатели. Биобиблиогр. Слов. В 2 ч. Ч. 1. А – Л. М.: Просвещение: Учеб. Лит., 1997. С. 240-241.
7. Фрейд З. Психология бессознательного. СПб: Питер, 2010. 400 с.
8. Элиаде М. Тайные общества. Обряд инициации и посвящения. М.; СПб.: Университетская книга, 1993. 356 с.
9. Alosco A. Il percorso socialista di Gabriele D'Annunzio tra storia e letteratura // Forum Italicum: A Journal of Italian Studies, 2020. pp. 377-390.
10. Guerri, G. B. D'Annunzio. La vita come opera d'arte. Milano: Mondadori, 2023. 321 p.
11. Longhi E.S. The Triumph of the Noble People: Gabriele D'Annunzio and Populism between literature and politics // Qualestoria. 2020. № 2. pp. 201–212. [Электронный ресурс]. URL: https://www.academia.edu/44799990/The_Triumph_of_the_Noble_People_Gabriele_D_Annunzio_and_Populism_between_literature_and_politics (дата обращения: 04.12.2024).
12. Serra M. L'Imaginifico. Vita di Gabriele D'Annunzio / M. Serra. Vicenza: Neri Pozza Editore, 2019. 719 p.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

На рецензирование представлена статья «Особенности повествовательной структуры романа Г. д'Аннунцио "Невинный" в свете теории психоанализа З. Фрейда».

Предмет исследования – художественная специфика романа Г. д'Аннунцио «Невинный» через призму психоанализа.

Методология исследования основана на комплексном применении лингвистических и психолингвистических методов.

Актуальность исследования обусловлена тем, что психоанализ художественной литературы позволяет выявить особенности творческой деятельности автора во взаимосвязи с его личностными переживаниями на различных этапах жизни. Исследование повествовательной структуры художественного произведения, вербальная характеристика героев и изучение их языковой картины, позволяют выявить многогранность и глубину художественного произведения, лучше понять заложенные в нём глубинные смыслы.

Научная новизна обусловлена тем, что исследование является попыткой психоанализа романа Г. д'Аннунцио «Невинный», произведения ставшего переходом от прежней идейной направленности автора к новой.

Стиль изложения научный, структура, содержание. Статья написана русским литературным языком. Структура рукописи включает следующие разделы (в виде отдельных пунктов не выделены, не озаглавлены): введение (содержит постановку проблемы, дана характеристика роману «Невинный» Г. д'Аннунцио); основная часть (автором выполнен комплексный анализ романа «Невинный» с точки зрения психоанализа, теоретические измышления автора подкреплены иллюстративными примерами, продемонстрированы различные интерпретации образа свечи в романе,

рассмотрено символическое значение пейзажа, продемонстрирован процесс взросления главного героя: тенденция стремления от детского к взрослому отождествляется с стремлением от бессознательного к сознательному); заключение (автор делает общие выводы; отмечено, всё произведение – аллегория пути взросления главного героя); библиография (включает 6 источников).

Выводы, интерес читательской аудитории.

Работа будет интересна тем, кто занимается анализом художественных произведений в диалектической взаимосвязи психолингвистического, психологического, лингвистического и литературоведческого аспектов. Результаты исследования могут использоваться в учебной деятельности при изучении жизненного пути и творчества Г. д'Аннунцио, кроме того, исследование может стать основой для аналогичных работ на ином материале.

Рекомендации автору:

1. В статье нужно сформулировать цель, объект, предмет, научную новизну и теоретико-методологические основы проведенного исследования.
2. Необходимо уделить большее внимание обзору и анализу современных научных работ, теоретический анализ именно современных источников является недостаточным.
3. Библиографические описания некоторых источников нуждаются в корректировке в соответствии с ГОСТ и требованиями редакции. Стоит расширить библиографию, в том числе увеличить долю отечественных и зарубежных работ за последние 3 года.
4. В начале статьи при характеристике романа используется большое количество небольших цитат, было бы уместнее использовать парафраз.
5. В тексте встречается предложение «Нравственное взросление героя отражено в отношении повествования к образу Костанцы.», который воспринимается как подзаголовок, однако обозначение других частей статьи отсутствуют.
6. В некоторых предложениях есть ощущение недосказанности (Символическое значение имеет и пейзаж, содержащийся в том или ином.), встречаются опiski (так как к этом моменту).

В целом рукопись соответствует основным требованиям, предъявляемым к научным статьям. Материал представляет интерес для читательской аудитории и после доработки может быть опубликован в журнале «Litera».

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемая статья посвящена особенностям повествовательной структуры романа Габриэля д'Аннунцио «Невинный» (Gabriele D'Annunzio «L'Innocente», 1892 г.) в свете теории психоанализа З. Фрейда. Как отмечено в рукописи, творческое наследие Габриэля д'Аннунцио, несмотря на его популярность в начале XX века, не часто находилось в фокусе серьезных литературоведческих исследований. Выбор романа «Невинный» в качестве материала исследования обусловлен тем, что его выход явился важным этапом на творческом пути писателя. Герой «Невинного» одновременно является и «маленьким человеком» в духе Ф.М. Достоевского, который подобно Раскольникову, в финале романа приходит к самоосуждению, и сверхчеловеком в духе Ф. Ницше, который преодолевает в себе человека. В этом контрастном образе главного

героя проявляется переход в идейной ориентированности автора. Предмет исследования достаточно актуален: на современном этапе развития литературоведческой науки одним из перспективных направлений является изучение теорий различных школ в литературоведении, в том числе и теории психоанализа, идеи которой прочно вошли в медицинскую практику, психологию, биологию, а также используются в разных видах искусства, особенно в литературе.

Теоретической основой представленной на рассмотрение работы выступили труды таких отечественных и зарубежных исследователей, как З. Фрейд, Д. Д. Сушков, Т. Нестерова, A. Alosco, G. B. Guerri, E. S. Longhi, M. Serra и др. Библиография включает 12 источников, соответствует специфике рассматриваемого предмета, содержательным требованиям и находит отражение на страницах статьи. Все цитаты ученых сопровождаются авторскими комментариями.

Методология исследования продиктована комплексным подходом к изучаемому материалу: применяются общенаучные методы анализа и синтеза, описательный и сравнительно-исторический методы, интерпретативный анализ материала, методы дискурсивного и когнитивного анализа, а также методы психоаналитического анализа.

Анализ теоретического материала и его практическое обоснование позволили автору(ам) проанализировать поэтику романа и выявить художественные детали, которые дают своеобразный «ключ» к интерпретации поведения героя, а также прийти к выводу о том, что «путь взросления героя осуществляется в психоаналитических понятиях; тенденция стремления от детского к взрослому отождествляется со стремлением от бессознательного к сознательному, от удовольствия к дисциплине. Процесс взросления, представленный в романе, соответствует представлениям Фрейда о взрослении, психической природе ребенка и психической природе взрослого».

Теоретическая значимость исследования определяется его вкладом в развитие психоаналитического подхода к рассмотрению художественной литературы, в изучение творчества итальянского писателя Габриэля д'Аннунцио, в выявление заложенных подтекстов романа «Невинный» Габриэля д'Аннунцио. Практическая значимость состоит в возможности использовать его результаты в курсах по общей теории литературы, по истории литературы, методике психоаналитического литературоведения; в спецкурсах, посвященных проблемам литературного героя и его психоанализу. Научная новизна состоит в том, что в данной работе впервые в отечественном литературоведении проведен анализ романа д'Аннунцио «Невинный» с точки зрения теории психоанализа Фрейда.

Представленный материал имеет четкую, логически выстроенную структуру. Содержание работы соответствует названию. Стиль изложения отвечает требованиям научного описания. Статья имеет законченный вид; она вполне самостоятельна, оригинальна, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Ильин А.А., Шатилова Л.М. Способы словообразования кинематографической лексики // Litera. 2024. № 12.

DOI: 10.25136/2409-8698.2024.12.72478 EDN: OULKCW URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=72478

Способы словообразования кинематографической лексики

ИНСТИТУТ
ИНОСТРАННЫХ
ЯЗЫКОВ

Ильин Александр Александрович

ORCID: 0000-0001-7084-8718

аспирант, кафедра германистики и лингводидактики, Московский городской педагогический университет

105064, Россия, г. Москва, пер. Малый Казённый, 5, оф. Б

✉ sashailin98@yandex.ru

Шатилова Любовь Михайловна

ORCID: 0000-0001-6250-0957

доктор филологических наук

профессор; кафедра германистики и лингводидактики; Государственное автономное образовательное учреждение высшего образования города Москвы «Московский городской педагогический университет»

105064, Россия, г. Москва, Малый Казённый пер., 5, оф. Б

✉ shatilova-79@mail.ru

[Статья из рубрики "Лингвистика"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2024.12.72478

EDN:

OULKCW

Дата направления статьи в редакцию:

26-11-2024

Аннотация: Настоящая статья посвящена анализу способов словообразования кинематографической лексики современного немецкого языка. Актуальность исследования определяется несколькими факторами: во-первых, кино – один из самых влиятельных видов искусства в современном мире, занимающий важное место в культуре, формирующий национальные и глобальные культурные нормы, что приводит к постоянному обновлению языка, в том числе к созданию новых слов и терминов, отражающих процессы, явления и технологии, связанные с кино; во-вторых, немецкий язык, как и другие языки мира, активно заимствует лексические единицы из других языков и создает новые слова, адаптируя их к грамматическим и фонетическим нормам. Цель исследования – выявление специфики способов словообразования в кинематографической терминосистеме немецкого языка. Для достижения поставленной цели исследования были определены и успешно выполнены ключевые задачи: 1) проанализированы основные способы словообразования специализированной лексики, используемой в области кино; 2) выявлены общие закономерности словообразования кинематографической лексики; 3) систематизированы полученные данные и определены основные тенденции и продуктивные способы словообразования в кинематографической терминосистеме немецкого языка. В данном исследовании внимание уделяется классификации способов словообразования, предложенной С. В. Гриневым-Гриневичем. Исследователь выделяет четыре основных способа словообразования: семантический, морфологический, синтаксический и морфолого-синтаксический, которые оказывают значительное влияние на формирование терминов в различных сферах, в том числе и в кино. Научная новизна исследования заключается в том, что в ходе анализа не только выявляется специфика и продуктивность соответствующих способов словообразования, но и прослеживается динамика развития кинолексики в немецком языке. Это важно для понимания, как языки адаптируются к новым реалиям и как развивается терминология. Исследование выявило, что в процессе словообразования кинематографической терминосистемы немецкого языка отдается предпочтение семантическому, морфологическому, морфолого-синтаксическому способу. Они эффективно способствуют формированию терминосферы, точно отражающей эволюционные процессы в индустрии кино. В то же время синтаксический способ, несмотря на более ограниченное применение, играет ключевую роль в создании обширных структурных выражений и специализированной лексики, что обеспечивает кинопрофессионалам точные инструменты для описания своих технических и творческих процессов.

Ключевые слова:

лингвистика, немецкий язык, терминология, терминосистема, специальная лексика, словообразование, кинодискурс, кинематографическая лексика, киноиндустрия, кинематограф

Язык, как живой организм, постоянно адаптируется к изменениям в обществе, что делает его предметом бесконечного изучения и обсуждения. Как отмечает Г. В. Денисова, кино несет в себе определенное сообщение, которое включает в себя отправителя (режиссера, сценариста и актеров), получателя (зрителя) и канал передачи, поэтому к его анализу можно применить методы, заимствованные из лингвистики [\[6, с. 247\]](#). Одной из ключевых характеристик формирования любого языка является его стихийный характер. Таким образом, изучение языка требует внимательного анализа не только его

грамматических структур, но и лексических. **Актуальность исследования** способов словообразования кинематографической лексики определяется несколькими факторами: во-первых, кино – один из самых влиятельных видов искусства в современном мире, занимающий важное место в культуре и формирующий национальные и глобальные культурные нормы, что приводит к постоянному обновлению и обогащению языка, в том числе к созданию новых слов и терминов, отражающих процессы, явления и технологии, связанные с кино; во-вторых, немецкий язык, как и другие языки мира, активно заимствует лексические единицы из других языков (особенно из английского) и создает новые слова, адаптируя их к грамматическим и фонетическим нормам. Изучение механизмов формирования лексики позволяет разъяснить закономерности и способы интеграции новых слов в язык и способствовать лучшему пониманию тенденций в развитии немецкой кинолексики, изучение которой важно и для перевода, что обусловлено необходимостью в осведомленности о лексических нюансах и методиках формирования специализированной терминологии для адекватного представления.

Чтобы достичь поставленной цели исследования, были определены и успешно выполнены ряд ключевых **задач**: 1) проанализированы основные способы словообразования специализированной лексики, используемой в области кино; 2) выявлены общие закономерности словообразования кинематографической лексики; 3) систематизированы полученные данные и определены основные тенденции и продуктивные способы словообразования в кинематографической терминосистеме немецкого языка.

Исследовательская стратегия была сформулирована исходя из исследовательских целей и специфических задач. В работе нашли своё применение следующие **методы**: 1) метод лексикографического анализа; 2) метод сплошной выборки; 3) структурный метод; 4) метод семантического анализа; 5) описательный метод; 6) словообразовательный анализ слов.

В качестве **материала** исследования послужил электронный специализированный словарь «Das Lexikon der Filmbegriffe», являющийся крупнейшим в мире сборником кинотерминов немецкого языка, который издаётся в сотрудничестве с университетами Киля, Мюнстера, Хагена, Люксембурга и Цюриха. URL: <https://filmlexikon.uni-kiel.de/>.

Теоретическая база исследования опиралась на фундаментальные работы отечественных лингвистов, основательно анализирующие теорию терминологии, механизмы формирования терминологической базы в узкоспециализированных областях, аспекты кинодискурса и процессы интеграции заимствованных слов из других языков [4, 5, 6, 8, 9, 10].

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования материалов и результатов данного исследования в практике преподавания таких лингвистических дисциплин как введение в языкознание, семантико-стилистическая интерпретация текста, лексикология, сравнительная типология, профессионально ориентированный перевод, введение в теорию межкультурной коммуникации, совершенствование навыков речевого общения, практикум по культуре речевого общения, а также они могут быть интегрированы в подготовку научно-исследовательских работ, включая диссертации, выпускные квалификационные и курсовые работы по релевантным тематикам.

Анализ структуры терминов предоставляет возможность охарактеризовать продуктивные способы и модели словообразования, а также выработать рекомендации по созданию

новых терминов. Данный анализ способствует унификации профессиональной коммуникации, что является важным условием для эффективного международного сотрудничества. Термин – специальная лексема, называющая общее понятие [\[3, с. 725\]](#).

Наименьшей структурной единицей термина выступает терминологический элемент, который представляет собой не только самостоятельное слово в составе сложных терминов, но и основу для словообразования, а также словообразующий аффикс и символ [\[2, с. 46\]](#). Самостоятельно данная минимальная структурная единица не функционирует в терминологических системах.

Классификация терминологического образования С. В. Гринев-Гриневича – важное направление лексикографии и терминоведения, позволяющее систематизировать и упорядочить процессы формирования лексики, специализированной в разных областях знаний.

В своей работе С. В. Гринев-Гриневич с точки зрения формы выделяет монологические и полилогические термины (слова и словосочетания) [\[4, с. 195\]](#).

Монологические термины представлены тремя типами: простые, сложные и аффиксальные термины. Например, *die Szene* / сцена (здесь и далее перевод на русский язык осуществлён авторами лично), *die Gage* / гонорар, *der Filmstreifen* / киноплёнка, *die Filmproduktion* / кинопроизводство, *die Vorproduktion* / предпроизводство; *die Nachsynchronisation* / дублирование и другие.

Полилогические термины состоят из двух или более слов, отсюда согласно количественно-структурной классификации их можно разделить на три подтипа: двухсловные, трехсловные, четырехсловные. Например, *der Europäische Filmpreis* / европейская кинопремия, *die Französische Neue Welle* / французская новая волна, *die British Academy Film Awards* / премия Британской киноакадемии и другие.

Проанализировав более 500 кинотерминов электронного специализированного словаря «Das Lexikon der Filmbegriffe», отобранных методом сплошной выборки, можно сделать вывод, что кинематографическая терминологическая система включает в себя подавляющее большинство монологических терминов. Эти термины представлены как простыми однословными, так и сложными однословными терминами, образованными путем словосложения, который представляет собой наиболее эффективный метод образования существительных и преобладающее положение словосложения среди различных способов словообразования является одной из характерных черт немецкой грамматики [\[1, с. 432\]](#). Это свидетельствует о количественном преобладании монологических терминов по сравнению с полилогическими, которые выражены в виде словосочетаний. Однако среди монологических кинотерминов наблюдается количественное преимущество сложных терминов.

Совокупность слов немецкого кинематографического лексикона отличается разнообразием и охватывает широкий спектр областей знаний, выстраивая собственную терминологическую систему общеупотребительной и терминологической лексики, а также номенклатурные наименования.

С. В. Гринев-Гриневич, работая в области терминологического терминоведения и описывая формы и виды терминологического образования, приходит к выводу, что стандартная классификация для анализа специальной лексики многих областей включает в себя: 1) семантический способ; 2) морфологический способ; 3) синтаксический способ; 4) морфолого-синтаксический способ терминологического образования [\[4, с. 197-198\]](#). Данная

классификация отлично отображает и структуру лексики кинематографической терминосистемы немецкого языка.

Семантический способ терминообразования представляет собой изменение значения общеупотребительной лексики языка, являясь классическим примером терминообразования в разных областях знаний [\[4, с. 198\]](#). Данный способ в рамках кинематографической терминосистемы немецкого языка может быть систематизирован и разделён на две большие группы: 1) расширение значения; 2) заимствования. Поскольку появление кинематографической лексики неразрывно связано с развитием киноиндустрии, и расширение значений слов в меньшей степени обусловлено семантическими изменениями в общеупотребительной лексике.

Специфика кинематографической лексики как специального языка не предполагает активного использования общеупотребительных слов. Однако, как уже упоминалось, состав данной лексики разнообразен, и поэтому наличие общеупотребительной лексики в этой области является вполне естественным.

Расширение значения слов, входящих в кинематографическую терминосистему немецкого языка, может быть представлено как процессы терминологизации (специализации) и метафоризации.

Терминологизация – процесс образования нового слова за счет семантического переосмысления общеупотребительной лексемы и / или с формированием у общеупотребительной лексемы релевантных признаков специального слова [\[11, с. 13\]](#). Общеупотребительное слово становится специальным, изменяя значение, но не форму. Термины данной группы образованы за счёт расширения значения существующих ранее слов [\[4, с. 199\]](#). Примерами терминологизации кинолексики, рассмотренные в этой работе, являются такие термины, как *der Streifen* / *лента*, *das Format* / *формат*, *der Titel* / *название*, *das Projekt* / *проект*; *Atmosphäre* / *атмосфера*, *Fahrt* / *поездка*, которые берут свое начало в общем языке. Например, в то время как *Fahrt* на общем языке означает поездку на автомобиле или поезде, на техническом языке фильма под *Fahrt* подразумевается поездка с камерой.

Метафоризация – процесс образования нового слова через метафорическое восприятие, основанного на схожести внешнего вида или функционала называемого объекта [\[4, с. 200\]](#). Например, на основе внешнего сходства образованы следующие термины: *die Babybeine* / *детские ножки* (штатива с короткими ножками, который используется для съемки снизу); *der Kaffeesatz* / *кофейная гуща* (фотографическое увеличение ландшафта, чтобы над ним воссоздать модель роя насекомых) и другие.; на основе сходства функций образованы следующие термины: *die Angeln* / *удочка* (длинная стойка, к которой крепится микрофон), *das Kaleidoskop* / *калейдоскоп* (ярко красочные серии картинок, которые представляют тему без общей нити повествования) и другие. Иногда внешнее сходство переплетается со сходством функций, например *der Dolly* / *тележка* (мобильная платформа, предназначенная для съемки с движения).

Как писали выше, помимо расширения значения частью семантического способа терминообразования является заимствование, которое может быть как межсистемным, так и межъязыковым.

Кино является синтетическим видом искусства, данный факт откладывает отпечаток и на его терминосистему. Так кинематографическая специальная лексика наполнена словами из литературы, живописи, фотографического и театрального дискурсов, звукофферы и

сферы информационных технологий и т.п. К межсистемным заимствованиям можно отнести следующие термины: *das Stativ* / штатив, *die Bühne* / сцена, *die Rolle* / роль, *der Erzähler* / рассказчик, *das Mischpult* / микшерный пульт, *der Bildschirm* / экран, *der Quadrocopter* / квадрокоптер и другие.

Иноязычные заимствования занимают важное место в эволюции терминосистемы немецкого языка в сфере кинематографа. Они обогащают язык и способствуют отражению глобальных тенденций в киноиндустрии. Влияние новых технологических разработок на киноязык отмечают также и В. Ю. Прокофьева и М. А. Назаров, в общем труде они описывают феномен появления англоязычных заимствований в сфере кино и телеиндустрии, вызванный созданием новых явлений в экранном производстве, новых жанров или форматов аудиовизуальных произведений и т.п. [12], так как данная сфера подвержена сильному влиянию английского языка. Согласно словарю лингвистических терминов под заимствованием понимается *процесс и результат перехода из одного языка в другой слов, грамматических конструкций, морфем, фонем*, подчеркивая, что это *самый распространенный вид языковых контактов* [9, с. 107]. К иноязычному заимствованию можно отнести следующие термины: *der Art-direktor* / арт-директор, *der Producer* / продюсер, *das Kinocenter* / киноцентр, *das Cinemax* / кинотеатр, *das Summary* / резюме, *der Camcorder* / видеокамера, *das Drive-in-Kino* / кинотеатр под открытым небом, *das Happy End* / счастливый конец, *der Bluescreen* / хромакей, *der Stream* / стрим, *der Soundtrack* / саундтрек, *der Akteur* / актёр, *der Modist* / модист, *der Kaskadeur* / каскадер, *das Chiaroscuro* / светотень, *das Szenarium* / сценарий, *die Katharsis* / катарсис, *die Parodie* / пародия. Как видно из приведенных примеров заимствований из английского, французского, итальянского, латинского, греческого языков, подавляющее большинство заимствованных слов являются англоязычным, к такому выводу пришли и Т. И. Щелок с Д. П. Гостищевой, проанализировав материалы статей из рубрики «Kino» немецкоязычного интернет-издания «Spiegel» [14, с. 171]. Такие иноязычные заимствования можно объяснить тем фактом, что международная коммуникация осуществляется преимущественно на английском языке [8, с. 57].

Морфологический способ терминообразования – процесс создания новых терминов, опирающийся на морфологические элементы языка [4, с. 216]. Этот способ является одним из самых распространенных в немецком языке и активно используется в киноиндустрии для создания новых терминов. С. В. Гринев-Гриневич выделяет следующие способы морфологического терминообразования: конверсия, фонетико-морфологический способ, суффиксация, префиксация, префиксально-суффиксальный способ, усечение [4, с. 2216–222].

Одним из ранних способов морфологического терминообразования является конверсия [4, с. 216]. Конверсия представляет собой переход из одной части речи в другую [9, с. 161]. Например, переход от инфинитива к существительному, от прилагательного к существительному или от причастия к существительному. В немецком языке особенно часто используется субстантивация инфинитивов; в кинотерминологии можно найти следующие примеры: *das Montieren* / монтирование, *das Synchronisieren* / синхронизация, *das Schwenken* / панорамирование, *das Zoomen* / масштабирование и другие.

Фонетико-морфологический способ – образование новых терминов, которое сопровождается фонетическими изменениями производных слов, например, чередованием ударения, изменением корневой гласной или фонетической вариацией [4.

[с. 2161](#), но в практически формировании кинематографической терминосистемы немецкого языка он не используется.

Суффиксация – один из аффиксальный способов словообразования, где главным словообразующим компонентом является суффикс. Данный способ является одним из распространённых в немецком терминообразовании, в том числе и в кинематографической терминосистеме. Распространёнными суффиксами в данном способе терминообразования являются -er, -ing, -ent, -or, -ist, -eur, -tion, -ung, например, *das Casting* / кастинг, *der Produzent* / продюсер, *der Dramaturg* / драматург и другие.

В префиксации словообразующим компонентом является префикс (приставка). Данный способ морфологического терминообразования находит свое отражение в следующих словах: *der Abspann* / финальные титры, *die Aufnahme* / кадр, *die Untertitel* / субтитры, *der Vorspann* / заставка и другие. В процессе префиксального способа терминообразования участвуют множество префиксов, среди которых можно выделить ab-, auf-, bei-, unter-, über-, ver-, vor.

Префиксально-суффиксальный способ является одним из комбинированных аффиксальных способов [\[9, с. 278\]](#). В немецкой кинотерминологии он также один из самых продуктивных способов терминообразования. С помощью данного способа образованы следующие термины: *die Abblendung* / затемнение, *die Vorproduktion* / предпроизводство, *die Beleuchtung* / освещение, *die Nachsynchronisation* / дублирование и другие. В данном процессе терминообразования используются аналогичные морфемы, как и в двух предыдущих аффиксальных способах.

Способ усечения основ представляет собой безаффиксный способ словообразования, основанный на сокращении производящей основы по типу аббревиатуры без учета морфемного шва [\[9, с. 425\]](#). Например, *Atmo* (*Atmosphäre*) / атмосфера, *Krimi* (*Kriminalfilm*) / детектив, *Kino* (*Kinematograf*) / кинематограф, *das Biopic* (*biographical picture* / *biografischer Film*) / байопик (биографическое кино) и другие. Усечение основ используется чаще длинной формы производящего слова, вероятно, из-за краткости, которая полезна при технологических процессах кинопроизводства.

Синтаксический способ терминообразования представляет собой процесс формирования новых терминов при помощи синтаксических средств языка. Исследования различных терминологий европейских языков показывают, что термины-словосочетания преобладают над однословными терминами в терминологии. Благодаря данному способу образуется 60-95% состава различных терминологий современных европейских языков [\[4, с. 222\]](#). Данный подход обеспечивает повышенную адаптивность в использовании языка, позволяя формировать фразы, которые могут быть с легкостью перенастроены под разнообразные условия. Процесс создания новых слов часто ведется на основе уже известных конструкций.

Наиболее простыми и широко распространёнными являются двухкомпонентные атрибутивные словосочетания. Различия между типами двухкомпонентных составных терминов зависят от степени формальной выраженности определяющего элемента. Анализ немецкой кинематографической терминологии помог выявить ряд наиболее характерных структурных двухкомпонентных моделей: Adj + S (*Adjektiv* + *Substantiv*), например, *abstrakter Film* / абстрактный фильм, *Goldener Bär* / Золотой медведь (приз Берлинского международного кинофестиваля), *romantische Komödie* / романтическая комедия, *titelloser Film* / безымянный фильм, *Weimarer Kino* / Веймарское кино; S + S

(Substantiv + Substantiv), например, *audience flow* / поток аудитории, *Spaghetti Western* / спагетти-вестерн, *Academy Awards* / премия киноакадемии, *punch line* / кульминационный момент, *story editor* / редактор сюжетов; S + S (G) (Substantiv + Substantiv im Genitiv), например, *Altersfreigaben der Filme* / возрастные рейтинги фильмов, *Kinematisierung der Wahrnehmung* / Кинематизация восприятия, *Woche der Kritik* / неделя критики (кинофестиваль); Z + S (Zahlwort + Substantiv), например, *fünfte Generation* / пятое поколение (периодизация китайского кинематографа), *second banana* / второй банан (герой второго плана в комедийном скетче), *zweiter Bildschirm* / второй экран и другие.

Среди трехкомпонентных немецких кинематографических терминов наиболее распространённые являются следующие модели: S + Präp + S

(Substantiv + Präposition + Substantiv), например, *Film ohne Kamera* / бескамерный фильм, *Untertitel für Hörgeschädigte* / субтитры для слабослышащих, *Walk of Fame* / аллея славы; Adj + Adj + S (Adjektiv + Adjektiv + Substantiv), например, *Französische Neue Welle* / Французская новая волна, *Neuer Deutscher Film* / новое немецкое кино, *New American Cinema* / новое американское кино; Adj + S + S (Adjektiv + Substantiv + Substantiv), например, *Hamburger Filmmacher Cooperative* / кооператив кинематографистов Гамбурга, *outcast couple film* / фильм о паре отвергнутых; *small town movie* / фильм про маленький город и другие. Стоит отметить, что трёхкомпонентные термины образуются на базе двухкомпонентных словосочетаний, характеризующихся более тесными структурно-семантическими отношениями [4, с. 227].

Проанализировав более 8 000 лексических единиц специализированного монолингвального словаря кинематографической терминологии „Das Lexikon der Filmbegriffe“, можно заключить, что примерно 2,5% терминов всей рассмотренной терминосистемы образованы с помощью синтаксических средств языка, среди них 85% – двухкомпонентные составные термины. Таким образом, можно заключить, что синтаксические способы словообразования менее продуктивны, чем морфологические и семантические, но они играют важную роль в построении устойчивых выражений.

Морфолого-синтаксический способ терминообразования направлен на формирование однословных терминов путем синтаксических и морфологических преобразований лексических форм [4, с. 232]. К таким способам относится: 1) эллипсис – опущение одного из слов терминологического словосочетания, где значение всего словосочетания базируется на основе оставшегося слова, а под широким толкованием термина подразумевается любой пропуск любого элемента высказывания [10, с. 14], например, *der Oscar* / Оскар от *der Oscar Award* / премия Оскар, *der Bär* / медведь от *der Goldener Bär* / золотой медведь, *das Streaming* / стриминг от *die Streaming Media* / стриминговое (потокное) мультимедиа и другие; 2) словосложение – соединение в одном слове двух и более корневых морфем [4, с. 233], которое обуславливает появление целых серий однотипно организованных сложных композитов, чаще с общим начальным заимствованным компонентом [7, с. 466], например, *der Spielfilm* / художественный фильм, *der Stummfilm* / немое кино, *der Tonfilm* / звуковое кино, *der Familienfilm* / семейный фильм, *der Horrorfilm* / фильм ужасов, *der Filmschauspieler* / киноактёр, *der Kostümbildner* / художник по костюмам, *der Bühnenbildner* / сценограф, *der Regieassistent* / помощник режиссера, *der Blockbuster* / блокбастер, *die Kameraperspektive* / ракурс камеры, *die Lichttechnik* / светотехника, *die Filmleinwand* / киноэкран, *die Filmproduktion* / кинопроизводство, *die Filmcrew* / съемочная группа и другие; 3) аббревиация – процесс

сокращения наименования какого-либо объекта [13, с. 176], стоит отметить, что в немецком языке Гусева А.Е. и Ольшанский И. Г выделяют такие модели аббревиатур, как буквенные, звуковые, слоговые, смешанные, графические и контрактуры [5, с. 106-107], например, *ADR: automatischer Dialogaustausch* / *ADR: автоматизированная замена диалогов*, *FPS: frames per second* / *FPS: кадры в секунду*, *SW: schwarzweiß (Film)* / *ЧБ: черно-белое (кино)*; *DEFA: Deutsche Film-Aktiengesellschaft* / *ДЕФА: немецкое акционерное общество кино*, *der Krimi (Kriminalfilm)* / *детектив*, *das Biopic (biographical picture / biografischer Film)* / *байопик (биографическое кино)* и другие. С одной стороны, аббревиатуры компактны, поэтому имеют преимущества с точки зрения лингвистической экономии, а с другой стороны, они могут вызвать недопонимание, поскольку часто обладают неоднозначностью, особенно когда теоретически могут использоваться в нескольких предметных областях. Например, в области кино сокращенную форму *IT* можно определить как *internationaler Ton*, означающий *готовое звуковое сопровождение фильма без диалогов и / или озвучки для международного дубляжа*, также *IT: die Informationstechnologie* / *IT: информационная технология* в области информатики. Еще одним недостатком является сложность определения языковой принадлежности аббревиатуры, что иногда приводит к необходимости использовать как краткую, так и полную формы одновременно.

Резюмируя вышесказанное, мы пришли к следующим результатам, касающимся специфики словообразования кинематографической лексики: так, проанализировав кинематографическую терминосистему современного немецкого языка, отобрав отдельно взятые лексемы из специализированного монолингвального словаря «*Das Lexikon der Filmbegriffe*», можно сделать вывод о том, что особенность немецкоязычного кинодискурса обусловлена в большей степени направленностью к формированию кинематографической терминосистемы при помощи таких способов терминообразования, как семантический, морфологический, синтаксический, морфолого-синтаксический способы, подчеркивая, что разработанная модель С. В. Гринев-Гриневича универсальна, и может быть применена ко многим терминосферам какой-либо области знания. Данное исследование показало, что наиболее продуктивными способами словообразования кинематографической лексики являются семантический способ, так как в большинстве случаев данные термины составляют ядро терминологии кино, морфологический способ, поскольку аффиксация играет важную роль при пополнении словарного состава немецкого языка многих областей знаний, и морфолого-синтаксический способ, в связи с разнообразием структур, которые позволяют формировать сложные словосочетания и высказывания, передающие специфические концепции и идеи, связанные с кинематографом однословных терминов. Кроме того, результат исследования указывает на активное использование метафор и метонимий в кинематографической речи. Это свидетельствует о том, что разработка новых терминов часто основывается на переносном значении, что позволяет создавать более эмоционально насыщенные и образные выражения. Также следует отметить, что в последние годы наблюдается тенденция к заимствованию зарубежной терминологии. Это связано с глобализацией киноиндустрии и влиянием международных стандартов на развитие языковой практики. Некоторые термины становятся универсальными, и их использование значительно упрощает общение между специалистами разных стран.

Обобщая вышеизложенное, стоит отметить, что упомянутые способы словообразования отличаются разной степенью продуктивности, так, например, в данный момент словосложение в рамках морфолого-синтаксического терминообразования остается ведущим способом словообразования, представляя собой многоаспектное и сложное явление, которое переплетается с аффиксацией, с другими средствами

словообразования и граничит с синтаксисом. **Перспективы дальнейшего исследования** в этом направлении могут быть продолжены в более детальном изучении специальной кинотерминологии немецкого языка, исследовав, например, влияние заимствований из других языков на формирование кинематографической лексики немецкого языка в условиях глобализации, влияние новых медиа и технологий на терминологию, особенно в условиях роста стриминговых платформ и социальных сетей, или социолингвистические аспекты, которые показывают, как язык кино изменяется в зависимости от социальных групп и культурного контекста.

Библиография

1. Велмырадова Д. Г. Словообразовательные модели современного немецкого языка / Д. Г. Велмырадова. // Молодой ученый. – 2018. – № 23 (209). – С. 432–433.
2. Гринев-Гриневиц С. В. Терминоведение: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / С. В. Гринев-Гриневиц – Москва: «Академия», 2008. – 304 с.
3. Гринев-Гриневиц С. В. Еще раз к вопросу об определении термина / С. В. Гринев-Гриневиц, Э. А. Сорокина, М. А. Молчанова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2022. – Т. 13, № 3. – С. 710–729.
4. Гринев-Гриневиц С. В. Терминоведение / С. В. Гринев-Гриневиц, Э.А. Сорокина; М.А. Молчанова; изд. 3-е, испр. и доб. – Москва: ЛЕНАНД, 2023. – 500 с.
5. Гусева А. Е. Лексикология немецкого языка: учебник и практикум для вузов / А. Е. Гусева, И. Г. Ольшанский. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2024. – 428 с.
6. Денисова Г. В. Искусство кино и вопросы интерпретации кинотекста / Г. В. Денисова, Р. А. Матасов // Теория и история искусства. – 2021. – № 1–2. – С. 246–255.
7. Дойникова М. И. Основные тенденции в изменении общего словаря немецкого языка / М. И. Дойникова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2022. – №2. – С. 464–468.
8. Евтихова И. М. "Denglisch" в современном немецком языке / Евтихова И. М, Лебедева А. В // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. – 2016. – Т. 2 (68), № 1. – С. 54–62.
9. Жеребило Т. В. Словарь лингвистических терминов / Т. В. Жеребило; изд. 5-е, испр. и доп. – Назрань: ООО «Пилигрим», 2010. – 486 с.
10. Камагина И. В. Простые эллиптические предложения: структура, семантика, стилистика (на материале романа М. А. Шолохова «Тихий дон») / И. В. Камагина: дис. канд. филол. наук: 10.02.01. – Коломна, 2020. – 265 с.
11. Косова М. В. Терминологизация как процесс переосмысления русской общеупотребительной лексики / М. В. Косова: автореф. дис. д-р филол. наук: 10.02.01. – Нижний Новгород, 2004. – 52 с.
12. Прокофьева В. Ю. Профессиональная лексика в сфере кино- и телеиндустрии / В. Ю. Прокофьева, М. А. Назаров // Славянские чтения – 2022: сборник материалов Международной научно-практической конференции, Стерлитамак, 24–25 мая 2022 года. – Стерлитамак: Башкирский государственный университет, Стерлитамакский филиал, 2022. – С. 39–43.
13. Сергеева Т. С. Аббревиатура в системе лексических сокращений / Т. С. Сергеева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Изд-во «Грамота», 2013. – № 6, ч. 2. – С. 174–179.
14. Щелок Т. И. Заимствованная лексика рубрики „Kino“ (на материале статей немецкоязычной интернет-версии журнала Spiegel) / Т. И. Щелок, Д. П. Гостищева // Общетеоретические и типологические проблемы языкознания. Бийск: Алтайский

государственный гуманитарно-педагогический университет имени В. М. Шукшина, 2022. – С. 168–172.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Статья «Способы словообразования кинематографической лексики» представляет собой исследование в области германистики и посвящено способам образования кинематографических терминов.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью изучения механизмов формирования лексики, позволяющей разъяснить закономерности и способы интеграции новых слов в язык, что могло бы способствовать лучшему пониманию тенденций в развитии немецкой кинолексики.

Статья хорошо структурирована. В статье представлены введение, актуальность, новизна, методология исследования, основная часть, а также выводы и библиография. Объектом исследования в данной статье является немецкая кинолексика. Предмет исследования – способы образования и интегрирования новых лексем в немецкую кинематографическую лексику.

Задачи, стоящие перед автором исследования, включают в себя анализ основных способов словообразования специализированной лексики, используемой в области кино, выявление общих закономерностей словообразования кинематографической лексики, систематизацию полученных данных и определение основных тенденций и продуктивных способов словообразования в кинематографической терминосистеме немецкого языка.

В качестве основных методов автором использованы метод лексикографического анализа, метод сплошной выборки, структурный метод, метод семантического анализа, описательный метод, словообразовательный анализ слов.

Исследование проведено на материале электронного специализированного словаря кинематографических терминов «Das Lexikon der Filmbegriffe».

В основной части работы автор подробно анализирует различные способы образования кинотерминов. Рассмотрены словообразовательные способы конверсии, фонетико-морфологически, суффиксальный, префиксальный, префиксально-суффиксальный и усечение основы.

На основании проведенного анализа автор постулирует, что «примерно 2,5% терминов всей рассмотренной терминосистемы образованы с помощью синтаксических средств языка, среди них 85% – двухкомпонентные составные термины. Таким образом, можно заключить, что синтаксические способы словообразования менее продуктивны, чем морфологические и семантические».

В заключении автор делает вывод о том, что «особенность немецкоязычного кинодискурса обусловлена в большей степени направленностью к формированию кинематографической терминосистемы при помощи таких способов терминообразования, как семантический, морфологический, синтаксический, морфолого-синтаксический способы».

Автор также отмечает недавно возникшую в немецком языке тенденцию к заимствованию иноязычных терминов.

Стиль статьи научный, информация представлена объективно, выводы обоснованы результатами исследования.

Объем статьи является достаточным.

Статья оформлена в соответствии с требованиями к научным статьям, содержит ссылки на источники и список литературы, включающий в себя наиболее актуальные исследования по данной теме.

Таким образом, можно заключить, что статья «Способы словообразования кинематографической лексики» представляет собой научно-исследовательскую работу высокого уровня, которая вносит вклад в изучение актуальных тенденций в области немецкого словообразования. Работа соответствует требованиям, предъявляемым к научным статьям, и может быть рекомендована к публикации в журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Цуй В. Аксиологическая семантика лексем интересный / интересно // Litera. 2024. № 12. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.12.72683 EDN: OVGNNW URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=72683

Аксиологическая семантика лексем интересный / интересно

Цуй Вэньжуй

ORCID: 0009-0004-1565-6966

аспирант; кафедра русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации; Уральский федеральный университет имени первого президента России Б. Н. Ельцина (УрФУ)

620083, Россия, Свердловская область, г. Екатеринбург, ул. Ленина, 51, каб. 312

✉ 912172383@qq.com

[Статья из рубрики "Лингвистика"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2024.12.72683

EDN:

OVGNNW

Дата направления статьи в редакцию:

11-12-2024

Аннотация: Статья написана в русле коммуникативной лингвистики. Объектом исследования являются лексемы интересный и интересно. Предмет исследования – коммуникативные значения слов интересный и интересно в современной русской речи. Материал исследования извлечен из Национального корпуса русского языка и современных средств массовой информации. В центре внимания находятся особенности функционирования этих лексем в различных контекстах, а также коннотативные аспекты их значений. Цель данного исследования – выявить частные оценки, выражаемые лексемами интересный / интересно в современных СМИ. Автор подробно анализирует, как системно-языковое значение слова, ограниченное обозначением факта или свойства, обогащается в реальной речи за счёт эмоциональных, социальных и культурных коннотаций. Особое внимание уделено субъективно-модальным характеристикам, благодаря которым слова интересный и интересно выражают как общие, так и частные оценки. Методы исследования – компонентный анализ лексемы интересный, контекстологический анализ лексем интересный / интересно, приемы лингвоаксиологического анализа. Слова интересный / интересно в русском языке

богаты в плане субъективной модальности. В различных контекстах способны выражать как общую, так и все разновидности частных оценок. Для выражения общей оценки лексема интересно функционирует обычно в роли предикатива в главной части сложноподчиненного предложения. Для выражения частных оценок интересно выполняет роль наречия, краткого прилагательного, а также может быть в синкретичной позиции предикатива и модального слова. Слова интересный / интересно, выражая частные оценки, имеют обычно положительный статус. Однако в рамках этических или нормативных оценок могут приобретать негативные коннотации, такие как ирония или сомнение. Таким образом, в реальном коммуникативном процессе слово интересный становится более содержательным и многослойным, так как оно не только указывает на факт возбуждения интереса, но и несет в себе дополнительную эмоциональную окраску или оценку, что, в свою очередь, усиливает интерес читателя к сообщению.

Ключевые слова:

оценка, частная оценка, общая оценка, лексическое значение, коннотация, коммуникативное значение слова, коммуникативная лингвистика, семантика, системно-языковое значение слова, субъективная модальность

Введение

Лексема *интересный* относится к лексико-грамматическому разряду качественных прилагательных и имеет значительное разнообразие семантических оттенков, зависящих от контекста. В толковых словарях дается разное количество лексико-семантических вариантов, и некоторые из них приобретают в речи оценочные смыслы.

В толковых словарях (см. список словарей: БАС; МАС; Ожегов, Шведова) представлены следующие актуальные значения прилагательного *интересный* (мы приводим обобщенные толкования):

1. 'Возбуждающий интерес, любопытство; занимательный' [\[1-4\]](#).

После ужина отдыхающих ждали развлечения. Кто ходил в кино, мог посмотреть кино, если фильм новый или старый, но интересный (Афонин В. Е. Путевка).

Екатерина Ивановна играла трудный пассаж, интересный именно своей трудностью, длинный и однообразный (Чехов А. П. Ионыч).

2. 'Отличающийся богатым внутренним содержанием, разносторонними интересами, необычностью и т. п.' [\[1\]](#).

Все эти люди – а также и немало других, к которым я обращался за рассказами, – были необыкновенно интересны (Бек А. А. Почтовая проза).

3. 'Разг. Привлекательный, красивый, миловидный' [\[1-4\]](#).

Какая ты сегодня интересная, Юлочка, тебе так идет быть бледной, – сказал Дружиловский (Ардаматский В. И. Две дороги).

Кроме того, у слова *интересный* отмечены устаревшие значения:

- 'полезный, выгодный', этимологически восходящее к французскому [\[2, 4\]](#).

Щи или суп в котле сначала всегда бывают жирнее и гуще, а после жиже и постнее, поэтому и считалось интересным встать к котлу в первую очередь, чтобы получить более жирных щей (Подшивалов Д. И. Воспоминания).

– ‘болезненно-бледный’ [\[4\]](#).

Явился в ее замке раненый гусарский полковник Бурмин, с Георгием в петлице и с интересной бледностью, как говорили тамошние барышни (Пушкин А. С. Метель).

В словаре галлицизмов приведено значение, не встретившееся в других словарях, – ‘с клубничкой, эротически занимательный’ [\[4\]](#). Оно имеет оценочную коннотацию:

Характер обеих подруг был слишком благороден, чтобы они вели интересные разговоры, которые ведут во многих будуарах (Библиотека для чтения. 1855. Т. 130, отд. 2).

Прилагательное *интересный* употребляется как эвфемизм в устойчивом словосочетании в *интересном положении* – «о состоянии беременности» [\[1\],\[2\]](#).

Женщины в интересном положении любят капризничать и вообще предаваться мрачным мыслям (Чехов А. П. Следователь).

Реальное лексическое (психологическое [\[5\]](#) значение шире, чем словарное, системно языковое значение, и лексикография в первую очередь требует стремления к простоте и экономичности в описании значения. По словам В. В. Мартынова, словарная дефиниция не ставит задачу глубокого анализа структуры значения; её основная цель — это представление значения на метаязыке [\[6, с. 62-63\]](#). В дефинициях современных толковых словарей нет прямого указания на оценочные компоненты в структуре семемы лексемы *интересный*. Системное языковое значение слова *интересно* не содержит коннотации. Ю. Д. Апресян в своей лексикографической практике твердо отстаивает идею о том, что коннотация не должна включаться в лексическое значение слова: «незначительные, но устойчивые признаки выражаемого ею понятия, которые воплощают принятую в данном языковом коллективе оценку соответствующего предмета или факта действительности. Эти признаки не входят непосредственно в лексическое значение слова и не являются следствиями или выводами из него» [\[7, с. 159\]](#).

В. Н. Телия предлагает следующее определение коннотации: «Коннотация – семантическая сущность, узואально илиokkaзионально входящая в семантику языковых единиц и выражающая эмотивно-оценочное и стилистически маркированное отношение субъекта речи к действительности при ее обозначении в высказывании, которое получает на основе этой информации экспрессивный эффект» [\[8, с. 5\]](#).

Термин «коннотация» в современной лингвистике имеет два подхода к интерпретации — широкое [Н. С. Комлев; В. И. Говердовский; Ю. Д. Апресян] и узкое [И. В. Арнольд; Е. А. Лукьянова; И. А. Стернин; В. Н. Телия; В. И. Шаховский и др.].

При узком понимании коннотация рассматривается как факультативная часть значения, включающая информацию эмоционального, экспрессивного, оценочного и стилистического планов. При широком понимании коннотация трактуется не с точки зрения аксиологии, а в качестве психологической категории – это ассоциации и представления, которые вызывает слово [\[7\],\[9\]](#). При таком подходе коннотация фактически рассматривается как весь спектр информации, связанной с ассоциативной и культурной значимостью слова, который обогащает его предметно-понятийное (или

денотативное) значение.

В коннотации принято выделять несколько её составляющих, среди которых, наряду с эмоциональной, экспрессивной и стилистической окраской, неизменно присутствует оценочный компонент. Аксиологическое значение связано с категорией оценки, поскольку аксиология изучает ценности, а оценка – это способ выразить отношение к объектам или явлениям с точки зрения их ценности. В научной литературе активно исследуется природа понятия «оценка». Категория оценки входит в круг модальных смыслов, которые выражают отношение говорящего к предмету действительности или к самому сообщению, т. е. оценка является воплощением субъективного модального значения в предложении [\[10-14\]](#).

В науке различаются положительная (позитивная, мелиоративная) и отрицательная (негативная, пейоративная) оценки [\[10\]](#). Положительная оценка выражает одобрение и благоприятное отношение, в то время как отрицательная оценка свидетельствует о неодобрении и неблагоприятном отношении. Некоторые лингвисты, в частности Н. Д. Арутюнова и В. Н. Телия, выделяют нейтральную оценку [\[10\]](#), [\[15\]](#). Нейтральная оценка не имеет ярко выраженной позитивной или негативной окраски и указывает на более объективное или сдержанное отношение к оцениваемому объекту.

Н. Д. Арутюнова рассматривает оценку как собственно человеческую категорию, связанную с физической и психической природой человека, его бытием, чувствами, мышлением, деятельностью, отношением к другим людям и предметам действительности, а также с его восприятием искусства [\[16, с. 5\]](#). По её мнению, оценка является субъективным феноменом, который не просто фиксирует объективные характеристики окружающей действительности, но выражает отношение человека к ним. Оценка включает в себя не только когнитивные аспекты, но и эмоциональные, а также культурные, социальные и нравственные элементы.

В зависимости от соотношения субъективного и объективного факторов Н. Д. Арутюнова выделяет два типа аксиологических значений: общеоценочные и частнооценочные [\[10\]](#). Первый тип выражает «холистическую оценку, аксиологический итог», т. е. оценку объекта в целом, которая представлена прилагательными хороший/плохой или синонимичными им лексическими единицами с различными стилистическими и экспрессивными оттенками. Частные оценки более обширны и разнообразны. Они акцентируют внимание на конкретном аспекте объекта, исходя из определённых критериев или мотивации.

Объектом интереса говорящего может служить любая реальность: люди, место, время, ценности, процессы, вещи – а также сама информация о них [\[17, с. 92\]](#). В роли оценочного слова могут выступать самые разные языковые единицы.

Кроме того, В. В. Виноградов, исследуя природу многозначности, подчеркивал: «То или иное значение слова реализуется и определяется контекстом его употребления. В сущности, сколько обособленных контекстов употребления данного слова, столько и его значений, столько и его лексических форм» [\[18, с. 14\]](#). Как показывает материал, в реальных коммуникативных ситуациях лексема *интересный* может передавать различные виды оценки. Для выявления оценки применяются такие приемы, как анализ сочетаемости слова *интересный* с другими словами, а также изучение его синонимов и ассоциативных связей. В соответствии с данной теоретической основой, анализ лексемы *интересный* предполагает работу с контекстами, иллюстрирующими её употребление.

Цель нашего исследования – выявить типы оценки, выражаемые лексемой *интересный*. Мы обращаемся к двум формам прилагательного – полной и краткой, а также привлекаем грамматические омонимы – наречие и предикатив *интересно*.

Речевой материал извлечен из современной публицистики, отобранной на основе данных информационно-аналитической системы «Интегрум» и Национального корпуса русского языка.

Обсуждение

По нашим материалам, анализируемые лексемы *интересный* / *интересно* могут выражать разные типы оценки.

Общая оценка выражается предикативом *интересно* в главной части сложноподчиненного предложения, а придаточная часть раскрывает смысл объекта оценки. Говорящий дополняет дескриптивные признаки объекта в качестве мотивации и основания оценки.

(1) **Интересно**, что спецпредложение за 28 рублей действует и по сей день (Fast food! Как много в этом слове... // «Рекламный мир», 2000.03.30);

Здесь предикатив *интересно* выступает как синоним к словам «необычно» или «неожиданно». Это позволяет говорящему обозначить свое удивление по поводу описываемой ситуации (в частности, действия спецпредложения на протяжении длительного времени и его актуальности). *Интересно* выражает общую оценку, осложненную модальностью неожиданности, необычности.

(2) **Интересно**, что текст, рожденный еще в дореволюционном «самиздате», сохраненный в неподцензурных списках в СССР, дожил до наших дней и имеет современные публикации (иеромонах Аркадий (Логинов), О.В. Иванова. Особенности датировки и периодизации рукописных религиозных текстов из собрания музея Святости, Исповедничества и Подвижничества на Урале в XX веке // «Церковь богословие история», 2020);

(3) **Интересно**, что мне и в голову не приходило попытаться выдать себя за играющего Балду (Фазиль Искандер. Мученики сцены).

Приведенные примеры направлены на общую абстрактную оценку определенной ситуации (1, 2) или поведения (3), и смыслы оценки нуждаются в дальнейшей экспликации.

Частнооценочные значения подразделяются на три группы: сенсорные, сублимированные, и рационалистические [\[10, с. 76\]](#).

Первая группа — сенсорные оценки, которые связаны с ощущениями, чувственным опытом субъекта (физическим и психическим), основываются на физическом опыте, обычно не мотивируются и считаются наиболее индивидуализированным видом оценки.

Оценка прямо проистекает из того ощущения, которое человек получает посредством перцепции с помощью органов чувств (зрения, слуха, осязания, обоняния, вкуса) и испытывает независимо от воли и самоконтроля [\[10, с. 76\]](#).

Лексема *интересный* в русском языке может выражать сенсорные оценки, включая визуальные, аудиальные, тактильные, ольфакторные (обонятельные) и вкусовые

восприятия. В примерах, приведённых ниже, можно проследить, как это слово в сочетании с именами и глаголами соответствующей семантики используется для описания различных сенсорных восприятий:

*Они сказали: «Суп с **интересным** вкусом»*(МК; 31.10.2024) – вкусовая оценка;

*Самые **интересные** запахи возникают, когдаходишь до колбасного цеха* (Комсомольская правда; 24.09.2024) – ольфакторная оценка;

*Их **интересно** трогать руками, разглядывать и, как следствие, легче запоминать* (Красное знамя (Елец); 05.10.2023) – тактильная и визуальная оценка;

Лексема *интересно* служит выражением сенсорной оценки, акцентируя внимание на значимости тактильного и визуального восприятия. Глаголы *трогать* и *разглядывать* представляют собой типичные сенсорные глаголы, описывающие действия, связанные с восприятием через осязание и зрение. В этом контексте *интересно* акцентирует внимание на физическом взаимодействии с объектами, через оценку делая их более привлекательными для восприятия.

*Версия звучит **интересно**, хотя это не более чем версия* (АиФ; 01.07.2009) – аудиальная оценка.

*На нее очень **интересно** смотреть, наблюдать за ней* («Экран и сцена», 2004.05.06) – визуальная оценка.

Таким образом, лексема *интересный* может функционировать как универсальная оценочная единица, применяемая для различных сенсорных восприятий, подчеркивая привлекательность, необычность или выделяющиеся качества того, что воспринимается органами чувств.

В группе сенсорных оценок выделяются психологические оценки (интеллектуальные, эмоциональные), субъект которых выступает как психический или физический рецептор. Эти оценки характеризуют в большей мере вкусы субъекта, чем сам объект.

*Играть в «Мафию» не только весело и **интересно**, но и полезно...* (Изабелла Джавоева. «Мафия» бессмертна) – интеллектуальная оценка.

В высказывании *интересно* выполняет функцию краткого прилагательного и выражает положительную оценку, указывая на интеллектуальный интерес, связанный с вовлечением в процесс игры.

Ср. еще примеры интеллектуальной оценки: *Вот интересно: Майк, пожалуй, был единственным из русских рокеров, который написал целую песню по поводу такого **интересного** явления богемной жизни, как салоны* (Дружба народов; 15.05.2008); *Что касается российских регионов, то в какой-то момент они наверняка станут для нас **интересными**, но пока мы концентрируем свои усилия на столице* (Travel Trade Gazette Russia; 15.01.2010).

Другая разновидность психологических оценок – это эмоциональные оценки, которые также могут быть выражены лексемой *интересно*.

*Каждому хочется поплескаться в воде, провести **интересно** время в походах, попеть песни у костра* (Белгородские известия (Белгород); 02.06.2007).

В данном предложении слово «интересно» может выражать эмоциональную оценку,

указывая на удовольствие и позитивное восприятие времени, проведённого в походах. Оно может быть близко по смыслу к «радостное» или «весёлое», но не тождественно им, поскольку сохраняет элемент познавательной или увлекательной ценности.

*В универе очень **интересно** течет жизнь, постоянно новые знакомства...* (Форум: Универ (институт) VS школа; 2011).

Интересно в роли наречия отражает эмоциональное отношение говорящего к жизни в университете, подчеркивая её увлекательность и приятные ощущения от новых знакомств и событий.

Вторая группа — сублимированные оценки, которые возвышаются над сенсорными оценками, «гуманизируя их» [\[3, с. 76\]](#). К ним относятся две категории — эстетические и этические оценки. «Эта группа оценок не безразлична к понятию архетипа — нормы, образца, примера, потенциальных требований, предъявляемых к объекту. При этом положительная эстетическая оценка исключает строгую нормативность. Эстетическое чувство не может быть удовлетворено стандартом. Высокая эстетическая оценка имплицитно подразумевает уникальность произведения искусства. Между тем положительная этическая оценка в общем случае требует ориентации на этическую норму, соблюдение нравственного кодекса, т.е. большего или меньшего количества правил и заповедей. Требование уникальности, таким образом, не является необходимым условием моральности (положительной этической оценки), но оно необходимо предъявляется к произведениям подлинного искусства [\[10, с. 76\]](#)».

Эстетические оценки связаны с удовлетворением чувства прекрасного.

Лексема *интересный* может выражать эстетическую оценку, особенно когда она используется в сочетаниях, описывающих внешность, вид, одежду или лицо и др.

*У наших девушек **интересная** внешность, есть какая-то изюминка* (Газета Юга (Нальчик); 17.07.2003);

*Я заметил одну закономерность: люди с **интересными** лицами, необычным выражением глаз сами по себе внутренне очень **интересны*** (Труд-7; 13.03.2008).

Эстетическое чувство, связано с уникальностью произведения искусства — оно рождается из того, что объект или произведение выходит за рамки стандартов, предлагая новый опыт или взгляд. Искусство, как результат творческого процесса, предполагает оригинальность, индивидуальность, что делает его эстетически значимым.

Этическая оценка основывается на следовании нормам и принципам, которые могут быть более универсальными. Положительная этическая оценка требует ориентации на моральные нормы, предполагающие соблюдение правил и этических кодексов, поэтому не допускает уникальности. И эти две области — этика и эстетика — существуют по разным законам: искусство стремится к уникальности, тогда как мораль требует устойчивости и следования определённым стандартам.

Этические оценки, связаны с удовлетворением нравственного чувства, основанном на соблюдении морально-нравственного кодекса.

Интересно может выражать этическую оценку, чаще всего косвенно. В таких случаях подразумевается моральное или этическое осуждение / одобрение в зависимости от контекста и интонации. Когда *интересно* используется для выражения этических оценок, оно часто передает иронию, сомнение или удивление.

Интересно, забыли там, что революция 1917-го тоже была цветной – красной? (Дружба народов; 15.03.2016).

Интересно в данном случае выражает не нейтральное удивление, а скрытое осуждение или иронию. Здесь говорящий не выражает искреннего любопытства, а скорее делает саркастическое замечание. Это указывает на его недовольство или критику в адрес тех, кто, по его мнению, игнорирует или намеренно забывает факт о "цветной" природе Октябрьской революции 1917 года. В данном случае *интересно* совмещает функции предикатива и вводного предложения, выражая этическую оценку и придавая высказыванию ироническую окраску.

Третья группа — рационалистические оценки, которые связаны с повседневным опытом и практической деятельностью человека.

В их числе Н. Д. Арутюнова выделяет утилитарные оценки, основным показателем которых является физическая или психическая польза; нормативные оценки, предполагающие соответствие стандарту, обладание нужными свойствами для выполнения какой-то задачи; телеологические оценки, основным признаком которых является выполнение предназначенной функции и достижение определенной цели [\[10, с. 75-77\]](#).

Слово *интересный* может выражать утилитарные оценки, когда оно используется для оценки пользы, выгоды или практической ценности какого-либо явления или действия.

*Этот продукт уже доказал востребованность у клиентов: в среднем человек меняет автомобиль раз в три года, и такое предложение **интересно** не только клиентам, но и дилерам, так как способствует росту продаж"*(Известия (Москва) (Приложение); 27.09.2007).

В этом примере слово *интересно* выражает утилитарную оценку, намекая на выгодность предложения, что делает его привлекательным и целесообразным для обеих сторон – и клиентов, и дилеров.

METRO Цитата «С нынешним курсом рубля поездка в Россию для иностранных болельщиков выглядит особенно **интересной**» (Метро (г. Москва); 29.01.2016).

Здесь лексема *интересный* употребляется не в основном значении, связанном с интеллектуальным или эмоциональным интересом, а в значении «выгодный», «привлекательный с практической точки зрения». Такое использование характерно для медиадискурса, где авторы часто стремятся привлечь внимание аудитории через сочетание эмоциональных и рациональных аргументов.

*Он полагает, что в условиях высокого риска повышения ключевой ставки ЦБ по-прежнему **интересно** выглядят фонды денежного рынка* (МК; 17.10.2023).

Лексема *интересно* сочетается с глаголом *выглядит*, но не в сенсорном, а в абстрактном значении. Широкий контекст актуализирует оценку практической пользы объекта.

Нормативные оценки предполагают соответствие стандарту, обладание нужными свойствами для выполнения какой-то задачи.

*Мысль **интересная**, но неправильная...* (Мегаполис Экспресс; 29.03.2004). В данном контексте слово *интересный* может выступать носителем нормативной оценки. Выражение «мысль интересная, но неправильная» предполагает внимание и ценность идеи, однако

ее неправильность подчёркивает несоответствие определённым критериям, стандартам или ожиданиям. Этот аспект указывает, что оценка идёт не только с позиции личного восприятия, но и через призму установленных стандартов.

Это контригра — очень **интересно**, но как исключение (Русский репортер, № 3 (33), 2008). Слово *интересно* здесь указывает на положительное восприятие контригры как театрального направления, однако присоединительная конструкция *но как исключение* говорит о том, что автор не считает этот подход стандартом или нормой.

Все это звучало чрезвычайно интересно, но казалось немного подозрительным (Виктор Пелевин. S.N.U.F.F.). В данном контексте лексема *интересно* выражает нормативную оценку, несмотря на свою связь с сенсорным глаголом *звучало*. Внимание читателя не акцентируется на прямом восприятии аудиального сигнала, фокус переводится на нормативную сторону восприятия — как информация интерпретируется с учетом социальных и культурных стандартов.

Нормативная оценка выявляется в контекстах, построенных на противопоставлении: *интересно, но неправильно, интересно, но как исключение, интересно, но подозрительно*, – второй член оппозиции выражает значение «не соответствующий норме».

Выводы

Системное языковое значение слова *интересный* обычно ограничено денотативным компонентом, который представляет собой базовую информацию о том, что вызывает внимание, любопытство или привлекает интерес. Однако в реальной коммуникативной практике значение слова *интересный* и его производного *интересно* существенно расширяется и обогащается благодаря коннотативным компонентам, включающим в себя эмоциональные реакции, социальные и культурные контексты, а также личные оценки и мнения говорящего.

Слова *интересный* / *интересно* в русском языке богаты в плане субъективной модальности. В различных контекстах способны выражать как общую, так и все разновидности частных оценок. Для выражения общей оценки лексема *интересно* функционирует обычно в роли предикатива в главной части сложноподчиненного предложения. Для выражения частной оценки *интересно* выполняет роль наречия, краткого прилагательного, а также может быть в синкретичной позиции предикатива и модального слова. Слова *интересный* / *интересно*, выражая частные оценки, имеют обычно положительный статус. Однако в рамках этических или нормативных оценок могут приобретать негативные коннотации, такие как ирония или сомнение.

Таким образом, *интересный* / *интересно* используются для передачи различных оттенков эмоциональной реакции и оценки говорящего.

Библиография

1. МАС – Словарь русского языка. В 4 томах. Том 1. А – Й / под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. Москва: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. 702 с.
2. БАС – Словарь современного русского литературного языка. В 17 томах. Том 5. И–К / под ред. В. И. Чернышёва. Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР, 1956. 969 с.
3. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., доп. Москва: Азбуковник, 2000. 944 с.
4. Епишкин Н.И. Исторический словарь галлицизмов русского языка. Москва: ЭТС, 2010. 514 с. URL: <https://gallicismes.academic.ru/16399/интересный> (дата обращения:

01.12.2024).

5. Стернин И.А. Лексическое значение слова в речи. Воронеж: Издательство Воронежского университета, 1985. 170 с.
6. Мартынов В.В. Кибернетика, семиотика, лингвистика. Минск: Наука и техника, 1966. 147 с.
7. Апресян Ю.Д. Коннотации как часть прагматики слова (лексикографический аспект) // Избранные труды. Т. II. Интегральное описание языка и системная лексикография. М.: Восточная литература, 1995. С. 156-177.
8. Телия В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М.: Наука, 1986. 141 с.
9. Михайлова О.А. Ограничения в лексической семантике: Семасиологический и лингвокультурологический аспекты. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 1998. 239 с.
10. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. М.: Наука, 1988. 338 с.
11. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. 2-е изд., испр. М.: Языки русской культуры, 1999. 895 с.
12. Теория функциональной грамматики: Темпоральность. Модальность / Под общ. ред. А.В. Бондарко. – Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1990. 262 с.
13. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. 2-е изд., доп. М.: Едиториал УРСС, 2002. 280 с.
14. Маркелова Т.В. Взаимодействие оценочных и модальных значений в русском языке // Филологические науки. 1996. № 1. С. 80–89.
15. Телия В.Н. О различии рациональной и эмотивной (эмоциональной) оценки // Функциональная семантика: оценка, экспрессивность, модальность. 1996. № 4. С. 31–38.
16. Арутюнова Н.Д. Аксиология в механизмах жизни и языка // Проблемы структурной лингвистики 1982 / Отв. ред. В.П. Григорьев. – М.: Наука, 1984. С. 5–23.
17. Шишкина С.А. Лингвокультурная и когнитивная ренрезентация концепта «интерес» в русском и английском языках: дис. ... канд. филол. наук. Тюмень, 2007. 186 с.
18. Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М.: Высш. шк., 1986. 639 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В рецензируемой статье предметом исследования выступает аксиологическая семантика лексем «интересный» / «интересно». Актуальность данной работы обусловлена как значимостью изучения способов и форм языковой репрезентации оценочной деятельности индивида и общества, так и важностью общетеоретического осмысления обозначенной проблемы. Целью работы явилось выявление типов оценки, выражаемых лексемой «интересный». Автор(ы) обращаются к двум формам прилагательного – полной и краткой, а также привлекают грамматические омонимы – наречие и предикатив «интересно», что свидетельствует о полноте и комплексности исследования. Речевой материал извлечен из современной публицистики, отобранной на основе данных информационно-аналитической системы «Интегрум» и Национального корпуса русского языка.

Теоретической базой исследования выступили в основном фундаментальные труды таких российских ученых, как В. В. Виноградов, Н. Д. Арутюнова, В. Н. Телия, А. В. Бондарко,

Ю. Д. Апресян, И. А. Стернин, В. В. Мартынов, Е. М. Вольф, О. А. Михайлова, С. А. Шишкина и др., посвящённые вопросам лексического значения слова в речи; коннотативному, семасиологическому и лингвокультурологическому аспектам лексической семантики, функциональной семантики оценки, коннотации как части прагматики слова и т. п. Библиография составляет 18 источников, соответствует специфике изучаемого предмета, содержательным требованиям и находит отражение на страницах статьи. Все цитаты ученых сопровождаются авторскими комментариями. К сожалению, автор(ы) не апеллируют к актуальным научным работам, изданным в последние 3 года. Конечно, это замечание не умаляет значимости представленной на рассмотрение рукописи, однако в данном случае достаточно сложно судить о реальной степени изученности данной проблемы в современном научном сообществе. Методология исследования определена поставленной целью и носит комплексный характер: применяются общенаучные методы анализа и синтеза; описательный метод, включающий наблюдение, обобщение, интерпретацию, классификацию материала; дефиниционно-компонентный анализ, используемый для описания семантического содержания номинативных единиц, репрезентирующих интерес; контекстуальный анализ, позволяющий проследить специфику функционирования языковых единиц в тексте; дискурсный анализ; методы и приемы семантического и дистрибутивного анализа.

В ходе анализа теоретического материала и его практического обоснования, подробного анализа разных случаев выражения оценки анализируемыми лексемами достигнута цель работы и решены поставленные задачи. Результаты исследования позволили автору(ам) сделать ряд обоснованных выводов: лексемы «интересный» / «интересно» используются для передачи различных оттенков эмоциональной реакции и оценки говорящего; «в реальной коммуникативной практике значение слова «интересный» и его производного «интересно» существенно расширяется и обогащается благодаря коннотативным компонентам, включающим в себя эмоциональные реакции, социальные и культурные контексты, а также личные оценки и мнения говорящего», «в различных контекстах [лексемы «интересный» / «интересно»] способны выражать как общую, так и все разновидности частных оценок. Для выражения общей оценки лексема «интересно» функционирует обычно в роли предикатива в главной части сложноподчиненного предложения. Для выражения частной оценки «интересно» выполняет роль наречия, краткого прилагательного, а также может быть в синкретичной позиции предикатива и модального слова» и т. д.

Теоретическая значимость исследования связана с определенным вкладом результатов проделанной работы в развитие таких современных научных направлений, как когнитивная лингвистика, прагматика, лингвокультурология; в решение ряда вопросов о специфике аксиологической семантики лексем «интересный / интересно». Практическая значимость заключается в возможности использования полученных результатов в вузовских курсах по когнитивной лингвистике, общему и сопоставительному языкознанию, стилистике, лингвокультурологии, лексикологии и лексикографии.

Стиль статьи отвечает требованиям научного описания, содержание соответствует названию, логика изложения материала четкая. Все замечания носят рекомендательный характер. Рукопись имеет законченный вид; она вполне самостоятельна, оригинальна, будет интересна и полезна широкому кругу лиц и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Филология: научные исследования».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Галинская Е.А. Некоторые акцентологические особенности современных южнорусских говоров // Litera. 2024. № 12. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.12.72466 EDN: OCYZDI URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=72466

Некоторые акцентологические особенности современных южнорусских говоров

Галинская Елена Аркадьевна

доктор филологических наук

профессор; филологический факультет; Московский государственный университет имени МВ. Ломоносова

119991, Россия, г. Москва, ул. Ленинские Горы, 1, стр. 51, 962

✉ eagalinsk@mail.ru

[Статья из рубрики "Лингвистика"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2024.12.72466

EDN:

OCYZDI

Дата направления статьи в редакцию:

26-11-2024

Аннотация: Предметом исследования являются особенности современного словесного ударения в южнорусских говорах. Объект исследования — диалектные тексты, записанные на территории южновеликорусского наречия и представляющие все группы говоров этого диалектного объединения. Дается обзор основных принципов устройства древнерусской акцентной системы и кратко очерчиваются направления ее дальнейшего развития. Констатируется, что не во всех современных русских диалектах акцентологическая картина полностью совпадает с той, которая представлена в русском литературном языке, в связи с чем ставится задача выявить на материале записей южнорусских говоров акцентологические архаизмы, не сохранившиеся в литературном языке, и инновации для тех категорий случаев, когда современный язык не изменил место древнерусского ударения. Основное внимание уделяется акцентологическому поведению в современных русских говорах существительных и глаголов. Для решения поставленной задачи применяется метод сопоставительного анализа данных древнерусского языка, современного русского литературного языка и южнорусских

говоров. Основные выводы исследования таковы: 1) есть акцентологические особенности, различающие между собой южнорусские говоры центральной южнорусской и восточной диалектных зон; 2) в южнорусских говорах имеются архаизмы и инновации, касающиеся существительных женского рода, принадлежавших исконно к а.п. а; 3) в одном из говоров Тульской группы южнорусского наречия существительные женского рода склонения на *-ā, относящиеся к разным акцентным парадигмам, вырабатывают одинаковое соотношение в месте ударения именительного и винительного падежей в единственном числе; 4) существительные мужского рода с односложной основой всех акцентных парадигм имеют в южнорусских говорах некоторые отличия от современного русского литературного языка; 5) существуют диалектные различия, связанные с акцентовкой форм настоящего времени глагола идти и форм простого будущего времени приставочных производных от этого глагола; 6) имеется ряд глаголов IV класса с инфинитивной основой на -и- и -□- суффиксальные, которые, в отличие от литературного языка, не изменили акцентную парадигму в презенсе. Новизна исследования состоит в выявлении конкретных акцентологических архаизмов и инноваций в южнорусских говорах. Автор приходит к заключению о том, что они не всегда соответствуют акцентологическим архаизмам и инновациям литературного языка.

Ключевые слова:

ударение, историческая акцентология, праславянский язык, древнерусский язык, акцентная парадигма, акцентологические архаизмы, акцентологические инновации, русская диалектология, южнорусские говоры, группы говоров

Акцентная система праславянского языка к настоящему времени детально реконструирована. См., например [\[5, 6, 7, 8, 9, 14, 18, 19\]](#). Что касается акцентной системы древнерусского языка, то она была еще очень близка к праславянской, хотя в ней произошли некоторые изменения, связанные, в частности, с модификацией интонационных контуров: так, в древнерусском совпали две праславянские интонации — акут и новый акут. Организация древнерусской акцентной системы подробно описана А. А. Зализняком [\[11\]](#). В ней было представлено два класса словоформ. К первому классу относились **ортотонические словоформы**, один из слогов которых обладал фонологической ударностью, а ударение, им присущее, было автономным (оно восходит к совпавшим в древнерусском языке праславянским акуту и новому акуту). Ко второму классу принадлежали **энклиномены**, все слоги которых были фонологически безударными, но начальный слог энклиноменов имел некоторое просодическое усиление, называемое автоматическим ударением (восходит к праславянскому циркумфлексу). При присоединении фонологически безударной проклитики автономное ударение переходило на нее. В ортотонических же словоформах автономное ударение было закреплено за одним из слогов и не сдвигалось при присоединении такой проклитики [\[11, с. 118–120\]](#). Характер и место ударения определялись акцентологической характеристикой, иначе говоря, акцентологической маркировкой, морфем, вернее морфов, входивших в словоформу (или в фонетическое слово, которое в акцентологии принято называть тактовой группой). Основные маркировки бывают трех видов: *самоударность*, когда ударение привязывается к определенному морфу и при благоприятных условиях падает на него; *правоударность*, состоящая в том, что ударение привязано морфу, но переходит на ближайший стоящий справа морф; *минус*, обозначающий, что к морфу ударение не привязано. Акцентные маркировки были

независимыми свойствами морфем / морфов, не связанными со значениями морфемы или с ее фонемным составом [11, с. 121-123]. Существует так называемое базисное правило, которое определяет место и тип ударения в словоформе / тактовой группе, исходя из акцентных маркировок морфов [11, с. 123-125].

В зависимости от схемы ударения в древнерусском языке слова относились к разным акцентным парадигмам (далее — **а.п.**). Основных акцентных парадигм было три.

Слова **а.п. а** были представлены ортотоническими словоформами и имели неподвижное автономное ударение на определенном слоге основы (например, И.п. ед.ч. *ба́ба*, Р.п. ед.ч. *ба́бы* ... М.п. мн. ч. *ба́бахъ*; 1 л. ед.ч. *ста́ну*, 2 л. ед.ч. *ста́неши* ... 3 л. мн.ч. *ста́нуть*).

Слова **а.п. б** обладали смежно-подвижным автономным ударением, которое падало на первый слог окончания или на последний слог основы (например, И.п. ед.ч. *сестра́*, Р.п. ед.ч. *сестры́*, Р.п. мн.ч. *се́стры*... М.п. мн. ч. *сестра́ми*; 1 л. ед.ч. *хожу́*, 2 л. ед.ч. *ходи́ши* ... 3 л. мн.ч. *хо́дятъ*). Словоформы здесь были ортотоническими за редкими исключениями. Так, формы звательного падежа существительных с основами на *-ѡ и *-ѧ являлись энклитомеми с автоматическим ударением на первом слоге.

Слова **а.п. с** имели маргинально-подвижное ударение и были представлены словоформами двух типов — энклитомеми с автоматическим начальным ударением (оно обозначается знаком ´ перед словоформой) и ортотоническими словоформами, с ударением на окончании (например, В.п. ед.ч. ´*голову*, И.п. ед.ч. *голова́*, Т.п. ед.ч. *головою́*; 1 л. ед.ч. ´*говорю*; 2 л. ед.ч. *говори́ши* ... 3 л. мн.ч. *говорѣ́тъ*) [11, с. 125-127].

На пути от древнерусского языка к современному русскому произошел целый ряд изменений, но собственно фонетическим было лишь одно из них — совпадение автономного и автоматического ударений, что привело к образованию единого динамического ударения, отчего перестали различаться прежние ортотонические словоформы и энклитомеми [11, с. 178]. Прочие изменения были вызваны аналогическими перестройками различного рода, в частности выравниванием ударения в объединенной по какому-то признаку группе словоформ, поляризацией ударения в подпарадигмах, как, например, у ряда существительных, развивших акцентную оппозицию единственного и множественного чисел (ср. совр. *ста́до* — *стада́* в отличие от древнерусского *ста́до* — *ста́да*). См. об этом подробнее [11, с. 371-387].

Однако не во всех современных русских диалектах акцентологическая картина полностью совпадает с той, которая представлена в русском литературном языке. Поэтому цель данной статьи состоит в том, чтобы выявить на материале записей южнорусских говоров акцентологические архаизмы, не сохранившиеся в литературном языке, и инновации для тех категорий случаев, когда современный язык не изменил место древнерусского ударения. Для анализа был выбран сборник южнорусских текстов [16], представляющих все основные группы говоров южнорусского наречия в соответствии с диалектным членением, разработанным К. Ф. Захаровой и В. Г. Орловой [4, карта VI] и южнорусские говоры, не вошедшие в Диалектологический атлас русского языка [4], которые локализуются в Ростовской и Волгоградской областях, а также в Ставропольском и Краснодарском краях. Аудиозаписи опубликованных в [16] текстов хранятся в фонотеке Отдела фонетики Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН. Примеры будут приводиться так, как они записаны в [16], то есть в упрощенной

фонетической транскрипции; после каждого примера указывается номер текста в издании и локализация говора.

Существительное

1). Сохраняется древнерусская акцентуация в слове *пра́бабка* (№ 39, Воронежская обл., Россосанский р-н), у которого приставка *пра-* была в древности самоударной, и поэтому ударение стояло на первом слоге. См. [\[10, с. 179\]](#). В литературном языке слова с приставкой *пра-* в некоторых случаях удерживают старое ударение (например, *пра́дед, пра́внук, пра́внучка, пра́отец*), а в некоторых случаях ударение стало другим (например, *праба́бка, праба́бушка, праде́душка, прамáтерь*).

2) В древнерусском языке слова женского рода склонения на **-ā*, **относившиеся к а.п. с**, имели следующую схему ударения в единственном числе:

Ед. ч.
И.п. *голова́*
Р.п. *головы́*
Д.п. *головѣ́*
В.п. *голову́*
Т.п. *головою́*
М.п. *головѣ́*

После совпадения древних автономного и автоматического ударений сформировалось, как было сказано выше, единое динамическое ударение. Русский литературный язык в тех случаях, когда слова старой а.п. с продолжают иметь маргинально-подвижное ударение, в дательном падеже утратил старое место ударения, а в винительном падеже сохранил его (ср. *но́гу, во́ду, го́лову* и т.д.). Впрочем, некоторые слова русского литературного языка изменили а.п. с на а.п. *б*, так что в винительном падеже они приобрели флексийное ударение. Таково, например, слово *копна́*, (совр. лит. *копна́ — копну́*) [\[10, с. 205\]](#). Так же ведет себя и слово *изба* [\[10, с. 162\]](#), хотя литературный язык допускает колебания в винительном падеже (новое *избу́* и устаревшее *избу*)^[1] Данные же южнорусских говоров таковы.

Существительное *земля*, исконно относившееся к а.п. с [\[10, с. 702\]](#), в **центральной части южнорусского наречия** ведет себя преимущественно как слово а.п. *б*, хотя иногда его могут произносить со старым наосновным ударением в винительном падеже.

Межзональные говоры типа А

в землю́ № 6, Калужская обл., Хвастовичский р-н.

Курско-Орловская группа

зямлю́ (4 р.) и *зе́млю* (1 р.) № 12, Курская обл., Фатежский р-н;

зе́млю № 14, Курская обл., Обоянский р-н.

В то же время **в восточной части южнорусских говоров** акцентологических изменений с этим словом не произошло, оно демонстрирует старую а.п. с:

на́ зимлю № 43, Тамбовская обл., Староюрьевский р-н (Рязанская группа);

у зе́млю № 45, Ростовская обл., Цимлянский р-н (Донская группа).

Аналогичная ситуация складывается с существительным *вода* (исконная а.п. с [\[10, с. 174\]](#)). В говорах Курско-Орловской группы (**центральная часть южнорусского наречия**) оно проявляет новую а.п. *b*:

у вадѹ, в вадѹ № 12, Курская обл., Фатежский р-н;

вадѹ № 16, Курская обл., Октябрьский р-н.

В говоре же Рязанской группы, принадлежащей к **восточной южнорусской зоне**, старая а.п. с у существительного *вода* сохраняется за редкими исключениями:

w wódu № 31, Липецкая обл., Хлевенский р-н;

вóд(у) № 39, Воронежская обл., Россошанский р-н;

в вóду, нá вадѹ [\[2\]](#) и здесь же *на вадѹ* № 38, Воронежская обл., Эртильский р-н.

Инновационная акцентовка слова *нога*, исконно относившегося к а.п. с [\[10, с. 169\]](#), возникла **в юго-западных говорах**:

наѹѹ № 5, Брянская обл., Почепский р-н.

В то же время **в центральной части южнорусского наречия** старая акцентная парадигма сохраняется:

нóѹѹ № 13, Курская обл., Щигровский р-н;

нá нѹѹ № 21, Тульская обл., Одоевский р-н.

Удерживают в южнорусских говорах исконную а.п. с существительные *гора* [\[10, с. 210\]](#), *душа* [\[10, с. 236\]](#), *зима* [\[10, с. 193\]](#) и *сторона* [\[10, с. 205\]](#):

на ѹóру № 16, Курская обл., Октябрьский р-н;

нá дѹшу, нá дѹшу (с редукцией безударного [ѹ]) № 42, Тамбовская обл., Пичаевский р-н;

на зѹм(у) № 35, Рязанская обл. Клепиковский р-н;

зѹму № 45, Ростовская обл., Цимлянский р-н;

ф стóрѹнѹ № 18, Тульская обл., Белёвский р-н.

3) В южнорусских говорах имеются архаизмы и инновации, касающиеся существительных женского рода, **принадлежавших исконно к а.п. а**. Так, слово *сосна* относилось в древности к этой акцентной парадигме [\[10, с. 205\]](#) и имело поэтому колонное ударение на основе. В современном русском литературном языке оно уже ведет себя, как слово а.п. *b* (ср. И.п. *соснá*, В.п. *соснѹ*), но в восточной части южнорусского наречия фиксируется архаичная форма винительного падежа: *сóсну, на сóсну* № 32, Липецкая обл., Усманский р-н. При этом в речи того же информанта в предложном падеже представлено инновационное ударение на окончании: *нѹ сасьнѹ*. В то же время слово *спина*, также изначально относившееся к а.п. *a* (древнерусск. И.п. *спѹна*, Р.п. *спѹны* и т.д.) [\[10, с. 200\]](#), перешло в а.п. с и в литературном языке, и в описываемых южнорусских говорах: *зá сьпину* № 18, Тульская обл., Белёвский р-н.

С другой стороны, существительное *нива*, устойчиво сохраняющее а.п. *a* в современном

литературном языке [10, с. 166], в одном из межзональных говоров типа «А» представлено с новым ударением на флексии в винительном падеже, как у слов а.п. *б*: *ниву́* № 10, Калужская обл., Юхновский р-н.

4) Интересный материал относительно существительных женского рода склонения на *-ā обнаруживается в записях говора деревни Глазово Серпуховского района Московской области, относящегося к Тульской группе южнорусского наречия (№ 25, комментарии [16, с. 107])[3]. Здесь существительные женского рода, относящиеся **к разным акцентным парадигмам**, вырабатывают одинаковое соотношение в месте ударения именительного и винительного падежей в единственном числе (в именительном падеже — наосновное ударение; в винительном падеже — флексийное):

дижа́ — *де́жу*;

мижа́ — *ме́жу*;

каза́ — *ко́зу*;

туча́ — *ту́чу*;

зала́ — *зо́лу*.

Такое соотношение исконно у пар слов а.п. *с коза* [10, с. 178] и *зола* [10, с. 191].

Существительное *туча* в ранних акцентуированных рукописях демонстрирует а.п. *а*, в более поздних — а.п. *б*, а в современном литературном языке принадлежит к а.п. *а* [10, с. 235]. Следовательно, свойственное рассматриваемому говору соотношение *туча́* — *ту́чу* появилось в результате аналогического выравнивания по а.п. *с*, и это явно было связано с тем, что группа словоформ женского рода I склонения с односложной основой приобрела тенденцию иметь одну и ту же схему ударения [4].

У существительного *межа*, судя по показаниям акцентуированных памятников древней письменности, наблюдалось колебание между а.п. *б* и а.п. *с*, и в русском литературном языке оно ведет себя сейчас как слово а.п. *б* [10, с. 177], а в говоре деревни Глазово в условиях колебания между двумя акцентными парадигмами это слово выбрало а.п. *с* и влилось в упомянутый выше класс слов I склонения.

Для слова *дежа* 'деревянная кадка, в которой готовится тесто для хлеба, квашня' [17, с. 333] с формами *дижа́* — *де́жу* исконная акцентовка не известна, так как оно не встретилось в акцентуированных памятниках письменности, привлеченных А. А. Зализняком к анализу при составлении акцентологического словаря [10], но, судя по материалам «Словаря русских народных говоров», оно по диалектам может иметь в именительном падеже как наосновное, так и флексийное ударение. Что же касается винительного падежа, то следует сказать, что в словаре, к сожалению, не во всех примерах проставлено ударение, но там, где ударение стоит, все формы этого падежа имеют ударное окончание [17, с. 333]. Таким образом, скорее всего, соотношение *дижа́* — *де́жу* в говоре деревни Глазово, равно как в случаях со словами *туча* и, видимо, *межа*, появилось в результате аналогического выравнивания по словам а.п. *с*.

5) Существительные мужского рода с односложной основой так же, как существительные женского рода, имеют в южнорусских говорах некоторые отличия от современного русского литературного языка.

Перечислим, во-первых, те случаи, где старая акцентная парадигма сохранилась в литературном языке, а в южнорусских говорах подверглась изменениям в сторону другой акцентной парадигмы.

а) Начнем со слов исконной **а.п. а**. Существительные *брат* и *дѣдъ*, принадлежавшие в древности к а.п.а [10, сс. 617, 544], ведут себя, как слова а.п. *б*, имея флексийное ударение в именительном падеже множественного числа:

браты́ № 1, Смоленская обл., Починковский р-н;

дяды́ № 27, Белгородская обл., Алексеевский р-н.

То же самое происходит со словом *край* (а.п. а [10, с. 269]), у которого мы наблюдаем флексийное ударение в предложном падеже единственного числа:

в э́том край [5] № 5, Брянская обл., Почепский р-н;

на́ краю́ № 21 Тульская обл., Одоевский р-н (с второстепенным ударением на предлоге).

У слова *разъ*, имевшего вариативную акцентную парадигму (а//с) [10, с. 545], флексийное ударение присутствует в именительном падеже множественного числа:

два́ ра́зы [6] № 5, Брянская обл., Почепский р-н (с второстепенным ударением на предлоге).

Впрочем, бывает, что старая акцентная парадигма сохраняется:

ра́зм Т.п. ед.ч. № 27, Белгородская обл., Алексеевский р-н.

Слово *плугъ*, которое изменило в русском литературном языке старую а.п. а на новую а.п. с, так же ведет себя и в южнорусских говорах:

плуу́ами № 45, Ростовская обл., Цимлянский р-н.

б) Далее рассмотрим слова исконной **а.п. б**. Есть случаи, когда они не перешли в южнорусских говорах в а.п. с, как это произошло в русском литературном языке, и сохранили ударение на окончании в единственном числе:

пирядо́м № 4, Брянская обл., Почепский р-н (слово *передъ*, принадлежавшее в древности к а.п. *б* [10, с. 539], в праславянском языке, как и другие рассматриваемые здесь существительные мужского рода, имело односложную основу — **perd-*);

пад низо́м № 14, Курская обл., Обоянский р-н (о его акцентной парадигме см. [10, с. 546]).

Есть и обратные случаи: существительные *серп* и *блин*, сохранившие а.п. *б* в литературном языке [10, сс. 603, 594], в южнорусских диалектах стали словами а.п. с и приобрели наосновное ударение в единственном числе:

се́рпом № 4, Брянская обл., Почепский р-н;

з блі́нѣм, с тым блі́нѣм № 5, Брянская обл., Почепский р-н.

в) И, наконец, существительные древней **а.п. с** ведут себя в южнорусских говорах следующим образом.

Слова *лось*, которое некогда принадлежало к этой акцентной парадигме, а в современном литературном языке колеблется между а.п. с и а.п. а [10, с. 667], имеет в винительном падеже единственного числа ударное окончание, то есть демонстрирует а.п. *б*:

лася́ № 46, Ростовская обл., Вёшенский р-н.

То же наблюдаем у слова *гость*, сохраняющего в литературном языке старую а.п. с [с. 673]:

уа́стья № 11, Калужская обл., Мосальский р-н.

Существительное *годъ* с устойчивой древней и современной а.п. с [10, с. 540-541] демонстрирует нехарактерное для этой парадигмы флексийное ударение в именительном падеже и наосновное ударение в предложном падеже множественного числа:

уа́ды № 4, Брянская обл., Почепский р-н;

дwá уа́ды, два́ уа́ды [7] № 5, Брянская обл., Почепский р-н;

ў ма́ладыў уо́дэх, в ма́ладыў уо́дэх № 16, Курская обл., Октябрьский р-н.

Не имеет смысла рассматривать формы слов а.п. с, имеющие в говорах ударную флексию *-а* в именительном падеже множественного числа и совпадающем с ним винительном падеже:

уа́да № 27, Белгородская обл., Алексеевский р-н;

ф старамо́дныи уа́да № 17, Орловская обл., Кромской р-н;

крика́ № 44, Тамбовская обл., Кирсановский р-н.

Дело в том, что это инновационное для слов мужского рода окончание (до середины XVII в. оно было редким, а быстрый рост количества слов, принимающих его, начался в XVIII в. и продолжается до сих пор [13, с. 21]) всегда ударно вне зависимости от исходной акцентной парадигмы.

Глагол

1) Существуют диалектные различия, связанные с акцентовкой форм настоящего времени глагола *идти* (а.п. *б* [10, с. 333]) и форм простого будущего времени приставочных производных от него.

У бесприставочного глагола во всех формах презенса, кроме формы 1 л. ед.ч., то есть у форм типа 3 л. ед.ч. *й́детъ*, по заключению А. А. Зализняка, были следующие диалектные варианты развития: а) *й́ь* дало *ји*, и поэтому при сбрасывании ударения налево с соединительного гласного *-е-* (что было связано со специфическими акцентологическими свойствами этого соединительного гласного), начальное *ји*, принимало на себя ударение, откуда получалось *й́детъ*; б) *й́ь* трактовалось как слабый редуцированный, откуда вынужденное ударение *иде́тъ*; в дальнейшем такое *й́ь* давало в одних говорах *ј*, как в украинском *йде*, а в других говорах — *и*, как в русском *идёт* [11, с. 117-118].

Среди южнорусских диалектов по варианту а) пошли только говоры восточной зоны, а именно Рязанской группы, где фиксируется ударение лишь на начальном слоге:

холст ъдя № 31, Липецкая обл., Хлевенский р-н;

ѣдим (1 л. мн.ч.) № 32, Липецкая обл., Усманский р-н;

ѣдим (1 л. мн.ч.) № 35, Рязанская обл. Клепиковский р-н;

ѣдутъ № 36, Рязанская обл. Рыбновский р-н.

Диалекты других южнорусских зон реализовали в основном вариант б), при котором ударение перешло на окончание, а формы с ударением на первом слоге представляют собой исключение (в приводимых ниже примерах они выделены жирным шрифтом):

нейдѣть, ня йдѣть № 5, Брянская обл., Почепский р-н;

ни идѣть, идѣш № 6, Калужская обл., Хвастовичский р-н;

за друшкѡм ыдѣть № 7, Калужская обл., Хвастовичский р-н;

идѣш № 13, Курская обл., Щигровский р-н;

идѣуть, идѣуть-идѣуть, ѣйдем № 14, Курская обл., Обоянский р-н;

идѣм № 18, Тульская обл., Белёвский р-н;

идѣуть, а нарѡдѣ-т(о) ыдѣуть, идѣ (3 л. ед.ч.) № 24, Тульская обл., Венёвский р-н;

идѣ(т), ѣдя (3 л. ед.ч.) № 26, Белгородская обл., Новооскольский р-н;

идѣть № 39, Воронежская обл., Семилукский р-н;

балшовѣк ыдѣть № 49, Ставропольский край, Левокумский р-н.

Что касается форм презенса приставочных производных типа *поѣхать*, то здесь, *ѣь*, не будучи начальным, нормально вел себя как слабый редуцированный и перемещал сброшенное на него с соединительного гласного ударение на приставку, что давало акцентовки типа *поѣхать, прѣѣхать*. Русский литературный язык в дальнейшем обобщил ударение приставочных и бесприставочных форм, откуда совр. *пойдѣт, прѣдѣт* и т.д., а в диалектах может быть представлена либо эта же инновация, либо архаизм^[8].

В исследованном материале обнаружены интересующие нас формы презенса от следующих приставочных глаголов: *дойти, зайти, подойти, пойти, прийти, пройти*, и только один из них — *прийти* — может иметь архаичное ударение на приставке:

прѣдя (3 л. ед.ч.) № 3, Смоленская обл., Руднянский р-н;

прѣдя, ня прѣйдя (3 л. ед.ч.) № 4, Брянская обл., Почепский р-н;

прѣдѣть (3 л. ед.ч.), *прѣдут* № 7, Калужская обл., Хвастовичский р-н;

прѣдутъ № 26, Белгородская обл., Новооскольский р-н;

прѣд(е)т, прѣде (3 л. ед.ч.) № 37, Воронежская обл., Борисоглебский р-н;

прѣд(ет) № 38, Воронежская обл., Эртильский р-н.

При этом фиксируется и инновационное флексивное ударение, но в других говорах:

приу́ть (=придут) № 9, Калужская обл., Жиздринский р-н;

приде́ть, придут № 12, Курская обл., Фатежский р-н;

приде́ть № 13, Курская обл., Щигровский р-н;

приде́м № 18, Тульская обл., Белёвский р-н;

приде́м № 19, Тульская обл., Арсеньевский р-н;

приде́м № 49, Ставропольский край, Левокумский р-н.

Таким образом, имеется некоторое диалектное распределение в плане акцентологического поведения презентных форм глагола *прийти*.

Что касается остальных приставочных глаголов, которые, как было сказано, имеют ударение на окончании так же, как и литературный язык, то примеры их употребления приводятся не будут ввиду их стандартности.

2) В старовеликорусский период появляются акцентологические изменения в презенсе глаголов IV класса, имеющих инфинитивные основы на *-и-* и *-ѣ-* суффиксальные: они меняют а.п. с на а.п. *ѣ*, то есть у глаголов типа *пустити*, *терпѣти* появляются формы, например, 2 л. ед.ч. *пѹстишь*, *тѣрпишь* (ср. более ранние формы *пустѣшь*, *терпѣшь*, присущие а.п. с). Важно отметить, что происходило это прежде всего у переходных глаголов не Книжного характера. Наиболее ранние примеры обнаруживаются в акцентуированных памятниках письменности в XVI в., а в XVII в. эти инновации встречаются уже заметно чаще. [11, с. 361], и далее количество их продолжает увеличиваться, причем описываемый процесс шел и в XIX, и в XX вв. Так, Л.А. Булаховский приводит примеры глаголов с еще не перемещенным ударением у поэтов XVIII и XIX вв.: *Но кто меня губѣт, того не внушено* (Сумароков); *Нет, знать, скорей судьба Мой краткий век промчит, Чем просвещение те нравы излечѣт* (В. Майков); *Снег на землю валѣтся* (Пушкин); *Ты пищу в нем себе варѣшь* (Пушкин) и др. [2, с. 273]. Значит, наосновное ударение у приведенных тут глаголов (*губѣт*, *излечѣт*, *валѣтся*, *варѣшь*) и некоторых других появилось в русском литературном языке достаточно поздно. Собственно говоря, признаваемые сейчас ненормативными формы с ударением на основе у глагола *звонить* [15, с. 244] также появились под влиянием описанной тенденции. Впрочем, есть глаголы, у которых в современном языке сосуществуют формы с инновационным и архаичным ударением, например, *крѹшит* ~ *крошѣт* [15, с. 326], *крѣстит* ~ *крестѣт* [15, с. 322] и др.

Обратимся теперь к южнорусским говорам. Здесь, по данным исследованных записей, вырисовывается следующая картина.

Есть несколько глаголов, которые в литературном языке имеют только новое ударение на основе, а в отдельных южнорусских диалектах сохраняют старое ударение на окончании:

варѣш № 13, Курская обл., Щигровский р-н;

тащѣть (3 л. ед.ч.) № 33, Рязанская обл., Рязанский р-н;

вяртѣш, *вяртѣтцѣ* № 43, Тамбовская обл., Староюрьевский р-н;

валить (3 л. ед.ч.) № 47, Волгоградская обл., Кулмыженский р-н.

При этом наблюдается и некоторая вариативность. Так, наряду с *варіш* (№ 13 Курская обл., Щигровский р-н) информант произносит и *сварит*, *ва(рят)*. Фиксируется новое ударение у этого глагола и в других говорах:

ва́рють, *нава́рим* № 14, Курская обл., Обоянский р-н;

сво́рить (=сварит), *уво́рить* (=сварит), *абво́риш* (=обваришь) № 49, Ставропольский край, Левокумский р-н.

Не имеют вариативности следующие новые формы с наосновным ударением:

уамо́нють № 5, Брянская обл., Почепский р-н;

ва́литца (3 л. ед.ч.) № 9, Калужская обл., Жиздринский р-н;

прастрéлить (3 л. ед.ч.) № 12, Курская обл., Фатежский р-н;

укрэ́сьтиш № 20, Тульская обл., Ефремовский р-н;

ни сторо́нитцэ № 25, Московская обл., Серпуховской р-н;

пакóт(и)ш (=покатишь) № 37, Воронежская обл., Борисоглебский р-н;

пакро́шуть № 39, Воронежская обл., Россошанский р-н;

кóсим № 43, Тамбовская обл., Староюрьевский р-н;

накро́шэш, *нало́жэш*, *пасóлиш* № 49, Ставропольский край, Левокумский р-н.

И, наконец, есть один обратный случай: глагол исконно а.п. *b* повел себя по схеме а.п.с, то есть заменил наосновное ударение на флексийное:

корми́ть (3 л. ед.ч.) № 33, Рязанская обл., Рязанский р-н.

Итак, исследование показало, в что в южнорусских говорах есть ряд акцентологических особенностей, не совпадающих с соответствующими явлениями русского литературного языка. В частности, были выявлены архаизмы, не сохранившиеся в литературном языке, и инновации для тех категорий случаев, когда современный язык не изменил место древнерусского ударения.

[1] В южнорусских говорах фиксируются формы этих двух слов, от литературного языка не отличающиеся: *капну́* № 12, Курская обл., Фатежский р-н; *избу́* № 2 Смоленская обл., Новогудинский р-н.

[2] В тактовой группе, состоявшей из предлога и формы-энклитомы слова, относящегося к а.п. с, автоматическое ударение в праславянском и раннедревнерусском регулярно стояло на предлоге, и в старорусском языке XV–XVII вв. постановка ударения на предлог при такой форме существительного почти полностью сохраняла актуальность [12, с. 805], но в современном состоянии языка многие так называемые «оттяжки ударения на предлог» уже не удерживаются, либо существует вариативность типа *на во́ду* ~ *на́ воду*. Как видно из приводимого далее диалектного материала, это положение вещей характеризует не только русский литературный язык, но и современные говоры.

[3] Текст, приведенный в [16], невелик по объему, однако в обширном комментарии,

представляющем собой описание говора, привлечены все записи информанта, от которого записан этот текст (они сделаны Д. М. Савиновым с 1994 по 1997 гг.) [\[16, с. 105\]](#).

[\[4\]](#) Ударение *тучя́* фиксируется и в говоре деревни Беляево Белёвского района Тульской области (Курско-Орловская группа говоров, текст № 18).

[\[5\]](#) Необходимо заметить, что здесь сохраняется флексия мягкого варианта склонения на *-*ь* (парадигмы древнего *-*ь*-склонения см. в [\[3, с. 169\]](#)).

[\[6\]](#) В древности слово *дѣва* согласовывалось с формой И.п. дв.ч. *раза*, а в современном состоянии эта же форма переосмыслена как форма Р.п. ед.ч. и управляется словом *два*, см. [\[3, с. 330\]](#). В приведенном примере *двѣ рѣзы* представлена синтаксическая сочетаемость промежуточного типа, когда слово *два* все еще согласуется с существительным, но по аналогии со словами, обозначающими числа 3 и 4, стоит не в И.п. дв.ч., а в И.п. мн. ч., причем имеет инновационное окончание *-ы*, пришедшее из форм В.п. [\[3, с. 219\]](#). О том, что сочетаемость типа *два* + И.п. мн.ч. долго существовала в русском языке, см. [\[1, с. 59–60\]](#).

[\[7\]](#) О синтаксической сочетаемости *два* + И.п. мн.ч. см. сноску 6.

[\[8\]](#) Здесь не идет речь о глаголе *выйти*, поскольку во всех его формах ударение нормально стояло на приставке в силу того, что она была самоударной.

Библиография

1. Антонова А. Н. Синтаксис числовых сочетаний по данным летописных и деловых памятников конца XIV–XVII вв. Дис.... канд. филол. наук. М.: МГУ, 2024.
2. Булаховский Л. А. Исторический комментарий к русскому литературному языку. Киев: Радянська школа, 1958.
3. Галинская Е. А. Историческая грамматика русского языка. Фонетика. Морфология. М.: УРСС, 2016.
4. Диалектологический атлас русского языка. Центр Европейской части СССР. Выпуск I: Фонетика / Под ред. Р. И. Аванесова и С. В. Бромлей. М.: Наука, 1986.
5. Дыбо В. А. Акцентология и словообразование в славянском // Славянское языкознание. VI Международный съезд славистов (Прага, август 1968). Доклады советской делегации. М., 1968. С. 148–224.
6. Дыбо В. А. О реконструкции ударения в праславянском глаголе // Вопросы славянского языкознания. Вып. 6. М., 1962. С. 3–27.
7. Дыбо В. А. Славянская акцентология. Опыт реконструкции системы парадигм в праславянском. М.: Наука, 1981.
8. Дыбо В. А., Замятина Г. И., Николаев С. Л. Основы славянской акцентологии. М.: Наука, 1990.
9. Дыбо В. А., Иллич-Свитыч В.М. К истории славянской системы акцентуационных парадигм // Славянское языкознание. Доклады советской делегации. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1963. С. 70–87.
10. Зализняк А.А. Древнерусское ударение. Общие сведения и словарь. М.: Издательский дом ЯСК, 2019.
11. Зализняк А. А. От праславянской акцентуации к русской. М.: Наука, 1985.
12. Зализняк А. А. Труды по акцентологии. Т. I. М.: Языки славянских культур, 2010.
13. Зализняк А. А. Функции флексии именительного падежа-а в русском языке // Русский язык в научном освещении. 2018. № 1. С. 9–32.

14. Иллич-Свитыч В. М. Именная акцентуация в балтийском и славянском. М.: Издательство АН СССР, 1963.
15. Каленчук М. Л., Касаткин Л. Л., Касаткина Р. Ф. Большой орфоэпический словарь русского языка. Литературное произношение и ударение начала XXI века: норма и ее варианты. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2012.
16. Русские народные говоры. Звучащая хрестоматия. Южнорусское наречие. М.: Наука, 1999.
17. Словарь русских народных говоров. Вып. 7., Л.: Наука, 1972.
18. Garde P. Histoire de l'accentuation slave. T. 1. Paris: Institut d'études slaves, 1976.
19. Stang Chr. Slavonic accentuation. Oslo: Universitetsforlaget, 1957.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В данной рецензии рассматривается научная статья «Некоторые акцентологические особенности современных южнорусских говоров». Статья представляет собой исследование в области русской диалектологии, а именно акцентологической парадигмы современных диалектов южных регионов России.

Цель представленного исследования - выявление на материале записей южнорусских говоров акцентологических архаизмов, не сохранившихся в литературном языке, а также инноваций для тех категорий случаев, когда современный русский литературный язык не изменил место древнерусского ударения.

В качестве материала для исследования использовался сборник южнорусских текстов, представляющих все основные группы говоров южнорусского наречия в соответствии с диалектным членением, разработанным К. Ф. Захаровой и В. Г. Орловой, и южнорусские говоры Ростовской и Волгоградской областей, а также Ставропольского и Краснодарского краев.

Объектом исследования являются акцентологические инновации и архаизмы в говорах.

Предметом исследования выступают акцентологические парадигмы самостоятельных частей речи в южнорусских говорах.

Статья состоит из введения, практической части, заключения и библиографии.

Автор последовательно сравнивает существующие в говорах акцентологические парадигмы с таковыми в литературном русском языке. В качестве основного автор применяет сравнительно-аналитический метод.

Во введении автор приводит ссылки на материалы, посвященные исследованию древнерусской и праславянской акцентологии. Исследование опирается на прочную теоретическую базу диалектной лингвистики.

В практической части подробно описаны и проанализированы основные особенности акцентологических парадигм существительного и глагола.

Автор особо отмечает, что в разных частях южнорусских говоров происходят разные акцентологические преобразования, которые могут не совпадать ни с литературным языком, ни между собой.

В заключении автор делает выводы и обобщает результаты своего исследования.

Данные результаты можно считать научно обоснованными и достоверными.

Статья написана в соответствии с критериями, предъявляемым к научным статьям.

Объем статьи является достаточным.

Статья оформлена в соответствии с требованиями к научным статьям, содержит ссылки на источники и список литературы, включающий в себя наиболее актуальные

исследования по данной теме.

В результате анализа автор делает вывод о том, что «в южнорусских говорах есть ряд акцентологических особенностей, не совпадающих с соответствующими явлениями русского литературного языка. В частности, были выявлены архаизмы, не сохранившиеся в литературном языке, и инновации для тех категорий случаев, когда современный язык не изменил место древнерусского ударения».

В целом, статья «Некоторые акцентологические особенности современных южнорусских говоров» представляет собой научно-исследовательскую работу высокого уровня, которая вносит вклад в изучение русской диалектологии. Работа соответствует требованиям, предъявляемым к научным статьям, и может быть рекомендована к публикации в журнале Litera.

Litera

Правильная ссылка на статью:

Патерыкина В.В., Ищенко Н.С. Белоснежка на границе миров: лиминальный персонаж в сказке Вени Дркина // Litera. 2024. № 12. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.12.72654 EDN: OQODRO URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=72654

Белоснежка на границе миров: лиминальный персонаж в сказке Вени Дркина

Патерыкина Валентина Васильевна

ORCID: 0009-0008-9367-4130

доктор философских наук

профессор; кафедра теории и истории искусств; Луганская государственная академия культуры и искусств имени Михаила Матусовского

294214, Россия, Луганская область, г. Алчевск, ул. Гмыри, 41, кв. 28

✉ zelenlist@mail.ru

Ищенко Нина Сергеевна

ORCID: 0000-0001-8616-7087

кандидат философских наук

доцент; кафедра философии, истории и педагогики; Луганский государственный аграрный университет имени К. Е. Ворошилова

291019, Россия, Луганская область, г. Луганск, Индустриальный пер., 8

✉ niofterna@gmail.com

[Статья из рубрики "Литературный герой"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2024.12.72654

EDN:

OQODRO

Дата направления статьи в редакцию:

09-12-2024

Аннотация: Предметом исследования является мифопоэтика донбасского сказочника конца XX века Александра Литвинова (Вени Дркина), работающего в стиле пост-бард. Объектом исследования является сказка Литвинова «Про Белоснежку». Особое внимание уделяется многослойности образов, цитатности, инверсии известных сюжетов,

позволяющих интегрировать несколько культурных пространств в границах единого текста. В статье подробно рассматриваются такие аспекты, как сохранение фольклорных сюжетов и образов в культуре постмодерна, трансляция смыслов в измененной городской среде глобальной культуры постсоветского периода, модификация фольклорного сюжета с помощью деталей городского быта, намеренных анахронизмов, цитат из книг, фильмов и мифологии. В статье анализируются способы включения в текст разных пространств для сохранения и трансформации сюжета путем дублирования персонажей и сюжетов, реализации двойной инициации – мужской и женской, а также инверсии характеристик персонажей и пространств. С помощью компаративистской методологии исследуется сохранение и трансляция фольклорных сюжетов и образов в культуре постмодерна на примере сказочного творчества Литвинова. Новизна исследования заключается в демонстрации способов, которыми в сказке интегрированы несколько культурных пространств: архаичное сказочное, рокерское, современное автору профанное бытовое, воровское и иномирное. В сказочном пространстве героиня действует по схеме женской и мужской инициации одновременно, пребывая в лиминальном состоянии между девушкой и женщиной, не в силах совершить инициационный переход, поскольку всё мужское поколение ее возможных женихов погибло на войне, оставив Белоснежку вечной невестой и царицей мертвецов. В лесу находится изба/малина/флет, где происходит встреча героини с волшебными помощниками и битва ее двойника со Змием. Иномирная природа героини подчеркивается с помощью автореференции, что позволяет отнести ее к космогоническим персонажам разных мифологий, создающим мир из себя в ходе жертвоприношения. Профанное бытовое пространство представлено деталями городского быта (слесари, телевизор), воровское – жаргоном и цитатой из культового позднесоветского фильма «Место встречи изменить нельзя», а рокерское – использованием слова флет (flat) для описания места действия. Так в короткой неоконченной сказке донбасского сказочника соединяется несколько культурных пространств на основе фольклорного сюжета в образе лиминального персонажа Белоснежки.

Ключевые слова:

мифопоэтика, фольклор, рок-культура, сказка, Веня Дркин, Александр Литвинов, лиминальность, постмодерн, инициация, трансляция культуры

Исследования культуры постмодерна и метамодерна показывают, что мифологическое сознание не элиминируемо и продолжает жить в условиях постсовременности. В современной культуре генерируются сюжеты, основанные на сложившихся мифах, использующие реалии городской жизни эпохи глобализации. Актуальность исследований мифопоэтики авторов XX века обусловлена трансформациями культуры постмодерна в сторону ее архаизации, возрождения домодерных форм существования и механизмов трансляции смыслов, а также ростом мифологизации общественного сознания. Указанные тенденции влияют на способы принятия решений, выбор жизненных стратегий, изменение норм социально-одобряемого поведения, что особенно важно в условиях социокультурных изменений в связи с включением новых регионов, в том числе Донбасса, в состав России. Культурная память этих регионов и сохраненные в донбасской культуре смыслы актуализируются в новых условиях. Проанализируем реализацию мифа в постсоветской рок-бард-культуре конца XX века на примере сказки «Про Белоснежку» донбасского поэта Александра Литвинова (Вени Дркина). Применим

компаративистский анализ сохраненных фольклорных архетипов и новой мифологии постмодерна.

Александр Литвинов (псевдонимы Дрантя, Веня Д'ркин, Веня Дркин) (1970–1999) – поэт, музыкант, бард, рокер, руководитель рок-групп. Родился в поселке Должанский, похоронен в Свердловске, оба населенных пункта находятся на территории ЛНР. Литвинов жил в разных городах СССР и Донбасса, последние годы его жизни прошли в Луганске [\[1, с. 235–240\]](#). Стиль творчества Дркина определяется как бард-рок или пост-бард. В его работах соединяются различные музыкальные направления, характерные для конца 1980–1990-х гг. Подавляющее большинство записей, кроме «Крышкин дом», «Все будет хорошо» и нескольких альбомов, вышли после смерти Д'ркина под маркой «ДрДом».

В 2023 году в московском издательстве «Выргород» опубликована книга «Веня Д'ркин: Дрантология», над которой работала команда энтузиастов с 2000 года [\[2, с. 16–18\]](#). Богатое издание включает стихи, прозу и рисунки Дркина, а также комментарии к песням, архивные фотографии, концертографию и биографические статьи. В книге впервые обобщены и сведены вместе материалы творческой биографии Литвинова, а также показана его роль в пост-роке и бард-роке постсоветского периода. Эти материалы показывают, что Литвинов занимает место в первом ряду русских рок-поэтов и рок-музыкантов конца XX века. Его творческий и жизненный путь окончился в 1999 году, он не успел поработать с профессиональными музыкантами и продюсерами, качество записи звука в его выступлениях очень низкое, и тем не менее популярность Литвинова с годами не падает, а растет. Его песни известны всем бард-рокерам, поющим на русском языке, а творчество Литвинова изучают в разных научных центрах России. Очень важно, что такой топос общероссийской культурной памяти находится в Донбассе, оказавшемся в центре социокультурных трансформаций с 2014 года. Основное внимание исследователи уделяют песням Вени, а научный анализ его сказок и их фольклорной основы систематически не проводился. Данная работа призвана восполнить этот пробел.

Изучение сказок как элемента русского фольклора начинается в XIX веке. В это время наблюдается повышенный устойчивый интерес ученых лингвистов, историков, филологов к изучению сказки, когда ряд исследователей таких, как А. Н. Афанасьев, Ф. И. Буслаев (основатель русского сказковедения), А. Н. Веселовский, В. И. Даль, Л. М. Лобода, АН. Пыпин на основе новой сравнительно-исторической методологии приступили к аналитике этого пласта фольклора. Новый виток интереса к народной сказке состоялся в XX веке, когда российские исследователи М. К. Азадовский, В. П. Аникин, Д. К. Зеленин, Н. И. Кравцов, Д. С. Лихачев, А. И. Никифоров, Н. Е. Онучков, Э. В. Померанцев, В. Я. Пропп, А. Б. Тулебаева, Л. В. Филиппова создали труды по истории, классификации, стилистике сказок. К обобщающим работам относится также исследование Дж. Кэмпбелла, отражающее итоговое состояние изучения сказочных сюжетов на конец XX века.

Семиотика современного фольклора, языковые особенности современной сказки отражены в трудах таких авторов, как Н. И. Абу, Н. В. Джапакова, О. Ю. Кириллова, С. Ю. Неклюдов, Н. С. Осипова, Б. Р. Путилов, Л. В. Сафронова, и ряда других исследователей. Бард-рок сказка, обладающая новой мифопоэтикой, – особый вид сказки, соединивший индивидуальное пропевание авторских песен и универсальные фольклорные образы, анализируется А. В. Горбачевым, Н. Ю. Данченковой, Ю. В. Доманским, И. В. Зининым, Т. Н. Кижеватовой, Н. Н. Симановской и другими учеными.

Как показывают исследователи фольклора, центральным сказочным сюжетом является путь героя – языческий героический миф, включающий определенную

последовательность действий [\[3, с. 188\]](#). Главный герой покидает родной дом, отправляется в путь, покидает пространство известного и безопасного и оказывается в пространстве неизвестного и опасного. На этой территории герой должен пройти испытания и совершить подвиги, вступить в схватку со смертельно опасным врагом и пройти инициацию [\[3, с. 202\]](#). Именно прохождение инициации становится психологической и социальной трансформацией, и открывает герою путь к воцарению, восхождению на трон или к свадьбе. Для психологической специфики инициации характерно разрушение и потеря героем самого сокровенного, аксиологического значимого, когда герой лицом к лицу встречается свой главный страх [\[3, с. 202-204\]](#).

В сказе «Про Белоснежку» Александра Литвинова главная героиня – женщина, поэтому обратим внимание на тему женской инициации. Женская инициация при сохранении базовых элементов пути героя отличается от мужской. Женская инициация в народных сказках выстраивается по следующей схеме:

героиня находится в переходном периоде, не ребенок, но еще не женщина;

вместо матери у нее мачеха;

отец пассивен;

у героини есть сводные сестры;

героиня проходит через смертельное испытание;

ей помогает волшебный помощник;

у нее появляется жених, с которым она счастлива;

в конце сказки происходит унижение мачехи или ее смерть [\[4, с. 315\]](#).

Посмотрим, как реализуется классическая схема пути героя по женскому мифу перехода в сказке Литвинова «Про Белоснежку».

Александр Литвинов, в своем творчестве отразивший состояние перестройки, постперестройки, распада Советского Союза, был поэтом, музыкантом, исполнителем, художником, режиссером, но в своей самоидентификации отдавал предпочтение сказке. В интервью в Воронеже в апреле 1997 года Литвинов сказал: «Я не музыкант, я – сказочник. Все, что я делаю в музыке, сказки» [\[5\]](#). Итак, Александр Литвинов называл себя сказочником, выделяя этот вид работы над текстом как главный в своем творчестве.

К сказкам поэт обращается в течение всего своего творчества. «Тунгусский метеорит», «Слезы Джоанны», «Элексир молодости», «Сказки про Деда Рыду», «Сказка про тараканов», «Вова-Гагарин», «Про Кривобокова», «С Новым годом!», «В глубокую полночь ко мне постучали в дверь...», «Фрагмент сказки про Дрантландию», «Полковник Емелин», «Это было начало...», рок-сказка «Тае Зори», «Фрагменты сказки о Дранте и Беатриче» написаны в уникальной дркинской манере, отличающей его стиль. В них присутствует ирония, многозначность образов, смешение inferнального мира и реальности, которая порой не менее пугающая, чем устрашающее сказание [\[2, с. 367-462\]](#).

Сказка «Про Белоснежку», написанная в 1992–1993 гг. в Луганске. Главная героиня – Белоснежка. Персонаж не нов в европейском фольклоре, а в литературных обработках он представлен братьями Вильгельмом и Якобом Гримм как «Снегурочка» («Белоснежка»

(1812)) [\[6\]](#), а в русской литературе А. С. Пушкиным («Сказка о мертвой царевне и о семи богатырях» (1833)) [\[7\]](#). В сказке братьев Гримм Белоснежка и А. С. Пушкина героиня воплощает единство добродетели и красоты, некий идеал беззащитной доброты, терпения, смирения. Гномы и богатыри – сочувствующие, заботливые, мужественные, трудолюбивые. Одинаков счастливый исход двух повествований, обозначенный логикой устоявшихся сюжетов, – пробуждение и замужество.

Таким образом, в классических сказках, как немецкой, так и русской, реализованы почти все этапы женской инициации: переходное состояние героини – это девушка на выданье, уходящая из одной возрастной группы в другую, зависть мачехи к красоте падчерицы, пассивный отец, смертельная опасность, встреча с семьей гномами (богатырями), выступающими в роли волшебного помощника, чудесное спасение, удачное замужество, смерть мачехи. Выпадает один элемент – у героини нет сводных сестер, но вся остальная схема воплощается полностью, показывая архаичные корни этого известного сюжета.

Дркинская интерпретация самостоятельна, она не повторяет классические сюжеты, но следует в основных моментах общей фольклорной схеме женской инициации.

Сказка начинается классическим, но измененным зачином: «в тридесятom царстве, в триодиннадцатом государстве» [\[8, с. 393\]](#). В сложившихся зачинах народных сказок «в тридевятom царстве, в тридесятom государстве» проявлена оппозиция «свой – чужой» применительно к отдаленности в горизонтальной плоскости происходящих событий. Фольклорные новообразования «тридевятое» и «тридесятое» связаны не с системами счисления, а с интуитивными знаниями древних славян, наделявших числа и цифры магическими свойствами [\[9, с. 124\]](#). Триада, воплощая полную завершенность, сопряжена с числом девять, завершающим ряд элементарных чисел, что составляет сложное количественное числительное. Дециальная система отсчета зафиксирована в обозначении дальней локации как «тридесятый». Дркинский зачин почти выдержан в традициях народных сказок, но дальше за «тридесятым царством» следует «в триодиннадцатом государстве», когда автор добавляет еще единицу к традиционному «тридесятому». Так автор указывает на традицию, в рамках которой разворачивается сюжет, но границы этой традиции с самого начала разрушаются, сдвигаются и выводят читателя в другое пространство.

Веня Дркин обозначает конкретную локацию действия сказки – это деревня Маскютовка. «Есть такая деревня, – вспоминает друг сказочника Юрий Рыданский, – правда, Маскютовка, а с нами был Макс, переименовали тут же именем Макса – Маскютовка. Деревня уникальная, с соломенными крышами, с журавликами-колодцами, семь домов – прекрасно» [\[2, с. 565\]](#). На фестивале «Оскольская лира» в 1995 году, где автор стал лауреатом Гран-при, Александр Литвинов представился уже как Вениамин Дыркин из Маскютовки. Эта же локация обыграна в песне «Старуха», написанной в 1990 году. Образ создан на основе строфы из песни белорусского композитора Эдуарда Ханка «Малиновка» (1980), которую с успехом исполняет ансамбль «Верасы», где и содержится строчка «Малиновки заслышит голосок». В дркинском варианте поется: «В Маскютовке заслышит голосок» [\[2, с. 226\]](#). Место действия менялось в зависимости от пребывания исполнителя.

Реальная Маскютовка находится в Купянском районе Харьковской области на Украине. Вымышленная Маскютовка – по смыслу расположена в том же ландшафте, но культурно находится в иной реальности, в сказочном пространстве, которого нет на карте. Это

сказочный двойник Масютовки, лежащий за гранью человеческого мира. Именно там и разворачивается действие. Так сюжет сказки переносится в степное южнорусское пространство, но в то же время за границу настоящего, в вымышленный мир. Героиня дркинской сказки живет в двух мирах одновременно, в сказочной деревне, но вписанной в реальный пейзаж.

Следующее по сюжету описание красоты Белоснежки опять происходит по законам сказки – ее «не описать пером, не вырубить топором». Устойчивое словосочетание «Ни в сказке сказать, ни пером описать» обозначает высшую степень свойства, но дркинский стиль основан на непредсказуемости и смешении смыслов. «Не вырубить топором» – нельзя изменить то, что состоялось, а не просто «написанное пером, не вырубишь топором» в прямом значении. У Вени разрыв двух пословиц приводит к алогичному соединению, и снова подчеркивает пограничность персонажа, лиминальное состояние героини, живущей на границе смыслов.

Далее, описывая героиню, рассказчик вводит неологизм, отсылающий к ней же самой, то есть автореферентную характеристику, приводящую к парадоксам в мышлении за счет включения объекта как знака в тот класс, который он обозначает [\[10, с. 44-45\]](#). Описывая Белоснежку, Веня Дркин пишет, что Белоснежка «Любила белосн кушать». Белосн – сокращенное имя Белоснежки, далее идет корень «ежка», указывающий на действие. То есть, девушка-красавица собирала в лукошко белосн – саму себя, и подала. Белосн можно «лускать» (авторская редакция), как орехи или семечки. «Вот такая скромная» подытожил автор.

Итак, героиня является выделенным из среды объектом, она существует за счет самой себя и создает себя из себя же, что позволяет отнести ее к мифологическим персонажам, создающим из себя мир. Таковым был в мемфисском варианте древнеегипетской космогонии бог Птах, создавший из земли свое тело усилием воли [\[11, с. 94\]](#); Пуруша в индийской мифологии, из тела которого боги создают мир во время жертвоприношения, но сам же Пуруша является жрецом [\[12, с. 13-14\]](#). Так Белоснежка снова проявляет две ипостаси одновременно: она и живет в мире, и создает мир из себя, является и творением, и творцом, и жертвой, и жрецом, приносящим жертву. В то же время космогоническая роль Белоснежки не акцентируется ни автором, ни ею самой, и другим персонажам неизвестна, она всего лишь скромный творец этого мира, в нем же и живущий.

Статус Белоснежки в социально-возрастной группе подчеркнуто лиминальный. Автор пишет: «Пришла пора и невестой побыть, да нет женихов – все за родимую Максютровку в Бусурмании живот положили. Так и жила на выданье» [\[8, с. 393\]](#). Героиня должна перейти в другую возрастную группу, сменить свой статус, но не может этого сделать, поскольку все женихи погибли. Белоснежка оказывается невестой мертвеца, причем не одного человека, а целого поколения мужчин, пригодных для брака. Все, кто может изменить ее судьбу, находятся в царстве мертвых, в то время как она сама находится в царстве живых, но в переходном состоянии, которое не может завершиться никаким преобразованием и сменой социальной роли. Такое состояние в архаичных культурах характерно также для мира мертвых. Мертвые не взрослеют, не меняют свой статус, сохраняют навсегда свое социальное положение при жизни [\[13\]](#). В такой ситуации оказалась и Белоснежка, помещенная в лиминальном пространстве между возрастными группами невесты и замужней женщины, а также между миром живых и миром мертвых, что еще раз подчеркивает необычность, пограничность этого персонажа, соединение в

ней двух природ: сельской девушки и царицы мертвецов.

Уже обнаруженные сюжетные и образные связи подчеркивают иномирные характеристики леса, где оказывается Белоснежка далее. В традиционной культуре путь человека через лес связан с инициацией – важнейшим обрядом на пути героя, отмечающим взросление, символическим прохождением через смерть [14, с. 64]. Путь по лесу – путь в царство мертвых. В самой глубине леса пространство теряет привычные характеристики: посреди «чиста поля изба не изба, малина не малина» [8, с. 393]. Лес включает в себя чисто поле, где обычно богатыри в сказках встречают свою судьбу. Белоснежка идет по мужскому пути героя – через лес в чисто поле, где богатырь совершает свой подвиг. Это первое указание на двойную роль Белоснежки, проходящей мужскую и женскую инициацию одновременно.

Лес не только густой, но и вырубленный: «Боязно Белоснежке в вырубленном лесу ночевать – то крокодилы по рукам бегают, то змеи в рот лезут» [8, с. 393]. Прыгающие по рукам Белоснежки крокодилы меняют масштабы персонажей: то ли уменьшая размеры крокодилов, то ли увеличивая размеры Белоснежки, что неудивительно, если это персонаж-творец мира. Так лес объединяет в себе несколько пространств: густой лес как царство смерти, чистое поле как место подвига, вырубленный лес как иномирное отрицание всех понятных характеристик пространства.

Здание, стоящее на пересечении границ, также интегрирует несколько пространств: это изба, малина (хаза) и флет одновременно. Сельская изба представляет собой человеческое жилье. Малина на воровском жаргоне означает загородный дом, тайное место, воровской притон. Ту же локацию «изба» Веня Дркин называет «хазой», используя трансформированную арготическую лексику. На жаргоне хаза означает притон, злачное место («хаза» – от испанского «casa» – дом, отчизна, площадь; итальянского «casa» – дом, казино, игорный дом; немецкого «haus» – дом, английского «house» – дом; тюркского «khazina» – жилище).

Но далее автор место пребывания Белоснежки называет флет, связывая русское кириллическое написание флет и англоязычное «flat» – дом, квартира. И в песнях, и в сказках использование англоязычных терминов не ново. Тенденции зарождающейся на советском пространстве рок-культуры стали проявляться в 1970–80-х гг. в не ассимилированной англоязычной лексике [15, с. 174]. Но в 1990-е гг. англоязычная лексика интенсивно вторгается в виде миксирования русских и английских слов в рок-пространство [15, с. 175]. Особенно активно процесс заимствования шел в рок-культуре, поскольку она происходит от песенной поэзии, созданной на английском языке, и подобные вкрапления подчеркивают близость песенной рок-культуры двух пространств [16, с. 260]. Так Белоснежка снова оказывается на пересечении разных пространств: жилого, воровского, англоязычного-рокерского.

В избе (уже не во флете) героиня ведет себя сообразно сценариям народных сказок: в баньке выпарилась, постиралась, напоилась, накормилась. И тут же Веня Дркин делает резкий отход от традиций фольклора. Описывая действия Белоснежки, несовместимые с ее сказочным образом: она «проблевалась, опять напоилась да спать вырубилась» [8, с. 393].

В этой хазе проживают не семь гномов, как в сказке братьев Гримм «Белоснежка и семь гномов», и не семь богатырей, как у Пушкина, а семь слесарей Петровичей. Обращение по отчеству запанибратское, и оно применимо к людям, находящимся на близкой

дистанции общения. Зачастую слесари в неофициальной обстановке и именуются именно по отчеству.

В сказке семь Петровичей удивились отсутствию еды и питья, которые Белоснежка употребила за семерых мужчин. Веня Дркин постоянно снимает покров сакральности с этой сказочной героини, подчеркивая ее профанность. И они резонно задают вопрос: «Какого черта здесь носило?». Устойчивое народное выражение, представляет черта олицетворением бесовства, как существо, приносящее хаос в привычно текущий ритм явлений. Но Веня Дркин вместо черта вставляет фамилию своего друга, получив забавный вопрос от слесарей, знавших Кудаква и сравнивающих его с чертом: «Какого Кудаква здесь носило?» [\[8, с. 393\]](#). В литературе, кинематографе для убедительности сюжета используется прием cameo, когда фигурирует реально действующее лицо для правдоподобности происходящего. Алексей Кудаква – друг Вени Дркина, реально существующее лицо, поэт, фотограф, лауреат фестиваля «Оскольская лира» [\[2, с. 555\]](#). Его фамилию автор помещает вместо inferнального персонажа, что вполне в духе смещения смыслов постмодерна.

От возмущения Петровичей Белоснежка прячется за телевизор, который находится в избе, флоте, хазе семерых Петровичей, внося для читателя неразбериху в определение времени происходящего события. Наличие телевизора перебрасывает действие из архаичного сказочного и сельского пространства в современность. Но отрыв от постмодерна кратковременен, что характерно для сказок Вени Дркина, в которых он делает такие перебросы незаметными, но молниеносными, что заставляет читателя постоянно быть готовым к неожиданностям. А далее по тексту страх Белоснежки выразился в присказке «ни жива, ни мертва», но Веня, не давая возможности привыкнуть к стилю народного выражения, продолжает: «она же ни рыба, ни мясо, она же Изольда Меньшова, она же Валентина Понияд» [\[8, с. 393\]](#). Так сказочник делает отсылку к фильму «Место встречи изменить нельзя» режиссера Станислава Говорухина.

Фильм вышел в прокат в 1979 году, персонажи и выражения из фильма стали узнаваемыми. Глеб Жеглов, характеризуя одну из представительниц преступного мира, повторяет «она же», поскольку преступница предстает в различных ипостасях: «Она же Изольда Меньшова, она же Валентина Понияд, она же сводня, четырежды судимая». Так в избушке подчеркивается соединение не только разных временных пластов, но и разных миров – сказочного, бытового и воровского, причем в его кинематографической версии.

В сказке семеро гномов или семеро богатырей предлагают неизвестному гостю обозначить себя, кем бы он ни был. При этом ставится условие «если..., то...». У Вени эти условия идут с нарушением логических законов распределения. Слесари Петровичи дружелюбны по отношению к незнакомцу: «Если ты красна девица – будешь нам красной девицей, коли ты средних лет – будешь нам красной девицей, а как старушка ты – мы сливку подопьем, и пойдешь за красну девицу» [\[2, с. 393\]](#). В любом случае условие заканчивается вариантом красной девицы, не предполагая вариативности противопоставления.

Развивая сказочный аспект повествования, сюжет резко переходит в сражение со Змием старшего брата из семи слесарей «не на живот, а на смерть», в котором победу одерживает Змий, как воплощение злых сил. Вопреки устоявшимся сюжетам народных сказок, где победа принадлежит положительному герою, у Вени Дркина в который раз сказка инвертируется, и положительный персонаж гибнет. В фольклорных сюжетах

спасение от смерти приходит в результате того, что герой помогает вороненку, после чего в награду ему помогает отец вороненка – Черный Ворон. Белоснежка же выкручивает лапки вороненку и диктует Черному Ворону условие, при котором вороненок будет отпущен на свободу: нужно принести живой и мертвой воды, что Черный Ворон помчался исполнять [\[2, с. 394\]](#). На этом сказка обрывается, оставляя читателя на пересечении нескольких пространств: сказочного, воровского, бытового и царства мертвых.

Проведенный анализ показывает, что, сохраняя форму фольклорной сказки, Александр Литвинов использует мифопоэтику постмодерна для интеграции нескольких смысловых пространств в границах одного текста. В истории «Про Белоснежку» интегрированы следующие пространства: архаичное сказочное, рокерское, современное автору профанное бытовое, воровское и иномирное.

К сказочному пространству относятся деревня Максютовка, пространство леса, ритуал инициации, изба среди леса – место инициации, сказочный зачин, битва со Змеем, взаимодействие с Черным Вороном, употребление сказочных клише, поговорок, магических числительных. Рокерское пространство представлено англоязычной лексикой. Современное автору профанное бытовое пространство включает в себя телевизор, слесарей, действия героев в избушке. Воровское пространство проявляется в жаргонном наименовании дома в лесу, а также цитате из фильма «Место встречи изменить нельзя». Иной мир представлен в образе Белоснежки, создающей и поедающей саму себя, а также вечной невесты – царицы мертвых.

Наиболее полно раскрыты сказочное пространство и царство смерти. В сказочном пространстве разворачивается сюжет женской инициации, сохраняя несколько основных этапов: героиня в лиминальном состоянии, отца у нее нет, она переживает испытание и обретает волшебных помощников. Заметны и отличия: испытание вызвано не кознями мачехи, которой у героини нет, а ее попыткой действовать по схеме мужской инициации, то есть по собственной воле отправиться в путь, в волшебный лес, где статус героя меняется в результате испытания. После обретения волшебных помощников фокус повествования смещается, и появляется новый главный герой – старший брат слесарь Петрович, который сражается со Змием, как положено главному герою в мужской инициации, что позволяет сопоставить его с Белоснежкой как ее функционального двойника, выполняющего действие, которое она не может выполнить сама, играя в сказке другую роль. Двойничество Белоснежки становится еще одним проявлением ее лиминальной природы. Она объединяет в себе героя, творца мира, царицу мертвых, мужчину и женщину, поскольку находится в потустороннем пространстве, на границе разных миров, где иерархии и оппозиции мира живых стираются.

Литвинов включает разные пространства в единый текст с помощью цитат из фольклора и кино, отсылки к реалиям городской жизни глобализованного мира, создания сложных образов и подключения разных сюжетов в единое повествование. Таким образом, неомифопоэтика Литвинова строится на приемах постмодерна, трансформирующих фольклорный сюжет, размыкая пространство сказки и подключая к нему другие миры. Белоснежка выступает как лиминальный персонаж, объединяющий сюжеты мужской и женской инициации, а также выступающий одновременно как творец мира и царица мертвых. Так реалии современной жизни интегрируются Литвиновым в архаичный сказочный сюжет, объединяющий разные пространства, сохраняя древний миф в XXI веке.

Библиография

1. Горбачев А. В., Зимин И. И. Песни в пустоту. М.: АСТ, 2014. 445 с.
2. Веня Д'ркин: ДрАнтология. М., 2023. 640 с.
3. Кэмпбелл Дж. Тысячеликий герой. М.: РЕФЛ-бук; Киев: АСТ, 1997. 378 с.
4. Сафронова Л. В. Женская инициация в волшебной сказке / Л. В. Сафронова, Н. И. Абу // Молодой ученый. 2023. № 17 (464). С. 314-317. URL: <https://moluch.ru/archive/464/101967/> (дата обращения: 04.02.2024).
5. Веня Д'ркин. Интервью в Воронеже (апрель 1997 года). URL: <https://my.mail.ru/mail/haritono/video/VenyaDrkin/96.html> (дата обращения: 04.07.2024)
6. Гримм Я. Белоснежка и семь гномов : [пер. с нем. : для детей мл. шк. возраста] / Братья Гримм ; худож. Ван Гуль. СПб. : А.В.К. Тимошка, 2003. 60 с. ISBN 5-324-00233-X (в пер.)
7. Пушкин А. С. Сказка о мертвой царевне и о семи богатырях / Александр Пушкин; худож. Евгений Антоненков. СПб. : Акварель : Команда А, 2013. 48 с. ISBN 978-5-4453-0162-2
8. Про Белоснежку // Веня Д'ркин: ДрАнтология. М., 2023. С. 393-394.
9. Шустов А. Н. Какая часть речи тридевять? // Русская речь. 1998. № 2. С. 120-127.
10. Ищенко Н.С. Псевдоморфозы сакральности в знаковых пространствах современности : монография / Н. С. Ищенко. Луганск : ИП Орехов Д.А., 2024. 386 с.
11. Рязанова С. В. Мифология Египта как традиционная модель // Вестник Пермского университета. Серия. История. 2007. Выпуск 3(8). С. 94-98.
12. Топоров В. Н. Миф, Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное. М.: Издательская группа «Прогресс» –«Культура», 1995. 624 с.
13. Козлов М. Н. Антимир в языческом представлении восточных славян // Причерноморье. История, политика, культура. 2018. № 26. С. 118-126.
14. Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки / Владимир Пропп. СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2021. 544 с.
15. Норлусенян В. С. Функции иноязычных слов в поп-и рок текстах // Русская рок-поэзия: текст и контекст. Тверь, 2005. Вып. 8. С. 172-179.
16. Симановская Н. Н. Иноязычные заимствования в песнях Вени Дркина // Русская рок-поэзия: текст и контекст. 2013. № 14. С. 260-264.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в представленной для публикации в журнале «Litera» статье, как автор обозначил в заголовке («Белоснежка на границе миров: лиминальный персонаж в сказке Вени Дркина»), является лиминальный персонаж Белоснежка (в объекте) в сказке российского поэта и музыканта Вени Дркина (Александра Михайловича Литвинова, он же Дрантя, он же Веня Д'ркин, он же Веня Дркин, 1970–1999) «Про Белоснежку».

Автор уместно фокусирует внимание читателя на творческой судьбе поэта, музыканта и сказочника, отмечая существующий пробел теоретической рефлексии его поэтического творчества и его связи с традициями русского фольклора, находящие оригинальное преломление в контексте эстетической парадигмы эпохи постмодернизма. Хорошо проработав теоретические основания исследования, автор обращается к анализу эмпирического материала, раскрывая основные выразительные средства поэтического языка сказочника.

Канву сказочного повествования автор раскрывает на основе типичной схемы женской инициации в народных сказках («героиня находится в переходном периоде, не ребенок, но еще не женщина; вместо матери у нее мачеха; отец пассивен; у героини есть сводные сестры; героиня проходит через смертельное испытание; ей помогает волшебный помощник; у нее появляется жених, с которым она счастлива; в конце сказки происходит унижение мачехи или ее смерть») с опорой на разработку Л. В. Сафроновой, которая, в свою очередь, фундирована рядом фундаментальных трудов авторитетных ученых (В. Я. Пропп, В. Н. Топоров, Дж. Кэмпбелл и др.).

Анализируя сказочное повествование, автор раскрывает этапы инициации Белоснежки, метафоры основных поэтических образов и образных сфер, роль иронии и гиперболы в раскрытии семантики сказочного сюжета, погруженного в атмосферу постмодернистской игры смыслов.

Автор приходит к обоснованному выводу, что А. М. Литвинов «включает разные пространства в единый текст с помощью цитат из фольклора и кино, отсылок к реалиям городской жизни глобализованного мира, создания сложных образов и подключения разных сюжетов в единое повествование», раскрывая как неомифопоэтика Литвинова «строится на приемах постмодерна, трансформирующих фольклорный сюжет, размыкая пространство сказки и подключая к нему другие миры». Вполне убедительно автор доказал, что Белоснежка в проанализированной сказке выступает лиминальным персонажем, объединяющим сюжеты мужской и женской инициации, одновременно творящей мир живых и воцаряющимся в мире мертвых. Отсылка сказочника к античному сопоставлению двух миров автором интерпретирована как интеграция Литвиновым реалий современной жизни с архаичной сказочной (мифологической) символикой сюжетов, объединяющей разные семиосферы (пространства) древних мифов и постмодернистской поэтики XXI в.

Таким образом, предмет исследования автором рассмотрен на высоком теоретическом уровне, и статья заслуживает публикации в авторитетном научном журнале.

Методология исследования основана на принципах литературоведческой компаративистики, позволяющей сопоставлять и сравнивать различные источники (включая архаику мифов и волшебных сказок) в поисках ключей дешифровки (герменевтики) семантики постмодернистской игры смыслов в современной поэтике. В целом авторский методический аппарат релевантен решаемым научно-познавательным задачам. Итоговые выводы автора заслуживают доверия.

Актуальность выбранной темы автор поясняет тем, что мифопоэтика авторов XX в. обусловлена «трансформациями культуры постмодерна в сторону ее архаизации, возрождения домодерных форм существования и механизмов трансляции смыслов, а также ростом мифологизации общественного сознания», поэтому исследование лиминальности персонажа Белоснежки в сказке российского поэта и музыканта А. М. Литвинова «Про Белоснежку» своевременно пополняет новым знанием развивающийся литературоведческий дискурс.

Научная новизна исследования, заключающаяся в обращении автора к мало изученному эмпирическому материалу и в развитии концепции сказочной инициации женского персонажа, заслуживает теоретического внимания.

Стиль текста выдержан автором исключительно научный, замечания касаются лишь отдельных оформительских недочетов: следует придерживаться рекомендованного редакцией единого стиля оформления ссылок на источники (к примеру, выпадают из общего стиля «[Дрантология, с. 367–462]», «[Там же]», «[Симановская, с. 260]»), а также единого рекомендованного оформления годов и веков (см. https://nbpublish.com/e_fil/info_106.html).

Структура статьи следует логике изложения результатов научного исследования.

Библиография, с учетом опоры автора на анализ эмпирического материала, в достаточной мере раскрывает проблемное поле исследования, оформлена без грубых нарушений требований редакции и ГОСТа (в пункте 4 лишняя запятая («Сафронова, Л. В.»), в 14-ом лишнее тире).

Апелляция к оппонентам вполне корректна и достаточна. Автор вполне аргументировано участвует в актуальной теоретической дискуссии.

Статья безусловно представляет интерес для читательской аудитории журнала «Litera» и после небольшой доработки оформительских недочетов может быть рекомендована к публикации.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемый текст «Белоснежка на границе миров: лиминальный персонаж в сказке Вени Дркина» является междисциплинарным контент-анализом текста сказки «Про Белоснежку» (1992-1993 гг.) донбасского рок-барда Александра Литвинова (Вени Дркина). Автор ставит целью своего исследования рассмотрение реализации «...мифа в постсоветской рок-бард-культуре конца XX века». Методом исследования заявлен компаративистский анализ сохраненных фольклорных архетипов и новой мифологии постмодерна. В обзоре литературы по фольклорным и семиотическим аспектам сказки автор перечисляет исследователей, но не суммирует хотя бы в самых общих тезисах результаты их исследований; допускаются некоторые неточности, так, работам Дж. Кэмпбелла приписано формулирование итогового состояния изучения сказочных сюжетов на конец XX века, в то время как классический труд «Тысячеликий герой» был опубликован в 1949 г. Еще более примечательным недочетом является отсутствие какого-то обобщающего вывода по исследованиям творчества собственно Литвинова-Дркина, при том что автор сообщает «творчество Литвинова изучают в разных научных центрах России». Без помещения рецензируемого текста в контекст предыдущих исследований невозможно определить его новизну/традиционность и т.д. Автор не поясняет выбор для исследования конкретного произведения, собственно не указывается – песня это или литературное произведение, насколько характерен/значим анализируемый текст для творчества Литвинова-Дркина как в измерении публичного признания, так и в оценках самого Литвинова-Дркина. Обосновывая актуальность своего исследования, автор справедливо отмечает, что исследования трансформации мифов «особенно важно в условиях социокультурных изменений в связи с включением новых регионов, в том числе Донбасса, в состав России. Культурная память этих регионов и сохраненные в донбасской культуре смыслы актуализируются в новых условиях». Но из этого тезиса следует необходимость рассмотрения или хотя бы упоминания социо-культурного аспекта создания произведения, т.е. автор не упоминает, что речь идет о русскоязычном авторе, живущем и творящем с 1991 на территории независимой Украины со всеми вытекающими отсюда последствиями; разумно было бы указание на самоидентификацию Литвинова-Дркина именно как принадлежащего русскому миру. Вообще, вполне справедливый вывод автора «реалии современной жизни интегрируются Литвиновым в архаичный сказочный сюжет» должен трактоваться несколько шире, реалии современной жизни это не только телевизор или замена гномов на слесарей Петровичей; фраза «да нет женихов – все за родимую Максютовку в Бусурмании живот положили» является вполне себе четким указанием на Афганскую войну как на реальию современной жизни. То есть бегло проговоренное автором

«Александр Литвинов, в своем творчестве отразивший состояние перестройки, постперестройки, распада Советского Союза» нуждается в чуть более подробной расшифровке, которая в перспективе может дать рассматриваемой теме пограничности новые измерения. Автор справедливо замечает, что «неомифопоэтика Литвинова строится на приемах постмодерна», но упускает применение Литвиновым-Дркиным такого характерного для постмодерна приема как пародия (пародийная гиперсексуальность слесарей Петровичей в приводимой автором цитате). Автор достаточно подробно разбирает сюжет сказки, интерпретируя его в контексте архетипической инициации героини. Автор приходит к обоснованному выводу, что «... сохраняя форму фольклорной сказки, Александр Литвинов использует мифопоэтику постмодерна для интеграции нескольких смысловых пространств в границах одного текста. В истории «Про Белоснежку» интегрированы следующие пространства: архаичное сказочное, рокерское, современное автору профанное бытовое, воровское и иномирное». На наш взгляд, именно пояснение социально-культурного контекста создания анализируемого текста поможет объяснить интеграцию именно этих, а не других смысловых пространств. В целом поставленные автором цели достигнуты, работа выполнена на должном научно-методическом уровне. По исправлению указанных не принципиальных недочетов статья может быть рекомендована к публикации.

Litera

Правильная ссылка на статью:

Абляметова С.М., Саттарова З.М. Конверсия как один из способов образования грамматической омонимии в крымскотатарском языке // Litera. 2024. № 12. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.12.69795 EDN: OQGANR URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69795

Конверсия как один из способов образования грамматической омонимии в крымскотатарском языке

Абляметова Сусанна Марленовна

старший преподаватель, кафедра крымскотатарского и турецкого языкознания, Крымский инженерно-педагогический университет

295000, Россия, республика Крым, г. Симферополь, пер. Учебный, 8

✉ sudilim@ukr.net

Саттарова Зера Мамбетовна

кандидат филологических наук

доцент, кафедра крымскотатарского и турецкого языкознания, Крымский инженерно-педагогический университет

295000, Россия, республика Крым, г. Симферополь, пер. Учебный, 8

✉ sattarova.zera@mail.ru

[Статья из рубрики "Языкознание"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2024.12.69795

EDN:

OQGANR

Дата направления статьи в редакцию:

08-02-2024

Аннотация: В статье на материале современного крымскотатарского языка рассматриваются грамматические омонимы, образованные в результате субстантивации, адъективизации, адвербиализации перехода самостоятельных слов в служебные слова, первичные омонимы. В крымскотатарском языке существуют грамматические омонимы, образованные путем конверсии. Конверсия имеет одну важную проблему – определение в паре слов, образованной конверсией, исходного и производного слов. Основная закономерность омонимии слов разных частей речи состоит в том, что переход слов из

одной части речи в другую связан с редукцией парадигмы или выделением словоформы из этой парадигмы. При переходе изменяющихся слов в неизменяемые слова парадигма укорачивается и сужается. Омонимы, относящиеся к одной или разным частям речи, выражают различное значение с точки зрения их парадигматического и синтагматического аспектов. При написании данной работы для исследования грамматической омонимии в крымскотатарском языке были использованы описательный метод и метод дистрибутивного анализа. Анализ изложенных фактов позволяет сделать следующие выводы. Рассмотрение грамматических омонимов в современном крымскотатарском языке, включая субстантивацию, переход нарицательных имен в имена собственные, адъективацию, адвербиализацию, переход смысловых слов в служебные, первичную омонимию свидетельствует о сложном характере процессов, происходящих при формировании словарного запаса и грамматики современного крымскотатарского языка. Синтаксические и морфологические факторы, разрешающие и оформляющие синтаксические изменения, образуют грамматические омонимы. В этом процессе проявляется единство действия всех сторон языка, их взаимная связь и взаимообусловленность. Грамматическая омонимия более абстрактна, чем лексическая. Если лексические омонимы всегда представлены отдельными словами – носителями определенного реального содержания, то грамматическая омонимия может быть выражена не только в тождестве целых словоформ, как во всех приведенных примерах, но и в тождестве только грамматических формантов, а также в тождестве грамматических конструкций или моделей. Таким образом, сущность грамматической омонимии состоит в том, что они служат омонимами только благодаря совпадению грамматических форм и образуются в результате конверсии.

Ключевые слова:

омонимы, крымскотатарский язык, конверсия, субстантивация, адъективизация, адвербиализация, лексикология, лексическое значение, грамматическое значение, словообразование

Актуальность работы связана с тем, что понятие значения охватывает не только лексические, но и грамматические значения, различие грамматических значений слов следует считать столь же важным, как и различие лексических значений при омонимии. Омонимия может характеризоваться одним или обоими этими признаками.

Цели и задачи исследования состоят в рассмотрении и анализе конверсии как одного из способов образования грамматической омонимии в крымскотатарском языке.

Особое внимание к грамматическому способу словообразования, а именно переходу слов из одной части речи в другую в тюркских языках отмечается в работах А.Н. Кононова, Н.К. Дмитриев, Б. Орузбаевой, С.В. Севортяна и др. В работах термин «конверсия» используется для обозначения регулярного и нерегулярного перехода слов в другие части речи.

Конверсия – это образование нового слова путем перевода данной основы слова в другую парадигму словоизменения.

На примере таких слов, как **таныш** I – «знакомый» и **таныш** II – «встречаться»; **куреш** I – «борьба» и **куреш** II – «бороться» мы можем убедиться, что в результате конверсии семантические связи основных грамматических значений в широком смысле нарушаются, и каждое из этих слов попадает в разные грамматические классы: **Таныш**, **куреш**,

подобные глаголам, спрягаются, а существительные, подобные **таныш**, **куреш**, склоняются. В результате «поведение» таких слов в языке оказывается различным. Слова распределяются по разным частям речи и таким образом становятся разными словами – омонимами (по грамматическому значению).

Регулярное употребление слов данной части речи в качестве слов другой части речи является их естественным свойством, а не одной из их основных ролей. Н.А. Баскаков придерживается такой точки зрения на природу тюркских частей речи и на возможность их трансформации, которая не признает перехода одной части речи в другую не только в конверсионных, но и в словообразовательных формах [\[1, с. 187-203, 214-216, 223\]](#).

Н.К. Дмитриев квалифицирует конверсию как закономерное явление перехода одной части речи в другую, при котором возникают двойко функционирующие слова типа прилагательное – существительное, существительное – прилагательное, но, как и Н.А. Баскаков, он относит такой гибрид только к какой-либо одной части речи исключительно исходя из ее этимологии, хотя и признает необходимость учета ее значений и функций [\[2, с. 81\]](#). Таким образом, анализируя полифункциональные слова крымскотатарского **къарт** – «старый» и **къарт** – «старик», Н.К. Дмитриев отмечает, что они «первоначально являются прилагательными, так как указывают на признак подлежащего; в синтаксическом отношении они могут выступать как прилагательными, так и существительными: сравните такие выражения, как **къарт адам** – «старик» и **къарт кельди** – «пришел старик». Таким образом, по особенностям семантических и синтаксических характеристик (морфологические признаки здесь отсутствуют) слово **къарт** могло быть названо условным термином «прилагательное-существительное».

Следовательно, конверсию чаще всего рассматривают как грамматическое явление: как регулярное употребление слова в ряду двух-трех частей речи независимо от его лексико-грамматической принадлежности.

Таким образом, Ю.А. Жлуктенко утверждает, что акт образования нового слова путем конверсии представляет собой использование основы исходного слова для образования другого слова в другом грамматическом сочетании, типичном для другой части речи [\[3, с. 81\]](#).

Для крымскотатарского языка характерны грамматические омонимы, образованные путем субстантивации прилагательных, адвербиализации существительных, адъективизации причастий и перехода основных или знаменательных слов в разряд служебных. Основная закономерность омонимичности слов разных частей речи состоит в том, что переход слов из одной части речи в другую связан с сокращением парадигмы или изоляцией словоформы от парадигмы. При переходе изменяемых слов в неизменяемые слова парадигма сокращается и сужается. Омонимы, относящиеся к одной или разным частям речи, выражают различное значение с точки зрения их парадигматического и синтагматического аспектов. Также необходимо отметить, что грамматические омонимы не выделяются в словарях и являются омонимами только по различию грамматических значений.

В крымскотатарском языке ряд существительных образован в результате субстантивации прилагательных: **кок** – «синий» и **кок** «небо», **яш** – «молодой» и **яш** – «молодой человек», **адджы** – «горький, едкий». и **адджы** – «жжение, боль», **асыл** – «первоначальный» и **асыл** «сущность», **чиль** – «пятнистый» и **чиль** «куропатка».

В приведенных примерах первые члены омонимических пар имеют категорию числа и

падажа, в то время как вторые члены омонимических пар их не имеют. Также каждый из членов омонимических пар имеет свои словообразовательные ряды, отличные друг от друга. Например, кок – «синий», кокче – «голубоватый», коклюк – «синева». Лексема кок – «небо» эти словообразовательные суффиксы не принимает, зато имеет свои средства словопроизводства, например, коксел – «небесный». **Къарт** – «старый», **къартлыкъ** – «старость», **къартаймакъ** – «стареть» и **къарт** – «старик» **къартана**, **къартанай** – «бабушка», **къартбаба** – «дедушка».

Во всех приведенных примерах значение прилагательного является более широким, чем значение существительного, которое представляет собой очень узкий аспект семантики исходного слова. Поэтому здесь усматривается переход от прилагательного к существительному, а не наоборот.

В результате конкретизации и индивидуализации общего понятия слова, которые принято называть однородными предметами, начинают использоваться для определенных предметов, т. е. становятся их именами собственными. Таким образом, одно и то же слово может распознаваться и использоваться как нарицательное, так и как имя собственное.

Некоторые лингвисты полагают, что в результате субстантивации имена собственные образуют омофоны. Например, пишет Н.М. Шанский, «омофоны могут быть одновременно омонимичными по своей природе, как **Роман** – **роман**, **Орел** – **орел**, так и омоформного типа **плод** – **плот**, **везти** – **вести**» [\[4, с. 43-44\]](#).

К.А. Аллендорф считает, что омонимами могут быть и слова, переходящие из лексического ряда нарицательных имен в ряд имен собственных и наоборот, из ряда собственных в нарицательные имена. Это явление связано с метафорической передачей слова, поэтому их рассматривают как смысловые омонимы [\[5, с. 76\]](#).

В результате индивидуализации нарицательных имен посредством метафоры и метонимии образуются слова с различным значением и функцией. Совпадая по фонетическому составу, такие слова образуют омонимию. Однако на письме они выглядят иначе – у них разное написание.

Имя собственное — это не обычное слово; оно не объясняется и не переводится. В результате возникли такие слова, как **арслан** – «лев» и **Арслан** – «имя собственное», **эльмаз** – «бриллиант» и **Эльмаз** – «имя собственное», **назлы** – «капризный» и **Назлы** – «имя собственное», **сание** – «секунда» и **Сание** – «собственное имя» и т. д. считаются грамматическими омофонами.

В крымскотатарском языке значительное количество прилагательных образуется в результате адъективизации. В прилагательные переходят слова и словоформы всех частей речи, только продуктивность их различна.

В тюркологии некоторыми лингвистами выделяют прилагательные, образовавшиеся в результате адъективизации существительных (например, **кумюш** – «серебро» и **кумюш** – «серебряный», **мермер** – «мрамор» и **мермер** – «мраморный»), **юнь** – «шерсть» и **юнь** – «шерстяной», **каракуль** – «каракуль» и **каракуль** – «каракулевый» (т.е. любое существительное, обозначающее материал), **арт** – «задняя сторона» и **арт** – «задний», **шималь** – «север» и **шималь** – «северный», **къараман** – «герой» и **къараман** – «смелый» и др.) обозначают «созданный, состоящий из этого материала (**мермер басамакълар** – «мраморные ступени» и др.) или характеризующийся этим пространственным отношением (**шималь районлар** – «северные районы», **арт якътан** –

«с задней стороны» и др.) или качества, свойства (**батыр йигитлер** – «храбрые молодцы» и др.), которые выражены в исходной основе».

Однако, С.А. Гочияева права, отмечая, что «такие определительные сочетания (**кумюш кашыкъ**) не имеют отношения к омонимии в области прилагательных и существительных по той простой причине, что первые компоненты не выражают атрибутивных отношений, т.е. не выражают признака предмета, а распознаются как предметные понятия» [\[6, с. 36\]](#).

Переходы существительных в прилагательные в крымскотатарском языке могут быть регулярными и нерегулярными.

В некоторых случаях наблюдается переход числительных в прилагательные, например: **бир** – «один» (**бир, эки, учь, ...** – «один, два, три, ...») и **бир** – «такой же, общий». (**олар экиси де бир** – «они оба одинаковые»), **биринджи** – «первый» и **биринджи** – «первоначальный»).

Значение прилагательных у приведённых слов отмечены в словарях. Наличие значения прилагательных у некоторых числительных также является общепризнанным фактом, поэтому эти слова рассматриваются нами как прилагательные, образованные от числительных путем конверсии.

Относительно образования наречий в результате адвербиализации существительных (в частности, косвенных форм существительного) С.А. Беглярова отмечает, что: Тенденция в адвербиализации имен существительных во многом предопределена наличием в этой части речи слов с пространственным и временным значением, которые зачастую имеют двойственный характер, раскрывая своим «поведением» в речи особенности существительного или наречия [\[7, с. 11\]](#).

Приведем примеры наречий времени, образованных путем преобразования от косвенных форм существительных: **башта** – «в голове» и **башта** – «в начале», **быштан** – «с головы» и **баштан** – «сначала».

В крымскотатарском языке большое количество наречий образуется путем адвербиализации прилагательных, нередко случаи, когда прилагательные переходят и в наречия, и в существительные, например: **ярыкъ** – «светлый» (**аудиториялар балабан ве ярыкъ эдилер** – «аудитории были большие и светлые»), **ярыкъ** – «свет» (**козюме бирден ярыкъ урды** – «в глаза резко ударил свет») и **ярыкъ** – «светло» (**козь ярыгъынен барып чыкъмакъ керек** – «надо добраться засветло»), **сувукъ** – «холодный» (**сувукъ ель эсе** – «веет холодный ветер»), **сувукъ** – «холод» (**сувукъкъа алышмакъ** – «привыкнуть к холоду») и **сувукъ** – «холодно» (**мусафирлерни сувукъ къаршыладылар** – «гостей встретили холодно») и т. д. .

В некоторых случаях от прилагательных образуются только наречия, например: **яхшы** – «хороший» и **яхшы** – «хорошо», **толы** – «полный» и **толы** – «полно», **айры** – «отдельный» и **айры** – «отдельно» (они различаются небольшой семантической связью, ударением и относятся к разным частям речи, то есть являются грамматическими омонимами).

Интересен следующий нетипичный случай; образуется по модели «имя + указание на дательный падеж»: **бирге** – в зависимости от своей функции выступает то как числительное в значении «один», то как наречие в значении «вместе». Ничто, кроме функции, не позволяет однозначно понять как лексическое содержание этих слов, так и их категориальную принадлежность.

Легко убедиться, что мы имеем дело с качественно разными словами, так как, во-первых, наречие имеет ударение, а послелог и частица – нет, во-вторых, наречие является самостоятельным членом предложения, а послелог и частица – только служебными словами, в-третьих, все они относятся к разным частям речи. Поэтому слова **сонъ** – «*после*» (наречие) и **сонъ** – «*же*» (послелог) или **башкъа** – «*порознь, раздельно*» (наречие) и **башкъа** – «*исключая, кроме*» (послелог) и т.п. следует квалифицировать как омонимы.

Омонимы, возникшие на основе перехода самостоятельных слов во служебные, существенно отличаются от традиционной омонимии. Если при традиционной омонимии (например, при субстантивации) слово в процессе изменения не теряет своей основной (номинативной) функции, то при переходе в послелог или частицу оно постепенно утрачивает свою лексическую обособленность и начинает функционировать как средство выражения логико-грамматических отношений между отдельными предметами мысли [8, с. 9].

Особенности тюркских языков подтверждают, что процесс омонимизации — историческое явление, имеющее глубокие корни. История частей речи тюркских языков связана с историей первичных омонимов. В тюркских языках омонимы могут относиться к разным частям речи, особенно к именным и глагольным формам, например: **той-** – «*насыщайся*» и **той** – «*пир*», **ич-** – «*пей*» и **ич** – «*нутро*», **аз-** – «*худей*» и **аз** – «*мало*», **коч-** – «*кочевать, переселяться*» и **коч** – «*кочёвка*», **шиш-** – «*пухнуть*» и **шиш** – «*опухоль*» и ряд др.

Семантический анализ глагольных и именных корней позволяет предположить, что в древности в тюркских языках одно слово могло обозначать как предмет, находящийся в состоянии покоя (как имя существительное), так и предмет в движении, или само движение или действие предмета (как глагол).

Омонимы, не изменившие своего морфологического и фонетического состава, а перешедшие из одной части речи в другую, в тюркологии именуются по-разному, например, Э.В. Севортян называет их глагольно-именными, первичными основами [9: 365], а казахский лингвист К. Аханов – корневыми омонимами (тубокир омонимдер) [10, с. 110]. Некоторые лингвисты полагают, что они возникли в результате конверсии [11, с. 18].

В лингвистике до сих пор нет единого мнения о происхождении первичных омонимов. Так, А.А. Юлдашев рассматривает возникновение первичных омонимов как результат стремления мыслить по-другому, метафорически [12: 38], Н.А. Баскаков, и И.А. Батманов, П.М. Мелиоранский рассматривают омонимию в случаях **той-** – «*насыщайся*» и **той** – «*пир*» и под. как иллюстрацию пережиточной стадии развития языка [1, с. 178; 12; 7; 13, с. 22]. Подобные факты Э.В. Севортян считает одним из древних способов словообразования в тюркских языках, результатом явления синкретизма [14, с. 359-427]; и другие исследователи указывают, что этот способ словообразования является одним из древнейших в тюркских языках [15, с. 263-265]. Некоторые зарубежные тюркологи допускают две возможности сопоставления имени и глагола в то же слово [16, с. 171; 17, с. 19].

Анализ изложенных фактов позволяет сделать следующие выводы. Омонимичные слова (глагол-имя, глагол-прилагательное, глагол-наречие), исторически восходящие к одному корню, в научной литературе называются по-разному: «глагольно-именные

первичные основы», «омонимы, возникшие в результате конверсии», «корневые омонимы (тубокир омонимдер)», «первичные омонимы». Полагаем, что наиболее правильным названием является предложенное Б.М. Юнусалиевым – «первичные омонимы» (этот термин закрепился в научной литературе) [\[9, с. 110; 18, с. 63\]](#).

В возникновении первичных омонимов главную роль играет историческое развитие глаголов структуры СГ [\[19, с. 79\]](#). По мнению некоторых исследователей, на первых этапах развития языка название предмета и его движение передавались одним словом [\[20, с. 22\]](#). Происхождение первичных омонимов от одного корня является одним из исторических источников словообразования в тюркских языках.

Рассмотрение грамматических омонимов в современном крымскотатарском языке, включая субстантивацию, переход нарицательных имен в имена собственные, адъективацию, адвербиализацию, переход смысловых слов в служебные, первичную омонимию свидетельствует о сложном характере процессов, происходящих при формировании словарного запаса и грамматика современного крымскотатарского языка. Синтаксические и морфологические факторы, разрешающие и оформляющие синтаксические изменения, образуют грамматические омонимы. В этом процессе проявляется единство действия всех сторон языка, их взаимная связь и взаимообусловленность. Знакомство с явлением грамматической омонимии подтверждает необходимость более детального теоретического и практического изучения преподавания языка.

Грамматическая омонимия более абстрактна, чем лексическая. Если лексические омонимы всегда представлены отдельными словами – носителями определенного реального содержания, то грамматическая омонимия может быть выражена не только в тождестве целых словоформ, как во всех приведенных примерах, но и в тождестве только грамматических формантов, а также в тождестве грамматических конструкций или моделей.

Таким образом, сущность грамматической омонимии состоит в том, что они служат омонимами только благодаря совпадению грамматических форм и образуются в результате конверсии.

Библиография

1. Баскаков Н. А. Каракалпакский язык. II. Фонетика и морфология. М., 1952. 263 с.
2. Дмитриев Н. К. Грамматика башкирского языка. М.-Л.: Изд-во АН СССР в Лгр., 1948. 180 с.
3. Жлуктенко Ю. А. Конверсия в современном английском языке // Вопросы языкознания. 1958. № 5. С. 59-64.
4. Шанский Н. М. Лексикология современного русского языка для пед ин-тов. М.: Просвещение, 1972. 316 с.
5. Аллендорф К. А. Значение и изменение значений слов // Учёные записки ПМГПИИ им. М. Тореза. 1965. Т. 32. С. 76-78.
6. Гочияева С. А. Наречие в карачаево-балкарском языке; Черкесск: Ставропольское кн. изд-во, 1973. 136 с.
7. Беглярова С. А. Адвербиализация в современном азербайджанском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.05: АН АзССР, Ин-т языкознания им. Насими; Баку, 1979. 23 с.
8. Аханов К. Казах тилиндиги омонимдер. Алма-Ата, 1958. 161 с.
9. Бекджанова Р. Омонимы в киргизском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук;

Фрунзе, 1967. 30 с.

10. Батманов И. А. Современный киргизский язык. Фрунзе: Изд-во АН СССР, 1963. 166 с.

11. Мелиоранский П. М. Памятники в честь Кюль-Тегина. ЗВОРАО. 1899. Т. 12. Вып. 2-3. 132 с.

12. Севортян Э. В. Аффиксы глаголообразования в азербайджанском языке. Опыт сравнительных исследований. М.: Изд-во вост. лит., 1962. 643 с.

13. Орузбаева Б. О. Словообразования а киргизском языке. Фрунзе: Илим, 1964. 311 с.

14. Рамстедт Г. И. Введение в алтайское языкознание. Морфология. М.: Изд-во иностр. лит., 1957. 254 с.

15. Gronbeek K. Der turkischesprachbau. 1. Kopenhagen, 1936. 119 p.

16. Сыдыков А. Н. Национально-культурная специфика лексики киргизского языка // Проблемы современной науки и образования. 2016. № 3. С. 53-58.

17. Юлдашев А. А. Словообразования и спряжение глаголов в башкирском языке. М., 1958. 38 с.

18. Калбачонов А.М., Хашхожева З.Т. Особенности адвербиализации различных частей речи в кабардино-черкесском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. Том 15. Выпуск 4. С. 1118-1122.

19. Гузеев Ж.М. О словообразовательной сущности конверсии в тюркских языках (на материале карачаево-балкарского языка) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 7. С. 85-87.

20. Хачирова Е.М. Конверсия и субстантивация лексических форм глагола и имени прилагательного в карачаево-балкарском языке // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2015. № 4. С. 135-141.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Актуальность рецензируемой работы связана с тем, что понятие «значения охватывает не только лексические, но и грамматические составляющие, различие грамматических значений слов следует считать столь же важным, как и различие лексических значений при омонимии, так как омонимия может характеризоваться одним или обоими этими признаками». Автор указывает, что «цели и задачи исследования состоят в рассмотрении и анализе конверсии как одного из способов образования грамматической омонимии в крымскотатарском языке». Конкретика цели определяет и стройность всего исследования. Поставленный ряд задач, решает ступенчато, планомерно, достаточно точно. Язык / стиль сочинения тяготеет к собственно научному типу: «особое внимание к грамматическому способу словообразования, а именно переходу слов из одной части речи в другую в тюркских языках отмечается в работах А.Н. Кононова, Н.К. Дмитриев, Б. Орузбаевой, С.В. Севортяна и др. В работах термин «конверсия» используется для обозначения регулярного и нерегулярного перехода слов в другие части речи. Конверсия – это образование нового слова путем перевода данной основы слова в другую парадигму словоизменения» и т.д. Ссылки по ходу работы даются в выверено правильном режиме, серьезная правка излишня. Работу отличает аналитическая разверстка вопроса, комментариев столь важный для научных изысканий введен правильно: «Для крымскотатарского языка характерны грамматические омонимы, образованные путем субстантивации прилагательных, адвербиализации существительных, адъективизации причастий и перехода основных или знаменательных слов в разряд служебных. Основная закономерность омонимичности

слов разных частей речи состоит в том, что переход слов из одной части речи в другую связан с сокращением парадигмы или изоляцией словоформы от парадигмы. При переходе изменяемых слов в неизменяемые слова парадигма сокращается и сужается. Омонимы, относящиеся к одной или разным частям речи, выражают различное значение с точки зрения их парадигматического и синтагматического аспектов. Также необходимо отметить, что грамматические омонимы не выделяются в словарях и являются омонимами только по различию грамматических значений». Примеры, на мой взгляд, интересны, главное – верифицированы: «В приведенных примерах первые члены омонимических пар имеют категорию числа и падежа, в то время как вторые члены омонимических пар их не имеют. Также каждый из членов омонимических пар имеет свои словообразовательные ряды, отличные друг от друга. Например, кок – «синий», кокче – «голубоватый», коклюк – «синева». Лексема кок – «небо» эти словообразовательные суффиксы не принимает, зато имеет свои средства словопроизводства, например, коксел – «небесный». Къарт – «старый», къартлыкъ – «старость», къартаймакъ – «стареть» и къарт – «старик» къартана, къартанай – «бабушка», къартбаба – «дедушка». Тема работы, думаю, может быть раскрыта и далее, таким образом, автор задает определенный импульс новым исследованиям и статья смежной тематической направленности. Считаю, что автор смог выстроить т.н. конструктивный диалог с оппонентами, с чем то явно соглашаясь, в чем-то аргументировано споря: «Однако, С.А. Гочияева права, отмечая, что «такие определительные сочетания (кумюш кашыкъ) не имеют отношения к омонимии в области прилагательных и существительных по той простой причине, что первые компоненты не выражают атрибутивных отношений, т.е. не выражают признака предмета, а распознаются как предметные понятия», или «Семантический анализ глагольных и именных корней позволяет предположить, что в древности в тюркских языках одно слово могло обозначать как предмет, находящийся в состоянии покоя (как имя существительное), так и предмет в движении, или само движение или действие предмета (как глагол)» и т.д. Наличного текста достаточно для раскрытия проблемы, достижения цели. Формат выводов наукоемкий: «грамматическая омонимия более абстрактна, чем лексическая. Если лексические омонимы всегда представлены отдельными словами – носителями определенного реального содержания, то грамматическая омонимия может быть выражена не только в тождестве целых словоформ, как во всех приведенных примерах, но и в тождестве только грамматических формантов, а также в тождестве грамматических конструкций или моделей. Таким образом, сущность грамматической омонимии состоит в том, что они служат омонимами только благодаря совпадению грамматических форм и образуются в результате конверсии». Работа соотносится с одним из направлений издания, основные требования учтены. Рекомендую статью «Конверсия как один из способов образования грамматической омонимии в крымскотатарском языке» к публикации в журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Крипак А.В., Харанутова Д.Ш. К проблеме номинации и синонимии термина «глаукома» // Litera. 2024. № 12.
DOI: 10.25136/2409-8698.2024.12.72141 EDN: OOKGTP URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=72141

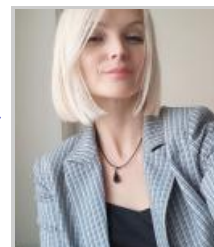
К проблеме номинации и синонимии термина «глаукома»

Крипак Анна Валентиновна

ORCID: 0000-0002-9117-828X

аспирант; кафедра русского языка и общего языкознания; Бурятский государственный университет
имени Доржи Банзарова

664003, Россия, Иркутская область, г. Иркутск, ул. 4-Я советская, 102, кв. 46

✉ anna_kripak@mail.ru**Харанутова Дарима Шагдууровна**

ORCID: 0000-0001-5692-5393

доктор филологических наук

доцент кафедры русского языка и общего языкознания ФГБОУ ВО "Бурятский государственный
университет имени Доржи Банзарова"

670000, Россия, республика Бурятия, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а

✉ dkharanutova@mail.ru

[Статья из рубрики "Семантика"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2024.12.72141

EDN:

OOKGTP

Дата направления статьи в редакцию:

31-10-2024

Аннотация: Офтальмологическая терминосистема считается сформировавшейся, но недостаточно изученной с точки зрения синонимии. Зачастую термин приобретает дублирующие двойные или тройные названия — квазисинонимы, которыми авторы считают профессионализмы–жаргонизмы и «народные» термины. Работа представляет собой очередной этап начатого ранее исследования, предметом которого является офтальмологическая терминология. Цель исследования — объяснить природу появления термина от момента возникновения до становления номенклатурным общепринятым

термином, найти возможные квазисинонимы к этому термину, объяснив их наличие или отсутствие. Объектом исследования является термин «глаукома». В работе рассмотрена структура тройного ряда дублирующих названий с точки зрения теории концепта: номенклатурное название — в центре и является понятийным ядром, в приядерной зоне — профессионализмы-жаргонизмы, на периферии расположены народные термины. Рассмотрена история появления термина "глаукома", осуществлена попытка выявления квазисинонимов и установления взаимосвязи между названием заболевания и восприятием пациентами заболевания, посредством проведения эксперимента. В эксперименте приняли участие 93 пациента с диагнозом «открытоугольная глаукома» начальной и развитой стадии. Пациентам был предложен опросный лист (12 вопросов, ответы: «да», «нет», один дополнительный вопрос). Научная новизна заключается в том, что в связи с недостаточной изученностью проблемы номинации дублирующих офтальмологических терминов был проведен эксперимент, который позволил определить круг дескрипторов, используемых пациентами для определения своего состояния. Развернутые ответы подтвердили догадки ученых, что этимология термина «глаукома» может быть связана с использованием в древности дискриптива (мутный сине-зеленый). Кроме того, результаты эксперимента выявили, что термин «глаукома» не имеет ни синонимов, ни дублирующих названий, на что, очевидно, повлияли этимологический фактор, фактор благозвучности, а также фактор тождественности. В дальнейшем необходимо изучение влияния различных факторов на появление дублирующих терминов и распределения их по группам: номенклатурные термины, профессионализмы-жаргонизмы, «народные» термины.

Ключевые слова:

офтальмологическая терминологическая система, медицинская терминологическая система, номенклатурные термины, профессионализмы-жаргонизмы, народные термины, синонимы, квазисинонимы, языковые дублеты, эксперимент, этимология слова

Возрастающая роль терминологии, необходимость её унификации и стандартизации обуславливают необходимость анализа специализированных терминосистем. Достаточно большое количество лингвистических исследований, посвященных развитию теории номинации и пониманию языковой картины мира в целом, подтверждают актуальность данного направления.

Офтальмологическая терминосистема, являясь подсистемой медицинской терминологической системы, прошла долгий путь становления и может считаться сформировавшейся, что подтверждается работами отечественных и зарубежных исследователей [1-4]. Между тем, вопрос синонимии офтальмологической терминосистемы остается не до конца раскрытым. Функционируя в речи, помимо номенклатурного утвержденного названия, термин зачастую приобретает дублирующие названия. При этом часть исследователей считают это явление положительным и закономерным, возникшим параллельно с развитием науки и расширением научного знания [5-7]. Другие настаивают на том, что это крайне негативное явление, нарушающее целостность терминологической системы, затрудняющее её функционирование [8, 9]. Однако и те, и другие признают существование терминологической синонимии, которую невозможно завуалировать, также, как и невозможно запретить использование дублирующих названий [10], некоторые из которых определяются как «терминологические синонимы», другие «терминологические

дублеты», третьи — терминологическая вариантность».

Термин, являясь научным концептом, обладает рядом концептуальных признаков: понятийный, образный компонент, фоновые знания. Исследуя офтальмологическую терминологию, нами было обнаружено существование двойного и тройного ряда дублирующих названий терминов: номенклатурные названия, профессионализмы-жаргонизмы, народные термины, которые характеризуют различные сферы опыта и представляют различные стороны знания. При этом, если исследованию номенклатурных терминов посвящено достаточное количество работ, то изучением профессионализмов-жаргонизмов и «народной терминологии» занимается меньшее количество лингвистов. Однако все они сходятся во мнении, что медицинские профессионализмы-жаргонизмы не рассчитаны на широкое применение и эффективны только на уровне специалист — специалист [11, с. 66]. Вопросам номинации медицинской народной терминологии занимается еще меньшее количество исследователей, и многие из них предлагают связывать её этимологию со знаниями и аспектами народной медицины и врачевания [12, с. 56]. Однако помимо практической деятельности, влияющей на возникновение народных терминов, есть и другие факторы, способствующие появлению новой номинации. Знакомясь с каким-либо явлением, человек подмечает из массы имеющихся у данного предмета признаков какой-нибудь один, кажущийся ему характерным, и использует его для номинации нового предмета. Воспринимая новое явление, делясь ощущениями с другими участниками коммуникации, человек создает новый «народный» термин, функционирующий на уровне пациент-пациент.

При этом, как «народный термин», так и профессионализм-жаргонизм не являются синонимами к номенклатурному термину, они не тождественны и не взаимозаменяемы. В предыдущем исследовании мы доказали, что их можно считать квазисинонимами [13, с. 26].

С позиции теории концепта, структура тройного ряда офтальмологического термина может выглядеть так: номенклатурное название, являющееся понятийным ядром, в приядерной зоне находятся профессионализмы-жаргонизмы, передающие фоновые знания, а на периферии — народные термины, которые передают перцептивно-ассоциативное знание (Рис.).

Рис. Структура офтальмологического концепта

Для адекватной интерпретации понятийного ядра необходимы специальные знания офтальмологии. Термин приядерной зоны может быть интерпретирован только коммуникантом из профессионального социума, т.к. включает фоновые знания, в нашем

случае врачом офтальмологом или средним медицинским персоналом. Периферийный уровень офтальмологического концепта носит ассоциативный компонент, который могут представить только коммуниканты, не имеющие специальных знаний, но испытывающие определенные эмоции, и воспринимающие номенклатурный термин через личное восприятие и отношение к собственному здоровью. При этом, проведенное нами ранее исследование показало, что не все офтальмологические термины имеют тройной или двойной ряд квазисинонимов. Встречаются термины, не имеющие дублирующих названий. Закономерно возникает вопрос, почему же так происходит?

Данная работа представляет собой очередной этап начатого ранее исследования, предметом которого является офтальмологическая терминология.

Цель работы - объяснить природу появления термина «глаукома» от момента возникновения до становления номенклатурным общепринятым термином и найти возможные квазисинонимы к этому термину.

Для достижения цели были проработаны исторические медицинские источники, в том числе на иностранных языках [\[14-16\]](#). Также был проведен однонаправленный эксперимент для выявления возможных квазисинонимов к термину «глаукома».

История появления термина «глаукома»

Заболевание, квалифицируемое сегодня как «глаукома», появилось давно. Сначала термин «глаукома» использовали для обозначения общей группы глазных заболеваний без различий, приведших к слепоте. И только несколько позже стали встречаться признаки, свидетельствующие о заболевании, похожем на глаукому, в том виде, в котором её знают сейчас [\[14, с. 1563\]](#).

Однако до сих пор существуют некоторые разногласия относительно истинного происхождения термина. «Glaucosis» впервые упоминается в трудах Гиппократов как болезнь, приводящая к слепоте, чаще всего встречающаяся у пожилых людей [\[16, с. 1603\]](#). В источниках упоминается, что «как только зрачок приобретает цвет моря – зрение разрушено, и зачастую другой глаз тоже слеп». Было высказано предположение, что слово «глаукома» происходит от древнегреческого слова $\Gamma\lambda\alpha\upsilon\upsilon\chi$ – $\Gamma\lambda\alpha\upsilon\upsilon\kappa\omicron\varsigma$ (glaukos), существительного и прилагательного, происходящего от глагола « $\Gamma\lambda\alpha\upsilon\upsilon\sigma\sigma\omega$ » (glausso), означающего «светиться» или «сиять», что, возможно, относится к «горячему» глазу при острой глаукоме. Если говорить о цвете, то это слово также означает «сине-белый» или «сине-зеленый», офтальмологически это глаза, имеющие светло-голубой или морской оттенок. Арабские ученые также перевели glaukos как zarqa, термин, означающий «синий» [\[15, с. 28\]](#). По сей день глаукому по-арабски называют «голубой водой». Добавление «воды» к термину может быть связано с убеждением, что изменение цвета было вызвано отеком (что на самом деле верно). Есть и другая версия, греческое слово «glaukos» также означает сову, которую, как полагают, называли так из-за свирепых, больших и светящихся глаз. Кроме того, известно, что врожденная глаукома была распознана уже в древние времена и характеризовалась большими буфтальмическими глазами (глаза «навыкат»), которые выглядели как глаза совы. Также, есть данные, что древнегреческая богиня Афина и город, названный в ее честь (Афины), по-гречески назывались $\Gamma\lambda\alpha\upsilon\kappa\omicron\mu\alpha\tau\eta$ «glaucomati», что означает «имеющая глаза совы» [\[3, 14\]](#). Вероятно, это отражает тот факт, что она была такой мудрой, как сова. Таким образом, орнитологическая концепция усиливает споры, касающиеся точного происхождения термина «глаукома».

Поскольку изучение истории возникновения термина «глаукома» не дает однозначный ответ на вопрос об этимологии слова, мы предположили, что возможна связь номинации термина с восприятием пациентами своего заболевания. В экспериментальной части данного исследования мы предприняли попытку выяснить, как пациенты понимают диагностированное у них заболевание «глаукома», а проще говоря, как пациенты «видят» глаукому своими же глазами.

Участники однонаправленного эксперимента

В исследование вошли пациенты, обратившиеся в глаукомную службу крупной офтальмологической клиники г. Иркутска в период с января 2024 года по июнь 2024 года. Всем пациентам было проведено полное офтальмологическое обследование. Пациенты с установленным диагнозом «первичная открытоугольная глаукома» разной стадии заболевания были рекомендованы для участия в эксперименте (110 человек). Из них 6 пациентов имели далекозашедшую стадию глаукомы, при которой острота зрения минимальная, этих пациентов исключили из исследования, 7 пациентов имели другие сопутствующие патологии и, для чистоты эксперимента, они также были исключены из исследования, 4 человека отказались участвовать в исследовании. Все оставшиеся (93 пациента) подписали письменное добровольное согласие для участия в исследовании. Характеристика участников эксперимента представлена в таблице 1.

Таблица 1. Характеристика участников эксперимента

Параметры		Кол-во пациентов
Возраст (лет)	± 65	93
Пол	Мужчины	51
	Женщины	42
Национальность	Русские	29
	Буряты	60
	Другие	4
Стадии глаукомы (острота зрения)	Начальная (0,6-1.0)	57
	Развитая (0,1-0,5)	36

Опросный лист

Для эксперимента был разработан опросный лист, основываясь на наиболее частных симптомах, ранее упомянутых пациентами и зафиксированных врачами учреждения. В опросный лист вошли 12 вопросов, требующих ответы: «да», «нет», и один дополнительный вопрос, предполагающий развернутый ответ (таблица 2).

Таблица 2. Опросный лист "Что видят пациенты с глаукомой"

1.	Носите ли вы очки?	да	нет
2.	Вы хорошо видите?	да	нет
3.	Ваше зрение размытое?	да	нет
4.	Ваше зрение зернистое?	да	нет
5.	Вам кажется, что мир вокруг потемнел?	да	нет
6.	Вы видите предметы боковым зрением?	да	нет
7.	Вы смотрите через вуаль?	да	нет
8.	Вам нужно больше света?	да	нет

9.	Вы смотрите через облака?	да	нет
10.	Когда вы читаете, вам кажется, что буквы затемнены?	да	нет
11.	Вы смотрите как будто через замочную скважину?	да	нет
12.	Вы смотрите как будто через трубочку от коктейля?	да	нет
13.	Опишите пожалуйста одним-двумя словами как вы видите этот мир?		

По рекомендации лечащих врачей и учитывая серьезность патологии, вопросы задавались устно каждому участнику эксперимента и фиксировались письменно. Для исключения расхождений в ответах и подтверждения точности результатов опрос был проведен дважды (второй раз те же вопросы задавались через 15 минут после первого опроса).

Результаты эксперимента

Исследование завершилось в июне 2024 года, когда 93 участника исследования были опрошены и их ответы зафиксированы и проанализированы. Все 93 пациента были разделены в зависимости от стадии глаукомы на 2 группы (начальная стадия и развитая стадия). Это было важно сделать, так как на каждой стадии острота и поле зрения пациента разное и, вероятно, определять свое состояние пациент также будет иначе. По данным медицинских источников на начальной стадии глаукомы у пациентов происходит увеличение размеров слепого пятна, сужаются границы с носовой стороны на 5 градусов, при развитой стадии глаукомы происходит сужение границ с носовой стороны до 15 градусов.

Ответы на открытый вопрос были расшифрованы с целью поиска визуальных симптомов заболевания и в дальнейшем с целью выявления признаков, свидетельствующих о связи симптома с этимологией термина «глаукома». Такие слова, как «нечеткий» и «нечеткость», считались однокоренными, производными от одного признака – «нечеткость». Такие дескрипторы, как «туманный», «размытый», «дымчатый» считались разными. В таблице 3 приведены симптомы, описанные пациентами.

Таблица 3. Наиболее часто встречающиеся симптомы глаукомы

Симптомы	Начальная стадия	Развитая стадия
Кол-во пациентов	57	36
Вижу (хорошо/плохо)	35/22	5/31
Размытое зрение (да/нет)	3/54	26/10
Зернистое зрение (да/нет)	16/41	30/6
Есть потемнение в глазах (да/нет)	19/38	30/6
Вижу предметы боковым зрением (да/нет/)	54/3	13/23
Смотрю через вуаль (да/нет/)	3/54	30/6
Мне нужно больше света (да/нет/)	42/15	32/4
Я смотрю через облака (да/нет/)	3/54	26/10
При чтении буквы блеклые (да/нет/)	5/52	29/7
Смотрю в замочную скважину (да/нет/)	0/57	0/36
Смотрю как через трубочку для коктейля (да/нет/)	0/57	0/36

У пациентов с начальной или развитой глаукомой наиболее распространенными

симптомами были: потребность в большем количестве света (73,6% и 88,8%), потемнение в глазах в группе с начальной стадией глаукомы наблюдали 33% пациентов и 83% в группе с развитой стадией глаукомы, кроме того 83% пациентов этой же группы видели зернистость и вуаль на глазах. Пациентам был задан открытый вопрос: «Опишите пожалуйста одним-двумя словами как вы видите этот мир?» Поскольку пациенты начальной стадии глаукомы видят мир практически глазами здорового человека, почти 100% пациентов этой группы сказали, что не видят изменений в восприятии картинки. Наиболее распространенным ответом в группе с развитой стадией глаукомы «мутность» (45%), вторым по встречаемости – «тусклость» (26%), на третьем месте – «затуманенность» (10%). Несмотря на то, что все комментарии пациентов похожи, мы выделили два, отличающихся от других, но при этом представляющих для нашего исследования интерес, так как соотносятся с историческими находками, касающимися происхождения термина «глаукома». Так, один респондент сказал: «Мир кажется более размытым. Он просто не совсем четкий. Раньше все было более четким». Другой пациент описал своё состояние, как: «Сейчас я смотрю сквозь мутную зеленоватую воду». Также были ответы, характеризующие изменение зрения: «нечеткость» (6%), «мглистость» (3%), «помрачнение» (5%), «нечистота» (4%) и «неясность» (1%). Следует отметить, что ни один пациент из группы с развитой стадией глаукомы не жаловался на «тоннельное зрение», о котором говорят специалисты, характеризуя симптом развития глаукомы, сужение поля зрения было подтверждено только приборами.

Обсуждение

Глаукома (glaukos, греч., glaucoma, англ.) - хроническая патология глаз, характеризующаяся повышением внутриглазного давления, развитием оптической нейропатии и нарушениями зрительной функции [17, с. 16]. Вопрос этимологии офтальмологического термина «глаукома» до сих пор остается противоречивым и открытым. Появившийся вначале 400 г. до н. э., термин «глаукома» был универсальным, обозначал комплексное заболевание, приводящее к слепоте. Изучение исторических источников не дало четкий ответ, использовалось ли слово «glaukos» впервые как глагол (светиться/сиять), как прилагательное (сине-зеленый) или как существительное (сова).

В данном исследовании мы предприняли попытку объяснить, связана ли этимология термина с восприятием пациентами своего заболевания, а также узнать, имеет ли термин «глаукома» квазисинонимы.

Проведенный эксперимент позволил определить круг дескрипторов, чаще всего используемых пациентами для определения своего состояния. Наиболее популярными среди них были: «мутность», «потускнелость», «затуманенность». Менее популярные: «нечеткость» и «мглистость».

Особый интерес для нашего исследования представили развернутые ответы пациентов. Характеристика одним из пациентов своего состояния, как «смотрю сквозь мутную зеленоватую воду» позволяет нам говорить, что этимология термина «глаукома» может быть связана с использованием в древности прилагательного (мутный сине-зеленый). Кроме того, в ходе эксперимента мы опровергли популярное мнение медицинского сообщества о том, что сужение поля зрения приводит к тому, что пациент с развитой стадией глаукомы видит мир «через коктейльную трубочку», или «замочную скважину». Ни один из 93 пациентов не охарактеризовал так свое состояние.

Несмотря на то, что в предыдущей работе мы указали на наличие высокого процента

квазисинонимов в офтальмологической терминосистеме [13, с. 24], результаты представленного эксперимента не обнаружили дублирующих названий к термину «глаукома». Скорее всего, номинация термина «глаукома» исторически мотивирована рядом факторов: 1. Этимологический фактор - внешнее сходством с предметом (сова с большими глазами); 2. Фактор тождественности - сходство с симптоматикой заболевания (мутная зеленая вода); 3. Фактор благозвучности - легкость запоминания, произнесения, как результат - единое звучание во всех языках.

Заключение.

Офтальмологическая терминосистема является сформировавшейся, но недостаточно изученной с точки зрения синонимии. Данное исследование позволило объяснить на примере термина «глаукома» почему некоторые офтальмологические термины не имеют ни дублетов, ни квазисинонимов. На отсутствие дублирующих названий повлияли этимологический фактор, фактор тождественности и фактор благозвучности, что подтверждено результатами проведенного эксперимента. «Глаукома» прочно вошла в язык, как профессионалов, так и обывателей, и данному термину не требуется альтернатива в качестве синонима, дублета или квазисинонима. В дальнейшем необходимо разработать критерии распределения дублирующих названий по трем группам: номенклатурные термины, профессиональзмы-жаргонизмы, «народные» термины.

Библиография

1. Загидуллина А. Ш. Эволюция понятия «Глаукома» и классификации данного заболевания // Медицинский вестник Башкортостана. 2016. Т. 11, № 1(61). С. 163-166.
2. Байдо Е. Н. Словарь офтальмологических терминов и понятий: более 700 слов. М.: ООО «Медицинское информационное агентство», 2008. 96 с.
3. Lascaratos J., Marcetos S. History of Glaucoma and cataract // Greek journal of ophthalm. 1981. № 18 (4). P. 219-241.
4. Вавилова К. Ю. Образование офтальмологических терминов в английском языке // Филологическое науки. Вопросы теории и практики. 2019. Т.12. № 12. С. 231-235.
5. Лейчик В. М. Терминоведение: предмет, методы, структура. М.: URSS, 2006. 256 с.
6. Лейчик В. М. Классификация терминосистем // Terminologija. 2008 № 15. С. 10-16.
7. Даниленко В. П. Русская терминология: опыт лингвистического описания. М.: Наука, 1977. 246 с.
8. Маринова Е. В. Термины "Синоним" и "Вариант слова" и их производные в специальной лингвистической литературе // Вопросы терминологии: Межвузовский сборник / Под ред. В. Н. Немченко. Ниж. Новгород: Изд-во ННГУ, 1993. С. 93-102.
9. Толикина Е. Н. Некоторые лингвистические проблемы изучения термина // Лингвистические проблемы научно-технической терминологии. М.: Наука, 1970. С. 53-67.
10. Ворона И. И. К вопросу терминологической синонимии. Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 3 (21): в 2-х ч. Ч. 2. С. 50-54.
11. Ельцова Л. Ф. Медицинский сленг как компонент языка медицины. Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2017. № 11 (77): в 3-х ч. Ч. 2. С. 65-68.
12. Синицина А. О. Народные наименования патологических состояний: этимологический аспект // Лингвистика и образование. 2022. Том 2 № 3 (7). С. 54-64.
13. Крипак А.В. Квазисинонимы офтальмологической терминосистемы: к постановке проблемы // Филология: научные исследования. 2024. № 4. С. 21-29. DOI: 10.7256/2454-0749.2024.4.70418 EDN: DANMET URL: https://e-notabene.ru/fmag/article_70418.html
14. Tsatsos M., Broadway D. Controversies in the history of glaucoma: is it all a load of old

Greek? // Br J Ophthalmol. 2007. № 91 (11). P. 1561-1562.

15. Leffler C. T., Schwartz S. G., Giliberti F. M., Young M. T., Bermudez D. What was Glaucoma Called Before the 20th Century? // Ophthalmol Eye Dis. 2015. № 7. P. 21-33.

16. Frinimopoulos J., Lascaratos J. The terms glaucoma and cataract in the ancient Greek and Byzantine writings // Documenta Ophthalmologica. 1991. № 77. P. 369-375.

17. Глаукома: национальное руководство / под ред. Е.А. Егорова. М.: ГЭОТАР-Медиа, 2013. 824 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Вариант работы, представленный к публикации, точно направлен на размышления о проблеме номинации и синонимии в терминотерминологии. Автор мотивирует выбор достаточно серьезной, обозначая, что «термин, являясь научным концептом, обладает рядом концептуальных признаков: понятийный, образный компонент, фоновые знания. Исследуя офтальмологическую терминологию, нами было обнаружено существование двойного и тройного ряда дублирующих названий терминов: номенклатурные названия, профессионализмы-жаргонизмы, народные термины, которые характеризуют различные сферы опыта и представляют различные стороны знания». В качестве базового понятия выбран термин «глаукома», собственно он и становится предметом «эмпирической оценки». Считаю, что статью отличает удачно сформированный практический блок, собранный материал, при этом не исключается (как отмечено в финале статьи) и перспектива дальнейшего изучения вопроса (некоторый ряд предположений, на мой взгляд, можно было озвучить и в этой статье). Стиль работы соотносится с собственно научным типом, серьезных фактических разночтений не выявлено; цель / задачи работы объективно ясны и понятны. Не мешают, а даже дополняют работу т.н. информационные справки: например, «однако до сих пор существуют некоторые разногласия относительно истинного происхождения термина. «Glaucosis» впервые упоминается в трудах Гиппократов как болезнь, приводящая к слепоте, чаще всего встречающаяся у пожилых людей [16, с. 1603]. В источниках упоминается, что «как только зрачок приобретает цвет моря – зрение разрушено, и зачастую другой глаз тоже слеп». Было высказано предположение, что слово «глаукома» происходит от древнегреческого слова Γλαύξ – Γλαύκος (glaukos), существительного и прилагательного, происходящего от глагола «Γλαύσσω» (glausso), означающего «светиться» или «сиять», что, возможно, относится к «горячему» глазу при острой глаукоме. Если говорить о цвете, то это слово также означает «сине-белый» или «сине-зеленый», офтальмологически это глаза, имеющие светло-голубой или морской оттенок». Думаю, что информационный срез важен при анализе: вступает в «диалог» и материал выверенный, и только полученный. Статистика дает основание говорить о т.н. объективности данных: «у пациентов с начальной или развитой глаукомой наиболее распространенными симптомами были: потребность в большем количестве света (73,6% и 88,8%), потемнение в глазах в группе с начальной стадией глаукомы наблюдали 33% пациентов и 83% в группе с развитой стадией глаукомы, кроме того 83% пациентов этой же группы видели зернистость и вуаль на глазах. Пациентам был задан открытый вопрос: «Опишите пожалуйста одним-двумя словами как вы видите этот мир?» Поскольку пациенты начальной стадии глаукомы видят мир практически глазами здорового человека, почти 100% пациентов этой группы сказали, что не видят изменений в восприятии картинки» и т.д. Автору, на мой взгляд, удалось раскрыть тему работы,

показать спектральность номинации и синонимии термина «глаукома». Отмечено, и с этим сложно не согласиться, что «в исследовании мы предприняли попытку объяснить, связана ли этимология термина с восприятием пациентами своего заболевания, а также узнать, имеет ли термин «глаукома» квазисинонимы», «проведенный эксперимент позволил определить круг дескрипторов, чаще всего используемых пациентами для определения своего состояния. Наиболее популярными среди них были: «мутность», «потускнелость», «затуманенность». Менее популярные: «нечеткость» и «мглистость» и т.д. Фактические выводы соотносятся с основной частью: «офтальмологическая терминосистема является сформировавшейся, но недостаточно изученной с точки зрения синонимии. Данное исследование позволило объяснить на примере термина «глаукома» почему некоторые офтальмологические термины не имеют ни дублетов, ни квазисинонимов. На отсутствие дублирующих названий повлияли этимологический фактор, фактор тождественности и фактор благозвучности, что подтверждено результатами проведенного эксперимента». Требования издания учтены, задачи, которые были поставлены, достигнуты; материал имеет практическую направленность, список источников достаточен. Рекомендую статью «К проблеме номинации и синонимии термина «глаукома» к публикации в журнале «Litera» ИД «Nota Bene».

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в рецензируемой работе является номинация и синонимия термина «глаукома». Актуальность исследования связана с возрастающей ролью терминологии, необходимостью её унификации, стандартизации и анализа специализированных терминосистем. Недостаточно изучены офтальмологические термины, обладающие смысловым подобием, которые могут как заменять друг друга, так и функционировать в речи параллельно. Как отмечается в работе, «большое количество лингвистических исследований, посвященных развитию теории номинации и пониманию языковой картины мира в целом, подтверждают актуальность данного направления». Теоретической базой научной работы послужили работы таких российских и зарубежных исследователей, как В. П. Даниленко, В. М. Лейчик, Е. Н. Толикина, И. И. Ворона, К. Ю. Вавилова, А. Ш. Загидуллина, А. О. Сеницына, А. В. Крипак, С. Т. Leffler, S. G. Schwartz, F. M. Giliberti, M. T. Young, D. Bermudez и др. Библиография статьи составляет 17 источников, соответствует специфике изучаемого предмета, содержательным требованиям и находит отражение на страницах статьи. Так, апеллируя к работам, посвященным русской терминологии, классификации терминосистем, эволюции понятия «глаукома» и образованию офтальмологических терминов, автор(ы) отмечают, что «офтальмологическая терминосистема, являясь подсистемой медицинской терминологической системы, прошла долгий путь становления и может считаться сформировавшейся. Между тем, вопрос синонимии офтальмологической терминосистемы остается не до конца раскрытым. Функционируя в речи, помимо номенклатурного утвержденного названия, термин зачастую приобретает дублирующие названия. При этом часть исследователей считают это явление положительным и закономерным, возникшим параллельно с развитием науки и расширением научного знания. Другие настаивают на том, что это крайне негативное явление, нарушающее целостность терминологической системы, затрудняющее её функционирование». Для достижения поставленной цели исследования («объяснить природу появления термина «глаукома» от момента возникновения до становления номенклатурным

общепринятым термином и найти возможные квазисинонимы к этому термину») автором(ами) не только проработаны научные источники, в том числе на иностранных языках, но и проведен однонаправленный эксперимент для выявления возможных квазисинонимов к термину «глаукома». Проведенный эксперимент позволил определить круг дескрипторов, чаще всего используемых пациентами для определения своего состояния. В то же время в ходе эксперимента не обнаружено дублирующих названий к термину «глаукома».

Результаты эксперимента отражены в таблицах, что является несомненным преимуществом представленной научной работы, так как визуализация и авторская интерпретация данных делает материал более доступным для восприятия и способствует более глубокому пониманию масштабов проведенной работы. Анализ теоретического материала, его практическое обоснование и обсуждение результатов эксперимента позволили автору(ам) сделать вывод о том, что «офтальмологическая терминосистема является сформировавшейся, но недостаточно изученной с точки зрения синонимии», а также на примере термина «глаукома» определить, почему некоторые офтальмологические термины не имеют ни дублетов, ни квазисинонимов: «на отсутствие дублирующих названий повлияли этимологический фактор, фактор тождественности и фактор благозвучности. «Глаукома» прочно вошла в язык, как профессионалов, так и обывателей, и данному термину не требуется альтернатива в качестве синонима, дублета или квазисинонима». Выводы исследования соответствуют поставленным задачам, сформулированы логично и отражают содержание работы.

Теоретическая значимость и практическая ценность исследования заключаются в его вкладе в решение современных проблем терминоведения и в изучение специализированных терминосистем, а также в возможности использования его результатов в последующих научных изысканиях по заявленной проблематике и в вузовских курсах по языкознанию и лексикологии, спецкурсах по теории дискурса, терминоведения, терминологии.

Содержание статьи соответствует названию, логика исследования четкая. Работа соответствует основным требованиям, предъявляемым к научным статьям. Однако в тексте статьи встречаются опечатки: «структура тройного ряда офтальмологического термина» и пропуски запятых: «Опишите пожалуйста одним-двумя словами как вы видите этот мир?», «Данное исследование позволило объяснить на примере термина «глаукома» почему некоторые офтальмологические термины не имеют ни дублетов», которые не умаляют общего положительного впечатления от рецензируемой работы.

Статья имеет законченный вид; она вполне самостоятельна, оригинальна, будет интересна и полезна широкому кругу лиц и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Litera».

Англоязычные метаданные

The cyclic vector of realization of cultural memory in the novel "Chagin" by Evgeny Vodolazkin

Bezrukov Andrey Nikolaevich

PhD in Philology

Associate Professor, Ufa University of Science and Technology (Branch in Birk)

452455, Russia, Republic of Bashkortostan, Birk, Internatsionalnaya str., 120-V, sq. 9

✉ in_text@mail.ru

Abstract. Evgeny Vodolazkin has firmly established himself in the latest Russian prose as a master of the realization of artistic intrigue. His novels are a vivid confirmation of this. The writer, in addition to forming a very dense intriguing plot, adding a figurative series, manifesting a point of view, deliberately uses the technique of artistic collision, but in an admittedly realistic way. For Evgeny Vodolazkin, the course of novel events is not only a literal combination of situational episodes, it is also a carefully thought-out dialogue with the reader. The subject of the research in the article is the deciphering of the theme of memory on the example of E.G. Vodolazkin's novel "Chagin". The object of study correlates with the main issue of the text, which builds a narrative, a figurative series, a genre structure. The purpose of the work is a parametric analysis of the manifestation of cultural memory in the specified text. The assessment of the imaginative thinking of the main character, Isidor Chagin, is not excluded in the study, since memory cannot be considered separately from the feeling and perception of reality by the character. The methodological basis of the work is focused on the comparative principles of text evaluation, conceptual verification of the work, taking into account the systematization of receptive connotations. In the novel "Chagin", the main character is going through a crisis state – he cannot forget what he has read, seen, and experienced. Memory is syncretically soldered to the existence of the hero as such, it ontologically sets the metaphysics of the character's existence. The scientific novelty of the study lies in the fact that the novel has not yet been practically studied within the framework of this category, there is no proper assessment of the topic in the critical-analytical type mode. The materials can be useful practically in verifying the style, manner of writing, and artistic thinking of Evgeny Vodolazkin. The conclusions of the work are focused on the fact that memory in the novel "Chagin" is a formula of irreversibility. But the actions and deeds of the hero are in many ways a demonstration of multiplicity. Although Vodolazkin's writing style and poetics do not gravitate towards postmodernism, the influence of modern trends is clearly evident in this work. The plot of the novel is not accidental, the figure of the main character is composed in a special way, but the context itself, clearly expanding, has a multiplicity of excuses. Cultural memory is cyclically oriented, for Evgeny Vodolazkin it is an impulse to destabilize meanings, because it is an ontological task of artistic creation.

Keywords: narrative, author, hero, realism, poetic, novel, cultural memory, Evgeny Vodolazkin, reader, style

References (transliterated)

1. Varlamov A.N. Myslennyi volk. M.: AST, 2014. 508 s.
2. Vodolazkin E.G. Idti bestrepetno : mezhdru literaturoi i zhizn'yu. M.: Izdatel'stvo AST : Redaktsiya Eleny Shubinoi, 2020. 409 s.

3. Vodolazkin E.G. Chagin : roman. M.: Izdatel'stvo AST : Redaktsiya Eleny Shubinoi, 2022. 378 s.
4. Grimova O.A. Narrativnye intrigi v romane E.G. Vodolazkina «Chagin» // Novyi filologicheskii vestnik. 2023. № 4(67). S. 235-245. DOI: 10.54770/20729316-2023-4-251.
5. Krusanov P.V. Tsar' golovy : rasskazy. M.: AST : Redaktsiya Eleny Shubinoi, 2015. 314 s.
6. Kryukova O.S. Khudozhestvennoe prostranstvo i geroi, ego organizuyushchii, v romane E.G. Vodolazkina «Chagin» // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki. 2023. № 9(877). S. 143-148. DOI: 10.52070/2542-2197_2023_9_877_143.
7. Nikolina N.A. Funktsionirovanie komparativnykh tropov v romane E. Vodolazkina «Chagin» // Russkaya rech'. 2023. № 4. S. 102-112. DOI: 10.31857/S013161170027463-8.
8. Pelevin A. Pokrov – 17 : roman. M.: ID «Gorodets», 2022. 304 s.
9. Prilepin Z. Obitel'. M.: AST : Redaktsiya Eleny Shubinoi, 2015 . 746 s.
10. Yakhina G.Sh. Eshelon na Samarkand. M.: AST : Redaktsiya Eleny Shubinoi, 2022. 512 s.
11. Prokhorova T.G. Osobennosti funktsionirovaniya istoricheskogo diskursa v neistoricheskoi proze Evgeniya Vodolazkina // Filologiya i kul'tura. 2023. № 2(72). S. 167-172. DOI: 10.26907/2782-4756-2023-72-2-167-172.
12. Pelevin V.O. Krut'. M.: Eksmo, 2024. 496 s.
13. Bezrukov A.N. Tsirkulyatsiya tanatologicheskikh motivov v russkoi klassike // Rodnaya slovesnost' v sovremennom kul'turnom i obrazovatel'nom prostranstve : sbornik nauchnykh trudov. Tom Vypusk 7 (13). Tver' : Tverskoi gosudarstvennyi universitet, 2017. S. 31-36.
14. Khrulev V.I. Khudozhestvennyi mir Leonida Leonova. Ufa: Gilem, 2005. 536 s.
15. Bezrukov A.N. Venedikt Erofeev: mezhdru metafiziko i literaturnoi pravko. SPb.: Giperion, 2018. 226 s.
16. Vodolazkin E.G. Brisben. M.: Izdatel'stvo AST: Redaktsiya Eleny Shubinoi, 2021. 416 s.
17. Bezrukov A.N. Poeticheskii stil' i khudozhestvennyi diskurs: problema sootnoshenii // Slovo, vyskazyvanie, tekst v kognitivnom, pragmaticheskom i kul'turologicheskom aspektakh : materialy VIII Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, Chelyabinsk, 20–22 aprelya 2016 goda. Tom 2. Chelyabinsk: Entsiklopediya, 2016. S. 169-172.
18. Il'ina E.V. Kontseptualizatsiya zagolovochnogo kompleksa kak dominanty khudozhestvennogo diskursa // Kognitivnye issledovaniya yazyka. 2024. № 2-1(58). S. 213-217.

Media functions: evolution and interpretation of concepts

Melnik Galina Sergeevna

Doctor of Politics

Professor; Higher School of Journalism and Mass Communications; St. Petersburg State University

199034, Russia, Saint Petersburg, Universitetskaya nab., 7-9

✉ melnik.gs@gmail.com

Tian Jiahuang

Graduate student; Higher School of Journalism and Mass Communications; St. Petersburg State University

199034, Russia, Saint Petersburg, Universitetskaya nab., 7-9

✉ st075572@student.spbu.ru

Gurushkin Pavel Yurievich

PhD in Politics

Associate Professor; Higher School of Journalism and Mass Communications; St. Petersburg State University

199034, Russia, Saint Petersburg, Universitetskaya nab., 7-9

✉ gurupavel@ya.ru

Degtyareva Olga Viktorovna

PhD in Politics

Associate Professor; Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

199178, Russia, Saint Petersburg, Sredny ave., 57/43

✉ melnik.gs@gmail.com

Abstract. The article is devoted to a comparative analysis of the approaches of various humanities and social sciences to the definition and interpretation of the concepts of "journalism functions", "media functions", "media discourse functions", as well as consideration of the factors of their transformation in different historical periods. An activity-based approach is used in order to correlate the concepts of the type of activity, type of creativity, purpose, mission, and functions of modern mass media. In this paper, we propose to identify the following key approaches in the analysis of modern media that do not have spatial boundaries (philosophical, cultural, political, psychological, sociological and philological), allowing a multifaceted approach to the characterization of media as an integral object, complex in its structure and functionality, to expand understanding of the role of the media in a multipolar world and the values split. In this study, in addition to the comparison method, structural-functional, sociological, cultural and philological approaches were used. The scientific novelty of the article is the identification of the expanded functions of the media in modern society, where traditional roles are complemented by cognitive, adaptive and semantic aspects. The research focuses on the changing importance of the media in the context of digital transformation, globalization and information wars, emphasizing their role in the formation of meanings, social values and management of social processes. The media, in turn, perform many functions, including informational, ideological, cultural, communicative and cognitive. Their role varies depending on socio-historical conditions, having both positive and negative effects on society. In the context of modern challenges, it is of particular importance not only to combat "fakes" and disinformation, but also to form new social values.

Keywords: text, a value-based approach, theory of journalism, scientific approach, media text functions, the mission of the media, media functions, media communications, functions of journalism, media

References (transliterated)

1. Alkhazova M. K., Ezdekova L. B. Rol' i funktsii SMI v sovremennom obshchestve // Sovremennaya nauka i innovatsii. 2020. Vyp. 2 (38). S. 251–257.

2. Barmak Baian, Pavlovskaya N. V. K voprosu o transformatsii funktsii elektronnykh SMI v sovremennom obshchestve // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki (Tambov). 2014. Ch. 1. S. 29–31.
3. Blokhin I. N. Parametry identifikatsii i otsenki professional'noi ideologii zhurnalistiki // Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki. 2023. T. 12. № 2. S. 183–198.
4. Blokhin I. N., Sidorov V. A., Kurushkin S. Axiology of Political Journalism: Developing an Algorithm for the Study of Mass Communication // Lex Humana. 2022. T. 4. № 2. S. 451–465.
5. Blokhin I. N. Sokhranenie kul'turno-istoricheskoi pamyati v sisteme zhurnalistskikh funktsii // Medialingvistika. 2023. Vyp. 10. Yazyk v koordinatakh massmedia: materialy VII Mezhdunar. nauchn. konferentsii (Sankt-Peterburg, 28 iyunya – 1 iyulya 2023 g.). SPb.: Mediapapir. S. 494–498.
6. Vartanova E. L. Mediasistema v kontekste obshchestvennykh protsessov: pereosmyslenie teoreticheskoi konstruktsii // Medi@l'manakh. 2023. № 2 (115). S. 8–19. DOI: 10.30547/mediaalmanah.2.2023.819
7. Vartanova E. L. O razvitii terminologii aktual'nykh issledovatel'skikh polei tsifrovyykh media // Medi@l'manakh. 2024. № 4 (123). S. 8–19.
8. Vysotskii V. B. Formirovanie kul'turologicheskikh kompetentsii zhurnalista / V. B. Vysotskii // Perspektivy istoricheskoi i regional'noi kul'turologii v sovremennoi Rossii: sbornik nauchnykh statei. SPb., 2019. S. 231–237.
9. Dragun E. M. Vliyanie massovoi kul'tury i formirovanie sovremennogo infoteinmenta i ego sotsiokul'turnye funktsii // Voprosy kul'turologii. 2014. № 9 (sentyabr'). S. 34–38.
10. Dobrosklonskaya T. G. Modelirovanie informatsionnykh protsessov v sovremennom mediaprostranstve // Vestn. Mosk. un-ta. Ser. 10. Zhurnalistika. 2015. № 44. S. 3–15.
11. Zorkov N. N. Infoteinment: vzniknovenie, funktsii, sposoby vozdeistviya // Relga. 2005. № 19. 01.12.2005. [Elektronnyi resurs]. URL: <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tguwww.woa/wa/Main?textid=735&level1=main&level2=articles> (data obrashcheniya: 11.11.2024).
12. Kim M. N. Molodezhnye izdaniya: funktsii i naznachenie // Nauch. trudy Sev.-Zap. in-ta upravleniya. 2022. T. 11. № 3 (45). S. 45–48.
13. Il'chenko S. N. Feik-kontrol', ili Novosti, kotorym ne nado verit'. – M.: Izd-vo Feniks, 2021. 188 s.
14. Informatsionnaya analitika i informatsionno-analiticheskie tekhnologii v kontekste sotsial'nogo upravleniya / S. P. Belokon', V. N. Remarchuk, S. V. Smul'skii [i dr.]. M.: Ekon-Inform, 2023. 226 s.
15. Korkonosenko S. G. Sotsial'nost' zhurnalistiki media: metodologicheskie podkhody // Theoretical and Practical Issues of Journalism. 2020. T. 9. № 3. S. 417–430.
16. Latysheva Zh. V. Formirovanie kul'tury cheloveka i obshchestva kak missiya zhurnalistiki // Mezhdunarodnyi nauchno-issledovatel'skii zhurnal. 2023. № 8 (3). URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?edn=pjnyok> (data obrashcheniya: 11.11.2024).
17. Litvyakova L. A. Zhurnalistika kak forma sotsiogumanitarnogo poznaniya v sovremennoe vremya // Sovremennye nauchnye issledovaniya i innovatsii. 2017. № 2. [Elektronnyi resurs]. URL: <https://web.snauka.ru/issues/2017/02/78713> (data obrashcheniya: 22.11.2024).
18. Makashova V. V. Dezinformatsiya kak element tekhnologii upravleniya smyslami // MediaVektor. 2023. Vyp. 9. S. 84–89, 153–162.
19. Oleinik O. V. Kognitivnoe rassmotrenie tekstov SMI // Universum: Filologiya i

- iskusstvovedenie: elektron. nauchn. zhurn. 2018. № 7 (53). URL: <http://7universum.com/ru/philology/archive/item/6179> (data obrashcheniya: 11.11.2024).
20. Ot teorii zhurnalistiki k teorii media. Dinamika mediaissledovaniy v sovremennoi Rossii: koll. monogr. / pod red. E. L. Vartanovoi. M.: Izd-vo Mosk. un-ta; Fak. zhurn. MGU, 2019.
 21. Povarnitsyna M. V. Manipulyatsiya, suggestiya, attraktsiya i fastsinatsiya v krealizovannom tekste // Ser. Filologicheskie nauki. 2016. S. 117–124.
 22. Suprun V. I. Evolyutsiya terminov russkoi zhurnalistiki: ot vedomostei do median // Medialingvistika. 2021. 8 (4). S. 391–405. URL: <https://medialing.ru/ehvolyciya-terminov-russkoj-zhurnalistiki-ot-vedomostej-do-media/> (data obrashcheniya: 12.11.2024).
 23. Sukhodolov A. P. Ideologicheskaya funktsiya sredstv massovoi informatsii v usloviyakh informatsionnykh voyn // Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki. 2015. № 2. S. 117–126.
 24. Teoriya zhurnalistiki v Rossii / pod red. S. G. Korkonosenko. SPb.: Aleteiya, 2018. 254 s. (Peterburgskaya shkola zhurnalistiki i MK).
 25. Fedotova N. A. Rekreativnye funktsii SMI: ideologicheskii i politicheskii kontekst // Vestnik Chelyab. gos. un-ta. 2015. № 5. S. 414–420.
 26. Chelysheva I. V. Sotsiokul'turnoe pole media: real'nost', kommunikatsiya, chelovek [monografiya]. M.: MOO «Informatsiya dlya vsekh», 2016. 178 s.
 27. Shinyaeva O. V., Kamanina V. E. Realizatsiya funktsii sredstv massovoi informatsii v usloviyakh global'nykh i natsional'nykh vyzovov // Izvestiya vuzov. Povolzhskii region. Obshchestvennye nauki. 2021. № 1 (57). S. 70–85.
 28. Guala, Francesco. *Understanding Institutions: The Science and Philosophy of Living Together*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2016.
 29. Lahti, Henri, et al. «What counteracts problematic social media use in adolescence? A cross-national observational study». *Journal of Adolescent Health* 74.1 (2024): 98–112.
 30. Neupane M., Bhoortel U. Impact of Mass Media for Shaping Opinions to have effective Communication. – 2024.
 31. Hongcharu B. The changing roles of mass media amidst the growth of the digital media // *Cogent Social Sciences*. – 2024. – T. 10. – №. 1. – S. 229.

Specific features in the translation of science fiction (as exemplified by the Italian translation of A. and B. Strugatskii's short story "Forgotten Experiment")

Vigna-Taglianti Jacopo

Senior Lecturer; Department of Foreign and Russian Languages; Russian State Agrarian University - K. A. Timiryazev Agricultural Academy

49 Timiryazevskaya str., Moscow, 127434, Russia

✉ jacopo.vignataglianti@gmail.com

Abstract. The paper examines specific features emerging in the translation of science-fiction works from Russian into Italian. The Italian translation of the short story "Forgotten Experiment" by A. N. and B. N. Strugatskii is used as an example. This short story was not selected randomly, but accurately chosen as the first work by the authors published in Italy in 1961. Some features were identified as specific of sci-fi translation. A certain similarity between sci-fi and technical translation can be observed, for example, in the use of scientific

and pseudoscientific terminology, as well as original neologisms and occasionalisms, realia and irrealia (also defined as quasi- or pseudorealities). Other features should be considered too, such as rendering the authors' scientific and philosophical conceptions and writing style. The methods of contextual and comparative analysis were used to locate passages in the text that pose specific translation challenges, while the analysis of translation shifts allowed us to determine how the translator tried to overcome them. It should be noted that, despite the growing academic interest towards science fiction, the combination of Russian and Italian remains unexplored, thus substantiating the novelty of the current study. The results of the contextual and comparative analysis of the Italian translation of the short story "Forgotten Experiment" led us to the following conclusions: despite being made by an experienced translator of literary fiction and poetry such as Raissa Naldi, the translation under study cannot be considered adequate since it does not render properly the previously identified features of sci-fi translation. In particular, too many textual elements were omitted, the terminological system is not uniform, the scientific and philosophical conception and writing style are misrendered. This proves that such features should be taken into consideration when translating science fiction in order to obtain a satisfactory result.

Keywords: writing style rendering, translating neologisms, translating realia, world building, translation criticism, translation adequacy, translation shifts, science fiction translation, science fiction, comparative analysis

References (transliterated)

1. Suvin D. *Metamorphoses of Science Fiction Genre*. New Haven: Yale University Press, 1979.
2. Akhmedov R.Sh. *Perevod tekstov nauchnoi fantastiki: lingvisticheskii i pedagogicheskii aspekty* // *Til, Ta'lim, Tarjima*. 2021. No. 2 (4). P. 20–30. doi: 10.26739/2181-0796-2021-4-2
3. Belov A.A., Nesterova Ya.A. *Osobennosti perevoda zhanra fantastiki* // *Vestnik nauki*. 2020. № 11 (32). S. 14–22.
4. Khatsiev I.D. *Osobennosti perevoda proizvedenii A. Azimova «Kak poteryalsya robot» i «Vykhod iz polozheniya» s angliiskogo na russkii* // *Sovremennoe pedagogicheskoe obrazovanie*. 2021. № 6. S. 175–178.
5. Aksoy O., Soylemez A.S. *Translation of neologisms in science fiction: the textual reality or unreality of the target text* // *Istanbul University Journal of Translation Studies*. 2023. No. 18. P. 107–122. doi: 10.26650/ijuts.2023.1255932
6. Khramaeva R.R. *Osobennosti perevoda nauchno-fantasticheskikh proizvedenii amerikanskoi literatury KhKh veka (na materiale romanov Aizeka Azimova)* // *Miasto Przyj ci*. 2024. No. 49. P. 1513–1521.
7. Mossop B. *The image of translation in science fiction and astronomy* // *The Translator*. 1996. No. 2 (1). P. 1–26. doi: 10.1080/13556509.1996.10798961
8. Cheyne R. *Created Languages in Science Fiction* // *Science Fiction Studies*. 2018. No. 35 (3). P. 386–403.
9. Jones R. *Computer Error: Voices and Translations in Edwin Morgan's Science Fiction Poetry* // *FORUM: University of Edinburgh Postgraduate Journal of Culture and the Arts*. 2009. No. 9. Retrieved from <https://journals.ed.ac.uk/forum/article/view/629/914>
10. Fran ois A.I. *Aliens and Translators : Translation as Common Language in Science Fiction and Fantasy* // *XII Congress of the ICLA*. July 2016, Vienna (Austria). Retrieved from <https://hal.science/hal-01426611>

11. Hanff W.A. Fiktions des Wissenschaft – Is Science Fiction Translatable or is Translation a Science Fiction? // *Flusser Studies*. 2020. No. 30. Retrieved from <https://flusserstudies.net/node/809>
12. Imre A. Rendering Science Fiction, Culture, and Language While Translating *Ready Player One* // *Acta Universitatis Sapientiae. Philologica*. 2020. No. 12 (3). P. 70–78.
13. Gao J., Hua Y. On the English Translation Strategy of Science Fiction from Humboldt's Linguistic Worldview – Taking the English Translation of *Three-Body Problem* as an Example // *Theory and Practice in Language Studies*. 2021. No. 11 (2). P. 186–190. doi: 10.17507/tpls.1102.11
14. Luo J. Sci-Fi Neologism Translation: A Conceptual Blending Theory Perspective // *Theory and Practice in Language Studies*. 2024. No. 16 (6). P. 1828–1837. doi: 10.17507/tpls.1406.24
15. Loponen M. Translating Irrealia – Creating a Semiotic Framework for the Translation of Fictional Cultures // *Chinese Semiotic Studies*. 2009. No. 2 (1). P. 165–175. doi: 10.1515/css-2009-0117
16. Tel'pov R.E. Osobennosti perevoda na inostrannye yazyki yumoristicheskikh nazvanii fantasticheskikh personazhei (na materiale povesti A.N. i B.N. Strugatskikh «Ponedel'nik nachinaetsya v subbotu») // *Khumor i satira v koordinatite na XXI vek* (Varna, 01.04.2015). Varna: «Paradigma», 2015. S. 34–45.
17. Kislitsyna N.N., Lyakh A.V. Spetsifika perevoda nauchno-fantasticheskikh tekstov // *Inostrannye yazyki: lingvisticheskie i metodicheskie aspekty*. 2016. № 34. S. 359–364.
18. Tel'pov R.E. Semanticheskie neologizmy i okkazionalizmy: problema sokhraneniya stilisticheskogo effekta pri perevode // *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*. 2017. № 2. S. 352–355.
19. Drygina Yu.A., Podrez V.I. Leksicheskie perevodcheskie transformatsii pri perevode nauchnoi fantastiki // *Literaturovedenie i yazykoznanie: sovremennye tendentsii i traditsii* / Beisenova Zh.S., Drygina Yu.A., Ivanova N.K., Lyakina E.V., Merkulova N.E., Murtazina D.A., Podrez V.I. Nizhnii Novgorod: Professional'naya nauka, 2018. S. 35–58.
20. Klement'eva V.V. Osobennosti perevoda realii v nauchno-fantasticheskikh romanakh Frenka Gerberta «Dyuna» i P'era Bulya «Planeta obez'yan» // *Aktual'nye voprosy filologicheskoi nauki XXI veka: sbornik statei VII Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii molodykh uchenykh* (09.02.2018). T. 1: Sovremennye lingvisticheskie issledovaniya. Ekaterinburg: UMTs–UPI, 2018. S. 159–164.
21. Loïc A. Translating Chinese Science Fiction: The Importance of Neologisms, Coined Words and Paradigms // *Journal of Translation Studies*. 2019. No. 3 (1). P. 97–115.
22. Nizovtseva T.V. Osobennosti perevoda bytovykh realii s russkogo yazyka na angliiskii v proizvedeniyakh fantasticheskogo zhanra (na materiale povesti A. i B. Strugatskikh «Piknik na obochine» i ee perevoda na angliiskii yazyk) // *Vestnik MGOU. Seriya: Lingvistika*. 2019. № 4. S. 107–114. doi: 10.18384/2310-712X-2019-4-107-114
23. Rudakova A.Yu., Ivanov N.V. Psevdonominiatsii i okkazionalizmy v nauchnoi fantastike: skhodstva i razlichiya // *Colloquium – Journal*. 2019. № 12 (36). S. 72–73. doi: 10.24411/2520-6990-2019-10346
24. Rudakova A.Yu., Ivanov N.V. Avtorskaya leksika v prostranstve nauchnoi fantastiki: osobennosti perevoda // *Colloquium – Journal*. 2019. № 12 (36). S. 74–76. doi: 10.24411/2520-6990-2019-10347
25. Elejalde Sáenz A. (Re)translation and Reception of Neologisms in Science Fiction: A Methodological Proposal // *Transletters. International Journal of Translation and Interpreting*. 2020. No. 4. P. 39–58.

26. Nizovtseva T.V. Osobennosti perevoda fantasticheskikh realii s russkogo na angliiskii yazyk v proizvedeniyakh fantasticheskogo zhanra (na materiale povesti A. i B. Strugatskikh «Piknik na obochine») // Vestnik MGOU. Seriya: Lingvistika. 2020. № 3. S. 92–99. doi: 10.18384/2310-712X-2020-3-92-99
27. Martinkovič M. Genre-specific irrealia in translation: Can irrealia help define speculative fiction sub-genres? // English Studies at NBU. 2022. No. 8 (1). P. 73–92. doi: 10.33919/esnbu.22.1.5
28. Panchenko P.S. Osobennosti perevoda nauchno-fantasticheskikh proizvedenii (na primere romana M. Meier «Zolushka») // Shag v nauku. 2023. № 3. S. 67–71.
29. Ievleva A.Yu., Khrumchenko D.S. Stretching Reality: the Function & Translation of Hyperbole in Anglophone Satirical Science Fiction Literature // Diskurs professional'noi kommunikatsii. 2023. № 5 (2). S. 70–80. doi: 10.24833/2687-0126-2023-5-2-70-80
30. Yaroshenko P.N. Avtorskaya leksika v nauchnoi fantastike: sposoby obrazovaniya i mezh'yazykovoi translyatsii (na materiale proizvedenii Uil'yama Gibsona) // Vestnik MGLU. Gumanitarnye nauki. 2023. № 6 (874). S. 138–145. doi: 10.52070/2542-2197_2023_6_874_138
31. Maslova A.A. Perevod kvazirealii v nauchno-fantasticheskom zhanre (na osnove romana R.F. Kuang «Vavilon») // Molodoi uchenyi. 2024. № 15 (514). S. 140–143.
32. Yaroshenko P.N. Podkhody k perevodu avtorskikh neologizmov v nauchno-fantasticheskom tekste: na materiale romana Uil'yama Gibsona «Neiromant» // Mir kul'tury, nauki, obrazovaniya. 2024. № 3. S. 464–466.
33. Gouanvic J.-M. Sociologie de La Traduction: La Science-Fiction Américaine Dans l'Espace Culturel Français Des Années 1950. Arras: Artois presses université, 1999.
34. Gómez Castro C. The reception of science fiction and horror story anthologies in the last years of Francoist Spain: Censoring aliens and monsters in translations // Translation in anthologies and collections (19th and 20th centuries) / Ed. By T. Seruya, L. D'hulst, A.A. Rosa, M.L. Moniz. Amsterdam: John Benjamins, 2013. P. 217–228.
35. Bianchi D. Future re-visions. The construction of generic identity in the Italian translated titles of Anglo-American science fiction // Annali di Ca' Foscari. Serie Occidentale. 2015. No. 49. P. 227–238. doi: 10.14277/2385-3034/AnnOc-49-15-12
36. Iannuzzi G. Traduttore, consulente editorial, intellettuale: Riccardo Valla e la fantascienza angloamericana in Italia // Rivista Internazionale di Tecnica della Traduzione / International Journal of Translation. 2017. No. 19. P. 265–286. doi: 10.13137/2421-6763/17363
37. Iannuzzi G. Science fiction, cultural industrialization and the translation of techno-science in post-World War II Italy // Perspectives. 2018. No. 26. P. 885–900. doi: 10.1080/0907676X.2018.1496461
38. Cifariello A. Piccolo bilancio delle traduzioni italiane della narrativa fantascientifica russa (1991–2022) // Studi Slavistici. 2023. No. 20 (1). P. 129–146.
39. Wozniak M. Technobabble on screen: Translating science fiction films // InTRAlinea. 2014. Special issue: Across Screens Across Boundaries / Ed. by R.M. Bollettieri Bosinelli, E. Di Giovanni, L. Rossato. Retrieved from <https://www.intralinea.org/specials/article/2074>
40. Böhme C. Mediating science fiction film through translation and commentary: The *Star Wars* episode "Attack of the Clones" in Kiswahili // Swahili Forum. 2018. No. 25. P. 118–137.
41. Anduganova M.Yu., Korchagina A.A. Spetsifika okkazonal'nykh sochetanii i sposoby ikh perevoda v diskurse teleseriala «Doktor Kto» // Vestnik Mariiskogo gosudarstvennogo

universiteta. 2019. № 13 (4). S. 548–553. doi: 10.30914/2072-6783-2019-13-4-548-553

42. Korpi S. Generic Fluency in Professional Subtitling: Neology as the Voice of Science Fiction in Audiovisual Translation // JAT. Journal of Audiovisual Translation. 2021. No. 4 (3). P. 89–107. doi: 10.47476/jat.v4i3.2021.183
43. Colombo D. "Zona": apologia della *N.d.t.* Competenza lessicale e competenza culturale // InTRAlinea. 2004. No. 7. Retrieved from <http://www.intralinea.org/archive/article/1615>
44. Strugatskii A.N., Strugatskii B.N. Zabytyi eksperiment // Shest' spichek. M.: Detgiz, 1960. S. 93–119.
45. Strugackij A. e B. L'esperimento dimenticato // 14 racconti di Fantascienza russa / A cura di J. Bergier. Milano: Feltrinelli, 1961. P. 115–136.
46. Tel'pov R.E. Osobennosti yazyka i stilya prozy brat'ev Strugatskikh: dis. ... kand. filol. nauk. Moskva: MPGU, 2008.
47. N.M. Nesoobraznosti v fantastike. Neskol'ko zamechanii o stile A. i B. Strugatskikh // Russkaya rech'. 1972. № 6. S. 35–40.
48. Pagani M.P. Un regista in esilio e la sua traduttrice. Nikolaj Evreinov e Raissa Ol'kenickaja Naldi // Archivio Russo Italiano V. Russi in Italia – Russko-ital'yanskii arkhiv V. Russkie v Italii / A cura di A. d'Amelia e C. Diddi. Salerno: Europa Orientalis, 2009. P. 191–217.

Uganda's Media Landscape

Tian Jiahuang

Graduate student; Institute 'Higher School of Journalism and Mass Communications'; St. Petersburg State University

199034, Russia, Saint Petersburg, Universitetskaya nab., 7-9

✉ st075572@student.spbu.ru

Nikonov Sergey Borisovich

Doctor of Politics

Professor; Department of International Journalism; St. Petersburg State University

199034, Russia, Saint Petersburg, Universitetskaya str., 7/9, 707

✉ NikonovS@mail.ru

Gurushkin Pavel Yurievich

PhD in Politics

Associate Professor; Department of Mass Communications Management at St. Petersburg State University; St. Petersburg State University

199034, Russia, Saint Petersburg, Universitetskaya nab., 7-9

✉ gurupavel@ya.ru

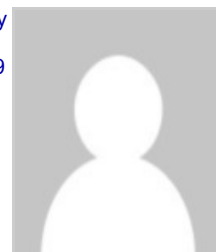
Melnik Galina Sergeevna

Doctor of Politics

Professor; Institute 'Higher School of Journalism and Mass Communications'; St. Petersburg State University

199034, Russia, St. Petersburg Vasilievsky Island, Universitetskaya nab., 7-9

✉ melnik.gs@gmail.com

Abstract. This study analyzes the evolution of the Ugandan media landscape and its interaction with the political environment. The media in Uganda has historically undergone a transformation from external control in the colonial era to local development after independence and the transition to the digital age. Despite the constitutional guarantee of freedom of the media in Uganda, they continue to be subject to strict government censorship and control, especially in the field of regulation of social networks and online platforms. This phenomenon shows the contradictions and complexities between media freedom and government control in Uganda. About 98% of Ugandan households have access to radio via traditional radio, telephone or Internet. Radio has a wide reach in Uganda, especially in remote areas, where it has become the main source of information for the population. Compared to television and print media, radio has more influence, and people generally trust radio and find its content more direct, reliable and easy to understand. The study uses a qualitative research approach combining documentary analysis, case studies and comparative analysis. To do this, it was necessary, first, to trace the historical background and evolution of media policy in Uganda. Secondly, to select typical public and private media for case studies and examine their social functions under government control. The relevance of this work lies in the fact that, analyzing the historical development of the Ugandan media, their current state and connection with politics, it is possible to present a specific example for studying African media systems. The object of research in this work is the Ugandan media landscape, and the subject is the peculiarities of the development process and characteristics of Ugandan media. The novelty of the research lies in the combination of multidimensional perspectives of the historical, political and media environment of Uganda for a systematic analysis of the evolution of the Ugandan media landscape and its interaction with the political system. In addition, the study provides a unique perspective on the challenges faced by Ugandan media in the context of globalization, in particular the struggle between the growth of social media and government regulation, which offers new insights into the relationship between media and politics in other African countries.

Keywords: information space, History of Journalism, Uganda media system, State Control, Social Media, Media Freedom, Media, Uganda, ontology of journalism, international journalism

References (transliterated)

1. Ongora Dzherom Bonii. *Pressa Ugandy : Stanovlenie, razvitie, tipol. svoeobrazie*, 80-90 gg. : dissertatsiya ... kandidata filologicheskikh nauk : 10.01.10. – Voronezh, 1996. – 210 s.
2. Chen Lidan, Gao Rui Bin, Wang Ziqiang. From shocks to stable development of Uganda's news communication industry. *Journalism*, 2016(05). S. 60-66.
3. Asiimwe Isaac Kazaara. *Political environment and journalism practice in Uganda. A case study of kampala district*. Metropolitan International University. 2023. P. 329.
4. Rajab Idd Musingo. *News Values in the Ugandan newspapers: A content analysis study on the New Vision and the Daily Monitor newspapers*. Kabale University. 2013.
5. Tabaire B. The Press and Political Repression in Uganda: Back to the Future? *Journal of*

- Eastern African Studies, 1(2). 193–211. 2007.
6. Tripp Aili Mari. Musevenis Uganda: Paradoxes of Power in a Hybrid Regime. Lynne Rienner Publishers. USA: Boulder. 2010. P. 223.
 7. Wilkins S., Vokes, R. Transition, transformation, and the politics of the future in Uganda. Journal of Eastern African Studies. 17(1–2). 2023, pp. 262–279.
 8. Scotton James F. The First African Press in East Africa: Protest and Nationalism in Uganda in the 1920 s. The International Journal of African Historical Studies. vol. 6, no. 2, 1973, pp. 211–28.
 9. Stremlau N. The Making of a Media System in Uganda: A New Vision and a Revolutionary Origin. In: Price M, Stremlau N, eds. Speech and Society in Turbulent Times: Freedom of Expression in Comparative Perspective. Cambridge University Press. 2017, pp. 96–113.
 10. Kler Ayuma Amukhaia Organizatsionnaya struktura Afrikanskoi arkhitektury mira i bezopasnosti (APSA) v kontekste obespecheniya mira i bezopasnosti v Vostochnoi Afrike Vestnik SPbGU. Vostokovedenie i afkanistika, 16(1), 264–282. URL: <https://doi.org/10.21638/spbu13.2024.116>

Folk healing methods in V. Nurov's novel "The White-Bearded Elder"

Lidzhiev Mingiyan Alekseevich

PhD in Philology

Associate Professor; Department of Kalmyk Literature and Journalism; B.B. Gorodovikov Kalmyk State University

358000, Russia, Republic of Kalmykia, Elista, Nikolay Mtirovich Ochirov str., 19

✉ mingiyan75@mail.ru

Lidzhieva Dzhirgal Mingiyanovna

Graduate student; Institute of Kalmyk Philology and Oriental Studies; Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov

358003, Russia, Republic of Kalmykia, Elista, Nikolay Mtirovich Ochirov str., 19, 19

✉ lidzhieva-dz14@mail.ru

Abstract. The subject of the study is the tradition of folk healing methods in the novel by Vladimir Dordjievich Nurov "The White-bearded Elder" (Cahan sahlta kogsha). The study analyzes how empirical knowledge about human health and traditional folk healing methods are reflected in the plot, in the characters' images and in the context of historical and cultural significance. The object of the research is V. Nurov's novel "The White-Bearded Elder" as a work of fiction, which explores empirical knowledge, folk traditions related to healing. The various situations in which the main characters of the novel resort to folk healing methods are analyzed, how they apply them, in what circumstances they turn to these practices, as well as how this affects their internal state. The novel examines specific rituals and rituals associated with healing and how these folk methods are intertwined with spiritual practices and cultural traditions of the people. The research methods are cultural-historical, comparative-historical, structural, and narrative. The main conclusions of the study are the provisions that the novel clearly presents magical and empirical knowledge about human health, accumulated and transmitted from generation to generation. Various healing methods are described, such as minerals, healing properties of various animal products, rituals, and magic spells. The novelty

of the research lies in the fact that for the first time in Kalmyk literary studies, namely on the material of V. Nurov's novel "The White-Bearded Elder", interesting information about traditional folk medicine has been studied. The author describes the treatment processes and the interaction of the characters with traditional medicine. This made it possible to identify semantic and cultural aspects that demonstrated the depth of the author's approach. In the novel, V. Nurov reflected various traditional methods of treatment for various diseases, methods of medical practice, knowledge about human health, about folk methods of healing from various ailments. The novel can serve as a valuable source of information about Kalmyk folk traditions and their approaches to treatment. Turning to traditional folk medicine through the prism of literature not only enriches the understanding of the specifics of Kalmyk culture, but also emphasizes the importance of folk knowledge in a universal human context.

Keywords: bone-setting, methods, folk, healing, The White-Bearded Elder, novel, Nurov, Vladimir, literature, Kalmyk

References (transliterated)

1. Badmaev A.V. Um ygin kychn. Sila khudozhestvennogo slova. Uchebnoe posobie. Elista: Izd-vo Kalm. un-ta, 2013. 184 s.
2. Boldyreva I.M. Praktiki traditsionnoi meditsiny u kalmykov (po dannym polevykh materialov) // Desertum Magnum: studia historica. 2020. № 2. S. 151-168. DOI: 10.22162/2712-8431-2020-10-2-151-168.
3. Goryaeva B.B. Traditsii narodnoi meditsiny v motivakh volshebnoi skazki kalmykov [Elektronnyi resurs] // Novye issledovaniya Tuvy. 2018, № 4. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/812> (data obrashcheniya: dd.mm.gg.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2018.4.9>.
4. Dzhambinova R.A. Literatura Kalmykii: Problemy razvitiya. Elista: APP «Dzhangar», 2003. 240 s.
5. Istoriya kalmytskoi literatury. II tom. Sovetskii period. Elista: Kalmytskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1980. 445 s.
6. Lidzhiyev M.A. Sotsial'nyi konflikt v romane V. Nurova «Beloborodiy starets» // Zhivoe slovo Kazbeka Shazzo i aktual'nye voprosy razvitiya otechestvennoi literatury KhKh veka: materialy II regional'noi nauchnoi konferentsii / otv. redaktor I. N. Khatkova. Maikop: EIIT, 2024. S. 108-113.
7. Nurov V.D. Tsahan sakhlta kəgshə [Tekst]: roman na kalm. yaz. / V. Nurov. Elista: Izd-vo Kalm. un-ta, 2022. 400 s.
8. Pyurveev V.D. Dvizhenie zhizni – dvizhenie literatury. (Kriticheskie etyudy i portrety). Elista: Kalmytskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1981. 118 s.
9. Steklov M.I. Izbrannye retsepty kalmytskoi narodnoi meditsiny // Teegin gerl. № 2. 1989. S. 107-110.
10. Tomashevskii B. V. Teoriya literatury. Poetika / B. V. Tomashevskii. M.: Aspekt Press, 1999. 334 s.
11. Ulanov M.S., Badmaev V.N. Traditsionnaya meditsina kalmykov: istoriko-kul'turologicheskii analiz [Elektronnyi resurs] // Novye issledovaniya Tuvy. 2018, № 4. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/811> (data obrashcheniya: dd.mm.gg.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2018.4.8>.
12. Khabunova E.E. Narodnye znaniya kalmykov o traditsionnykh sposobakh lecheniya: faktologiya fol'klorno-etnograficheskikh ekspeditsii (2012–2017 gg.) // Mongolovedenie. 2022. T. 14. № 2. S. 405-417. DOI: 10.22162/2500-1523-2022-2-405-417.

13. Khalizev V.E. Teoriya literatury: ucheb. dlya studentov vuzov / V. E. Khalizev. Izd. 4-e, ispr. i dop. M.: Vyssh. shk., 2004. 404 s.
14. Khrapchenko M.B. Tvorcheskaya individual'nost' pisatelya i razvitie literatury [Tekst] / M.B. Khrapchenko. 4-e izd. M.: Khudozh. lit., 1977. 446 s.

Dialect features of the Torgut Kalmyk language (based on the material of N.M. Mandzhiev's prose and field recordings)

Lidzhieva Lyudmila Alekseevna

PhD in Philology

Associate Professor; Institute of Kalmyk Philology and Oriental Studies; B.B. Gorodovikov Kalmyk State University

358003, Russia, Republic of Kalmykia, Elista, Nikolay Mtirovich Ochirov str., 19

✉ lidzhieva-la@mail.ru

Golubeva Evgeniya Vladimirovna

PhD in Philology

Associate Professor; Faculty of Pre-University Studies; B.B. Gorodovikov Kalmyk State University

350011, Russia, Republic of Kalmykia, Elista, 5, 2B, sq. 10

✉ lisa101@yandex.ru

Mandeev Naran Yurievich

student; Institute of Kalmyk Philology and Oriental Studies; Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov

358003, Russia, Republic of Kalmykia, Elista, Nikolay Mtirovich Ochirov str., 19

✉ mandeev.naran@mail.ru

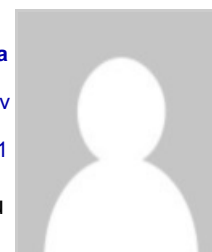

Lidzhieva Dzhirgal Mingiyanovna

student; Institute of Kalmyk Philology and Oriental Studies; Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov

358000, Russia, Republic of Kalmykia, Elista, Lermontov str., 103, sq. 1

✉ lidzhieva-dz14@mail.ru

Abstract. This article presents an analysis of the dialect features of the Torgut dialect of the Kalmyk language based on the material of the prose of the Kalmyk writer N.M. Mandzhiev and expedition records collected during the implementation of the RNF research project "Electronic Dialectological Atlas of the Mongolian languages of Russia: basic vocabulary". N.M. Manjiev was one of the founders of Kalmyk literature and made a significant contribution to the development of the literature of the Kalmyk people. He belonged to the representatives of the Torgut ethnic group. In this regard, the dialect features characteristic of the Torgut dialect are preserved in its early editions. In parallel, the material recorded during the expedition to the Republic of Kalmykia according to the 100-word list of Svodesh was used. The subject of this study is the phonetic, grammatical and lexical features of the Torgut dialect. The object of the study is the Torgut dialect, characterized by its proximity to the historical basis. The work uses such methods of linguistic analysis as descriptive, lexical-semantic, comparative-typological and distributive. The scientific novelty of the study lies in the fact that the dialectological material presented in the works of N.M. Mandzhiev and field recordings has not yet been practically studied. The research material was the examples selected by the method

of continuous sampling from the works of N.M. Mandzhiev. For comparison, field material was used, which was collected during an expedition to the Republic of Kalmykia. The material made it possible to identify features related to the pronunciation of words, the influence of historical vowels on the modern language, the use of case affixes other than the literary language, as well as the semantics of lexemes having a narrow-local existence.

Keywords: field materials, lexical features, the prose of N. Mandzhiev, grammatical, phonetic, buzava dialect, derbet, torgut, the Kalmyk language, literary language

References (transliterated)

1. Karpova L.I. Dialekty severnogo narechiya udmurtskogo yazyka: formirovanie i sovremennoe sostoyanie. Izhevsk: MarShak, 2020.
2. Tsyrenov B.D. Dialektizmy v perevodnykh slovaryakh mongol'skikh yazykov // Sibirskii filologicheskii zhurnal. 2013. № 1. S. 124–131.
3. Mandzhiev N.M. Sbornik rasskazov. Elista: Kalm. kn. izd-vo, 1959.
4. Ochirov N.O. Otchet o poezdke N. Ochirova k Astrakhanskim kalmykam letom 1909 goda // Izvestiya Russkogo komiteta dlya izucheniya Srednei i Vostochnoi Azii v istoricheskome, arkhologicheskome, lingvisticheskome i etnograficheskome otnosheniyakh. 1910. № 10. S. 61–75.
5. Vladimirtsov B.Ya. Sravnitel'naya grammatika mongol'skogo pis'mennogo yazyka i khalkhaskogo narechiya. Vvedenie i fonetika. L.: Izdanie Leningradskogo vostochnogo instituta imeni A.S. Enukidze, 1929.
6. Ramstedt G.J. Kamükisches Wörterbuch. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1935.
7. Rudnev A.D. Materialy po govoram Vostochnoi Mongolii. SPB: tipogr. V.Θ. Kirshbauma, 1911.
8. Kotvich V.L. Opyt grammatiki kalmytskogo razgovornogo yazyka. Izd. 2-e. Rzhnevitsse u Pragi: Izdanie Kalmytskoi komissii kul'turnykh rabotnikov v Chekhoslovatskoi respublike, 1929.
9. Pavlov D.A. Karakol'skie kalmyki i ikh yazyk. Elista: Kalm. gos. un-t, 1990.
10. Pavlov D.A. Ural'skii govor i nekotorye voprosy razvitiya foneticheskoi sistemy kalmytskogo yazyka // Zapiski NIIYaLI KASSR. 1964. Seriya filologii. S. 40–68.
11. Kichikov A.Sh. Derbetskii govor (fonetiko-morfologicheskoe issledovanie). Elista: Kalmgosizdat, 1963.
12. Bardaev E.Ch. Dialektnaya leksika v govorakh kalmytskogo yazyka // Dialektnaya leksika v mongol'skikh yazykakh. Ulan-Ude: BF SO AN SSSR, 1987. S. 118–128.
13. Ubushaev H.H. Fonetika torgutskogo govora kalmytskogo yazyka. Elista: Kalm. kn. izd-vo, 1979.
14. Ubushaev N.N. Dialektnaya sistema kalmytskogo yazyka. Elista: AO R NPP «Dzhangar», 2006.
15. Tenishev E.R. O yazyke kalmykov Issyk-Kulya // Voprosy yazykoznaniya. 1976. № 1. S. 82–87.
16. Sanzheev G.D. Mongol'skie yazyki i dialekty // Uchenye zapiski Instituta vostokovedeniya AN SSSR. 1952. № 4. S. 30–125.
17. Sanzheev G.D. Sravnitel'naya grammatika mongol'skikh yazykov. V 2 t. M.: Izd. AN SSSR, 1953. T. 1.
18. Rassadin V.I. Ocherki po istoricheskoi fonetike buryatskogo yazyka. M.: Nauka, 1982.
19. Todaeva B. Kh. Dunsyanskii yazyk. M.: Vostochnaya literatura, 1961.

20. Todaeva B. Kh. Baoan'skii yazyk. M.: Nauka, 1964.
21. Todaeva B. Kh. Mongorskii yazyk. Issledovanie, teksty, slovar'. M.: GRVL, Nauka, 1973.
22. Todaeva B. Kh. Yazyk mongolov Vnutrennei Mongolii. Materialy i slovar'. M.: Nauka, 1981.
23. Todaeva B. Kh. Dagurskii yazyk. M.: Nauka. GRVL, 1986.
24. Todaeva B. Kh. Slovar' yazyka oiratov Sin'tszyana (po versiyam pesen «Dzhangar» i polevym zapisyam avtora). Elista: Kalm. kn. izd-vo, 2001.
25. Nominkhanov Ts.-D. Materialy k izucheniyu istorii kalmytskogo yazyka. M.: Nauka. GRVL, 1975.
26. Buraev I.D. Nekotorye foneticheskie osobennosti govora alaro-unginskikh buryat // Issledovanie buryatskikh govorov. Vyp. 11. Ulan-Ude: Buryat. kn. izd-vo, 1968. S. 117–135.
27. Budaev Ts.B. Leksika buryatskikh dialektov v sravnitel'no-istoricheskom osveshchenii. Novosibirsk: Nauka, 1979.
28. Shagdarov L.D. O nekotorykh yazykovykh osobennostyakh tugnuiskii i aginskikh buryat i stepeni ikh otrazheniya v literaturnom yazyke // Issledovanie buryatskikh govorov. Vyp. 11. Ulan-Ude: Buryat. kn. izd-vo, 1968. S. 156–163.
29. Damdinov D.G. Etnolingvisticheskii ocherk khamniganskogo govora // Issledovanie buryatskikh govorov. Vyp. 11. Ulan-Ude: Buryat. kn. izd-vo, 1968. S. 74–116.
30. Ts. Önorbayan, R. Sarangerel, Yu. Tsendee, L. Tserenchimed, G. Batzayaa. Orchin tsagiin mongol khelnii nutgiin ayalguu. Ulanbaatar: Khaan yseg, 2020. 184 kh.
31. Ochirova N.Ch. Dialektnaya leksika v khudozhestvennom tekste (na materiale prozy K. Erendzhenova) // Nauchnaya mysl' Kavkaza. 2011. № 1. Ch. 2. S. 68–71.
32. Dybo A.V., Abubakirova L.F., Aibazova Z.K., Zimin M.M., Korovina E.V., Mal'tseva V.S., Mudrak O.A., Renkovskaya E.A., Savel'ev A.V., Khisamov O.R., Sharov A.V., Sheimovich A.V. Novye rezul'taty v genealogicheskoi klassifikatsii tyurkskikh dialektov («sluchai s affrikatami») // Oriental Studies. 2020. T. 13. № 3. S. 696–713.
33. Pavlov D.A. Voprosy istorii i stroya kalmytskogo literaturnogo yazyka. Elista: Kalm. gos. un-t, 1994. 270 s.

Trends in the Development of Mass Media in the Context of Modern Chinese Political Ideology

Zhang Rui

Postgraduate student; Graduate School of Journalism and Mass Communications ; St. Petersburg State University

199004, Russia, Saint Petersburg, line 1, 26

✉ st065864@student.spbu.ru

Abstract. Mass media have historically played a crucial role in shaping societal values and advancing political ideologies. This study aims to identify the distinctive features of the ideological functions and political characteristics of Chinese media at various stages of their development. The object of the study is Chinese media as an instrument of state power and a mechanism of ideological influence. The subject of the study is the evolution of the ideological functions of Chinese mass media throughout different stages of their development. The research employs historical, comparative, systemic, and functional analysis. The novelty of the study lies in its comprehensive examination of the transformation of Chinese media

through the lens of their political functions and ideological objectives. The study emphasizes that Chinese media play a pivotal role in promoting party ideals, ensuring political stability, and shaping international discourse.

The key findings of the research are as follows:

1. The dynamic process of adaptation by Chinese media to changes in social and political conditions is evident.
2. The critical role of media in fostering public consensus and legitimizing governmental authority is highlighted.

A notable contribution of the author is the systematic classification of the stages in the evolution of Chinese media—from complete politicization to more subtle forms of political activity, and eventually to re-politicization in the modern era. The study illustrates the uniqueness of China's media system, which blends national and international objectives, thereby strengthening political order domestically and advancing the nation's interests on the global stage.

This research is valuable for scholars and political scientists studying the history of communication, the use of media to achieve political goals, agenda-setting, and political propaganda.

Keywords: re-politicization, depoliticization, politicization, media, trends, political ideology, ideology, marxism, socialism, media functions

References (transliterated)

1. Marks K., Engel's F. Nemetskaya ideologiya. – Pekin: Narodnoe izdatel'stvo, 1961. – 728 s.
2. Althusser L. Lenin and Philosophy, and Other Essays. – New York: Monthly Review Press, 1971. – 139 p.
3. Shevchenko M. A. Kontseptsiya kul'turnoi gegemonii A. Gramshi v ramkakh teorii massovoi kommunikatsii // Skif. Voprosy studencheskoi nauki. 2019. № 5–1 (33). – S. 159–161.
4. Makarevich E. F., Karpukhin O. I. Politicheskaya kul'tura i ideologiya massovykh kommunikatsii // Evraziiskii yuridicheskii zhurnal. – 2015. – № 11(90). – S. 299–301.
5. Ovchinnikov A.I. Ponyatie gosudarstvennoi ideologii i ee funktsii v sovremennom gosudarstve // Filosofiya prava. 2012. № 2 (51). – S. 84–89.
6. Baradat L. P., Phillips J. A. Political Ideologies: Their Origins and Impact. – London: Routledge, 2019. – 361 p.
7. Freeden M. Ideology and Political Theory // Journal of Political Ideologies. – 2006. – Vol. 11(1). – P. 3–22.
8. Lyu Shaotsze. Ideologicheskaya differentsiatsiya i integratsiya v protsesse institutsional'nykh izmenenii // Tsz'yankhai syuekan'. – 2007. – № 1. – S. 111–117.
9. Yan Khua. Institutsional'noe stroitel'stvo garantii ideologicheskoi bezopasnosti v novyi period Kitaya // Khunan'skaya sotsial'naya nauka. – 2011. – № 1. – S. 68–71.
10. Sya Goyun. O vyzovakh i kontrmerakh dlya razvitiya politicheskoi ideologii v Kitae v novyi period // Zhurnal Khubeiskogo instituta obrazovaniya. – 2006. – № 4. – S. 49–51.
11. Fan' Yaolin', Syui Tsz'yun'. Ob ideologicheskoi logike dolgosrochnogo pravleniya Kommunisticheskoi partii Kitaya // Zhurnal Yuzhnokitaiskogo tekhnologicheskogo universiteta (izdanie po obshchestvennym naukam). – 2024. – T. 26(06). – S. 12–20.
12. Chen' Lidan'. Istoriya kitaiskoi zhurnalistiki posle 1949 goda. – Pekin: Izdatel'stvo Pekinskogo universiteta, 2019. – 98 s.

13. Fan Khan'tsi. Khronika kitaiskoi zhurnalistiki. – Futszyan': Narodnoe izdatel'stvo, 2000. – 1853 s.
14. Li Tszidun, Khu Chzhen'gun. Politicheskaya ideologiya Kitaya i reforma SMI: vzaimosvyaz' i vliyanie // Universitet zhurnalistiki. – 2013. – №4. – S. 10–16.
15. Den Syaopin. Izbrannye trudy. Tom. 2. Pekin: Narodnoe izdatel'stvo, 1994. – 194 s.
16. Shi Syaonin. Istoricheskaya evolyutsiya ideologicheskoi raboty partii s momenta osnovaniya novogo Kitaya i ee osnovnye posledstviya. // Nablyudeniya i razmyshleniya. 2020. – №5. – S. 77–87.
17. Chen' Ni. Sotsial'naya otvetstvennost' kitaiskikh zhurnalistov v usloviyakh integratsii SMI. – Pekin: Izdatel'stvo Kommunikatsionnogo universiteta Kitaya, 2019. – 761 s.
18. Predsedatel' KNR Khu Tszin'tao i drugie rukovoditeli Voennoi komissii posetili gazetu NOAK. URL: <http://mil.news.sina.com.cn/2006-01-04/0558341909.html>. (data obrashcheniya: 07.12.2024)
19. Si Tszin'pin. Imeya v vidu bol'shuyu kartinu, postigaya ee i sosredotachivayas' na bol'shikh voprosakh, starat'sya luchshe rabotat' v propagande i ideologicheskoi rabote. <http://theory.people.com.cn/n/2013/1015/c40531-23203583.html> (data obrashcheniya: 07.12.2024)
20. Gao Tszin'pin. Napravlenie, put' i praktika reformy zhurnalistiki v Kitae v novuyu epokhu // Vestnik Khunan'skogo universiteta (izdanie po obshchestvennym naukam). – 2019. – Tom. 33(6). – S. 1–5.

Lexical ways of designating the Internet in modern Russian: semantics, pragmatics, spelling

Dedova Olga Viktorovna

Doctor of Philology

Professor; Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University

119234, Russia, Moscow, Leninskie gory str., 1 building 51

✉ ov-dedova@yandex.ru

Podolskaya Valeriya Viktorovna

applicant; Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University

119234, Russia, Moscow, Leninskie gory, 1 building 51

✉ artesua@gmail.com

Abstract. The article focuses on the words that designate the Internet and its segments and discusses such problems as the process of assimilation of lexeme "интернет" in contemporary Russian language and its spelling variants, the reasons and mechanisms of appearance of its synonyms. Formal and cognitive adaptation of the anglicisms "internet", "web", "net" and stylistic peculiarities of word-formative and semantic derivatives that appeared on the base of Russian language are also discussed. Particular attention is paid to the tendency for some English-language stems to become affixoids in contemporary Russian. Modern explanatory dictionaries and corpus data were used as sources of linguistic information about the functioning of investigated lexemes ([<https://ruscorpora.ru/>], [<http://www.webcorpora.ru/>]), data obtained by search by keywords was also analyzed. Descriptive method was used in the research. Identified designations of the Internet, as well

as its segments, are analyzed in terms of their origin and semantics. Their stylistic features are also explained.

The research's scientific novelty lies in identifying for the first time a variety of lexemes designating the Internet and its segments. The article considers the process of adaptation of lexical units denoting the concept of "Internet", as well as the peculiarities of their functioning in contemporary Russian language. The reasons for the emergence of synonymic designations of the word "Internet" and their peculiarities are analysed. A number of studied nominations ("глубокий", "черный" vs. "поверхностный", "белый интернет") are not listed in modern explanatory dictionaries.

The conducted analysis allowed us to draw the following conclusion: synonyms of the lexeme "интернет" that appeared in Russian language, on the one hand reflect the denotative significance of the realia called "Internet", its role in modern society, and on the other hand the synonyms demonstrated significant word-formation and cognitive potential of contemporary Russian language.

Keywords: productivity of synonyms, word-formative derivation, lexicographic description of neologisms, orthographic standardization of neologisms, language game, stylistic peculiarities of internet vocabulary, affixoids, loanword adaptation, neological processes, internet linguistics

References (transliterated)

1. Tagliamonte S.A., Derek D. Linguistic ruin? LOL! Instant messaging and teen language // *American Speech*. 2008. № 83(1). Pp. 3-34.
2. AbuSa'aleek A.O. Internet Linguistics: A Linguistic Analysis of Electronic Discourse as a New Variety of Language // *International Journal of English Linguistics*. 2015. № 5. Pp. 135-145.
3. Hussein R., Haider A. The Computer and Internet Terms: A Gold Mine for English Dictionaries // *Jordan Journal of Modern Languages and Literatures*. 2020. № 12(2). Pp. 263-276.
4. Akujobi O. S., Eze B. I. A computer-mediated discourse analysis on undergraduates' Facebook and WhatsApp // *IGWEBUIKE: An African Journal of Arts and Humanities*. 2021. № 7(2). Pp. 228-247.
5. Cunliffe D., Herring S. C. Introduction to Minority Languages, Multimedia and the Web // *New Review of Hypermedia and Multimedia*. 2005. № 11(2). Pp. 131-137.
6. Dedova O. V. Aktual'nye napravleniya sovremennoi internet-lingvistiki: «yazyk v internete» vs «internet v yazyke» // *Russkoe yazykovoe prostranstvo v sinkhronii i diakhronii*. / otv. red. prof. M. L. Remneva; sost. G. A. Filatova. – M.: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 2023. S. 4-19.
7. Crystal D. *Language and the Internet*. Cambridge: Cambridge University Press. 2001.
8. Ivanov L. Yu. Yazyk interneta: zametki lingvista [Elektronnyi resurs]. 2000. URL: <http://www.faq-www.ru/lingv.htm/> (data obrashcheniya: 05.12.2024).
9. *Russkii orfograficheskii slovar'* / otv. red. V. V. Lopatin. – Izd. 2-e, ispr. i dop. – M., 2005. 943 s.
10. *Slovar' yazyka interneta.ru*. / pod red. M.A. Krongauza. M.: AST-PRESS KNIGA, 2016. 288 s.
11. *Sovremennyy russkii yazyk v internete* / red. Ya. E. Akhapkina, E. V. Rakhilina. – M.: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2014. 325 s.
12. Efremova T. F. *Novyi slovar' russkogo yazyka. Tolkovo-slovoobrazovatel'nyi*. – M.:

Russkii yazyk, 2000.

13. Tolkovyi slovar' russkogo yazyka nachala XXI v. Aktual'naya leksika / Pod red. G. N. Sklyarevskoi. – M.: Eksmo, 2006. 1136 s.
14. Grigorenko O. V. Novye affiksoidy v slovoobrazovatel'noi sisteme russkogo yazyka na rubezhe XX–XXI vekov // Russkii yazyk v shkole. 2019. № 3. S. 69–75.
15. Koriakowcewa E. O gibridnom slovoslozhenii v russkom yazyke v epokhu globalizatsii // Studia Rossica Posnaniensia. 2022. № 47. S. 115–129.

The lexico-semantic field "Feeling" (based on the material of English reviews and film blogs)

Suchkov Il'ya Alekseevich

Senior lecturer; Department of English Philology; GAOU VO IIA MSPU
Postgraduate student; Department of English Philology; GAOU VO IIA MSPU

105064, Russia, Moscow, MalyKazennylane, 5B, room 254

✉ ilyaxxx96@yandex.ru

Abstract. The purpose of this article is to analyze the composition of the lexico-semantic field «Feeling», to establish, group and describe the totality of its constituent lexemes. The interest in this lexical group is justified by its ability to express various modal meanings, which is of particular relevance in the context of film censorship. The authors can use these words to express their position, as well as to evaluate various aspects of the film. The texts of film reviews and film blogs devoted to films and TV series that have been marked by mixed reception were used as material for the study. The choice of reviews allows to include in the corpus the texts that express both positive and negative opinions about the films. The main research methods of the article are the analysis of dictionary definitions and content analysis, which was implemented using the Tropes V8.4 program, which identified the main groups of words by semantic feature. Contextual analysis was used to identify the presence or absence of a modal meaning. As a result, 23 microfields were identified in the original LSF, which were combined into broader clusters in accordance with the nature of the feelings expressed. Structurally, the resulting LSF consists of three elements. The first is the core, which includes the archilexeme «feeling», as well as the word «emotion», which was added due to minimal semantic differences from the main nuclear element. The near periphery includes constituents with a small number of differential features and high usage, or a close connection with the archilexeme, while units of the far periphery are characterized by a large number of connotative elements in their composition, stylistic coloring, and low frequency. LSP constituents are used in various contexts and are able to convey evaluative, subjective and suggestive modal meanings.

Keywords: Periphery, Lexico-semantic Field, Modality, Microfield, Movie Review, Cinema Blog, Integral Semantic Feature, Differential Semantic Feature, Semantics, Core

References (transliterated)

1. Mansurova, M. V. Sopostavitel'nyi analiz leksiko-semanticheskikh polei chuvstvo i le sentiment v strukturnom i lingvokul'turologicheskom aspektakh / M. V. Mansurova, T. I. Belitsa // Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya. 2016. T. 15, № 2. S. 62–66.
2. Semendyaeva, Yu. Yu. Leksiko-semanticheskoe pole "Emotsional'noe sostoyanie" v

- romanakh S. Moema / Yu. Yu. Semendyaeva // Uspekhi gumanitarnykh nauk. 2021. № 6. S. 92-95.
3. Banokina, K. O. Kontsept "fear" ("strakh") v angliiskoi poezii vremen pervoi mirovoi voyny / K. O. Banokina, V. L. Temkina // Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta. 2015. № 2(177). S. 207-212.
 4. Guan', Ts. Leksiko-semanticheskoe pole "Sanktsiya" v russkoi politicheskoi sfere / Ts. Guan' // Litera. 2022. № 11. S. 137-151.
 5. Ryabko, E. I. Osobennosti teksta angloyazychnoi kinoretsenzii / E. I. Ryabko, P. S. Osipova // E-Scio. 2020. № 12(51). S. 68-73.
 6. Iovleva, A. V. Transformatsiya sovremennoi kinoretsenzii i razvitie blogovoi mediakritiki // Mediaissledovaniya. 2018. № 5. S. 39-43.
 7. Van'ko, T. R. Svoeobrazie zhanrov kinoretsenzii v mediaprostranstve // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki. 2021. № 8(850). S. 9-20.
 8. Yazykoznanie. Bol'shoi entsiklopedicheskii slovar' / V.N. Yartseva. – M.: Bol'shaya Rossiiskaya entsiklopediya, 1998. – 685 s.
 9. Popova, Z. D. Semantiko-kognitivnyi analiz yazyka / Z. D. Popova, I. A. Sternin. 2-e izdanie, pererabotannoe i dopolnennoe. Voronezh : Izdatel'stvo Istoki, 2007. 250 s.
 10. Kobozeva, I. M. Lingvisticheskaya semantika : uchebnik dlya studentov fakul'tetov filologicheskogo profilya / I. M. Kobozeva. Moskovskii gos. un-t im. M. V. Lomonosova, Filologicheskii fak. Izd. 5-e, ispr. i dop. – Moskva : URSS, 2011. 349 s.
 11. Kezina, S. V. Semanticheskaya struktura slova kak fragment semanticheskoi struktury polya // Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Lingvistika. 2008. № 4. S. 5-11.
 12. Kositsyna, I. B., Bylkova, A. Yu. Struktura leksiko-semanticheskogo polya «Moda» v romane L. Vaisberg «The Devil Wears Prada» / I. B. Kositsyna, A. Yu. Bylkova // The Scientific Heritage. № 22. 2018. S. 59-60.
 13. Tanygina, E. A. K voprosu o stanovlenii leksiko-semanticheskogo polya tsveta v angliiskom yazyke // Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i pedagogika. 2018. T. 8. № 4(29). S. 90-98.
 14. Kurenkova, T. N. Leksiko-semanticheskoe pole i drugie polya v sovremennoi lingvistike // Vestnik Sibirskogo gosudarstvennogo aerokosmicheskogo universiteta im. akademika M.F. Reshetneva. 2006. № 4(11). S. 173-178.
 15. Kurenkova, T. N. Leksiko-semanticheskoe pole «Food» (Eda) v proizvedenii Ernesta Khemingueya «The Sun Also Rises»/ T. N. Kurenkova, T. V. Strekaleva // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2022. T. 15, № 4. S. 1164-1170.
 16. Denisenko, V. N. Soderzhanie i struktura yadra i priyadernoi zony leksiko-semanticheskogo polya «mezhlchnostnye otnosheniya» na materiale romana F.M. Dostoevskogo «Idiot» / V. N. Denisenko, I. A. Romanova // Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika. 2018. T. 9. № 3. S. 625-639.
 17. Krapivina, M. S. Ustoichivye sravneniya na periferii leksiko-semanticheskogo polya «Rybolovstvo» (na materiale donskikh kazach'ikh govorov) // Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2012. № 8(72). S. 96-99.
 18. Kaneeva, A. S. Osobennosti strukturnoi organizatsii leksiko-semanticheskogo polya «Landshaftnaya arkhitektura» (na materiale sovremennykh angloyazychnykh tekstov) / A. S. Kaneeva, E. V. Bodnaruk // Verkhnevolzhskii filologicheskii vestnik. 2023. № 1(32). S. 129-139.

19. Rotten Tomatoes [Elektronnyi resurs]. – URL: <https://www.rottentomatoes.com/> (data obrashcheniya: 08.11.2024)
20. Merriam-Webster: America's Most Trusted Dictionary [Elektronnyi resurs]. – URL: <https://www.merriam-webster.com/> (data obrashcheniya: 08.11.2024)
21. Piotrovskaya, L. A. Chuvstva vs emotsii: kategorizatsiya emotsional'noi sfery nositelyami russkogo i angliiskogo yazykov (rezul'taty eksperimental'nogo issledovaniya) / L. A. Piotrovskaya // Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta. 2021. № 3(102). S. 133-142.
22. George the Giant Slayer. Rings of Power Episode 1 Review – Fans Were Right! [Elektronnyi resurs]. –URL: <https://www.youtube.com/watch?v=dMfU2Y68b-U&t=498s> (data obrashcheniya: 08.11.2024)
23. The Critical Drinker. Peter Pan and Wendy – It's Awful! [Elektronnyi resurs]. –URL: <https://www.youtube.com/watch?v=KuREaFVr-Vc&t=9s> (data obrashcheniya: 08.11.2024)
24. The Guardian. She-Hulk: Attorney at Law review – female empowerment has never been so much fun [Elektronnyi resurs]. – URL: <https://www.theguardian.com/tv-and-radio/2022/aug/18/she-hulk-attorney-at-law-review-female-empowerment-has-never-been-so-much-fun> (data obrashcheniya: 08.11.2024)
25. Comicbook.com. The Boys Season 4 Review: Everything Is Awful [Elektronnyi resurs]. – URL: <https://comicbook.com/tv-shows/news/the-boys-season-4-review-amazon-prime-video/> (data obrashcheniya: 08.11.2024)
26. IGN. She-Hulk: Attorney at Law – Season 1 Review [Elektronnyi resurs]. – URL: <https://www.ign.com/articles/she-hulk-attorney-at-law-season-1-review> (data obrashcheniya: 08.11.2024)
27. Baggage Claim. Why She-Hulk Sucks? [Elektronnyi resurs]. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=khHGamm2ZxM> (data obrashcheniya: 08.11.2024)
28. Independent. Doctor Who: Rogue review – Groundbreaking episode marks historic first for series [Elektronnyi resurs]. – URL: <https://www.independent.co.uk/arts-entertainment/tv/reviews/doctor-who-rogue-review-recap-kiss-b2558573.html> (data obrashcheniya: 08.11.2024)
29. Rogerebert.com. She-Hulk Attorney at Law Offers Entertaining Blend of Action and Commentary Dictionary [Elektronnyi resurs]. – URL: <https://www.rogerebert.com/streaming/she-hulk-tv-review-2022> (data obrashcheniya: 08.11.2024)
30. Tom's Guide. Lord of the Rings: The Rings of Power review: Truly epic and divisive [Elektronnyi resurs]. – URL: <https://www.tomsguide.com/opinion/lord-of-the-rings-the-rings-of-power-review> (data obrashcheniya: 08.11.2024)
31. Cambridge Dictionary | English Dictionary, Translations & Thesaurus [Elektronnyi resurs]. – URL: <https://dictionary.cambridge.org/> (data obrashcheniya: 08.11.2024)

References to Epoch Documents as a Stylistic Feature of the Novel by I. Ilf and E. Petrov "The Twelve Chairs": Classification of the Intertextual Elements

Independent researcher, graduate of the Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University

124683, Russia, Moscow, Zelenograd, without a street, 1557, sq. 20-21

✉ margaritashanurina@mail.ru

Abstract. The following academic paper is devoted to the analysis of intertextual features of the novel by I. Ilf and E. Petrov "The Twelve Chairs", namely, the analysis of its non-fiction pretexts, which have not been comprehensively considered by previous scholars. This fact determines the scholarly novelty of the research carried out in this paper. The subject of this academic research is fragments of guidebooks, royal decrees, articles and reports, which are included in the narrative primarily to reflect the New Economic Policy epoch (NEP). This article provides, on the one hand, an overview of existing work on the classification of intertextual elements used in "The Twelve Chairs", on the another hand, classification (based on the typology developed by G. P. Blok) of Ilf and Petrov's references to certain sources not related to so called imaginative literature. The quotations used by the co-authors are divided into explicit and hidden, as well as illustrative and link type quotations (in accordance with G. P. Blok's research 'Pushkin in his work on historical sources'). As a result, several functions of these intertextual elements are mentioned. They include reflection of the epoch coloring, characterization of Ostap Bender who is the main character and comic tone creation. The mentioned stylistic feature (frequent reference to non-fictional sources) often also performs a "defamiliarizing" function (V. Shklovsky's term "defamiliarizing" means extracting something from its usual context), becoming another means of realizing parody in "The Twelve Chairs," a novel that combines the seemingly incompatible elements: the rhetoric of royal decrees and statements of K. Marx, emphasized poetism and officialese, old and new stages of the Russian historical process.

Keywords: early Stalin era, quotation, travesty, satire, parody, intertextuality, G. Blok, The Twelve Chairs, Petrov, Ilf

References (transliterated)

1. Shcheglov Yu. K. Romany Il'fa i Petrova. Sputnik chitatelya. SPb.: Izdatel'stvo Ivana Limbakha, 2009.
2. Derrida Zh. O grammatologii / per. s fr. i vstup. st. N. Avtonomovoi. M.: Ad Marginem, 2000.
3. Kaganskaya M. L., Bar-Sella Z. Master Gambsi Margarita. B.m.: Salamandra P. V. V., 2011.
4. Chudakova M. O. Poetika Zoshchenko. M.: Nauka, 1979.
5. Toporov V. N. Peterburg i «Peterburgskii tekst russkoi literatury»: Izbrannye trudy. Spb.: «Iskusstvo-SPB», 2003.
6. Agapov A. A. «Ser, pochemu vy kushaete svoikh zhen?»: o roli tsitaty u Venedikta Erofeeva // Novoe literaturnoe obozrenie. 2018. № 6 (154). S. 57-69.
7. Blok G. P. Pushkin v rabote nad istoricheskimi istochnikami. L., M.: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1949.
8. Fateeva N. A. Tipologiya intertekstual'nykh elementov i svyazei v khudozhestvennoi rechi // Izvestiya Rossiiskoi akademii nauk. Seriya literatury i yazyka. 1998. №5 (57). S. 25-38.

9. Il'f I. A., Petrov E. P. Dvenadtsat' stol'ev. Pervyi polnyi variant romana s kommentariyami M. Odesskogo D. Fel'dmana. M.: Vagrius, 1999.
10. Mandel'shtam N. Ya. Vospominaniya. N'yu-Iork: Izdatel'stvo imeni Chekhova, 1970.

Differences in the humanistic thoughts of Lu Xin and Leo Tolstoy

Yang Liu

PhD in Philology

Postgraduate student, Peoples' Friendship University of Russia

101000, Russia, Moscow, Yugo-Zapad, Mikukho-Maklaya str., 21

✉ 79267880340@yandex.ru

Abstract. The subject of the study is the humanistic spirit of Tolstoy and Lu Xin. This study explores the differences between the Chinese writer and the Russian writer Lu Xin in the humanitarian spirit in the unique historical, traditional and cultural traditions of both sides. The object of the study is to compare the two main aspects of the humanistic spirit of Lu Xin and Tolstoy; a detailed analysis and comparison are made. The article analyzes the different views of the two writers on the subject of love in the humanitarian spirit, whether it is equal love or love for the weak, as well as different ways to combat evil, whether to use tolerant love to influence or to use violent means to calm down, and, finally, it is important to analyze the foresight and lagging humanitarian ideals. In this article, the research methods are cultural-historical, comparative-historical, and structural. This article uses text analysis, comparative research, and historical analysis to place Lu Xin and Tolstoy in a specific historical context and to conduct a comparative analysis of their humanitarian spirit by analyzing the works of Tolstoy and Lu Xin. The innovation of the article lies in the fact that the researcher compared two humanitarian ways of implementing "bloodthirsty revenge" and "not using violence to resist evil," analyzed differences in efficiency, reality and ideality, and discussed their ideological roots. The humanitarian ideals of Lu Xin and Tolstoy were analyzed.

The outstanding contribution of the researcher is a detailed comparison of the differences in the humanitarian spiritual thoughts of the two writers from different points of view. The author's special contribution to this research topic is to place the two ideological giants in a specific historical context in order to compare their humanitarian thoughts, highlighting the humanitarian concerns contained in their criticism and denial. An in-depth analysis of the connotations of the concepts of "love for the weak" and "humanity" is carried out, and the arguments are combined with specific works by the two writers to make the comparison more convincing.

Keywords: the backlog, foresight, non-resistance to evil by violence, Bloodthirsty revenge, humanity, Love for the weak, humanism, Leo Tolstoy, Lu Xun, literary comparison

References (transliterated)

1. Obukhova E.A., Kuz'min M.F. Lev Nikolaevich Tolstoi – Narodnyi pisatel' i filosof // Vestnik magistratury. 2022. №11–1 (134). S. 61–62.
2. Zakharova N.V. Lu Sin' i Khu Shi: dva vzglyada na puti razvitiya sovremennoi literatury Kitaya // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2023. №9. S. 3035–3040.
3. Yui Ven'syu, Li Khuei Vliyanie russkoi literatury na literaturu Chetvertogo maya //

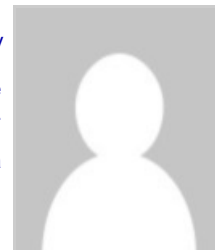
- Kitaiskie obshchestvennye nauki segodnya. 2021. №12(06). S. 1-3.
4. Lu Sin'. Polnoe sobranie sochinenii Lu Sinya. Tom 1. Pekin: Izdatel'stvo narodnoi literatury, 1981.
 5. Syao Chzhokun'. Kratkii analiz vliyaniya Bairona na literaturnoe tvorчество Lu Sinya // Kuplety. 2023. №29(10). S. 20-22.
 6. Proskuryakov M.R. Mezhdue veroi i somnieniem: Tolstovskii poisk dukhovnosti v epokhu nauchnogo probuzhdeniya // Evraziiskii nauchnyi zhurnal. 2023. №10. S. 22-28.
 7. Gorbunov-Posadov I.I. Tolstoi i sud'by chelovechestva: Rech' / I.I. Gorbunov-Posadov. M: [B.i.], 1928. URL: <http://tolstoy-lit.ru/tolstoy/public/gorbunov-posadov-tolstoj-i-sudby-chelovechestva.htm>
 8. Koksheneva K.A. Ob iskrennosti i smelosti psikhologicheskogo priema: A.P. Grigor'ev i N. Strakhov chitayut L'va Tolstogo // Kul'turologicheskii zhurnal. 2022. №3 (49). S. 58-68.
 9. Klimova S. M. Dvizhenie dukhobortsev i russkie mysliteli: G.S. Skovoroda i L.N. Tolstoi // Nauka. Iskusstvo. Kul'tura. 2023. №1 (37). S. 70-82.
 10. Lu Sin'. Polnoe sobranie sochinenii Lu Sinya. Tom 6. Pekin: Izdatel'stvo narodnoi literatury, 1981.
 11. Lu Sin'. Polnoe sobranie sochinenii Lu Sinya. Tom 1. Pekin: Izdatel'stvo narodnoi literatury, 1981.
 12. Li Chun'lin'. Sobranie sochinenii Li Chun'liny: voskhozhdenie na vershinu literatury» // Ezhemesyachnyi zhurnal issledovaniy Lu Sinya. 2014. №4. S. 40-49.
 13. Van Tszin O prinyatii i kritike Tolstogo Lu Sinem // Zhurnal Vtorogo pedagogicheskogo universiteta Guanduna. 2016. №36(01). S. 47-52.
 14. Lu Sin'. Polnoe sobranie sochinenii Lu Sinya. Tom 4 Pekin: Izdatel'stvo narodnoi literatury, 1981.
 15. Lu Sin'. Polnoe sobranie sochinenii Lu Sinya. Tom 4. Pekin: Izdatel'stvo narodnoi literatury, 1981.
 16. Lu Sin'. Polnoe sobranie sochinenii Lu Sinya. Tom 6. Pekin: Izdatel'stvo narodnoi literatury, 1981.
 17. Lenin V.I. Polnoe sobranie sochinenii Lenina. Tom 7. Pekin: Narodnoe izdatel'stvo, 1957.
 18. Gao Like Otnoshenie k lyudyam kak k lyudyam»: gumanizm Lu Sinya i kritika rabstva v ego pozdnie gody // Zhurnal pedagogicheskogo universiteta Khanchzhou (izdanie po sotsial'nym naukam). № 2022. 44(05). S. 33-39.
 19. Lu Sin'. Polnoe sobranie sochinenii Lu Sinya. Tom 7. Pekin: Izdatel'stvo narodnoi literatury, 1981.
 20. Divil'kovskii A. A. Tolstoi i Russo. S.-Pb., Izdatel'stvo Russkoi Khristianskoi gumanitarnoi akademii, 2005. URL: <http://tolstoy-lit.ru/tolstoy/kritika-o-tolstom/divilkovskij-tolstoj-uchenik-russo.htm>
 21. Lenin V.I. Lev Tolstoi, kak zerkalo russkoi revolyutsii. Polnoe sobranie sochinenii. Tom 7. M.: Izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1968.

The genre of "biographies through the prism of everyday life" in modern English literature (based on the works of Lucy Worsley)

Professor; Department of Foreign Literature; N.I. Lobachevsky National Research Nizhny Novgorod State University.

23 Gagarin Ave., Nizhny Novgorod, 603000, Russia

✉ wnovikova@mail.ru

Abstract. The subject of the research is the genre specifics of documentary and artistic biographies, which include materials from everyday life studies of the depicted era. The research material was books by an L. Worsley "Jane Austen at home", "If walls could talk", "A Very British Murder" published in the 2010s. These works are examined from the point of view of the embodiment in them of the traditional dominant genre of literary biographies and the features of the emerging variant. Biographical, comparative historical, and cognitive analysis methods are used to clarify the specifics of this genre transformation. The research is relevant because it belongs to one of the most important areas in modern interdisciplinary knowledge – the study of the category "everyday life". The novelty lies in the fact that for the first time the works of the English writer Lucy Worsley are being studied, and the proposed name of a new genre form is introduced. The main conclusion of the study is the detection of a special genre form of biography in the work of Lucy Worsley, a professional historian, author of journalism, nonfiction, creator of television series about the everyday life, and customs of the British who lived in various historical periods. Its name is suggested by the publisher's successful subtitle: "biography through the prism of everyday life." The traditional biography is based on documents, it is built as a biography, it includes everyday details in order to create a "reality effect". The new form is full of detail, strung together in semantic series of details, which together are designed to show historical reality and prove its authenticity to the reader.

Keywords: material life, A very British Murder, The history of the English house, the modality of Victorian everyday life, aestheticization of everyday life, englishness, Jane Austen, Lucy Worsley, biography, everyday life

References (transliterated)

1. Karaeva L.B. Angliiskaya literaturnaya avtobiografiya: transformatsiya zhanra v KhKh veke. Nal'chik: Izd-vo M. i V. Kotlyarovykh, 2009. 276 s.
2. Rarenko M.B. Biografiya: Evolyutsiya i gibrizatsiya zhanra: Analiticheskii obzor. M.: RAN INION, 2017. 67 s.
3. Schlaeger J. Biography: Cuit and Culture Text // The art of Literary biography. Oxford, 1995. PP. 57-70.
4. Shubina A.V. Biografiya goroda kak novyi tip istoricheskogo povestvovaniya (Piter Akroid "London: biografiya) // Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena. 2009. S. 228-231.
5. Brodel' F. Material'naya tsivilizatsiya, ekonomika i kapitalizm. T. 1. Struktury povsednevnosti: vozmozhnoe i nevozmozhnoe. M.: Ves' mir, 2006. 592 s.
6. Quennell M & C. A History of Everyday Things in England. Done in Four parts of which this is the fourth. The age of production, 1851–1948 / L.: B.T.Batsford Ltd, 1948. 214 p.
7. Trebitsch M. Preface // Lefebvre H. Critique of everyday life. Vol.1. L.-N.Y. 1991. PP. IX–XX.
8. Strukova T.G. Povsednevnost' i literatura // Nauchno-filosofskii analiz povsednevnosti:

- Problemy i perspektivy razvitiya v KhKh veke. Voronezh: Voronezh.gos.ped.un-t, 2010. S. 141-158.
9. Uorsli L. Angliiskii dom. Intimnaya istoriya / Per. s angl. Novoseletskoi. M.: Sindbad, 2016. 440 s.
 10. Bart R. Effekt real'nosti // Izbrannye raboty: Semiotika. Poetika. M.: Progress, Univers, 1994. S. 392-400.
 11. Uorsli L. Chisto britanskoe ubiistvo. Udivitel'naya istoriya natsional'noi oderzhimosti / Per. s angl. E. Osenevoi. M.: Sindbad, 2021. 320 s.
 12. Uorsli L. V gostyakh u Dzhein Ostin / Per. s angl. M. Tyun'kinoi, Yu. Gol'dberga, A. Kapanade. M.: Sindbad, 2021. 560 s.
 13. Telegina O.V. Estetizatsiya povsednevnosti v romanakh Elizabet Gaskell. Avtoreferat kand. diss. Nizhnii Novgorod, 2016. 25 s.
 14. Potanina N.L., Belozerova A.V. Poetika povsednevnosti v romanakh S. Folksa // Vestnik Volzhskogo universiteta im. V.N. Tatishcheva. 2019. № 2. T. 2. S. 65-72.

The ideologization of the Russian language after the 1917 Revolution (based on the materials of the Krasnaya Gazeta)

Gao Liya

PhD in Philology

Postgraduate student; Department of General and Russian Linguistics; Peoples' Friendship University of Russia

117198, Russia, Moscow, Mklukho-Maklaya str., 6, office 5

✉ 877191721@qq.com

Abstract. The issue of ideologizing the language of Soviet newspapers of the post-revolutionary period is considered. Ideologization is understood as subordination to a system of political, legal, moral, aesthetic, religious and philosophical ideas characteristic of a certain period of society's development. The relevance of the research is due to the fact that the ideologization of language continues at the present stage of its development and should be studied taking into account its historical foundations. The author dwells on those linguistic means by which the ideologization of the language of the "Red Newspaper" took place in 1920, highlighting among them new nominative units — names of new realities, figurative and expressive means, speech stamps, clerical style words, colloquial vocabulary, pronouns we and ours, slogans. It is noted that the ideologization of language was one of the ways to influence the reader in the 1920s, when language became the most important tool for spreading ideological views and forming a new consciousness of the citizens of the Soviet Country. It is concluded that the ideologization of the language reflected in the publication "Krasnaya Gazeta" made it possible to rebuild public thinking, form new ideological stereotypes and thereby strengthen the opinion of citizens about the strength of the new world and its focus on meeting the needs of ordinary people. The relevance of the research is due to the fact that the ideologization of language continues at the present stage of its development and should be studied taking into account its historical foundations. The author dwells on those linguistic means by which the ideologization of the language of the "Red Newspaper" took place in 1920, highlighting among them new nominative units — names of new realities, figurative and expressive means, speech stamps, clerical style words, colloquial vocabulary, pronouns we and ours, slogans. It is noted that the ideologization of language was one of the ways to influence the reader in the 1920s, when language became the most important tool for spreading ideological views and forming a new consciousness of the citizens of the Soviet Country. It is

concluded that the ideologization of language, reflected in the publication "Krasnaya Gazeta", allowed to rebuild public thinking, form new ideological stereotypes and thereby strengthen the opinion of citizens about the strength of the new world and its focus on meeting the needs of ordinary people.

Keywords: Soviet newspapers, language, language tools, colloquial vocabulary, office supplies, figurative and expressive means, The Red Newspaper, the ideologization of language, revolution, Russian

References (transliterated)

1. KG – «*Krasnaya gazeta*», 1920, 1–296 [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa : https://rusneb.ru/catalog/000200_000018_RU_NLR_DIGIT_NP_000358/.
2. Kopnina G. A. Kantselyarit, ili kantselyarskii shtamp / G. A. Kopnina // *Effektivnoe rechevoe obshchenie (Bazovye kompetentsii). Slovar'-spravochnik*; pod red. A.P. Skovorodnikova. – Krasnoyarsk: Sibirskii federal'nyi universitet, 2014. – S. 210.
3. KFS – *Kratkii filosofskii slovar'* / A. P. Alekseev, G. G. Vasil'ev i dr.; pod red. A. P. Alekseeva. – M.: TK Velbi, Prospekt, 2008. – 496 s.
4. Anisimov F. D. Kantselyarit kak problema obedneniya yazykov / F. D. Anisimov, Yu. A. Khairtdinova // *Nauchnoe tvorchestvo molodezhi – lesnomu kompleksu Rossii: materialy XV Vserossiiskoi nauchno-tekhnikheskoi konferentsii*. – Ekaterinburg: UGLU, 2019. – S. 643–646.
5. Gao L. Transformatsiya leksicheskogo sostava i sredstv vyrazitel'nosti russkogo yazyka v period posle revolyutsii 1917 goda / L. Gao // *Sovremennaya nauka : aktual'nye problemy teorii i praktiki. Seriya : Gumanitarnye nauki*. – 2020. – № 8. – S. 150–156. DOI: 10.37882/2223-2982.2020.08.10.
6. Go Khan'ven' Modernizatsiya leksicheskogo sostava russkogo yazyka v kontekste kul'turnoi transformatsii // *Sovremennoe pedagogicheskoe obrazovanie*. – 2023. – № 10. – S. 357–362.
7. Zagumennov A. V. Russkii raskol i russkaya revolyutsiya: semioticheskie modeli ideologizatsii yazyka i teksta // *Vestnik RUDN. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika*. – 2022. – № 3. – S. 800–814.
8. Zuev K. V. Ideologizatsiya yazyka v politicheskikh, avangardistskikh i nauchnykh tekstakh nachala XX veka : avtoreferat dissertatsii ... kandidata filologicheskikh nauk: 10.02.01 / K. V. Zuev. – Stavropol', 2005. – 20 s.
9. Izmozik V. S. Peterburg sovetskii: «novyi chelovek» v starom prostranstve. 1920–1930-e gody / V. S. Izmozik, N. B. Lebina. – Sankt-Peterburg: Kruga, 2010. – 248 s.
10. Kim V. I. Lozungi v politicheskom yazyke rannego sovetskogo obshchestva (po pis'mam v redaktsiyu «Rabochei gazety» 1924–1925 gg.) / V. I. Kim // *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya : Istoriya Rossii*. – 2015. – № 4. – S. 34–44.
11. Krylova M. N. Yazyk kak dinamicheskaya sistema / M. N. Krylova // *Modeli, sistemy, seti v ekonomike, tekhnike, prirode i obshchestve*. – 2014. – № 1 (9). – S. 189–194.
12. Logunova N. V. Istoricheskie protsessy v leksike russkogo yazyka i v semanticheskoi strukture slova (na materiale regional'noi pressy 20–30-kh godov XX veka) / N. V. Logunova, L. L. Mazitova // *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo*. – 2013. – № 6–2. – S. 128–132.
13. Matveeva A. V. Yazyk revolyutsii kak instrument sozdaniya novogo gosudarstva i novogo obshchestva / A. V. Matveeva // *Russkaya revolyutsiya i sovremenniy mir*:

- materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii. – Nizhnii Novgorod: NGMA, 2017. – S. 57–60.
14. *Nikol'skii S. A.* Rozhdenie sovetskogo cheloveka v vospriyatii poetov i pisatelei sovremennikov i uchastnikov Revolyutsii i Grazhdanskoi // Yaroslavskii pedagogicheskii vestnik. – 2023. – № 5 (134). – S. 229–236.
 15. Romanova S. A. Yazyk kak otzrazhenie sotsial'nykh izmenenii v obshchestve : avtoreferat dissertatsii ... kandidata sotsiologicheskikh nauk: 22.00.04 / S. A. Romanova. – Moskva, 2002. – 20 s.
 16. Savina T. V. «Pionery ostrova Yava» : osobennosti politicheskogo yazyka gazety «Pionerskaya pravda» (vtoraya polovina 1920-kh) / T. V. Savina // Neprikosnovennyi zapas. Debaty o politike i kul'ture. – 2018. – № 3 (119). – S. 83–98.
 17. *Savina T.V.* Russkii yazyk sovetskogo tipa: k opredeleniyu ponyatiya // Sibirskii filologicheskii zhurnal. – 2023. – № 1. – S. 297–310.
 18. Selishchev A. M. Yazyk revolyutsionnoi epokhi. Iz nablyudenii nad russkim yazykom (1917–1926) / A. M. Selishchev. – Moskva: Rabotnik prosveshcheniya, 2003. – 248 s.
 19. Sinyavskaya S. P. Yazyk revolyutsii i revolyutsiya yazyka / S. P. Sinyavskaya // O Rossii s lyubov'yu. Liki Rossii: materialy II mezhdunarodnogo mezhvuzovskogo foruma. – Sankt-Peterburg: SPIVESEP, 2017. – S. 311–315.
 20. Suchilkina E. V. Znachenie yazyka v sovetskoj ideologii / E. V. Suchilkina // Chelovek, obshchestvo i gosudarstvo v sovremennom mire: sbornik nauchnykh trudov mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. – Penza: PGU, 2016. – S. 29–33.
 21. Tkebuchava I. G. Vliyanie yazyka na formirovanie sotsial'nykh struktur // Ekonomika i sotsium. – 2023. – № 12 (115) – S. 981–985.
 22. Khazagerov G. G. Ritorika totalitarizma: stanovlenie, rastsvet, kollaps (sovetskii opyt) / G. G. Khazagerov. – Rostov-n-Donu: Foundation, 2012. – 278 s.
 23. Tsakhilov T. O. Ideologizatsiya kak osnova programmnoi deyatel'nosti politicheskikh partii: istoriya i sovremennost' / T. O. Tsakhilov // Vestnik Severo-Osetinskogo gosudarstvennogo universiteta imeni K. L. Khetagurova. – 2015. – № 4. – S. 85–89.

Visual communicative behavior and gaze in the etiquette of the Kalmyks

Artaev Sergei Nikolaevich

Doctor of Philology

Associate Professor; Institute of Kalmyk Philology and Oriental Studies; B.B. Gorodovikov Kalmyk State University

358000, Russia, Republic of Kalmykia, Elista, Esambaeva str., 1

✉ artaevsn@yandex.ru

Shurungova Bolha Alekseevna

PhD in Philology

Associate Professor; Institute of Kalmyk Philology and Oriental Studies; B.B. Gorodovikov Kalmyk State University

358000, Russia, Republic of Kalmykia, Elista, 40A.Nomto Ochirova str.

✉ bolha2009@yandex.ru

Pyurbeev Grigori Tserenovitch

Doctor of Philology

Professor; Department of Linguistics; Kalmyk Scientific Research Institute

1 Esambayeva St., Elista, Republic of Kalmykia, 101000, Russia

✉ pyurbeev@yandex.ru

Bitkeev Petr TSedenovich

Doctor of Philology

Professor; Institute of Kalmyk Philology and Oriental Studies; B.B. Gorodovikov Kalmyk State University

358000, Russia, Kalmykia region, Elista, Gorky str., 18

✉ bi.petr37@yandex.ru

Abstract. The authors consider in detail the visual communicative behavior and the role of gaze in the etiquette of Kalmyks. The paper analyzes the features of non-verbal communication, in particular, the use of gaze in various social contexts, taking into account cultural, religious and historical factors. Non-verbal means of communication not only complement the meaning of the speech message, but also fully characterize the personality of the speaker. These speech messages are universal, but at the same time ethnospecific, which is determined by geographical location, religion, national character and social norms of behavior. Using the example of the works of Kalmyk writers, the types of gaze in Kalmyk communicative behavior are considered. The authors identify the specific features of Kalmyk etiquette related to visual communication and consider their significance within the framework of traditional culture and modern society. The research methods were systematic long-term observations of the behavior of Kalmyks in various social contexts - these are family holidays, everyday lunches and dinners, religious ceremonies and everyday communication. The scientific novelty of the study lies in a comprehensive analysis of visual communicative behavior and the meaning of gaze in the traditions of Kalmyk etiquette. For the first time, the unique aspects of non-verbal communication, including eye contact, gestures, facial expressions and their symbolic meaning in Kalmyk culture, are considered. The study reveals their role in maintaining social hierarchies, expressing respect and observing traditions. This work expands the understanding of intercultural non-verbal communication and contributes to ethnolinguistics and anthropology by providing unique data on Kalmyk etiquette, previously insufficiently studied in the scientific literature. The use of gaze in Kalmyk non-verbal communication has ritual significance in certain situations, such as family holidays, religious ceremonies and official meetings, where eye contact is regulated by strict rules. The authors also came to the conclusion that Kalmyk visual etiquette is a means of preserving cultural identity and allows us to conclude that Kalmyk etiquette is a dynamic system that is able to adapt to modern conditions while maintaining its traditional features.

Keywords: expression, A close look, etiquette, visual signs, a mimic gesture, features of the view, eye gesture, national character, communicative behavior, non-verbal means of communication

References (transliterated)

1. Kreidlin G. E. Zhesty glaz i vizual'noe kommunikativnoe povedenie // Trudy po kul'turnoi antropologii. M.: Vostochnaya literatura, 2002. S. 236-251.
2. Labunskaya V. A. Neverbal'noe povedenie. Rostov-na-Donu: Izd-vo Rost. un-ta, 1986.

S. 135.

3. Prokhorov Yu. E., Sternin I. A. Russkie: kommunikativnoe povedenie. M.: Gos. in-t rus. yaz. im. A. S. Pushkina, 2002. S. 277.
4. Sternin I. A. Modeli opisaniya kommunikativnogo povedeniya. Voronezh: Poligraf, 2000. S. 135.
5. Vladimirova T.E. Mezhekul'turnaya kommunikatsiya: lingvisticheskii aspekt. // Vestnik VGU. Seriya: Lingvistika i mezhekul'turnaya kommunikatsiya. 2012. № 2. – S. 7-12.
6. Dutova N.V. Lingvokul'turnyi universalizm v gendernom neverbal'nom kommunikativnom povedenii. // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki Tambov: Gramota, 2015. № 10 (52): v 2-kh ch. Ch. II. C. 92-94.
7. Esenova T. S. Ocherki po lingvokul'ture kalmykov. Elista: Izd-vo KalmGU, 2012. S. 160.
8. Mandzhikova B. B. O semantike obraznykh slov // Glagol i otglagol'nye formy sovremennogo kalmytskogo yazyka. Sbornik nauchnykh statei. Elista, 1979. S. 181-186.
9. Pyurbeyev G. Ts. Issledovaniya po yazykam i kul'ture mongol'skikh narodov. Sbornik izbrannykh statei. Elista: Izd-vo KalmGU, 2015. S. 496.
10. Sergeeva A. V. Russkie. Stereotipy povedeniya, traditsii, mental'nost'. M.: Flinta Nauka, 2006. S. 320.
11. Pyurbeyev G. Ts. Rechevoi etiket i yazyk zhestov u kalmykov i mongolov // Natsional'no-kul'turnaya spetsifika rechevogo obshcheniya narodov SSSR. M.: Nauka, 1982. S. 117-123.
12. Bardaev E. Ch. Sovremennyyi kalmytskii yazyk. Leksikologiya. Elista: Kalmytskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1985. S. 153.

The symbolism of red and blue colors as a reflection of the national mentality of Koreans (based on the material of Korean proverbs)

Mukabonova Zhanna Alekseevna

Senior Lecturer; Department of Kalmyk Language, Mongolian and Altaic Studies; Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov

358000, Russia, Republic of Kalmykia, Elista, Pushkin str., 7

✉ mukabonova.ja@gmail.com

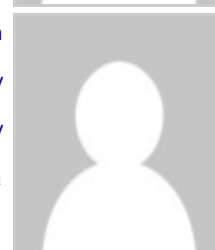
Artaev Sergei Nikolaevich

Doctor of Philology

Professor; Institute of Kalmyk Philology and Oriental Studies; B. B. Gorodovikov Kalmyk State University

11 Pushkin Street, Elista, Republic of Kalmykia, 358000, Russia

✉ artaevsn@yandex.ru

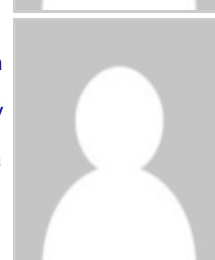

Gadanov Sergei Sergeevich

Student; Faculty of Humanities; Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov

11 Pushkin St., Elista, Republic of Kalmykia, 358000, Russia

✉ sergeigadanov@gmail.com

Mandzhiev Ayur Dzhangarovich

Student; Institute of Kalmyk Philology and Oriental Studies; Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov

11 Pushkin St., Elista, Republic of Kalmykia, 358000, Russia

✉ 3.ayurm@list.ru

Abstract. This article discusses two chromatic colors – red and blue, which are included in the system of basic colors according to the ancient Chinese theory of Yin – Yang and the five elements. The subject of our research is the above two colors in Korean traditional culture. The linguistic and cultural analysis of color meanings in Korean proverbs makes it possible to determine the universal and specific features of the linguistic picture of the world, representing the historical, cultural, and social experience of one people accumulated as a result of its development. The research centers on Proverbs, idioms with colors 불다 [bulhta] / 흥 [hong] (紅) (red), 푸르다 [p ureuda] / 청 (靑) [cheong] (blue). In this article, we use the names of colors of Korean / Chinese origin, since there are different spellings of color meanings in proverbs. By studying color as an important category of cognition of the world, one can see how it affects people's social, religious, moral, emotional and interpersonal relationships. The work uses a descriptive method necessary for the classification and generalization of linguistic material, linguistic and cultural analysis to interpret the information obtained, revealing the mentality, traditions and customs of the people. The scientific novelty of the work lies in the systematic description and definition of the symbolism and meaning of color in culturally significant texts in the Korean language. The analysis of the color values "red" and "blue" in the Korean tradition, namely in the paremias, made it possible to identify their harmonious combination as one whole organism corresponding to the Yin – Yang system, as well as to highlight their contrasting position. This study reveals the peculiarities of the national linguistic picture in terms of reflecting the Korean people's ideas about color as a universal category, but having its own specifics. The results of this study will help to form a stable understanding of the mental beliefs that influence the scenario and mechanism of thinking, and as a result, the national culture, which determines the originality of the mental and linguistic organization of national consciousness.

Keywords: the symbolism of color, linguistic and cultural analysis, national consciousness, national culture, mentality, stable expressions, proverbs, Linguoculturology, color designation, colour

References (transliterated)

1. Mukabenova Zh.A., Kharchevnikova R.P., Monraev M.U., Suseeva D.A., Bitkeev P.Ts. Lingvokul'turologicheskii aspekt tsveta v kalmytskom i koreiskom yazykakh // Litera. 2023. № 12. S.206-215. DOI: 10.25136/2409-8698.2023.12.69285 EDN: FTAOCK URL: https://e-notabene.ru/fil/article_69285.html
2. 서유리. 에니어그램 성격유형에 따른 색채인지도 및 선호도 차이: 고등학교 1, 2학년을 대상으로, p. 98. [= So Yuri. Razlichiya v vospriyatii tsveta i predpochteniyakh v zavisimosti ot tipa lichnosti po Enneagramme: orientirovany na uchenikov pervogo i vtorogo kursa starshei shkoly. 2020. C. 98].
3. 박상의. 색동에 대한 연구. 석사학위, 이화여자대학교 교육대학원, 1978. [= Pak Sani. Issledovanie tsvetooboznachenii. Zhenskii universitet Ikhva, 1978.].
4. 백영자. 우리나라 노부의위(鹵簿儀衛)에 관한 研究: 儀仗, 儀禮服의 制度 및 그 象徵性을 中心으로. 박사학위, 이화여자대학교 대학원, 1985. [= Pek Endzha. Issledovanie polozheniya nobu v

- nashei strane: ritual, status obryadov i ikh tsennost' v srednem soznanii. Zhenskii universitet Ikhva, 1985].
5. 장경현. 속담 속 색채 표현의 의미 형성 // 한국어 의미학. 2008. № 25. Pp. 187-222. [= Chzhan Genkhen. Formirovanie znacheniya tsvetovykh vyrazhenii v poslovitsakh // Koreiskaya semantika. 2008. № 25. S. 187-222].
 6. 권영걸. 이제는 색이다 // 외(한국색채학회 편). 도서출판 국제. 2005. [= Kvon En Gel'. A seichas eto tsvet // Koreiskoe soobshchestvo po issledovaniyu i izucheniyu simboliki tsveta. Mezhdunarodnoe izdatel'stvo. 2005].
 7. 나지영. 한국 색채의 상징성과 일상성. 조형예술연구, 상명대학교 조형예술 연구소. 2002. № 6 [= Na Dzhen. Simvolika i povsednevnost' koreiskikh tsvetov // Issledovanie plasticheskikh iskusstv. Chkhonan: Nauchno-issledovatel'skii institut plasticheskikh iskusstv Universiteta Sanmen. 2002. № 6].
 8. 최인려, 방혜경, 김여주. 전통색에 관한연구 / The Research Journal of the Costume Culture 제 16 권 제 2 호. 2008. 4. Pp. 397-407. [= Chkhve Inre, Ban Khegen, Kim Echzhu. Issledovanie traditsionnykh tsvetov // Zhurnal issledovaniy kul'tury kostyuma. 2008. № 4. S. 397-407.].
 9. 서유리. 음양오행설에 근거한 오방색의 색채연구. 영남대학교, 2012. r.91 [= So Yuri. Tsvetovoe issledovanie pyati osnovnykh tsvetov, osnovannoe na teorii in'-yan i pyati stikhii. Yun'nan'skii universitet; Yun'nan': 2012. 91 s.].
 10. 김희성, 조인숙, 신화경. 현대주거공간의 오방색 선호에 관한연구. 한국공간 디자인 논문집. 제54 권. 요약. 2018. [=Kim Khison, Chzho Insuk, Shin Khvagen. Issledovanie o predpochtenii pyati tsvetov v sovremennom zhilom prostranstve // Sbornik statei po dizainu prostranstva Korei. 2018. T. 54.].
 11. 류미선. 오방색을 통해 본 한국 근대 회화 연구: 김환기, 유영국, 김기창, 박생광을 중심으로. 박사 학위, 계명대학교 대학원. 2017. [= Ryu Mison. Issledovanie sovremennoi koreiskoi zhivopisi na pyati osnovnykh tsvetakh: s aktsentom na Kim Khvangi, Yu Enguka, Kim Kichanga i Pak Senkvana. Vysshaya shkola Universiteta Keimen: Tegu, 2017.].
 12. Shchim L. V., L'vova I. S. «Vospriyatie tsveta» v koreiskom yazyke // Izvestiya koreevedeniya v Tsentral'noi Azii. 2007. T.14.
 13. Lapshina E.A. Dialektika chernogo i belogo v natsional'nykh kartinakh mira // Vologdinskie chteniya: materialy nauch. konf. Vladivostok: Izd-vo DVGTU. 2011.
 14. Dubrovskaya T. V. Spetsifika zaimstvovaniya tsvetooboznachenii «chernyi» v koreiskom i yaponskom yazykakh // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2015. № 1 (43): v 2-kh ch. Ch. I. C. 61-64.
 15. Zhukobaeva A. A. Tsveta v koreiskoi kul'ture i ikh semanticheskoe znachenie // Koreevedenie Kazakhstan. vyp. 9. Almaty: KazUMOiMYa im. Abylai khana. 2019. S. 108-118.
 16. Lim E. Kh., Che I. E., Korneeva I. V. Traditsionnaya kul'tura koreitsev v obryadakh zhiznennogo tsikla: monografiya. SakhGU: Yuzhno-Sakhalinsk, 2015. 92 s.
 17. Amanova, G. A. Tsvetooboznacheniya v koreiskoi poezii i sovremennoi russkoi poezii (na primere yaroslavskogo poeta Konstantina Vasil'eva): tipologicheskoe sopostavlenie // Uchenye zapiski Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. 2021. № 1 (34). S. 81-87.
 18. 한국속담활용사전 / 김도환. 서울: 한울아카데미, 1993. 665 pp. [= Prakticheskii slovar' koreiskikh poslovits / Sost. Kim Dokhvan. Seul: Akademiya Khanul', 1993. 665 c.].
 19. 한국의 속담 대백과 / 이선중. 서울: 아이템북스: 2008. 1991 pp. [=Bol'shaya entsiklopediya koreiskikh poslovits / Sost. Li Sonchzhon. Seul: Aitembuks. 2008.].
 20. Koreisko-russkii slovar': okolo 170000 slov i slovosochetanii / Sost. A. Kan, Kim Chun

Sik. Seul : Mun Ei Lim, 2009. 1991 s.

21. 곽은희. 속담 속 색채어의 의미 연구. 2018. [= Kvak Ynkhi. Issledovanie tsvetoleksem v koreiskikh poslovitsakh / Kvak Ynkhi. 2018. IP 165.132.5.XXX 07.06.].
22. Mushaev V. N. Tsvet v kul'ture koreiskogo naroda // Koreevedenie v Rossii : napravlenie i razvitie. 2021. T. 2, № 2. S. 89-93.
23. Anisyan A. A. Obraz materi-zhenshchiny v koreiskoi literature // Koreevedenie v Rossii: napravlenie i razvitie. 2023. T.4 № 4. S. 13-19.
24. Mushaev V. N. Tsvet kak simvol v kalmytskom, kazakhskom i koreiskom yazykakh // Setevoe vostokovedenie: kul'turnye tsennosti Vostoka v orbite sovremennykh nauchnykh issledovaniy. Materialy IV Mezhdunarodnogo nauch. foruma. 2020. S. 144–147.
25. Ubushieva Zh. A., Mushaev V. N. Simvolika krasnogo tsveta v yazykovoi traditsii kalmykov // Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. 2022. № 3. S. 29-35.
26. Artaev S. N., Mukabenova Zh. A. Barinova B. V., Goryaev G. A. Tsvet v kommunikativnom povedenii kalmykov // Mir nauki. Sotsiologiya, filologiya i kul'turologiya. 2019. № 4. Tom 10. <https://sfk-mn.ru/issue-4-2019.html>
27. Kasevich V. B. Buddizm. Kartina mira. Yazyk. Peterb, vostokovedenie: Sankt-Peterburg, 1996. 275 s.

Ancient Dargin migrations and the formation of Dargin languages and dialects

Mutalov Rasul Osmanovich

Doctor of Philology

Professor, Chief Scientific Associate, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences

125009, Russia, Moscow, lane. Bolshoy Kislovsky, 1/1

✉ mutalovr@mail.ru

Abstract. The author studied the issues of the ancestral homeland of the Dargwa people and the appearance of the Dargwa languages that have never been studied before. In the period of globalization, the small Dargwa languages are threatened to disappear, and the issue of the fastest possible collection and description of linguistic material is acute. Meanwhile, there is no studies of the comparative historical grammar of the Dargwa languages, which would shed light on the problem of the formation of the Dargwa languages and dialects. The aim of the study is to trace the main migration routes of the ancient Dargwa people and on the basis of linguistic data, to explain the formation of certain languages and dialects. The main method of research is comparative. Field research methods are also used to collect and describe linguistic material. It's the first study in the history of Dargwa language research which puts forward a hypothesis about the ancestral homeland of the Dargwa people. It is revealed that ancestral homeland was located in the headwaters of the Ulluchayriver. One of the first migrations was the resettlement of a part of the Dargwa people to the Northeast; where they settled in the vicinity of the village of Mekegi in the Levashinsky District. There was one more early migration of the Dargwa people to the South and the East, where the Protosouthdargwa language subsequently split into the Chirag, Kubachi, Kaytag, and Sirkhya idioms. The migration of part of the Dargwa people to the South was the reason of the Chirag settlement formation, while Kubachi and Kaytag settlements arose in the Eastern part. The Sirkhya auls were formed to the Northeast of their historical ancestral homeland, and part of the Sirkhya

people migrated to the North, where the migrants formed the Tsudakhar.

Keywords: morphology, phonetics, migrations, dialects, the Dargwa languages, the Nakh-Dagestanian languages, the Caucasian languages, linguistic changes, archaisms, innovations

References (transliterated)

1. Abdullaev S. N. Grammatika darginskogo yazyka (fonetika i morfologiya). Makhachkala: Institut istorii, yazyka i literatury Dagestanskogo filiala AN SSSR, 1954. 216 s.
2. Belyaev O.I. 2019. Mesto shirinskogo i amuzginskogo sredi dialektov darginskogo yazyka // Tomskii zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovaniy, tom 2, № 24. S. 20-38.
3. Vagizieva N. A. O nekotorykh foneticheskikh osobennostyakh kadarskogo dialekta darginskogo yazyka // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2016. № 7-2 (61). S. 65-69.
4. Kadibagamaev A.A. Sirkhinskii dialekt darginskogo yazyka (foneticheskaya sistema). Makhachkala: Izdatel'stvo DGTU 1998. 124 s.
5. Koryakov Yu. B. Atlas kavkazskikh yazykov. Moskva: Pilgrim, 2006. – 76 s.
6. Magomedov, R.M. Darginty v dagestanskom istoricheskom protsesse. Makhachkala: Dagestanskoe knizhnoe izdatel'stvo. 1999. 504 s.
7. Magometov A. A. Kubachinskii yazyk: issledovanie i teksty. Tbilisi: Izdatel'stvo Akademii nauk Gruzinskoi SSR, 1963. 340 s.
8. Mutalov R. O. Klassifikatsiya darginskikh yazykov i dialektov // Sotsiolingvistika.M., 2021. № 3 (7). S. 8-25.
9. Mutalov R.O. Mekeginskii dialekt – osnova severnodarginskogo yazyka? // «Yazyk kak on est'» k 60-letiyu Andreyu Aleksandrovicha Kibrika. M.: izdatel'stvo OOO «Buki-Vedi». 2023. S. 339-344.
10. Sumbatova N. R., Lander Yu. A. Darginskii govor seleniya Tanty: grammaticheskii ocherk, voprosy sintaksisa: monografiya. M.: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2014. 752 s.
11. Temirbulatova S. M. Khaidakskii dialekt darginskogo yazyka. Makhachkala: Izdatel'stvo tipografii Dagestanskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk, 2004. 304 s.
12. Daniel M., Dobrushina N., Ganenkov D. (Eds.) The Mehweb language: Essays on phonology, morphology and syntax (Languages of the Caucasus 1). Berlin: Language Science Press. 2019. 365 p.
13. Forker D. A Grammar of Sanzhi Dargwa. Berlin: Language Science Press, 2020. 606 p.
14. Nikolayev S. L., Starostin S. A.; ed. by S. A. Starostin. (1994) A North Caucasian etymological dictionary. Moscow: Asterisk. 1406 p.
15. Sumbatova N. R., Mutalov R. O. A Grammar of Icar Dargwa. München – Newcastle: LINCOM Europa, 2003. 257 p.

The influence of anxiety on the structure of color associations

Nankevich Alyona Anvarovna

Assistant Professor; Department of Sociology and Philosophy, Smolensk State University

214000, Russia, Smolensk region, Smolensk, Przhivalsky str., 4

✉ alena.nankevitch@yandex.ru

Suchova Elena Evgenjevna

PhD in Sociology

Dean of the faculty of Sociology at Smolensk State University

214000, Russia, Smolensk region, Smolensk, Przhivalskogo str., 4

✉ elena-suchova@mail.ru

Griber Yulia Alexandrovna

Doctor of Cultural Studies

Professor; Department of Sociology and Philosophy, Smolensk State University
Director, Color Laboratory, Smolensk State University

214000, Russia, Smolensk region, Smolensk, Przhivalskogo str., 4

✉ y.griber@gmail.com

Abstract. The subject of the study is the relationship between the level of anxiety and color associations with anthropologically significant concepts. The goal is an experimental test of the hypothesis that anxiety affects the structure, density and components of the color association system. The experiment involved 100 people (23 men and 77 women) aged 17 to 24 years (mean age 19.71, SD = 1.72). Their anxiety level was established using the Taylor Manifest Anxiety Scale (TMAS) as adapted by V. G. Norakidze. Depending on the total score on the Taylor Manifest Anxiety Scale, we formed 3 groups for participants with low, medium and high anxiety levels. The palette of the experiment included 9 color samples of the NCS natural color system, which were divided into "warm" and "cold". The participants compared the color samples of the palette with 26 anthropologically significant concepts. First, the experiment showed that the anxiety level related to the associative group of preferred colors: as the anxiety level increased, the number of "warm" colors significantly decreased, and "cold" ones increased. Second, in all three groups, "red" and "gray" associations dominated, the differences in the frequency of other selected hues, with the exception of red, blue-green and yellow-green, were quite weak. Third, a correlation between salient individual chromatic characteristics in the color association structure and the anxiety level was revealed: in groups with a higher anxiety level, we found a reduction in the number of connections and an increase in the dominance of individual associations. This study clarifies the relationship between the anxiety level and color cognition, primarily it concerns the color representation of a person's own state and mood. The research can be continued through the study of other chromatic characteristics, cross-cultural and sociocultural specifics.

Keywords: anxiety, associative experiment, color cognition, percept, cognitive processes, color perception, chromatic sensitivity, anthropologically relevant concepts, color associations, color

References (transliterated)

1. Mei R. Smysl trevogi. M.: Nezavisimaya firma «Klass», 2001. 384 s. ISBN 5-8635-034-0.
2. Agisheva A. A. Konstruktivnyi potentsial trevozhnosti i podkhody k ego ponimaniyu // Rossiiskii psikhologicheskii zhurnal. 2023. T. 20, № 4. S. 42–62. URL: <https://doi.org/10.21702/rpj.2023.4.3>
3. Sidorov K. R. Trevozhnost' kak psikhologicheskii fenomen // Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya «Filosofiya. Psikhologiya. Pedagogika». 2013. № 2. S. 42–52.
4. Prikhozhan A. M. Trevozhnost' u detei i podrostkov: psikhologicheskaya priroda i

- voznostnaya dinamika. M.: Moskovskii psikhologo-sotsial'nyi institut; Voronezh: Izdatel'stvo NPO «MODEK», 2000. 304 s. ISBN 5-89502-089-5.
5. Kashapov M. M., Kudryavtseva A. A. Trevozhnost' i trevoga kak lichnostnyi resurs // Yaroslavskii psikhologicheskii vestnik. 2021. № 1 (49). S. 22–26.
 6. Honig L. Physiological and psychological response to colored light: dis...doct. of Ph. D. in Psychology. San Francisco, 2007. 118 p.
 7. Nekhoroshkova A. N., Gribanov A. V., Dzhos Yu. S. Problema trevozhnosti kak slozhnogo psikhofiziologicheskogo yavleniya // Ekologiya cheloveka. 2014. № 6. S. 47–54. URL: <https://doi.org/10.17816/humeco17231>
 8. Williams J. E. Gender-related worry and emotionality test anxiety for high-achieving students // Psychology in the Schools. 1996. Vol. 33, No. 2. P. 159–162. URL: [https://doi.org/10.1002/\(SICI\)1520-6807\(199604\)33:23.0.CO;2-M](https://doi.org/10.1002/(SICI)1520-6807(199604)33:23.0.CO;2-M)
 9. Elliot A. J., McGregor H. A. Test anxiety and the hierarchical model of approach and avoidance achievement motivation // Journal of Personality and social Psychology. 1999. Vol. 76, No. 4. P. 628–644. URL: <https://doi.org/10.1037/0022-3514.76.4.628>
 10. Notebaert L. et al. When a bad bias can be good: Anxiety-linked attentional bias to threat in contexts where dangers can be avoided // Clinical Psychological Science. 2017. Vol. 5, No. 3. P. 485–496. URL: <https://doi.org/10.1177/2167702616681295>
 11. Kharlamenkova N. E. Posttravmaticheskii stress i suverenost' lichnosti v aspekte issledovaniya lichnostnoi relevantnosti domashnei sredy // Materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Lichnost' i bytie: chelovek kak sub'ekt sotsiokul'turnoi real'nosti»: sb. statei / pod red. Z. I. Ryabikinoi, V. V. Znakova. Krasnodar, 2016. S. 286–289.
 12. Magomed-Eminov M. Sh. Fenomen posttravmaticheskogo rosta // Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki. 2009. №. 3. S. 111–117.
 13. Gribanov A. V., Deputat I. S., Nekhoroshkova A. N., Kozhevnikova I. S., Pankov M. N., Iordanova Yu. A., Startseva L. F., Ikonnikova I. V. Psikhofiziologicheskaya kharakteristika trevozhnosti i intellektual'noi deyatel'nosti v detskom vozraste // Ekologiya cheloveka. 2019. № 9. S. 50–58. URL: <https://doi.org/10.33396 / 1728-0869-2019-9-50-58>
 14. Cheng L. Delving into the role of mindfulness on the relationship among creativity, anxiety, and boredom of young EFL learners // Heliyon. 2023. Vol. 9, No. 2. URL: <https://doi.org/10.1016/j.heliyon.2023.e13733>
 15. Heffer N., Gradidge M., Karl A., Ashwin C., Petrini K. High trait anxiety enhances optimal integration of auditory and visual threat cues // Journal of Behavior Therapy and Experimental Psychiatry. 2022. Vol. 74. URL: <https://doi.org/10.1016/j.jbtep.2021.101693>
 16. Samoilov N. G., Aleshicheva A. V. Correlation between hardiness and negative personal states in athletic activities // Sport Sciences for Health. 2023. Vol. 19, No. 2. P. 679–689. URL: <https://doi.org/10.1007/s11332-022-00943-y>
 17. Carruthers H. R. et al. The Manchester Color Wheel: development of a novel way of identifying color choice and its validation in healthy, anxious and depressed individuals // BMC Medical Research Methodology. 2010. Vol. 10. URL: <https://doi.org/10.1186/1471-2288-10-12>
 18. Ireland S. R., Warren Y. M., Herringer L. G. Anxiety and color saturation preference // Perceptual and Motor Skills. 1992. Vol. 75, No. 2. P. 545–546. URL: <https://doi.org/10.2466/pms.1992.75.2.545>
 19. Korkmaz S. et al. The correlation between color choices and impulsivity, anxiety and

depression // *European Journal of General Medicine*. 2016. Vol. 13, No. 3.
URL: <https://doi.org/10.29333/ejgm/1592>

20. Hosono Y. et al. Anxiety affects the amplitudes of red and green color-elicited flash visual evoked potentials in humans // *The Journal of Medical Investigation*. 2014. Vol. 61, No. 1–2. P. 79–83. URL: <https://doi.org/10.2152/jmi.61.79>
21. Jacobs K. W., Suess J. F. Effects of four psychological primary colors on anxiety state // *Perceptual and Motor Skills*. 1975. Vol. 41, No. 1. P. 207–210.
URL: <https://doi.org/10.2466/pms.1975.41.1.207>
22. Hettiarachchi A. A., Perera U. D. R. Colour as an agent to manage depression, anxiety and stress levels of mobility impaired individuals in healthcare facilities: Insights from a Rehabilitation Centre at Ragama, Sri Lanka // *FARU Journal*. 2022. Vol. 9, No. 1. P. 45–53. URL: <https://doi.org/10.4038/faruj.v9i1.122>
23. Griber Yu. A., Lavrenova O. A. Kognitivnaya kul'turologiya tsveta: nauchnye osnovy koloristiki kul'turnogo landshafta. M.: Soglasie, 2024. 188 s. ISBN 978-5-907616-51-6.
24. Shkala proyavlenii trevogi Teilor (Taylor Manifest Anxiety Scale, TMAS) // Psikhologicheskie testy onlain. URL: <https://psyttests.org/anxiety/tmasA.html> (data obrashcheniya: 26.12.24)
25. Griber Yu.A., Yung I.L. Zdorov'e i bolezni: tsvetovye assotsiatsii v sovremennoi russkoi kul'ture // *Chelovek i kul'tura*. 2018. № 5. S. 32-43. DOI: 10.25136/2409-8744.2018.5.23491 URL: https://e-notabene.ru/ca/article_23491.html
26. Griber Y. A., Jung I. L. Colors of Health and Sickness: Sociocultural Research of Associative Connections // *Obshchestvo. Sreda. Razvitie*. 2017. № 4. S. 89–95.
27. Sternin I. A. Problemy interpretatsii rezul'tatov assotsiativnykh eksperimentov // *Voprosy psikholingvistiki*. 2020. № 3(45). S. 110–125.
URL: <https://doi.org/10.30982/2077-5911-2020-45-3-110-125>
28. Griber Y. A., Mylonas D., Paramei G. V. Intergenerational differences in Russian color naming in the globalized era: linguistic analysis // *Humanities and Social Sciences Communications*. 2021. Vol. 8, No. 1. URL: <https://doi.org/10.1057/s41599-021-00943-2>
29. Griber Yu. A. Kartografiya tsveta: diagnostika razvitiya tsvetonaimenovanii russkogo yazyka s ispol'zovaniem estestvenno-nauchnykh, istoriograficheskikh, sotsiologicheskikh i psikhologicheskikh metodov. M.: Soglasie, 2021. 152 s. ISBN 978-5-907038-86-8.

The discursive space of new media in emergency situations

Zhou Shengnan

Postgraduate Student; Department of Digital Media Communications; St. Petersburg State University

7-9 Universitetskaya nab., Saint Petersburg, 199034, Russia

✉ st097863@student.spbu.ru

Abstract. The research focuses on studying the discursive space of new media in emergency situations. The study examines the features of media discourse formation, its role in informing the public, and managing public opinion during crises such as natural disasters, technological accidents, pandemics, and military conflicts. Special attention is given to the strategic interaction between official sources, citizen journalism, and the audience through social

networks and news platforms, including Twitter, Instagram, and WhatsApp. The research aims to identify key discursive practices, the use of emotional and sensational narratives, and analyze the impact of media discourse on population mobilization and the prevention of panic. The study highlights the importance of analyzing media discourse to develop effective strategies for managing information flows during crises. The research methodology is based on content analysis and qualitative analysis of comments, enabling the identification of key features of media discourse and providing recommendations for its optimization in crisis conditions. The innovation of the research lies in the comprehensive analysis of the discursive space of new media during emergencies, revealing the connection between emotional and sensational narratives used on digital platforms and their influence on public opinion. The novelty also includes a comparative approach to studying various media platforms, such as Twitter and Instagram, which helps to identify their functional differences in crisis communication. The conclusion emphasizes the dual role of new media in crisis management: on the one hand, they contribute to rapid information dissemination and mobilization, but on the other, they increase the risk of misinformation. The results of the study underscore the need for strategic coordination between official sources and digital platforms to minimize the negative consequences of crisis situations.

Keywords: Digital platforms, Audience engagement, Misinformation, Social media platforms, Public mobilization, Emotional narratives, Crisis communication, New media, Media discourse, Crisis response strategies

References (transliterated)

1. Anikin D., Batishchev R. «My vas tuda ne posylali»: mediareprezentatsii voyny v Afganistane i vozniknovenie i praktika kul'tury otmeny v postsovetskoj Rossii // Galaktika Media: Zhurnal issledovaniy media. 2024. № 6(1). S. 172-187.
2. Ignatova I. B. Novye media: teoriya i praktika: Uchebno-metodicheskoe posobie. – Moskva: Moskovskii pedagogicheskii gosudarstvennyi universitet, Zemlyanskii, 2022. – 96 s.
3. Martynenko T. S., Dobrinskaya D. E. Sotsial'noe neravenstvo v epokhu iskusstvennogo intellekta: ot tsifrovogo k algoritmicheskomu razryvu // Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny. 2021. № 1. S. 171-192.
4. Korkut E., Syurer E. Razrabotka kontseptual'noi modeli geterotopii kak diskursivnykh prostranstv: sravnitel'nyi analiz neimmersivnykh i immersivnykh tekhnologii // Virtual'naya real'nost'. 2023. № 28. S. 1-30.
5. Mlechko A., Shamaev I. Diskursivnye praktiki novykh i traditsionnykh media // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie. 2018. № 17(3). S. 119-129.
6. Shraiber M. Teksty v Instagram kak novyi zhanr: kontseptual'naya osnova dlya analiza diskursivnoi kommunikatsii na vizual'noi platforme // Issledovaniya v oblasti kommunikatsionnykh nauk. 2023. № 24(1). S. 141-157.
7. Voina v Ukraine: zhizn' v osazhdennom Mariupole // BBC Novosti. 2022. URL: <https://www.bbc.com/news/world-europe-60675599> (data obrashcheniya: 02.12.2024).
8. Zemletryasenie v Turtsii i Sirii: chislo pogibshikh prevysilo 50 000 chelovek // Gardian. 2023. URL: <https://www.theguardian.com/world/2023/feb/24/turkey-syria-earthquake-death-toll-50000> (data obrashcheniya: 02.12.2024).
9. Dezinformatsiya v sotsial'nykh setyakh posle zemletryaseniya v Turtsii // Reiter. 2023. URL: <https://www.reuters.com/article/turkey-quake-misinformation-idUSKBN2UE13Z>

(data obrashcheniya: 02.12.2024).

10. Kachkaeva A. G., Shomova S. A. Ponimaya media. Mediagramotnost' i kriticheskaya avtonomiya v epokhu «kommunikativnogo kapitalizma», «empatichnykh media» i «chuvstvitel'nykh dannyykh» // Sotsiodigger. 2021. № 6(11). S. 4-46.
11. Dezinformatsiya o lechenii COVID-19 v sotsial'nykh setyakh // Reiter. 2020. URL: <https://www.reuters.com/article/covid19-misinformation-idUSKBN2AX13Z> (data obrashcheniya: 02.12.2024)

The impact of digital tools on conflict communications in the "power-society" system: the experience of Russian regions

Enikeeva Ekaterina

Assistant, Department of Social and Political Sciences, The Bonch-Bruевич Saint Petersburg State University of Telecommunications

193232, Russia, Saint Petersburg, 22 Bolshhevik Ave., room 1, room 331/1

✉ enikeeva_em@mail.ru

Kulnazarova Anastasiya

PhD in Politics

Associate Professor, Department of Social and Political Sciences, The Bonch-Bruевич Saint Petersburg State University of Telecommunications

193232, Russia, Saint Petersburg region, Saint Petersburg, 22 Bolshhevik Ave., room 1, room 335/1

✉ av-spn@ya.ru

Abstract. The article is devoted to the analysis of the influence of digital tools on conflict communications in the "power-society" system. This issue is considered in the context of interaction between city and regional administrations and the population using the example of communication in official communities of state structures on the VKontakte social network. The article describes in more detail the digital tools applicable in the political sphere, as well as its capabilities in the modern world. Examples of the use of digital tools in Russia are given. The authors pay special attention to how the development of a conflict situation changes when using digital tools such as social networks and regional management centers, namely the Incident Management program. The purpose of the study is to establish the nature of the dynamics of conflict development (escalation or de-escalation) within the digital space. The basic research method is sentiment analysis. It is based on a one-dimensional emotive space and allows to determine the intensity of the impact of digital tools on the development or attenuation of conflict. The empirical basis of the study is the materials and comments of the official social media of the regional and city administrations of the Russian Federation. The main conclusions of the study are to determine the impact of digital tools on the dynamics of conflicts, namely, to identify the aggravating nature of interaction. A special contribution of the authors to the study is to identify the causes of inefficiency of conflict communication on the part of representatives of government agencies (duplication, depersonalization, use of templates, excessive moderation, etc.). Based on the study, the most successful practices of conflict communication were identified, which could lead to de-escalation of the conflict situation (visual argumentation, two-way type of communication, specificity, orientation to the person, etc.). The scientific novelty of the work consists in the scalability of the study, after testing the research methodology on the example of the St. Petersburg Government page, the second stage of the study was carried out in a similar way

in other regions of Russia, which made it possible to specify the results.

Keywords: power-society, regional management centers, conflicts, social network, digitalization, conflict communication, incident management, political communication, digital tools, government agencies

References (transliterated)

1. Kul'nazarova A. V. Tsifrovaya transformatsiya publichnykh kommunikatsii: rossiiskii i evropeiskii opyt. – SPb : SPbGUT, 2021. – 135 s. – S. 14.
2. Chumikov A.N. Konfliktnye kommunikatsii v mediinom pole. Kommunikologiya. 2021; 9(2), 125-142. URL: <https://doi.org/10.21453/2311-3065-2021-9-2-125-142>
3. Grachev M.N. Transformatsiya politiko-kommunikatsionnykh protsessov v informatsionnom obshchestve: ot mediatsii k mediatizatsii // Rossiiskaya shkola svyazei s obshchestvennost'yu. 2020. № 18-19.
4. Enikeeva E. M. Tsifrovoy instrumentarii politicheskikh kommunikatsii // Sbornik luchshikh dokladov Vserossiiskoi nauchno-tekhnicheskoi i nauchno-metodicheskoi konferentsii magistrantov i ikh rukovoditelei. / Sost. N.N. Ivanov. SPb.: Sankt-Peterburgskii gosudarstvennyi universitet telekommunikatsii im. prof. M.A. Bonch-Bruevicha, 2023. – 515 s. – S. 470.
5. Enikeeva E. M. «Intsident-menedzhment» kak sredstvo formirovaniya doveriya k pravitel'stvu Rossii // Global'nye i regional'nye kommunikatsii: nastoyashchee i budushchee: tezisy dokladov studentov na XKhII Mezhdunar. Baltiiskom kommunikatsionnom forume: v 5 chastyakh. Chast' 3. SPbGUT. SPb., 2020. S. 71.
6. Filatova O.G., Chugunov A.V. Razvitie ekosistemy elektronnoho uchastiya v Rossii v nachale 2020-kh: rol' sotsial'nykh media i tsentrov upravleniya regionami // Politicheskaya ekspertiza: POLITEKS. 2022. T. 18, № 2. S. 120-137.
7. Achkasova V. A. Mediatizirovannyi konflikt: osobennosti i politicheskie sledstviya // Konfliktnoe pole publichnoi politiki. Opyt, uroki i perspektivy sovremennogo rossiiskogo obshchestva / pod red. A. I. Solov'eva, G.V.Pushkarevoi. M.: Argamak-Media, 2022. 336 s.
8. Enikeeva, E. M. Tsifrovoy instrumentarii politicheskikh kommunikatsii / E. M. Enikeeva // Podgotovka professional'nykh kadrov v magistrature dlya tsifrovoy ekonomiki (PKM-2022): Sbornik luchshikh dokladov Vserossiiskoi nauchno-tekhnicheskoi i nauchno-metodicheskoi konferentsii magistrantov i ikh rukovoditelei, Sankt-Peterburg, 06–08 dekabrya 2022 goda / Sost. N.N. Ivanov. – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskii gosudarstvennyi universitet telekommunikatsii im. prof. M.A. Bonch-Bruevicha, 2023. – S. 469-473. – EDN ZFWITA.
9. Polorotov A. Gosudarevo oko runeta. Kto analiziruet i otrabatyvaet politicheskuyu povestku: [Elektronnyi resurs] // dailystorm.ru. M., 20.07.2020. URL: <https://dailystorm.ru/vlast/gosudarevo-okoruneta-kto-analiziruet-i-otrabatyvaet-politicheskuyu-povestku>. (Data obrashcheniya 10.12.2023)
10. Enikeeva E.M., Kulnazarova A.V., Rafikov A.I., Shutman D.V. The Impact of Digital Tools on Conflictive Communications in the "Government-Society System": St. Petersburg Experience // Proceedings of the 2023 Communication Strategies in Digital Society Seminar 2023, ComSDS 2023, St. Petersburg, 12 aprelya 2023 goda. – St. Petersburg, 2023. – P. 147-150.
11. Kolmogorova A.V., Kalinin A.A., Malikova A.V. Lingvisticheskie printsipy i metody komp'yuternoi lingvistiki dlya resheniya zadach sentiment-analiza russkoyazychnykh

tekstov // Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoi lingvistiki. – 2018. – № 1(29). – S. 139–148. – DOI: 10.29025/2079-6021-2018-1(29)-139-148

National and cultural specificity of lexemes with the semantics 'curiosity' in Russian, English and Italian languages

Nosenko Natalia Vladimirovna

PhD in Philology

Head of the Department; Department of Language Theory and Intercultural Communication; Novosibirsk State Pedagogical University

630068, Russia, Novosibirsk region, Novosibirsk, Ushakova str., 20/1

✉ nnosenko@mail.ru

Savina Mariia Antonovna

PhD in Philology

Associate Professor; Department of Language Theory and Intercultural Communication; Novosibirsk State Pedagogical University

630060, Russia, Novosibirsk region, Novosibirsk, Zelenaya Gorka str., 4, sq. 3

✉ anivas_m@mail.ru

Abstract. The subject of the study is the semantics of lexemes expressing the Russian emotional concept *lyubopytstvo* 'curiosity' and their analogues in English and Italian. Curiosity belongs to the sphere of human intellectual activity, its psychological basis is the interest in the new, unknown. Reconstructing the image of a curious person on the basis of linguistic data makes it possible to identify common features and clarify differences in lexical meaning, creating difficulties in language learning and translation. The meanings of the analyzed lexemes are clarified, their etymology and ways of translation are studied. It is noted that it is the semantics of the intensity of action of the verb *pytat'* 'to torture' that led to the development of the negative connotation of the word *curious*. It is established that in English, Russian and Italian languages curiosity is connected with certain somatisms, the universal component is described (somatisms nose, eye, ear are connected with curiosity in three languages), the national-cultural component is revealed (in Italian the beak can act as an 'organ' of curiosity). It is noted that the words *lyubopytnyj*, *curious*, *curioso* developed a secondary meaning 'unusual, strange': in this meaning the words characterize inanimate objects or abstract concepts. In Russian and Italian, the lexemes *lyubopytnyj* 'curious' and *curioso* have a pronounced negative connotation, while in English we can speak about the absence of negative components in the lexical meaning itself, so in those contexts in which the 'excess' of the attribute 'curiosity' is indicated, the negative semantics is conveyed by means of definitions: *morbid curiosity*. Differences in the semantics of the Russian lexemes *lyubopytstvo* and *lyuboznatel'nost'* provoke the appearance of errors in the speech of foreigners learning Russian. The pragmatic component, part of which is national-cultural specificity, needs detailed lexicography in language corpora, databases and active dictionaries.

Keywords: contextual analysis, somatisms, negative connotations, image of a curious person, emotional concept, national-cultural specificity, national and cultural component, pragmatic component, semantics, etymology

References (transliterated)

1. Izard K. E. Psikhologiya emotsii. M.: Piter, 2009. 460 s.
2. Il'in E. P. Emotsii i chuvstva. 2-e izd. Sankt-Peterburg: Piter. 2021. 784 c.
3. Maklakov A. G. Obshchaya psikhologiya. SPb.: Piter. 2016. 583 s.
4. Shakhovskii V. I. Emotsional'nye kul'turnye kontsepty: paralleli i // Yazykovaya lichnost': kul'turnye kontsepty: sbornik nauchnykh trudov. Volgograd-Arkhangel'sk: Izdatel'stvo VGPU «Peremena», 1996. S. 80–96.
5. Shakhovskii V. I. Emotsii: Dolingvistika, lingvistika, lingvokul'turologiya. M.: LIBROKOM, 2010. 128 s.
6. Bulygina E. Yu., Tripol'skaya T. A. Dinamicheskie protsessy v russkom emotivno-otsenochnom slovare // Kritika i semiotika. 2022. № 1. S. 30–51. DOI: 10.25205/2307-1737-2022-1-30-51
7. Bulygina E. Yu., Tripol'skaya T. A. Genderno markirovannaya leksika: leksikograficheskaya traditsiya i dinamicheskie protsessy v sovremennom russkom yazyke // Sibirskii filologicheskii zhurnal. 2022. № 2. S. 186–200. DOI: 10.17223/18137083/79/14
8. Bulygina E. Yu., Tripol'skaya T. A. Natsional'no-kul'turnyi komponent v semantike metafor (na materiale gruppy «bezvol'nyi, beskharakternyi chelovek») // Kritika i semiotika. 2023. № 1. S. 11–27. DOI: 10.25205/2307-1753-2023-1-11-27
9. Natsional'nyi korpus russkogo yazyka. [Elektronnyi resurs]: <http://ruscorpora.ru> (data obrashcheniya: 25.11.2024).
10. Britanskii natsional'nyi korpus (BNC). [Elektronnyi resurs]: <http://www.natcorp.ox.ac.uk> (data obrashcheniya: 25.11.2024).
11. ContextReverse. [Elektronnyi resurs]: <https://context.reverso.net> (data obrashcheniya 25.11.2024).
12. Bol'shoi akademicheskii slovar' russkogo yazyka. T. 9. M., SPb., 2007.
13. Chernykh P. Ya. Istoriko-etimologicheskii slovar' sovremennogo russkogo yazyka. T. 2. M.: Russkii yazyk, 1999. 560 s.
14. Sreznevskii I. I. Slovar' drevnerusskogo yazyka. T. 2, ch. 2. M.: Kniga, 1989.
15. Oksfordskii russko-angliiskii slovar'. M., 1993.
16. Collins English dictionary and Thesaurus. Fourth edition. 2006. 1473 p.
17. Treccani. [Elektronnyi resurs]: <http://www.treccani.it/vocabolario/> (data obrashcheniya 25.11.2024).
18. Online etymology dictionary [Elektronnyi resurs]: <https://www.etymonline.com/> (data obrashcheniya 25.11.2024).
19. Dvoret'skii I. Kh. Latinsko-russkii slovar'. M.: Russkii yazyk, 1976. 1096 s.
20. Dizionario analogico della lingua italiana. Bologna: ZANICHELLI, 2011. 960 p.

Means of expressive syntax in A. P. Chekhov's short story "The Black Monk"

Gareeva Liliya Mahmutovna

PhD in Philology

Associate Professor; Department of Philology; Moscow Financial and Industrial University 'Synergy'
Associate Professor; Department of Socio-Economic and Humanitarian Disciplines; Moscow State University of Sports and Tourism

Novogireevskaya str., 19/2, sq. 26, Moscow, 111397, Russia

✉ liliyagareeva@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the expressive syntactic means used by A. P. Chekhov in the story "The Black Monk" (1893). The syntax of the Russian language is characterized by inexhaustible possibilities for expressing the expressiveness of speech, in conveying the emotional shades of utterances. The expressiveness of syntactic constructions is manifested in the ability of various units to add brightness, imagery and expressiveness to the text, to enhance the emotional-influencing effect of speech.

In the course of the work, an analysis of the syntactic constructions of A. P. Chekhov's work "The Black Monk" was carried out, contributing to an increase in the expressiveness of the narrative. As a result of the research, expressive syntax techniques were identified and described, among which the most pronounced in the text of the story are rhetorical exclamations, questions and appeals, parcellation, introductory and insertion constructions, repetitions, gradation. The article pays special attention to the expressive function of punctuation marks. Theoretical and practical methods were used in the course of the research. In the theoretical part, typological and descriptive methods were used, while the practical part was created using a continuous sampling of expressive syntactic constructions from the text of A. P. Chekhov's novella "The Black Monk". The scientific novelty of the research lies in the identification of expressive syntax techniques that are most characteristic of Chekhov's prose works. An analysis of the syntactic features of the story "The Black Monk" allowed us to draw a number of conclusions: 1) contrasting constructions significantly enhance the expressivity of the narrative, especially homogeneous terms with conjunctions "a", "but" and compound opposites; 2) the most common means of expressive syntax in the text of the story are rhetorical exclamations, questions and addresses, parcellation, introductory and insertion constructions, repetitions, gradation; 3) syntactic constructions in Chekhov's prose, they are not only structural and compositional elements of the narrative, but also increase the expressiveness of statements; 4) punctuation marks, in particular dashes and ellipsis, are of great importance in enhancing expressivity.

Keywords: sentence member, emotionality, punctuation mark, intonation, stylistic figure, proposal, expressiveness, speech, syntactic construction, syntax

References (transliterated)

1. Astakhova E. S. Ekspressivnyi sintaksis: funktsii v sovremennom gazetnom tekste // Novye gorizonty rusistiki. 2018. № 3. S. 4-10.
2. Bol'shaya rossiiskaya entsiklopediya 2004–2017. URL: <https://old.bigenc.ru/linguistics/text/4927818>.
3. Badaeva N. P. Sintaksicheskie priemy ritmizatsii avtorskoi rechi v rasskazakh A. P. Chekhova // A. P. Chekhov – khudozhnik slova. Rostov n/D, 1960. S. 25-58.
4. Valgina N. S., Rozental' D. E., Fomina M. I. Sovremennyy russkii yazyk: uchebnik. M.: Logos, 2002. 528 s.
5. Vorob'eva E. N. Konstruktsii ekspressivnogo sintaksisa v publitsisticheskom tekste // Filologicheskii aspekt. 2022. № 12 (92). S. 7-13.
6. Gareeva L. M., Tishina E. V., Cherkashina S. P. Ritmiko-sintaksicheskie osobennosti rasskaza A. P. Chekhova «Dushechka» // Gumanitarnye nauki i obrazovanie. 2024. T. 15, № 3 (59). S. 133-137.
7. Eliseeva E. A. Ekspressivnye sredstva nagnetaniya strakha v proizvedeniyakh khudozhestvennoi literatury // Yazyk: kategorii, funktsii, rechevoe deistvie. Kolomna, 2023. S. 33-35.

8. Kolshanskii G. V. Sootnoshenie sub"ektivnykh i ob"ektivnykh faktorov v yazyke. M., Lenand, 2021. 232 s.
9. Kondrat'eva N. V., Chernysheva L. M. Sintaksicheskie sredstva ekspressivnosti (na materiale zagolovkov udmurtskikh publitsisticheskikh tekstov) // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2024. T. 17. № 2. S. 454-459.
10. Luk'yanova N. A. Ekspressivnaya leksika razgovornogo upotrebleniya v semanticheskom aspekte // Vestnik Novosib. gos. un-ta. 2015. T. 14, vyp. 9: Filologiya. S. 183-201.
11. Solomennikova A. A. Rassmotrenie figur ekspressivnogo sintaksisa v lingvometodicheskom aspekte // Linguistica Juvenis. 2022. № 24. S. 219-224.
12. Teliya V. N. Konnotativnyi aspekt semantiki nominativnykh edinit. Moskva, Nauka, 1986. 141 s.
13. Fortunatov N. M. Muzykal'nost' chekhovskoi prozy // Filologicheskie nauki. 1971. № 3. S. 14-26.
14. Chelovecheskii faktor v yazyke : Yazykovye mekhanizmy ekspressivnosti / otv. red. V. N. Teliya. Moskva, Nauka, 1991. 214 s.
15. Chernikova N.V., Kopylova E.S. Priemy ekspressivnogo sintaksisa // Nauka i Obrazovanie. 2022. T. 5. № 2. S. 31.
16. Chekhov A. P. Chernyi monakh. Povest' [Elektronnyi resurs] // URL: <https://ilibrary.ru/text/985/p.4/index.html>. (data obrashcheniya: 20.12.2024).

The motivic complexes of "deception" and "lies" in E. Jelinek's novel "The Pianist"

Pokhalenkov Oleg Evgen'evich

Doctor of Philology

Professor, Department of Literature, Kaluga State University named after K. E. Tsiolkovsky

248002, Russia, Kaluzhskaya oblast', g. Kaluga, ul. Nikolo-Kozinskaya, 56, kv. 8

✉ olegpokhalenkov@rambler.ru

Gluhova Kseniya Aleksandrovna

Student, Department of Literature, Kaluga state university named after K.E. Tsiolkovsky

26 Stepan Razin str., Kaluga, Kaluga region, 248023, Russia

✉ glukhovaka@studklg.ru

Abstract. The object of the presented work is the novel "The Pianist" (1983) by Nobel laureate Austrian writer Elfriede Jelinek, which is rightfully considered one of the author's best and resonant creations. The subject is the motif-figurative structure of the novel. Special attention is paid to the realization of the motives of "deception" and "lies", which are repeatedly found on the pages of the work, which is not surprising, since it has a social orientation, reveals initially insincere human relationships built on attempts to please a partner. The central characters involved in the lie are the pianist Erika Kohut herself and her student Walter Klemmer, whose relationship is the semantic center of the work. The author examines in detail the transition of the above-mentioned motives from the plot to the plot through the implementation in certain events of the novel, which becomes the starting point for changing the value-semantic nature of the heroine's image. In this work, the method of

motivic analysis was used, which made it possible to identify key motives, as well as to consider their implementation in the text, in addition to the main motives, secondary ones were also identified. Structural analysis made it possible to comprehensively analyze the literary text under consideration and contributed to the definition of a motif-shaped structure. The scientific novelty of the research lies in the use of B.F. Egorov's theory of deception and lies in literature ("Deception in Russian Culture", 2012) in relation to the novel by E. Jelinek. The main contribution of the authors to the research of the topic is the fact that for the first time the problem of the realization of the motives of deception and lies was considered, a comparative analysis of these motives was carried out, taking into account their different functioning in the artistic space of the work (toposes and loci). The main conclusions of the study are the following: the motives of deception and lies are plot-forming for the motional complexes existing in the toposes "home" and "the outside world", as they change the value-semantic nature of the heroine's image, and also cause the realization of an acute social conflict of the work.

Keywords: plot-forming motif, fabula, plot, main character, Elfriede Jelinek, Boris Egorov, motif analysis, poetic space, image, motif

References (transliterated)

1. Ginzburg L.Ya. O psikhologicheskoi proze. L.: «Khudozhestvennaya literatura», 1997. 448 c.
2. Dubrovskii D.I. Obman. Filosofsko-psikhologicheskii analiz. M.: «Kanon+» ROOI «Reabelitatsiya», 2010. 336 c.
3. Egorov B.F. Obman v russkoi kul'ture. SPb.: Rostok, 2012. 189 c.
4. Elinek E. Pianistka: roman/ per. s nem. A. Belobratova. SPb.: Simpozium, 2004. 448 c.
5. Zabotkina V.I., Boyarskaya E.L. Kontseptual'naya struktura binarnoi aksiologicheskoi oppozitsii istina-lozh' // Slovo.ru: Baltiiskii aktsent. 2023. №1. S. 126-136.
6. Zalesova N. M. Kontsept «Obman» i ego aktualizatsiya v khudozhestvennoi kartine mira (na materiale proizvedeniya Dzh. Faulza "the Magus") // Izvestiya VGPU. 2017. № 5 (118). S. 114-120.
7. Lenets A. V., Matveeva G. G. Lozh' kak ob"ekt pragmalingvisticheskogo issledovaniya // Izvestiya vuzov. Severo-Kavkazskii region. Seriya: Obshchestvennye nauki. 2006. № 23. S. 26-29.
8. Lenets A.V., Khatlamadzhiyan M.A. Paralingvisticheskie sredstva povedeniya lgushchego personazha (na materiale nemetskoyazychnoi literatury) // Yazyk i kul'tura. 2022. № 57. S. 81-102.
9. Portnov G. O. Poetika obmana v «Peterburgskom tekste» russkoi literatury (na primere rannikh proizvedenii Dostoevskogo) // Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra RAN. 2011. № 2-3. S. 702-706.
10. Putilov B.N. Motiv kak syuzhetoobrazuyushchii element // Tipologicheskie issledovaniya po fol'kloru. M.: Nauka, 1975. S. 141-155.
11. Silant'ev I. V. Poetika motiva. M.: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2004. 296 c.
12. Shakhovskii V. I. Lingvomeditsina lzhi: bolezni ili beznравstvennost' (lechit' ili vospityvat'?) // Lingvistika i obrazovanie. 2020. № 4 (4). S. 40-52.
13. Shcherbatykh Yu. Iskustvo obmana. Populyarnaya entsiklopediya. M.: Eksmo-Press, 2002. 358 c.
14. Meyer M. English and American literatures. Tübingen: Narr Francke Attempto Verlag

GmbH + Co. KG , 2011. 263 p.

Features of the narrative structure of G. d'Annunzio's novel "The Innocent" in the light of the theory of psychoanalysis Z. Freud's

Pokhalenkov Oleg Evgen'evich

Doctor of Philology

Professor, Department of Literature, Kaluga State University named after K. E. Tsiolkovsky

248002, Russia, Kaluzhskaya oblast', g. Kaluga, ul. Nikolo-Kozinskaya, 56, kv. 8

✉ olegpokhalenkov@rambler.ru

Simak Nazarii Igorevich

Graduate student; Institute of Philology and Mass Media; Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovsky

26 Stepan Razin str., Kaluga, Kaluga region, 248023, Russia

✉ p0plaw0k@yandex.ru

Abstract. The presented work examines the novel "Innocent" by Gabriel d'Annunzio (Gabriele D'Annunzio "L'innocente", 1892) is one of the most famous and scandalous Italian authors of the 20th century. The main focus of the research is on the analysis of the narrative structure of the novel through the use of Sigmund Freud's concept of psychoanalysis. Thus, the focus of attention falls on: the motif of sleep and dreams, as well as artistic details that become especially important in the light of Freud's concept (for example, the image of a candle). Special attention is paid to the analysis of the artistic space of the novel – its division into toposes and loci (Venice, Rome, the estate of the hero, etc.). An important category is also initiation, which allowed to give a new interpretation to the relationship between the hero and his wife and the murder of a child. The methodological basis of the research is the dialectical method of scientific cognition, in which general scientific and private scientific methods are used. The biographical method made it possible to establish links between the biography of the authors and the features of their works. The method of psychological analysis allowed us to consider the work through the prism of Sigmund Freud's concept of psychoanalysis. And the method of structural analysis made it possible to analyze different levels of the text. The main conclusion of the authors is that the entire narrative of the "Innocent" Gabriel D'Annunzio is a kind of allegory of the hero's growing up path. The hero of the novel, Count Tullio Ermil, was guided by the principle of pleasure, allowing himself to satisfy all his desires, the unconscious dominated the conscious in him, the censorship process was minimal, which led to the realization of repressed desires. The scientific novelty and new contribution of the authors lies in the fact that it was revealed that the murder of Raimondo ("innocent") is a ritual murder inherent in the initiation rite, as a result of which there is a detachment from the mode of the child and the acquisition of the mode of the adult. What is specific in the context of the novel is only that the victim is metaphorically also the murderer.

Keywords: interpretation, poetic detail, motive, poetic space, image, psychoanalysis, Sigmund Freud, narrative structure, Innocent, Gabriel D'Annunzio

References (transliterated)

1. Baevskii V. S. Skvoz' magicheskii kristall. M.: Prometei, 1990. 158 c.
2. Vengerova Z. D'Annuntsio // Entsiklopedicheskii slovar' Brokgauza i Efrona. Dop. T. I. Sankt-Peterburg, 1905. S. 123-124.
3. D'Annuntsio G. Leda bez lebedya. Nevinnii. M.; SPb. 2022. 352 s.
4. Nesterova T. Kul'tura v okruzhenii politiki. Gabriele D'Annuntsio v Fiume (1919–1920) // Annali d'Italia №16/2021. Florence: Global Science Center LP, 2021. P. 19-24.
5. Sushkov D.D. Gabriele D'Annuntsio kak «predtecha» ital'yanskogo fashizma // Lokus: lyudi, obshchestvo, kul'tury, smysly. T. 12. № 4. M.: Moskovskii pedagogicheskii gosudarstvennyi universitet, 2021. S. 81-97.
6. Trykov V. D'Annuntsio // Zarubezhnye pisateli. Biobibliogr. Slov. V 2 ch. Ch. 1. A – L. M.: Prosveshchenie: Ucheb. Lit., 1997. S. 240-241.
7. Freid Z. Psikhologiya bessoznatel'nogo. SPb: Piter, 2010. 400 c.
8. Eliade M. Tainye obshchestva. Obryad initsiatsii i posvyashcheniya. M.; SPb.: Universitetskaya kniga, 1993. 356 c.
9. Alosco A. Il percorso socialista di Gabriele D'Annunzio tra storia e letteratura // Forum Italicum: A Journal of Italian Studies, 2020. pp. 377-390.
10. Guerri, G. B. D'Annunzio. La vita come opera d'arte. Milano: Mondadori, 2023. 321 p.
11. Longhi E.S. The Triumph of the Noble People: Gabriele D'Annunzio and Populism between literature and politics // Qualestoria. 2020. № 2. pp. 201–212. [Elektronnyi resurs]. URL: https://www.academia.edu/44799990/The_Triumph_of_the_Noble_People_Gabriele_D_Annunzio_and_Populism_between_literature_and_politics (data obrashcheniya: 04.12.2024).
12. Serra M. L'Imaginifico. Vita di Gabriele D'Annunzio / M. Serra. Vicenza: Neri Pozza Editore, 2019. 719 p.

Methods of word formation of cinematic vocabulary

Ilin Aleksandr Aleksandrovich

Postgraduate student, Department of Germanistics and Linguodidactics, Moscow City University

105064, Russia, Moscow, lane. Small State, 5, of. B

✉ sashailin98@yandex.ru

Shatilova Lyubov' Mikhailovna

Doctor of Philology

Professor; Department of German Studies and Linguodidactics; State Autonomous Educational Institution of Higher Education of the city of Moscow 'Moscow City University'

105064, Russia, Moscow, Maly Kazenny lane, 5, office B

✉ shatilova-79@mail.ru

Abstract. This article is devoted to the analysis of the ways of word formation of the cinematic vocabulary of the modern German language. The relevance of the research is determined by several factors: firstly, cinema is one of the most influential art forms in the modern world, occupying an important place in culture, forming national and global cultural norms, which leads to constant updating of the language, including the creation of new words and terms reflecting processes, phenomena and technologies related to Secondly, the German language, like other languages of the world, actively borrows lexical units from other

languages and creates new words, adapting them to grammatical and phonetic norms. The purpose of the study is to identify the specifics of the ways of word formation in the cinematic terminological system of the German language. To achieve the set research goal, a number of key tasks were identified and successfully completed: 1) the main ways of word formation of specialized vocabulary used in the field of cinema are analyzed; 2) general patterns of word formation of cinematic vocabulary are revealed; 3) the data obtained are systematized and the main trends and productive ways of word formation in the cinematic terminological system of the German language are determined. In this study, attention is paid to the classification of word formation methods proposed by S. V. Grinev-Grinevich. The researcher identifies four main ways of word formation: semantic, morphological, syntactic and morphological-syntactic, which have a significant impact on the formation of terms in various fields, including in cinema. The scientific novelty of the study lies in the fact that the analysis not only reveals the specificity and productivity of the corresponding methods of word formation, but also traces the dynamics of the development of film vocabulary in the German language. This is important for understanding how languages adapt to new realities and how terminology develops. The study revealed that in the process of word formation of the cinematic terminological system of the German language, preference is given to the semantic, morphological, morphological and syntactic method. They effectively contribute to the formation of a terminosphere that accurately reflects the evolutionary processes in the film industry. At the same time, the syntactic method, despite its more limited use, plays a key role in creating extensive structural expressions and specialized vocabulary, which provides film professionals with accurate tools to describe their technical and creative processes.

Keywords: cinematographic lexicon, film discourse, word formation, special vocabulary, terminology system, terminology, German language, linguistics, film industry, cinematography

References (transliterated)

1. Velmyradova D. G. Slovoobrazovatel'nye modeli sovremennogo nemetskogo yazyka / D. G. Velmyradova. // Molodoi uchenyi. – 2018. – № 23 (209). – S. 432–433.
2. Grinev-Grinevich S. V. Terminovedenie: ucheb. posobie dlya stud. vyssh. ucheb. zavedenii / S. V. Grinev-Grinevich – Moskva: «Akademiya», 2008. – 304 s.
3. Grinev-Grinevich S. V. Eshche raz k voprosu ob opredelenii termina / S. V. Grinev-Grinevich, E. A. Sorokina, M. A. Molchanova // Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika. – 2022. – T. 13, № 3. – S. 710–729.
4. Grinev-Grinevich S. V. Terminovedenie / S. V. Grinev-Grinevich, E.A. Sorokina; M.A. Molchanova; izd. 3-e, ispr. i dob. – Moskva: LENAND, 2023. – 500 s.
5. Guseva A. E. Leksikologiya nemetskogo yazyka: uchebnyk i praktikum dlya vuzov / A. E. Guseva, I. G. Ol'shanskii. – 2-e izd., pererab. i dop. – Moskva: Izdatel'stvo Yurait, 2024. – 428 s.
6. Denisova G. V. Iskusstvo kino i voprosy interpretatsii kinoteksta / G. V. Denisova, R. A. Matasov // Teoriya i istoriya iskusstva. – 2021. – № 1–2. – S. 246–255.
7. Doinikova M. I. Osnovnye tendentsii v izmenenii obshchego slovary nemetskogo yazyka / M. I. Doinikova // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. – 2022. – №2. – S. 464–468.
8. Evtikhova I. M. "Denglich" v sovremennom nemetskom yazyke / Evtikhova I. M., Lebedeva A. V // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Filologicheskie nauki. – 2016. – T. 2 (68), № 1. – S. 54–62.

9. Zherebilo T. V. Slovar' lingvisticheskikh terminov / T. V. Zherebilo; izd. 5-e, ispr. i dop. – Nazran': OOO «Pilgrim», 2010. – 486 s.
10. Kamagina I. V. Prostye ellipticheskie predlozheniya: struktura, semantika, stilistika (na materiale romana M. A. Sholokhova «Tikhii don») / I. V. Kamagina: dis. kand. filol. nauk: 10.02.01. – Kolomna, 2020. – 265 s.
11. Kosova M. V. Terminologizatsiya kak protsess pereosmysleniya russkoi obshchepotrebitel'noi leksiki / M. V. Kosova: avtoref. dis. d-r filol. nauk: 10.02.01. – Nizhnii Novgorod, 2004. – 52 s.
12. Prokof'eva V. Yu. Professional'naya leksika v sfere kino- i teleindustrii / V. Yu. Prokof'eva, M. A. Nazarov // Slavyanskii chteniya – 2022: sbornik materialov Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Sterlitamak, 24–25 maya 2022 goda. – Sterlitamak: Bashkirskii gosudarstvennyi universitet, Sterlitamaskii filial, 2022. – S. 39–43.
13. Sergeeva T. S. Abbreviatura v sisteme leksicheskikh sokrashchenii / T. S. Sergeeva // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. – Tambov: Izd-vo «Gramota», 2013. – № 6, ch. 2. – S. 174–179.
14. Shchelok T. I. Zaimstvovannaya leksika rubriki „Kino“ (na materiale statei nemetskoyazychnoi internet-versii zhurnala Spiegel) / T. I. Shchelok, D. P. Gostishcheva // Obshcheteoreticheskie i tipologicheskie problemy yazykoznaniya. Biisk: Altaiskii gosudarstvennyi gumanitarno-pedagogicheskii universitet imeni V. M. Shukshina, 2022. – S. 168–172.

Axiological Semantics of the Lexemes Interesting/Interestingly

Cui Wenrui

Postgraduate student; Department of Russian Language, General Linguistics and Speech Communication; Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin (UrFU)

Office 312, Lenin str., 51, Yekaterinburg, Sverdlovsk region, 620083, Russia

✉ 912172383@qq.com

Abstract. The article is written within the framework of communicative linguistics. The object of the study is the lexemes *interesny* (interesting) and *interesno* (interestingly). The subject of the study is the communicative meanings of these words in contemporary Russian speech. The research material is derived from the Russian National Corpus and modern mass media. The focus is on the peculiarities of the functioning of these lexemes in various contexts, as well as the connotative aspects of their meanings.

The aim of the study is to identify the specific evaluations expressed by the lexemes *interesny/interesno* in modern media. The author provides a detailed analysis of how the systemic linguistic meaning of the word, limited to denoting a fact or property, is enriched in actual speech through emotional, social, and cultural connotations. Particular attention is given to the subjective-modal characteristics that enable *interesny* and *interesno* to express both general and specific evaluations.

The words *interesny/interesno* in Russian are rich in subjective modality. In different contexts, they are capable of expressing both general evaluations and various types of specific evaluations. To express general evaluations, the lexeme *interesno* typically functions as a

predicative in the main clause of a complex sentence. For expressing specific evaluations, *interesno* operates as an adverb, a short-form adjective, or occupies a syncretic position as both a predicative and a modal word. When expressing specific evaluations, *interesny/interesno* generally convey a positive status. However, within the framework of ethical or normative evaluations, they can acquire negative connotations, such as irony or doubt.

Thus, in real communicative processes, the word *interesny* becomes more nuanced and multilayered, as it not only indicates the fact of arousing interest but also carries additional emotional overtones or evaluative nuances. This, in turn, enhances the reader's engagement with the message.

Keywords: subjective modality, semantics, communicative linguistics, the communicative meaning of the word, connotation, lexical meaning, general assessment, private assessment, the system-linguistic meaning of the word, estimation

References (transliterated)

1. MAS – Slovar' russkogo yazyka. V 4 tomakh. Tom 1. A – I / pod red. A. P. Evgen'evoi. 4-e izd., ster. Moskva: Rus. yaz.; Poligrafresursy, 1999. 702 s.
2. BAS – Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka. V 17 tomakh. Tom 5. I–K / pod red. V. I. Chernysheva. Moskva; Leningrad: Izd-vo AN SSSR, 1956. 969 s.
3. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. Tolkovy slovar' russkogo yazyka: 80 000 slov i frazeologicheskikh vyrazhenii. 4-e izd., dop. Moskva: Azbukovnik, 2000. 944 s.
4. Epishkin N.I. Istoricheskii slovar' gallitsizmov russkogo yazyka. Moskva: ETS, 2010. 514 s. URL: <https://gallicismes.academic.ru/16399/interesnyi> (data obrashcheniya: 01.12.2024).
5. Sternin I.A. Leksicheskoe znachenie slova v rechi. Voronezh: Izdatel'stvo Voronezhskogo universiteta, 1985. 170 s.
6. Martynov V.V. Kibernetika, semiotika, lingvistika. Minsk: Nauka i tekhnika, 1966. 147 s.
7. Apresyan Yu.D. Konnotatsii kak chast' pragmatiki slova (leksikograficheskii aspekt) // Izbrannye trudy. T. II. Integral'noe opisanie yazyka i sistemnaya leksikografiya. M.: Vostochnaya literatura, 1995. S. 156-177.
8. Teliya V.N. Konnotativnyi aspekt semantiki nominativnykh edinit. M.: Nauka, 1986. 141 s.
9. Mikhailova O.A. Ogranicheniya v leksicheskoi semantike: Semasiologicheskii i lingvokul'turologicheskii aspekty. Ekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, 1998. 239 s.
10. Arutyunova N.D. Tipy yazykovykh znachenii. Otsenka. Sobytie. Fakt. M.: Nauka, 1988. 338 s.
11. Arutyunova N.D. Yazyk i mir cheloveka. 2-e izd., ispr. M.: Yazyki russkoi kul'tury, 1999. 895 s.
12. Teoriya funktsional'noi grammatiki: Temporal'nost'. Modal'nost' / Pod obshch. red. A.V. Bondarko. – L.: Nauka, Leningr. otd-nie, 1990. 262 s.
13. Vol'f E.M. Funktsional'naya semantika otsenki. 2-e izd., dop. M.: Editorial URSS, 2002. 280 s.
14. Markelova T.V. Vzaimodeistvie otsenochnykh i modal'nykh znachenii v russkom yazyke

- // Filologicheskie nauki. 1996. № 1. S. 80–89.
15. Teliya V.N. O razlichii ratsional'noi i emotivnoi (emotsional'noi) otsenki // Funktsional'naya semantika: otsenka, ekspressivnost', modal'nost'. 1996. № 4. S. 31–38.
16. Arutyunova N.D. Aksiologiya v mekhanizmax zhizni i yazyka // Problemy strukturnoi lingvistiki 1982 / Otv. red. V.P. Grigor'ev. – M.: Nauka, 1984. S. 5–23.
17. Shishkina S.A. Lingvokul'turnaya i kognitivnaya renrezentatsiya kontsepta «interes» v russkom i angliiskom yazykakh: dis. ... kand. filol. nauk. Tyumen', 2007. 186 s.
18. Vinogradov V.V. Russkii yazyk. Grammaticheskoe uchenie o slove. M.: Vyssh. shk., 1986. 639 s.

Some accentological features of modern southern Russian dialects

Galinskaya Elena Arkad'evna

Doctor of Philology

Professor; Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University

119991, Russia, Moscow, Leninskie Gory str., 1, p. 51, 962

✉ eagalinsk@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the peculiarities of word stress in southern Russian dialects. The object of the study is dialectal texts recorded in the territory of the southern Russian dialects and representing all groups of dialects of this dialect association. As an introduction to the main part of the study an overview of the main principles of the Old Russian accentual system is given and the directions of its further development are briefly outlined. The essential attention is paid to the accentological behavior of nouns and verbs in modern Russian dialects.

The main conclusions of the study are as follows:

- 1) there are accentological features that distinguish the dialects of two southern Russian zones: the central and eastern ones;
 - 2) in the southern Russian dialects there are archaisms and innovations concerning feminine nouns that originally belonged to the accentual paradigm a;
 - 3) in one of the dialects of the Tula group of the southern Russian dialects, feminine nouns of the *-ā declension, belonging to different accentual paradigms, develop the same correlation in the place of stress of the nominative and accusative cases in the singular;
 - 4) masculine nouns with a monosyllabic base of all accentual paradigms have some differences in the southern Russian dialects from the modern Russian literary language;
 - 5) there are dialectal differences associated with the accentuation of the present tense forms of the verb to go and the simple future tense forms of the prefixal derivatives of this verb;
 - 6) there is a number of class IV verbs with an infinitive stem on suffixes -i- and -ě-, which, unlike the literary language, have not changed the accentual paradigm in the present.
- Thus, accentual archaisms and innovations in southern Russian dialects do not always coincide with accentual archaisms and innovations of the literary language.

Keywords: groups of dialects, southern Russian dialects, Russian dialectology, accentological innovations, accentological archaisms, accentual paradigm, Old Russian language, Proto-Slavic language, historical accentology, stress

References (transliterated)

1. Antonova A. N. Sintaksis chislovykh sochetanii po dannym letopisnykh i delovykh pamyatnikov kontsa XIV–XVII vv. Dis.... kand. filol. nauk. M.: MGU, 2024.
2. Bulakhovskii L. A. Istoricheskii kommentarii k russkomu literaturnomu yazyku. Kiev: Radian'ska shkola, 1958.
3. Galinskaya E. A. Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka. Fonetika. Morfologiya. M.: URSS, 2016.
4. Dialektologicheskii atlas russkogo yazyka. Tsentr Evropeiskoi chasti SSSR. Vypusk I: Fonetika / Pod red. R. I. Avanesova i S. V. Bromlei. M.: Nauka, 1986.
5. Dybo V. A. Aktsentologiya i slovoobrazovanie v slavyanskom // Slavyanskoe yazykoznanie. VI Mezhdunarodnyi s'ezd slavistov (Praga, avgust 1968). Doklady sovetskoi delegatsii. M., 1968. S. 148-224.
6. Dybo V. A. O rekonstruktsii udareniya v praslavyanskom glagole // Voprosy slavyanskogo yazykoznaniiya. Vyp. 6. M., 1962. S. 3-27.
7. Dybo V. A. Slavyanskaya aktsentologiya. Opyt rekonstruktsii sistemy paradigm v praslavyanskom. M.: Nauka, 1981.
8. Dybo V. A., Zamyatina G. I., Nikolaev S. L. Osnovy slavyanskoi aktsentologii. M.: Nauka, 1990.
9. Dybo V. A., Illich-Svitych V.M. K istorii slavyanskoi sistemy aktsentuatsionnykh paradigm // Slavyanskoe yazykoznanie. Doklady sovetskoi delegatsii. M.: Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1963. S. 70-87.
10. Zaliznyak A.A. Drevnerusskoe udarenie. Obshchie svedeniya i slovar'. M.: Izdatel'skii dom YaSK, 2019.
11. Zaliznyak A. A. Ot praslavyanskoi aktsentuatsii k russkoi. M.: Nauka, 1985.
12. Zaliznyak A. A. Trudy po aktsentologii. T. I. M.: Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2010.
13. Zaliznyak A. A. Funktsii fleksii imenitel'nogo padezha-a v russkom yazyke // Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii. 2018. № 1. S. 9-32.
14. Illich-Svitych V. M. Imennaya aktsentuatsiya v baltiiskom i slavyanskom. M.: Izdatel'stvo AN SSSR, 1963.
15. Kalenchuk M. L., Kasatkin L. L., Kasatkina R. F. Bol'shoi orfoepicheskii slovar' russkogo yazyka. Literaturnoe proiznoshenie i udarenie nachala XXI veka: norma i ee varianty. M.: AST-PRESS KNIGA, 2012.
16. Russkie narodnye govory. Zvuchashchaya khrestomatiya. Yuzhnorusskoe narechie. M.: Nauka, 1999.
17. Slovar' russkikh narodnykh govorov. Vyp. 7., L.: Nauka, 1972.
18. Garde P. Histoire de l'accentuation slave. T. 1. Paris: Institut d'études slaves, 1976.
19. Stang Chr. Slavonic accentuation. Oslo: Universitetsforlaget, 1957.

Snow White on the Border of Worlds: a Liminal Character in Venya Drkin's Fairy Tale

Paterikina Valentina Vasil'evna

Doctor of Philosophy

Professor; Department of Theory and History of Arts; Lugansk State Academy of Culture and Arts named after Mikhail Matusovsky

294214, Russia, Luhansk region, Alchevsk, Gmyri str., 41, sq. 28

✉ zelenlist@mail.ru

Ischenko Nina Sergeevna

PhD in Philosophy

Associate Professor; Department of Philosophy, History and Pedagogy; Lugansk State Agrarian University named after K. E. Voroshilov

291019, Russia, Lugansk region, Lugansk, Industrialny lane, 8

✉ niofterna@gmail.com

Abstract. The paper analyzes the neo-mythopoetics of the Donbass storyteller of the late twentieth century, Alexander Litvinov (Veni Drkin), who works in the post-bard style. Using a comparative methodology, the preservation and translation of folklore plots and images in postmodern culture is investigated using the example of fairy tale "About Snow White". It is shown that several cultural spaces are integrated in the text: archaic fairy-tale, rocker, modern to the author profane household, thieves and otherworldly. In a fairy-tale space, the personage acts according to the scheme of female and male initiation at the same time. Snow White lives in the village of Maksyutovka, a double of the real Masyutovka of the Kupyansky district of the Kharkiv region, and is in a liminal state between a girl and a woman, unable to make an initiatory transition, since the entire male generation of her possible suitors died in the war, leaving Snow White the eternal bride and the queen of the dead. In the forest there the personage meets with magical assistants and fights with a Dragon. The otherworldly nature of the heroine is emphasized with the help of an autoreference allowing to attribute her to cosmogonic characters of different mythologies who create the world out of themselves. Profane household space is represented by details of urban life (locksmiths, TV), thieves' space is represented by jargon and a quote from the cult late Soviet film "The Meeting Place cannot be Changed", and rocker space is represented by the use of the word flat to describe the scene. Thus, in a short unfinished tale by a Donbass storyteller, several cultural spaces are connected based on a folklore plot in the image of the liminal character Snow White.

Keywords: mythopoetics, postmodern, liminality, Alexander Litvinov, Venya Drkin, fairy tale, rock culture, folklore, initiation, culture translation

References (transliterated)

1. Gorbachev A. V., Zimin I. I. *Pesni v pustotu*. M.: AST, 2014. 445 s.
2. Venya D'rkin: *DrAntologiya*. M., 2023. 640 s.
3. Kempbell Dzh. *Tysyachelikii geroi*. M.: REFL-buk; Kiev: AST, 1997. 378 s.
4. Safronova L. V. Zhenskaya initsiatsiya v volshebnoi skazke / L. V. Safronova, N. I. Abu // *Molodoi uchenyi*. 2023. № 17 (464). S. 314-317. URL: <https://moluch.ru/archive/464/101967/> (data obrashcheniya: 04.02.2024).
5. *Venya D'rkin*. Interv'yu v Voronezhe (aprel' 1997 goda). URL: <https://my.mail.ru/mail/haritono/video/VenyaDrkin/96.html> (data obrashcheniya: 04.07.2024)
6. Grimm Ya. *Belosnezhka i sem' gnomov* : [per. s nem. : dlya detei ml. shk. vozrasta] / Brat'ya Grimm ; khudozh. Van Gul'. SPb. : A.V.K. Timoshka, 2003. 60 s. ISBN 5-324-00233-X (v per.)
7. Pushkin A. S. *Skazka o mertvoi tsarevne i o semi bogatyryakh* / Aleksandr Pushkin; khudozh. Evgenii Antonenkov. SPb. : Akvarel' : Komanda A, 2013. 48 s. ISBN 978-5-4453-0162-2

8. Pro Belosnezhku // Venya D'rkina: DrAntologiya. M., 2023. S. 393-394.
9. Shustov A. N. Kakaya chast' rechi tridevyat'? // Russkaya rech'. 1998. № 2. S. 120-127.
10. Ishchenko N.S. Psevdomorfozy sakral'nosti v znakovykh prostranstvakh sovremennosti : monografiya / N. S. Ishchenko. Lugansk : IP Orekhov D.A., 2024. 386 s.
11. Ryazanova S. V. Mifologiya Egipta kak traditsionnaya model' // Vestnik Permskogo universiteta. Seriya. Istoriya. 2007. Vypusk 3(8). S. 94-98.
12. Toporov V. N. Mif, Ritual. Simvol. Obraz: Issledovaniya v oblasti mifopoeticheskogo: Izbrannoe. M.: Izdatel'skaya gruppa «Progress» –«Kul'tura», 1995. 624 s.
13. Kozlov M. N. Antimir v yazycheskom predstavlenii vostochnykh slavyan // Prichernomor'e. Istoriya, politika, kul'tura. 2018. № 26. S. 118-126.
14. Propp V.Ya. Istoricheskie korni volshebnoi skazki / Vladimir Propp. SPb. : Azbuka, Azbuka-Attikus, 2021. 544 s.
15. Norlusenyan V. S. Funktsii inoyazychnykh slov v pop-i rok tekstakh // Russkaya rok-poeziya: tekst i kontekst. Tver', 2005. Vyp. 8. S. 172-179.
16. Simanovskaya N. N. Inoyazychnye zaimstvovaniya v pesnyakh Veni Drkina // Russkaya rok-poeziya: tekst i kontekst. 2013. № 14. S. 260-264.

Conversion as one of the ways to form grammatical homonymy in the Crimean Tatar language

Abliametova Susanna Marlenovna

Lecturer, Department of Crimean Tatar and Turkish Language Studies at Crimean University of Engineering and Teaching

8 Uchebny Lane, Simferopol, Republic of Crimea, 295000, Russia

✉ sudilim@ukr.net

Sattarova Zera Mambetovna

PhD in Philology

Associate professor, Department of Crimean Tatar and Turkish Linguistics, Crimean Engineering and Pedagogical University

✉ sattarova.zera@mail.ru

Abstract. The article uses the material of the modern Crimean Tatar language to consider grammatical homonyms formed as a result of substantiation, adjectivization, and adverbialization of the transition of independent words into service words, primary homonyms. In the Crimean Tatar language, there are grammatical homonyms formed by conversion. Conversion has one important problem – the definition of the original and derivative words in a pair of words formed by the conversion. The main pattern of homonymy of words in different parts of speech is that the transition of words from one part of speech to another is associated with the reduction of a paradigm or the separation of a word form this paradigm. When changing words into unchangeable words, the paradigm shortens and narrows. Homonyms referring to one or different parts of speech express different meanings in terms of their paradigmatic and syntagmatic aspects. When writing this paper, the descriptive method and the method of distributive analysis were used to study grammatical homonymy in the Crimean Tatar language. The analysis of the stated facts allows us to draw the following conclusions.

Consideration of grammatical homonyms in the modern Crimean Tatar language, including

substantiation, the transition of common names into proper names, adjectivation, adverbialization, the transition of semantic words into official ones, primary homonymy indicates the complex nature of the processes occurring during the formation of vocabulary and grammar of the modern Crimean Tatar language. Syntactic and morphological factors that resolve and formalize syntactic changes form grammatical homonyms. In this process, the unity of action of all sides of the language is manifested, their mutual connection and interdependence.

Grammatical homonymy is more abstract than lexical. If lexical homonyms are always represented by separate words – carriers of a certain real content, then grammatical homonymy can be expressed not only in the identity of whole word forms, as in all the examples given, but also in the identity of only grammatical formants, as well as in the identity of grammatical constructions or models.

Thus, the essence of grammatical homonymy is that they serve as homonyms only due to the coincidence of grammatical forms and are formed as a result of conversion.

Keywords: grammatical meaning, lexical meaning, Lexicology, adverbialization, adjectivization, substantiation, conversion, Crimean Tatar language, homonyms, word formation

References (transliterated)

1. Baskakov N. A. Karakalpakskii yazyk. II. Fonetika i morfologiya. M., 1952. 263 s.
2. Dmitriev N. K. Grammatika bashkirskogo yazyka. M.-L.: Izd-vo AN SSSR v Lgr., 1948. 180 s.
3. Zhluktenko Yu. A. Konversiya v sovremennom angliiskom yazyke // Voprosy yazykoznaniya. 1958. № 5. S. 59-64.
4. Shanskii N. M. Leksikologiya sovremennogo russkogo yazyka dlya pel in-tov. M.: Prosveshchenie, 1972. 316 s.
5. Allendorf K. A. Znachenie i izmenenie znachenii slov // Uchenye zapiski PMGPII im. M. Toreza. 1965. T. 32. S. 76-78.
6. Gochiyaeva S. A. Narechie v karachaevo-balkarskom yazyke; Cherkessk: Stavropol'skoe kn. izd-vo, 1973. 136 s.
7. Beglyarova S. A. Adverbializatsiya v sovremennom azerbaidzhanskom yazyke: Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.05: AN AzSSR, In-t yazykoznaniya im. Nasimi; Baku, 1979. 23 s.
8. Akhanov K. Kazakh tilindigi omonimder. Alma-Ata, 1958. 161 s.
9. Bekdzhanova R. Omonimy v kirgizskom yazyke: Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk; Frunze, 1967. 30 s.
10. Batmanov I. A. Sovremennyy kirgizskii yazyk. Frunze: Izd-vo AN SSSR, 1963. 166 s.
11. Melioranskii P. M. Pamyatniki v chest' Kyul'-Tegina. ZVORAO. 1899. T. 12. Vyp. 2-3. 132 s.
12. Sevortyan E. V. Affiksy glagolobrazovaniya v azerbaidzhanskom yazyke. Opyt sravnitel'nykh issledovaniy. M.: Izd-vo vost. lit., 1962. 643 s.
13. Oruzbaeva B. O. Slovoobrazovaniya a kirgizskom yazyke. Frunze: Ilim, 1964. 311 s.
14. Ramstedt G. I. Vvedenie v altaiskoe yazykoznanie. Morfologiya. M.: Izd-vo inostr. lit., 1957. 254 s.
15. Gronbeek K. Der turkischesprachbau. 1. Kopenhagen, 1936. 119 p.
16. Sydykov A. N. Natsional'no-kul'turnaya spetsifika leksiki kirgizskogo yazyka //

- Problemy sovremennoi nauki i obrazovaniya. 2016. № 3. S. 53-58.
17. Yuldashev A. A. Slovoobrazovaniya i spryazhenie glagolov v bashkirskom yazyke. M., 1958. 38 s.
 18. Kalbachonov A.M., Khashkhozheva Z.T. Osobennosti adverbializatsii razlichnykh chastei rechi v kabardino-cherkesskom yazyke // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2022. Tom 15. Vypusk 4. S. 1118-1122.
 19. Guzeev Zh.M. O slovoobrazovatel'noi sushchnosti konversii v tyurkskikh yazykakh (na materiale karachaevo-balkarskogo yazyka) // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2017. № 7. S. 85-87.
 20. Khachirova E.M. Konversiya i substantivatsiya leksicheskikh form glagola i imeni prilagatel'nogo v karachaevo-balkarskom yazyke // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2015. № 4. S. 135-141.

On the problem of nomination and synonymy of the term "glaucoma"

Kripak Anna Valentinovna

Postgraduate student of the Department of Russian Language and General Linguistics of the Buryat State University named after Dorji Banzarov

664003, Russia, Irkutsk region, Irkutsk, 4th Sovetskaya str., 102, sq. 46

✉ anna_kripak@mail.ru

Kharanutova Darima Shagdurovna

Doctor of Philology

Associate Professor of the Department of Russian Language and General Linguistics, Buryat State University named after Dorji Banzarov

670000, Russia, Republic of Buryatia, Ulan-Ude, Smolina str., 24a

✉ dkharanutova@mail.ru

Abstract. The ophthalmological terminological system is considered to be formed, but insufficiently studied from the point of view of synonymy. Often, the term acquires duplicate double or triple names — quasi-synonyms, which the authors consider professional jargon and "folk" terms.

The work represents the next stage of an earlier study, the subject of which is ophthalmological terminology. The purpose of the study is to explain the nature of the term via the formation of a nomenclature generally accepted term, to find possible quasi-synonyms for this term, explaining their presence or absence. The object of the study is the term "glaucoma". The author considers the structure of a triple row of duplicate names from the point of view of concept theory: the nomenclature name is in the center and is the conceptual core, in the nuclear zone — professionalism—jargonisms, folk terms are located on the periphery. The history of the term "glaucoma" is considered, an attempt is made to identify quasi-synonyms and establish the relationship between the name of the disease and the perception of the disease by patients, through an experiment. 93 patients with the diagnosis of "open-angle glaucoma" of the initial and advanced stages took part in the experiment. The patients were offered a questionnaire (12 questions, answers: "yes", "no", one additional question). The scientific novelty lies in the fact that due to the insufficient knowledge of the problem of nominating duplicate ophthalmological terms, an experiment was conducted that allowed us to determine the range of descriptors used by patients to

determine their condition. The detailed answers confirmed the scientists' guesses that the etymology of the term "glaucoma" may be related to the use of a descriptive (cloudy blue-green) in ancient times. In addition, the results of the experiment revealed that the term "glaucoma" has neither synonyms nor duplicate names, which was obviously influenced by the etymological factor, the euphony factor, as well as the identity factor. In the future, it is necessary to study the influence of various factors on the appearance of duplicate terms and their distribution into groups: nomenclature terms, professional jargonisms, "folk" terms.

Keywords: experiment, language doublets, quasi-synonyms, synonyms, folk terms, professionalism-jargon, nomenclature terms, medical terminology system, ophthalmological terminology system, etymology of the word

References (transliterated)

1. Zagidullina A. Sh. Evolyutsiya ponyatiya «Glaukoma» i klassifikatsii dannogo zabolovaniya // Meditsinskii vestnik Bashkortostana. 2016. T. 11, № 1(61). С. 163-166.
2. Baido E. N. Slovar' oftal'mologicheskikh terminov i ponyatii: bolee 700 slov. M.: OOO «Meditsinskoe informatsionnoe agentstvo», 2008. 96 s.
3. Lascaratos J., Marcetos S. History of Glaucoma and cataract // Greek journal of ophthalm. 1981. № 18 (4). P. 219-241.
4. Vavilova K. Yu. Obrazovanie oftal'mologicheskikh terminov v angliiskom yazyke // Filologicheskoe nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2019. T.12. № 12. S. 231-235.
5. Leichik V. M. Terminovedenie: predmet, metody, struktura. M.: URSS, 2006. 256 s.
6. Leichik V. M. Klassifikatsiya terminosistem // Terminologiya. 2008 № 15. S. 10-16.
7. Danilenko V. P. Russkaya terminologiya: opyt lingvisticheskogo opisaniya. M.: Nauka, 1977. 246 s.
8. Marinova E. V. Terminy "Sinonim" i "Variant slova" i ikh proizvodnye v spetsial'noi lingvisticheskoi literature // Voprosy terminologii: Mezhvuzovskii sbornik / Pod red. V. N. Nemchenko. Nizh. Novgorod: Izd-vo NNGU, 1993. S. 93-102.
9. Tolikina E. N. Nekotorye lingvisticheskie problemy izucheniya termina // Lingvisticheskie problemy nauchno-tekhnicheskoi terminologii. M.: Nauka, 1970. S. 53-67.
10. Vorona I. I. K voprosu terminologicheskoi sinonimii. Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. Tambov: Gramota, 2013. № 3 (21): v 2-kh ch. Ch. 2. S. 50-54.
11. El'tsova L. F. Meditsinskii sleng kak komponent yazyka meditsiny. Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. Tambov: Gramota, 2017. № 11 (77): v 3-kh ch. Ch. 2. С. 65-68.
12. Sinitsina A. O. Narodnye naimenovaniya patologicheskikh sostoyanii: etimologicheskii aspekt // Lingvistika i obrazovanie. 2022. Tom 2 № 3 (7). S. 54-64.
13. Kripak A.V. Kvazisinonimy oftal'mologicheskoi terminosistemy: k postanovke problemy // Filologiya: nauchnye issledovaniya. 2024. № 4. S. 21-29. DOI: 10.7256/2454-0749.2024.4.70418 EDN: DANMET URL: https://e-notabene.ru/fmag/article_70418.html
14. Tsatsos M., Broadway D. Controversies in the history of glaucoma: is it all a load of old Greek? // Br J Ophthalmol. 2007. № 91 (11). P. 1561-1562.
15. Leffler C. T., Schwartz S. G., Giliberti F. M., Young M. T., Bermudez D. What was Glaucoma Called Before the 20th Century? // Ophthalmol Eye Dis. 2015. № 7. P. 21-33.
16. Fronimopoulos J., Lascaratos J. The terms glaucoma and cataract in the ancient Greek

- and Byzantine writings // Documenta Ophthalmologica. 1991. № 77. P. 369-375.
17. Glaukoma: natsional'noe rukovodstvo / pod red. E.A. Egorova. M.: GEOTAR-Media, 2013. 824 s.